

IN MEMORIAM

Сборник памяти
А.И. Добкина

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM

IN MEMORIAM

Исторический сборник
памяти А.И.Добкина

ФЕНИКС–ATHENEUM
С.-Петербург–Париж
2000

ББК 63.3
УДК[947+957]
И-57

Составители В.Е.Аллой, Т.Б.Притыкина

И-57 **In memoriam:** Исторический сборник памяти А.И.Добкина.
СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. 696 с.

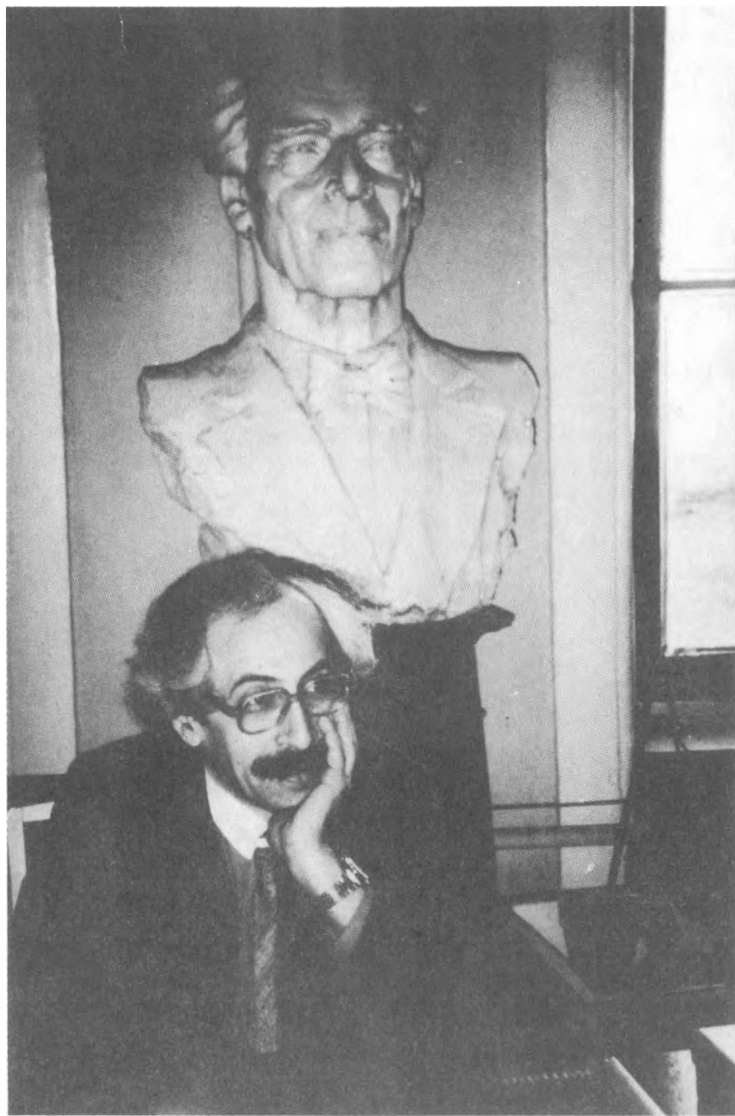
Среди материалов читатель найдет воспоминания о работе архивиста в 60-е годы; дневниковые записи о жизни московской и петербургской интеллигенции; исследования о юбилейных торжествах по поводу 200-летия Академии наук и о «деле» Вяч. Вс. Иванова в МГУ; переписку Троцкого, Луначарского, Гиппиус, Белого, Ходасевича, Пастернака, Чуковского, Набокова, Одоевцевой и др.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5 -901027-22-1

© Издательство «Феникс», 2000

*Александр Иосифович Добкин
16 августа 1950 – 18 августа 1998*

От составителей

В нынешнем августе ему исполнилось бы пятьдесят. Половину этого срока он отдал делу, ставшему его судьбой...

Из чего складывается биография? Если из анкетных данных, то они у Саши Добкина совсем непримечательны: учительская семья, школа, химический факультет, служба в различных научно-исследовательских институтах, после 87-го – редакционно-издательская деятельность. Если же считать биографией интенсивность внутреннего роста, – то, что Белый называл «становлением самосознающей души», – тогда жизнь Александра Иосифовича Добкина обретает иной масштаб, проливая свет на судьбу целого поколения, – тех, кого принято называть «поздними шестидесятниками» и считать «потерянными».

Потерянными для карьеры – безусловно. Но не для культуры, которая и стала их истинным домом – в искусстве ли, в литературе, наконец, в истории...

В те годы общегосударственного беспамятства история как бы покрывала все, сделавшись едва ли не главным источником обретения цельного взгляда на мир, насильственно разорванный, вычищенный, стерилизованный официальной идеологией. Это относилось к любым аспектам жизни страны – от политики до культуры, от науки до повседневного быта, от религии до языка, и уж конечно ко всему, связанному с репрессивной системой и ее жертвами. Неудивительно, что в таком безвоздушном пространстве поэты и прозаики делались составителями и комментаторами самиздатских собраний сочинений авторов, выброшенных из советской истории, актеры и режиссеры выискивали материалы о Михаиле Чехове, Игоре Терентьеве или передвижном театре Гайдебурова, художники – о русском авангарде. Что уж говорить про «технарей», для которых дни

обычно делились на две неравные части: восемь часов отдавалось заработку, и лишь потом начиналась «настоящая жизнь»...

Почему все эти химики, математики, биологи уходили в историю, по-своему решая расхожую формулу 1960-х о «физиках и лириках»? Даже сохраняя официальный статус учителей, инженеров, младших научных сотрудников, сторожей или операторов котельной – ведь надо жить и семью кормить надо, – душой, сердцем, умом отдавались странному поиску, не приносившему, казалось бы, ничего, кроме неприятностей. Протест, стихийная оппозиция режиму, отвратительному ханжеству официальной науки и серой повседневности, наконец, попытка эскапизма? Возможно, такие мотивы присутствовали, по крайней мере вначале, но отнюдь не исчерпывали проблемы. И не ими определялся в конечном счете выбор.

Неприятие официоза рождало не только протест, но и потребность узнать правду, докопаться до источников, скрытых за дверьми «спецхранов», отыскать если не документы, то хотя бы свидетелей, понять, как же все было. А еще – давало осмысленность жизненного пути, тесный дружеский круг, ощущение локтя и столь важное для тех лет сознание «общего дела».

Как оно делалось, это дело? На следующих страницах Вячеслав Петрович Нечаев рассказывает о трудных условиях работы архивистов в «оттепельные» времена. Понятно, что десятилетие спустя, в «застойные» годы, трудности лишь возросли, а система «допусков» еще более ужесточилась. Ко всему прочему стоит напомнить, что автор был штатным сотрудником крупнейшего литературного архива страны, подчиненного Министерству внутренних дел, сначала впрямую, затем через посредство Главного архивного управления. Что же говорить о людях, ведших поиск без государственного «мандата», без «официальной крышки», без помощи участковых милиционеров и служащих паспортных столов, при активном противодействии местных властей и карательных органов, исключительно на свой страх и риск, который почти неизбежно оборачивался неприятностями на работе или ее потерей, слежкой, обысками, а порой и лагерным сроком...

Но все это входило в «условия игры», а потому воспринималось легко и без надрыва, как неизбежный фон, к которому привыкает глаз и если замечает его, то лишь при резкой перемене освещенности... Вот как описывала атмосферу тех лет одна из участниц:

Страница обычной машинописи стоила 30 копеек.
Страница машинописи для сборника «П» (так мы называли «Память») – 40 копеек. Таким образом, страх оце-

нивался в 10 копеек. Поскольку страха не было ни в одном глазу, а тексты, как правило, шли очень интересные – работа представлялась чрезвычайно выгодной.

Работу приносили, чередуясь, двое, чем-то неуловимо похожие друг на друга, – Феликс и Саша. Кроме имен, по правилам, о них ничего знать не следовало, да и, честно говоря, мне всегда было интереснее придумывать, чем знать.

В назначенный день звонил телефон, я снимала трубку и, слушая, как на том конце провода автомат глатывает монетку, – загадывала, кто придет сегодня. Если голос будет высокий, почти женский, – значит, Феликс. Если на полтона ниже, но с бесконечными «а-а...» и «э-э...» – жди Сашу.

Спустя какое-то время голос материализовывался в эталонный образец советского интеллигента времен «застоя»: худощавая фигура, подбитая ветром курточка, очки, бесформенный портфель. Если в лице есть хоть какой-то цвет – значит, на улице мороз...

Вряд ли те, кто отправлялся в путешествие в семидесятые, догадывались, сколь долгим и захватывающим оно будет. Опыт, понимание, – словом, то, что принято называть зрелостью, – приходили в процессе работы. Вместе с делом росли и его участники. Каждая тема влекла за собой новую, всегда более объемную, разветвлялась на отдельные потоки, давая направление совершенно неожиданным поискам. Скажем, воспоминания А.В.Сафоновой подтолкнули «аргонавтов» к исследованию многообразной научной деятельности Колчака, а главы из мемуарной рукописи Н.П.Анциферова о кружке «Воскресение» привели к попытке восстановить картину до и пореволюционной духовной жизни Петербурга, а с другой стороны, – к изучению принципов краеведческой школы Гревса. Еще через десяток лет эти исследования и проводимые в связи с ними анциферовские конференции окажут немалое влияние на развитие краеведения в городе...

Они никогда не воспринимали себя частью «советской научной интеллигенции», не называли свои поиски «наукой». Но дело, которому они отдали жизнь, и результат его – десятки томов с разнообразными материалами по российской истории, ими выношенные и созданные, – уже прочно и без всяких официальных ярлыков вошли в культурный обиход, став фактом общественного сознания, общественной памяти. Хотелось бы верить – надолго...

Эта книга строилась как постскрипtum к «Минувшему» – основному занятию последних пятнадцати лет Сашиной жизни. Создать традиционный «сборник памяти» мы сочли неуместным.

Есть в книге и зияющая дыра: вместо предисловия составителей предполагался рассказ о деле, которому посвятили жизнь Александр Добкин и Феликс Перченко. Материал, увы, не появился: никто из тех, кто стоял рядом с ними у его истоков, – ни вместе, ни порознь – так и не взялся написать этот рассказ. Причины, разумеется, самые уважительные...

В предисловии к сборнику памяти Феликса Перченка Саша с горечью отметил, что «события октября 93-го развели многих». Дальнейшие, как видно, лишь формализовали «развод»...

И все же ситуация не полностью безнадежна. Под этой обложкой собрались авторы разных научных интересов, разной судьбы, разного возраста: старшие завершают седьмой десяток, младшие лишь разменивают четвертый. Объединяет их любовь к отечественной истории. Не исключено, что именно в последнем обстоятельстве – возрастном разбросе – и скрыта надежда: четверть века, отделяющая старших от младших, – граница поколения. А значит, эстафета, о которой, мечтал Саша, передалась сама собой, цепь не разорвана и все будет продолжаться. Возможно, эта непрерывность поиска и есть лучшее приношение его памяти...

ВОСПОМИНАНИЯ

В.П.Нечаев
В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

Это рассказ о литературной «разведке». О поисках биографических сведений о писателях, художниках, артистах, композиторах.

Время идет. Давно канула в прошлое эпоха, когда приходилось искать необходимые сведения в потемках, на ощупь. Теперь каждый год приносит новые и новые справочные издания, как библиографические, так и биографические. Появляется масса публикаций, книг, сборников, содержащих новые факты.

Мой рассказ – это попытка поведать, как и какими путями добывалась необходимая информация в «закрытое» время, сколько было исхожено дорог, пролистано изданий, просмотрено архивов иногда ради одного-единственного факта или дат рождения и смерти.

Приходилось ходить по адресам, настойчиво писать письма, звонить по телефонам, чтобы найти хотя бы незначительные сведения, извлечь по крупицам то, что было малоизвестно или вовсе не известно исследователям, а иногда за давностью быстротекущего жестокого времени прочно забыто.

Мой рассказ ни в коем случае не является научным или литературоведческим исследованием. Это и не методологическое пособие. Я излагаю лишь то, что видел и слышал. Здесь нет вымысла, только документы и свидетельства, которые говорят сами за себя. Это повествование о том, что и как приходилось предпринимать архивистам, публикаторам, исследователям при почти полном отсутствии биографических справочников, энциклопедий, при тотальном режиме строгой секретности.

Конец пятидесятых, начало шестидесятых. «Оттепель» с заморозками еще продолжалась. Именно в это время книги репрессированных писателей возвращались на полки. К некоторым архивам был открыт доступ. Но большинство источников продолжало томиться на полках спецхрана.

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) приступил к изданию выпусков своего «Путеводителя». По архивохранилищам страны выявлялись документы для многотомного труда «Советский театр. Документы и материалы». Научное руководство принадлежало Ленинградскому институту театра, музыки и кинематографии. Институт мировой литературы на базе ЦГАЛИ приступил к работе над сборником материалов «Из истории пролетарских литературных организаций», но замыслу так и не пришлось осуществиться: не все запреты на прошлое были сняты. Перечень подобных работ можно продолжать.

Ясно было, что надо комментировать, заполнять лакуны в биографиях тех или иных деятелей русской культуры и начинать фактически с нуля. Правда, только в фондах ЦГАЛИ хранились рукописи разных справочников: А.Ф.Фемелиди «Энциклопедия литературы и искусства», коллекция П.Я.Заволокина (автобиографии писателей), собрание анкет и автобиографий писателей «Кузницы», работников Пролеткульта, рукопись второго тома «Современные писатели» и т.д. Но все эти материалы давали сведения, самое позднее, на 1932 год. Дальше надо было искать самим.

РАСПРОСЫ

Казалось, самым легким и результативным должен стать путь опроса современников разыскиваемых лиц. Ибо только они могли ответить на вопросы и подсказать, с чего начинать поиск.

К примеру, надо было собрать сведения об Осипе Эмильевиче Мандельштаме. Решил сначала обратиться к Сергею Митрофановичу Городецкому. Договариваюсь о встрече. Отправляюсь к нему домой. Он жил в Историческом (бывшем Воскресенском) проезде в здании Денежного (Монетного) двора. В этом доме пробыл две недели в заключении по пути в Сибирь А.Н.Радищев.

Встречает меня высокий, седой, энергичный Городецкий. В комнате-палате рассматриваем рисунки, фотографии, рукописи. Какие-то материалы Сергей Митрофанович передает на хранение в

ЦГАЛИ. Это ему принадлежат строки шуточного стихотворения, которое начинается: «Темно и сиротливо / потомкам без архива».

С интересом слушаю его рассказ о знакомстве с Сергеем Есениным, о поэтах начала века и о многом другом. Наконец решаюсь и задаю вопрос: «Сергей Митрофанович, вы случайно не знаете, что стало с Мандельштамом?»

Получаю короткий ответ: «Он утонул на пароходе, на Дальнем Востоке. Кажется, в 1938 году...»

Ухожу с материалами для архива и с книгой стихотворений, на которой Сергей Митрофанович написал: «Славе Нечаеву, самому молодому сотруднику дорогого мне Литархива, от самого старого (?) его поставщика. 12/11/59. Сергей Городецкий»¹.

Ответ вроде бы получен, но откуда такие сведения? При чем здесь пароход?

Потом я много раз буду слышать рассказ о том, как на пароходе с заключенными начался пожар и пароход был затоплен... И до сих пор я так и не получил ответа: как родилась эта легенда и кто из известных деятелей культуры все-таки погиб тогда на пароходе. Так, постепенно, опрашивая всех, узнавала о месте и времени гибели мужа и Надежда Яковлевна Мандельштам. Но это теперь известно, и я не буду повторяться.

Еще один пример.

Необходимо было узнать о последних годах жизни известного ученого-филолога, специалиста по античности Фаддея Францевича Зелинского. Зелинский уехал в Польшу в 1921 году. Решаю, что, может быть, что-то подскажет мне музыковед и композитор Игорь Федорович Бэлза. Он председатель Советско-польского общества дружбы. Обращаюсь к нему.

Наш разговор почему-то начался с Гумилева. Игорь Федорович уверяет, что телеграмма Ленина об отмене расстрела поэта была, но Г.Зиновьев спрятал ее. При этом Бэлза ссылался на свидетельство Вышинского, который якобы заявлял, что этот случай, в частности, облегчил ему предъявление обвинения Зиновьеву как гонителю питерской интеллигенции.

«А не знаете ли что-нибудь о Зелинском?» – спрашиваю я.

«Гадеуш Зелинский?! – воскликнул Игорь Федорович. – Да это один из самых уважаемых людей Варшавы!»

Через некоторое время у меня на руках был официальный документ, подтверждавший дату смерти Зелинского – май 1944 года, Германия.

¹ Личный архив автора.

О том, что Федор Федорович Раскольников был невозвращенцем, объявлен «врагом народа» и лишен советского гражданства, в писательских кругах не говорили. В начале своего поиска я пошел по его последнему московскому адресу. Это была гостиница «Центральная», апартаменты, точно не помню, на втором или третьем этаже. От старшей работницы гостиницы я узнал, что в этом доме останавливались коминтерновцы, полпреды, разведчики. В дальнейшем узнаю, что Раскольников был отозван в Союз из Софии, где был полпредом. Он, как и разведчики Бармин и Кривицкий, решил скрыться и уехал во Францию. Это было летом 1938 года. Тогда он и написал известное письмо Сталину – «Как меня сделали врагом народа». Обо все этом в 1960 году я беседовал с писателем Николаем Александровичем Равичем, который знал Раскольникова еще по работе в Афганистане, с весны 1921 года.

Равич поведал мне о странной болезни Федора Федоровича: бывали случаи, когда у него внезапно на какое-то время отключалось сознание. От него я узнал, что Раскольников вместе с женой Музой Васильевной поселился в Ницце. В конце лета 1939 года они жили в гостинице курортного городка Грасс. Однажды Муза Васильевна, вернувшись с рынка, не обнаружила Федора Федоровича. Соседи говорили, что он пытался выброситься из окна, но какие-то мужчины (их было трое) спасли его. Через несколько дней Раскольникова нашли в больнице в тяжелом состоянии: у него было помимо воспаления легких и воспаление мозга. Недели через две он умер. Случилось это 12 сентября 1939 года. Раскольникову было 47 лет. Дата смерти зафиксирована в делах КГБ.

Естественно, весь этот рассказ я проверить не мог. Но летом 1964 года случай свел меня с Музой Васильевной Канивез-Раскольниковой. Меня познакомили с ней и дочерью Н.И. Бухарина на вечере в Центральном Доме литераторов. Именно тогда Муза Васильевна и пообещала, что будет еще вечер, посвященный и Николаю Ивановичу. Речь зашла о последних днях жизни ее мужа, но о странном его исчезновении и о троих мужчинах Муза Васильевна ни слова не сказала.

В этот свой приезд в Москву Раскольникова привезла сохранившийся у нее архив мужа. Меня срочно командировали в Союз писателей к Ильину (секретарю Союза) для составления описи и приема материалов на хранение в ЦГАЛИ. Книги Ф.Ф. Раскольникова были переданы в библиотеку Центрального Дома литераторов. Если любознательный читатель заглянет в книжку М.В. Раскольниковой «Тень быстротечной жизни» (М., 1991), то на странице 172 может увидеть эту опись. Но в ней отсутствуют две папки с

рукописью «Записки о Кремле». Дело в том, что когда я явился в кабинет Ильина, у стола сидел сын командарма И.Э.Якира – Петр Якир (которого я знал еще по институту) и что-то читал. Был момент, когда Ильин оставил нас на какое-то время, и Якир показал мне эту рукопись, которая представляла собой собрание отдельных очерков о Зиновьеве, Рыкове, Бухарине и др. От Якира я узнал, что Ильин собирается передать эту рукопись в ЦК. Мне оставалось лишь высказать сожаление, что данные записки, как и архив Раскольников, который он перед отъездом в Болгарию сдал директору Литературного музея В.Д.Бонч-Бруевичу, пропадет для историков и ученых. (Кстати, так пропали и два чемодана с архивом Бориса Пильняка, которые сам писатель привез в Литмузей.)

Еще один рассказ о «расспросах».

Необходимо было узнать годы жизни актера и режиссера Федора Ивановича Шмита.

Известный критик Павел Александрович Марков порекомендовал обратиться к знаменитой русской актрисе Елене Александровне Полевицкой, которая была замужем за Шмитом. Елена Александровна недавно вернулась из эмиграции и жила в доме №46 по Кутузовскому проспекту.

Предварительно договорившись по телефону, отправляюсь на Кутузовский. Поднимаюсь на второй этаж. На дверях медная табличка с фамилией владелицы квартиры. Надо сказать, что квартира Полевицкой необычна. Попадаете в прихожую, являющуюся продолжением коридора, который опоясывает комнату с трех сторон. Так что, войдя в комнату из прихожей, вы можете выйти во вторую дверь и снова попасть в коридор. Слева по стене тахта, справа у окна письменный стол и книжный шкаф, мягкие кресла, посередине чуть сдвинутый стол. На стене фотографии актера и режиссера, учителя Полевицкой – Андрея Павловича Петровского, Ивана Федоровича Шмита и самой Елены Александровны.

Начинается разговор. Елена Александровна много вспоминает, рассказывает о себе.

Когда Полевицкая получила роль Катерины в «Грозе», то, готовя ее, так глубоко пережила жизнь своей героини, что впала в депрессию. И однажды отправилась к обрыву, чтобы броситься с него в воду. Но в последний момент вспомнив, что самоубийство – грех, одумалась.

Режиссер Макс Рейнгардт, руководитель Немецкого театра, в котором работал Иван Федорович Шмит, неоднократно предлагал актрисе перейти к нему в театр. Полевицкая отказывалась, так как считала, что ее русские чувства, выраженные на немецком, будут

звучать сухо, неубедительно. (При этом следует заметить, что Полевицкая в совершенстве владела немецким языком.) На русском же она могла только одним голосом, интонациями передать всю гамму переживаний, сложных человеческих чувств.

Елена Александровна показала мне книгу о М. Рейнгардте на немецком языке. В ней ее рукой были отмечены спектакли, в которых принимали участие русские. Теперь эта книга хранится в Центральной научной библиотеке СТД РФ².

Полевицкая рассказывала и о Дузе, о том, как она отказалась от заманчивого предложения Немировича-Данченко поступить в труппу Художественного театра...

В конце концов получаю и ответ на свой вопрос: Иван Федорович Шмит умер 29 ноября 1939 года в Риге. (Теперь его останки, по завещанию Е. А. Полевицкой, покоятся на Введенском кладбище, где похоронена и актриса.)

Так, фактически вслепую, через друзей и знакомых, идя от одного к другому, в результате расспросов выходил на искомый результат.

Однако метод расспросов по цепочке заключал в себе слишком много случайного. Тогда я решил писать по последнему адресу разыскиваемого лица.

ПИСЬМА

Сейчас, пожалуй, трудно себе представить, что по немосковским адресам тридцатых годов, т.е. спустя четверть века, все-таки посылались письма. Вроде бы война, репрессии, время, наконец, должны были уничтожить все следы. И все же... списав со старого конверта адрес, мы рассылали свои запросы по стране: в Ленинград, Ульяновск, Таганрог, Днепропетровск...

В основном письма печатались на бланке учреждения. В данном случае – Центрального государственного архива литературы и искусства. Адресованы они были жильцам квартиры, в которой жил разыскиваемый человек. При этом указывалось, что в таком-то году по этому адресу жил такой-то, скажем, писатель. Заканчивалось письмо вопросом: «Что вам известно о его судьбе?».

Часть писем возвращалась непрочитанной, но другая часть приносила необходимые сведения. Люди отвечали и при этом сообщали

² Н. von Franz Horch. Die Spielpläne Max Reinhardts. 1905–1930. München, 1930. (Инв. №211031).

такие подробности, которые не найдешь ни в каких справочниках. Приведу лишь несколько таких ответов.

Жила в Царском Селе, а затем в Ленинграде поэтесса и переводчица Вера Евгеньевна Аренс, в замужестве Гаккель. В ее стихах заметно влияние акмеистов. Ее творчество привлекло внимание и Н.Гумилева, и А.Блока, и М.Горького.

Послали письмо, и вдруг – ответ... от самой Веры Евгеньевны:

Сообщаю, что мое местожительство по-прежнему Ленинград, Серпуховская, 48, кв.11.

Родилась на Украине в 1890 году.

Все время проживала в Петербурге, Петрограде, а теперь в Ленинграде, не считая разных поездок.

Море, горы и вообще природа дали мне много материала для творчества.

Владею языками – французским и немецким, также знаю английский. С подстрочниками работала над переводами с финского, украинского, грузинского. Напечатаны в сборнике издательства «Парус» перев<ежденные> стихи с финского, а с грузинского в сборнике «Груз<инские> романтики» в 1936 г. в издат<ельстве> «Советский писатель», и позже перепечатывался весь сборник.

С детства писала стихи и переводить стала рано. Первый перевод мой: сказки с немецкого, напечатан в журнале «Игрушечка» в 1911 году. В литературной и художественной работе самыми замечательными моими переживаниями отличались годы 1919–1921 в издат<ельстве> «Всемирная литература» и 1933–1938 в Эрмитаже, когда работала там в отделе гравюр. Во «Всемирной литературе», возглавляемой М.Горьким, я встречалась и с другими известными литераторами и переводчиками. Переводила под редакцией А.Блока ряд стихотворений Генриха Гейне. Александр Александрович очень любил его и носил с собой книжечку его стихов в красном переплете. Он подарил мне «Третью книгу» своих стихов с надписью «Вере Аренс Александр Блок» и строки из переводимого мной стихотворения

«Nacht lag auf meinem Augen,

Blei lag auf meinem Mund,

Mit...»

<«Глаза мне ночь сомкнула,

Рот придавил свинец...» – перев. В.Аренс. – В.Н.>

Книга эта у меня не сохранилась. Еще раньше, в 1916–1917 годы, я сотрудничала в журнале «Летопись» под редакцией А.М.Горького. Там я встречалась с В.Маяковским.

Пробыла блокаду в Ленинграде, где в 1942 году умер мой муж Владимир Андреевич Гаккель, юрист по образованию.

Печатались мои переводы и стихи сначала за подписью Вера Аренс и В.Аренс. Например, Гейне в издательстве «Academia» в 1931 г. и в позднейших моих перепечатках в 1948–1952 гг. Переводы в одномомнике «Избранное» Мопассана 36–38 гг., Вайян-Кутюрье, стихи и проза в одномомнике Фрейлиграта. За подписью Гаккель-Аренс в одномомнике «Избранное» Д.Дидро 1951 г., затем одномомник «Избранных произведений» Лессинга, Госиздательства художественной литературы, Москва, 1953 г.; в «Памфлетах» Поль Луи Курье «Господам членам префектуры города Тур» и др.

Кроме летних месяцев, после окончания войны все время продолжаю жить в той же квартире.

Сейчас я на пенсии.

14 сентября 1958 г.

В.Гаккель-Аренс³.

К этому остается добавить, что через три года – 3 июня 1962 года – В.Е.Гаккель-Аренс умерла в Ленинграде.

Но этот случай, когда ищешь биографические сведения, а находишь самого человека, исключительный. Хорошо уже, если откликаются люди, знавшие его.

...Жил в Петербурге поэт, прозаик и драматург Владимир Александрович Мазуркевич. В 1895 году под псевдонимом В.Краснов он вместе с поэтами С.А.Патараки и М.В.Шевляковым издал сборник «Кровь растерзанного сердца. Тревожные песни трех первых декадентов». Мазуркевич был близок с поэтом Аполлоном Коринфским, входил в кружок К.К.Случевского. Он автор известного романса «Письмо» («Дышала ночь восторгом сладострастья...»). Его пьесы и драматические сцены шли в Суворинском, Троицком театрах и в других. В двадцатые годы печатался в журналах «Бегемот», «Суд идет» и др. Вот, пожалуй, и все сведения, которыми я располагал. Послал письмо, спустя какое-то время приходит ответ.

³ РГАЛИ. Дело фонда 1216. Л.14-15.

Писала бывшая соседка писателя по коммунальной квартире, единственная из нынешних ее жильцов знавшая Мазуркевича. Эта, очевидно, старая полуграмотная женщина сообщала:

Уважаемые товарищи!

Осталась в квартире 52 Мария Ивановна одна доверенная. Сейчас все новое, все. А Владимир Александрович умер с голоду в начале 42 года, и похоронили в общую. Неизвестно где, так как в то время выбрасывали во двор, а потом собирали на машину и увозили. Жена умерла как три года. Жила она: Невский дом, 109, кв<артиры> не знаю. Вот, что смогу описать.

Август 1958 г.

М.И.Тимофеева⁴.

Вот такое бесхитрое, человеческое письмо. А вскоре была получена и справка из домоуправления о том, что В.А.Мазуркевич умер 19 февраля 1942 года.

К сведению архивистов и литературоведов. Можно сделать предположение, что какие-то рукописи неопубликованных произведений, в частности, книга очерков «В старом Петербурге», хранились у его жены. Видимо, надо продолжить поиск. Но это уже другой разговор.

И снова Ленинград. Жила там супружеская пара Соколовских. Историк и литературовед Михаил Константинович Соколовский и его жена – известная исследовательница русского масонства, автор ряда работ, в том числе книги «Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII – первой четверти XIX столетия» (СПб., 1908), – Тира Оттовна Соколовская. В 1922 году в память о столетии запрета масонства в России был поставлен и разыгран спектакль («Заседание масонской ложи») с участием супружеской пары Соколовских. Но что стало с ними? Когда они умерли? Где?

Наше письмо-запрос летит в Ленинград. Пришел ответ с описанием последних дней жизни Михаила Константиновича и Тире Оттовны, доставивший нам много горечи. Привожу письмо полностью:

К вам обращается одна из соседей Соколовских. Я не смогу Вам написать со всеми подробностями и датами, так как в молодости не обращали внимания ни на время,

⁴ РГАЛИ. Дело фонда 1736. Л.8.

ни на взрослых, но если вы пожелаете узнать хотя бы приблизительно даты, придется подождать до сентября, когда приедет моя мама, так как она дружила с Тирой Оттовной.

Коротко о них и их жизни.

Сама жизнь у них была не из блестящих. Из-за нужды они поменяли свою квартиру на одну комнату в нашей квартире. <Наверное, тогда они и продали часть своего архива в Литературный музей. – В.Н.>. Михаил Константинович последние годы плохо видел и почти не слышал. Само собой разумеется, оба старые, больные, не могли работать и поэтому, не имея доходов, они очень нуждались материально. Чтоб не умереть с голода, они давали уроки студентам и школьникам по литературе, истории, математике и иностранному языку. Они были очень дружны, тихие и умные люди, но... как водится в больших квартирах, их обижали – «в семье – не без урода».

Есть у нас один семейный сосед, вор-симулянт и хулиган-пьяница. Он всем делал одно зло. До войны стащил у Михаила Константиновича зимнее пальто, из-за чего тот всю зиму просидел дома. В начале войны умер Михаил Константинович Соколовский. (Да, может, это вас и не интересует.) Питались они скромно, зато чесноку употребляли много. В комнате роскоши не было, зато очень много было книг, и сами они очень много писали. Мне казалось, что Михаил Константинович и не спал, так как всегда сидел с пером у стола. Где сейчас находятся их драгоценные книги и рукописи, я не знаю, так как после смерти Тиры Оттовны наша паспортистка 41–42 года, не помню ее имя, все куда-то унесла, даже маскарадные костюмы Тире Оттовны куда-то убрала. В 1941–42 гг. Тира Оттовна пережила вместе с нами блокаду, в голод она упала на улице и ее отправили в больницу – дистрофия, и там она умерла. Но перед больницей, вернее, перед ее кончиной, ее чуть не опозорили. И все этот же сосед Клищевич М.И. Он пошел в милицию и заявил, что она в окно пускала свет, т.е. якобы ракетчица. В милицию вызывали мою сестру, маму и, конечно, убедились, что это ложь; ее не трогали. Жаль, что такие умные люди, которые делали только хорошее и доброе дело для людей, были безо всякой помощи к существованию, столь трудиться и не обеспечить свою старость. Никто не побеспокоился их эвакуировать, сохранить их труды. Да, у них в Ленинграде жил племянник (не

знаю, вернее, не помню его имени). Он приходил при жизни их, и после войны. Это мама уточнит. Вот и все, что я знаю о них. Правда, это вас может и не устроит, но ничем больше помочь я не могу.

10 июля 1958 г.

А.К.Ищенко⁵.

Затем из домоуправления была прислана справка, в которой сообщалось, что М.К.Соколовский, 1867 года рождения, умер 20 августа 1941 года, а Т.О.Соколовская, 1888 года рождения, умерла 4 марта 1942 года.

Надо признать, что соседи – великолепный источник информации. Иногда ответы от них получали совсем неожиданные. Обратимся к документу, чтобы стало яснее:

На Ваше письмо от 8 мая 1958 года №16/5/371 сообщаем: в квартире №20 по Октябрьскому переулку №6 Ханнин Михаил Борисович с 1939 года действительно проживал. Но откуда Вы взяли, что он писатель-революционер? Ханнин в прошлом по политическим убеждениям являлся анархистом-синдикалистом. Из этого видно, что за революционер! В период октября 1917 не принимал активного участия в завоевании Советской власти. До настоящего времени является беспартийным. В данное время – пенсионер.

Среди большого круга бывших политкаторжан и старых коммунистов считается как литературный плагиат. Примером плагиатства служат его воспоминания о Ленине в журнале «Советская Украина» №4 за 1956 год под заголовком «1905 год в Женеве», где он использовал воспоминания старых коммунистов, соратников Ленина. Их воспоминания перефразировал и выдал за свои и подписался член партии с 1904 г., когда в партии никогда не был. За эту его подлость, что завела в заблуждение редакцию журнала «Советская Украина», редактору и зав. отделом вынесено партийное взыскание за близорукость.

С материалами о Ханине М.Б. можно познакомиться в Историческом музее г. Днепропетровска. Музей может дать об этом проходе справку и характеристику. Можете также запросить о Ханине отдел пропаганды и агитации

⁵ РГАЛИ. Дело фонда 442. Л.95-96.

Днепропетровского Обкома КП Украины. Многие бывшие политкаторжане и старые большевики могут также дать вам характеристику о Ханине Б.М., как-то: Линева С.П., Верченко И.В., Прохоров М.Г., Рухман М.Д. и другие.

24 мая 1958 г. Жильцы кв. 20 по Октябрьскому переулку № 6⁶.

Интересно заметить, что мемуары Ханина были впервые опубликованы Институтом марксизма-ленинизма в сборнике воспоминаний «О В.И.Ленине», выпущенном Госполитиздатом в 1953 году.

Подробнее методику розыска «по письму» можно проследить на одном из примеров.

В начале двадцатого века очень популярной была поэтесса-переводчица Галина (псевдоним). Глафира Адольфовна Эйнерлинг, урожденная Мышина, родилась в 1870 году. Ее стихи вместе с «Буревестником» М.Горького читались на студенческих сходках. На стихи Галиной писали романсы С.В.Рахманинов, Р.М.Глиэр и др. Ее известное стихотворение «Лес рубят» возникло в связи с разгоном студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 года. Тогда стихи распространялись в списках, а в наше время произведения Галиной включаются в антологии революционной поэзии. В биографических справках о поэтессе указывалась только дата ее рождения, перечислялись журналы, в которых она сотрудничала до революции, и отмечалось, что за сочувствие к студенческому движению Галина была выслана из Петербурга.

Что было с ней дальше, печаталась ли она после высылки – оставалось невыясненным.

В справочнике «Литературно-художественные альманахи и сборники» есть два упоминания о ней: ее стихи печатались и после Октября. Скорее всего, она была еще жива в это время. Обращаюсь к материалам ЦГАЛИ. Есть упоминание о ней в письме А.Б.Дермана к А.Г.Горнфельду за май 1933 года. Беру это письмо, но, оказывается, Дерман в связи с подготовкой писем Чехова сам спрашивает о судьбе Эйнерлинг. Правда, имеются еще упоминания о Галиной в неопубликованных воспоминаниях М.И.Брусяниной (жены писателя и журналиста В.В.Брусянина), где есть такие страницы:

Галина была невысокая полная брюнетка, немного косила, но это не мешало ей иметь много романов. Она

⁶ РГАЛИ. Дело фонда 2131. Л.5.

была недурна, но ее миловидность носила чувственный характер. Одна дама, писательница, увидев у меня впервые Галину, была очень разочарована; по характеру ее стихов – мечтательных и целомудренных – она ожидала увидеть хрупкую блондинку и была разочарована, увидев полную чувственную брюнетку с короткими падающими волосами, без всякой прически, которая поддерживалась гребенкой, и чуть косыми глазами. По числу романов ее шутя называли русской Жорж Санд, но героями ее романов были почему-то люди из духовного звания и даже расстриженные священники. У нас она познакомилась с писателем С.Ив.Гусевым-Оренбургским, женой которого она была последнее время. Разойдясь с ним, она уже жила потом одиноко со своими тремя детьми от трех мужей. Была у нее дача в Сестрорецке, подаренная одним из ее поклонников, и дом в Новой Деревне, купленный для нее последним мужем С.И.Гусевым-Оренбургским. Жила она сначала в Сестрорецке, а потом безвыездно в Новой Деревне.

И еще один отрывок из этих воспоминаний:

Помню, как-то раз муж был на вечеринке у Галиной без меня. Был там и Демьян Бедный. Когда Галина налила вина или водку в рюмку Демьяна Бедного, на поверхности вдруг всплыл клоп. Демьян, конечно, не решился пить из этой рюмки. Галина попробовала обратить все в шутку – «Такой большой Демьян и не может справиться с таким маленьким клопом»⁷.

Казалось, из этих будто бы ничего не значащих кусков воспоминаний нельзя ничего извлечь. Однако мы получили сведения о примерном окружении поэтессы, о ее детях и о даче в Сестрорецке. Составляем список знакомых Галиной. Это – Д.Бедный, С.Гусев-Оренбургский, возможно, И.Бунин, Н.Телешов, И.Белоусов и другие. Просматриваю одну за другой описи. Все меньше и меньше надежды на удачу. Беру, наконец, опись архива И.А.Белоусова... и вижу письма Галиной за 1908–1927 годы. Вот, что пишет она в одном из писем (от 4 июня 1927 года):

⁷ РГАЛИ. Ф.42. Оп.3. Д.42. Л.77-79.

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Мне было приятно получить Ваше письмо и вспомнить, что я все еще «Галина»... А то по временам я об этом забываю в тисках жизни... Да, дорогой собрат, я сейчас «безработная писательница», хотя могу работать, как раньше, но... печататься мне негде... увы! Я слишком «художественно» пишу по настоящему времени, как мне доложили в «Радуге». <...>

А от Сергея Ивановича <речь идет о Гусеве-Оренбургском. – В.Н.> никаких известий. В 20-м году получила от него поклон из Сибири (говорили, он направился в Америку) и с тех пор ничего. Если жив, да будет ему стыдно.

Сын у него вырастает чудесный. Если что-нибудь о нем узнаете, пожалуйста, сообщите мне⁸.

В письме шла речь о сыне, которого звали Иваном, шестнадцати лет, работает в «Радуге» художником. К письму был приложен конверт с обратным адресом.

Можно предположить, что живы ее дети. Через справочное бюро Ленинграда узнаю адреса Эйнерлингов, живущих в Ленинграде. Сообщают адреса двух женщин, одна из которых проживает в поселке Лисий Нос. И это спустя тридцать три года! Обращаюсь к ним с письмами. Ответа нет. Решил обратиться к участковому милиционеру.

Получаю ответ:

На Ваш №234-21 от 4 марта 1963 г. сообщаем, что через бюро ЗАГС Сестрорецкого района г. Ленинграда установлено, что гр-ка Эйнерлинг Г.А., 1869 г. рождения, проживавшая ранее поселок Лисий Нос, Глухаринная ул., д. 42, умерла 9 марта 1942 г. В настоящее время в поселке Лисий Нос, Лосиная ул., д. 16 проживает дочь умершей, гр-ка Эйнерлинг Наталья Александровна, 1894 г. рождения, которая подтвердила смерть матери и пояснила, что архив матери не сохранился. В случае надобности Вы можете обратиться непосредственно к Наталье Александровне.

Зам. начальника 48 о/м Сестрорецкого Райисполкома г. Ленинграда⁹.

⁸ РГАЛИ. Ф.66. Оп.1. Д.569. Л.3-4.

⁹ РГАЛИ. Дело фонда 1056. Л.13.

Другой пример. Поиски биографических сведений о писателе, публицисте Николае Николаевиче Ильине (рожд. 1886), уроженце Симбирска. Ильин начал писать еще в 1904 году. Издавал в Симбирске в 1910–1911 гг. газету «Жизнь» с подзаголовком: «Литературная газета. Интимные беседы. Газета самостоятельного народного творчества». В.В.Розанов обратил внимание на эту газету и заметил: «Даже нельзя понять, что читаешь, а только видишь, что писал хороший русский человек... Вдруг он мне сделался необыкновенно мил». Ильин отрицал традиционную литературу, говоря о преимуществе живого документа перед искусством. В 1920-е–1930-е годы печатался в журналах «Прожектор», «Красная нива», в ульяновской газете «Пролетарский путь».

В августе 1958 года запросили у соседей Ильина (по последнему его адресу) сведения о его судьбе. Ответа никакого. Но через полгода, в марте 1960, вдруг приходит письмо от некоего Ф.Т.Тимофеева из Ульяновска, который, по его словам, хорошо знал покойного Н.Н.Ильина. Прежде чем дать подробный ответ, он спрашивал, нужны ли эти сведения. Одновременно сообщал, что Ильин бедствовал и в последнее время был тяжело болен. За несколько месяцев до смерти в местной печати Ульяновска началась травля старого писателя¹⁰.

Сообщили, что нужны все сведения, которыми располагает автор письма. И опять никакого ответа. Решили послать запрос начальнику управления милиции Ульяновской области. Ответ пришел полный и исчерпывающий, даже с приложением справки Ульяновской областной больницы, в которой точно указана дата смерти Н.Н.Ильина – 11 июля 1944 года. Таким образом, поиск продолжался с августа 1958 по февраль 1963 – в течение пяти лет! Затем приехал и автор письма. Он привез с собой некоторые материалы из архива Ильина, которые ЦГАЛИ и приобрел у него.

С большими трудностями удалось получить сведения об историке, краеведе, соученике А.П.Чехова по таганрогской гимназии, авторе книг по истории Таганрога, одном из адресатов Чехова – Павле Петровиче Филевском (рожд. 1857).

И в этом случае помогла милиция. После того, как послали запрос на прежний адрес Филевского, получили ответ от одной из его учениц, Ольги Федоровны Орешко, по словам которой, Филевский умер в ее семье¹¹. Но никаких фактических сведений о Павле Петровиче она не сообщала. Неоднократно обращались с письмами и

¹⁰ РГАЛИ. Дело фонда 1842. Л.20.

¹¹ РГАЛИ. Дело фонда 1728. Л.10, 14-21.

к ней, и в краеведческий музей – никакого ответа. Ясно было, что женщина чего-то боится. Приход участкового успокоил ее и побудил сообщить нужные сведения. Она потом приезжала в Москву и призналась, что боялась сообщить какие-либо сведения, т.к. не понимала наших настойчивых просьб: они пугали ее потому, что Филевский в 1937 году был репрессирован и находился в ссылке в Запорожье. Умер Филевский 2 февраля 1952 года.

ЛИЧНЫЕ ВИЗИТЫ

Для Москвы и Ленинграда это было дело простое. Самое главное, в начале поиска иметь адрес. Тогда, в конце 50-х и начале 60-х годов, адрес конца двадцатых или середины тридцатых был отправной точкой. Адрес есть, надо идти по нему и начинать расспросы.

Личные визиты... Лучше их наносить по вечерам, когда больше шансов застать дома почти всех жильцов. Приходишь в квартиру, представляешься и начинаешь разговор с того, что такой-то человек жил тогда-то в этой квартире. Спрашиваешь, что стало с ним? Чаще всего сталкиваешься с родственниками разыскиваемого. Иногда (редко) даже с ним самим. Но бывало, о них уже никто ничего не может сказать... Во время таких визитов по адресам устанавливаешь годы жизни нужного тебе человека, его родственные связи, а затем, найдя родственников, продолжаешь расспросы или ищешь какие-нибудь сведения, роюсь в домовых книгах.

Бывали и курьезы во время таких личных визитов. Так однажды едва не попал на день рожденья филолога, профессора Московского университета Сергея Ивановича Соболевского, придя к нему буквально накануне юбилея. В 1959 году я не мог предположить, что Сергей Иванович жив (он родился в 1864 году). Умер он в 1963-м, не дожив года до своего столетнего юбилея.

Вот биографические сведения о литераторах, полученные во время личных визитов у их родственников.

Алексеев Сергей Николаевич (16 марта 1870 – 3 августа 1938) – журналист, врач. Автор воспоминаний о Чехове. Учился на медицинском факультете Московского университета. В 1897–1902 гг. работал в газете «Курьер». Под псевдонимом Алмазов опубликовал домашний лечебник «Полная народная школа сохранения здоровья» в издательстве Бриллиантова. Известна и другая его работа: «Словотолкователь иностранных слов». В 1907 году за статью, опубликованную в газете «Столичная молва», подвергся тюремному за-

ключению. После 1917 года работал и в Наркомпросе, и в Наркомздраве, а также – одно время в газете «Театр», в библиографическом отделе «Известий». Был редактором «Охотничьего вестника». Все эти сведения записаны со слов вдовы¹².

О редакторе газеты «Копейка», первом издателя произведений А.С.Серафимовича – Звонареве Борисе Никитиче (1878–1934) данные предоставила его дочь – художница Татьяна Борисовна Звонарева.

Порой в поисках сведений приходилось обращаться то к одному, то к другому родственнику. Так, например, с Самарского переулка отправляешься на Бережковскую набережную, затем – на Мичуринский проспект. Находишь дом современной стандартной постройки, с низкими потолками. И, войдя, от неожиданности столбенеешь... На стене потрет Эмиля Верхарна с автографом поэта, а вдоль другой стены обосновался резной буфет ручной работы, выполненный по эскизам Константина Коровина. Глаз не оторвать. Где он теперь? А всего-то надо получить сведения о Тройнове Викторе Петровиче (1876–1949), авторе воспоминаний о Л.Н.Андрееве и А.П.Чехове. По образованию инженер-экономист. До 1917 года работал в управлении Саввы Морозова. Был женат на сестре Леонида Андреева – Зинаиде Николаевне.

Еще один пример. Поиск биографических сведений о поэте, критике, члене Суриковского кружка писателей из народа Петре Александровиче Травине (рожд. 1877) привел к фонду Литературного музея. Узнал, что печатался Травин в таких газетах, как «Доля бедняка», «Мужицкая правда», «Красное слово». Сам издавал журналы «Простая жизнь», «Новая вежа» и др. Организовывал кружки писателей из народа. Свои рашники и стихи подписывал псевдонимом «Дед Травовед». Выудил его последний адрес, относящийся к 1932 году – Живарев переулок, дом 10, квартира 7. На звонок вышла старая женщина. На вопрос о Травине резко ответила, что ничего о нем не знает и родственники его здесь не живут. На шум разговора вышла еще одна женщина, уже средних лет, которая оказалась сестрой жены Травина. От нее узнал, что шестидесятилетний Петр Александрович был арестован в 1937 году по клеветническому доносу (к которому, как родственники потом рассказали, была причастна та самая старуха, что открыла мне дверь). Но сообщить сведения о последних годах его жизни могла только внучка Травина, которая жила где-то у «Красного богатыря». Точного адреса родственница не знала, но согласилась тут же поехать к ней, чтобы по-

¹² Здесь и далее – личный архив автора.

мочь мне ее разыскать. И несмотря на поздний час (было уже одиннадцать вечера), мы отправились к «Красному богатырю». С трудом нашли дом, где жила внучка Травина. И от нее я узнал, что писатель отбыл свой срок заключения и умер в поезде. Случилось это в 1942 году.

Во время личных визитов были установлены также годы жизни журналиста и художника Евгения Ивановича Вашкова (1876–1938), пролетарских литераторов – поэта Николая Аркадьевича Андреева (1870–1938) и писателя Николая Михайловича Молодцова-Вечернего (1894–1930).

В двадцатые годы был известен писатель Михаил Иванович Волков, член литературной группы «Кузница» (рожд. 1886). За десять лет им было издано двадцать книг. Прежде чем стать писателем, испробовал много профессий: начинал мальчиком в мануфактурном магазине, трудился чернорабочим, был певчим, работал мелким служащим, служил конторщиком. Хотел стать народным учителем, но в 1915 году – мобилизован в армию. В 1918 году поступил в литературную студию московского Пролеткульта. Первый его рассказ был напечатан на следующий год. На его творчество обратили внимание Алексей Ремизов и Александр Блок. В своей записной книжке за 1920 год поэт записал: «15 сентября – НВ – Михаил Волков (“пролетарский писатель”) – рассказ “Петушок” в “Кузнице” №3»¹³. Ремизов в письме от 29 мая 1921 года писал Волкову: «Когда будет у Вас Ваша книга, не забудьте меня, пришлите. И вообще журн<алы> и книги, где будут напечатаны ваши рассказы. <...> Очень мне по сердцу Ваше слово»¹⁴.

В тридцатые годы Волков перестал печататься и исчез, будто в воду канул. Отправляюсь по последнему его адресу: Староконовский, 41. Обитатели квартиры, где жил писатель, сказали, что в соседнем подъезде, во дворе, живет дочь Михаила Ивановича. Тороплюсь в другой подъезд. К счастью, дочь писателя оказалась дома. Она показала сохранившийся архив отца. (Архив тогда же был передан в Центральный государственный архив литературы и искусства). Я впервые просматривал его бумаги и поражался. Вот рукопись рассказа «Летропикация», написанного в 1921 году. Этот рассказ был послан редакцией журнала «Красная новь» на рецензию А.М.Горькому, который его прочел и оставил на рукописи целый ряд помет, а на первой странице слева написал красными чернилами свой отзыв:

¹³ Блок. А. Записные книжки. 1901–1915. С.501.

¹⁴ РГАЛИ. Ф.2225. Оп.1. Д.169.

До 4-ой стр<аницы> – растянуто, необходимо сократить. Написано не просто, манерно, не серьезно. «В зимней сизи пролетела красная муха» – это для кого написано? Щеголять такими штучками не следует. Тема интересная, но требует не разговоров, а картинного описания.

А.М.Пешков¹⁵.

Однако Михаил Волков не принял во внимание замечаний знаменитого писателя. В конце двадцатых – начале тридцатых работал он над повестью «Чертополох», затем, почти до самой смерти, – над романом «Шиворот-навыворот». Но видя, как исчезают собратья по перу (М.Герасимов, В.Кириллов, Г.Никифоров и др.), понимая, что многие его произведения не увидят света, а ведь надо жить, кормить семью, – он пошел работать бухгалтером. В литературу Михаил Иванович больше не вернулся. Умер в 1947 году.

Я уже говорил, что иногда, когда родственники или соседи ничего не могли сказать, приходилось обращаться в домоуправление. Там, по письму ЦГАЛИ, разрешали рыться в старых домовых книгах.

Однажды пришлось отправиться в Новодевичий монастырь. Во времена моей юности, в конце сороковых, поблизости от входа в монастырь располагался цыганский табор. А некоторые мои соученики жили в кельях и деревянных пристройках по монастырским стенам. Тогда нам не казалось странным это сожителство мирского с церковным. Колокольный звон был слышен в округе. Ворота монастыря на Пасху и другие двенадесятые праздники были всегда открыты.

Мы, школьники, часто гуляли в монастырском дворе. Помню, как выносили и сажали в кресло маленького, сухого старичка, накрывали его ноги пледом. Он сидел молча и грелся на солнышке, изредка поглядывая на нас, мальчишек. Когда мы начинали слишком шуметь, он укоризненно смотрел в нашу сторону, и мы затихали или уходили в другое место. Этим старичком был Борис Александрович Садовской. Позже я читал его книги стихов и сборник статей «Русская Камена», но это было уже после его смерти.

В Новодевичьем монастыре жил и филолог, переводчик, поэт Дмитрий Сергеевич Усов, следы которого я искал. В свой первый приход в монастырь я познакомился с сотрудницей домоуправления Л.Ретковской, которая и помогла добыть необходимые сведения.

Судьба поэта Д.М.Усова, коренного москвича (он родился в 1896 году, в профессорской семье), такова. После окончания исто-

¹⁵ РГАЛИ. Ф.2225. Оп.1. Д.9. Л.1.

рико-филологического факультета Московского университета преподавал литературу и немецкий язык, работал в Государственной академии художественных наук (ГАХН), вел курсы художественного перевода при Главнауке, участвовал в создании двух выпусков библиографического словаря «Писатели современной эпохи». Был арестован по делу «словарников», в связи с которым ожидали много расстрелов, но по ходатайству Романа Роллана приговор был смягчен. Отсидев пять лет в лагерях, Д.С.Усов попал в Среднюю Азию, где и умер от сердечного заболевания (заработанного еще на канале) в 1942 году в Ташкенте. Свидетелями его смерти были жена Алиса Гуговна, которая работала до ссылки в Ленинской библиотеке, и Надежда Яковлевна Мандельштам.

В очередной приход, когда я стал спрашивать о своих однокашниках, живших когда-то в монастырских стенах, Л.Ретковская положила передо мной тридцать акварелей М.А.Волошина, среди них был теперь всюду печатающийся его автопортрет. На обороте его находилась надпись:

Милой Татиде на память о всех страданиях, пережитых летом 1919 года в Коктебеле.

19.10/XI.19 Коктебель. Максимилиан Волошин.

Все это богатство пролежало на шкафу в коридоре после смерти владелицы – поэтессы Т.Д.Цемах – семнадцать лет и было передано Л.Ретковской безвозмездно в ЦГАЛИ. Когда я стал внимательно рассматривать акварели, то обратил внимание, что на обороте имеются надписи и письма Волошина. Вот некоторые из них:

Татиде о моем Коктебеле. Макс Волошин.

Моей Татиде – унынье наших вечерних заливов.

В час заката волны утекали.

Татиде – с любовью

Макс Волошин. Крым. Коктебель

Татиде – упавшей с луны!

Максимилиан Волошин. 1918

Милой Татиде за радость ее бытия.

Максимилиан Волошин. 1918

Но сердцу безысходно близки

Феодосийские холмы.

Татиде – Макс. 19.2/VI.28

Милая Татида, из глубины зимней Киммерии шлю тебе привет с днем Рождения Солнца и Года. 20/XII 1928
Макс.

Милая Татида, привет из Киммерии. Поздр<авляю> с Рожд<ением> Солнца и Года.

Мах. 1931¹⁶.

И вот еще два волошинских письма на обороте акварелей.

19.18/XI.28 Коктебель Татиде Давидовне Цемах.
Москва Новодевичий монастырь,
15, корпус В, кв.71

Милая Татидушка,

Спасибо за хорошее письмо. Это письмецо-аквар<ель> тебе передаст Ася, которая едет в Москву на две недели. Она расскажет о нашей осенней жизни. Мы до сих пор еще остались в зимнем убежище: гости еще продолжают к нам наезжать, и работа моя стиховая, зимняя еще не началась. Стихи, что ты прислала, мне очень понравились. Не помню, при тебе ли начались наши осенние неприятности: местн<ые> власти постановили нас выселить из Коктебеля как помещиков и наше имущество реквизируют. Но теперь дружным натиском москов<ских> друзей и нескольких наркомов<скими> телеграммами это ликвидировано и сделаны виноватыми <местные чиновники. — В.Н.> за превышение власти. Тарловского стихи мне очень нравятся, но его самого я совсем не помню по Одессе.

Спасибо за четки.

Маруся тебя приветствует, лежа в постели, потому что уже поздно.

Крепко тебя обнимаю

Макс.

Адрес служебный <Цемах>: Микробиологический институт. Малая Пироговская, д.57.

19.3/1.31

Милая Татида, получил твое новогоднее письмецо. Спасибо. Твое письмецо со стихами тоже получил в августе. Стихи очень понравились: я их вслух читал и говорил: «Вот какие Татида хорошие стихи пишет». Всем не отве-

¹⁶ РГАЛИ. Ф.102. Оп.3. Д.3, 7-9.

чал и тебе, потому что осенью дом полон и на письма времечка нет. Но теперь к Новому году собирался писать к тебе, и написал бы и без твоего сообщения-письма. Здоровье мое хорошо. Удар, скосивший меня, повинен – что с тех пор стала временами подниматься к горлу тоска и работает плохо. За прошлый год не написал ни одного стихотворения. Мемуары, которые я думал писать зимой, тоже не пишутся. Жизнь идет кое-как. Марусечка устает, нервничает от переутомления. Ее очень беспокоит ухо. Мне работает очень вяло без книг и журналов, которых в этом году получаю очень мало. Скучаю по людям, по разговорам.

Напиши мне побольше и подробнее о себе. Я не представляю себе твою интимную жизнь. Встречаешь ли кого из общих друзей?

Часто тебя вспоминаю и крепко целую. И Маруся.
Мах¹⁷.

Все это было адресовано поэтессе Татьяне Давидовне Цемах. Вот сведения, которые мне удалось тогда получить и которые, возможно, еще не известны исследователям.

Родилась Татьяна Давидовна 3 января 1890 года в местечке Косово Слонимского района бывшей Гродненской области. Биолог. Жила в Крыму, работала бактериологом на Карадагской биостанции. Была близка к Волошиным. Ей посвящено стихотворение Волошина «Плаванье» в память о совместной поездке на шхуне «Казак» из Одессы в Ак-Мечеть в мае 1919 года. В 1921 году Цемах уехала в Берлин. Была секретарем «Дома искусств». Печатала стихи и рецензии в журналах «Сполохи», «Новая русская книга». В начале 1924 года Книгоиздательством писателей в Берлине выпущена в свет книга «Восьмистишия» под псевдонимом «Татида» (так звал ее Волошин). Вернулась в Россию. В годы войны работала заведующей Краснопресненской районной лабораторией, затем – в первом психиатрическом отделении. Умерла в Москве 19 декабря 1943 года¹⁸.

Заканчивая рассказ о личных визитах, мне хочется поведать еще об одном случае. Жил в тридцатых годах в Москве литератор и переводчик Василий Никитич Карякин. Сведения, которыми я располагал, были скупы: родился в 1872 году, в 1896-м поступил в Мос-

¹⁷ РГАЛИ. Ф.102. Оп.3. Д.11, 15.

¹⁸ Личный архив автора.

ковский университет, в 1901 году был арестован царской охранкой, а в 1903-м жил у Леонида Андреева. Позднейшие сохранившиеся его материалы относятся к 1929 году, а адрес – к 1924-му: улица Спиридоновка, 27, кв.1. Пошли по адресу. Тогда это была улица Алексея Толстого. Обычная московская коммуналка с индивидуальными почтовыми ящиками и несколькими звонками. Начинаю с верхнего. Дверь открывает женщина. Расспросы. Оказывается, жива жена Карякина, живет здесь. Иду по длинному, широкому коридору в комнату Карякиной. Навстречу поднимается маленькая седая женщина. Говорю о причине визита. Женщина взволнована и не может отвечать на все вопросы сразу, советует обратиться к дочери, которая посмотрит в бумагах все, что нас интересует. Записываю номер телефона, прощаюсь. Женщина все еще не может успокоиться. Тихо, как будто обращаясь к кому-то невидимому, произносит: «Ну, мужу было шестьдесят три года, когда его арестовали. Он пожил свое. А за что сына? Он был офицер, комсомолец. Ему было двадцать восемь. За что его, молодого?». В уголках глаз слезы. Даже не слезы, а намек на них. Слез уже больше нет. Что я мог ей ответить?

Позже, разыскивая сведения о других репрессированных писателях, я все видел перед собой эти глаза и слышал этот вопрос. В моих силах было лишь попытаться вытащить из забвения их имена. Что я и старался делать.

ПОИСК РЕПРЕССИРОВАННЫХ

В разысканиях приходилось часто наталкиваться на людей, исчезнувших в лагерях, тюрьмах. Это как бы другая, невидимая Россия, однако тесно связанная с повседневной, видимой... Надо было искать пути к ней. Но как?

Здесь надо сказать, что Центральный государственный архив литературы и искусства, как и все центральные архивы, находился в ведении Министерства внутренних дел. И так было до 1960 года. Затем архивы подчинили Главному архивному управлению (ГАУ) при Совете Министров СССР. При этом рабочих контактов у ЦГАЛИ с МВД не было. Во всяком случае, в то время ни одного личного архива из МВД (НКВД) в ЦГАЛИ не поступало, как, например, в Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, куда из Ленинградского УНКВД поступил архив Радловых.

По свидетельству главного археографа Ю.А.Красовского, в пятидесятые годы по распоряжению сверху был изъят из ЦГАЛИ без

соответствующего оформления документов архив Иностранной комиссии Союза писателей. В результате получилось, что часть архива комиссии, которая была в россыпи, находится в ЦГАЛИ, а другая часть – в Институте мировой литературы. Единственный раз, после длительных переговоров начальника ГАУ Г.А.Белова, в ЦГАЛИ были переданы материалы Б.Л.Пастернака, изъятые у О.В.Ивинской при ее аресте.

Правда, в самом конце пятидесятых и начале шестидесятых от КГБ поступали запросы о различных деятелях культуры (в связи с делами по реабилитации).

Так, в 1960 году в архив пришло письмо с просьбой сообщить имеющиеся сведения о Дмитрие Петровиче Святополк-Мирском. В письме была дана информация о месте его рождения – с. Гилявка Харьковской области, годе рождения – 1890. ЦГАЛИ послал ответ, положительно характеризующий Святополк-Мирского (по печатным источникам). Через какое-то время узнаем, что осужденный в 1937 году Д.П.Святополк-Мирский был реабилитирован в 1962-м. Дата его смерти – 6 июня 1939 года. (Интересно, что в запросах или ответах КГБ почти никогда не указывал дату ареста.)

Однажды пришел в ЦГАЛИ довольно странный запрос: не располагает ли архив какими-нибудь сведениями о похищении генерала А.П.Кутепова в Париже. И кто запрашивал? Сам Комитет государственной безопасности... Зная мою страсть к поиску и интерес к эмиграции, ответ на письмо поручили мне. Вот тогда я впервые столкнулся с русской зарубежной прессой, т.к. рукописных свидетельств не было. Пришлось с помощью цитат из зарубежной периодики строить свой ответ: похищение было организовано ГПУ.

После этого КГБ чаще стал обращаться в ЦГАЛИ за справками. Иногда присылались целые списки. Так например, им нужны были сведения о харбинских литераторах. В связи с тем, что сведения еще не попали в поле зрения исследователей русского Харбина, предлагаю этот список вниманию читателя:

Кауфман Евгений Самойлович (1891, Ленинград –?) – журналист. Жил в Харбине. В 1929 году создал издательство «Рупор» и организовал выпуск газеты того же названия. Затем работал директором издательства «Заря» и журнала «Рубеж».

Малицкий Валентин Сергеевич (1895, г. Морозовка Арзамасского уезда Нижегородского края –?) – писатель. В 1922–1929 гг. жил в Харбине. Печатался в газетах «Эхо», «Трибуна», «Молва» и др.

Рамбаев Владимир Федорович (1903–?) – журналист. В 1925 г. нелегально перешел государственную границу, бежал в Маньчжурию. С 1931 г. жил в Харбине, сотрудничал в газетах «Гун-Бао», «Наша газета». Был зав. отделом и секретарем редакции. Псевдоним – В.Дружинин. Член литературного кружка «Чураевка». Печатался в «Рубеже», «Луче Азии», «Парусе» и др.

Северный Павел Александрович (он же Ольбрих-Северный, 1900–?) – журналист. В 1920 г. эмигрировал в Китай. С 1933 года жил в Харбине и Шанхае. В 1954 г. вернулся в СССР, жил в г. Чкалове.

Упшинский Аркадий Владимирович (г. Муки-Какси, Удмуртия, 1913–?) – поэт. В 1922 г. уехал с матерью в Харбин, где жил до 1945 г. Работал в 1934–1937 гг. в газете «Рупор», в 1937–1938 гг. – «Заря», в 1938–1944 гг. – «Харбинское время», а также в газете «Маньчжурия Дейли Ньюс» и телеграфном агентстве «Кукуцу».

Френкель Владимир Михайлович (1902, г. Измаил –?) – писатель. Псевдоним Кречет. Сотрудничал в газетах «Вперед», «Россия», издававшихся в Маньчжурии.

Шавшуков-Усанин Евгений Алексеевич (1912, Харбин –?) – писатель. Автор книги «SOS. Спасите наши души». С 1939 г. сотрудничал в журнале «Мысль и творчество» (Шанхай)¹⁹.

До сих пор не могу объяснить, чем были вызваны в самом начале 60-х запросы по художникам, находившимся в эмиграции. Это были длинные списки как известных живописцев: А.Н.Бенуа, П.А.Нилус, Н.С.Гончарова, Ю.П.Анненков, З.Е.Серебрякова, И.А.Билибин, С.Н.Рерих, Б.Д.Григорьев и др., так и менее известных, творивших, в том числе, и в Прибалтике. Запрашивали сведения о Сергее Николаевиче Антонове (1884–1956), Андрее Афанасьевиче Егорове (1887–1954) и др. Будто бы уже тогда начинал создаваться библиографический словарь «Художники русского зарубежья». К сожалению, некоторые имена не попали в современные справочники или данные об этих людях даются неточно. Привожу наиболее интересные сведения из таких списков-запросов.

Андрабурский Николай Николаевич (1907–?) – художник. Жил в Риге. Знакомый А.И.Юпатова.

¹⁹ РГАЛИ. Ф.1924. Оп.2в. Д.40с.

Андреева-Дуакшис Валентина Андреевна (1905–?) – художница. Жила в Риге.

Бек-Мармачева М.Г. (1884–1937) – художница. Жила в Таллинне.

Беляева Любовь Павловна (1896–1937) – скульптор. Окончила Одесское художественное училище. Жила в Париже.

Бржезинский Евгений Васильевич (1904–?) – скульптор. Жил в Праге.

Ганкевич Роман Ярославович (1913, Львов –?) – художник. Окончил Варшавскую академию искусств. Работал в Вене в Бургтеатре.

Гефтлер Андрей Карлович (1895–?) – художник. Жил в Таллинне. Сын известного художника Карла Эдуардовича Гефтлера (1853–1918).

Зайцев Михаил Алексеевич (1894–?) – художник. Жил в Латвии.

Кацаров Михаил (1891–?) – художник. Жил в Париже.

Кузнецова Вера Емельяновна (1908–?) – художница. Родилась в Харбине. Жила в Шанхае до 1947 г.

Мандель Лидия Федоровна (1900–?) – художница. Ученица И.Машкова и А.Экстер. Жила в Париже.

Матвеев Георгий Иванович (1910–?) – художник. Жил в Риге.

Петров Александр Иванович (1874–?) – художник. Жил в Риге.

Соловьев Аркадий Родионович (1902–?) – художник-сценограф. Жил в Праге.

Степанов Валентин Алексеевич (1886–?) – художник. Жил в Риге.

Тума Александра Федоровна (1895–?) – скульптор. Жила в Праге.

Щапов Илья Дмитриевич (1912–?) – скульптор по дереву. Жил в Праге²⁰.

У нас тоже было множество вопросов к КГБ: о тех или иных писателях, которые, по свидетельству живущих, были репрессированы. Приходили краткие ответы. (Переписка между ЦГАЛИ и КГБ шла под грифом «секретно»).

Вот некоторые из ответов:

²⁰ РГАЛИ. Ф.1924. Оп.2в. Д.31с, 63с.

Лелевич-Кальмансон Лаборий Гилелевич, 1901 года рождения, уроженец гор. Могилева, был осужден 4 ноября 1937 года в гор. Челябинске к В<ысшей> М<ере> Н<аказания>. Приговор исполнен. По постановлению Президиума Челябинского облсуда дело по его обвинению прекращено 19 марта 1956 г. за отсутствием состава преступления.

Авербах Леопольд Леонидович (1903 – 19 сентября 1939) – литератор. Родился в Саратове. Осужден 14 августа 1937 г. Реабилитирован в 1961 г. <И, добавлю уже от себя: член ЦК комсомола первого созыва, затем – секретарь МК РКСМ. Редактор «Юношеской правды» (1920), журнала «Молодая гвардия» (1922–1923), газеты «Уральский рабочий» (1923–1925), с 1926 г. журнала «На посту». Его женой была дочь Бонч-Бруевича – Елена Владимировна. – В.Н.>

Русов Николай Николаевич, 1883 года рождения, уроженец г. Серпухова, арестован в 1927 году, затем в ходе следствия дело на него прекращено, и из-под стражи он был освобожден.

Ефремин Александр Владимирович, 1888 года рождения, уроженец г. Ворошиловграда. Осужден в 1937 и 1949 гг., освобожден из ссылки в 1954 году, реабилитирован в 1956 году.

Приходили и совсем краткие справки из КГБ на запрашиваемых архивом людей. Сведения эти давались в 1961–1965 годы. Например, о писателе Анатолии Павловиче Каменском (рукопись его неопубликованного романа поступила тогда в ЦГАЛИ от Льва Никулина). Указывалась дата его смерти – 23 декабря 1941 года и что судом он был дважды – в 1939 и в 1941 гг., но реабилитирован в 1957-м только по делу 1939 года.

Журналист, драматург, сподвижник Б.Савинкова, Александр Аркадьевич Дикгоф-Деренталь был осужден в 1937 и 1939 гг., но дела его не были тогда прекращены.

Дата смерти Карла Радека почему-то не давалась. КГБ отвечало: сведений о его смерти не имеется.

Председатель Комитета дней русской культуры в Чехословакии, князь Петр Дмитриевич Долгоруков был арестован в мае 1945 года в Праге, привезен в Москву и умер во время следствия.

Бобровский Петр Семенович (1880, Н.Новгород – 1947) – философ, мемуарист. Член плехановской группы «Единство». Помощник

комиссара Временного правительства, затем – министр труда Крымского краевого правительства. Арестован за активную вражескую деятельность. Находясь под следствием, умер от паралича сердца. Уголовное преследование прекращено за смертью обвиняемого²¹.

Вот еще две небольшие детали, интересные для литературоведа и библиофила. Так, по сведениям КГБ, поэт-сатирик Евгений Венский выпустил в 1916 году книгу «Танго шакалов», которая была конфискована, а его книга «Конец Касьяна Камаринского» была сожжена в 1918 году...

Вместе с людьми исчезали и архивы.

Расскажу о том, как искали сведения о последних годах жизни Николая Алексеевича Клюева. О Клюеве ходили разные слухи, в частности, что, находясь в ссылке в Сибири, поэт обратился с письмом к Сталину, которое заканчивалось словами: «Дай жить или умереть позволь». Сталин позволил ему умереть.

Итак, сначала мы запросили КГБ о судьбе, точнее, о дате смерти Клюева. Было это в 1960 году. Месяца через два пришел ответ:

Клюев Николай Алексеевич, 1870 года рождения, уроженец деревни Макеево быв. Кирилловского уезда Новгородской области, арестован 2 февраля 1934 года. Приговорен к заключению в исправтрудлагере сроком на 5 лет с заменой высылкой в г. Колпашев (Зап. Сибирь) на тот же срок. В октябре 1934 г. был переведен в г. Томск. Вторично арестован в июле 1937 г. и приговорен УНКВД Запсибири к ВМН. Приговор исполнен 25 октября 1937 года²².

Примерно через год по моей просьбе ЦГАЛИ запросил КГБ о судьбе архива Н.А.Клюева, изъятом у него при аресте. Ответили, что при аресте Н.А.Клюева было изъято четыре ящика имущества (видимо, архив, иконы и т.д.). Одновременно было рекомендовано по данному вопросу обратиться в УКГБ по Томской области.

Письмо послали в Томск с запозданием, так как искали сестру Клюева, у которой мог находиться основной массив материалов (письма А.А.Блока, С.А.Есенина, С.А.Клычкова, его автографы), но так и не нашли ее. Летом 1965 года вновь послали письмо в Томск. Местное КГБ информировало, что при аресте было изъято только девять книг и рукописи в количестве десяти тетрадей и что судьба

²¹ РГАЛИ. Ф.1924. Оп.3в. Д.12с.

²² РГАЛИ. Ф.1924. Оп.6. Д.38с.

архива неизвестна. Далее сообщался адрес, по которому проживал Николай Алексеевич (ул. Ачинская, 13), и адрес Гребневой Елизаветы Васильевны, свидетельницы его ареста.

К слову, через несколько лет я отправился в Томск. Посмотрел на здание Управления КГБ, а прежде Томского горотдела НКВД. Поднялся в горку к действующей Троицкой церкви. Этот путь я проделал подсознательно, никого не спрашивая. От церкви прошел еще вверх и повернул к дому №4 по Ачинской улице. Здесь, во дворе этого дома, я и познакомился с Е.В.Гребневой. Она была несколько напугана моим появлением (даже не пригласила в дом), но подтвердила, что в самом начале июня 1937 года пришли за Клюевым. Все его имущество в нескольких ящиках забрали. Я еще раз спросил, может быть, что из вещей Николая Алексеевича осталось в доме. «Ничего, все забрали, – услышал в ответ. – А вы кто ему будете? Родственник?» Чтобы как-то успокоить женщину, пришлось сообразить, что я являюсь его дальним родственником. Попрошался и пошел к себе в гостиницу. Но какая-то надежда, что архив Николая Алексеевича отыщется, не покидала меня. Только в 1995 году в ЦГАЛИ поступили материалы из следственного дела Н.А.Клюева. Это рукописи его поэм («Погорельцы», «Песнь о Великом исходе», «Я»), его стихотворений за 1932–1933 годы, записные книжки, различные записи и др. Об этом сообщалось в газетах, в частности, в «Вечерней Москве» от 21 сентября 1995 г. Но объем переданного не соответствует ни первому, ни последнему письму КГБ. Где книги? Не знаю почему – но мне до сих пор кажется, что надо продолжать поиск...

Иногда розыск приводил к неожиданным результатам. Так было, например, с датами жизни Кузьмы Васильевича Афанасьева-Лесника, драматурга, сотрудника Пушкинского заповедника. По материалам его личного архива, хранящегося в ЦГАЛИ, судьба его прослеживалась до 1940 года, а дальше – никаких сведений.

В Пушкинских горах все люди знали друг друга. Поэтому я решил обратиться с письмом в местное отделение милиции. Вскоре пришел совершенно неожиданный ответ: во время войны Афанасьев сотрудничал с немцами, работая главным начальником заповедника. После войны его судили. Псковский военный трибунал приговорил его к 15 годам заключения. На наш очередной запрос Псковское УКГБ ответило:

Афанасьев Кузьма Васильевич, 1874 года рождения, уроженец г. Брянска, находясь на излечении в больнице Управления НКВД Ленинградской области, умер 18 ав-

густа 1947 года. Приговор Военного трибунала В/НКВД Псковской области от 23 августа 1946 года по делу Афанасьева никем не отменялся и к числу реабилитированных он не относится²³.

Это данные на 1960 год, а реабилитирован ли он сейчас, не знаю.

РОЗЫСК СВЕДЕНИЙ ОБ ЭМИГРАНТАХ

Розыск биографических и библиографических сведений о писателях русского зарубежья (тогда они назывались писателями-эмигрантами) велся в шестидесятые годы по различным справочникам и периодическим изданиям.

Прежде всего, это «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» – выпуск I (1920–1930) и выпуск II (1930–1940), изданные в Белграде Русским научным институтом. (Считается, что почти весь тираж второго выпуска погиб во время войны.) К счастью, в библиотеке ЦГАЛИ оказались оба выпуска. Была в распоряжении и рукопись «Словаря русских зарубежных писателей» В.Ф.Булгакова, материалы фондов Союза русских писателей и журналистов в Польше, Югославии, библиография С.П.Постникова и др.

Большую помощь в работе оказывала книга Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1951). Надо сказать, что когда эта книга поступила в Государственную библиотеку (бывшую Ленинку), то какое-то время находилась на открытом доступе, и ее можно было брать в общий зал. Но потом вдруг надолго исчезла. И очень неохотно, даже по специальному письму, ее давали читать в зале спецхрана библиотеки. Теперь это Зал русского зарубежья.

Сегодня исследователи располагают точными сведениями о писателе, журналисте Александре Валентиновиче Амфитеатрове, а тогда с датами его жизни была настоящая чехарда.

У Масанова («Словарь псевдонимов», т.IV), в рукописи второго тома «Писатели современной эпохи» – указана дата смерти: 5 февраля 1923 года. В указателе к тридцатитомному Собранию сочинений М.Горького стоит 1937 год. Были выявлены еще две даты – 1938 и 1941 год. Просматривая журнал «Иллюстрированная Россия» за 1938 год, в шестнадцатом номере я попал на статью «Как умирал

²³ РГАЛИ. Ф.1924. Оп.2в. Д.70с.

Амфитеатров». В преамбуле сказано: «А.В.Амфитеатров умер 26 февраля. Супруга Александра Валентиновича Иллария Владимировна любезно прислала нам подробный рассказ о последних минутах писателя, отрывок из которого мы здесь и воспроизводим». Далее шли воспоминания вдовы писателя, где говорилось, что Амфитеатров умер на собственной вилле в Леванто, что на итальянской Ривьере.

Чтобы найти один-единственный факт, вслепую приходилось насквозь пролистывать подшивки зарубежных газет: «Последние новости», «Руль», «Возрождение», «Русские новости» и др. Газеты сообщали, что 24 сентября 1936 г. в 11 часов утра на станции метро «Богренелль» скончался от разрыва сердца писатель Борис Александрович Лазаревский. Из газет получены сведения о балетном критике Валериане Яковлевиче Светлове, о писательницах Августе Филипповне Даманской и Марии Константиновне Навроцкой, о театральном деятеле, историке театра, бароне Николае Васильевиче Дризене, о художнике Николае Дмитриевиче Милиоти и множестве других деятелей русского зарубежья.

Учитывая, что имеющиеся у меня сведения, насколько мне известно, еще не введены в широкий научный оборот, приведу некоторые, наиболее редкие, как отправные данные для комментаторских и справочных работ.

Художники

Апостоли Г.Н. (1896, Кронштадт – 1930) – художник. Учился в Академии художеств. В 1928 состоялась его персональная выставка в галерее М.Вernheim, а в 1938 – посмертная в галерее К.Гранофф (Последние новости. 18 сентября 1930 г.).

Зак Евгений (1866 – январь 1926, Париж) – художник. В 1927 г. – посмертная выставка в галерее М.Вernheim (Руль. 19 января 1926).

Засыпкин В.А. (ум. 1941) – художник-портретист, декоратор. Эмигрировал сначала в Харбин, с 1919 жил в Шанхае, а с 1937 – в Сингапуре, где и умер (Новое русское слово. 22 апреля 1941).

Минервин Александр Львович (ум. 28 января 1962, Париж) – скульптор (Русские новости. 2 марта 1962).

Рябушинская Мария Дмитриевна (ум. в феврале 1932, США) – художник, педагог. Н.Д.Янчевский в 1939 на собрании «Арзамаса» в Париже произнес слово о Рябушинской (Последние новости. 25 февраля 1940).

Цицковский Николай С. (1904, Пинск –?) – художник. Учился в Вильно в художественной школе вместе с Х.Сутиным, П.Кременем. В 1913 участвовал в акции против правления школы и был вынужден переехать в Пензу. В 1917 жил на Урале. Служил в Красной Армии. В 1921 приехал в Москву, где учился во ВХУТЕМАСе в мастерских П.Кузнецова, И.Машкова, В.Фаворского. В 1924 уехал в Нью-Йорк (Свирель Сабвея. Нью-Йорк, 1924).

Балет

Болдырева М.К. (ум. в июне 1937) – балерина Большого театра, снималась в кино (Последние новости. 12 июня 1937).

Гончаров Леонид Иванович (ум. в мае 1936, Париж) – танцовщик Мариинского театра с 1906. В эмиграции работал и пианистом-аккомпаниатором (Возрождение. 28 мая 1936; Последние новости. 29 мая 1936).

Гончарова Елена Дмитриевна (ум. 13 апреля 1936, Париж) – балерина Мариинского театра с 1896. В Париже работала балетмейстером театра Chatelet, открыла балетную школу (Возрождение. 14 апреля 1936).

Павлова (по мужу Шайкевич) Клавдия Васильевна (ум. 13 декабря 1958) – балерина. Работала в оперетте у Е.В.Потопчиной. Участвовала в постановке В.Э.Мейерхольда «Покрывало Пьеретты» в «Привале комедиантов». С 1924 работала в Русском романтическом балете, затем – в Русской опере М.Н.Кузнецовой (Русские новости. 19 декабря 1958).

Сазонова (по мужу Анчутина) Евгения Николаевна (1877 – 6 октября 1930, Куоккала) – балерина Мариинского театра с 1895 (Руль. 18 октября 1930).

Семенов Михаил Иванович (1881 – 7 июля 1932, США) – танцовщик императорских театров. Кончил жизнь самоубийством, бросившись в Ниагару (Последние новости. 8 августа 1932).

Музыка

Бернарди Александр Александрович (ум. в 1944, Эрмон, Франция) – композитор, дирижер Мариинского театра с 1908. В 1912 был приглашен С.П.Дягилевым в Монте-Карло (Советский патриот. 10 января 1947).

Глебов Глеб Павлович (ум. 15 сентября 1934, Париж) – артист Русской оперы в Париже (Последние новости. 16 сентября 1934).

Лабинский Александр Иванович (1894 – 9 июля 1963, Париж) – дирижер, пианист. Окончил Петербургскую консерваторию, учился по классу композиции у А.К.Глазунова и Н.Н.Черепнина. Работал в Мариинском театре. В 1921 выехал в заграничное турне и не вернулся. Профессор Русской консерватории в Париже (Русские новости. 19 июля 1963).

Новикова Анна Андреевна (ум. 8 августа 1934) – певица. Работала в Русской опере М.Н.Кузнецовой и в Камерной опере А.Долинова (Последние новости. 17 августа 1934).

Смирнова-Мальцева Лидия Павловна (1905 – 13 ноября 1937, Лондон) – певица. Работала в Большом театре (Последние новости. 23 ноября 1937).

Театр

Бахарева (Цицианова) Мария Александровна (ум. 18 ноября 1962, Париж) – актриса. Училась в школе Камерного театра и в школе Н.О.Мас-салитинова в Берлине. Работала в «пражской труппе» МХТ, затем – в театре «Синяя птица» под руководством Я.Д.Южного (Русские новости. 7 декабря 1962).

Богданов Александр Николаевич (ум. 12 января 1963, Париж) – актер «пражской труппы» МХТ (Русские новости. 18 января 1963).

Вавич Михаил Иванович (1881 – 6 сентября 1930, Голливуд, США) – артист оперетты. За границей работал в театре Н.Балиева «Летучая мышь», затем в Голливуде. Снимался в кино. В «Тетральной энциклопедии» год смерти указан ошибочно – 1931 (Последние новости. 8 октября 1930; Возрождение. 8 октября 1930).

Вырубов Александр Александрович (1883, Киев – 2 июня 1962, Париж) – актер МХТ. С 1922 в «пражской труппе» театра (Русские новости. 22 июня 1962).

Городецкий Юрий Васильевич (ум. 13 июня 1930, Чикаго) – актер. Работал в театре Н.Балиева «Летучая мышь». Покончил с собой в полицейском участке (Последние новости. 15 июня 1930).

Долинов Анатолий Иванович (29 октября 1869 – 10 февраля 1945) – актер, режиссер. В 1897–1901 и 1907–1921 работал в Александринском театре. В 1923 основал в Берлине вместе с сыном – поэтом и журналистом Михаилом Анатольевичем Долиновым (1892–1936) театр-кабаре «Золотой петушок» (Русские новости. 8 февраля 1946). В «Театральной энциклопедии» эти данные отсутствуют.

Евелинов Борис Ефимович (ум. в 1939, Париж) – театральный антрепренер. Был директором театра-кабаре «Маскотта» в Париже (Последние новости. 9 сентября 1939).

Задонцев Александр Григорьевич (ум. февраль 1926, Германия) – помощник режиссера в театре-кабаре «Синяя птица» (Рулъ. 13 февраля 1926).

Круглякова Мария Михайловна (ум. 26 января 1937) – драматическая актриса, режиссер. Работала в Театре драмы и комедии под руководством О.В.Барановской, затем в Украинском драматическом театре под управлением П.Шмалья (Последние новости. 26 января 1937).

Потопчина Евгения Владимировна (1882 – март 1936, Париж) – актриса оперетты, совместно с Б.Е.Евелиновым держала антрепризу в Никитском театре в Москве. Руководила театром в Берлине (Русские новости. 9 марта 1962). В «Театральной энциклопедии» сведения о смерти отсутствуют.

Читау Мария Михайловна (1883 – 19 июня 1932, Париж) – актриса. В 1878–1900 работала в Александринском театре. Автор воспоминаний о А.П.Чехове. Снималась в кино (Последние новости. 16 марта 1935).

Южный Яков Давидович (1883 – 16 октября 1938, Прага) – актер. Основал театр «Синяя птица» (Последние новости. 9 октября 1938).

Литература

Бобровников Эммануэль (ум. в 1945, Алжир) – писатель. Автор сборников рассказов («Мои друзья» и др.), романов «Коалиция», «Западня». Псевдоним: Бова (Советский патриот. 27 июля 1945).

Вернер Алексей Антонович (1868 – май 1932, Франция) – писатель, журналист. Редактор журнала «Вокруг света». Сотрудничал в «Русских ведомостях», «Русском слове», «Русском богатстве». Умер от душевной болезни (Последние новости. 21 мая 1932).

Куликовский Вячеслав Яковлевич (10 июля 1885, СПб. – 14 июля 1925, Берлин) – писатель. Окончил Владимирское военное училище. В ноябре 1914 был ранен под Лодзью. Участник Гражданской войны, полковник. С 1920 жил в Германии. Автор романов «Адонирам» (1921), «Женщина, которая изменила» (1921), «В дни торжества сатаны» (1922), «Счастливое детство» (1922), «Ее грех» (1923). Все книги изданы в Берлине. Автор детских книг (Руль. 19 июня 1925).

Острожский К. (наст. фамилия – Гогель Константин Сергеевич; 27 января 1886 – 22 августа 1929, Берлин) – драматург. Его пьесы шли на провинциальных и столичных сценах (Последние новости. 27 августа 1929).

Савченко Илья Григорьевич (1889 – декабрь 1961, Париж) – писатель, критик. Учился в Томском ун-те. В 1914 призван на фронт. В годы Гражданской войны сражался в рядах Добровольческой и Красной армий. Участник литературного кружка «Далиборка» в Праге. С середины 1920-х жил в Париже. Сотрудник «Последних новостей». Работал в Комитете по делам русских колонистов во Франции. Автор воспоминаний «В стане красных» и «В стане зеленых» (Русские новости. 29 декабря 1961).

Франчич Валентин А. (ум. 16 апреля 1937, Париж) – писатель. Печатался в «Аргусе», «Солнце России» и других петербургских журналах (Последние новости. 5 мая 1937).

Шер Александр Леонидович (ум. 26 июля 1923, Берлин) – писатель «школы Ивана Бунина». Автор двух книг рассказов (Русь. 28 июля 1923).

Я привел здесь далеко не полный перечень имен писателей, артистов, музыкантов, художников, атрибутированных исключительно «газетным» методом.

Почти одновременно с нами начал сбор подобной информации старший научный сотрудник Института мировой литературы, знаток жизни и творчества Леонида Андреева – Вадим Никитович Чуваков. Его колоссальный труд «Бывшие...», в который вошли сведения о деятелях литературы, науки, искусства, общественной и политической жизни России конца XIX – начала XX века, по числу имен превосходит многие теперешние справочные издания. Правда, это лишь материал для биобиблиографического словаря, но без него исследователям невозможно обойтись. Жаль, что этот труд до сих пор не издан.

Сегодня «газетный поиск» – далеко не единственный способ добычи информации. Справочников по русскому зарубежью немало, открыт и доступ к эмигрантским изданиям, архивам. Все стало проще. А тогда...

Расскажу напоследок, как искали сведения о последних годах жизни поэта Эллиса. Его имя встречается в любом томе переписки Блока и его окружения. Так, в седьмой книге «Летописи Государст-

венного литературного музея» – «Александр Блок и Андрей Белый», изданной в 1940 году, об Эллисе сказано:

Эллис, литературный псевдоним Кобылинского Льва Львовича (род. в начале 1880-х гг.), поэт-символист, переводчика и критика, участника кружка «аргонавтов». Мракобесный мистик и антропософ, Эллис был одним из наиболее реакционных представителей русского символизма; в 1913 году он уехал за границу, впоследствии перешел в католичество и стал монахом иезуитского ордена.

О том, что Эллис принял католичество, был известно еще из книги Андрея Белого «Между двух революций».

Через двадцать лет, в 1960-м, в сборнике №5 «Литературного архива», выпускаемого Пушкинским Домом, на с.284 об Эллисе написано следующее:

Эллис (Лев Львович Кобылинский) – поэт-символист, критик и теоретик символизма. После Октября – эмигрант. Принял католичество и стал монахом ордена иезуитов.

В действительности, Эллис родился в 1879 (год рождения был найден в книге выпускников Московского университета). Вскоре после нашумевшего в свое время инцидента Эллиса с музеем, которым руководил И.В.Цветаев, он исчез с горизонта, уехав задолго до революции. Вот что писал Эллис 17 июня 1939 года Н.А.Бердяеву:

Я знаю, что по моему адресу циркулируют разные необоснованные слухи. Я лично бессилен противодействовать им. Я знаю, что в некоторых кругах существует убеждение, что я замаскированный штейнерист, в кругах теософов я рассматриваюсь, как тайный сочлен ордена иезуитов et cetera. Конечно, все это сущий вздор, ибо с оккультизмом я безусловно порвал («во всяких планах» еще в 1912 году, в католичество я не переходил, ни в какие монашеские ордена не вступал, особенно же в орден иезуитов; мои личные симпатии (в царстве католицизма) все более направлены на раннее Средневековье (до эпохи Данте включительно). <...> Когда уезжал из Москвы, чувствовал, что не вернусь <...> я решил предаться совершенно уединенной жизни и искать пути вдаль от всяких обществ и коллективных организаций. С 1912 года до сих пор остаюсь я верен этому.

На предыдущей странице он пояснял:

Я сам не переходил в католичество и не собираюсь переходить, ибо одинаково ценю и люблю оба аспекта единой св<ятой>, апостольской, вселенской церкви и для меня Св. Франциск неотделим от Св. Серафима. Переходить, т.е. покинуть даже формально Православную Церковь в эпоху гонений, мученичества и внутреннего преображения ее, покидать Церковь патриарха Тихона, который мне лично интимно все же ближе представителей римской иерархии – я считаю невозможным. Это знают все мои друзья католики <...>²⁴.

Оставалось только найти год смерти Эллиса. Дату – 17 ноября 1947 г., Локарно – удалось получить только в середине шестидесятых. По моей просьбе вдова театрального режиссера и драматурга Н.Н.Евреинова – Анна Александровна Кашина-Евреинова разыскала и сообщила необходимые сведения.

Я рассказал здесь фрагментарно о работе архивиста, исследователя, о способах получения нужной информации, о расчете и случае в этой работе. Но в первую очередь о людях – о тех, кого мы искали, и о тех, кто помогал нам в этих поисках.

Не знаю ничего более увлекательного. Огорчаешься, когда результат отдаляет тебя от ответа, радуешься находкам. Сколько воли, настойчивости, терпения требуется, чтобы найти искомое. Но даже если начатый поиск ни к чему не привел – не может пройти безрезультатно общение с людьми, знакомство с жизнью людей прошлого. Этот текст – лишь попытка рассказать, как и какими путями шли мы в поисках в наше «закрытое» время, попытка соединить «век нынешний и век минувший». Не мне судить, удалось это или нет, жаль только, что эту работу не прочтет Саша Добкин и я не услышу его суда. Мир праху его...

²⁴ РГАЛИ. Ф.1496. Оп.1. Д.843. ЛЛ.11-13.

Владимир Аллой
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА*

По родной стране пройду стороной,
Как проходит косою дождь.

В. Маяковский

I

Я сижу в кафе «Au Petit Pousset» на пляс де Клиши и жду Зверева, который должен заехать за мной, чтобы везти к себе. Встречаемся здесь, потому что Валерка не знает адреса: в этот приезд я живу у друзей, одолживших мне квартиру, – на крохотной рю Нолле, всего в нескольких домах от площади. Автомобильное движение на этих улочках одностороннее, попасть туда без привычки непросто, а уж запарковать машину и вовсе нельзя, потому свидание назначено в кафе. Сама квартира, несколько обветшалая, но очень светлая и уютная, заставлена книжными полками, набита подрамниками, холстами, старыми работами, заполонившими не только гостиную, но и спальню и даже громадную ванную комнату. Хозяева моего временного пристанища уже лет шесть как обосновались в Москве, вполне довольны своим положением и возвращаться не хотят, во всяком случае, в ближайшее время. Что до меня, то нынешний приезд в Париж – начало третьей и, вероятно, последней в моей жизни эмиграции, вернее сказать – рекогносцировка. Через две недели надо лететь в Питер, но всего на несколько месяцев: запустить в тираж последнюю партию книг, раздать по библиотекам наш склад, попро-

* Главы из второй части «Записок аутсайдера».

щаться с людьми... Позади десятилетняя работа «Феникса», позади восемь лет жизни в России со всем, что ее наполняло. Впереди – туман, в котором не слишком понятно, куда же плыть...

На родину? – я ведь все-таки французский гражданин, по крайней мере, по паспорту. Или опять в эмиграцию? – но она закончилась, во всяком случае та, в которой мне однажды приходилось жить. Для существования диаспоры необходима разность потенциалов с метрополией, лишь она может гальванизировать искусственную эмигрантскую активность. Сегодня такой разности потенциалов нет, а следовательно, нет и рассеяния, как компактной социальной среды. Есть отдельные люди. Вполне вероятно, что классическая эмиграция возникнет снова – с Россией ни в чем нельзя быть уверенным. Но в любом случае это будет уже иная среда, иные взаимоотношения с метрополией, иные мотивировки: какие-нибудь Собчаки станут претендовать на роль Милукова; Березовские, Чубайсы или просто паханы бандитских групп – делить кресло Гукасова, а лауреаты государственных и негосударственных премий, коим несть числа, – соответственно роли Ходасевича и Иванова...

Что ж, каков поп... В этой компании нам места нет, разве что в качестве музейных экспонатов. Да ведь и «kozyрей в колоде немного»: предпенсионный или пенсионный возраст, усталость, отсутствие иллюзий, свежих идей, а вместе с этим – и сил для новых авантур.

Вероятно, я пересидел в стране. Поначалу все было предельно просто: ехал на три-четыре года (срок, необходимый для реализации любого проекта), чтобы построить дело с друзьями и для друзей. Оказалось совсем иначе. Уже через пару лет стало ясно, что ловушка захлопнулась: развивать академическое, заведомо неприбыльное дело среди всеобщего распада, когда страна, а вместе с ней и ее культура летят в пропасть, библиотеки разорены и давно не приобретают книг, твой потенциальный читатель – научная интеллигенция – объят ужасом последнего дня Помпеи и превращен в люмпена, – почти невозможно. И хотя мы все-таки создали «Феникс», но очень скоро осознали, что стоит он на песке, даже не на песке – на болоте. Чтобы утлое строение наше держалось на плаву, приходилось все эти годы подпирать его собственными плечами, погружаясь чуть не с головой в мерзкую жижу нынешней российской реальности. Уход любого из нас почти неминуемо означал крушение всей постройки. Однако мы устояли, смогли даже расширить дело вопреки очевидности. Можно, конечно, и продолжать: «Феникс» отстроен, издательская марка заработана, материалов полно. Но что-то внутреннее исчезло, словно кончился завод, и «le coeur n'y est plus».

Все постепенно превращается в рутину, и уже не слишком понятно, зачем это нужно и для кого...

Что за странная все-таки судьба: периодически бросать построенное ломовым трудом и начинать с нуля? У Лидии Яковлевны Гинзбург, великой умницы, где-то в записных книжках есть заметка о том, что хорошо бы «уметь кончать периоды жизни по звонку времени». Сколько раз со мной подобное уже случилось – четыре, пять?..

Для человека «нормального» такое поведение необъяснимо, для человека «советского» – тем более. Презумпции невинности в этой стране не существует, никто никому не верит, и за каждым твоим шагом, сколь бы искренен он ни был, постоянно ищут корысть, выгоду, которую ты более или менее искусно скрываешь. Когда мы еще только начинали дело, любой из чиновников, с которыми приходилось общаться для подписания бесчисленных бумаг Сане Добкину и Толе Смелянскому, немедленно спрашивал: «А чего он, собственно, хочет, этот ваш Аллой?», как бы изначально полагая, что издательство – лишь формальное прикрытие для достижения каких-то иных, скорее всего меркантильных целей. Ничего не изменилось за прошедшее десятилетие, разве что еще больше выросли всеобщая коррумпированность и недоверие, потому все непонятное, не объяснимое простым материальным интересом, отмечается сходу, либо заносится в разряд явлений заведомо подозрительных, имеющих скрытую логику и тайные, непременно порочные цели.

То же самое происходит с моим отъездом: никто не в состоянии осознать, как можно оставить вполне налаженное дело и отправиться неизвестно куда, неизвестно зачем, без каких-либо реальных перспектив... Даже близкие друзья не верят в то, что я окончательно перебираюсь во Францию, не говоря уже о людях «внешних». Витя Семенов, к примеру, полагает, что я вернусь в Питер через несколько месяцев, убедившись, что в Париже для меня нет места и что жить без России я уже не смогу, будучи окончательно и навсегда ею отравлен. Здесь он, скорее всего, ошибается, хотя насчет «отравленности» страной прав.

Я знал, вернее, чувствовал это еще тогда, в апреле 87-го, впервые собираясь в Питер после двенадцатилетнего отсутствия...

Странное то было время, дымное, мутное: горбачевская перестройка, цветение иллюзий, первые, робкие еще попытки наладить связи между советской либеральной интеллигенцией и эмигрантами,

проводимые с этой целью встречи и коллоквиумы о путях России, о судьбах русской культуры (одна или две?!); будущие демократы и номенклатурные антикоммунисты защищали на этих сборищах политику партии от колкостей правозащитников и нападков эмигрантских литераторов, пресекали «провокации», возможные со стороны последних, не забывая при этом передать за рубеж свою рукопись, заручиться приглашением в Париж или Нью-Йорк, а еще лучше – ангажементом на прочтение лекций о новом мышлении, гласности, духовном возрождении страны и грядущих в ней переменах. Через год-другой волны вырвавшихся на Запад «прорабов перестройки» станут напоминать цунами, вагоны поезда Париж – Москва будут лопаться от количества багажных мест уже отбывающих на родину «лекторов», а к самим визитерам навсегда прилипнет кличка «пылесось».

Но в середине 80-х это было еще в новинку. Границы страны приоткрывались, вслед за номенклатурной когортой стали появляться и не слишком чиновные литераторы, журналисты перестроечных газет и журналов, режиссеры, в том числе и знакомые. Они взахлеб рассказывали о неслыханном ослаблении цензуры, о возвращении множества имен в культурный и научный обиход, о неизбежном пересмотре всей истории страны, обновлении, да что там обновлении – настоящей революции, происходящей в творческих союзах...

Даже с поправкой на известную экзальтированность неожиданно вырвавшихся на Запад людей, рассказы эти оставляли ощущение если не реальных перемен, то совершенно очевидного и напряженного их ожидания. Пожалуй, именно это чувство было определяющим во всем, что касалось России в те первые перестроечные годы. Не говорю о газетно-журнальных статьях, каковые мне приходилось штудировать «по долгу службы» на радио и в Институте политических наук, но ожидание перемен превалировало и в личных разговорах с людьми, и даже в письмах ребят, отнюдь не склонных к восторженности. Если уж Сенька, только недавно вышедший из лагеря, сообщал, что «конечно, не все, но многое будет напечатано», значит, в стране действительно происходит не только внешняя, показная либерализация, но и более глубокие сдвиги. В общем, надо было видеть это самому...

Для всякого эмигранта первая после многолетнего отсутствия встреча с исторической родиной – испытание не из легких. Этот ящик Пандоры и притягивает, и страшит. Страшит даже не сама страна, но возможность потерять то элементарное душевное равновесие, без которого нельзя жить. Слишком дорогой ценой достигается оно в эмиграции и слишком жутко его вновь утратить.

Кроме того, отправлялся я в Россию едва ли не первым из «активной части» парижских эмигрантов. Даже Алик с Ариной относились к этим намерениям с большой осторожностью. В целом же общественное мнение оценило поездку вполне однозначно: как присвоение очередного звания по известному ведомству. Следующую звездочку мне нацепили четыре года спустя, вслед за переездом в Россию, совсем недавно – после выхода мемуара в «Минувшем» – очередную, а окончательное возвращение в Париж, надо полагать, будет отмечено уже генеральскими погонами...

Обычную туристическую визу мне оформляли в советском консульстве недели три. Вероятно, вопрос решался не в Париже, а в Москве. Как рассказал по приезде сын, которого не раз и в армии, и на гражданке «дергали» из-за меня в ГБ, в эти самые дни с ним встретился для беседы некий подполковник, сообщивший, что мне будет разрешен въезд в страну, поскольку «данный случай признан более сложным, нежели чистая антисоветская деятельность». Сергею он предложил повнимательнее присмотреться к возникающему из небытия папаше...

Наверное, присматривались и «компетентные органы», хотя открытой слежки за собой я не замечал. Правда, доверял я себе мало: несомненно, сказывалась отвычка от родных нравов за парижские годы, да и методы сыска, по-видимому, усовершенствовались. Но и Сенька, сопровождавший меня буквально везде в тот первый приезд, топтунов не видел, а уж чему можно было доверять, если не его «зэковскому» опыту.

Удивительное и вполне забытое чувство вернулось в первое же мгновение – как только самолет коснулся посадочной полосы: это не страх, скорее какая-то произвольная, безотчетная внутренняя дрожь, такое возникает на ринге в самом начале боя – то ли от напряжения, то ли от ожидания первого удара. Вероятно, чувство это неистребимо в советском человеке, даже если в кармане у него иностранный паспорт, а за плечами многолетний опыт свободной жизни.

Впрочем, уже один вид солдат-пограничников с автоматами на изготовку рядом с самолетным трапом настраивает на соответствующий лад...

Автобус. «Накопитель». Паспортный контроль. Каменное лицо прапора, сверлящего тебя глазами и что-то бесконечно долго переписывающего из твоих документов:

– Можете идти.

Полутемный, обшарпанный багажный зал, столь же бесконечное ожидание у ленты транспортера...

Кроме сумки, я нагло вез еще целый ящик, набитый книгами: тома «Минувшего», воспоминания Эммы Герштейн о Мандельштаме, книга Якова Соломоновича Лурье об отце...

Таможня. Моя очередь. Запихиваю в рентгеновскую машину свою поклажу.

– Что это у вас?

– Книги.

– Раскройте ящик.

Ставлю коробку на отдельный стол.

В дверях служебного помещения в ту же секунду возникает капитан:

– Надя, можно тебя?..

Таможенная дама прицеливается в меня любопытным изучающим взглядом:

– Ладно, проходите...

Так и не раскрыв ящика, начинаю снимать его с досмотрового стола. Но тут и его, и мою сумку, и меня самого уже подхватывают чьи-то руки. Друзья...

На трех машинах отправляемся из аэропорта к Валерке. Московский проспект. Первое, предельно странное впечатление от города: полное отсутствие красок. Везде один цвет: грязи. И пыль, совершенно неистребимая грязно-песчаная пыль. Она поднимается облаками из-под машинных колес, осаждается на фасадах зданий, на окнах, на деревьях, на лицах... А ведь на дворе конец апреля, в эти дни весь город выглядел промытым, а вода в Неве становилась неправдоподобно синей, когда по ней начинал идти ладожский лед. Как будто поливальных машин больше нет в природе. Это даже не грязь, а какой-то застывший навеки «культурный слой», в котором любой окуроч, любая оберточная бумажка или осколок стекла – археологические экспонаты.

То же самое и в Валеркином районе, некогда считавшемся престижным, недаром здесь, у залива, строили жилища дипкорпуса. Отдельным страшным блокгаузом возвышается громада «Прибалтийской» гостиницы. Все остальные здания в руинах. Щербатая, полурассыпавшаяся облицовка домов, выбитые стекла, ободранные двери подъездов, развалившееся крыльцо, искореженный лифт, покрытый надписями и похабными рисунками...

– Что происходит с городом?

Ребята даже не понимают, о чем я.

– Да брось ты, старик, так было всегда, ты просто запомнил там, за бугром.

Лишь несколько дней спустя кто-то впервые согласился со мной, что раньше все-таки было иначе и что Питер разваливается. Кажется, это был Саня. А потом мне довелось услышать и несколько версий того, что происходит. Наиболее мрачная исходила от знакомых из «Ленпроекта»: виной всему дамба. Эта циклопическая стройка последнего Романова в продолжение десятка лет съедала почти все городские ресурсы. Страдала в первую очередь коммунальная служба: изнашивалась техника – от снегоуборочных и поливальных машин до автобусов и такси, гнили и разваливались инженерные коммуникации, десятилетиями не ремонтировались здания. Еще более страшное происходило под землей: возведение дамбы изменило сток Невы и уровень грунтовых вод. Залив в результате этого зацвел, а в городской почве возникли пустоты, что, по видимому, неустранимо, а для исторической части города и вовсе смертельно: возводился-то он на болоте, на сваях, обработанных для длительного пребывания в воде и не приспособленных к нахождению в воздушных ямах, вот и начинают постепенно гнить... Так что «песчаные бури» – лишь одно из незначительных проявлений все того же процесса: зимой снег практически не убирается – нечем, его предпочитают посыпать песком и солью. Потому в оттепель горожане месят грязь, а весной и летом Питер задыхается от песка, который с таянием снега ведь никуда не исчезает...

Квартира, набитая людьми до предела. Объятия, поцелуи, родные лица, стол во всю длину гостиной...

Дальше – все в тумане. Мы втроем – Сенька, я и Санек – надрались почти мгновенно, что называется, строевым шагом, после чего праздник проходил некоторое время без нас. Рогинский спал в кресле в прихожей, я – на хозяйской зверевской кровати, Саня – в детской. Потом застолье продолжалось едва ли не до утра, с периодическими отключениями и включениями участников. Основное ощущение: Господи, как же все постарели...

Наутро отправились в гостиницу, куда следовало явиться еще вчера. Приехал я в страну по индивидуальной туристической визе, включавшей Ленинград и Москву: не хотелось подставлять кого-либо из друзей просьбой о присылке гостевого приглашения. Статус «индивидуала» предполагал немедленную явку в гостиницу и получение некоей бумаги под непонятным и пугающим названием «валчер». Сей документ должен был сопровождать вас повсюду. В Питере гостиницей моей числилась «Москва», располагавшаяся напротив Александро-Невской лавры. Обычный номер с тараканами и отсутствующей горячей водой стоил сто девяносто долларов в сутки,

но любовь к отечеству, как известно, цены не имеет. Справедливости ради надо сказать, что в этом отеле я не провел ни одной ночи, а «валчер» потерял буквально на третий день пребывания в городе, о чем ни здесь, ни в Москве никто и не вспомнил, тем более, что в московскую гостиницу я вообще не являлся. По-видимому, единственной целью всех этих бюрократических ухищрений была предварительная оплата гостиничного номера при получении визы в Париже, а где вы собираетесь жить – тогда уже не имело для властей принципиального значения.

Вечером у Рогинских на проспекте Гагарина собралась «Память»; на следующее утро у Феликса Перченка – она же, но в более узком составе: только самые близкие – редакция. Совершенно не могу восстановить содержания разговоров. Главным образом – распросы о людях там и здесь, о судьбе рукописей, переправленных на Запад, и, конечно, уточнения: за десятилетие ocasionных или «закрытых» писем накопилось столько недосказанного или неверно понятого...

Настоящие разговоры начались лишь дня через три-четыре, когда я немного пришел в себя от первого шока и уже полностью утратил голос. Это была чисто нервная реакция, я говорил настолько громко, что ребята постоянно удивлялись: «Почему ты кричишь?». Сам я этого, конечно, не замечал. Естественно, через пару дней голос сел окончательно и надолго – уже вернувшись в Париж, я месяца два не мог нормально говорить, а на связках выросла опухоль, которую пришлось удалить в госпитале.

Первая серьезная беседа происходила в Сосновском парке, по которому мы гуляли втроем с Сеней и Саней перед очередными «смотринами». В тот приезд Рогинский постоянно водил меня по самым разным домам и компаниям, в которых я практически никого не знал. Вероятно, для него это было важно по каким-то своим, тактическим соображениям. На сей раз предстояло держать православно-патриотический экзамен в компании Вити Антонова, Саши Кобака, Бори Останина и Димы Северюхина, но приехали мы раньше назначенного срока и пару часов бродили по парку, слушая лагерные воспоминания Рогинского, обсуждая текущие дела и планы на будущее.

В Россию я тогда привез две идеи, в моем представлении неразрывно связанные: создание всесоюзной ассоциации молодых историков – на основе небольшой московской правозащитной группы «Мемориал» и независимого издательства, которое могло бы стать базой неофициальных исторических исследований. Группу Нины Брагинской, добивавшуюся открытия в Москве памятника жертвам

политических репрессий, подсказал мне Алик Бабеньшев, когда мы беседовали в Бостоне о возможности дальнейших действий. Было ясно, что происходящее в Союзе полностью меняло и природу и направленность эмигрантской работы, которая отныне могла легализоваться в метрополии, превратившись из хрупкого мостика, связующего западных и советских историков, во вполне естественную часть общего научного процесса внутри страны.

Ребята отнеслись к моему предложению довольно скептически. Сенька отрезал сразу:

– Забыл ты, милый, куда приехал. Всесоюзная организация – да это же вторая часть статьи: преступное сообщество. А уж про издательство и вовсе загнул. Давненько, однако, ты на родине не был.

Тем не менее, посев оказался вполне удачным, выяснилось это через неделю, когда мы отправились в Москву...

В промежутках между бесчисленными разговорами и посещением людей я днем и ночью лунатически бродил по городу, отыскивая следы прошлой своей жизни, и с каким-то до колотья в горле болезненным чувством сравнивал то, что видел, с тем, что сохранялось («на внутренней поверхности век»). Сравнение было явно не в пользу сегодняшнего дня.

Питер не просто постарел, он развалился, просел, ушел в землю, словно начали сбываться гоголевские пророчества. Если Невский еще отдаленно напоминал о начале семидесятых, то уже соседние улицы – Плеханова ли, Софьи Перовской, набережные канала или Мойки – выглядели ужасно: окна подвальных этажей зияли дырами или были забиты грязной покоробленной фанерой. Чугунные решетки на набережных поломаны, иногда гранитные плиты просто выворочены с места. Васильевский остров или Петроградская еще более убоги: те же мертвые глазницы окон, обвалившаяся штукатурка на домах, загаженные подворотни, какие-то страшные дыры в почве, из которых торчат остовы канализационных люков... Дороги разбиты, земля, особенно вокруг трамвайных путей, просела, асфальт вздыбился, рельсы буквально висят в воздухе, и когда трамвай проходит по любому стыку, они с лязгом опускаются вниз, вызывая предчувствие неминуемой аварии. Уличного освещения почти нет даже в центральных районах...

Иногда чувство погружения города в землю становилось абсолютно материальным: скажем, при входе на филфак мне показалось, что добавилась еще одна ступенька вниз...

Я пытался убеждать себя, что все это лишь обычная aberrация памяти, но поверить не мог: слишком уж разительны были перемены, и тем сильнее, чем ближе к району моего детства...

Александровский сад загажен и превращен в громадный общественный туалет. Проход у Кронверка затянут рваной колочей проволокой, на берегу протоки валяются бутылки, какие-то коробки, алкаши без признаков жизни. Сама Петропавловка внутри предельно обшарпана, вход на полуразвалившиеся бастионы загорожен металлической сеткой, на которой висят предостерегающие таблички. Господи, сколько же здесь, на этих бастионах, выпито «Гурджиани» и «Мукузани», прочитано стихов, обсуждено, проговорено, сколько раз встречено в пять утра солнце питерских белых ночей...

Менделеевская линия вдоль здания Двенадцати коллегий, некогда сплошь засаженная сиренью и кустами жасмина, благоухавшего по весне, выстрижена «под ноль». Дом Олеси Михайлова на набережной, рядом с Академией тыла и транспорта, – разрушен полностью: пожар. Это лишь страшный мертвый каркас – здание поставлено на капитальный ремонт, но когда его еще начнут... Волховской переулок вспорот почти по всей длине, вероятно, ожидается прокладка трубопровода. Здания, словно пьяные, валятся друг на друга, совсем как на картинах Калинина...

Наверное, именно тогда осознал я смысл отвратительного слова «застой» – едва ли не главного определения предшествующего десятилетия во всей советской прессе...

Войдя во двор своего дома, я даже присвистнул от неожиданности: гигантское пространство внутри старого особняка оказалось полностью залито асфальтом, вырублены почти все деревья, ни аллеи, ни газонов, ни столов, ни скамеек – все мертво. Посередине металлическая горка и несколько ржавых детских качелей; детишек нет, на качающихся железных скамеечках сидят старухи в драных ботах, толстых нитяных чулках, перелицованных трижды пальто и поролоновых куртках, в платках или вязаных шапочках. Некоторых я узнал...

Этот дом напоминал аксеновскую «Барселону» из «Звездного билета». Построенный на рубеже века Цейдлером, он выходил фасадом на набережную Малой Невы; сзади находился огромный сад, замыкавшийся с противоположной стороны бывшими дворовыми службами, соседним доходным домом и тыльной частью института «Гипроцемент», что располагался по Волховскому переулку.

Сад был великолепен: с липами, кленами, акацией, зонтичными вязами, боярышником, с яблонями и грушами, черемухой и бесну-

ющейся в начале июня сиренью. Охапки влажной одуряющей сирени, наломанные поутру, таскали мы на школьные экзамены в конце учебного года. Плодовые деревья к тому времени уже одичали, но я еще помню, как в самом начале пятидесятых по квартирам носили в корзинах собранные в сентябре яблоки...

Гигантские дореволюционные квартиры были превращены в пеналы, разделенные тонкими, едва ли не фанерными перегородками. От бывшего великолепия оставалась лишь лепнина на потолке, проходившая через две, а то и три комнаты. Мы жили в бельэтаже, в одном из таких пеналов стандартной коммуналки: шестнадцать квартир-съемщиков, сорок семь человек, бесконечный коридор, огромная кухня, общая ванная, два туалета. Семнадцать электросчетчиков (у каждого индивидуальный и один – «общего пользования»), десяток «личных» стульчаков на стенах уборной (внешние признаки семейного процветания), график пользования ванной и дежурств по квартире, полчища клопов... Наша комната была первой от входной двери: шестнадцать метров площади на четверых.

Разумеется, основным законом коммунального быта являлся полный промискуитет – все знали о соседях всё: служебное положение, гастрономические вкусы, круг друзей, сексуальные предпочтения, число аборт и приводов в милицию... На входной звонок, как по команде, открывались двери комнат, и пришельца сопровождали любопытные взгляды обитателей квартиры. Тонкие стены вздрагивали от любого неосторожного движения и не могли сдержать ни единого звука, исходившего из соседней комнаты: вечерами оттуда неслись пьяные крики соседа, ночами я с любопытством прислушивался к страстным всхлипам и стонам его жены... В шестидесятые, к концу моего пребывания здесь, роли поменялись: теперь в «слушательницу» превратилась подросшая дочка наших соседей, обсуждавшая с подружками сравнительные качества знаковых девиц, которые приходили ко мне в дневные часы, когда родители были на работе, а я «проматывал» лекции в университете...

Но, конечно, настоящая социальная жизнь проходила во дворе или на набережной, в те годы еще не одетой в гранит. По ней до самой Стрелки Васильевского с криками и улюлюканьем носилась ватага подростков, игравших в «попа-загонялу», здесь же вечерами, особенно в 53–54-м, после амнистии, происходили разборки местной шпаны, иногда со стрельбой, на этой набережной, уже в конце пятидесятых, выгуливали мы после школы своих девочек. По весне, когда начинала открываться Нева, пацаны катались на льдинах, отталкиваясь длинными шестами от дна и в конце концов неизбежно проваливаясь в холодную, с ледяной крошкой воду, после чего про-

мокших мальчишек отмывали дома в тазу, поливая горячей водой из чайника и понося всеми возможными словами... Весной и летом подростки ловили металлическими сетками рыбу: мелкую плотву, красноперку. До голавлей и крупных окуней не поднимались, с завистью поглядывая на взрослых рыбаков, вооруженных спиннингами и – мечта любого мальчишки – безынерционными катушками...

Двор представлял собой целую вселенную, жизнь в которой почти не затихала, разве на несколько предутренних часов. На скамейках целыми днями сидели старухи, обсуждая свои и соседские дела; в песочницах возились дети; в середине сада располагался теннисный стол, с начала дня занятый школьниками, учившимися во вторую смену. Для футбольных и волейбольных баталий обычно использовали соседний дворик, принадлежавший «Гипроцементу», если его не занимали сотрудники института. За столиками играли в домино или в карты, опустошая очередную бутылку и травя анекдоты. В продолжение суток компания несколько раз менялась: днем – пенсионеры и инвалиды, после трех-четырёх появлялись тридцатилетние «хозяева» двора, к которым через пару часов присоединялись вернувшиеся с работы «мужики», а вечером, после того, как жены загоняли податых сожителей по домам, их место занимало «среднее звено» – ребята лет по двадцать-двадцать пять. Лестничные площадки отдавались молодым: из окон парадняков неслись гитарные аккорды и девичий визг. Пацаны совершали бесконечные экспедиции по овощехранилищу, расположенному в подвале особняка, а на долю подростков оставались дровяные поленицы, окаймлявшие сад; там поверялись сердечные тайны, выкуривались первые «бычки», полным ходом шло сексуальное воспитание юношества...

Отопление чуть не до середины шестидесятых было печным, и поленицы составляли неотъемлемую часть дворового пейзажа. В начале сентября народ запасался дровами, и едва ли не весь месяц по субботам под окнами визжала циркулярная пила, а отцы семейств, вооружившись топорами, кололи березовые и осиновые чурки.

Вслед за тем наступал сезон квашения капусты, столь же коллективный, как и вся наша жизнь: каждое семейство держало в подвале специальную кадку, и в октябре они извлекались из небьгтия, пропаривались, а вся квартира наполнялась стуком ножей, женским смехом и покрякиванием мужчин, которым полагалось мять руками нашинкованную капусту и морковь для большей сочности. На долю детей оставались сладкие кочерыжки и, время от времени, подзатыльники взрослых: не путайтесь, дескать, под ногами...

Зимой жизнь во дворе несколько затихала – все-таки сказывались морозы. Зато в парадняках, особенно со стороны набережной,

где подоконники были гораздо шире, она по-прежнему была ключом, и каждая площадка превращалась в клуб, гайд-парк или распивочную, смотря по составу облюбовавшей ее компании...

Разумеется, наше существование не ограничивалось двором. Была, конечно, и школа, были у каждого и свои особые привязанности: кто занимался музыкой, кто спортом, кто рисованием. Мой сосед и друг Витюша увлекался лепкой и шахматами, посещая кружки во Дворце пионеров; я обожал историю и в продолжение шести или семи лет по два раза в неделю ходил в эрмитажный Клуб юных археологов, в среднеазиатский и русский отделы. И все же средоточием того коммунального мира, бесспорно, оставался двор...

Эта жизнь кончилась с уходом в армию: за три с половиной года моей службы поразъехались соседи, родители тоже перебрались на Пороховые, где получили двухкомнатную квартиру, и на Васильевском уже не появлялись. После демобилизации я мало жил с ними: либо бродяжил по стране, либо снимал углы и комнаты в других районах города. И хотя несколько лет ежедневно приезжал в университет рядом с нашим старым домом – он как-то закрылся для меня, и двор отошел в прошлое...

Иногда мне кажется, что именно хрущевская строительная программа – каждой семье по отдельной квартире! – пробила первую реальную брешь в толще советского режима. Давая «простому человеку» чуть более приемлемые условия существования, она в то же время уничтожала коллективизм, на котором и строилось это общество, расшатывая его даже не как идеологию, а как повседневный быт, как норму жизни, нищенскую, конечно, но «общинную», совместную, где уродливое и страшное соседствовало с добрым и человечным...

Жизнь новоселов замыкалась в крохотных клоповниках, столь же нищих, но зато своих. Все, что происходило за стенами «хрущобы», касалось их уже не напрямую, а лишь опосредованно, на уровне плохого отопления, протечек или повышенной звукопроницаемости. В том доме, где жили мои родители, я даже не знал, как зовут соседей по площадке. Да и сами они лишь здоровались с другими жильцами.

Бытие коллективное постепенно вытеснялось бытом частным, индивидуальным, к тому же отброшенным за пределы города в безликие «спальные» районы, вытеснялось советским ублюдочным изводом того самого «privacy», на котором стоит западный мир и который отнюдь не обязательно подходит миру здешнему, точно так же, как не по размеру да и не по нутру ему жизненные нормы, вы-

работанные веками протестантизма и западной цивилизации, если, конечно, иметь в виду не внешнюю их атрибутику, а мировоззренческие основы. Но это уже особая тема, и касаться ее здесь вряд ли стоит...

В Москву мы ехали на «Стреле». Всю ночь Сенька говорил о том, как задыхается в Питере, давно уже ставшем глухой провинцией, как тяжело пробить хоть что-нибудь дельное в этом городе, и о том, насколько отличается от его кладбищенского покоя столичная жизнь с ее кипением и разнообразными возможностями.

Происходило кипение на Ленинском проспекте, в академическом доме, в квартире Кати Великановой, сделавшей мне при очном знакомстве вполне куртуазный комплимент: «Впервые вижу отмытого еврея»... В тот же вечер у нее собралась московская часть редакции «Памяти», для которой «дорогой друг» (постоянное обращение в «закрытых» письмах) материализовался в бородатого, усталого с недосыпу, а потому довольно быстро напившегося француза.

Количество встреч за эту неделю действительно превышало питерские едва ли не вдвое. Утро начиналось с бесчисленных телефонных звонков и переговоров, а затем мы до позднего вечера метались по городу.

Первым, кто отнесся к идеям, привезенным из Парижа, не как к безумным, – оказался Михаил Яковлевич Гефтер. Он только что перенес инфаркт, был еще слаб, но, как всегда, весел, обаятелен, мил и предельно конкретен в практическом отношении. Мысль его была проста: даже если сегодня это и рано, то уже завтра будет возможно, а потому стоит начинать немедленно. После недолгого раздумья он снял телефонную трубку и позвонил Афанасьеву – тогда ректору Историко-архивного института.

– Юрочка, завтра к тебе придут двое молодых людей, прошу тебя, прими их, внимательно выслушай и помоги...

Михаил Яковлевич обладал в то время непререкаемым авторитетом, и наутро мы с Рогинским уже сидели в кабинете ведущего «прораба перестройки».

Но еще до этого мне предстояло изложить свой план на заседании «малого диссидентского совнаркома», куда мы отправились после Гефтера. Проходило оно в квартире Ларисы Богораз на том же Ленинском проспекте. Присутствовали сама хозяйка квартиры, Сергей Ковалев, супруги Лавуты, Таня Великанова, Катя, Саня Даниэль. Началось все с неловкости: приобретение выпивки лежало на нас,

но когда мы покинули Гефтера, уже стемнело, и найти водку в районе Новых Черемушек оказалось совершенно нереально (горбачевская антиалкогольная кампания). Ехать же в центр и заведомо опаздывать на встречу Рогинский не решался. В результате мы явились всего лишь с несколькими бутылками плохого вина, вызвав всеобщее молчаливое осуждение, а разговор проходил «всухую» и довольно вяло. Сенька, игравший роль оппонента, вновь заявил, что после лагеря не может слышать слова «организация», тем более с эпитетом «всесоюзная». Остальные задавали вопросы, теоретизировали на предмет осуществимости предложенного в нынешних условиях, но в целом преобладал скептицизм, как по поводу своевременности затеи, так и в отношении ее заведомо научной ориентации. Да, конечно, архивные изыскания нужны, но попасть в секретные, тем более лубянские архивы все так же невозможно, да и стране гораздо важнее сегодня не академические разработки, а широкая общественная деятельность, политические реформы и создание гражданского общества... В любом случае, стоит подождать завтрашнего визита к Афанасьеву и выслушать его мнение...

Мнение свое Юрий Николаевич выразил весьма осторожно. Пришли мы к нему, естественно, с сумкой книг, но оказалось, что томики «Минувшего» уже стоят на полочке в кабинете ректора.

Разговор велся в контексте столь популярных в те годы высказываний о необходимости изучения «белых пятен» советской истории, правда, границы этих «пятен» проступали вполне четко: история страны по-прежнему идентифицировалась с историей партии, а предметом изучения должны были стать внутрипартийные баталии – воскрешение Бухарина и Троцкого, осуждение массового террора, коллективизации и иных «сталинских преступлений» – т.е., по существу, развитие традиций времен хрущевской «оттепели», которым вполне отвечали пьесы Шатрова, рыбаковский роман или фильм Абуладзе... Все, что выходило за эти рамки, как минимум, оставалось полулегальным – в ожидании более либеральных времен. Потому, вполне благосклонно рассматривая возможность объединения усилий западных и советских историков, Юрий Николаевич отнесся довольно скептически к идее независимого издательства, тем паче – на базе эмигрантского, предложив в качестве альтернативы использовать близкое ему и давно существующее – «Прогресс». Там можно было бы репринтировать тома «Минувшего», разумеется, не целиком, а в выборке (скажем, о публикации работы Пайпса «Создание однопартийного государства в России», конечно, речи быть не может), а в дальнейшем продолжать исследования в тесном сотрудничестве с Истархом...

К планам создания всесоюзной ассоциации молодых историков Юрий Николаевич проявил интерес гораздо более живой и вполне конкретный. Конечно, такая организация была бы чрезвычайно полезна, особенно сегодня, когда тяга к осознанию прошлого в обществе столь велика, а необходимость в его объективном изучении вполне назрела. Ректор был готов лично включиться в эту работу и подключить своих студентов и преподавателей...

За сим аудиенция завершилась, договорились связаться в ближайшее время.

Выйдя от Афанасьева, кажется, еще в коридоре института, мы в первый раз поругались: я назвал принимавшего нас прораба «вторым секретарем райкома» – тем, который «по идеологии», а Сенька набросился на меня, доказывая, что я просто не понимаю, насколько удачно прошел наш визит, и как важно, что именно ректор Истарха готов принять участие в создании нового движения...

Трудно сказать, насколько искренен был Афанасьев, но в его политическом чутье сомневаться не приходится. По-видимому, идею признали многообещающей для «раскачки улицы» – крайне выгодной тогда новой власти и ее идеологам, которые нуждались в возможно более широкой общественной поддержке. Уже через несколько месяцев инициативная группа «Мемориала» возникла в Москве, а к весне – в Питере и других городах. Естественной частью влилось в него и ядро правозащитников, а демонстрации и митинги «в поддержку демократии» и, конечно, ее лидеров стали обычным мемориальским хлебом. Когда осенью я вновь приехал в страну и зашел к ректору Историко-архивного института, Юрий Николаевич мог беседовать уже только о новой организации и через каждые две минуты разговора восклицал: «Где Арсений?», «Мне необходим Арсений!», «Куда исчез Арсений?»... К маю 88-го, появившись очередной раз в Москве, я увидел, что работы по подготовке учредительного съезда идут полным ходом, а в состав оргкомитета входят уже и Адамович, и Карякин, и прочие «прорабы». А два месяца спустя, на 19-й партконференции сам Горбачев открыто произнес фразу о необходимости изучения прошлого и санкционировал создание «Мемориала».

Правда, ассоциацию молодых историков все это напоминало крайне слабо, зато более чем подходило к понятию «широкой общественной деятельности»... Интерес к истории действительно был тогда чрезвычайно велик, хотя и имел вполне поверхностный, даже немного магический характер – ожидания чуда: вот откроются архивы, узнаются последние тайны режима – и все пойдет по-иному... Долго продлиться это не могло, но, разумеется, конъюнктуру следо-

вало использовать, что и проделали блистательно политики «новой волны». К серьезной постоянной работе по восстановлению прошлого весь этот шум касательства не имел. Уже года через три начался неизбежный отлив, а с 92-го, когда несчастного отца перестройки предали и фактически отстранили от власти его же соратники, развалив для этого страну, а в оставшейся ее части начался гайдаровский эксперимент, – интерес к истории и вовсе угас, сменившись гораздо более активными поисками средств к выживанию, сначала профессиональному, а затем и откровенно биологическому...

Сам «Мемориал» при этом не только выжил, но и утвердился, вполне органично войдя в структуру нового общественно-политического устройства. Созданный при нем Научно-исследовательский и просветительский центр разместился в уютном особнячке в гуще старой Москвы – с тыльной стороны печально знаменитой Петровки, 38. Архив, библиотека, небольшой конференц-зал – словом, все, что отличает порядочное, уважающее себя учреждение от всяких там маргинальных групп. Активисты его сделали помощниками депутатов и советниками уполномоченных по правам человека, вошли в руководство всевозможных общественных организаций и частных благотворительных фондов, а создатели центра даже были допущены к работе в лубянских архивах...

Впрочем, все это происходило гораздо позже, в начале девяностых, и сам я ко всему этому касательства уже не имел. Будучи человеком предельно неструктурным, я никогда не разделял стремления абсорбироваться в «порядочное общество», войти в «коридоры власти», а потому от деятельности вновь созданной организации уклонился почти сразу – как только стали очевидными тенденции ее развития – и всецело сосредоточился на осуществлении второй из привезенных в Москву идей – издательской... Отошел от практической работы и Санек, хоть и сохраняя до конца жизни теплые личные отношения с «мемориальцами» и, естественно, принимал самое непосредственное участие в их публикаторской деятельности...

II

Вернулся я в Париж из той поездки, конечно, полностью «отравленным» – и физически, и психически. На уровне физическом это выражалось просто: боль в горле, отсутствие голоса и полная вымотанность после трех недель, проведенных почти без сна. Что до психики – она пострадала гораздо серьезней: все мысли крутились вокруг России, и в последующие четыре года «заболевание» лишь про-

грессировало. Никакая питерская грязь и убожество, никакое жлобство поднимавшихся к власти московских демократических лидеров не в состоянии были снять или хоть ослабить эту «интоксикацию». Скорее даже наоборот. Привкус вины, о котором мне уже приходилось упоминать в первой части мемуаров, необычайно обострился, а в дальнейшем, когда я стал чаще появляться в стране и в конце концов переехал в Москву, к нему присоединилось еще и чувство постоянного жгучего стыда – при виде всеобщей нищеты, которая крепчала с каждым днем. Рассовывая трешки и пятерки в протянутые руки старух, инвалидов (а пару лет спустя – и просто десятилетних беспризорных детей) – я ощущал себя без всякого преувеличения мерзавцем. Избавиться от этого гнусного чувства удавалось лишь после нескольких стаканов алкоголя...

И все же главным приобретением поездки стала перспектива работы в естественной, на сей раз уже вполне открытой связке с друзьями. Это перевешивало всё.

Парижская жизнь на таком фоне не то что бы тускнела, но гораздо отчетливее проступали в ней негативные стороны эмигрантского бытия. Не исключая, что связано это было в значительной мере с изоляцией последних лет, которая после возврата из России лишь возросла и ощущалась особенно остро – по контрасту с Питером. Но не только...

Перестройка вносила полную сумятицу в отношения метрополии и рассеяния, в установленную раз и навсегда идеологическую схему, где первой отводилась роль «империи зла», эмиграция же ощущала себя «не в изгнании, а в послании»... Теперь схема эта начинала трещать по швам, обещая в недалеком будущем, если дела пойдут в ту же сторону, полностью лишит рассеяние политическое и даже культурного смысла: вместе с противостоянием для диаспоры исчезал и ее «raison d'être».

Интерес к происходящему в Союзе колебался между надеждой и недоверием, особенно в первые годы. Скажем, Кирилл Померанцев, если при нем заводились разговоры о переменах в России, любил рассказывать байку Сергея Милича Рафальского – одного из старейших журналистов «Русской мысли»: «Когда только начиналась хрущевская оттепель, все поверили в изменение режима, а я так сразу и сказал: “Ах, оттепель? Ну, теперь завоняет”»... Это, конечно, всего лишь бутада, но довольно точно передающая тогдашний настрой.

Изменения проявились где-то к концу 88-го и особенно в 89-м – перед съездом народных депутатов, когда в стране удалось реально «раскачать улицу», множество неподконтрольных власти групп и

движений вышло на поверхность, а навстречу потоку рвущихся на Запад «прорабов перестройки» в Москву устремился встречный, правда, еще не поток, а пока лишь ручеек эмигрантов... До того положение сохранялось неустойчивое, а эмигрантская печать предпочитала вполне жестко критиковать действия властей и отечески поучать неопытных реформаторов, не забывая при этом отстаивать свой приоритет в «деле демократизации общества»... Реальный же перелом произошел в 91-м, на гребне той мутной волны, что захлестнула страну, а вместе с тем окончательно погребла остатки благосостояния эмигрантских организаций, газет, журналов, издательств, – когда поток западной финансовой помощи изменил направление, будучи полностью переключен на метрополию... В январе следующего года, уже переехав в Россию и проведя осень в Москве, я вернулся на несколько недель в Париж – закончить дела и забрать от Флока давно готовый тираж двенадцатого, последнего французского тома «Минувшего». Когда я позвонил в Нью-Йорк Джорджу Миндену договориться о распространении книги, тот меланхолично ответил: «Господь с вами, эта эпоха кончилась, забудьте о ней. Считайте, конторы уже нет. Мы, старики, уходим на пенсию, а вам совету, пока не поздно, менять род занятий»...

Впрочем, анализ общих процессов не входит в задачу данного мемуара. К тому же весной 87-го обо всем этом еще не было речи, да и не раздумывал я над глобальными проблемами. Задача стояла вполне конкретная: нужно было приниматься за строительство параллельной «Atheneum'у» структуры в Союзе, хотя как это сделать, я совершенно не представлял. Единственным реальным способом оставалось в те годы создание совместного франко-советского предприятия. При этом вставал естественный вопрос: с кем его создавать? Афанасьев явно не проявлял интереса к идее, достучаться до Академии наук казалось практически невозможным, я понял это после осторожных разговоров с Палиевским на конгрессе по Флоренскому в Бергамо и безуспешных попыток связаться с Лихачевым в Питере. Рассчитывать на возникавшие в то время кооперативные книжные предприятия было глупо: эти эфемериды и сами дышали на ладан, а уж о реальных возможностях совместного дела с эмигрантским издательством всерьез говорить не приходилось. Вот разве что творческие союзы, о «революции» в которых твердили и знакомые, приезжавшие в Париж, и друзья в России...

Главную роль в реализации безумной затеи сыграл Толя Смелянский, так что своим возникновением «Феникс», как минимум наполовину, обязан ему. Смелянский появился в Париже, если не изменяет память, в конце 87-го как участник театроведческой конфе-

ренции, на которой выступил с блестящим докладом о пореволюционной судьбе Художественного театра. Приезжал он и вместе с труппой МХАТа, гастролировавшего во Франции.

Надо сказать, что наезды советских театральных коллективов в те годы были постоянными, не только на авиньонский фестиваль, но и в столицу.

В «Одеоне» выступала Таганка с блистательной Ольгой Яковлевой, выглядевшей каким-то инородным телом в лубимовском оркестре. С Малой Бронной ее привел с собой в труппу Анатолий Эфрос, и эта инородность актрисы ощущалась и на сцене, и особенно за кулисами, вне спектаклей. Сам Анатолий Васильевич только что скончался, и в продолжение всех гастролей в фойе театра стоял его большой портрет с траурной лентой, а представление горьковского «Дна» посвящалось его памяти.

В Бобиньи показывал «Серсо» Васильев, вслед за ним выступал Юрский, и с собственными чтениями, и в качестве одного из актеров французской труппы. Додин привозил свой театр с абрамовскими «Братьями и сестрами»...

МХАТ давал представления в Пале де Шайо. Стандартный набор: «Чайка» и «Дядя Ваня» со Смоктуновским и Евстигнеевым.

Анатолий Миронович Смелянский был завлитом театра, а вместе с тем – еще и профессором, и проректором по науке Школы-студии МХАТ, и третьим секретарем Союза театральных деятелей, и одним из самых популярных московских критиков... При всем том оставался настоящим ученым, прекрасным архивистом и театроведом...

До сих пор не понимаю, зачем ему, человеку вполне преуспевающему во всех отношениях, понадобилось влезать в дело, по тем временам совершенно невероятное, а не исключено – и опасное. Но Толя влез, да еще, что называется, по уши. Причем сделал это после первого же разговора с глазу на глаз в помещении «Atheneum'a» на rue Duhesme. Без колебаний. Объяснив свое решение простым перифразом из Пушкина: «Я помочь тебе хочу...»

Уже весной я получил приглашение от Союза театральных деятелей РСФСР приехать в Москву для переговоров. Союзов было два (как и МХАТов): республиканский возглавлял Ульянов, общесоюзный – Шатров. Оба они, в результате проведенных Смелянским бесед, согласились войти в соучредители франко-советского книгоиздательского дела. А кроме них в учредительском совете были представлены Институт искусствознания Академии наук и, уже вполне естественно, табакоская Школа-студия МХАТ. В качестве единственного французского партнера выступал «Atheneum».

Собственно, после этой поездки в Союз вся дальнейшая парижская жизнь стала определяться визитами на историческую родину, которые постепенно взламывали устоявшийся круг занятий: их делалось все труднее сочетать с жестким институтским расписанием – и в 90-м я покинул «Sciences Politiques»; еще до этого перестал писать в «Новое русское слово» – времени едва хватало для главного: работы над книгами. Оставалось лишь Французское международное радио, поскольку работа внештатника не связана непременным условием присутствия в редакции. Так что здесь я продержался до лета 91-го года, т.е. до отъезда в Россию...

Открытие переговоров с «партнерами» изменило и сам характер поездок: туризм завершился, началась конкретная работа по созданию «Феникса»...

Директором его согласился стать Саня Добкин, отреагировавший на мое предложение столь же однозначно, как и Смелянский: «Вся твоя»...

Жили мы в тот приезд в гостинице «Россия», причем Саня оставался в ней совершенно нелегально: мне дали почему-то двойной номер, в котором мы вполне нагло поселились вместе. Саня проходил в гостиницу по моему «пропуску постояльца», а я предъявлял свой французский паспорт, что в то время производило магическое действие на охрану. Естественно, все коридорные знали о нашем «сожительстве», но никаких мер гостиничное начальство не предпринимало, даже белье аккуратно менялось на обеих кроватях.

Столь необычное гостеприимство мы отнесли тогда на счет «компетентных органов», поскольку все разговоры в номере велись вполне открыто, что облегчало их прослушку, если, конечно, такая имелаась...

А разговоры были нескончаемы, и с приходившими друзьями, и особенно между собой: ночами напролет обсуждали мы прошлое и настоящее, восстанавливали детали совместной работы, спорили...

Это был удивительный случай заочных отношений с попаданием в десятку. Правда, Санек уверял, что мы дважды встречались до моего отъезда в 75-м – в январе на процессе Марамзина и летом, когда наши с Радой документы уже находились в ОВИРе. Вполне возможно, так оно и было, но почему-то я этого не отметил. Зато совершенно отчетливо помню, как в первый раз увидел его на присланной ребятами групповой фотографии: Сенька, Саня и Сергей Дедюлин.

Если Рогинский оставался организатором и распасовщиком идей, то Саня и Феликс Перченоч были тягловыми лошадьми «Памяти», выполняя значительную часть черновой работы по реализации блестящих Сенькиных проектов. На них лежало и общение со стариками, и редаKTура, и перелопачивание груды материалов, необходимых для подготовки комментария к текстам, и связь с машинистками... Санек кроме того осуществлял в большинстве случаев функции «письмоводителя», а после Сениного ареста – эта обязанность легла на него целиком. Именно переписка и послужила основой отношений: при всех недомолвках, совершенно неизбежных для «закрытых» писем, она в продолжение многих лет выявляла удивительную близость общих оценок событий и людей, что казалось особенно невероятно при полном несхождении наших характеров. Появление мое в Союзе и дальнейшее личное общение это сходство лишь подтвердило...

Представить себе Добкина генеральным директором издательства, да еще «совместного», можно было разве что в ночном кошмаре. Человек тихий, кабинетный, предельно законопослушный, необычайно мягкий в обращении и панически боявшийся начальства, он воспринимал любой поход к советскому чиновнику как катастрофу. По существу, так оно и было: всем своим интеллигентским видом Саня неизбежно вызывал ненависть, полное и окончательное неприятие со стороны всякого «кувшинного рыла», и пока он произносил нескончаемые вежливые обороты, формулировка отказа уже складывалась в голове хозяина кабинета...

Оставаясь во Франции, помочь ему я не мог: истерические звонки из Парижа, факсы и письма Смелянскому или в СТД, вероятнее всего, давали обратный эффект; лишь во время кратких наездов в Москву мы вместе отправлялись «по инстанциям», все остальное время нескончаемый бумажный воз тащить приходилось Сане.

Он мучался, страдал, но покорно писал заявления и письма, ходил по бесчисленным ведомствам, просил, объяснял, получал отказы и снова отправлялся по каторжному своему кругу... Это упорство, иногда переходившее в настоящее упрямство, и редкая внутренняя твердость отчасти компенсировали интеллигентные манеры, и с третьего или четвертого захода чиновники все-таки дослушивали его и даже ставили положительную резолюцию, по-видимому, проникаясь уважением к столь безграничному терпению просителя. Но до самого конца московского «Феникса» он так и не смог привыкнуть к своей директорской роли.

После открытия питерского отделения и фактического перевода туда всей издательской деятельности Саня с облегчением передал

административные функции Тане Притыкиной – директору здешнего филиала – и сосредоточился лишь на редакторской работе и связи с авторами...

В той гонке с препятствиями, что представляло собой открытие издательства, договор с советскими партнерами стал шагом наиболее простым и безболезненным: Шатров, Ульянов, Табаков и Котовская (директор Института искусствознания) без каких-либо возражений подписали «протокол о намерениях», а затем и соглашение об организации франко-советского книжного дела и все связанные с этим документы. Конечно, основой столь дружественной реакции явилась предварительная работа Толи Смелянского. Но, в сущности, риск был невелик: репутация «Atheneum'a» к тому времени уже вполне устоялась, его книги покинули полки спецхранов даже в Ленинской библиотеке, а когда отдельные томики «Минувшего» появлялись у букинистов, цены на них назначали совершенно умопомрачительные (в Питере, если память не изменяет, по сто сорок рублей за том – месячная зарплата инженера). К тому же почти все финансовые расходы по созданию нового дела ложились на западного партнера: внесение во Внешэкономбанк уставного капитала, оплата регистрационных сборов, покупка издательской лицензии...

Что до советской стороны, ее материальное участие выражалось в предоставлении двух помещений – для книжного склада и для конторы «Феникса». Главным же образом она выступала «гарантом солидности» нового предприятия в глазах властей.

По-видимому, гарантий оказалось недостаточно. Почти год не могли мы пробить регистрацию в Министерстве юстиции и Минфине. При этом мотивированного отказа никто не давал. Вопрос, как всегда, решался вне легально установленных учреждений, и КГБ держал наши бумаги мертвой хваткой, явно не будучи в состоянии переварить саму идею пересадки эмигрантского издательства на отечественную почву. Запросы секретарей СТД оставались без ответа, в лучшем случае мы получали невразумительные отписки со ссылками на постоянные изменения, вносимые в законы о совместных предприятиях, и трудности, с этим связанные...

(Чтобы понять, насколько тяжело пробивалось тогда любое нестандартное дело и как изменилась ситуация за какие-то три-четыре года, отмечу, что утверждение документов соросовского фонда примерно в то же время проходило на специальном заседании Совета Министров, а резолюцию на них ставил Николай Рьжков. Зато уже в 92-м, когда мы решили открыть питерское отделение «Феникса», – Тане Притыкиной потребовалась всего неделя для оформ-

ления бумаг и регистрации нового издательства. Сделали мы это, чтобы уйти от проклятого клейма «совместного предприятия», вызывавшего у любого, особенно московского чиновника представление о долларовом дожде: подобные конторы рассматривали исключительно как баранов, предназначенных для постоянной стрижки – и официальной, и приватной, а Москва уже становилась полностью коррумпированным, чтобы не сказать уголовным, городом... Помню, как весной 91-го, во время одной из бесчисленных перерегистраций, в которой Добкину дважды отказали, мы с Саней пробилась на прием к начальнику Московской регистрационной палаты, и тот, проникшись почему-то симпатией к благородному начинанию, поставил разрешающую подпись, долго говорил о бедственном положении культуры, а перед самым прощанием неожиданно задал доверительным тоном вопрос: «И сколько мои ребята с вас хотели снять?...»)

Неизвестно, как долго длилась бы эпопея регистрации «Феникса», не лопни терпение у Толи Смелянского. Нацепив все свои регалии – профессора, проректора, секретаря, – он отправился к Губенко, бывшему тогда министром культуры. Николай Николаевич, выслушав историю наших мытарств, снял трубку и в Толином присутствии обзвонил по вертушке всех, кто имел отношение к этому делу, включая самого Крючкова. По-видимому, столь явная заинтересованность министра произвела надлежащий эффект. А может, просто сработало «вертушечное право». Во всяком случае, через пару недель мы получили вожделенные подписи и печати на всех учредительных документах.

Легальное существование «Феникса» началось...

К тому времени девочки из секретариата СТД уже сделали мне годовую многократную визу, так что в страну я мог летать в любое время, минуя унизительные походы в советское консульство, где приходилось выстаивать многочасовые очереди, да еще, как минимум, по два раза: для подачи документов, а через несколько дней – для получения самой визы.

В связи с изменением «статуса» необходимость гостиницы отпадала, к тому же в «Украине», где я последнее время останавливался, нравы были не столь либеральны, как в «России», и Добкину во время наездов в Москву приходилось жить на совершенно птичьих правах в крохотной комнатке секретаря «Мемориала» Лены Жемковой, заставленной чуть не до потолка коробками, чемоданами и

прочим общественным скарбом. Потому мы стали снимать небольшую квартиру на Масловке, рядом со стадионом «Динамо». Хозяйка нашего жилища, Мария Степановна, пенсионерка лет шестидесяти с небольшим, была счастлива заполучить «интеллигентных» жильцов, не торговавшихся о цене, к тому же «иностранцев», готовых платить в валюте. Правда, последнее обстоятельство ее немного смутило – окончательной долларизации страны еще не произошло, и, подумав, она предпочла советские рубли, за что тут же получила нагоняй от дочери, гораздо дальше продвинутой по части «бизнеса».

Нас с Саней квартирка вполне устраивала: тихая улочка, рядом с метро, почти центр города... А главное – после мотания по гостиницам и чужим комнатам собственное жилье давало ощущение оседлости, подобие размеренного, установившегося быта и, что не менее важно, – вполне уютное место для встреч и общения с людьми, которое в России всегда происходит вокруг стола...

Чего в ней только не проговаривалось: и материалы очередных томов «Минувшего», и содержание первых «Звеньев», и неосуществленное – разработка энциклопедии русского кино, планы создания «Исторических тетрадей» – двухмесячника на основе материалов из ГАРФа, Истпарта и как раз создававшегося тогда Центра хранения документации по новейшей истории...

Здесь же в самом конце 90-го, если не изменяет память, собрался ареопаг московско-петербургских филологов для первого обсуждения «Лиц». Наша единственная комната была забита народом, а мы с Саньком в качестве хозяев едва успевали заваривать чай.

Идея альманаха принадлежала Борису Лаврентьевичу Бессонову, сотруднику Пушкинского Дома и Словаря писателей, очередной том которого уже несколько лет гнил в «Советской энциклопедии». Надежд на его скорый выход, а уж тем более на публикацию следующих томов было немного. К тому же словарная статья спрессована до предела и по объему несоизмерима с материалом, который нужно перелопатить для ее написания. Борис Лаврентьевич предлагал создать новый альманах, посвященный, главным образом, «деятелям второго ряда культуры», – на основе словарных разработок и архивных находок. Кажется, единственными, кто поддержал идею, оказались, опять-таки, мы с Саней...

Здесь же, на Масловке, провел я удивительную ночь в общей камере местного отделения милиции. Произошло все на редкость банально. После разговоров о «Звеньях», естественно, в некотором подпитии, часа в три ночи отвез я домой, на Смоленский бульвар, Никиту Охотина. А возвращаясь, у разворота перед мостом на Су-

щевку налетел на милицейский патруль. Молоденький лейтенант, видимо, лишь недавно выпущенный из школы МВД, а потому еще не окончательно ссученный, был непреклонен: никакие разговоры о том, чтобы разойтись ко всеобщему удовлетворению, действия не возымели. Явно посчитав себя оскорбленным намеками на материальное вознаграждение, он забрал мои документы и велел следовать за «раковой шейкой», благо ехать до отделения не более пятисот метров. История выглядела настолько глупо, что я развеселился и по приезде в дежурную часть отказался говорить по-русски, заявив, что являюсь иностранным гражданином и требую присутствия переводчика из французского консульства. Лейтенант, с которым мы десять минут назад беседовали на родном языке, несколько опешил, но дежурный старлей, уразумев мои требования, посмотрел на «иностранца» довольно скептически и сказал: «Ну, что ж, переводчика, так переводчика. Консульство открывается, кажется, в девять утра, а до того времени прошу...» И распахнул дверь гигантской железной клетки позади своего стола – общая камера для задержанных...

По периметру клетки шла сплошная скамья. Постояльцев вроде немного: на полу, притулившись к скамейке, спал мужчина в разодранном пальто, напротив что-то непрерывно бормотал податый и облевавшийся старик, рядом с ним – женщина неопределимого возраста с заплывшим глазом, тоже полупьяная. Вот, кажется, и все.

Я сидел сбоку от входа в камеру, наблюдая происходящее, слушая ленивый треп блюстителей закона и вспоминая другое отделение, где четверть века назад мне тоже пришлось заночевать...

Было это в Кзыл-Орде весной 68-го, во время первого опыта «бичевания» (доармейские археологические экспедиции не в счет). Нас с Комаровым сняли с площадки товарняка и препроводили в отдел дорожной милиции.

В тот год мы оформили на физфаке справки об академическом отпуске, сложили рюкзаки и рванули на юг. Оба пытались писать, бредили Заболоцким и Хлебниковым, обоим осточертела ежедневная канитель и беспросветка, оба мечтали «дервишествовать». Чего было здесь больше: наивной романтики в стиле Джека Лондона и Паустовского или простой неприкаянности – судить не берусь. Помню лишь, что оставаться в городе стало вдруг не по силам, неудержимо тянуло в дорогу, куда угодно, лишь бы не сидеть на месте...

Денег на билеты хватило только до Ртищево. Оттуда, уже товарняком, добирались к Пензе. Прыгать в состав пришлось на ходу, времени приглядываться не было, так что лишь оказавшись на площадке, мы обнаружили впереди несколько открытых вагонов с углем. Естественно, в Пензу приехали совершенно черные и на

окраине города несколько часов отмывались и отстирывались у колонки.

Отдышавшись, двинулись дальше, теперь уже вновь на пассажирских, но используя более хитрую методику: билет брали до ближайшей станции, вещи забрасывали на верхнюю полку, а сами отправлялись в вагон-ресторан, где и отсиживались за стаканом чая. Главная опасность заключалась в проводниках, время от времени курсировавших через помещение ресторана. За Актюбинском нас все-таки засекли. Последовала разборка в купе начальника бригады. Врали мы напропалую: дескать, физики, работаем с археологами по определению возраста предметов, найденных на раскопках, отстали от экспедиции, группа уже в Коканде, а мы вот застряли, оказавшись без билетов и без денег... В конце концов в милицию нас сдавать не стали, просто остановили поезд в казахской степи, открыли дверь вагона и выкинули вон. Следом полетели рюкзаки...

Надо сказать, что Мугоджары даже весной являют зрелище не из самых веселых: песчано-каменистое голое пространство, без воды, без растительности, если исключить редкие заросли жесткой травы да верблюжью колючку, этакая хвостенковская «полустепь-полупустыня»...

Поезд ушел. Мы сидели на рельсах и размышляли, что делать. Рядом валялась перерезанная колесами полуметровая гюрза, вдаль у насыпи жевал колючку верблюд, еще дальше, километрах в двух, виднелось несколько казахских юрт... Добравшись до них и с грехом пополам объяснившись, мы узнали, что единственный транспорт здесь – маленький паровичок, который дважды в неделю развозит почту, хлеб и прочий провиант для пастухов. На нем можно добраться до Эмбы или до Челикара, и хотя большинство поездов на этих полустанках не останавливается, найти средство для дальнейших передвижений там будет гораздо легче.

Так и сделали, сев через сутки на почтовую платформу, а затем, уже в Челикаре, на товарняк, идущий в Ташкент...

Просмотрев документы и выслушав историю несчастных студентов из Питера, кзыл-ординский сержант отнесся к нам не просто благожелательно, а с каким-то отеческим сочувствием: ничего, мол, ребята, бывает, не горюйте, что-нибудь придумаем... Спать нас отправили не в камеру, а в служебную комнату отдыха, где оказался даже бильярд. Правда, нам было не до игры. Попечение на этом, однако, не кончилось. Проснувшись поутру, я обнаружил на бильярдном сукне пиалу со сметаной и четыре свежайших, еще горячих лепешки, а когда после умывания и завтрака мы появились в дежур-

ке, сержант встретил нас и вовсе как родных, сообщив, что уже договорился с бригадой уходящего через пару часов товарняка подбросить нас до Чимкента...

Что это были за дивные месяцы! Конечно, ни о каком реальном «бичевании» говорить не приходилось. Мы жили среди бичей, но жили иначе: зарабатывали, путешествовали, а когда кошелек истощался, останавливались и работали там, где заставал финансовый кризис.

У настоящих бичей мы вызывали недоверие, а чаще – в «труподовые» периоды – открытую враждебность. Прежде всего потому, что вкалывали как сумасшедшие, в то время как нормальный бич лишь «проводит время». Когда мы устроились в Коканде на местную овощебазу грузчиками, аборигены нас просто возненавидели: вдвоем с Комаровым мы заменяли восьмерых. Поначалу мы грузили ящики с капустой в машины, отправлявшиеся на вокзал, но после того, как вокзальная бригада взвела от навязанного ей темпа, нас поменяли местами. В результате восемь человек работали на базе, а мы вдвоем – на станции, загружая за день сорокатонный вагон-холодильник. Гонка была адовая, причем на тридцатиградусной жаре. Времени между машинами хватало лишь на то, чтобы ополоснуться под колонкой. К ночи мышцы гудели от напряжения, иногда мы валялись спать прямо на капустные горы, не в состоянии доползти до общаги пединститута, куда устроил «питерских студентов» местный проректор, расчувствовавшись от нашей очередной леды...

База специализировалась на отправке свежих овощей на Север – в Кандалакшу, Мурманск, Архангельск, Воркуту. Хозяева ее наживали буквально миллионные состояния: молодая капуста, приобретаемая в конце мая – начале июня по сорок копеек за килограмм, продавалась в северных районах по три рубля, а то и дороже. Больше года директор на своем месте не задерживался: слишком опасно, можно и присесть. За один рабочий сезон строилась квартира, дача, приобреталась «Волга», а дальше – следовало уносить ноги. Нерасторопных (по рассказам старожилов, таких лишь за последние годы было двое) прихватывало ОБХСС...

К нам, своим главным и единственным «ударникам», директор благоволил: угощал пловом и лагманом, а в конце рабочего дня еще и пивом, приносимым из ближайшего ларька в трехлитровых полиэтиленовых мешках – посуда в кокандских пивных явно была дефицитом. За три с половиной недели он выписал нам почти по пятьсот рублей, чем привел в восторг: сумма заработка намного превышала оклад заведующего кафедрой, и мы чувствовали себя «людьми»...

На поездах, в автобусах, просто на попутках исколесили мы в тот год весь Узбекистан и Туркмению, от Шархисябза до Хивы и Ургенча, от Коканда и Ферганы до Красноводска. Ночевали в караван-сараях и студенческих общежитиях, у добросердечных суфиев и православных священников, в брошенных домах и под открытым небом... Попадали в самые невероятные истории, из коих выбирались столь же невероятным путем. Мы были молоды, сильны, здоровы и предельно любопытны к жизни, столь непохожей на оставленную в Питере...

Добравшись до Каспия, переправились на пароме в Баку и двинулись по Кавказу...

Расстались мы с Комаровым в Ростове-на-Дону, где Генка застрелял у знакомой женщины, ставшей впоследствии его первой женой. Дальше я отправлялся один: нанялся грузчиком в Армавире, а затем, подзаработав, переместился в Крым – через Тамань, Керчь, Феодосию.

Вернулся в Питер в самом конце октября. Из Симферополя позвонил домой и узнал, что отец совсем плох: метастатическая стадия рака. В январе его не стало...

Вероятно, главным результатом поездки оказалось то, что на физфак я уже не вернулся, уйдя на филологический и восточный и окончательно сменив «физику на лирику». Что же до «вируса бродяжничества», он на многие годы поселился в крови, таская меня по Союзу, а затем, после выезда, – и по всему свету...

Воспоминания прервал дежурный, вызвав меня к появившемуся на службе начальнику масловского отделения: на часах половина девятого. Подполковник был явно раздосадован чрезвычайным происшествием: присутствием в камере иностранца, перспективой общения с дипломатической службой и неизбежной за всем тем головной болью при разбирательстве дела в вышестоящих кабинетах. Посему старлей получил взбучку за свою принципиальность, а меня – после отеческой беседы о нравах на французских дорогах, различиях в законодательстве и трудностях советской милиции – отпустили с миром, вернув документы, машину и даже не взяв положенного в таких случаях штрафа...

Париж меж тем все более заполнялся советским людом. В этом, как и во многих иных отношениях, 89-й год стал переломным. Двери страны полностью открылись, иногда создавалось ощущение, что

их просто вышибла волна всевозможных «прорабов»: новоизбранных депутатов, правозащитников (заслуженных и не очень), феминисток (молодых и не слишком), общественников всех цветов и оттенков, научных работников, литераторов, режиссеров...

Поехали уже и близкие друзья. Летом Витя Семенов привез на кинофестиваль в Бобур «Казенную дорогу», за которую и получил первый приз. За ним последовали Галя Кузнецова, Яша Назаров. Бедная Кузечка поначалу впала в ступор, панически боясь выходить на улицу и предпочитая городским красотам подчитку корректуры громадного тома документов эсеровской партии, который я тогда готовил к печати. Витька уже бредил «Домом Романовых» и полной разработкой документального киноархива в Красногорске, так что все окружающее воспринимал лишь «вполглаза». И только Яков оставался благодушным и невозмутимым, чувствовал себя в Париже как рыба в воде, почти не уделял внимания фестивалю, куда тоже привез свою картину, и сутками блуждал с фотоаппаратом по городу...

В том же 89-м, после тринадцати лет «отказа», получил разрешение на выезд из страны Валерка и к концу года вместе с Жанночкой, сыном и Натальей Николаевной перебрался во Францию. Увы, Жаннета приехала в Париж совершенно больной: головокружения и обмороки, которые отечественные эскулапы объясняли исключительно климаксом, при ближайшем рассмотрении оказались симптомами злокачественной опухоли мозга. Оперировавший ее хирург был вполне откровенен: максимум три года жизни, и то при благоприятном стечении обстоятельств...

Потянулся в образовавшуюся брешь и ручеек эмигрантов. Отправились в Москву Синявские. Помню необычайно светлое, какое-то мальчишеское лицо Андрея, когда он с удивлением рассказывал, вернувшись в Париж, о поездке и встречах: «Всегда считал себя вне советской литературы, и вдруг обнаружилось, что я не только присутствую в ней, но никогда и не выпадал...»

Двинулись и другие. Видимо, признание в отечестве составляет одну из самых глубоких и затаенных потребностей эмигранта, особенно если он человек творческий. Здесь и реванш за неудачу первой любви, и сама любовь, мучительная, неутоленная, которую поддерживают и разогревают годы жизни в диаспоре, связанной с метрополией тысячью нитей: культурой, памятью, да и просто способом мышления. Если человек покидает страну вполне сложившимся, взрослым, ему уже никогда не стать французом, канадцем, американцем или израильянином. Можно привыкнуть к новой среде,

войти в нее, принять умом и даже сердцем. Но на самом глубоком, подсознательном уровне ты несешь в себе «генетический код», который не в состоянии стереть никакой жизненный успех, никакая «абсорбция», никакие годы. Скорее наоборот: как сходство с родителями, этот код со временем проявляется лишь отчетливее. Политические взгляды при этом вторичны: они определяют только насыщенность диалога с оставленной родиной, но не его наличие. Шалапин мог завещать: «К этой сволочи ни живым, ни мертвым»; Набоков в «Других берегах» язвить: «советская энциклопедия словно крови в рот набрала» – все эти филиппики лишь подчеркивали присутствие у обоих постоянной разности потенциалов с Россией, того электрического напряжения, что определяет понятие эмиграции, наделяет его смыслом, а может быть, и самой жизнью...

Помню, как Мелик Агурский восторгался во время горьковской конференции в Нью-Хэвене общением с Александром Овчаренко, а вернувшись из Москвы, с упоением рассказывал о приеме в ИМЛИ, который устроил ему Феликс Кузнецов. Казалось бы, «что ему Гекуба?»: Мелик был к тому времени профессором университета, крупным деятелем рабочей партии и одним из наиболее уважаемых политологов Израиля. К тому же, на обоих упомянутых персонажах, что называется, клейма ставить негде, того же Овчаренко за руку ловили в Бахметьевском архиве на краже документов. А вот, поди ж ты... При этом Мелик был совершенно искренен, вполне скептически настроен и не настолько тщеславен, чтобы не понимать реального масштаба и смысла происходящего. Здесь чувствовалось иное – тот сплав эмоций, который определяет в большой мере эмигрантское сознание и о котором я говорил выше. Мелик умрет в 91-м, в Москве, во время «путча», приехав в страну на Конгресс соотечественников. Воистину, открывший ящик Пандоры должен понимать, что его ждет...

В квартире Алика Гинзбурга одна из стенок в гостиной к тому времени окончательно приобрела вид промышленно-футуристический: факсы, магнитофоны, видео, телевизоры... Бесперывные звонки из Москвы, передачи текстов для «Русской мысли» от Подрабиника, Сендерова, Тимофеева... Первые полосы газеты уже прочно заняли «Вести с родины», которые Алик составлял на основе полученных материалов, а сама «Русская мысль» (как, впрочем, и Синявские, Любарский, Никита Струве, Максимов, Перельман и т.д.) – постепенно принималась подыскивать в России партнеров для издания в метрополии. Жизнь диаспоры начинала все более ориентироваться на Россию...

Внутри страны «вышибание дверей» проявлялось уже и в иной, обратной форме: стремительного поглощения всего, что выработала за семьдесят лет эмиграция. Началось, конечно, с религиозной философии, затем пришел черед литературы. При этом, по обыкновению, качественный критерий полностью отсутствовал: никакой разницы между Ходасевичем и Перелешиним, Зайцевым и Лукашом, Ивановым и Кленовским, важен был лишь ярлык «эмигранта» – в общем, почти по Галичу: «все одной зеленкой мазань». Битва шла, скорее, по принципу «проходимости» книги через не отмененную пока цензуру, которая ужесточалась в основном с приближением издаваемого автора к сегодняшнему дню. В этом отношении «Несвоевременные мысли» Горького стали более ходким товаром, чем бунинские «Окаянные дни», а исторические романы Алданова пробились несравнимо легче солженищинского «Архипелага». Естественным результатом такого подхода стало полное «несварение желудка», а культурное наследие диаспоры, наспех заглоченное, так и осталось «непереваренным»...

И уж совсем мерзким выглядело приспособление эмигрантских авторов для «нужд политического момента»: неперемное сюсюканье по поводу ностальгии изгнанников, столь же обязательной их нищеты и, конечно, патриотизма и любви к оставленной родине... Кладбище в Сент-Женевьев де Буа наводнили бесчисленные съёмочные группы: ритуальное возложение тряпич с родной землей, крупные планы русских могил, особенно свежих – Галича, Тарковского, Некрасова, похороненного в чужом семейном склепе... Пароксизма своего эта некрофилия достигла в операции по вывозу «уходящей натуры» (к примеру, экстренной отправкой Одоевцевой руководил лично академик Лихачев) и в кампании по перезахоронениям, ограничившейся, на счастье, лишь переносом с Батиньольского кладбища шальяпинского праха. Последнее действие являло сцену совершенно мамлевскую: развороченная могила, дождь, крохотная группа перепуганных эмигрантов, бледный, разве что сознание не теряющий Федор Федорович, полное отсутствие французских представителей, выражавших тем самым протест против изъятия останков, и беснующийся вокруг посольский люд...

В области издательской дело доходило до абсурда, вернее – до вывернутого наизнанку все того же советского принципа: раньше западная публикация на десятилетия хоронила возможность выхода книги в Союзе, теперь положение становилось зеркально противоположным: чтобы напечататься на родине, желательно было «пробить» книгу на Западе. Скажем, не успел я выпустить мемуары Олега Волкова, как старику позвонил директор «Худлита» Георгий Ан-

джапаридзе с предложением немедленной, внеочередной публикации книги...

При этом лихорадка охватила отнюдь не только издателей: советские авторы, в том числе и вполне уважаемые, умудрялись одновременно предлагать свои рукописи и в отечестве, и на Западе, заключая по несколько сделок сразу, усиливая общий хаос и не желая брать в толк, что по традиции подобные переговоры ведутся только последовательно, но никак не параллельно. (Помню, как Ричард Дэвис принес мне рукопись стихотворений Даниила Андреева, которую просил опубликовать; лишь закончив работу, я узнал, что вдова поэта «заслала» ее одновременно в три зарубежных издательства, после чего, естественно, отказался от выпуска книги, передав Ричарду готовый оригинал-макет. Таких примеров можно привести сколько угодно.)

Нет смысла говорить и о том, что в самой России пиратские издания и перепечатки стали в эти годы общим законом, тем более когда в дело включилась масса возникавших, как грибы, кооперативных издательств, для которых понятия «копирайт» не существовало вовсе...

При желании этот хаос, наверное, можно объяснить предшествующими десятилетиями советской власти, системой искусственных запретов, железным занавесом. И все же таких доводов явно недостаточно. В лихорадочной деятельности рубежа 80–90-х, во всеобщей спешке, что выражена уже в самом названии шатровской пьесы «Дальше, дальше, дальше...», – чувствовалась какая-то изначальная внутренняя фальшь, которая неизбежно должна была проявиться в будущем. При этом о самом будущем никто не думал. Возникло ощущение, что слово «послезавтра» напрочь исчезло из лексикона, даже «завтра» стало малоупотребимым, осталось лишь – сегодня, сейчас. Жили сиюминутным, воистину злобой каждого дня.

Сильнее всего проявлялось это, конечно, в области политики. «Раскачивание улицы», наконец, дало плоды: страна митинговала. На демократических трибунах можно было встретить столь противоестественное для нормального взгляда сочетание ораторов, как прокурор Гдлян, академик Сахаров и недавний член политбюро Ельцин. На патриотических – полубезумный фашист Васильев стоял рядом с писателем Распутиным и художником Глазуновым...

Митинговая стихия охватила и прессу – газеты, еженедельники, солидные «толстые» журналы: Анатолий Стреляный призывал перепрыгивать пропасть не в два, а только в один прыжок, не удосуживая ни себя, ни читателя размышлениями по поводу того, что бу-

дет со страной, если прыжок все-таки не удастся. Нина Андреева не желала поступаться принципами и разбирала «пышность пирогов» в России и на Западе, требуя определиться, куда же идти. И уж разве самый ленивый не пинал издыхающий режим, доказывая свою приверженность демократии хлесткостью формулировок.

Съезды народных депутатов заслонили все остальное. Казалось, жизнь замирала на время заседаний, транслировавшихся по телевидению.

Заходя к Ольге Всеволодовне Ивинской, жившей рядом с нами на Масловке, у Савеловского вокзала, я каждый раз поражался ее и Митиной эмоциональной вовлеченности в происходящее на экране. Куда там футбольным болельщикам моей юности. Те могли, да и то лишь в случае крайнего разочарования, устроить драку с милицией или погромить несколько пивных ларьков. Здесь же разыгрывалось действо, сравнимое разве что с античным боем гладиаторов. «Убейте же с трибуны эту дрянь!», «Что еще за ископаемое выпустили!», «Да отключите ему микрофон!» – Ольга Всеволодовна, восседая в кресле перед телевизором, чувствовала себя если не на капитанском мостике, то, по крайней мере, в первом ряду Колизея. Выражала мнение по поводу любой реплики из зала или из президиума, комментировала любое выступление... Я ходил для нее в «ретроградах» и «розовых», любого другого за скептические высказывания в адрес новых демократических кумиров она бы просто испепелила, но мне везло, и ядовитые замечания – исключительно из любви ко мне – вызывали не слишком громовую реакцию или просто не принимались в расчет... Разве что в разгар последующего застолья она могла напомнить, что я оскорбил ее «гражданские чувства»...

Эта зрелищность, постоянное ощущение разворачивавшегося перед глазами изумленной страны спектакля, когда с трибуны произносились вещи, еще вчера невообразимые, невозможные ни при какой погоде, – совершенно завораживала людей, часто лишая их способности здраво воспринимать самую мысль оратора, обычно сводимую к банальности или откровенно демагогическому лозунгу, типа говорухинского «так жить нельзя». (Поразительно при этом, что сам Станислав Сергеевич был искренне убежден в эпохальной роли, которую сыграл его фильм, и где-то через год-полтора, сидя в парижском помещении «Atheneum'a», на полном серьезе доказывал мне, что именно показ его киноленты депутатам позволил избрание Ельцина...)

Дым первых лет перестройки переходил уже в откровенный угар. Несчастный Горбачев продолжал твердить о «социализме с человеческим лицом», о демократизации и прочем, изредка пытался

жать на тормоза, но после второго съезда делать это становилось все труднее: «прорабы» открыто меняли «машиниста» и безостановочно подбрасывали уголек в топку: дальше, дальше, дальше... Страну несло под откос...

При всем том, надо было развивать «Феникс». Вопрос о партнере для конкретной работы встал еще до легализации издательства. Было совершенно очевидно, что Саня, страдавший от бумажной волокиты, с производством не справится вовсе. Простым терпением и выносливостью здесь не обойтись: производственная деятельность целиком строилась на взятках и личных связях, на умении «пробивать» и «доставать», причем совершенно не обязательно речь шла о бумаге, картоне, типографской краске – т.е. о вещах, имевших прямое отношение к полиграфии. В той цепочке, где на выходе появлялась книга, на входе могло быть что угодно: итальянская обувь, японские видеомэгнифоны, древесно-стружечные плиты или мясо по низким ценам... Путем сложнейших обменов, которые потом назовут стыдливо «бартером», все это превращалось в необходимые материалы. Страна жила по талонам, понятие дефицита охватывало буквально все сферы жизни, и «комбинаторика» такого рода становилась главным элементом производственного процесса.

Исключение на этом всеобщем блошином рынке составляли пока лишь мастодонты – крупнейшие советские издательства, с отлаженной полиграфической базой, государственным снабжением материалами, собственной распространительской сетью. Зато и падение их всего через два-три года, когда страна вступила в гайдаровский эксперимент, – оказалось особенно стремительным и ужасающим...

Правда, в 89-м такой сценарий еще не был очевиден: считалось, что запас прочности у этих гигантов вполне достаточный, чтобы пережить неизбежную ломку. Что касается «Феникса», тут выбирать особенно не приходилось: начинать в этом хаосе совершенно одним, без солидного партнера – мы полагали нереальным.

Из крупных московских издательств к совместной работе оказались готовы, по крайней мере на словах, «Книга», «Прогресс» и «Книжная палата». В конце концов мы остановились на «Прогрессе», поскольку директор его – Александр Авеличев обещал нормальные тиражи, в то время как «Книжная палата» явно осторожничала, предлагая вовсе не пускать книги в свободную продажу, а распространять их по подписке лишь в библиотеки и учебные заведения...

Вообще говоря, Авеличев обещал все что угодно и соглашался на любые предложения. Лишь недавно придя в «Прогресс», он явно не понимал, куда направить доставшийся ему корабль. А корабль был не маленький: гигантский бункер на Зубовском бульваре почти не уступал по размерам и численности персонала АПНовскому. Только штатных сотрудников насчитывалось более полутора тысяч. В основном это была армия переводчиков, доносивших любую партийную чушь до народов Азии, Африки и прочих континентов. Теперь издательский профиль приходилось срочно менять, при этом «указания сверху» носили столь противоречивый характер, что несчастный директор был совершенно сбит с толку и бросался во все стороны сразу. Если учесть при этом, что гигантские производственные возможности казались вечными, цензура слабела день ото дня, а гособеспечение и распространительская сеть пока сохранялись – понятно, что ощущение всесилности кружило голову.

Масштаб планов, равно как и их бессмыслица, потрясали: полный русский перевод энциклопедии «Британика», многотомная серия мировой философии, пухлые и абсолютно пустые сборники всевозможных «прорабов» – от Собчака до Баткина и от Старовойтовой до Гранина. Один из таких шедевров под названием «Через тернии» Саша Авеличев подарил и мне, снабдив его чудовищным инскриптом: «Володе Аллою – человеку и издателю, пришедшему к нам через тернии...»

С нами Авеличев заключил договор на совместный выпуск исторической серии, куда входили тома «Минувшего», разумеется, без изъятий, на которых еще пару лет назад настаивал Афанасьев, и новый альманах «Звенья», готовившийся тогда «Мемориалом». Интерес к любым архивным публикациям был очень велик, и тиражи директор «Прогресса» предлагал гигантские – от ста тысяч экземпляров (я едва удержался от реплики, которую Муссолини адресовал Мережковскому: «Пьяно, маэстро, пьяно»). В конце концов говорились на пятидесяти тысячах, но на третьем томе и эта цифра оказалась слишком велика.

Столь неоправданное завышение тиражей уже говорило о полном непонимании ситуации. Страна менялась на глазах, появление множества кооперативных издательств резко увеличивало номенклатуру выпускаемых книг, давая читателю выбор. Времена, когда все население читало один-единственный бестселлер или один журнал, кончились, а вместе с ними уходила в прошлое и тиражная политика советских издательств. Мастодонты понять этого не могли и не хотели. Весь стиль работы «Прогресса» напоминал о «благословенных семидесятых»: над обычным репринтом (а речь шла именно

о репринтах томов, уже вышедших в Париже) трудилась почти год целая редакция, при этом вся работа заключалась лишь в изменении титула и библиографического описания на его обороте. Несчастный Саня чуть не ежедневно звонил Олегу Зимарину, руководившему историческим отделом, но расшевелить эту неповоротливую махину не мог: Олег отвечал лишь за свой «сектор», а далее шли экономисты, плановики, производственники и еще бог знает кто, при том, что все вместе они составляли лишь редакционно-издательский цикл, за которым следовала собственно полиграфия, где концы уже полностью и навсегда терялись...

В каждый свой приезд я шел ругаться к Авеличеву, директор неизменно угощал коньяком, рассказывал о новых планах, вспоминал поездки в Париж и встречи в «Atheneum'e», обещал все что угодно, но воз не двигался...

Терпение лопнуло на выпуске первых «Звеньев». Оригинал-макет, подготовленный в Париже, я сдал в «Прогресс» летом или ранней осенью 90-го, а появившись в Москве весной следующего года, обнаружил, что книга все еще не вышла в свет. Причина задержки была смехотворна, но очень показательна для понимания того, как действовала система: тираж книги печатался в седьмой типографии на Патриарших прудах, а вклейка с иллюстрациями – на Можайском полиграфкомбинате. Уже несколько месяцев все было готово, но... отсутствовал транспорт для перевозки вклейки из Можайска в столицу. На мой разъяренный вопрос, сколько этот бред еще продлится, Олег ответил просто: «Понятия не имею, да и не интересуюсь. Я свою часть работы сделал, а за типографию отвечают другие...».

Кончилось тем, что, поругавшись в издательстве, мы с Саней нелегально отправились в Можайск (30-километровая «зона» для иностранцев официально еще не была отменена), получили на комбинате вклейку, загрузили ее в наш «жигуленок», вернулись в Москву и, минуя «Прогресс», поехали непосредственно в типографию на Трехпрудный, где без затей «дали на лапу» мастеру и договорились с рабочими. Уже на следующий день у нас в руках были сигнальные экземпляры книги, а еще через неделю появилась и первая часть тиража...

Эта история окончательно показала, что работать с мастодонтами невозможно: они навязывали свои законы, свои допотопно-советские правила игры, подчиняться которым мы не хотели. К тому же, искусственно разогретый интерес к истории уже начинал спадать, а отработанная система гособеспечения и книготорговли рассыпалась, и теперь Авеличева гораздо серьезнее беспокоила перспектива сокращения персонала, добывания средств, сдачи помеще-

ний в аренду западным фирмам и прочие проблемы, мало связанные с книгой. Еще через несколько лет это завершится крахом «Прогресса» как издательства, два этажа бункера на Зубовском бульваре займет супермаркет, книготорговля сожмется до размеров крохотного отдела, а сам Саша Авеличев окажется во Франции...

Справедливости ради нужно отметить, что материальные вопросы тревожили не только директора «Прогресса», но буквально всех «бюджетников», особенно в сфере культуры. Она и раньше-то финансировалась «по остаточному принципу», теперь же государство и вовсе отказывалось от ее поддержки. Можно было удивляться лишь скорости распада и быстроте, с которой открытый цинизм захватывал всю управленческую структуру. Через год-другой в глазах чиновника любого ранга можно было прочесть лишь один вопрос: сколько и в какой валюте? Скажем, беседа с директором ленинградской Публички Зайцевым (в совсем недавнем прошлом секретарем Куйбышевского райкома партии), я мог бить час убеждать его в необходимости докомплектации фондов эмигрантской периодики, слабо представленной и в отделе редкой книги, и даже в спецхране, мог предлагать различные способы сделать это бесплатно, – директора волновали не книги, а состояние крыши, чердачных перекрытий, фановых труб, и говорить он мог только о деньгах, о «спонсорах», об «инвесторах». И это еще не самый скверный вариант: Зайцев на доступном бывшему секретарю уровне, по крайней мере, заботился если не о книгах, то хотя бы о «вверенном ему» здании Публички. Куда омерзительнее было вести переговоры в Главном архивном управлении или в самих архивах, чьи руководители полагали себя не столько хранителями, сколько владельцами (пусть и временными) фондов и готовы были за соответствующую сумму предоставить что угодно и для чего угодно. Степень важности материалов измерялась лишь цифрой, чаще всего пятизначной, в случае сенсационности – шестизначной, разумеется, в долларах... Любые договоры с любыми организациями (к примеру, со складами или типографиями) отныне включали особый пункт: «финансовое участие в социальной жизни коллектива» – т.е. почти не завуалированный рэкет. Счетчик коррупции буквально зашкаливал. (Помню, как жаловался мне в ресторане пожилой австриец-протестант, лет двадцать занимавшийся благотворительностью в африканских странах, а теперь привезший медикаменты в Россию. Чтобы передать бесплатный груз, он вынужден был совать взятки буквально каждому чиновнику – от таможи до медуправления, при том, что сам груз впоследствии не раздавался старикам, а продавался в аптеках, к тому же по баснословным ценам...)

На таком фоне несчастный выдвиженец Авеличев, разваливший крупнейшее издательство, выглядел просто неудачником, но уж никак не бандитом...

В нашем случае это, правда, ничего не меняло. Надо было уходить, сколачивать настоящую команду и отстраивать дело самим.

Для меня это означало неизбежный переезд в Москву. Если раньше думать и говорить о подобном исходе можно было лишь в сослагательном наклонении, то после разрыва с «Прогрессом» повторная «эмиграция» уже превращалась в императив...

***ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ВЛАСТЬ***

Александр Добкин
С.А.СОКОЛОВ-КРЕЧЕТОВ:
От «Золотого Руна» к «Русской Правде»*

Имя издателя, публициста и поэта Сергея Алексеевича Соколова-Кречетова хорошо известно историкам литературы. Между тем заключительный (эмигрантский) период его деятельности, в особенности то, что касается ее политического полуконспиративного аспекта, – изучен еще недостаточно.

Речь идет об участии Соколова-Кречетова в противобольшевистской организации правого толка «Братство Русской Правды» и руководстве им печатным органом этой организации – журналом «Русская Правда», который выходил в Берлине в 1922–1933.

Политическая и нравственная эволюция символистов в пореволюционную эпоху до сих пор остаются недостаточно исследованными. Сама постановка вопроса о том, что символистское мироощущение могло как-то спровоцировать терпимость к тоталитаризму (в той или иной его форме) – до сегодняшнего дня кажется многим едва ли не кощунственной. Однако в контексте таких фактов, как сотрудничество Валерия Брюсова в советской цензуре при ее зарождении, контакты Мережковского с Муссолини, а впоследствии и с германскими нацистами, сложные отношения Вячеслава Иванова с фашистской партией, деятельность Зинаиды Гиппиус в оккупированном Париже – драматичное завершение биографии «рядового

* Доклад, прочитанный на блоковской конференции в С.-Петербурге в ноябре 1998.

символиста» Соколова-Кречетова едва ли можно рассматривать как случайный и не идущий к делу эпизод.

В своем сообщении я не стремлюсь сформулировать какие-либо далеко идущие выводы по обозначенной теме, но имею целью лишь представить материал для анализа.

Формально «Братство Русской Правды»^{*} было основано в 1921 герцогом Георгием Николаевичем Лейхтенбергским, Соколовым-Кречетовым и генералом Петром Николаевичем Красновым.

Наиболее полное собрание документов по истории «Братства Русской Правды» отложилось в архиве писателя Александра Валентиновича Амфитеатрова, бывшего своего рода «моральным гарантом» организации. Этот архив находится ныне в библиотеке Университета штата Индиана в США. Отдельные документы по истории Братства имеются также в фондах историка Б.И.Николаевского в Гувьеровском институте в Калифорнии и юриста Головачева в Бахметьевском архиве в Нью-Йорке (в последнем хранятся материалы о деятельности БРП на Дальнем Востоке).

Журнал «Русская Правда» начал издаваться в Берлине в 1922 на средства, отпускаемые генералом П.Н.Врангелем, и был предназначен для распространения в СССР. Редактором его с самого начала стал Соколов-Кречетов. Издательской частью, получением информации из России и распространением ведал бывший начальник разведки Генштаба Русской армии – Владимир Григорьевич Орлов, переписчиком и посыльным был Александр Николаевич Кольберг. При этом Орлов продолжал действовать и по своей прежней специальности, по возможности «не смешивая два ремесла». «Всю переписку по делам Братства направляйте прямо Кольбергу, – указывал Орлов своему резиденту в Финляндии А.Н.Толлю, – а мне все по разведывательной части, так как мы эти две работы, особенно по личному составу, не путаем».

По-видимому, вначале у Орлова (по старой должности) еще сохранялись реальные связи с антибольшевистским подпольем в СССР, которые – благодаря активности ОГПУ – очень быстро были либо ликвидированы, либо «инвертированы», т.е. вместо арестованных подпольщиков Орлову были «подставлены» агенты ОГПУ. Примеров такой инверсии в 1920-е годы было множество, самые известные из них – это операции «Трест» и «Синдикат». Вероятно, именно от этих агентов Орлов и Соколов-Кречетов и получали информацию о положении в СССР, помещавшуюся в журнале в первый год его

^{*} Далее – Братство или БРП.

существования. Возможно также, что и стиль журнала изменился не без опосредованного влияния ОГПУ.

Начавшая с претензий на «высокий стиль» и «интеллигентность», эстетически ориентированная на элитарную символистскую периодику, «Русская Правда» вскоре заговорила с читателем якобы «более понятным народу» языком ростопчинских афиш. Например: «Крестьянство! Валом вали за твоим родным Братством Русской Правды!»

Целостной идейной программы ни у журнала, ни у Братства не было. Однако лозунги, провозглашавшиеся «братчиками», дают некоторое представление о политическом характере организации, во главе которой оказался бывший издатель «Стихов о Прекрасной Даме». Вот лишь несколько из них: «Всероссийская Национальная Революция»; «Земля крестьянам»; «Православная Христианская Русь»; «Всероссийский Земский Собор» и т.п.

Эмигрантское руководство БРП пыталось представить стихийную активность белорусских национальных отрядов (так называемых «Дружин Зеленого Дуба») и остатков организаций Савинкова и Булак-Балаховича как направляемую им из единого центра в Берлине, а когда эта активность была подавлена ОГПУ – занялось прямой фальсификацией.

В соответствии с этим основной тактикой Братства были провозглашены партизанщина и так называемый «низовой террор». Эта тактика находила себе выражение в лозунге «Бей змею, да не пропускай и змееньшей».

Судя по сообщениям журнала «Русская Правда», в 1925–1930-х партизанская деятельность БРП в западных советских областях приобрела немалый размах: сообщения об остановках и «проверках» поездов, расстрелах чекистов и взрывах объектов следовали одно за другим. Имелись также заявления о том, что «под контролем Братства находятся целые районы». Однако все эти сообщения и заявления не подтверждаются другими источниками. Единственным регионом в СССР, где наблюдалась в это время реальная партизанская борьба, в том числе и под эгидой БРП, был Дальний Восток. Однако там эта борьба опиралась, главным образом, на мощную японскую поддержку, что подробно исследовано в книге Джона Стефана о русском фашизме.

В 1924 вследствие внутриэмигрантских интриг и конкуренции, отчасти инспирированных агентами ОГПУ, Врангель прекратил отпускать средства на «Русскую Правду», и ее издание прекратилось. Однако год спустя Соколову удалось получить средства от герцога Лейхтенбергского и бывшего издателя «Донской Речи» Н.Э.Парамо-

нова и возобновить издание. Интересно, что даже эмигрантские недоброжелатели Соколова высоко оценивали впоследствии эту его продукцию, называя «Русскую Правду» – «единственной в своем роде, блестящей антисоветской литературой». Почти в каждом номере журнала подчеркивалось, что «Русская Правда» не есть «эмигрантское изделие, а думы и чаяния русского народа, возвращаемые обратно в более четких литературных формах и лозунгах».

Познакомимся поближе с этими формами и лозунгами.

Из «Братских правил»:

<...> Когда говоришь с людьми, говори не то, что МОЖНО сказать, а то, что НУЖНО сказать для пользы Братского дела. Лучше недоговорить, чем переговорить.
<...>

Не вяжись с дураком. Дурак тебя погубит. Пьяный проспится, дурак никогда. <...>

Пусть красное начальство принимает тебя за мирного обывателя, за трусливого шкурника. Усыпи его осторожность. Потом разбуди его пулей или ножом. <...>

Наш первый враг – большевик, а второй – наш длинный язык. <...>

Если знаешь, что будет пытка, и не уверен, что ее выдержишь, старайся покончить самоубийством. Господь простит этот грех. Делаешь его для спасения других. <...>

Твоему прямому Начальнику повинуйся безоговорочно и беспрекословно. <...>

Тайну своего Начальника береги от людей пуще своей. О высшем Братском Начальнике не допытывайся, не гадай и не расспрашивай. Если что прознал, не рассказывай. <...>

Не рискуй больше, чем нужно для дела. Продешевить свою жизнь значит отнять у Братства лишнего борца. <...>

Знай, умирая, что сам Господь примет тебя в пресветлый рай.

Появлялись на страницах журнала и стихи:

<...> Встаньте в защиту Отчизны, плененной
Демоном Зла, Сатаной.
Пусть засияет в руке закаленной
Меч огневой!

В Бога кто верит, вставай за свободу!
Бей Комиссаров! Не трусь!

Дайте спасенье родному народу.
Светлую Русь.

Печатались там и разъяснения по некоторым актуальным вопросам: «По еврейскому вопросу помнить: – Братья РП не погромщики <...> Из евреев только КРАСНЫЙ еврей – наш враг. Мирного еврейского обывателя, его жену и детей не трогать! Мы – христиане. Неповинной крови не льем, виновной не жалеем».

Видное место отводила «Русская Правда» таким, например, «советам дня»:

Подстреливай коммунистов из небольшого лука с отравленными стрелами. Кончики стрел мажь стрихнином с салом. Одна малая царапина – смерть.

Везде, где попало <...> пиши мелом, углем либо краской: «Коммунизм умрет, Россия не умрет» и подписывай БРП. Пусть Братское имя и Братский девиз глядят отовсюду коммунистам в глаза и роняют у них сердце.

Взрывай, ломай, порти, разрушай всякие советские памятники красным каторжным «героям».

Так как средства от Лейхтенбергского и Парамонова не были особенно велики, Соколов и Кольберг стали распространять среди лиц, получающих журнал, особые подписные листы, по которым собирали в Берлине довольно значительные суммы. Для более успешного сбора пожертвований Соколов организовал «автономные отделы БРП» и возложил сбор средств на них. В журнале было объявлено, что во главе Братства стоит Верховный Круг, председателем которого (братом №1) объявил себя сам Соколов. Секретарем и братом №14 был назначен Кольберг. Верховный Круг был строго законспирированным учреждением – всякий, пыгавшийся проникнуть в его тайны, объявлялся агентом ОГПУ. К этому же моменту относится и разрыв Соколова с Орловым, который в более поздней переписке Кречетова фигурирует не иначе как «известный фабрикант фальшивок» (в 1929 тот действительно был осужден германским судом за фальсификацию известного «письма Зиновьева»).

Возникшая в этих условиях атмосфера бесконтрольности позволила Соколову смотреть на журнал как на источник существования и не особенно заботиться об «активной работе в СССР». Он вовлек в руководство БРП известных деятелей эмиграции: писателя А.В.Амфитеатрова, историка В.Л.Бурцева, генерала П.Н.Краснова, дипломата С.Н.Палеолога и др. Своими именами они как бы гарантировали в глазах общественности моральную безупречность и дей-

ственность БРП. К сбору средств («на братские нужды») был привлечен и митр. Антоний. В качестве отчетов и рекламы Соколов рассылал упомянутым лицам «особо секретные» и «не для печати» обзоры и сводки о повстанческой деятельности Братства в СССР. Эти материалы составлялись в Берлине на основе данных советской и эмигрантской печати. Не обходилось и без курьезов, когда в качестве советских населенных пунктов фигурировали те местности, которые по условиям Рижского договора отошли к Польше.

Известный взрыв партийного клуба на Мойке, совершенный боевиками А.П.Кутепова в июне 1927, Соколов попытался выдать за деятельность БРП, что серьезно осложнило его положение в эмиграции.

Любопытно, что во главе наиболее ярких мифических «партизанских действий в СССР» на страницах журнала Соколова выступал некто «атаман Кречет». С разоблачениями этих фальсификаций выступали как довольно левые милоковские «Последние новости» и журнал С.П.Мельгунова «Борьба за Россию», так и правая газета «Возрождение».

При полной неспособности разбираться в людях и вести идейную борьбу, Соколов обладал едва ли не гипнотическим даром и заставлял себе верить очень многих на протяжении более десяти лет. В 1930 ему удалось получить деньги от женатого на богатой американке русского эмигранта Анастасия Вонсяцкого, возглавившего «Северо-Американский отдел БРП» и выпускавшего там газету «Фашист».

Летом 1932 была обнаружена провокация в самом Верховном Круге. Выяснилось, что ближайший сотрудник Соколова – Кольберг, поставленный своим патроном в унизительное материальное положение и вынужденный потому снабжать информацией три европейские спецслужбы, сам оказался на связи у ОГПУ. В результате последовавшего тайного разбирательства, длившегося свыше полутора лет, в ходе которого Соколову припомнили и его бывшее масонство, – Сергею Алексеевичу пришлось покинуть пост главы БРП.

Но он отнюдь не успокоился. В январе 1934 он пишет Амфитеатрову:

Прилагаю к сведению набор наших летучек. <...> Работа наша идет отлично. Перспективы тоже отличные. Еще непросто с деньгами <...> Но и это безусловно устроится <...> Важно то, что организация ЖИВА, что она вернула сердце, что она крепко собралась в руках и что кадры целы.

Для характеристики взглядов Соколова этого времени ценен содержащийся в этом же письме его отзыв о Германии:

Ей трудно, ибо три больших силы (коммунизм, марксизм и еврейство) пакостят ей во всем свете. Любым подрывом, любой клеветой. Но она УСТОИТ. Власть у нее молодая, во многом зеленая (и не без ошибок!), но СИЛЬНАЯ, ЧИСТАЯ, ОДУШЕВЛЕННАЯ И ЧЕСТНАЯ. В личной жизни скромны: – ни тени рвачества и кутежей. Ни тени коррупционной гнили, коей образец ныне являют «парламентские» страны, вроде Франции. И народная громада в НЕБЫВАЛОМ большинстве стоит за эту власть. Она ей родная, СВОЯ, и эта власть воистину заботится о народе. Трогательно было видеть, как тут даже стремятся воскресить романтику в быте. Каждый безработный получил на Рождество елочку и пакет с гостинцами для детей, разносимые «рождественскими дедами». <...> Число же безработных как-никак на 3 миллиона осадил <...> И гибель Коминтерну некогда придет отсюда. Не из «прекрасной Франции».

Распря в эмигрантских верхах и болезнь главного конкурента Соколова в БРП – св. кн. А.П. Ливена – внушили бывшему «брату №1» иллюзию, что не все еще потеряно... По свидетельству П.Н. Краснова, весной 1934 Соколов еще «собирает разрушенное и старается снова все подчинить себе, но доверие подорвано и нет притока средств, а без денег многого не сделаешь».

Гипноз соколовской активности продолжал действовать даже после его смерти. Вполне трезво настроенный и не имевший нужды обманывать собеседника Краснов писал Амфитеатрову в феврале 1937 о Соколове: «Многое в первые годы существования БРП им было сделано, и не одна коммунистическая душа лежит на его совести. Работа Белорусского, Латвийского, Финляндского и Дальневосточного отделов была точно проверена и не оставляла никакого сомнения в существовании дружин и братчиков-мстителей. К сожалению, крупного ТАМ не удалось создать, но я знаю, что журнал Братства доходил до Петербурга и Москвы. Это проверено через людей, прибывающих оттуда».

По-видимому, из всех попыток объяснить феномен Соколова-Кречетова самая продуктивная принадлежит Амфитеатрову, который сообщал Краснову 1 февраля 1937:

О Кречетове мне пишут много. – У него было немало поклонников, что я вполне понимаю: человек талантливый, страстный и, само собою разумеется, честный по натуре. БРП, им порожденное, он убил вовсе не теми грехами и злоупотреблениями, которые на него посмертно взваливают моралисты вроде высококонравного господина Наживина, а просто тем, что, зиждя здание на песке, допустил в строительстве «нас возвышающий обман» самых фантастических размеров и раздувал, раздувал свои лжи, пока они однажды не лопнули, как мыльные пузыри, и, чем были больше и радужнее в раздутии, тем хуже и слякотнее разочаровали в лопнутии. Злой воли в С<околове>-К<речетове>, конечно, не было, – напротив, самое благородное и великодушное патриотическое стремление и благожелательство. Но его альнаскаровщина, чтобы не называть – хлестаковщина, повела к чудовищным последствиям, которые разложили БРП морально, лишили его доверия эмиграции и взаимодоверия братьев в недрах самой организации. Вот чем действительно повинен Ф<ор> Э<вер>*.

Скорее, впрочем, был бы повинен, если бы посмертно не снимала с него ответственности та ужасная его болезнь, о которой я теперь узнал от Вас, а затем писал мне С.Горный со слов вдовы Ф<ор> Э<вера>, Рындиной. Совершенно ясно выявляется, что во главе БРП много лет стоял и судьбами его руководил психопат, одержимый лукавейшим, ибо труднейше распознаваемым, недугом – *fobie raisonnante*. Этим объясняется и та его маниакально фантастическая убедительность, которая заставляла верить ему нас, морочимых, вопреки возникавшим сомнениям. Я его лично не знал, но у меня до двухсот, если не больше, его дружески откровенных писем. Иное в них казалось мне фантастическим, но я отгонял подозрение соображением, что ТАК человек большого общественного дела лгать не может, будучи в здравом уме и твердой памяти: было бы слишком нагло и самоуверенно, словно бы с убеждением, будто имеет дело с дураками, способными поверить каждому его слову. В маниакальном же психозе это вполне естественно и обычно, потому что резонирующий маньяк – прежде всех других – убеждает в реальности своей мыс-

* Один из псевдонимов С.А.Соколова.

ли самого себя, и отсюда истекает изумительно твердая последовательность его «перманентных» галлюцинаций и его способность к их псевдологическому развитию. Если бы не скандал Кольберга, выбивший Ф<ор> Э<вера> из колеи, он, вероятно, еще долго строил бы свои воздушные замки и вел призрачную белорусскую войну. Бедняга! Словом, я Ф<ор> Э<вера> оправдываю, как больного, но Братству-то Р.П. оттого не легче.

Амфитеатров на просьбу из Праги выступить в печати в связи с кончиной Соколова ответил отказом. В частной беседе он мотивировал этот отказ так: «Рука не поднимается. За себя стыдно, а за них больно: уж очень они там его боготворят. Да и ни к чему. Смерть все прикончила». Престарелый писатель не мог себе простить, что дал обмануть себя и «преступил свое правило никогда не входить ни в одну организацию».

Уже после смерти Амфитеатрова в 1938 В.Л.Бурцев со свойственной ему горячностью рвался в бой за чистые имена руководителей БРП. Вдова писателя «горячо рекомендовала» Владимиру Львовичу «не ворошить этого старья: оно <...> достаточно навоняло в прошлом».

Иной точки зрения придерживался ген. П.Н.Краснов, отмечавший в письме от 2 сентября 1939: «пишу <...> чтобы Вы и Никонов поняли, наконец, что БРП в СССР возникло из БРП, основанного Соколовым-Кречетовым и им руководимого вплоть до его заболевания, происшедшего отчасти из-за большой работы в БРП»...

Борис Фрезинский
**СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭТИКИ**
(Обмен письмами: Луначарский – Троцкий, 1926)

3 марта 1926 года народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский направил напечатанное на бланке его наркомата письмо с грифом «Срочно. Секретно» члену Политбюро Льву Давидовичу Троцкому. Прежде, чем привести текст этого письма, расскажем о событиях, его породивших.

А.В.Луначарский в ту пору не был влиятельной политической фигурой в ВКП(б) – он не занимал никаких партийных постов и даже не был избран делегатом проходившего в декабре 1925 XIV съезда ВКП(б) (делегатом XIII съезда он еще был). С самого начала острой борьбы за власть, стартовавшей, когда состояние здоровья Ленина стало безнадежным (1923), Луначарский стоял в стороне от этой борьбы, да и потом не участвовал в оппозициях и сохранял пассивную лояльность большинству в ЦК. Он был не боец в партийном значении слова и драк такого рода избегал. Пост народного комиссара просвещения, который был лишь поначалу общеимперским, а потом ограничивался масштабами РСФСР, он занимал неизменно с 1917 – единственный (если не считать Рыкова) из членов ленинского кабинета, проработавший наркомом вплоть до 1929, т.е. до момента, когда все соперники Сталина были повержены и его единоличная власть установилась окончательно. В силу упомянутой лояльности он не потерял этот пост раньше, но с поражением всех оппозиций уже не вписывался в новую, просталинскую, не слишком информированную в вопросах партийной истории элиту (она так и подбиралась); так что его отставка была предreshена.

Начиная с оттепельных лет, фигура Луначарского-наркомпроса в силу различных причин была мифологизирована (во всяком случае, в образ интеллигентного и импозантного партлиберала от культуры, каким он изображался в книгах и спектаклях тех лет, никак не укладывается хотя бы история с запрещением его стараниями пьес Льва Лунца на подведомственной Луначарскому территории РСФСР¹). К нашему сюжету это не имеет прямого отношения, нас интересует только, как именно Луначарский демонстрировал свою лояльность реальной власти. Поэтому здесь мы напомним лишь об одной грани живописного портрета Анатолия Васильевича – он был не только администратор, литератор и драматург, но еще и знаменитый в ту пору оратор. Краснобай от природы, поверхностно образованный во многих областях, Луначарский всегда готов был выступить перед любой пролетарской аудиторией с многочасовым докладом на любую тему. Говорить он любил.

Его поразившая пролетарские массы эрудиция, большой партийный стаж, многолетняя работа с Лениным, неучастие в оппозициях и политическая покладистость позволяли ответственным работникам безбоязненно приглашать его делать доклады не только по вопросам подведомственной ему культуры, но и по случаю различных партийных дат. Приглашения эти безотказно принимались.

1 марта 1926 Луначарский выступал с очередным таким докладом в Москве на общегородском собрании работниц, посвященном предстоящему Международному женскому коммунистическому дню. Доклад, как было принято, сначала шел о международном положении, а затем уже собственно о женском дне. На этом собрании выступала еще одна тогдашняя знаменитость, встреченная (по сообщению газеты «Рабочая Москва» от 2 марта) «громом аплодисментов», – легендарная немецкая коммунистка почтенная Клара Цеткин. Вел собрание первый секретарь МК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), недавно избранный за усердную борьбу с «левой оппозицией» кандидатом в члены Политбюро, Н.А.Угланов (в 1929 за поддержку правых он лишился партийных постов, а в 1937 был, естественно, расстрелян).

Разговаривая в тот день с Луначарским после его, как неизменно оказывалось, успешного доклада, Угланов напомнил наркому о предыдущем двухчасовом его выступлении перед московскими большевиками – это было 21 января 1926 в Большом театре на торжественном заседании МК, посвященном второй годовщине смер-

¹ См. нашу статью «Заколдованные сочинения Льва Лунца» – Звезда. 1997. №12.

ти Ленина, которое также вел Угланов. Тот доклад Луначарского назывался «Ленин и ленинизм». Угланов рассказал Луначарскому, что Л.Д.Троцкий высказал ему свое неудовольствие тем местом доклада Луначарского, где речь шла о нем, Троцком. (Угланов, поставленный Сталиным во главе МК как яростный противник Троцкого, а потом и Зиновьева с Каменевым, понятно, не встречался с Троцким приватно, и этот их разговор произошел, видимо, на заседании Политбюро.)

Доклад Луначарского «Ленин и ленинизм» не был опубликован, но транслировался по московскому радио (тогда не возникла еще традиция торжественные заседания в годовщины смерти Ленина проводить в присутствии всего Политбюро и доклад поручать кому-либо не ниже секретаря ЦК, с обязательной публикацией текста во всех газетах; эта традиция появилась позже, когда Сталин был провозглашен единственным подлинным наследником Ленина). «Рабочая Москва» сообщила лишь о фактах собрания и доклада, а «Правда» 22 января о двухчасовом докладе Луначарского рассказала чуть подробнее; в ее сообщении был, в частности, такой абзац: «В заключение своей речи т. Луначарский касается тех уклонов от ленинизма, которые были обнаружены у некоторых видных членов партии во время последнего XIV съезда коммунистической партии. “XIV партийный съезд осудил эти уклоны и подтвердил правильность линии ленинского ЦК нашей партии, – говорит т. Луначарский и заканчивает свой доклад о Ленине призывом: – Да здравствует ВКП!”». Редактировавший «Правду» Н.И.Бухарин, надо полагать, располагал стенограммой доклада Луначарского, но печатать подробности из нее не стал.

Как известно, основным содержанием XIV съезда ВКП(б) стала схватка между Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Бухариным и Сталиным, с другой, а формально – между ленинградской делегацией, руководимой Зиновьевым, и большинством остальных, тщательно подобранных аппаратом Сталина делегатов съезда. По вопросам теории спор шел, прежде всего, с Бухариным, Сталин был как бы в стороне (недаром в заостренной форме позиция ленинградцев на съезде формулировалась их противниками как «желание крови нашего любимого бухарчика»). Троцкий, посланный на съезд делегатом с совещательным голосом, был избран в президиум, но за все две недели работы XIV съезда не произнес ни одного слова (если не считать единожды брошенной им однословной реплики «правильно», о которой речь впереди). На XIII съезде (май 1924), где он был главным объектом атак, Троцкий не мог не выступить, и говорил он о своих принципиальных замечаниях в адрес руководства

партии, не переступая, однако, главной заповеди касательно правоты, сформулированной на английский лад: «Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. <...> И если партия выносит решения, которые тот или другой из нас считает решениями несправедливыми, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца»². Через некоторое время история создаст для Троцкого другой путь реализации его правоты, но в декабре 1926-го он оставался членом Политбюро, лишенным, правда, еще до XIII съезда поста руководителя армии (председателя Реввоенсовета) и понимавшим, что перерождение партии новая верхушка уже осуществляет полным ходом. С 1923 усилиями Зиновьева, Каменева и Сталина на него были публично вылиты ушаты грязи и подложного, как теперь бы сказали, компромата; используя давние бранные фразы Ленина, не страдавшего сдержанностью в полемике, Троцкого обвиняли в неизлечимом антибольшевизме, отступлении от ленинизма, бонапартизме, попытках захвата власти и прочих грехах. У него уже не было сил, ни физических, ни моральных, отвечать на каждое индивидуальное обвинение. Зиновьев и Каменев старались отлучить Троцкого от власти яростнее других; Зиновьев, считавший себя главным наследником Ленина, всячески добивался экстренного исключения Троцкого из Политбюро. Сталин был куда хитрее и терпеливее, да и задача у него была круче – уничтожить всех соперников.

Сидя в президиуме XIV съезда, Троцкий молча наблюдал, как громят его шумного, но не очень далекого и, как уже было понятно, не самого серьезного врага. Не испытывая к Зиновьеву никакой симпатии, он не считал возможным за него заступиться (на что как раз, возможно, и рассчитывал втайне Сталин – это упростило бы его задачу, не пришлось бы ждать еще год); выступить против Зиновьева в поддержку Бухарина и Сталина Троцкий не мог по идейным соображениям. О Троцком на съезде вспоминали редко – кто-то прервал Крупскую, заметившую: «Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право», репликой: «Лев Давидович, у вас новые соратники»³; М.М.Лашевич, защищавший Зиновьева, вслух опасался, что съезд назовет его «троцкистом» (других ярлыков еще не было, да и потом этот оставался самым смертельным); Микоян напомнил,

² Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С.158-159.

³ Материалы XIV съезда цитируются (в дальнейшем только с указанием страниц) по стенографическому отчету (М.: ГИЗ, 1926).

что на Троцкого-де недавно нападали лишь за то, что он бил исправившихся Зиновьева и Каменева их старыми ошибками октября 1917: «Мы все стали за них против Троцкого»; Ем. Ярославский вспоминал, как Зиновьев и Каменев хотели добить Троцкого, а Сталин, Молотов и Бухарин не дали...

Решением XIV съезда и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев были избраны в ЦК, а пленум ЦК избрал их всех в Политбюро (Сталина действительно отличало терпение в борьбе с врагами), но вскоре после съезда массированный десант из Москвы прибыл в Питер и добился снятия Зиновьева с поста руководителя ленинградской организации ВКП(б)... Заметим, что входивший в этот десант будущий сталинский маршал Клим Ворошилов, который всю Гражданскую войну воевал не столько с белыми, сколько с Троцким, выступая 20 января 1926 на Путиловском заводе и по заданию Сталина громя Зиновьева, сказал о недавнем съезде партии: «Тов. Троцкий был избран в Политбюро (аплодисменты). Почему был единогласно избран? Да потому, товарищи, что было бы глупо, неприлично, дико, я бы сказал, если бы мы в этот момент, когда началась драка между ленинградцами, стали бы создавать новые затруднения. Тов. Троцкий вел себя на съезде более чем прилично. Он не вмешался в эту драку, хотя смог бы вмешаться и создать много затруднений. А ведь тов. Троцкому немало сочувствуют и не столько в партии, сколько вне партии. Ему многие сочувствуют, которые в нашей стране играют немалую роль»⁴. Конечно, это было лукавство: со времени Гражданской войны ненависть Ворошилова к Троцкому не убавилась, но тактически Сталину выгодно было использовать в массовой обработке ленинградцев все еще существующий авторитет Троцкого, не поддержавшего Зиновьева на съезде.

Именно в контексте этого политического расклада сил и этих отчетливо сформировавшихся позиций в Политбюро выпад Луначарского против Троцкого в Большом театре на следующий день после не попавшей в газеты ленинградской речи Ворошилова представляется не инспирированным Сталиным, а сугубо художественной самодеятельностью, политически не слишком тонкой, не учитывающей сиюминутных обстоятельств, таких тирад не требовавших, но стратегически все равно беспроигрышной. При этом, узнав про обиду Троцкого, Луначарский огорчился – он любил психологический комфорт.

Приведем теперь письмо Луначарского:

⁴ Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т.1. М., 1990. С.173.

3 марта 1926
Срочно. Секретно.
Л. Д. Троцкому.

Дорогой Лев Давидович.

Вчера на моем выступлении на общегородском собрании работниц т. УГЛАНОВ ошарашил меня известием, что вы остались крайне недовольны моей первой речью после возвращения из-за границы на общегородском собрании, посвященном годовщине смерти Владимира ИЛЬИЧА. Он сказал мне, что Вы протестовали против той части речи, в которой упоминалось о Вас. Меня это озадачило и огорчило. Я, отнюдь, не желаю, чтобы у Вас возникло впечатление, будто я отношусь к числу Ваших врагов. Я таким не был никогда и всегда относился, всегда отношусь с глубоким уважением к Вашей личности, как к человеческой, так и политической. В ту пору, когда у Вас возникли острые разногласия с партией, я, отнюдь, не являясь Вашим партизаном, совершенно воздержался от всяких выступлений, считая, что Вам и так достается через меру и что на Вас все навалились. Когда вслед за Ильичем я считал необходимым бороться с развиваемыми Вами в свое время идеями о профессиональном движении, я делал это, как могут констатировать те, кто меня слышал, с величайшим тактом и осторожностью по отношению к Вам, так же поступаю я и теперь. Может быть, Вам рассказывали то, что я сказал о Вас, при этом безбожно переврав, но я допускаю, что Вы могли мою речь слушать по радио, как многие слушали ее, но я могу Вас уверить, что вы неправильно ее истолковали. Я не имею стенограммы, но я с совершенной точностью могу припомнить то, что я о вас говорил. Я сказал, что «каждое разногласие в партии, как утверждал Вл.Ильич, опасно потому, что чревато последствиями, каких совсем не предвидит начинающий эти разногласия». Я указал на то, что у нас есть правые и левые группировки, еще совершенно не оформившиеся, но социологически возможные и ждущие оформляющих начал – это растущие буржуазные элементы, с одной стороны, и, с другой стороны, наш собственный тыл, т.е. недостаточно сознательные, горящие нетерпением и в значительной степени отсталые слои рабочего класса. Установив это положение, которое, я надеюсь, Вы оспаривать

не стали бы, я сказал: «когда Л.Д.Троцкий оказался в борьбе с центральным течением в партии, когда он был обвинен в правом уклоне, большие массы обывателей создали себе иллюзию, что в нем элементы, стоящие правее партии, могут обрести своего вождя. Они готовы были поднять его на щит, они готовы были поднести чуть не корону на бархатной подушке и провозгласить его Львом I, но у Троцкого и в мыслях не было вступать в борьбу с партией. Тогда наступило разочарование, обывательские круги махнули на него рукой и с горечью заявили: “Да, Троцкий такой же коммунист, как и другие”. В этом месте моя речь была прервана громом аплодисментов. Нужно быть совсем глупым человеком, чтобы не понять, что эти аплодисменты относились не ко мне, а к Вам, что этими аплодисментами вся аудитория битком набитого Большого театра выражала свою радость и одобрение Вашему поведению и хохотала над этим глупым разочарованием мещанства. Что могли бы Вы отрицать в этой моей тираде? Неужели вы не знаете, что во время Вашего столкновения с партией в широчайших обывательских кругах надеялись, что Вы произведете раскол. Неужели Вы не знаете, что Вам самым парадоксальным образом сочувствовали, главным образом, в этих кругах, конечно, как возможному разрушителю могущества коммунистов, и неужели Вы не знаете, что наступило глубокое разочарование, что к Вам совершенно приложимы почтенные слова «такой же коммунист, как и другие». Ничего другого я о Вас в моей речи не говорил. То, что я сказал в вышеприведенных словах, конечно, остро, но никак не может считаться за направленное против Вас. Равным образом, и та часть моей речи, которая была посвящена т.т. Зиновьеву и Каменеву, была отредактирована остро, но в то же время в высшей степени – по-товарищески. Я тысячу раз оговаривался и подчеркивал, что вовсе не обвиняю их в каком-нибудь сознательном уклоне в сторону демагогии, но вижу во всей совокупности их позиции, так сказать, намек на такой уклон и понимаю при этом тревогу партии. Ибо сейчас тот или иной деятель, может быть, сам того не понимая, может чрезвычайно легко оказаться организатором, несомненно, существующего в одной части пролетариата, которая живет сумеречным сознанием, глубокого недовольства медленностью и извилистостью нашего пути. Я никогда бы не

уклонялся от того, чтобы сказать, что я думаю, но вместе с тем – чрезвычайно высоко ценю всех вождей партии, являюсь всегда сторонником всяческого их примирения, а не разжигания и раздувания их разногласий, которые возникают в руководящей среде.

Пишу Вам это письмо, чтобы избежать недоразумений, и льщу себя надеждой, что вы поймете его как надо и не будете приписывать мне намерений, которых у меня не было и не могло быть

С коммунистическим приветом Луначарский⁵.

По-видимому, Луначарского в самом деле удивила реакция Троцкого – тот не отвечал на многие действительно грубые, сфальсифицированные, беспардонные обвинения и вдруг обиделся на его шутки...

Луначарский был на 5 лет старше Троцкого; они познакомились в 1905 году в Женеве («Троцкий был тогда необыкновенно эlegantен, в отличие от всех нас, и очень красив. Эта его эlegantность и особенно какая-то небрежная свысока манера говорить с кем бы то ни было меня очень неприятно поразили. <...> Но говорил Троцкий очень хорошо...»⁶) В «силузете» Троцкого, впервые опубликованном Луначарским в 1919, впечатляет отсутствие глянца: «Огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям <...> осуждали Троцкого на некоторое одиночество...» или: «В нем нет ни капли тщеславия, он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властностью; ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль. Он готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них – жертвы своей жизнью, для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя. Властолюбие его носит тот же характер, что и у Ленина, с тою разницей, что он чаще способен ошибаться, не обладая почти непогрешимым инстинктом Ленина, и что, будучи человеком вспыльчивым и по темпераменту своему холериком, он способен, конечно, хотя бы и временно, быть ослепленным своей страстью». Кажется, что это сказано человеком со стороны, а не товарищем по общему делу. Луначарский рассказывал про встречи с Троцким в Париже в 1915 го-

⁵ РЦХИДНИ. Ф.325. Оп.2. Ед.хр.97. Л.44-45.

⁶ Очерк Луначарского о Троцком цитируется здесь и дальше по изд.: А.Луначарский, К.Радек, Л.Троцкий. Силуэты: Политические портреты. М., 1991.

ду, восхищался им в 1917-м, вспоминал, оспаривая их по существу, слова М.С.Урицкого: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, что как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого», но более всего он ценил у Троцкого то, в чем знал толк – ораторский дар и писательский талант. Его описание Троцкого-оратора профессионально: «Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика – вот достоинства речи Троцкого. Он может говорить лапидарно, бросить несколько метких стрел и может произносить те величественные политические речи, какие я слышал до него только от Жореса. <...> Троцкий – великий агитатор <...> Он литературен в своем ораторстве и оратор в своей литературе».

Автор таких слов, понятно, не имел шансов пережить 1937 год, как бы ни лавировал.

Троцкий знал «Силуэты» Луначарского, несколько раз цитировал их в мемуарах (1930), один раз назвав «напыщенными панегириками сомнительного вкуса»⁷, в другом месте заметив, что «эти строки звучат тем более выразительно, что сегодня Луначарский пишет прямо противоположное»⁸, – в этих оценках уже чувствуется осадок от последующих за 1919 годом событий.

Получив письмо с разъяснениями Луначарского, Троцкий ответил ему сразу же:

Из Вашего письма, Анатолий Васильевич, я вижу, что Вы не отдаете себе достаточно ясного отчета ни в обстановке ни в, простите, своих собственных словах. В стране революционной диктатуры, при той внутрипартийной обстановке, которая у нас сложилась, говорить в стенах Большого театра в тоне водевиля о бархатных подушках, о короле, о Льве I и думать, что это «так» – литературный образ, счастливое словечко, – нет. Как угодно, тут познание времени, места и меры совсем отсутствует. Так можно говорить, когда ведешь войну – НА ИСТРЕБЛЕНИЕ. Теперь, ведь, официально известно и с авторитетнейшей в нашей стране трибуны установлено (с трибуны XIV-го съезда), что некоторые товарищи совершенно сознательно и

⁷ Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1991. С.467.

⁸ Там же. С.184.

планово вели войну на истребление⁹. В этих условиях разговоры насчет бархатной подушки и короны – как нельзя лучше сочетались с ядовитой и подлой сплетней о бонапартизме, о военных замыслах и проч. Я понимаю, что можно вести политическую войну на истребление, не брезгуя никакими средствами и приемами, но ИГРАТЬ разговорами о Льве I и шалить образом короны на бархатной подушке (хотя бы и не от собственного имени, а от имени буржуазии), это не только неуместно, это прямотаки – непристойно. Говорю это без раздражения, но с полной ответственностью, поскольку Вы хотели моего мнения.

Но не можете же Вы отрицать – так пишете Вы в письме – что во время дискуссии обыватели надеялись, что Вы (т.е. я) произведете раскол, ослабите коммунистическую партию и пр. Допускаю. Но Вы как будто умышленно при этом забываете, что о моих намерениях и идеях обыватель судил не по моим словам и донесениям (действия, мол, как Вы изволили сами говорить, его разочаровали), а по словам обо мне – других, т.е. тех самых, которые говорили о подушках и о коронах, говорили в тот период не балагурия, а серьезно. Каждый сколько-нибудь грамотный буржуазный обыватель должен был сказать себе: если верна десятая, и даже сотая часть того, что говорится сейчас и пишется о Троцком, то надо поддержать его изо всех сил. А те, кто планомерно вели дело на истребление,

⁹ Это прозвучало в нескольких речах на съезде, например, в речи М.И.Калинина: «Мое расхождение с тов. Зиновьевым началось с истории с тов. Троцким. Это было первое практическое расхождение. В чем суть этого расхождения? Мне казалось, что тот накопленный авторитет, который носит тов. Троцкий, есть капитал, накопленный партией; растрчивать этот капитал надо очень и очень осторожно; поэтому и формы борьбы с ним должны быть таковы, чтобы при достижении максимальных размеров минимально пострадал накопленный партий авторитет тов. Троцкого» (с.318). Еще более определенно говорил генеральный секретарь комсомола Н.П. Чаплин: «Мы активно участвовали в последней дискуссии в связи с “Уроками Октября” Троцкого. Мы единодушно выступили в комсомоле с единым мнением по этому вопросу. Никаких колебаний у нас не было. Но когда встал вопрос об организационных выводах в отношении т. Троцкого, тогда на обсуждении этого вопроса – вопроса, который широко в партии не обсуждался, комсомол толкнули некоторые члены Политбюро. (Голос: “Кто?”) Зиновьев – вот мой ответ... Я должен заявить съезду, что тов. Сталин давал совет не выступать комсомолу по этому вопросу. И только потому, что Зиновьев настойчиво говорил о выступлении»(с.376).

совершенно сознательно вызывали у обывателя своими речами такие именно мысли и надежды. Будет совершенно правильно сказать, что те «надежды» нэпманства, о которых вы говорите, явились побочным продуктом той работы на истребление, которая должна была вызвать ко мне вражду рабочих.

Вы сами пишете, опять-таки в тоне, не отвечающем, на мой взгляд, серьезности вопроса, – что на меня «все навалилось» и что мне «достается через меру». Тут Вы как будто вспоминаете о мере. Но именно поэтому обыватель и заражается чрезмерными надеждами, что нападения велись «через меру», т.е. вне всякого соответствия с моими собственными мыслями и действиями. На XIV съезде главный инициатор и организатор, фактически руководитель всей кампании, заявил, что, по его мнению, после того, что сказано было обо мне стране, нельзя было оставить меня в Центральном Комитете. Я поддержал его возгласом: «Правильно»¹⁰.

Хорошо или не хорошо поступил XIV съезд, включив меня в Центральный Комитет, хорошо или не хорошо поступил Центральный Комитет, включив меня в Политбюро, – судить не мне. Но после того, как это произошло, шалить (с умыслом или без умысла – тут тоже неясно, Анатолий Васильевич) с еще не остывшим оружием, взятым из арсенала, с оружием, которое стремится к всеяческому «примирению», а не к «разжиганию», как Вы пишете сами о себе. Я охотно верю, что именно к этому стремились. Из поведения моего во всех трех последних дискуссиях Вы, надеюсь, убедились, если не знали этого раньше, что такова именно и моя цель. Я бы молча прошел мимо Вашего выступления, как проходил мимо со-

¹⁰ Речь идет о Г.Е.Зиновьеве, сказавшем на XIV съезде: «Предварительное решение, которое намечалось, сводившееся к резким организационным выводам против тов. Троцкого, было принято при от одного до двух воздержавшихся. <...> Мы держались такого взгляда: если мы, партия в целом, подошли к тому, что обвинили тов. Троцкого в полуменьшевизме и сказали в резолюции вполне определенно об этом, если мы это в течение нескольких месяцев говорили в стране, всему миру, то мы считали, – раз говорили так партии, – что такому товарищу, по крайней мере, в данный период времени, не может быть места в генеральном штабе ленинизма, в основном органе большевистской партии. Мы считали, что тот, кто сказал “а”, тот должен сказать “б”». (Троцкий (с места): “Правильно!”) (с.458-459).

тен других, если бы вы сами не обратились ко мне с вопросом.

Отзывы и мнения о нас наших классовых врагов – я возвращаюсь к надеждам буржуазии, – конечно, не безразличны. Но пользоваться этими мнениями нужно умеючи, добросовестно и осторожно, поскольку дело идет о частном идейном столкновении внутри партии, а не о войне на истребление, где все средства хороши.

Вы, вероятно, знаете, что мировая буржуазия во время перехода к нэпу создала легенду о Ленине, который-де сознательно и осторожно ведет страну назад к капитализму, и о Троцком (иногда о Зиновьеве, о Бухарине), которые ему в этом мешают. На эту тему были статьи Генриха Куно в «Нейе Цейт», речь Ллойд Джорджа, тогда британского премьера, и бесчисленное количество других статей и речей. Легенда эта – с теми или другими вариациями – поддерживалась, в сущности, до самой смерти Владимира Ильича.

Имел ли этот факт политический интерес. Имел. Означал ли он правоту или неправоту Ленина. Ни того, ни другого. На тогдашних левых коммунистов (не наших, а международных) парадокс мнимого «сочувствия» Ленину со стороны буржуазного общественного мнения производил очень большое впечатление, с остатками которого Вам пришлось столкнуться на 3 и 4 международных конгрессах¹¹. Вы скажете, что тут нет аналогии. Я не провожу никакой аналогии. Я хочу только сказать, что пользоваться отголосками буржуазного общественного мнения, не проведя их через критическое сознание, не показывая и не уяснив, почему буржуазия в данном случае подходит к делу так, а не иначе, значит сплошь да рядом вводить в заблуждение общественное мнение собственной партии, подменяя политику демагогией. Иностранная буржуазия и социал-демократическая печать оценивает исход XIV съезда как победу правого крыла над левым и связывает с этим надежды на постепенное развитие нашей страны в сторону капитализма. Почитайте хотя бы последний номер сменове-

¹¹ Имеются в виду конгрессы Коминтерна (3-й – 1921 г. и 4-й – 1922 г., последний, на котором присутствовал Ленин, выступивший с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции»).

ховской «Новой России». Вкрадчивый философ нэпманской России Лежнев¹² констатирует, что XIV съезд, дав отпор Зиновьеву и Каменеву, «оказался в тяге событий, на магистрали истории». Какой вывод Вы отсюда сделаете, хотел бы я знать. Прежде всего, по-моему, нужно сделать тот вывод, что отражение наших решений, шагов и мероприятий в сознании нэпманства, да и мировой буржуазии, есть сложный процесс, в котором сочетается и классовая корысть, и непонимание, и смутные догадки, и сознательная фальсификация, и тонкий расчет, иногда ложный, иногда правильный. Так что для определения и действительного веса буржуазных суждений о нас в каждый данный момент требуются методы посложнее и потоньше анекдотов о бархатных подушках и королях. Если верна Марксова теория: о классах и партии нельзя судить на основании того, что они о себе думают, то верна и обратная теорема: недостаточно поставить минус вместо плюса в суждении данной группы о классовом враге, чтобы получить о нем правильное или хотя бы сколько-нибудь надежное мнение.

В Вашем письме Вы, после изложения Ваших слов насчет Льва I и насчет того, как обывательские круги, разочаровавшись, махнули рукой и заявили: «Троцкий такой же коммунист, как и другие», прибавляете: «в этом месте моя речь была прервана громом аплодисментов. Нужно быть совсем глупым человеком, – пишете Вы далее, – чтобы не понять, что эти аплодисменты относились не ко мне, а к Вам, что этими аплодисментами вся аудитория битком набитого Большого театра выражала свою радость и одобрение Вашему поведению и хохотала над этими глупыми

¹² Исая Григорьевич Лежнев (Альтшулер; 1891–1955) – публицист и литературовед; большевик в 1906–1909, в 1922 издавал в Москве под своей редакцией сменовеховский журнал «Новая Россия» (сначала под названием «Россия»); в 1926 журнал был закрыт, а Лежнев выслан из СССР. В 1930 ему, заявившему о пересмотре своих взглядов на советскую действительность, разрешили вернуться, а в 1933 решением Политбюро его приняли в ВКП(б) и в 1935–1939 поручили заведовать отделом литературы и искусства в «Правде», после чего Лежнев занимался изучением творчества Шолохова. Троцкий имеет в виду «Заметки» Лежнева, опубликованные в №2 «Новой России», вышедшем 25 февраля 1926; отметим, что в №1 журнала за 1926, помимо заметок Лежнева, была напечатана написанная им редакционная статья «Четырнадцатый съезд», направленная против левой оппозиции.

разговорами мещанства». Не имею основания возражать против Вашего толкования. Думаю, что оно вполне веро-подобно. Но оно неполно. Хотя я в зале не был и по радио Вашей речи не слушал, вопреки Вашему предположению, но глубоко убежден, что аудитория Ваша, за совершенно ничтожным исключением, во время Ваших слов насчет подушки, короля Льва I и прочее испытывала чувство глубокой неловкости и недоумения. Аудитория напряженно ждала – не могла не ждать либо <Так! – Б.Ф.> выхода из того нравственного тупика, в который заводили ее Ваши словечки. Когда же Вам для округления соответственного места понадобилось упомянуть, что Троцкий такой же коммунист, как и другие, то аудитория ухватилась за эти слова, чтобы дать выход мучившей ее неловкости за оратора.

Простите за откровенность, но если не писать правды, зачем же вообще писать. Такова моя оценка этого эпизода.

С коммунистическим приветом

Л.Троцкий.

Постскриптум. Написав все вышеизложенное, я взглянул в стенограмму Вашей речи. Вы передаете интересный нас с Вами эпизод довольно близко к стенограмме, но это все же не точно. Вот что сказано в стенограмме: «...Они уже радовались и хотели на бархатной подушке нести Троцкому корону: пожалуйста, Лев I, проведи эту линию против коммунистической <Так! – Б.Ф.>, мы тебя поддержим. Вот что хотели рявкнуть с правительственной осанной хором все нео-капиталисты и остатки старых капиталистов России. Троцкий, может быть, и не заметил этих симпатий и не интересовался ими, но нам было видно, что ему симпатизируют и его любят. А когда Л.Д.Троцкий занял нормальную позицию и ПРЕНЕБРЕГ АВАНТЮРОЙ, они его перестали ЛЮБИТЬ и сказали: “Коммунист, как и все другие”».

Это на много градусов крепче того, что Вы излагаете в письме. Нео-капиталисты и старые капиталисты не только надеются на раскол, но «симпатизируют» мне и «любят» меня. Кому же, в самом деле, лучше об этом знать, как не почтенному А.В.Луначарскому, который не то анкету проводил, не то в нэпмановские сердца заглядывал. Они, нео-капиталисты и старые капиталисты, «перестали его любить, когда он, Троцкий, занял нормальную позицию и пренебрег авантюрой». Хитренькое выражение, Анатолий

Васильевич. Значит, шел на авантюру, но потом пренебрег... Это как бы для сохранения преемственности с теми слухами, какие довольно широко распространялись в свое время, входя в систему борьбы на истребление.

И есть еще в записи отличие от Вашего недоумения: из стенограммы совершенно выпал тот самый гром аплодисментов, о котором Вы так выразительно рассказываете. Но это уже к Вам лично не относится. Я достаточно привык за последние полтора-два года к тому, что в известных случаях аплодисменты, как и многое другое, исчезает из стенограмм, как по мановению волшебной палочки; это исчезновение, тем не менее, как нельзя лучше дополняет Вашу речь, составляя следующее звено той же цепи.

Что касается того места Вашей речи (сужу по стенограмме), где Вы говорили о профсоюзной дискуссии, то тут у Вас чудовищное искажение существа разногласий. К сожалению, у меня под руками нет необходимых справок, но я надеюсь в ближайшие дни показать Вам, что то, что Вы преподносите битком набитому Большому театру в виде изложения профсоюзной дискуссии, есть карикатура, не имеющая ничего общего с действительностью и опять-таки нужная только для «преемственности».

Л.Т.¹³

Ответа на это письмо, судя по архиву Троцкого, не последовало – да и что можно было ответить? Неизвестно, как отнесся Луначарский к ссылке Троцкого в г. Верный (Алма-Ата) в январе 1928, а затем к высылке из СССР в январе 1929. Его самого освободили от поста наркома в том же 1929, но не как врага.

Выступив против власти сталинского административного аппарата, Троцкий оставался воинственным борцом с его режимом до конца.

Луначарский с этим режимом смирился. Его положение оставалось почетным, и вместе с последней своей женой Н.А.Розенель он имел возможность выезжать за счет казны на заграничные курорты для лечения. 27 июля 1930 Луначарский писал М.М.Литвинову, поздравляя его с назначением народным комиссаром иностранных дел: «Лучшего руководителя нашей международной политики не найти <...> Мы в Мариенбаде, живем и лечимся очень хорошо»¹⁴. Литви-

¹³ РЦХИДНИ. Ф.325. Оп.2. Ед.хр.97. Л.45-47.

¹⁴ Там же. Оп.1. Ед.хр.12. Л.49.

нов обещал ходатайствовать о продлении пребывания Луначарского в Мариенбаде, и в следующем письме Литвинову, 8 августа, А.В. писал: «При сем посылаю копию одновременно посылаемого письма Иосифу Виссарионовичу. Прошу Вас, согласно Вашему обещанию, поддержать мое ходатайство. Если бы дело было сделано еще до моего приезда – было бы хорошо. Во-первых, мне нужно, по мнению врачей, поскорее перейти на жизнь б<олее> спокойную, чем та, которую мне сулит Москва, во-вторых, увереннее бы смотрел уже сейчас на свои ближайшие годы»¹⁵. И наконец 21 августа 1930 Луначарский писал Литвинову: «Горячо благодарю Вас за обещание поддержать мою, важную для меня, просьбу <...> Пришлось просить инстанцию через И.В.<Сталина> продлить мне отпуск до конца октября. К этому сроку надеюсь восстановить относительную работоспособность: т.е. освободиться от болей и обеспечить за собой полностью возможность литературной и политической работы, без, однако, какой-нибудь напряженной агитации и чрезмерных волнений»¹⁶.

Лояльность Луначарского была оценена... В 1933 его назначили послом в Испанию, и умер он во Франции по дороге к месту службы. Советская печать отметила его кончину массой публикаций; похоронили Луначарского на Красной площади.

В некрологе, напечатанном в «Бюллетене оппозиции» (№38-39. Париж, 1934), Троцкий, до реализации убийства которого оставалось еще почти семь лет, набросал портрет покойного, в котором, пожалуй, не ощущается досады на него, хотя и панегириком это не назовешь – некий шлейф эпизода 1926 года в некрологе все же читается: «Было бы неправильно представлять себе Луначарского человеком упорной воли и сурового закала, борцом, не оглядывающимся по сторонам. Нет. Его стойкость была очень – многим из нас казалась слишком – эластична. Дилетантизм сидел не только в его интеллекте, но и в его характере. Как оратор и писатель он легко отклонялся в сторону. Художественный образ нередко отвлекал его далеко прочь от развития основной мысли. Но и как политик он охотно оглядывался направо и налево. <...> Несомненно, что дилетантская щедрость натуры ослабила в нем голос внутренней критики <...> Как непосредственный организатор учебного дела он оказался безнадежно слаб <...> Он очень скоро примирился с переворотом в руководящем личном составе, во всяком случае, полностью под-

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф.359. Оп.1. Ед.хр.12. Л.50.

¹⁶ Там же. Л.51.

чинился новым хозяевам положения. И тем не менее, он до конца оставался в их рядах инородной фигурой».

Революции, как известно, «пожирают своих детей», но способы «пожирания» они выбирают сообразно натуре и характеру жертв.

М.Ю.Сорокина
**«НЕНАДЕЖНЫЙ,
НО АБСОЛЮТНО НЕЗАМЕНИМЫЙ»:**
200-летний юбилей Академии наук и
«дело Масарика–Яacobсона»

Роман Осипович Яacobсон (1896–1982) жил в Чехословакии с 1920. Уехав из России с миссией Красного Креста, он оставался здесь до 1939, когда через Скандинавию перебрался в США, где и жил до своей кончины. Если наука Яacobсона тщательно изучается, то многие биографические эпизоды остаются скрытыми и тем более плохо документированными¹. Это вполне понятно, учитывая, что источники информации об этой стороне жизни Яacobсона находятся преимущественно в архивах дипломатических и разведывательных ведомств, мало склонных к откровенности.

В Архиве внешней политики МИД Российской Федерации, в фонде «Секретариат Г.В.Чичерина» хранится недавно рассекреченное досье «Юбилей Академии наук», в котором концентрировались наиболее значимые для наркома документы, связанные с организацией 200-летнего юбилея Российской Академии наук (РАН) в 1925².

¹ Литература обширна. См., напр.: Роман Яacobсон. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999.

² Архив внешней политики Российской Федерации МИД РФ (далее *АВП РФ*). Ф.04 (Секретариат Чичерина). Оп.59. №56954. Папка 424 (далее – Досье «Юбилей АН»). Пользуясь случаем, хочу принести самую искреннюю благодарность сотрудникам Архива внешней политики МИД РФ, без чьей заинтересованной помощи этот очерк не мог бы состояться. Работа проведена в рамках исследований, поддержанных грантами Российского Фонда гуманитарных исследований (№98-03-04309) и Московского общественного научного фонда (№ 149 история/грант-98).

Значительную часть этого досье составляют материалы, рассказывающие о фантастической дипломатической инициативе Советского полпредства в Чехословакии – пригласить в Ленинград Томаша Г. Масарика (1850–1937), президента не признававшей СССР Чехословакии.

Разумеется, в центре всей затеи был Роман Яacobсон, чья характерологическая особенность «становиться центром начинаний, направленных на крутой пересмотр общепринятых взглядов», уже отмечена³.

Чешская полиция и русские эмигранты считали Яacobсона советским шпионом. В январе 1923 полиция устроила обыск на его квартире⁴. По-видимому, после этого Яacobсон «с согласия тогдашнего полпреда»⁵ перестал быть официальным сотрудником советской миссии и, в изящной формулировке Наркомата иностранных дел, «спустя некоторое время неофициально стал работать»⁶.

По свидетельству Н.Н. Дурново, «хотя коммунизму Яacobсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился <...> добросовестно и с некоторым энтузиазмом. <...> Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР»⁷.

Однако у советских дипломатов полного доверия к Яacobсону не было. Заведующий подотделом Центральной Европы НКВД Б.Е. Штейн⁸ в докладе наркомку Г.В. Чичерину вполне прозрачно на-

³ Иванов Вяч. Вс. Лингвистический путь Романа Яacobсона // Яacobсон Р.О. Избранные работы. М., 1985. С.8.

⁴ *АВП РФ*. Ф.138 (Референтура по Чехословакии). Оп.4в. Дело №3. Папка 16. Л.4.

⁵ Им был Константин Константинович Юренев (1888–1938).

⁶ *АВП РФ*. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.54 (из доклада референта по Чехословакии подотдела Центральной Европы Левина Б.Е. Штейну 8 июля 1925).

⁷ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. С.11-12 (из показаний члена-корреспондента РАН Н.Н. Дурново в августе 1934, на следствии по делу «Русской национальной партии»).

⁸ Борис Ефимович Штейн (1892–1961) – историк и дипломат, автор целого ряда монографий по истории советской внешней политики. В 1917 окончил экономическое отделение Петроградского политехнического института; в 1932–1934 посланник в Финляндии, в 1935–1939 – в Италии; преподавал в Высшей дипломатической школе, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). В марте 1952, в разгар борьбы с «космополитизмом», уволен из МИД СССР и Высшей дипломатической школы, исключен из партии.

мекал на «двойное дно» сотрудника: «Якобсон является дипломатическим информатором Полпредства. Как видно из дневников и писем ряда Полпредов (т. Юренева, Антонова-Овсенко), почти все связи Полпредства с официальным и дипломатическим миром ведутся через Якобсона. В числе его собеседников постоянно мелькают имена Масарика, Бенеша, Гирсы, Папоушека, Клоича (югославское Посольство), Уржидила (германское Посольство), Кужэ, Фишеля (французское Посольство) и ряда других. Вся дипломатическая информация Полпредства носит неизменный подзаголовок: “Из разговоров Якобсона с ...”. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что все без исключения отчеты об этих разговорах представляют сообщения о том, что собеседник сказал Якобсону, и никогда не говорится, что Якобсон сказал собеседнику»⁹.

Вопрос о политической и идеологической ангажированности Романа Якобсона и степени его влияния в советском полпредстве в 20-е годы выходит за рамки исключительно авантюрных деталей биографического сюжета. В начале XX века научное сообщество впервые публично заявило о своей претензии определять судьбы человечества. Ученый «во власти» – президент, министр, посланник, губернатор, мэр – обычное явление европейской и американской политической жизни. Жесткая прагматика «большой науки» требовала активного сотрудничества «бессмертных» с самыми разными властными структурами. Западная научная элита стала частью общенациональной; ученый – частью политического истеблишмента. Приехав в 1924 во Францию служить в советском полпредстве и познакомившись с правительством Э.Эррио, русский большевик Александр Аросев был поражен: «Это ученое, университетское правительство, даже не правительство, а скорее президиум Академии наук»¹⁰.

Наука как власть – новый образ в виртуальной галерее геополитики, привнесенный XX веком – веком научной революции. После Первой мировой войны казалось, что мир, в котором за минуту сотни людей выкашиваются пулеметами и уничтожаются газом, может спасти только «политика интеллекта» (Поль Валери), и с окончанием войны идея «интернационала науки», «общей мировой организации ученых», «Европейского union intellectuel» и др. многими считалась миротворительной. На некоторое время западные «властелины мира» вырвали знамя пацифизма из рук различного рода маргиналь-

⁹ АВП РФ. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.41-42 (3 июля 1925).

¹⁰ Аросев А. Москва – Париж. Л., 1925. С.21.

ных сект, братств и т.п. и попытались имплантировать его в целостную доктрину новой «духовной реформы», где место всеобъемлющей религии занимал «интеллект», а принцип «национального и/или государственного суверенитета» заменялся «всемирной надгосударственностью».

В дореволюционной России имперская бюрократия всех уровней не допускала участия научного сообщества в государственном управлении, хотя бы на положении экспертов. Но отторгая ученых, российская властная элита, впрочем, не брезговала использовать их патриотический настрой и государственнический пафос для выполнения «особых поручений» правительства, или попросту для тех или иных видов разведывательной деятельности (И.П.Минаев, П.К.Козлов, Н.М.Пржевальский, Ф.И.Щербатской, А.Н.Крылов, Н.И.Вавилов и др.)¹¹.

Большевики радикально изменили социальный статус науки в России, а их доктрина глобального революционного передела мира, хотя и с некоторым опозданием, включила представление о научных, образовательных, культурных связях и контактах как средстве эффективного и глубинного международного влияния. Первый председатель Всесоюзного Общества по культурным связям с границей (ВОКС) Ольга Каменева в специальной брошюре объясняла делегатам XIV партийного съезда (1925), что в мировой политике идет борьба за районы «культурного воздействия» и развитие культурной экспансии – важнейшая задача пролетарской власти¹².

«Советский космополит» Роман Яacobсон был одним из ревностных сторонников идеи славянского культурного единства. Его главная политическая тенденция 1920-х, по выражению Н.Автономовой и М.Гаспарова, – «донести до советских властей предложение укреплять свои международные позиции в Восточной Европе, а не в Китае»¹³, совпадала с вектором разнонаправленных сил международной политики.

¹¹ Характерно, что на проходившем в прошлом году III Конгрессе этнографов и антропологов России (8–11 июня 1999; секция «Источники, историография») как общеизвестный и общепринятый факт прозвучало: востоковед и разведчик для XIX – начала XX вв. – понятия синонимичные.

¹² Два года культурного сближения с границей: Сб. материалов / Под ред. О.Д.Каменевой. М.: ВОКС, 1925 (декабрь). С.6.

¹³ Автономова Н.Е., Гаспаров М.Л. Яacobсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры. 1929–1951 // Материалы Международного конгресса «100-летие Р.О.Яacobсона». Москва, 18–23 декабря 1996 г. М.: РГГУ, 1997. С.39-40.

Утраченный статус

Какую именно дату считать днем основания Российской Академии наук, не очень ясно до сих пор. Когда 22 января 1724 император Петр Великий представлял Правительствующему Сенату проект Положения об основании Петербургской Академии наук и художеств, Сенат 28 января издавал Указ об ее учреждении, академики проводили первое научное собрание 17 сентября 1725, а 27 декабря впервые заседали публично, в торжественной обстановке – числом 17, они не предполагали, что закладывают любопытный исторический прецедент для своих академических потомков.

Петербургская Академия наук, созданная по образу и подобию Парижской Académie des Sciences – светской государственной научной организацией, членство в которой означало не только публичное признание научных заслуг, но и возможность управления научной деятельностью, – стала единственным учреждением в Европе начала XVIII в., где исследовательская работа была признана профессией, полностью обеспечивавшей средства к существованию. Рекрутированная преимущественно из немецких ученых, читавшая и писавшая на латыни, Академия стала своего рода придворной «кунсткамерой» в неграмотной империи, первой («потемкинской деревней», призванной демонстрировать Европе «просвещенность» российской монархии. Объективно такое расположение и покровительство власти обеспечивало стабильный рост социального статуса «чистого знания» и его носителя – академической научной элиты. Всего за 20 лет – с 1873 по 1893 – звание академика, уверенно поднимаясь по ступенькам «Табели о рангах», переместилось из 6-го класса (равного полковнику армейских чинов) в 4-й (генерал-майор, губернатор), сумев догнать и перегнать, таким образом, ректоров (4-й кл.) и профессоров университетов (5-й кл.), застывших в этих классах с 1863.

«Век академий» сменила «эпоха исследовательских институтов», и в России, где, несмотря на раннюю институционализацию науки, отсутствовало понятие «государственная научная политика», а Министерство народного просвещения¹⁴ долгое время с удивительной симметричностью и последовательностью возглавлялось либо генералом (П.С.Ванновский, В.Г.Глазов, П.Н.Игнатьев), либо чиновни-

¹⁴ Императорская Академия наук была причислена к ведомству Министерства народного просвещения.

ком из филологов-классиков (Г.Э.Зенгер, А.Н.Шварц, Л.А.Кассо)¹⁵, причем с первыми, как правило, были связаны попытки скромных либеральных реформ, а со вторыми – их решительное прекращение, Академия наук постепенно превращалась в элитный научный клуб¹⁶, мало похожий на организацию века научно-технической революции.

Собственно исследовательского персонала почти не было: 105 служащих в 1917 – по два на академика. Институты – тоже два, гуманитарных и очень скромных по размерам¹⁷. В первые послереволюционные годы академики, авторы или «восприемники» многих проектов исследовательских институтов, предпочитали реализовывать их где угодно, только не в рамках Академии наук. Большая (капиталоемкая) наука немедленно уходила туда, где сосредоточивались материальные ресурсы. «Автономия» Академии, лишенной реальной бюджетной поддержки, немедленно обернулась фактическим исходом ее собственных действительных членов и тем самым перспективной научной стагнации, особенно заметной в сравнении с успехами ведомственной науки (ВСНХ, Наркомздрав и др.). Сохраняя статус «первенствующего научного сословия», Академия наук теряла рычаги влияния на развитие собственно исследовательского процесса.

Советский чиновник Главнауки, собиравшейся кардинально реформировать РАН, пронизательно заметил, что «сила АН заключается в *традиционном авторитете* <курсив здесь и далее мой. – М.С.>, основанном на <...> сознании, <...> что АН в любой момент выступит на защиту ученой корпорации»¹⁸. Но это уже была функция «профсоюза», а не научного центра. В известном смысле Академия пережила себя и остро нуждалась в институциональной самоидентификации – академикам предстояло понять, какой Академии быть дальше.

¹⁵ Исключение составляет И.И.Толстой, но он и продержался всего полгода в 1905/1906.

¹⁶ Robert A. Lewis. Government and the Technological Sciences in the Soviet Union: The Rise of the Academy of Sciences // *Minerva: A Review of Science, Learning and Policy*. Vol. XV. 1977. N2 (summer). P.176.

¹⁷ Кавказский историко-археологический институт, созданный в 1917 и возглавлявшийся Н.Я.Марром (в 1923 КИАИ снят с госснабжения в НКП РСФСР, свои претензии на него высказывала Грузия), и Русский археологический институт в Константинополе, созданный в 1894 и руководимый Ф.И.Успенским, но законсервированный в связи с Первой мировой войной.

¹⁸ ГАРФ. Ф.А2307. Оп.7. Д.12. Л.229.

«По соображениям государственной предусмотрительности...»

В первые послереволюционные годы большевики мало интересовались организацией научной деятельности, что для ученых на практике означало устройство своеобразного конкурса-соревнования на право получения государственных денег – единственного в Советской России источника финансирования исследований.

Стремясь восстановить утраченный статус, Академия наук, в лице своего ведущего «администратора», вице-президента В.А.Стеклова, предложила власти – своему традиционно главному патрону – международный проект «200-летний юбилей Академии наук». В «Воспоминаниях» Стеклов откровенно писал, что «воспользовался мыслью о предстоящем 200-летнем юбилее РАН (в 1924 или 1925 г., можно праздновать по желанию, исторические даты есть)», чтобы провести через Особый Временный Комитет Науки при СНК РСФСР широкую программу юбилея – «национального праздника» с приглашением иностранных ученых. «Каковы бы ни были условности внешней обстановки, пережитой РАН за 200 лет, – объявил вице-президент, – все проявления ее творческого духа должно признать отныне проявлениями общенародного гения, который с самого ее основания воплотился через простого крестьянина – рыбака Архангельской губернии, ныне бессмертного Михайлу Ломоносова и следовавших за ним»¹⁹. И предложил «впредь каждую годовщину РАН считать всероссийским праздником с соответствующим публичным собранием».

Первоначально Стеклов и «назначил» юбилей на ближайший, 1924 год²⁰, однако откликнулась и предложила помощь только местная власть – зинovieвский Петроградский губисполком. Между тем программа подготовки к юбилею подразумевала основательную материально-техническую реконструкцию Академии, возможную только при прямом финансировании из Москвы, от центрального правительства.

18 февраля 1925 академики В.А.Стеклов и С.Ф.Ольденбург направили председателю Совнаркома СССР А.И.Рыкову Записку²¹, в

¹⁹ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.1. Л.4об.

²⁰ Украинская Академия наук поспешила поздравить коллег, а 26 августа 1924 в «Известиях ВЦИК» и «Вечерней Москве» появилась заметка под характерным названием «300 лет Академии Наук», и во избежание недоразумений непрременный секретарь РАН С.Ф.Ольденбург просил срочно опубликовать опровержение.

²¹ Досье «Юбилей АН». Л.4-9. Ученые старого поколения плохо понимали, что происходит в стране, и по-прежнему апеллировали к правительству. Моло-

которой на понятном большевикам языке объяснили, зачем новой власти нужна своя Академия наук. «Базаровский» стиль Записки выдает авторство В.А.Стеклова. На первой же странице трижды (!!!) – со ссылкой на К.Маркса и Ф.Энгельса – заявлялось, что «наука <...> есть исторически движущая революционная сила». От цитирования классиков академики быстро перешли к конфуцианской риторике: задача «мудрого правительства», – писали они, и здесь чувствуется редаKTура текста востоковедом Ольденбургом, – раздувать пламя научного искания, «вкореняя в сознание масс уважение к науке и пользуясь для этого каждым подходящим случаем». Академический юбилей объявлялся одним из наилучших способов для осуществления этой цели. Академики умело подчеркнули «политическое значение» будущего торжества, проведение которого «убьет не совсем еще заглушенные кривотолки внутри страны», а особенно – его значение в международной политике, продемонстрировав заботу советского правительства о науке и научных работниках и тем самым опровергнув расхожее суждение о «варваризации» страны.

Между прочим, академики заметили, что европейские правительства часто делегируют на научные конгрессы и юбилеи своих самых высокопоставленных представителей, и предположили, что «участие представителей Советского Правительства <...> будет иметь громадную общественную и политическую цену». А чтобы окончательно развеять сомнения властей в целесообразности академического торжества, добавили, что зарубежные ученые, особенно французские, уже интересовались перспективами празднования юбилея, следовательно, использовать «такое благожелательное отношение заграничных ученых кругов крайне желательно <...> для пользы научного дела и по соображениям государственной предусмотрительности».

Председатель Совнаркома отреагировал незамедлительно и 24 февраля переправил Записку академиков в Политбюро ЦК со своей благожелательной полуторастраничной резолюцией и просьбой поставить вопрос о юбилее Академии на заседании Политбюро на следующий день, 25 февраля. «Я считаю, – писал А.И.Рыков, – что следует придать этому празднованию импозантный характер». На «советском» языке это означало: «весь план празднования будет утверждаться нами», «речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы», «в списки приглашенных мы сможем включить ученых из колониальных стран и доминионов». «При таких усло-

дые лучше адаптировались к новой реальности: Н.И.Вавилов, например, уже обращался непосредственно в Секретариат ЦК партии.

виях, – констатировал Рыков, – мы сможем с большой для себя выгодой использовать этот случай», который обошелся бы власти всего в 300 000 руб.²²

Резолюция Рыкова немедленно поступила в секретариат И.В.Сталина и в тот же день, 24 февраля, вместе с Запиской академиков была направлена помощником секретаря ЦК Л.Мехлисом «по поручению тов. Сталина» и под грифом «Строго секретно» наркому иностранных дел Г.В.Чичерину и находившимся в Москве полпредам – во Франции Л.Б.Красину и в Великобритании Х.Г.Раковскому – «для ознакомления к заседанию ПБ от 25/II 25»²³.

Предложение академиков нашло полное понимание у большевистских лидеров Советской России, только начинавших преодолевать международную изоляцию пост-Версальского мира. Советское дипломатическое «наступление» было признано целесообразным дополнить культурным, и 25 февраля 1925 Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о желательности приезда зарубежных ученых на юбилей РАН и поручило СНК СССР ассигновать необходимые средства²⁴; специальную Комиссию СНК СССР по организации празднования 200-летнего юбилея РАН возглавил сам председатель СНК СССР А.И.Рыков²⁵.

С этого момента «юбилейные кампании» в СССР всегда использовались властью для сигнала о фундаментальных изменениях в государственной научной политике. Если в июне 1945, на 220-летнем юбилее АН, была провозглашена новая официальная доктрина «единой мировой науки», заменившая концепцию двух противостоящих наук – западной и советской, буржуазной и пролетарской, определявшую научную политику 1930-х²⁶, то «юбилей 1925» впервые в истории России обозначил, что наука – сфера государственного интереса и приоритета, а международные научные связи – инструмент государственной политики; научная элита получила статус государственной, а Академия наук признана своего рода государственным предприятием «с долевым участием» ученых и государства.

²² Досье «Юбилей АН». Л.2-3. Полностью Записка готовится к публикации в журнале «Природа».

²³ Там же. Л.1.

²⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.490. Л.3.

²⁵ ГАРФ. Ф.5446. Оп.37. Д.378. Л.2.

²⁶ См.: Кременцов Н.Л. Советская наука на пороге холодной войны: «Дело КР» // In Мемориал: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.274.

В какой цвет красить...?

Руководители Академии ответили полной взаимностью на заботу партии и правительства. Для украшения конференц-зала из Москвы выписали красное сукно и три алые скатерти, Юбилейный комитет РАН сделал специальное распоряжение о приобретении бюста Ленина в Академии художеств²⁷, причем выбрать подходящий поручили непосредственно президенту и вице-президенту РАН²⁸. Стилль был нарушен только однажды: выбирая, в какой цвет покрасить здания Академии, остановились все-таки на оранжевом – «елизаветинском» цвете Академии²⁹.

Самым важным был вопрос, кого приглашать. Если бремя выбора зарубежных гостей можно было разделить с властями, то со «своими» пришлось разбираться самостоятельно. После 1917 из 46 российских академиков в эмиграции оказались восемь действительных³⁰ и два почетных члена³¹. Из членов-корреспондентов к 1925 Россию покинули 15³².

Среди многих естественников, фактически определявших политику Академии, отношение к коллегам, находившимся за границей, было весьма прохладным. «Я твердо верю и понимаю только национальную (русскую) науку, – заявлял академик А.Е.Ферсман, – и большевики нас научили национализму. Для меня всякое ослабление нашей работы, всякий перенос ее из России в Париж, есть удар по борьбе за интеллигенцию, за научную мысль России, за наши силы. <...> Неужели же можно думать, что русскую культуру пронесет в будущее русская эмиграция – эта смесь чванства, глупости,

²⁷ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.2. Л.26.

²⁸ Там же. Л.29об.

²⁹ Вечерняя Красная газета. 1925. 13 июня.

³⁰ Н.И.Андрусов (геолог, в Чехословакии), П.И.Вальден (химик, в Германии), П.Г.Виноградов (историк-медиевист, с 1903 совмещавший профессорство в Оксфорде и Москве), Н.П.Кондаков (искусствовед, в Чехословакии), М.И.Ростовцев (историк античности, в США), П.Б.Струве (экономист, в Чехословакии/Франции), В.А.Францев (славист, в Чехословакии), И.В.Ягич (славист, в Чехословакии).

³¹ И.А.Бунин и Ф.Ф.Зелинский.

³² Слависты М.Р.Фасмер и С.М.Кульбакин, монголовед В.Л.Котвич, богослов и историк Н.Н.Глубоковский, экономист и статистик А.И.Чупров, историк и статистик Ф.А.Щербина, археолог графиня П.С.Уварова, историки А.А.Кизеветтер и Е.Ф.Шмурло, гистолог А.А.Максимов, языковед И.А.Бодуэн де Куртене, германист Ф.А.Браун, а также физик А.А.Эттинген, минералог А.Е.Лагорю, микробиолог С.Н.Виноградский, не говоря уже об ученых, отделившихся от России вместе с Финляндией.

мстительности и безумия?»³³. Ему вторил член-корреспондент А.А.Борисяк: «Эмигранты жалкие люди, которые могут только портить в России, <...> все они осуждены на вымирание вне России, а <...> дети их будут совершенными иностранцами»³⁴.

Между тем, почти все академики-эмигранты были гуманитариями. И Академия сама сделала то, на что еще не решались советские чиновники.

Без каких бы то ни было указаний или давления «извне» даже формальные приглашения не были направлены П.Г.Виноградову (единственному среди современников члену одновременно Российской и Британской академий), М.И.Ростовцеву, П.Б.Струве, В.А.Францеву: аналогично поступили и со многими членами-корреспондентами³⁵.

У Академии не нашлось средств просившим о материальной поддержке для приезда И.А.Бодуэну де Куртене и Н.Н.Дурново³⁶; их, как и многих других гуманитариев, официально не порвавших отношения с Академией, «не то, чтобы вытолкали за дверь, но постепенно и незаметно закрыли <...> указав на <...> ненужность»³⁷. Тем более Академия проигнорировала телеграмму из Тургая: «Прошу ходатайствовать пред правительством моем помиловании случаю юбилея член корреспондент Всесоюзной академии Харлампович»³⁸.

Напротив, академику-химику П.И.Вальдену, жившему в Германии, а также академикам А.Н.Крылову и В.И.Вернадскому Юбилейный комитет РАН направил специальные письма³⁹ и просил президента РАН А.П.Карпинского лично написать Вернадскому⁴⁰, однако они не захотели приехать, и в «Справочнике для участников

³³ *BAR. G.Vernadsky Collection. Box 86. Folder 1924-1* (письмо Н.Е.Вернадской от 7 августа 1924).

³⁴ *ПФА РАН. Ф.208. Оп.2. Д.56. Л.37а об.* (дневник Е.Г.Ольденбург, запись от 6 июля 1925).

³⁵ Там же. Ф.12. Оп.1. Д.13. Л.186.

³⁶ Там же. Д.7; Д.8. Л.175-177.

³⁷ Яковенко С. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1993. М.: Наука, 1993. С.70.

³⁸ *ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.30. Л.243.* Историк церкви Константин Васильевич Харлампович (1870–1932), арестованный в Казани в сентябре 1924 за выпуск XXXII тома «Известий» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в январе 1925 был выслан на 3 года в Киргизский край (современный Казахстан).

³⁹ *ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.2. Л.12.*

⁴⁰ Там же. Л.14.

празднования 200-летнего юбилея Академии наук. 1725–1925» уже нельзя было найти ни одного из этих имен, за исключением А.Н.Крылова.

«Интернационал науки»

Селекцией иностранных ученых, приглашаемых Академией, занимались три инстанции – Наркомпрос, НКИД и Иностранный отдел ОГПУ, из которых главной и ведущей был Наркомат иностранных дел. Утверждение сталинско-бухаринского тезиса «о построении социализма в одной стране» усиливало позиции НКИД перед Коминтерном, и в 1925 Сталин впервые ввел в состав ЦК партии наркома Г.В.Чичерина. Его заместитель М.М.Литвинов провел энергичную кампанию по обвинению ОГПУ в шпионomanии, дискредитирующей не только НКИД, но и СССР⁴¹, и на короткое время Наркоминделу удалось отодвинуть даже этого могущественного противника.

К середине 1925 РАН насчитывала 182 иностранных почетных члена и члена-корреспондента; им персонально направили приглашительные билеты на юбилей. Второй список гостей включал зарубежные научные учреждения, с которыми Академия имела постоянные контакты – как правило, академии, университеты, самостоятельно формировавшие состав «юбилейных представителей». Всего были разосланы 333 приглашения учреждениям и 340 – отдельным ученым⁴².

Первой инстанцией согласования стал Наркомпрос, куда списки поступили не из Академии, а от управляющего делами СНК СССР Н.П.Горбунова. 28 февраля 1925 под грифами «совершенно секретно» и «лично» он писал А.В.Луначарскому (формулировка начальника – закон для подчиненного) словами А.И.Рыкова: «Правительством решено придать празднованию 200-летнего юбилея Академии наук торжественный импозантный характер, с приглашением на это празднование ученых всего мира». Наркомпрос, постоянно боровшийся с автономией Академии, после решения «начальника» не сопротивлялся и, кажется, даже не рассматривал академические спис-

⁴¹ См.: Большевиcтское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. С.299–300.

⁴² Подсчеты наши по: *ПФА РАН*. Ф.12. Оп.1. Д.11. Л.141–148. В литературе приводятся несколько отличные цифры, см.: Яковлев В.Л. К прошедшим юбилейным торжествам Академии наук // *Природа*. 1925. №10/12. С.71; Иоффе А.Е. Международные научные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932. М., 1975. С.127.

ки: уже 2 марта Луначарский поставил визу: «Со стороны НКП возражений по заявленному списку не встречается»⁴³.

В апреле Коллегия НКИД полностью одобрила списки РАН, однако и после этого отбор «гостей» продолжался – теперь уже непосредственно отделами наркомата⁴⁴. И на этой стадии «возражений» почти не встречалось. Проблемы возникли лишь со славянскими учеными: подотдел балканских стран назвал «безусловно нежелательным» приезд В.Н.Златарского, профессора истории из Софии, а также профессоров Л.Милетича (София) и А.И.Белича (Белград), и рекомендовал по отношению к болгарам «свое гостеприимство <...> сократить»⁴⁵. Ко 2 мая подоспело одобрение академического списка иностранным отделом ОГПУ, желавшим исключить только слависта Я.М.Розвадовского, профессора из Кракова⁴⁶.

По-видимому, подобная индифферентность к чистоте рядов грядущего торжества – по сути первого крупного международного научного форума в Советской России⁴⁷ – насторожила руководителей наркомата, прежде всего М.М.Литвинова, курировавшего «академическое дело», и они решили получить информацию «с мест» – заручиться поддержкой полпредов⁴⁸. Действительно, когда 8 мая под председательством А.И.Рыкова состоялось первое заседание совнаркомовской юбилейной комиссии, быстро выяснилось, что одних иностранных членов Академии будет маловато для «импозантного» торжества и надо принять «дополнительные меры по приглашению возможно большего числа иностранцев»: расширить список участников и особенно стремиться к приглашению ученых Востока. В помощь НКИД уже официально придали управделами СНК Н.П.Горбунова и второго заместителя председателя ОГПУ СССР, он же заместитель начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР, Г.Г.Ягоду. Именно «тройке» – Литвинов, Горбунов, Ягода – поручили «окончательно согласовать список»⁴⁹.

11 мая НКИД направил письма всем полпредам СССР за границей, а также неофициальному представителю в США, в которых,

⁴³ АРАН. Ф.1759 (М.Н.Покровский). Оп.4. Д.396. Л.25.

⁴⁴ Досье «Юбилей АН». Л.32.

⁴⁵ Там же. Л.35.

⁴⁶ Там же. Л.40. Розвадовский Я.М. (1867–1935) – польский языковед, профессор Краковского университета, член Польской Академии знаний (с 1903), в 1925–1929 ее президент, член-корреспондент РАН с 1911.

⁴⁷ Первым международным съездом на территории СССР был III Международный конгресс по теоретической и прикладной лимнологии (август 1925).

⁴⁸ Досье «Юбилей АН». Л.51.

⁴⁹ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.1. Л.24.

информируя о намеченных приглашениях, просил сообщить, «какие другие ученые учреждения страны Вашего пребывания <...> могли бы Вы рекомендовать АН пригласить на означенное торжество»⁵⁰. Одновременно Н.П. Горбунов затребовал от Академии дополнительные списки приглашаемых, которые «гарантировали бы прибытие достаточного количества иностранных гостей на юбилейные торжества». Прагматичный управделами хотел иметь и другой перечень – с именами лиц и учреждений, «коим <для приезда> необходимо обещать материальную помощь», предложив ассигновать на это 50000 рублей⁵¹.

В самой Академии перспектива увеличения списка гостей вызвала острые внутренние разногласия между естественниками и гуманитариями, и на свет появились два конкурирующих списка: вице-президента, математика В.А. Стеклова, настаивавшего на дополнительном включении представителей более сорока геологических, метеорологических и сейсмологических учреждений, а также университетов Канады⁵², где незадолго до этого он побывал на математическом конгрессе, и академика-секретаря Историко-филологического отделения, арабиста И.Ю. Крачковского, включавшего представителей более чем двадцати восточных музеев, библиотек, университетов⁵³. Мнение же II отделения – русского языка и словесности, или «славянского», похоже, вообще никого не интересовало – ни в самой АН, ни в «инстанциях».

Пока академики спорили, какие науки в Академии первейшие и важнейшие, стали приходиться ответы из полпредств и началась горячка пересмотра списков.

Критерий оценки кандидатов НКВД выделил точно – имеются ли в распоряжении полпредств сведения, «что тот или иной из перечисленных ученых известен активными выступлениями против Советской Власти или относится к ней определенно враждебно»⁵⁴. Оказалось, что из более чем трехсот приглашаемых ученых ни один в выступлениях против советской власти замечен не был!⁵⁵ Пол-

⁵⁰ Документы внешней политики СССР. Т.8. М., 1963. С.283-284.

⁵¹ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.8. Л.1-10б.

⁵² Досье «Юбилей АН». Л.114-115.

⁵³ Там же. Л.116-117.

⁵⁴ АВЛ РФ. Ф.82 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.165. Папка 127. Л.54.

⁵⁵ Единственной жертвой чистки академических списков стал назначенный представителем Норвежской АН славист Олаф Брок (1867–1961), после поездки в СССР выпустивший резко критичную книгу «Proletariatets diktatur. Seet og tónkt fra forsommeren 1923», изданную двумя изданиями в 1923 и 1924 в Осло, а также в шведском переводе в 1924 в Стокгольме и по-французски в 1925 в па-

предство в Норвегии (А.М.Коллонтай) одобрительно отметило, что все указанные ученые «известны с лучшей стороны»: о Ф.Нансене «нечего и говорить», В.Брёггер хотя и консерватор по взглядам, но активного участия в политике не принимает, И.Фохт – беспартийный, но сын его член рабочей партии, другой – член Компартии, В.Гольдшмидт – беспартийный, с некоторым уклоном в пользу рабочей партии, а Г.О.Сарс просто беспартийный⁵⁶. Полпредство в Германии (Н.Н.Крестинский), хотя и назвало «реакционерами и консерваторами» В.Нернста (Берлин), М.Лауэ (Берлин), А.Е.Лагорио (Берлин), ничего против их приглашения не возразило⁵⁷.

В то же время реакция почти всех полпредств совпала в общей оценке акции, которую сформулировал советник посольства в Италии Макар: «Приведенные Вами имена по наведенным справкам вполне приемлемы, но, конечно, недостаточны». И как будто зная о том, что происходит в Академии, добавил: «Хотя у нас и Советская власть, но ограничить приглашения на празднование одними математиками (“социализм – это учет”) и семитологами не следует. В ближайшее время я постараюсь дополнить Ваш список»⁵⁸.

Дополнять стали подлинными друзьями СССР. Советник полпредства в Германии А.Штанге просил пригласить представителей Общества изучения Восточной Европы, которое «проводит к нам благожелательную политику и неоднократно оказывало услуги в отдельных случаях, не говоря об его общей полезной для нас деятельности»⁵⁹. ВОКС настойчиво требовал приезда своей креатуры – членов различных обществ «новой России», «сближения с СССР», «друзей СССР» и т.д. Особенно активным оказался товарищ Калина – первый секретарь полпредства и одновременно уполномоченный ВОКС в Чехословакии, добивавшийся приглашения в Ленинград целой делегации «Общества сближения с новой Россией» и особенно его председателя Зденека Нееды⁶⁰. О.Д.Каменева, сообщая об этом

рижском журнале «Correspondant» (Т.298, 299). Позднее тот же О.Брок стал первым иностранным ученым, исключенным из АН СССР в 1949.

⁵⁶ Досье «Юбилей АН». Л.122.

⁵⁷ *АВП РФ*. Ф.82 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.165. Папка 127. Л.56.

⁵⁸ Досье «Юбилей АН». Л.139.

⁵⁹ *АВП РФ*. Ф.82 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.165. Папка 127. Л.61.

⁶⁰ Зденек Нееды (1878–1962) – доктор философии Карлова университета, в 1939 эмигрировал в СССР, работал в МГУ и Институте истории АН СССР (1939–1945). В 1945–1946 министр школ и народного просвещения Чехословакии, в 1946–1948 министр труда и социального обеспечения, в 1948–1953 министр школ, наук и искусства; основатель и президент Чехословацкой Академии

С.Ф.Ольденбургу, писала, что «мы со своей стороны прямо заинтересованы в приезде проф. Неедли⁶¹ <...> как лица, много потрудившегося для культурного сближения СССР с Чехословакией»⁶².

«Чешская акция» Романа Якобсона

Прага представляла особый интерес для советского руководства как один из крупнейших центров русской эмиграции, где сосредоточилась значительная часть научной и политической элиты, поддерживаемая президентом Томашем Г. Масариком и министром иностранных дел Э.Бенешем в рамках «Русской акции».

Чехословакия, «зажатая» между Германией и Россией, геополитически была обречена на выбор «покровителей», и, проводя «Русскую акцию», она фактически «покупала» свое будущее. МИД Чехословакии, устанавливая правила распределения субсидий русским эмигрантам, прямо оговаривал, что по возвращении в восстановленную Россию они должны были бы пропагандировать ЧСР в хозяйственной и культурной областях, а суммы, затраченные чехословацким правительством на их поддержку в эмиграции, должны были быть «возвращены» приглашением чешской интеллигенции в Россию и выделением государственных дотаций чехословацкой промышленности, которая бы имела перед промышленностью других государств преимущественное право⁶³.

Гуманитарная помощь рассматривалась многими чехословацкими политиками как выгодное помещение политического капитала⁶⁴, а Масарик и Бенеш надеялись, что «Русская акция» сделает Чехословакию ведущим славянским центром Европы. Поддержка русских эмигрантов не мешала, однако, и сохранению status quo в отношениях с Советской Россией. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, постоянное представительство СССР энергично функционировало в Праге, а его «дипломатический информатор» Роман Якобсон – большой поклонник славянского единства – регулярно бывал «на чае» у президента Масарика⁶⁵.

наук в 1952. В январе – сентябре 1953 заместитель премьер-министра Чехословакии.

⁶¹ Так в тексте.

⁶² ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.8. Л.67.

⁶³ РГАЛИ. Ф.1568. Оп.1. Д.5. Л.123.

⁶⁴ См., например: Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1994. № 4. С.32.

⁶⁵ АВП РФ. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.41-42.

После ожесточенных внутрипартийных дискуссий первой половины 1920-х Сталин, следуя старой имперской традиции отправлять не угодных режиму сановников подалее – послами за границу, поспешил убрать таким способом многих фракционеров, создав тем самым «оппозиционный дипломатический пояс» вокруг СССР. К середине 1920-х едва ли не весь европейский дипкорпус Советов оказался протроцкистским, разделяя устремления Льва Давыдовича к раздуванию пожара мировой революции, чем и занимался в странах пребывания. Представителем именно этого течения был и непосредственный начальник Якобсона – полпред в Чехословакии Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883–1938), имевший в ранце, как и все первое поколение советских дипломатов, дворянское происхождение и политическую эмиграцию до Октября, участие во внутрипартийных оппозициях «до и после» и, как правило, расстрельный приговор в конце⁶⁶.

Человек боевой и активный, Антонов-Овсеенко использовал все средства для поддержки интернациональных соратников. Когда из Москвы пришел запрос о приглашенных на юбилей, он, единственный из всех полпредов, немедленно стал сколачивать свою делегацию, ядро которой должны были составить члены «Общества сближения с новой Россией», а академические приглашения чехословацким ученым, рассылавшиеся через полпредство, попридержал «до выяснения обстановки»⁶⁷. Одновременно в Праге пустили слух, что

⁶⁶ Сын дворянина из Чернигова, военный по образованию и меньшевик по призванию, Антонов-Овсеенко, вернувшись в 1917 по амнистии в Россию, на время настолько вписался в новый партийный ландшафт, что ему доверили руководство захватом Зимнего дворца и арест членов Временного правительства. После Октябрьского переворота он – командующий ключевым Петроградским Военным округом; в 1921 подавлял крестьянское движение в Тамбовской губ., а с осени 1922 по февраль 1924 – начальник Политуправления Красной Армии. В 1923 Антонов-Овсеенко выступил против Сталина и подписал «Заявление 46-ти» в ЦК о нестерпимости внутрипартийного режима. Как и других подписантов, в октябре 1923 на Пленуме ЦК и ЦКК его объявили фракционером и обвинили вкупе с Троцким в раскольнической деятельности. С ярлыками фракционера, раскольника и троцкиста он был отправлен, по выражению Александра Коллонтай, «есть персикю», т.е. в ссылку с «дипломатическим» поручением – сначала в Китай, в марте 1924 в Чехословакию, затем в Литву (1928–1930) и Польшу (1930–1934). Продержав Антонова-Овсеенко ровно десять лет за границей и отказав ему в 1933 в приеме во Всесоюзное общество старых большевиков, Сталин вернул его в 1934 на родину, назначив прокурором РСФСР. В 1936 Антонов-Овсеенко – генеральный консул СССР в Барселоне (Испания), откуда вернулся через год и уже в последний раз – в 1937, теперь уже наркомом юстиции РСФСР.

⁶⁷ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.9. Л.93.

именно «левому» профессору Зденеку Неедлы Российская Академия поручила «создать более выдающихся членов, наших литераторов и вообще сведущих лиц к участию в юбилейных торжествах»⁶⁸, что вызвало резко негативное отношение ученых.

Политизация научного юбилея отпугивала. В «доверительном» письме С.Ф.Ольденбургу русист Иржи Поливка, иностранный член-корреспондент РАН с 1901, прямо писал: «Несомненно, что проф. Неедлы, при близости к Вашим партийным сферам, будет иметь на Ваших торжествах особенно привилегированное положение. Русским языком он владеет плохо, но при его изворотливости и стремлении всюду выступать с публичными речами, он и здесь не будет стесняться. Но при нем положение официальных делегатов нашей Академии и Университета будет очень неловкое. Им трудно будет при таких условиях открыто выступать и говорить, как это обыкновенно бывает на разных банкетах при таких торжествах, и мы будем вынуждены стать в бесцветное положение и произносить бессодержательные речи, чтобы в противном случае не вызвать недоразумений и неприятностей для себя и для своих ближайших академических кругов... Мы должны еще обстоятельно подумать, можем ли мы при таких условиях направиться к Вам»⁶⁹.

Симптоматичное письмо Поливки настолько встревожило Ольденбурга, что он в непривычно резкой для себя манере немедленно обратился к Антонову-Овсенко: «Как Вам, вероятно, это известно, АН пригласила профессора Неедлы лично и никаких поручений организационного или иного характера ему не давала да и не имела надобности давать ввиду тех прочных научных связей, которые соединяют ее с учеными учреждениями Чехо-Словакии. <...> Дальнейшие меры по привлечению их к участию в празднике Академии, хотя бы и продиктованные дружескими чувствами, не вызываются, по мнению АН, необходимостью»⁷⁰. С помощью Н.П.Горбунова Академии удалось отбиться от «друзей новой России», однако на юбилей из более чем двадцати приглашенных чехословацких ученых приехало только четверо.

Еще больший переполох в СССР вызвала другая инициатива полпреда, инспирированная Романом Якобсоном, предложившим пригласить «на юбилей Ленинградской Академии наук» — ни много ни мало — президента Чехословакии Томаша Г. Масарика⁷¹.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.10. Л.59.

⁶⁹ Там же. Л.59.

⁷⁰ Там же. Л.146-146об.

⁷¹ Досье «Юбилей АН». Л.166.

Ссылаясь на информацию «профессора Ястребова»⁷², что «формально Масарик не член АН лишь потому, что в этом звании не был утвержден царским правительством»⁷³, Якобсон уговорил Антонова-Овсенко, и 9 июня соответствующая депеша пошла в НКВД.

Предложение Якобсона не могло не импонировать полпреду. Вынашиваемая научным сообществом идея формирования «мировой организации ученых» в советском контексте быстро трансформировалась в концепцию «истинного Интернационала науки», который, конечно же, мог «выйти только из Москвы, где бьется сердце Коминтерна и Профинтерна» (А.В.Луначарский). Идея Якобсона, в переводе на язык большевика Антонова-Овсенко, как раз и означала возможность формирования еще одного такого «интерна» под управлением Москвы.

Чтобы гарантировать успех операции, Якобсон, по всем правилам шпионского искусства, организовал утечку информации, рассказав чешскому журналисту Шромму, вхожему в дом Масарика, о желании полпредства видеть президента в СССР. Шромм не подвел, и Т.Масарик «случайно узнал» об этом, после чего Антонову-Овсенко ничего не оставалось, как просить наркома Г.В.Чичерина «воздействовать», чтобы Масарик был приглашен.

Инициатива Якобсона, конечно же, не была только его личной импровизацией или «евразийской» интригой. Разумеется, Якобсон, еще не эмигрант, а гражданин СССР⁷⁴, был лично чрезвычайно заинтересован в покровительстве президента Чехословакии: репутация советского агента делала невозможной для него карьеру в эмигрантских научных учреждениях⁷⁵ и не помогала в чешских научных

⁷² Ссылка была весьма вольной: славист Николай Владимирович Ястребов (р. 1869) скончался еще в 1923; в дореволюционные годы он неоднократно встречался с Т.Масариком. Ястребов был первым профессором Петербургского университета, специально подготовленным для преподавания истории славян, а кроме того был хорошо известен своими либеральными взглядами; еще в 1905 он учредил т.н. «партию свободомыслящих», объединявшую несколько петербургских интеллигентов под лозунгом «свободной критической мысли» и «эволюционного развития общества по направлению к свободе». В мае 1919 Ястребов получил заграничную командировку от РАН и Петроградского университета, которая быстро превратилась в эмиграцию, и с 1920 Ястребов стал профессором славянской истории в Праге.

⁷³ *АВП РФ*. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.50-50об.

⁷⁴ 8 июля 1925 референт по Чехословакии подотдела Центральной Европы Левин утверждал: «Якобсон никогда от советского гражданства не отказывался». – *АВП РФ*. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.54.

⁷⁵ См. об этом, например, в письме Н.С.Трубецкого Р.Якобсону от 25 января 1923. – N.S.Trubetzkoy's Letters and Notes. Hague; Paris, 1975. P.42.

кругах. Но слух, что «известный ученый Масарик, но в то же время и пожизненный президент Чехо-Словакии, очень бы хотел приехать на наш юбилей», по неофициальным каналам достиг и вице-президента В.А.Стеклова, о чем он сам писал в НКИД⁷⁶. Трудно представить, что такая информация могла пройти без желания самого Масарика.

Кажется, в интриге Якобсона просматривается еще одно заинтересованное «лицо» – французское. Как известно, в 20-е годы французы стремились любыми путями противодействовать распространению германского влияния и искали возможности антигерманских коалиций на любых уровнях и во всех сферах. Десять лет понадобилось политикам и дипломатам, чтобы создать в 1935 недолговечную и хрупкую ось «Франция–Чехословакия–СССР», но ее проект явно намечался в середине 1920-х.

Одним из конфидентов Якобсона был профессор экономической географии Альфред Фишель (Alfred Fichelle)⁷⁷, директор Французского института в Праге – удобного неформального канала французского влияния в Восточной Европе. Сам Фишель, имевший тесные связи со старыми французскими русофилами – П.Буайе, А.Мейе, Ж.Патуйе и др., стремился взять на себя роль посредника в контактах советского полпредства с французским посольством в Праге, демонстрировавшим, по словам Антонова-Овсеенко, свою симпатию французскому культурному сближению с СССР⁷⁸.

Представления еще малоискушенного в секретной дипломатии советского полпреда о Фишеле были крайне противоречивыми и зависимыми.

Поначалу в своих донесениях в Москву он называл его просто шпионом, а возглавляемый им институт не научным, а культурно-пропагандистским, «не без примеси шпионажа, как и сам Фишель»⁷⁹. Но уже через непродолжительное время, по-видимому, под прямым влиянием Якобсона, Антонов-Овсеенко сообщал, что Фишель оказывает полпредству «серьезные услуги», а также имеет поручение договориться о реанимации старого плана создания Фран-

⁷⁶ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.10. Л.219.

⁷⁷ См. его работы: *La Tchécoslovaquie, état exporteur*. Bruxelles, 1922 (Paris, 1931); *Géographie physique et économique de l'URSS*. Paris, 1946. Фишель перевел на французский работы Ф.Ф.Зелинского по истории античной цивилизации (Париж, 1931) и греческой религии (Париж, 1926).

⁷⁸ АВП РФ. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.50-50об.

⁷⁹ Там же. Л.41-42.

цузского института в Ленинграде, который мог бы и возглавить⁸⁰; часть членов пражского Французского института рассматривались как кандидаты в будущий институт в СССР⁸¹.

Лоббируя идею института, живо интересовавшую все стороны, Фишель, опять через Якобсона, дал понять полпредству, что очень бы хотел получить приглашение на юбилей РАН, о чем Антонов-Овсеенко также сообщил в Москву. Рекомендация полпреда оказалась убедительной и перспективной, и почти сразу Коллегия НКВД высказалась за приглашение.

Однако через некоторое время против неожиданно и весьма резко выступил зав. отделом Центральной Европы Б.Е.Штейн, написавший 1 июля специальное секретное письмо Г.В.Чичерину и членам Коллегии НКВД, настаивая, что «научность» Фишеля приближается к таковой же Киндермана и К^о – немецких студентов, арестованных в октябре 1924 как «шпионы и террористы» и суд над которыми в эти дни происходил в Москве. Особый гнев Штейна вызывало поведение полпреда, менявшего свои суждения с двухнедельной регулярностью. «Мнение т. Антонова, изложенное им в письме от 25-го, – писал Штейн, – о неудобстве создавшегося положения <с Масариком. – М.С.> может быть объяснено в известной степени желанием выйти из затруднительного положения, в каковое он попал благодаря неотчетливым разговорам Якобсона с Фишелем и ему подобными “деятелями”»⁸².

Но Штейн опоздал.

2 июля стало известно, что план Якобсона почти удался. В этот день Политбюро ЦК РКП(б) собралось на очередное заседание⁸³. Первым пунктом обсуждались вопросы НКВД, которые, как всегда, докладывал сам нарком Г.В.Чичерин. «Сегодня Инстанция приняла решение не возражать против приглашения Масарика⁸⁴ на юбилей Академии наук <...> Масарик <...> получит приглашение прямо от Академии в качестве ученого, а не в качестве президента», – со-

⁸⁰ *АВП РФ*. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.50-50об.

⁸¹ Там же.

⁸² Досье «Юбилей АН». Л.161.

⁸³ *РГАСПИ*. Ф.17. Оп.3. Д.509. Л.2. Присутствовали члены Политбюро: Рыков, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты в члены Политбюро: Дзержинский, Рудзутак, Фрунзе, Калинин, Сокольников; члены ЦК: Андреев, Бубнов, Ворошилов, Догатов, Михайлов, Лепсе, Цюрупа; члены Президиума ЦКК: Сольц, Чушкаев, Шкирятов, Ярославский.

⁸⁴ В оригинале «Масарику».

обшир Чичерин Антонову-Овсеенко⁸⁵. Нарком, не испытавший восторга от пражской инициативы, на заседании Политбюро пытался указать на «неудобства» приезда главы не признающего СССР государства, но не был услышан. «Если Масарик действительно приедет, что фактически сомнительно, нужно будет его трактовать исключительно как профессора», – с этой директивой партийного руководства Чичерин вернулся в НКВД⁸⁶.

Одновременно Политбюро попеняло наркому, что «секретные обстоятельства» дошли до сведения Масарика, и обязало провести служебное расследование. Собственный вывод Чичерина звучал однозначно: «...болтовня исходит от Яковсона. В этом смысле придется сделать сообщение Инстанции»⁸⁷. И запросил Антонова-Овсеенко телеграммой: «Инстанция требует расследования того каким образом Масарик узнал Ваше предложение чтобы Академия его пригласила. Том же контексте упоминаете Яковсона. Вашем дневнике указывается Яковсон беседовал Фишелем приглашениях Академией. Все это наводит на мысль что Масарик узнал от Яковсона Ваше предложение. Сообщите верно ли и почему Вы продолжаете настаивать незаменимости Яковсона»⁸⁸.

Еще не дождавшись ответа полпреда, 6 июля Чичерин уже докладывал в Секретариат ЦК РКП(б): «Я сам из внимательного чтения дневников т. Антонова-Овсеенко и его помощников пришел к выводу, что несомненно имела место болтовня Яковсона. <...> Все последовательные полпреды на него смотрели как на человека ненадежного, но абсолютно незаменимого для исполняемых им функций. Наше полпредство совершенно не в состоянии поддерживать сношения с такой массой лиц, как это делается через посредство Яковсона, лично знающего положительно все политические, журнальные и хозяйственные сферы Праги. Такие люди бывают незаменимы, но иногда болтают нектати. В данном случае есть ряд указаний на то, что Яковсон принимал какое-то участие в вопросе о приглашении ученых на юбилей Академии, так что наличие с его стороны болтовни весьма правдоподобно»⁸⁹.

Ответ Антонова-Овсеенко от 9 июля был по-военному четким: «Незаменимым Яковсона я никогда не считал, но предлагавшиеся

⁸⁵ Копии – полпредам Х.Г.Раковскому и Н.Н.Крестинскому, членам Коллегии НКВД С.И.Аралову, Ф.А.Ротштейну, Б.Е.Штейну.

⁸⁶ Досье «Юбилей АН». Л.162.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Л.143.

⁸⁹ Там же. Л.149.

до сих пор кандидатуры не подходили. Я остаюсь при прежнем своем мнении, что Якобсон нам чрезвычайно полезен и реальная польза от него перевешивает возможный вред. До сих пор нет данных, уличающих его в двойственной игре. Хорошая половина нашей информации исходит от него и от его источников. <...> Затем, наличие в нашем представительстве беспартийного служащего такой квалификации придает в глазах чешской общественности и официальных кругов более «приличный аспект» нашему представительству и облегчает прорыв нами той блокады, в которой нас стараются держать. Не нахожу момент для замены Якобсона подходящим»⁹⁰.

17 июля Чичерин вновь рапортовал Политбюро ЦК, повторяя слова полпреда о роли Якобсона как «живой связи Полпредства с громадным количеством разных людей в Праге», и резюмировал, что Антонов-Овсенко «не считает этот проступок настолько серьезным, чтобы за него взыскивать с Якобсона, как человека беспартийного и по существу играющего роль информатора и посредника между Полпредством и разнообразными общественными кругами»⁹¹.

На этом можно было бы и закончить.

Приглашение Фишелю отозвали, а Томаш Масарик в Советскую Россию не поехал. Разочарованный неудачей, Антонов-Овсенко отправился в Закарпатскую Украину, по словам чехословацкой прессы, готовить восстание против Чехословакии в этом районе⁹². НКВД и МИД обменялись нотами протеста, однако шумиха не утихла, напротив, появились сообщения о выработке в Москве плана покушения на Масарика и других руководителей Чехословацкой республики.

Сколько и каких игроков было в пражском «академическом деле», пока сказать невозможно. Документы чичеринского «досье» лишь слегка приоткрывают некоторые детали этой истории. Однако на то, что «коллективный Якобсон», возможно, имел обширные и далеко идущие планы, указывает аналогичный параллельный сюжет.

После положительного решения Политбюро по Масарику, в середине июля, французы решили повторить «успех» Якобсона, наметнув советскому полпредству в Париже, что «имеется надежда

⁹⁰ Досье «Юбилей АН». Л.166.

⁹¹ *АВП РФ*. Ф.082 (Полпредство в Германии). Оп.8. Д.90. Папка 22. Л.51.

⁹² Петерс И.А. Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев, 1965. С.178–180.

уговорить Пенлеве⁹³ в качестве ученого посетить юбилей АН»⁹⁴, – к чехословацкому президенту прибавляли французского премьер-министра.

На этот раз Чичерина не надо было уговаривать, и он немедленно сообщил А.И.Рыкову: «Это имело бы громадное значение, и в особенности теперь, когда под влиянием слуха о расстреле 18-ти лицейстов⁹⁵ без суда, ученые в некоторых столицах начинают отказываться от поездки. В Париже и без того некоторые высшие научные институты принимали отрицательные решения относительно поездки на этот юбилей. Я поэтому склонен приписывать очень большое значение поездке Пенлеве»⁹⁶.

Оперативно, 29 июля, Политбюро ЦК РКП(б) опросом одобрило приглашение французского премьера⁹⁷, сделав это без предварительного рассмотрения Коллегии НКИД, заседание которой состоялось в тот же день, но позднее. Опоздавшее постановление Коллегии пронизано скепсисом: «Сообщить т. Красину решение Политбюро по этому вопросу и предложить ему выяснить, действительно ли хочет Пенлеве приехать на юбилей и в зависимости от ответа послать приглашение от Академии»⁹⁸. Однако решение Инстанции было законом и тут же отправлено к непосредственным исполнителям.

30 июля нарком просвещения А.В.Луначарский поручает написать С.Ф.Ольденбургу – как всегда, «лично» и «совершенно секретно» – о необходимости «пригласить на юбилей РАН Пенлеве»⁹⁹. Ошарашенный Ольденбург уже на следующий день, 31 июля, напоминает наркомпросовским деятелям, что приглашение Пенлеве «как нашему члену-корреспонденту было послано еще 12 июня, но 1 июля с.г. мы получили от него ответное письмо, где он сообщил о невозможности приехать на наши торжества вследствие усиленной

⁹³ Пенлеве Поль (1863–1933) – французский математик, профессор Коллеж де Франс; в 1915–1916 министр народного просвещения и информации, в 1917 и 1926–1929 военный министр, в 1917 и 1925 премьер-министр Франции, в 1930–1933 министр авиации. Член-корреспондент РАН с 1924.

⁹⁴ Досье «Юбилей АН». Л.180-181 (телеграмма посла Л.Б.Красина в НКИД; ее копии были направлены членам Политбюро и Коллегии НКИД).

⁹⁵ См.: Телетова Н.К. «Дело лицейстов» 1925 года // Звезда. 1998. №6. С.115-131.

⁹⁶ Досье «Юбилей АН». Л.180-181.

⁹⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.513 (протокол №73 от 30 июля; опрос проводился накануне).

⁹⁸ АВП РФ. Ф.0136 (Полпредство во Франции). Д.131. Папка 107. Л.3.

⁹⁹ ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.11. Л.8-8об.

работы в настоящее время»¹⁰⁰. Но сведения о возможном визите премьер-министра Франции уже просочились в советскую прессу, и она на все лады обсуждает перспективы появления в СССР французского премьера.

К 31 августа все заканчивается. НКИД сообщил А.В.Луначарскому, что Поль Пенлеве не придет¹⁰¹. Более того, 2 сентября в Академию наук пришел отказ от участия в юбилее французского посла Жана Эрбетта¹⁰². Еще ранее стало известно, что «делегация французской науки» вообще не появится в Ленинграде, и все заготовленные для торжества речи на двух языках – русском и французском – будут в сентябре произноситься для немецких ученых, которые составят ровно половину приехавших гостей. Но это уже другая история.

Вместо заключения

Этот небольшой очерк не претендует на откровение – он состоит всего лишь из манящих запахов, не имеющих ничего общего с «конечным результатом». Любителям другой кухни здесь остро не хватает «корочки».

Каждый из участников этой «юбилейной» виртуальной пьесы играл свою игру:

Генсек Сталин, едва одержав важнейшую победу над «перманентным революционером» Троцким, начал возводить опоры будущей эпохи сталинского классицизма. Инстинктивно тянувшийся к имитации имперского стиля, он искал надежных внепартийностью союзников и разрешил провести «импозантный» академический юбилей – репетицию «стиля Сталин»;

Предсовнаркома Рыков и, прежде всего, его управделами Горбунов, еще в 1918 мечтавший о «наркомате науки», расчищая поле для будущей сталинской постройки, лоббировали идею «расширения и укрепления международных научных связей» как один из инвариантов Коминтерна, вокруг которой можно создавать опорные «организационные центры», нейтрализующие «тормозящее влияние» антисоветского общественного мнения¹⁰³;

Нарком Чичерин, считавший отношения с Германией ключевым положением своей внешнеполитической линии, а Рапалло – об-

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп.7. Д.12. Л.129-129об.

¹⁰¹ Там же. Д.21. Л.33.

¹⁰² ПФА РАН. Ф.12. Оп.1. Д.14. Л.51.

¹⁰³ ГАРФ. Ф.5446. Оп.37. Д.62. Л.18.

разцом двустороннего сепаратного соглашения, в свою очередь, пытался переводить боевой коминтерновский напор в русло доктрины «мирного наступления Советов»;

Академики Стеклов и Ольденбург добивались у власти *carte blanche* на превращение Академии наук в «штаб советской науки», определяющий стратегию ее развития в целом;

Президент Масарик и «неведомые» французы искали не прямые ходы на Восток, стремясь включить его в орбиту своего влияния;

Роман Яacobсон, связав и запутав идеологию, политику, спецслужбы и науку в единый клубок патронажа «гражданина мира», подобно Николаю Рериху, задавал новую версию сциентизма.

Казавшаяся «своей», игра для всех оказалась общей. В 1933, после поездки в СССР, теперь уже пораженный Эдуард Эррио напишет: «Решительно наука здесь – предмет культа. Единственная допускаемая теперь религия – наука. Главный храм этого культа, порождающего подлинное идолопоклонство, а нередко и искажения, – Академия наук. Науку советский строй облакает всей властью, отнятой им у религии. Он делает из нее новый догмат»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Эррио Э. Восток. М., 1935. С.208-209.

«ВЫ – ЧУДО ДОБРОТЫ...»

К истории одной переписки

Публикация Александра Парниса

Софья Николаевна Мотовилова (1881–1966), адресат публикуемых здесь четырех писем Пастернака, познакомилась с поэтом летом 1918 г. – в библиотечном отделе Наркомпроса.

О кратком периоде, когда Пастернак в июле – сентябре (?) 1918 г. служил в библиотечном отделе, руководимом В.Я.Брюсовым, почти ничего не известно. Сохранились лишь два документа, свидетельствующие об этой службе поэта. Его имя значится в отчете Московского библиотечного отделения Наркомпроса от 7 сентября 1918 года: «...отделение ныне функционирует в составе следующих лиц: заведующий отделением – В.Я.Брюсов, заместитель заведующего – с 18 июля по 1 сентября – А.К.Виноградов и, после его отказа от этой должности, с 1 сентября Ю.М.Соколов, секретарь – <Б.Л.>Пастернак, отказавшийся от своей должности с 16 августа; ныне должность секретаря временно не замещена по тем же причинам, по каким замедлено образование секций»¹. В этом отчете названа и Мотовилова: «Эмиссары – Я.Э.Голосовкер, оставивший свою должность по болезни 1 сентября, С.Н.Мотовилова с 17 июля, В.О.Нилендер – с 1 сентября»².

Второй документ – список эмиссаров библиотечного отдела на сентябрь 1918 г., состоящий из одиннадцати фамилий. В нем указаны Б.Л.Пастернак (с 26 июля работает, утвержден с 1 сентября³) и С.Н.Мотовилова⁴.

¹ См.: История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы: 1918–1920. М., 1975. С.41 (в печатном тексте инициалы Пастернака даны с ошибкой). Цит. по подлиннику: ГАРФ. Ф.2306. Оп.2. Д.263. Л.99.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф.2306. Оп.30. Д.2. Л.10. Сообщено К.И.Абрамовым, которому выражаю сердечную признательность.

⁴ Там же. Л.40.

О работе в Наркомпросе сам Пастернак глухо упоминает в ранней анкете (15 марта 1919 г.),⁵ несколько слов об этом сказано и в его биографии, написанной Е.Б.Пастернаком.⁶ В ней цитируется письмо отца поэта, Л.О.Пастернака, к П.Эттингеру от 4 августа 1918 г. – без уточнения, о какой именно службе идет речь: «Боря бывает у нас с субботы вечером; воскресенье (он *служит* ведь) все проводит у нас... <курсив мой. – А.П.>»⁷ В автобиографии 1922 г. Пастернак пишет: «Серьезная художественная работа прекращается со второй половины 1918 года»⁸. Это признание косвенно свидетельствует, что служба в Наркомпросе и переводы для «Всемирной литературы» (Г.Клейст и др.) не оставляют ему времени для собственного творчества.

Возможно, намек Пастернака на «наркомпросовский» период содержится и в его стихотворном послании «Брюсову» (1923), написанном через пять лет, еще по «свежей памяти», и посвященном 50-летию мэтра символизма:

.....жалко,
 Что *прошлое* смеется и грустит,
 А злота дня размахивает палкой.

(Пастернак Б. Собрание сочинений. В 5 тт. М., 1989–1992. Т.1. С.244; далее указывается лишь том и стр.; курсив мой. – А.П.)

Никаких непосредственных свидетельств об этой службе Пастернака нет и в текстах Брюсова⁹. Известно, что он внимательно присматривался к поэзии и к самому Пастернаку с первых его шагов в литературе – с 1914 года¹⁰. В 1920 г. во внутренней рецензии на первый том «Сочинений» Пастернака (не издан) упрекал автора в недостатках стихотворной техники, но одновременно назвал его «поэтом интересным, заслуживающим внимания»¹¹. 6 декабря этого же года Брюсов и Пастернак (вместе с А.В.Луначарским,

⁵ См.: Анкета профсоюза // Пастернак Е.В. Борис Пастернак: Анкеты, заявления, ходатайства 1920-х годов // Русская речь. 1992. №4. С.44. Пастернак на вопрос этой анкеты «Имеется ли Вы связь с каким-то культурно-просветительским учреждением и каким именно?» отвечал: «С театральным отделом при Нар<комате> Ком<иссарната> Просвещения как учреждениями издательскими». Так как поэт отвечал через несколько месяцев после ухода со службы, то, скорее всего, в этом ответе идет речь не о его службе, а о его связях с разными издательскими структурами Наркомпроса.

⁶ Пастернак Е. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. С.302, 309.

⁷ Там же. С.303.

⁸ Русская речь. Указ. изд. С.47.

⁹ Абрамов К.И. В.Я.Брюсов – руководитель библиотечного отдела Наркомпроса // Библиотеки СССР. Вып.41. М., 1969. С.94-104. В указанной статье упоминаются мемуары Мотовиловой «Минувшее» (С.94-95).

¹⁰ Брюсов В. Год русской поэзии. Апрель 1913 – Апрель 1914 // Русская мысль. 1914. №6. Разд. III. С.17.

¹¹ Литературное наследство. Т.85: Валерий Брюсов. М., 1976. С.242. См. также: Пастернак Е.В. Пастернак и Брюсов: К истории отношений // Россия/Russia. 1977. №3. С.249.

А.Бельм, С.Есениным, Р.Ивневым и другими) участвовали в вечере в Большом зале Московской консерватории со знаменательным названием – «Россия в грозе и буре»¹². Примечательно, что еще через два года, в 1922 г., Брюсов в обзоре русской поэзии первого революционного пятилетия, в котором он дал высокую оценку книге «Сестра моя – жизнь», писал: «У Пастернака нет отдельных стихотворений о революции, но его стихи, может быть, без ведома автора, пропитаны духом современности, психология Пастернака не заимствована из старых книг; она выражает существо самого поэта и могла сложиться только в условиях нашей жизни»¹³. Брюсов, разумеется, четко разделял поэзию и «существо самого поэта», («психологию Пастернака» и бытовые «условия нашей жизни»), но вполне возможно, что эта характеристика автора «Сестры моей – жизни» отчасти навеяна «трудами и днями» нескольких месяцев сотрудничества военного 1918 г. во время их совместной службы.

Намек на сотрудничество в библиотечном отделе Наркомпроса имеется, по-видимому, и в дарственной надписи Пастернака на книге «Сестра моя – жизнь»: «Валерию Яковлевичу Брюсову с горячей любовью и пожеланьем долгого процветанья от много обязанного ему Б.Пастернака. 1/VI 22. Москва»¹⁴.

В начале осени 1918 г. Пастернак, по-видимому, ушел со службы, а глубокой осенью или в начале зимы заболел гриппом (известен рисунок Л.О.Пастернака, изобразившего фигуру полулежащего больного сына в свитере¹⁵). Под воздействием трудной зимы, военных событий, тяжелого быта и болезни Пастернак через несколько месяцев создал цикл из семи стихотворений «Болезнь» (вошел в его книгу «Темы и вариации», 1923). В стихотворении из этого цикла «Кремль в буран конца 1918 года» также отразились настроения тех месяцев:

Остаток дней, остаток вьюг,
Сужденных башням в восемнадцатом,
Бушует, прядает вкруг,
Видать – не наигрались насыто.

За морем этих непогод
Предвижу, как меня, разбитого,
Ненаступивший этот год
Возьмется сызнова воспитывать.

(СС. I, 192).

¹² См.: Ивнев Р. Вместе с Луначарским // Волга. 1968. №11. С.156.

¹³ Цит. по: Брюсов В. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990. С.595. Это не совсем точная характеристика Пастернака, см. в связи с этим недавно выявленные три ранних революционных стихотворения, написанных в 1918 г. – Пастернак Е.Б. «Русская революция»: Неизвестные стихи Б.Пастернака // Новый мир. 1989. № 4. С.131-134.

¹⁴ Литературное наследство. Т.85. С.243.

¹⁵ См. этот рисунок Л.О. Пастернака: Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы к биографии. М., 1989. С.333.

«Бытовые» признаки этого времени возникают у Пастернака и в написанной в конце декабря 1918 г. теоретической статье об искусстве поэзии «Несколько положений», где он назвал прошедший год «черным, голодным годом» (СС. IV, 379).

Именно в этом «голодном году» в Наркомпросе и познакомилась Мотовилова с Пастернаком. В сентябре 1956 г. – через тридцать восемь лет – в письме к поэту она возобновила тогдашнее мимолетное знакомство. Возникшая переписка совпала с началом последнего, самого трудного периода в жизни Пастернака – отказом журналов «Новый мир», «Знамя», затем и Гослитиздата опубликовать роман «Доктор Живаго», главную книгу его жизни, как он сам считал, а также с первыми признаками смертельной болезни.

Через много лет после встречи с поэтом, читая у Шкловского в книге «Жили-были» (1964) слова Цветаевой о том, что «Пастернак похож одновременно на араба и на его лошадь», С.Н. написала автору этих строк: «Мне ужасно нравится описание Цветаевой наружности Пастернака. Очень похоже»¹⁶.

Для верного понимания содержания и тональности этой переписки¹⁷ необходимо подробнее рассказать о личности и биографии адресата писем Пастернака.

Мотовилова родилась в Симбирске 6 февраля 1881 г. в семье родовитого помещика Н.И.Мотовилова. Род Мотовиловых вел свое начало от Кобылы, от которого другой ветвью пошел род Романовых. (К роду Мотовиловых восходит родословная и Анны Ахматовой, которая писала в автобиографии: «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой...»¹⁸) Сначала С.Н. училась в московской частной гимназии, продолжила учебу за границей – в Лозанне, в Веймаре, занималась на философском факультете Лейпцигского университета, жила во Франции, Италии и Англии, где изучала основные европейские языки, а также иврит, чтобы читать Библию в оригинале. Впоследствии занималась на естественном отделении Бестужевских (женских) курсов в Петербурге и на библиотечных курсах в Народном университете имени А.Л.Шанявского в Москве. С осени 1918 г. жила в Киеве, и вся ее дальнейшая жизнь связана с библиотечной работой, в 20-х годах работала в консультационном отделе библиотеки Украинской Академии наук.

Имя Мотовиловой почти не известно в литературе. Хотя она много писала и называла себя «окололитературным лицом», но при жизни фактиче-

¹⁶ Письмо Мотовиловой к Парнису от 29 июля 1964 г.

¹⁷ Письма Мотовиловой к Пастернаку, хранящиеся в семейном архиве (у Н.О.Пастернак), оказались для меня недоступными.

¹⁸ Черных В.А. Родословная Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993. С.73. См. также: Некрасов В. Памяти Анны Ахматовой // Дружба народов. 1988. № 8. С.226-227; Некрасов В. Записки зеваки: Роман, повести, эссе. М., 1991. С.298.

ски не печаталась¹⁹, если не считать нескольких статей по библиотечному делу в провинциальных газетах и узковедомственных изданиях. Только в 1963 г., когда Мотовиловой исполнилось восемьдесят два года, в «Новом мире» (№12) были напечатаны ее воспоминания «Минувшее». Она не была ни арестована, ни сослана, но именно благодаря этим мемуарам ее имя попало в библиографический справочник Б.Стефанович и В.Вертсмана «Свободные голоса в русской литературе» (Нью-Йорк, 1987)²⁰. Но еще до этого справочника Мотовилова все-таки попала в литературу как персонаж произведений В.П.Некрасова.

Автор книги «В окопах Сталинграда» в своих автобиографических рассказах, мемуарных очерках и путевых заметках, а также в одном из последних произведений – повести «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (1983), написанной уже в эмиграции, неоднократно упоминает «тетку» или «тетю Соню»²¹. С этой «тетей Соней» – Софьей Николаевной Мотовиловой – в 60-х годах в Киеве, когда мне было 24 года, я был близко знаком и более того, несмотря на разницу в возрасте, был с ней дружен. Я часто посещал ее небольшую комнату в коммунальной квартире №7 по улице Горького (бывшая Кузнечная) в доме №38 (в этой же квартире сразу после войны жил будущий автор «В окопах Сталинграда» со своей мамой Зинаидой Николаевной, сестрой С.Н.). Попробую, хотя бы в общих чертах, нарисовать ее портрет.

Удивительный и очень своенравный человек, не зависимый ни от каких условностей и авторитетов, С.Н. всегда находилась в оппозиции к властям и к «начальству». В молодости она дружила со многими социал-демократами и большевиками (В.П.Ногиным, З.П.Соловьевым, С.В.Андроповым), но сама была беспартийной и осудила своего племянника, когда он вступил в партию (на фронте), считая, что «состоять в партии неприлично»²². Она называла себя кошкой, которая гуляет сама по себе, но в действительности была «бунтарем до мозга костей»²³, если воспользоваться ее же характеристикой любимого дяди Алешки, который первый познакомил ее еще в детстве с миром русской литературы.

«Я жадно стремилась к “праведной” жизни, присматривалась к окружающему и выискивала людей – борцов против существующего строя, – писала она в “Минувшем”. – Меня интересовала больше всего человеческая личность. Всякий протест против существующего строя, всякие поиски пу-

¹⁹ См. ее тексты, напечатанные посмертно: Мотовилова С.Н. Предсмертное письмо // *Континент*. 1978. №15. С.67-84; Она же. Неотправленное письмо // *Правда Украины* (Киев). 1993. 25 мая.

²⁰ Stevanovic B., Wertsman V. *Free voices in Russian Literature, 1950s–1980s: A Bio-Bibliographical Guide*. New York, 1987. P.289.

²¹ См. также письма Некрасова с фронта (1943–1944), адресованные З.Н.Некрасовой и С.Н.Мотовиловой // Некрасов В. *И жив остался...* М., 1991. С.405-447.

²² См.: Некрасов В. *Записки зеваки*. Указ. соч. С.357.

²³ Мотовилова С. *Минувшее* // *Новый мир*. 1963. №12. С.63.

тей манили меня. Я глубоко презирала обывденщину, мещанство. Это был у меня период Sturm und Drang. Мне было восемнадцать лет... Стоило при мне назвать человека, боровшегося против существующего строя, как я немедленно старалась с ним познакомиться»²⁴.

Ненасытный интерес к жизни и разнообразие духовных запросов (постоянное желание «много-много узнать»), как записала она в дневнике и объясняет столь многочисленный и «пестрый» круг знакомств Мотовиловой. Ей нужно было все увидеть, узнать, почувствовать и пережить – самой.

Еще будучи шестнадцатилетней гимназисткой, в канун Нового года – 31 декабря 1897 г., она встретила с Л.Н.Толстым и обратилась к нему с традиционными русскими вопросами – что делать и как жить дальше. И в этот же вечер описала разговор с великим писателем в своем дневнике²⁵, который вела всю жизнь (к сожалению, он сохранился не полностью). Любопытно, что за три года до Мотовиловой, в 1894-м, Борис Пастернак, когда ему исполнилось всего четыре года, также увидел Л.Н.Толстого, в доме своих родителей, он «прекрасно» запомнил это событие и впоследствии описал его в очерке «Люди и положения».

В молодости ее интересовали идеи анархизма, она познакомилась с швейцарским анархистом Винчем, о котором вспоминала: «Винч тогда свел меня с лозаннской группой анархистов, состоящей исключительно из итальянских рабочих-каменщиков. Изумительно было как мы, люди разных национальностей, разных классов, слоев общества, люди, выросшие в совершенно иных условиях, находили общий язык, понимали друг друга с полслова. <...> Я горела тогда душевным подъемом, желанием перестроить весь мир. Отношения с Винчем у нас продлились несколько лет. Он присылал мне в Лондон книги по анархизму и книги Гюйо, которым я тоже увлекалась»²⁶. В Лондоне Мотовилова познакомилась с революционером и теоретиком анархизма князем П.А.Кропоткиным.

Долгое время кумиром Мотовиловой был Ф.Ницше, она видела его в Веймаре, в последний год его жизни, когда уже больного философа сестра вывозила в коляске на балкон. Всю жизнь она хранила портрет Ницше, написанный гимназистом З.П.Соловьевым, знакомым по Симбирску (впоследствии известным большевиком). Увлечение Ницше она сравнивала с воздействием на нее Герцена: «Герцен наполнял меня восторгом. Такое высокохудожественное наслаждение, которое Герцен дал мне в те годы, я получила только от чтения Ницше».

В Женеве она встречалась с Г.В.Плехановым, бывала на выступлениях Л.Д.Троцкого, в дом Мотовиловых в Лозанне приходил в первый свой приезд за границу, в 1895 г., Ленин, которого ее дядя марксист Р.Э.Классон направил к ним для связи с группой Плеханова. На 2-м Сионистском конгрессе в Базеле в августе 1898 г. она слушала выступление основателя поли-

²⁴ Мотовилова С. Минувшее // Новый мир. Указ. изд. С.87.

²⁵ См. гл. «Моя встреча с Толстым» в «Минувшем» // Там же. С.78-82.

²⁶ Из главы «Между Германией и Англией», не вошедшей в печатную редакцию «Минувшего» (находится у автора статьи).

тического сионизма Т.Герцля, присутствовала на конгрессе 2-го Интернационала в Париже в 1900 г. и вместе с делегатами ходила к Стене коммунаров. Познакомилась в Лозанне с коммунаром Брошэ и расспрашивала его об анархисте М.А.Бакуnine, слушала на анархистском митинге в Лондоне «красную деву Монмартра» коммунарку Луизу Мишель. Хорошо знала Н.К.Крупскую и в 1918 г. работала с ней в Наркомпросе²⁷.

Человек прямой, бескомпромиссный, С.Н. в отношениях с людьми нередко бывала и резкой – всегда говорила то, что думает, без всяких экивоков. Некрасов писал, что у нее был «строгий», «крутой нрав», и даже назвал ее «домашним диктатором»²⁸. Она всегда решительно и мужественно боролась с «несправедливостью», бросалась на защиту преследуемых людей, жертв сталинского режима, в 30-х годах ездила в Москву к Крупской, чтобы помочь кому-то из своих коллег по библиотеке, обращалась с такими же делами и к В.Д.Бонч-Бруевичу.

Некрасов вспоминал о своей тете в книге «По обе стороны стены»: «Почему никого из нашей семьи не тронули? Вот что кажется странным. Основания, как будто, были: и “бывшие”, и дворяне, и родственники за границей, и всю жизнь переписка, даже посылки и деньги на Торгсин. Бабушка дважды ездила к своей дочери в Лозанну, правда, до посадок еще, в двадцатых годах... Активная, правдолюбивая тетка бушевала по поводу всех несправедливостей (и первых посадок в том числе), писала письма в ЦК, Крупской, Бонч-Бруевичу. И вот никаких репрессий, пальцем не тронули»²⁹. С.Н., очевидно, повлияла на решение Некрасова стать литератором, хотя сам он постоянно иронизировал над понятием «профессиональный писатель»: «Какой я к черту писатель?!»³⁰ В повести «Салерлилопет» Некрасов признается в своей мечте: «Итак, волею судеб, Зевеса или расположения светил мечта жизни осуществилась. Пошел в тетку – та в десятилетнем еще возрасте писала в своем лозаннском дневнике: “одна мечта – стать писательницей”»³¹. Но подробнее он рассказал о тетке в очерке о К.И.Чуковском, с которым Мотовилова много лет переписывалась и к которому направила своего племянника в 1932 году: «В каждую свою поездку в Москву я получал от нее “спецзадание”. То отвести В.Бонч-Бруевичу – редактору сборников “Звенья” – ее мемуары (несколько лет по поводу них между теткой и редактором шла обширнейшая переписка, но мемуары появились в “Новом мире” только через тридцать лет), то передать переписку Ленина с Мартовым, то зайти к Н.К.Крупской <...> и передать ей письмо с просьбой разо-

²⁷ Некоторые из приведенных здесь фактов Мотовилова упоминает в «Минувшем», о других, которые не упомянуты в опубликованных воспоминаниях, автор этих строк слышал от самой мемуаристки. О Крупской см. в главе «Надежда Константиновна» // Новый мир. Указ. изд. С.120-127.

²⁸ Некрасов В. Записки зеваки. Указ. изд. С.356.

²⁹ Там же. С.302.

³⁰ См. об этом: Эткинд Е. Правда Виктора Некрасова // Некрасов В. Записки зеваки. Указ. изд. С.3.

³¹ Некрасов В. По обе стороны океана... М., 1991. С.299.

браться в какой-то вопиющей несправедливости (об этом визите есть несколько строк в “Минувшем”, где я называюсь “мой племянник”), то посетить вдову В.П.Ногина или разыскать в Москве дореволюционного теткинкого друга С.В.Андропова, к которому она ездила в ссылку в Усть-Сысольск, и т.д., и т.д., и т.д. ...»³².

Приблизительно такие же «обязанности» были и у меня, когда я в 60-х годах ездил из Киева в Москву.

В «некрасовском» списке поручений необходимо сделать небольшое уточнение: речь идет не о письмах Ленина к Мартову, а о письмах Ленина и Мартова к В.П.Ногину, с которым Мотовилова была очень дружна и о котором написала воспоминания³³. Она до революции, сама того не подозревая, перевезла эти письма через границу, случайно обнаружила их в 20-х годах в своем семейном альбоме под фотографиями и переслала в ИМЭЛ. Эта переписка была напечатана в восьмом «Ленинском сборнике» с предисловием Н.К.Крупской.

В 1956 г. она нашла в своем архиве еще одно письмо Ленина, случайно отколовшееся, и также переслала его в ИМЭЛ³⁴. Вспоминаю рассказ С.Н. об этом. Ей долго не отвечали из Института марксизма-ленинизма, и она несколько раз запрашивала Институт и беспокоилась по этому поводу. Наконец пришел не ответ, а денежный перевод – какая-то смехотворная сумма. Мотовилова возмущалась: «Лучше бы они вообще ничего не прислали, а просто поблагодарили письмом», а знакомые не без иронии и некоторого злорадства говорили: «Вот чего стоит Ваш Ленин».

Я впервые пришел к Мотовиловой в 1961 или в 1962 г., чтобы расспросить о поэте и художнике-футуристе Давиде Бурлюке, жившем в то время в США. С ним, как мне говорили, она была знакома в молодости. С.Н. охотно рассказала мне об этом давнем знакомстве и показала его картины, которые висели над кроватью. Я услышал от С.Н. историю о том, как она приобрела их у самого Д.Д.Бурлюка на его выставке в 1917 г. в Самаре, где она тогда жила и заведовала библиотекой, и как она в 1956 г., когда Бурлюк впервые после того, как в 1920 г. покинул Россию, приехал на родину, написала ему и предложила купить у нее его собственные работы, но эта «операция» почему-то не состоялась. Однако в тот день меня больше поразил даже не этот рассказ, а то, как она небрежно и не без эпатажа сказала, когда я хотел лучше рассмотреть пейзаж Бурлюка: «Да спокойно становитесь на эту скатерть ногами» – скатерть заменяла покрывало на кровати – «она лежала на столе у нас в Лозанне, когда к нам впервые пришел Ленин».

Всю жизнь С.Н. вела кроме дневника также и обширнейшую переписку, а в книге расходов отмечала даты и фамилии адресатов. Среди ее кор-

³² Некрасов В. Чуковский // Некрасов В. В окопах Сталинграда. Л., 1991. С.386-387.

³³ См.: Новый мир. Указ. изд. С.105-112. См. также: Архангельский В.В. В.Ногин. М., 1964. С.157-160.

³⁴ Это письмо Ленина было опубликовано четыре года спустя, см.: Вопросы истории КПСС. М., 1969. №2.

респондентов – В.Г.Короленко, В.Г.Чертков, В.Н.Фигнер, Л.Б.Хавкина, К.И.Чуковский, С.Н.Сергеев-Ценский, Д.Д.Бурлюк и многие другие известные лица.

В начале 30-х годов Мотовилова стала писать воспоминания, и первый ее очерк был посвящен Брюсову. В нем она рассказала об адресате его ранних стихов – Е.И.Павловской (1876?–1898), которую хорошо знала, и о мистификации, устроенной С.Н. и ее сестрами, – они послали поэту письмо, скрывшись под инициалами, а он откликнулся стихотворением «Есть одно, о чем плачу я горько...» (1896), а также о работе в Наркомпросе в 1918 г. под его началом³⁵.

Этот мемуарный очерк С.Н. послала Чуковскому. Получив воспоминания, он сразу же ответил восторженным письмом и стал уговаривать автора продолжить работу над мемуарами. Он писал ей 24 декабря 1931 года: «Вчера я получил Вашу рукопись и прочел ее с жадностью. Написана она увлекательно. В первой части отлично изображена атмосфера, в которой жили и дышали символисты. Кроме того, в ней даны ценные факты, относящиеся к биографии Брюсова. Образ Павловской живой и рельефный. И он очень важен для истории той эпохи, потому что это образ *центральный*, характеризующий, так сказать, подоплеку всех тогдашних стихов и картин»³⁶.

Чуковский сразу же энергично стал пристраивать мемуары Мотовиловой в печать – обращался в «Новый мир» и «Звезду», к разным влиятельным лицам, связал С.Н. с «Литературным наследством», с Бонч-Бруевичем, который редактировал сборники «Звенья», и т.д. и т.д. Более тридцати лет продолжались его безуспешные хлопоты по изданию мемуаров. Были разные причины, из-за которых их не печатали. Чуковский сначала (письмо от 1 января 1932 г.) предлагал сделать некоторые изъятия в тексте: «В статье о Брюсове, я полагаю, надо будет выбросить эпизод о Троцком и деньгах. Я Брюсова знал много лет (познакомился с ним в 1905) – и наблюдал его в Наркомпросе. Вы изобразили его очень похоже»³⁷. Кроме того, в начале 30-х годов толстые журналы не имели права печатать мемуарные материалы. Уже после войны, в 1960 году, Чуковский снова пытался напечатать ее воспоминания (главы о Толстом и Черткове) в том же «Литературном наследстве», но возникли новые трудности. В письме к С.Н. от 18 октября 1960 г. он сообщал, что «с некоторого времени издательства и журналы не

³⁵ См.: Новый мир. Указ. изд. С.82-86. См. также письма Брюсова к Е.И.Павловской: Гиндин С.И. Письма из рабочих тетрадей // Литературное наследство. Т.93. Кн.1: Валерий Брюсов и его корреспонденты. М., 1991. С.711-720. В первоначальную редакцию очерка о Брюсове входила часть, посвященная его работе в библиотечном отделе, которая в журнальной публикации была, к сожалению, значительно сокращена.

³⁶ Письма Чуковского к Мотовиловой цитируются по машинописной копии, находящейся в моем распоряжении (Л.1).

³⁷ Там же. Л.2.

вправе печатать интимные подробности из жизни знаменитых людей»³⁸. А в письме к С.Н. от 6 ноября 1960 г. он привел свой разговор с редактором С.А.Макашиным: «“Они у меня есть, – сказал он, – но напечатать их не могу. Гольденвейзер и Гусев обратились в высшие инстанции и добились того, что чертковская концепция последних лет жизни Толстого восторжествовала, и Чертков теперь persona grata”. О Брюсове, который у него тоже есть, он сказал, что надеется его поместить в сборный том, который отложен на неопределенное время»³⁹. Таким образом, новая попытка Чуковского также не принесла успеха.

Воспоминания Мотовиловой о Брюсове Макашин получил за четыре года до этого разговора – от Пастернака. В 1956 г., вскоре после известного выступления Хрущева на XX съезде и наступления «оттепели», С.Н. решила еще раз попытать свое счастье и опубликовать мемуары. В сентябре она послала их Пастернаку, а в сопроводительном письме напомнила о совместной работе в 1918 году в Наркомпросе. Это было крайне неудачное для Пастернака время – у него возникли собственные проблемы с публикацией романа «Доктор Живаго». Но несмотря на трудные дни, Пастернак сразу же откликнулся на просьбу Мотовиловой.

Именно об этой неудавшейся попытке Пастернака напечатать мемуары Мотовиловой идет речь в публикуемых письмах поэта. Но содержание писем не ограничивается только этой темой, в них затронуты и другие «сюжеты», важные для обоих корреспондентов. Эта переписка добавляет новые штрихи к биографии поэта – не только вводит в оборот малоизвестные сведения о его работе в государственном учреждении в 1918 г., но и выявляет новые факты в его взаимоотношениях с Брюсовым, а также свидетельствует о психологическом состоянии Пастернака в самом начале травли из-за романа.

Первое письмо Пастернака к Мотовиловой, датированное 30 сентября 1956 г., является ответом на ее воспоминания о Брюсове и о совместной службе в 1918 г. в библиотечном отделе. Поэт остерегался возврата «в прошлое», как он писал приблизительно в это же время другому адресату: «Я не поклонник прошлого, я противник прохождения жизни заново в растроганных повторных пересмотрах»⁴⁰, – и напоминание о «культурной» работе, в которой он сам принимал участие, вызвало у него сложные чувства.

Пастернак находился под тяжелым впечатлением от полученного в начале сентября отказа редколлегии «Нового мира», подписанного пятью ее членами (Б.Агапов, Б.Лавренев, К.Федин, К.Симонов, А.Кривицкий), опубликовать его роман⁴¹. На фоне предъявленных ему членами редколлегии обвинений в непонимании революции и роли в ней интеллигенции, мемуар-

³⁸ Личный архив автора. Л.16.

³⁹ Там же. Л.17.

⁴⁰ Из письма Пастернака Ф.Степуну от 30 мая 1958 г. (СС. V, 560).

⁴¹ Это письмо было опубликовано лишь два года спустя в связи с травлей поэта в печати после присуждения ему Нобелевской премии: Литературная газета. 1958. 25 октября.

ный рассказ Мотовиловой о работе Брюсова и самого Пастернака по реорганизации библиотек и библиотечного дела в трудный и грозный 1918 год прозвучал резким контрастом. Поэт был несомненно рад этому дружескому жесту и написал С.Н., что воспоминания ему «понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать». И хотя Пастернак считал, что его имя в официальных кругах «не авторитетно» и что он «величина отрицательная», он тут же передал эти мемуары своему давнему знакомцу – редактору «Литературного наследства» Макашину.

Благодарные слова Пастернака: «Спасибо Вам, что помянули меня так мило» относятся к «библиотечным» фрагментам из воспоминаний Мотовиловой о Брюсове, которые в печатной редакции (в 1963 г.) были изъяты, вероятно, редактором журнала или цензурой, но поэт об этом уже не узнал. В первые годы после смерти Пастернака, несмотря на то что в 1961 г. уже был издан сборник его произведений⁴², еще продолжало существовать негласное указание секретариата Союза писателей и ЦК КПСС не упоминать в статьях и мемуарах его имя в положительном контексте⁴³.

Приведу купированные фрагменты о Пастернаке из воспоминаний Мотовиловой.

Первый фрагмент: «Через три дня после этого заседания в Нарк<омате> Ком<иссариата> Просвещения я зачислена эмиссаром в Библиотечный отдел Центрального Комиссариата, Брюсов заведующим, есть еще секретарь.

Секретарь идет со мною по длинному коридору, удивляется, что я не знакома с Брюсовым. И потом радостно перебивает себя:

– Вот и отлично, я сейчас Вас познакомлю.

Брюсов идет нам навстречу. <...>

Нас знакомят, мы говорим два-три слова о службе, и на следующий день работа начинается»⁴⁴.

Второй фрагмент: «Мало-помалу наш отдел наполняется новыми служащими. Все это были поэты и поэтессы, обычно никакого отношения не имевшие к библиотечному делу. Самым симпатичный из них был еще молодой тогда Пастернак, бывший у нас секретарем»⁴⁵.

Третий фрагмент: «...Но пока все наладилось, Брюсов ходил какой-то раздраженный и растерянный. Пастернак тоже деловитостью не отличался и очень скоро ушел»⁴⁶.

Эти краткие сведения о службе поэта можно дополнить еще одним свидетельством Мотовиловой из ее письма Д.Бурлюку от 13 мая 1963 г.: «Пастернака я знала по 1918 году, когда работала в Комиссариате Народно-

⁴² Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М., 1961.

⁴³ На это обстоятельство любезно обратил наше внимание Е.Б.Пастернак.

⁴⁴ См. первоначальную редакцию воспоминаний Мотовиловой о Брюсове (ОР РГБ. Ф.620).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

го Просвещения в Москве, в отделе государственных библиотек. Заведующим нашим отделом был Брюсов, а секретарем одно время Пастернак. Я с ним мало сталкивалась. Там он был тогда эмигрантом и больше разъезжал по помещичьим имениям, описывая библиотеки»⁴⁷.

Во втором лаконичном письме от 19 октября 1956 г. (московский почтовый штемпель – 22 октября) Пастернак сообщал, что передал в «Литературное наследство» воспоминания о Брюсове со своей рекомендацией, которую пока не удалось разыскать. В письме чувствуется нарочитая сдержанность и деловитость, что можно объяснить лишь какими-то внешними обстоятельствами. Трудно со всей определенностью их реконструировать, во всяком случае, поэт написал его за четыре дня до восстания в Венгрии – 23 октября. Атмосфера во всем мире накалялась⁴⁸...

Третье письмо, несомненно, самое значительное, Пастернак послал 15 февраля (вскоре после своего дня рождения – 10 февраля). В нем он подробно писал о гнетущей ситуации вокруг него, о почтовой блокаде, продолжающейся три-четыре месяца и резко изменившей его жизнь («истинная моя судьба <...> предается удушению и уничтожению»), и восклицал: «Видите, как это грустно!...», «Вам не жадно меня?»

Но почему Пастернак решился на откровенность с малоизвестным адресатом и почему написал исповедальное письмо?

В нем поэт упоминал о своем другом, предыдущем, «большом», «слишком подробном» и поэтому не отправленном письме, написанном месяц назад, 15 января. Как следует из его февральского письма, это неотправленное январское письмо было спровоцировано письмом Мотовиловой, текст которого, к сожалению, мне неизвестен. Но из аннотации к нему, предоставленной мне Е.В.Пастернак⁴⁹, можно приблизительно восстановить его содержание. В этом письме, датированном 12 января, С.Н. благодарил поэта за пересылку Макашину своих мемуаров. Но бурную реакцию поэта в ответном январском письме вызвало, вероятно, не само письмо Мотовиловой, а вложенный в него фрагмент (на машинке) из какой-то статьи или письма, присланный С.Н. из Италии. Пастернак в своем ответе конспиративно назвал итальянского корреспондента Мотовиловой «студентом».

Некий «студент» – молодой рурист Витторио Страда, ныне известный исследователь русской литературы, а в то время аспирант филологического факультета МГУ. В 1955 г. он перевел на итальянский язык роман Некрасова «В родном городе» и выпустил его в издательстве Эйнауди. Он заочно познакомился (по переписке) с Некрасовым, а через него и с Мотовиловой и

⁴⁷ См.: Color and Rhyme. New York, 1965. №65. P.33.

⁴⁸ Об отношении Пастернака к венгерским событиям см.: Пастернаки Е. и Е. В. в осаде // Континент. 1998. №95. С.226-227.

⁴⁹ Е.В.Пастернак, составившая несколько лет назад аннотированный список корреспондентов поэта, любезно предоставила мне краткую аннотацию четырех писем Мотовиловой за 1957 год. Видимо, два первых ее письма Пастернаку за 1956 г. не сохранились.

стал с ней переписываться⁵⁰. Вероятно, в этом фрагменте из статьи или письма шла речь о «фантазмагориях», по слову поэта, связанных с подготовкой к изданию романа в Италии.

Этими событиями вокруг романа и какой-то двойной игрой, затеянной властями, чтобы предотвратить предстоящую его публикацию в Италии, буквально «жил» Пастернак в последние месяцы.

Поэта очень огорчала почтовая блокада после событий в Венгрии и изолированность его от всего мира, и именно поэтому он просил Мотовилову передать «студенту», чтобы тот не писал ему, так как все равно ничего не дойдет.

Вот как сам Пастернак охарактеризовал письмо Мотовиловой с итальянским «вложением» и свою реакцию на него: он назвал его «удивительным и неожиданным по сплетению случайностей, в нем заложенных» и поразился той «невероятности», что до Мотовиловой дошла «особенность» его «существования», которую, он, подчеркнув первые два слова, назвал «этой стороной моей судьбы». Подробно и с характерной для поэта чрезмерной эмоциональностью и открытостью он, видимо, написал Мотовиловой о своих обстоятельствах и переживаниях, но не рискнул доверить свое откровенное послание советской почте и не отправил письма.

Что же Пастернак имел в виду, какое «сплетение случайностей»? Что произошло в январе–феврале в жизни поэта, когда он писал Мотовиловой?

Январское письмо было написано как бы в «благополучные» дни – 7 января 1957 г. поэт заключил с Гослитиздатом договор на издание романа, в том же январе был подписан к печати однотомник его стихов в этом же издательстве⁵¹. И параллельно в эти дни (9–17 января) в беседах с французской слависткой Жаклин де Пруайяр возник проект перевода романа на французский язык и издания его во Франции⁵².

Но как теперь стало известно из недавно опубликованных документов⁵³, Пастернак прекрасно понимал, что договор с Гослитиздатом на издание романа был издательской уловкой, двойной игрой властей, затягивающих время, чтобы предотвратить публикацию романа в Италии. Именно в февральские дни он вместо январского неотправленного письма написал

⁵⁰ О знакомстве с В.Страдой вспоминает Некрасов в путевых очерках о первой поездке в Италию в апреле 1957 («Первое знакомство», см.: Некрасов В. Написано карандашом. Киев, 1990. С.696-697. О своей переписке с молодым итальянцем (В.Страдой) мне рассказывала С.Н. и даже показала какие-то его письма (почему-то запомнилось, что он просил ее помочь найти утопический роман А.А.Богданова «Красная звезда», который не переиздавался с 1929 г.).

⁵¹ Некрасов В. Указ. соч. С.227.

⁵² См.: Борис Пастернак. Письма к Жаклин де Пруайяр. / Публикация Ж. де Пруайяр. Перевод Е.Кузнецовой и Е.Б.Пастернака. Комментарии Е.В.Пастернак // Новый мир. 1992. №1. С.130.

⁵³ Пастернаки Е. и Е. Указ соч. С.221-254. См. комплекс всех документов по «делу Пастернака» из архива Политбюро ЦК КПСС в сборнике: Le dossier de l'affaire Pasternak. Archives du Comité central et du Politburo. Traduit du russe par Sophie Benech. Préface de Jacqueline de Proyart. Paris, 1994.

Мотовиловой другое – с рассказом о своей судьбе и судьбе романа. В это время он также обдумывал и текст телеграммы к Фельтринелли, которую «гослитовское» начальство уговаривало его послать итальянскому издателю⁵⁴! Основные факты, связанные с «гослитиздательской» интригой вокруг публикации романа, подробно изложены в статье Е.Б. и Е.В.Пастернаков «В осаде».

Пастернак отклонил предложенный ему текст телеграммы в Милан. 7 февраля 1957 г. он писал главному редактору Голитиздата А.И.Пузику: «Мне хочется, чтобы Вы знали, что я не только не жажду появления “Живаго” в том измененном виде, который исказит или скроет главное существо моих мыслей, но не верю в осуществимость этого издания и радуюсь всякому препятствию. <...> Телеграмму я должен был составить серьезно, с определенными сроками, а не в виде просьбы “навек”, потому что хотя она и дается коммунисту издателю, но при этом человеку реальному и деловому, и надо показать, что и просят его о деле»⁵⁵. К этому же письму он приложил и свой текст телеграммы Фельтринелли, которая была отправлена в Италию 21 февраля: «В соответствии с просьбой Гослитиздата, Москва, Ново-Басманная, 19, прошу задержать итальянское издание романа Доктор Живаго на полгода, до первого сентября 1957 года и выхода романа в советском издании: ответ надо направить телеграфно в Гослитиздат – Пастернак»⁵⁶.

Но 6 февраля, за день до отправки письма Пузику, в котором Пастернак делал вид, что принимает диктуемую «гослитовским» начальством линию поведения по отношению к Фельтринелли, он передал с Ж. де Пруайя письмо к итальянскому издателю, в котором предупреждал его о возникших сложностях и просил не обращать внимания на его же «фальшивые» телеграммы, а главное – просил ускорить издание романа.

Вот на этом фоне в январе–феврале Пастернак писал Мотовиловой письма, из которых январское он не отправил, а в февральском нарисовал «общую» картину без всяких подробностей и конкретики.

Таким образом, публикуемое февральское письмо Пастернака было, вероятно, своеобразным сколком неотправленного январского письма, которое, к сожалению, не сохранилось.

Примечательно, что в этом февральском исповедальном письме возникают образы и мотивы, которые он варьирует в стихах, написанных до и после него. Слова из письма от 15 февраля 1957 г.: «Вот уже три или четыре месяца как, видимо, приняты меры...» – спустя два дня, 17 февраля, трансформируются в метафору зимы в стихотворении «После перерыва»:

Три месяца тому назад,
Лишь только первые метели

⁵⁴ См. подробнее об этом в статье: Пастернаки Е. и Е. В осаде // Континент. №95. С.227.

⁵⁵ Там же. См. полный текст письма Пастернака к Пузику: Пузику А.И. «Небожитель» (Б.Л. Пастернак) // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.491-492.

⁵⁶ Континент. Указ. изд. С.228.

На наш незащищенный сад
С остервененьем налетели...

(СС. II, 106)

Другая строка: «А истинная моя судьба, загорающаяся иногда звездой на моем горизонте...» – восходит к его же стихотворению «Ночь» (1956), где поэт сравнивает труд художника с полетом летчика и звездой:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

(СС. II, 97)

Эту характерную особенность поэтики Пастернака отмечала и Анна Ахматова. Когда она в апреле–мае 1957 г. посетила поэта в больнице, он подарил ей ряд своих стихов, в том числе «Ночь», «В больнице» и «Когда разгуляется». Рассказ Ахматовой записала Л.К. Чуковская: «Это стихотворение <“В больнице”>. – А.П.> мне особенно дорого потому, что, когда я навещала его в первый раз, он мне все это рассказал прозой, а вот теперь стихи»⁵⁷.

С.Н. продолжала посылать Пастернаку сведения и вырезки из итальянской печати, присылаемые В.Страдой. Так, 17 февраля она отправила поэту переводы его стихов на итальянский язык и материалы о какой-то дискуссии из журнала «Contemporaneo», а 17 апреля и 3 мая снова послала вырезки с новыми переводами и статью Страды о поэзии Пастернака из этого же журнала (1956. №48)⁵⁸. Итальянский корреспондент Мотовиловой неожиданным образом стал как бы третьим участником ее переписки с поэтом.

В августе 1957 г. Страда приехал в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и вскоре смог лично познакомиться с Пастернаком. Он дважды приезжал к поэту в Переделкино – первый раз с группой сотрудников журнала «Contemporaneo», а затем один. Сохранилась фотография, где запечатлен поэт с сотрудниками «Contemporaneo», среди которых и Страда. Пастернак отнесся к Страде вполне доверительно, так как был предупрежден о нем по письмам Мотовиловой и уже знал его статью о своей поэзии. Поэт дал ему для ознакомления свой неизданный очерк «Люди и положения», а во второй его приезд просил сообщить Дж. Фельтринелли, чтобы тот не обращал никакого внимания ни на какие телеграммы, которые он вынужден подписывать, и передал настоятельную просьбу: «Я хочу, – и он это подчеркнул, – чтобы роман был издан в Италии точно по тексту имеющейся у него рукописи»⁵⁹. Об этом Страда подробно рассказал в своих воспоминаниях⁶⁰.

⁵⁷ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т.2. М., 1997. С.259.

⁵⁸ Этими сведениями я обязан Е.В.Пастернак.

⁵⁹ Континент. №95. С231.

⁶⁰ Strada V. Incontro con Pasternak. Napoli, 1990. P.59. См. также: Пастернаки Е. и Е. Указ. соч. С.231; Пастернак Е. Борис Пастернак. Указ. соч. С.693. В.Страда неоднократно писал о Пастернаке, см., например: Страда В. «Доктор

Последнее, четвертое, письмо от 27 апреля 1957 г. – ответ на письмо Мотовиловой от 17 апреля, в котором она предлагала послать поэту новые итальянские тексты, – Пастернак написал уже из Кремлевской больницы, карандашом. Несмотря на невыносимую физическую боль, он счел своим долгом поблагодарить Мотовилову за «трогательную память». В ответном письме от 3 мая Мотовилова снова спрашивала поэта, послать ли ему статью Страды о его поэзии, и, очевидно, послала ее. На этом переписка прекратилась – Пастернак после больницы переехал в санаторий «Узкое».

Именно в апреле этого года племянник Мотовиловой В.П.Некрасов впервые приехал в Италию. В своей последней статье «Уничтожение и реабилитация Бориса Пастернака», написанной в 1987 г., Некрасов вспоминал об эпизоде, произошедшем тридцать лет назад: «В завершение хочу сказать, что весьма косвенное отношение к “делу Пастернака” имел и я. Весной 1957 года я был в Италии, меня пригласил к себе издатель “Доктора Живаго” Джакомо Фельтринелли и, прощаясь, вручил письмо, адресованное А.Суркову как одному из руководителей Союза писателей. В этом письме он говорил о том, что, печатая Б.Пастернака, он вовсе не считает, что это недружественный акт по отношению к Советскому Союзу, и высказывал надежду, что оригинал вскоре увидит свет у себя на родине. Письмо А.Суркову я передал. Последовавший за публикацией (в ноябре 1957 г.) романа в Италии год молчания внушал какие-то надежды. Они не оправдались»⁶¹. Насколько мне известно, это письмо Фельтринелли не вошло в научный обиход. Со слов Некрасова об этом эпизоде (в несколько трансформированном виде), а может быть, о другом эпизоде рассказал поэт Л.Озеров в своих воспоминаниях. В его пересказе, Некрасов был у Фельтринелли как раз в тот момент, когда пришла очередная телеграмма от Пастернака с просьбой задержать издание книги до ее выхода в Москве. И хотя Фельтринелли был предупрежден, что это «фальшивая» телеграмма, но он все же, видимо, не до конца понимал суть сложной игры. Далее Озеров привел непосредственные слова Некрасова: «Первым делом я позвонил в Москву в Союз писателей и попросил, чтобы эту телеграмму напечатали в газетах. Просил об этом Суркова... Как ты знаешь, телеграмма не была напечатана. Ее положили под сукно»⁶². Вероятно, о встрече Некрасова с издателем «Доктора Живаго» Мотовилова узнала от самого племянника. В период после выхода

Живаго» как исторический роман // Русская мысль. Литературное приложение. (Париж). 1990. 6 июля. В 1994 г. в Милане был издан большой однотомник произведений Пастернака под редакцией В.Страды, в котором впервые напечатана хронология жизни и творчества поэта, составленная Е.Б.Пастернаком: Boris Pasternak. Opere Narrative. Introduzione di V.Strada. Cronologia di E.Pasternak. Milano, 1994.

⁶¹ Русская мысль. 1987. №3677. 12 июня.

⁶² Л.А.Озеров дважды описал этот эпизод; см. его воспоминания «Сестра моя – жизнь» в сб. «Воспоминания о Борисе Пастернаке» (М., 1993. С.461), а также в его воспоминаниях о Некрасове «Терпенье – мужская работа» в сб. «О Викторе Некрасове» (Киев, 1992. С.235-236).

романа в Италии в ноябре 1957 г. и скандала с присуждением Нобелевской премии переписка Мотовиловой с поэтом больше не возобновлялась.

Вернусь к судьбе воспоминаний Мотовиловой. Попытки их напечатать, которые продолжались более тридцати лет (с 1931 г.) и в которых принимали участие Чуковский, Пастернак и другие, закончились неожиданным образом – помог случай. В январе 1963 г. я присутствовал в Москве на торжественном юбилейном вечере В.Б.Шкловского, где познакомился с юбиляром. Шкловский в это время заканчивал работу над книгой о Л.Толстом. Я ему сообщил, что знаком с Мотовиловой, автором неизданных воспоминаний о Толстом и Черткове. Он заинтересовался, и через некоторое время я послал ему эти воспоминания. Шкловский ответил мне 9 августа 1963 г.: «Я получил Ваше письмо и рукопись о Черткове. Оно запоздало к моей книге, которая была уже сдана. Но рукопись необыкновенно интересна. Эта Мотовилова талантливый человек. То, что она написала о Черткове, лучшее, что я про него читал. Считаю себя Вашим должником, а рукопись я поставил, как книгу, на своей полке с толстовскими материалами»⁶³.

Шкловский не только поставил на полку рукопись Мотовиловой, но и переслал ее в «Новый мир» со своей рекомендацией. Все завертелось очень быстро, и в №12 воспоминания были напечатаны под названием «Минувшее».

Радость выхода в свет мемуаров для Мотовиловой была омрачена тем, что печатный текст был существенно сокращен и отредактирован (вероятно, редактором или цензурой), например, изъята глава о Бурцеве. «Нечто, разбитое вдребезги» – так назвала она свои воспоминания, увидев корректуру. Но все же их публикация в «Новом мире» стала для Мотовиловой праздником, которого она ждала много лет.

Одним из первых, кто откликнулся на публикацию мемуаров, был, разумеется, Чуковский. Он писал Мотовиловой 24 января 1964 г.: «В Москве только и разговора, что о Вашем “Минувшем”. Я-то знаю все эти шедевры с давнего времени. Знаю и про Брюсова, и про Черткова, и про Толстого, и про то, как Вы целовались в кустах в Purleigh с Альбиным, и про Хавкину, и про Танеева, но в печати, да еще какой! в “Новом мире”, зазвучало поновому молодо и свежо»⁶⁴.

Таким образом закончилась история издания воспоминаний С.Н.Мотовиловой, длившаяся тридцать два года и спровоцировавшая переписку Пастернака с автором «Минувшего».

В заключение позволю себе привести лестную для меня дарственную надпись, сделанную С.Н. на отдельном оттиске сразу же после опубликования мемуаров: «“Первопричине” напечатания моих мемуаров находки каменного века С.Н.Мотовиловой. С.Мотовилова. 20.1.64». С.Н. также передала в полное мое распоряжение автографы писем к ней Пастернака.

Приношу сердечную благодарность Е.Б. и Е.В.Пастернакам за ценные дополнения и замечания, сделанные во время обсуждения этой работы.

⁶³ Письмо Шкловского находится в моем распоряжении.

⁶⁴ Цит по: Некрасов В. В окопах Сталинграда. Л., 1991. С.388.

1

30 сент<ября> 1956 <Переделкино>

Глубокоуважаемая госпожа Мотовилова!

Вы не раскрыли своих инициалов (С.Н.), я думал было по догадке назвать Вас Софией Николаевной (в таком случае Вы сегодня именинница, и я Вас поздравляю) – и не решился. Извините меня.

Я прочел Ваши воспоминания¹. Мне они очень понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать. Хотя все относящееся к Брюсову в воспоминаниях не так существенно², я попрошу отдать их в журнал «Литературное наследие»³ и там пристроить. Не возлагайте, пожалуйста, особых надежд на меня. В кругах официальных я отнюдь не авторитет и в отношении рекомендации скорее величина отрицательная.

Оттого и роман мой долго еще не сможет появиться⁴, как чересчур далекий по духу от принятых установок.

Когда я начал читать Ваши страницы о библиотечном отделе⁵, сердце у меня сжалось: вот-вот, думаю, напорюсь на что-нибудь неприятное. (Впрочем, тогда бы Вы рукописи мне не послали). Спасибо Вам, что помянули меня так мило⁶.

Мне кажется, я вижу Вас в том далеком прошлом, но, м<ожет> б<ыть>, это обман воображения после прочитанного у Вас, имени же отчества Вашего я не мог восстановить.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

¹ Мотовилова послала Пастернаку только одну главу из своих мемуаров – о Брюсове. Первоначальная редакция этой главы существенно отличается от журнальной редакции (Новый мир. Указ. изд. С.82-86).

² О взаимоотношениях Пастернака и Брюсова см. указанную публикацию Е.В.Пастернак (Россия/Russia. 1977. №3. С.239-265). Ср. отзыв Пастернака с другими отзывами – К.И.Чуковского (см. вступление к публикации) и С.А.Макашина (комментарий к письму 2).

³ Здесь неточность: речь идет о серийном издании «Литературное наследство».

⁴ О письме редколлегии «Нового мира» к Пастернаку (начало сентября 1956 г.) с мотивировкой отказа публиковать роман см. во вступлении к публикации.

⁵ О своей работе в библиотечном отделе Наркомпроса Мотовилова рассказала в главе о Брюсове, а также и в других главах «Минувшего» (Новый мир. Указ. изд. С.86, 116-124).

⁶ Впоследствии фразы с упоминанием Пастернака в «Минувшем» были купированы редакцией «Нового мира». О причинах изъятия имени Пастернака см. во вступлении к публикации.

2

19 окт<ября> 1956 г <Переделкино>

Глубокоуважаемая София Николаевна!

Я рукопись с соответствующей рекомендацией передал в «Литературное Наследство» Сергею Александровичу Макашину¹ и рассказал ему о моем впечатлении.

По прошествии некоторого времени запросите его письмом о том, когда они думают напечатать «Воспоминания»².

Адрес журнала: Москва, Волхонка, 18, Редакция журн<ала> «Литературное Наследство».

Желаю Вам успеха.

Ваш Б. Пастернак

¹ Макашин С.А. (1906–1989) – литературовед, редактор и один из основателей серии «Литературное наследство» в 1931 г. Пастернак познакомился с Макашиным в 30-е годы. Письменный отзыв Пастернака о Мотовиловой разыскать пока не удалось.

² В письме к Мотовиловой (1956) Макашин сообщал: «Мы <вероятно, с Н.С.Зильберштейном. – А.П.> с интересом ознакомились с Вашим мемуарным очерком. Он хорошо написан. Вам удалось воссоздать ярко образы, как самого Брюсова, так и Павловской, и также дать эскизную, но живую зарисовку своеобразнейшего Владимира Ивановича Танеева» (цит. по копии, сделанной в 60-е годы). О причинах отказа опубликовать воспоминания Мотовиловой в «Литературном наследстве» см. в предисловии. Брюсовские тома были подготовлены и изданы значительно позже – в 70–80-е годы.

3

15 февр<аля> 1957 <Переделкино>

Милая и дорогая Софья Николаевна!

Ровно месяц тому назад, 15 января, наверное, в день получения Вашего письма, которое показалось мне удивительным и неожиданным только по сплетению случайностей, в нем заключенных, только

по той невероятности, что и до Вас дошла эта особенность моего существования¹, – в этот день, стало быть, я написал Вам большое письмо об *этой стороне* моей судьбы, слишком подробное, наверное, по Вашей вине, потому что в такие подробности завел меня порыв моей благодарности Вам. Я хорошо сделал, что его не отправил².

Пусть лучше не пишет мне Ваш студент³. Не потому, что так велик трепет мой за свою школу. Но все равно, что бы ни написал он, его письмо не дойдет до меня. В конце лета и в первые осенние месяцы, в период такой короткой перемены, на меня нахлынул поток писем со всех концов света⁴. Вот уже три или четыре месяца⁵ как, видимо, приняты меры, чтобы это начисто прекратилось. Письма ко мне не доходят, мои пропадают.

Видите, как это грустно, дорогая моя доброжелательница! Я цел, невредим, живу на даче, не нуждаюсь, но истинные мои мысли, для которых я родился на свет и ради которых живу, частью изложенные в недавно написанном романе, – неизвестны, и во всей их подлинности едва ли когда-нибудь станут известны. А истинная моя судьба, загорающаяся иногда звездой на моем горизонте⁶ в виде несбывшейся возможности, тут же на моих глазах предается удушью и уничтожению. Вам не жалко меня?

Ваш Б. Пастернак

Вы – чудо доброты, я люблюсь Вашим великодушием.

¹ Вероятно, Мотовилова узнала об отказе «Нового мира» опубликовать «Доктора Живаго» и о других перипетиях вокруг романа от своего корреспондента В.Страды и некоторые подробности от своего племянника Некрасова и спросила об этом в письме самого Пастернака.

² Это неотправленное письмо к Мотовиловой разыскать не удалось. Вероятно, Пастернак его уничтожил, или оно хранится в недоступном для меня семейном архиве в Переделкине.

³ Здесь речь идет об итальянском русисте В.Страде, см. о его знакомстве с Пастернаком во вступлении к публикации.

⁴ См. о почтовой блокаде, неожиданно наступившей осенью 1956 г. вскоре после недолгой активной переписки (лето – начало осени) Пастернака с заграницей: Пастернак Е. Борис Пастернак. Указ. изд. С.699.

⁵ В феврале–марте 1957 г. Пастернак написал несколько «зимних» стихотворений, в которых метафора зимы передает его тяжелое душевное состояние в это время – ср. параллель в стихотворении «После перерыва», написанном 17 февраля: «Три месяца тому назад...», а также «Снег идет...» (21 февраля), «После вьюги» (7 марта), «Вакханалия» (весна–лето 1957).

⁶ О возможной переключке со стихотворением «Ночь» см. в предисловии. Этот прием Пастернака отмечала А.Ахматова, см. ее оценку стихотво-

рения «В больнице» (в записи Л.Чуковской): «Это стихотворение мне особенно дорого потому, что, когда я навещала Бориса в первый раз, он мне все это рассказал прозой, а вот теперь стихи» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. изд. С.259).

4

27 апр<еля> 1957 <Москва>

Дорогая Софья Николаевна.

Я уже больше месяца как нахожусь в Кремл<евской> больнице¹. У меня страшные боли в правом коленном суставе (отложение солей, артрит), которые вначале доводили меня до обморока, да и сейчас еще не прошли, и не знаю, когда пройдут. Извините, что не успел тогда ответить Вам, и сейчас отрываюсь на Вашу трогательную память этими беглыми строчками с большим трудом.

Вероятно, у меня, кроме этого артрита, еще что-нибудь, иначе не могу понять степени и упорства этой боли, неотступной, не оставляющей меня ни на час и совершенно не дающей мне спать².

С тем большим проникновением желаю Вам доброго здоровья.

Ваш

Б. Пастернак

¹ В марте 1957 г. Пастернак заболел (воспаление мениска) и был положен в Кремлевскую больницу, где находился два месяца, затем долечивался в санатории «Узкое». См. об этой болезни также и в письмах – к А.К.Тарасовой (5 августа), Н.А.Табидзе (21 августа), С.Чиковани (23 августа и 6 октября) и другим адресатам: СС. V, 548-557. Ср. запись Л.К.Чуковской от 6 апреля 1957 г.: «Анна Андреевна очень встревожена болезнью Бориса Леонидовича. Звонила на днях Зинаиде Николаевне и подробно ее расспрашивала: «Лежит в Кремлевской больнице в отдельной палате. Лежит на доске. Плачет от боли!» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Указ. изд. С.251).

² Вероятно, здесь Пастернак пишет о воспалении мениска.

ТРИ ВЫПУСКНИКА

(Борис Пастернак, Роман Якобсон и Вяч. Вс. Иванов
в документах партбюро
филологического факультета МГУ)

Публикация Дмитрия Зубарева

Зимой 1912 года 22-летний студент-третьекурсник историко-филологического факультета Императорского Московского университета записал в свою тетрадь (среди конспектов и лекций) прозаический набросок: «Лампу поместили на окно. Окно было во льду...»). Через год он окончил университет¹, потом стал знаменитым поэтом, а в 1945 начал писать роман, центральный символ которого – свеча (уже не лампа), горящая в зимнюю ночь за оконным заледенелым стеклом. В 1957 роман был опубликован, а 23 октября 1958 его автор был удостоен Нобелевской премии по литературе... Все дальнейшее хорошо известно².

Вместо того, чтобы поздравить своего знаменитого выпускника с высокой наградой, партийное бюро филологического факультета Московского государственного университета решило провести разъяснительную работу... «об антипатриотической деятельности Б.Пастернака» (см. первый документ публикации). Этим дело могло и ограничиться. Однако 31 октября 1958 на знаменитом общем собрании московских писателей критик и литературовед Корнелий Зелинский (единственный из выступавших) произнес вслух имя человека из «окружения Пастернака», который «терроризирует» его за критику стихов поэта в печати. В завершение своей речи Зелинский

¹ О Пастернаке – студенте Императорского Московского университета см.: Борис Пастернак и его семейное окружение / Публ. Е.Г.Болдиной и О.В.Кузовлевой // Лица: Биографический альманах. Вып.3. М.; СПб., 1993. С.272-275.

² Библиографию публикаций на русском языке о «Деле Пастернака» см.: Русские писатели и поэты (советский период). Библиографический указатель. 18. Б.Пастернак. СПб., 1995. С.279-285.

призвал «провести очистительную работу <...> Этот лже-академик должен быть развешен»³. «Лже-академиком» именовался 29-летний Вячеслав Всеволодович Иванов, сын писателя, сосед, младший друг и помощник Пастернака⁴. К несчастью для факультетского начальства, «лже-академик» имел к филологическому факультету МГУ самое прямое отношение – в 1946–1951 Иванов был его студентом, в 1951–1954 – аспирантом, там он в 1955 блестяще защитил диссертацию, там и преподавал с 1954 на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания. И «очистительная работа» началась. Вероятно, кто-то из членов партбюро побеседовал с Зелинским, затем (с явной помощью университетского спецотдела, фиксировавшего контакты преподавателей и студентов с иностранцами) на свет появилась неоднократно упоминаемая в публикуемых документах «Справка». Из нее выяснилось, что Иванов, помимо Пастернака, тесно общается еще с одним знаменитым выпускником факультета – Романом Осиповичем Якобсоном.

Окончив факультет в 1918, Якобсон в 1920 уехал в составе советской дипломатической миссии в Прагу, в двадцатые годы совмещал научную работу со службой в советском полпредстве, а в 1930 ушел с нее, став «невозвращенцем» – поступок, который, по тогдашнему законодательству, влек за собой объявление вне закона⁵. В мае 1956, после 36-летнего перерыва, Якобсон, ставший за это время гражданином США и ведущим американским славистом, посетил Москву по приглашению Академии наук СССР как член Международного комитета по подготовке IV съезда славистов. Он побывал на родном факультете и даже выступил перед студентами, которые опознали его как персонажа хрестоматийных стихов Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку». Но партийные кадры прекрасно помнили, что перед ними – не только «Ромка Якобсон», приятель Маяковского и геройски погибшего дипкурьера, не только американский профессор Р. Якобсон, но и «Якобсон Роман Осипович» – бывший советский гражданин, совершивший измену Родине, которому это преступление компетентные органы почему-то простили... И вот с этим Якобсоном преподаватель факультета встречается в домашней обстановке и в СССР, и за границей, хо-

³ Б. Пастернак и Союз Советских Писателей. Стенограмма общемосковского собрания писателей // Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. №83. С.204; То же // Горизонт. 1989. №9. С.49.

⁴ См. его воспоминания о Пастернаке: «Сестра моя жизнь...» // Литературная газета. 1990. 31 января. С.5; Перевернутое небо // Согласие. 1990. №1. С.199-212; Как было написано письмо Пастернака. Сегодняшний комментарий // «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. М., 1990; Голубой зверь // Звезда. 1995. №1, 2.

⁵ См. Постановление Президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР за границей, перебравших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР» (СССР. Собрание законов. 1929. №76). Согласно этому Постановлению, объявление вне закона «влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного, б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности».

дит к нему в гости и даже возит в Переделкино, организуя его встречу с другим отщепенцем – Пастернаком!⁶

Единоголосное решение партбюро о немедленном удалении «лже-академика» с факультета было принято сразу (кстати, это было именно решение партбюро – никаких ссылок на то, что первичная парторганизация выполняет решение вышестоящего органа, в публикуемых документах нет). Выяснилось, однако, что удалить молодого преподавателя, недавно избранного на свою должность по конкурсу, не очень просто. Оказалось, что Иванов – выдающийся ученый, уникальный специалист в своей области. Появились сведения об оппозиции этому увольнению со стороны беспартийных профессоров – членов факультетского Ученого совета. В довершение всего, отказался поддержать это решение и ректор Университета – беспартийный академик Петровский. Смущало и то, что помимо навета Зелинского и агентурных сводок спецотдела, в «деле Иванова» не было никаких вещественных улик – ни книг, ни статей, ни писем, ни даже устных «безыдейных выступлений» – ничего, кроме дружбы с «отщепенцем» и «невозвращенцем». Понадобился месяц напряженной работы, шесть заседаний партбюро, беседы в деканате и ректорате, в ходе которых Иванов категорически отказался отмежеваться от Пастернака и осудить его роман, – чтобы добиться цели: решения Ученого совета об освобождении Иванова от занимаемой должности...

Трагических последствий для биографии главных героев публикуемых документов это событие не имело. Якобсон по-прежнему продолжал регулярно приезжать в СССР, а в шестидесятые годы начал там активно печататься в статусе живого классика филологической науки. Иванов, уволенный из Университета, продолжил свою научную карьеру в Институте славяноведения АН СССР, став всемирно признанным ученым-гуманитарием. Гораздо более печальными были последствия для самого филологического факультета МГУ. Документы дают представление о интеллектуальном и моральном уровне участников заседаний партбюро – знаменитых ученых и безвестных чиновников, голосовавших членов бюро и приглашенных без права голоса, ретивых погромщиков и молчаливых, но дружно поднимавших руки, не проронив за все заседания ни слова⁷. Уже сама стилистика публикуемых документов говорит за себя. Добившись идеологической стерильности филологического факультета, партбюро обусловило тем самым и его преподавательский уровень, ставший на многие годы определяющим в

⁶ О встрече Пастернака с Якобсоном в Переделкино в сентябре 1958, организованной Ивановым, см.: Голубой зверь // Указ. изд. №3. С.172-173. См. также главы из его воспоминаний: О Романе Якобсоне // Звезда. 1999. №7. Сам Якобсон неоднократно упоминал Пастернака в своих устных воспоминаниях, записанных Б.Янгфельдом (Якобсон – будетлянин. Stockholm, 1992. P.7-9, 36-37, 46-48).

⁷ Расширенный вариант биографических справок о сотрудниках филологического факультета МГУ будет помещен в Интернете в готовящемся проекте «Инакомыслие в МГУ и борьба с ним (1950–1970-е гг.)».

Московском университете. В 1988 Ученый совет факультета отменил свое решение тридцатилетней давности. Однако последствия его отменить не так просто...

Публикуемые документы хранятся: Центральный государственный архив общественных движений г. Москвы (ЦГАОД). Ф.478 (партийная организация МГУ). Оп.3. Д.240. Л.139 (протокол №2), 177, 181-184 (протокол №6), 197 (протокол №7), 198, 203-206 (протокол №8), 217, 225-227 (протокол №9), 237-241 (протокол №10).

Машинопись.

Рукописные вставки выделены курсивом. Купюры отмечены угловыми скобками. В них же – примечания публикатора.

ПРОТОКОЛ №2
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 27 октября 1958 года

<...>

Присутствовали: тт. Юшин П.Ф.¹, Астахов И.Б.², Михеева О.Н.³, Терентьев А.Н.⁴, Виноградов И.И.⁵, Тимпко Л.А.⁶, Зозуля М.Н.⁷, Горшкова К.В.⁸

Слушали: Информацию о настроении на факультете в связи с опубликованием в печати материалов о Пастернаке.

Постановили: Считать целесообразным проведение на всех курсах факультета разъяснительной работы по материалам печати о Пастернаке.

Поручить М.Н.Зозуле и А.Г.Соколову⁹ выделить группу лекторов по разъяснению материалов о Пастернаке.

т.т. Астахову И.Б. и Тимпко Л.А. провести до 30 октября 1958 г. инструктаж агитаторов студенческих групп и комсомольского актива о задачах агитколлектива в связи с материалами об антипатриотической деятельности Б.Пастернака.

Партийной группе кафедры советской литературы (парторг Соколов А.Г.) на лекциях и в

спецсеминарах обеспечить разъяснение студентам материалов о Пастернаке и *подготовить коллективную статью для газеты «Комсомолия».*

<...>

ПРОТОКОЛ №6
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 24 ноября 1958 года

Присутствовали: тт. Юшин П.Ф., Михеева О.Н., Горшкова К.В., Хабин В.Н.¹⁰, Зозуля М.Н., Астахов И.Б., Волков А.Г.¹¹, Тимпко Л.А., Терентьев А.Н., Виноградов И.И.

<...>

Слушали: Об Иванове Вячеславе Всеволодовиче. (Информация Астахова И.Б.) (Справка прилагается). <В деле отсутствует. – Публ.>

Шанский¹²: Кто составлял справку?
Астахов: Справка составлялась партийным бюро.
Цуринов¹³: По какой линии делегировался в Осло Иванов¹⁴ и почему не сделаны соответствующие выводы раньше?

Юшин: Многие факты партийному бюро просто не были известны. Делегировался Иванов в Осло от Академии наук, некоторые факты нам были известны и по ним сделаны соответствующие выводы, некоторым фактам поведения Иванова на факультете не придавали должного значения. Иванов у нас работает не первый год, а узнавать мы его начинаем только сейчас.

Звегинцев¹⁵: – Зав. кафедрой сравнительного исторического языкознания.

Иванов у нас окончил аспирантуру, специализировался у проф. Петерсона¹⁶ в области сравнительной грамматики индо-европейских языков и на факультете ведет педагогическую работу по этой специальности – курс тахарского <так!> и хеттского языков.

Эта работа очень далека от идеологических вопросов. Иванов достаточно квалифицирован, чтобы обеспечить чтение этих курсов.

Научные доклады Иванова целиком относились к тематике сравнительно-исторической грамматики.

Во многих случаях вопросы, касающиеся Иванова, решались в обход кафедры. Так, в частности, обстояло дело с защитой его диссертации. Кафедра рекомендовала ее только как кандидатскую диссертацию. Один из его оппонентов предложила присвоить звание доктора наук за его кандидатскую диссертацию¹⁷. Когда я пытался выступить, то мне дали понять, что кафедра не компетентна решать такие вопросы. С моей точки зрения, я остаюсь на ней и сейчас, подбор оппонентов был неправильный: академик Струве¹⁸ – историк по Древнему Востоку, не специалист по древним языкам. Единственным специалистом в этой области был третий оппонент, который дал наиболее резкий отзыв о диссертации¹⁹.

Академиком Виноградовым²⁰ он был назначен своим заместителем по журналу²¹. Это весьма ответственное дело – возглавлять единственный лингвистический журнал. Совокупность этих фактов способствовала тому, что у Иванова закружилась голова. На кафедре его «выдающихся» способностей никогда не признавали. Он был доцентом, и за все время своей работы он никогда и нигде не позволил переступить рамки.

Хабин:

Неужели никак не проявлялись настроения Иванова?

<Звегинцев:>

У нас на кафедре разбираются критически реакционные течения по вопросам зарубежного языкознания. Во всех этих случаях выступления Иванова сводились только к цитации материалов.

Юшин:

Чем объяснить такую широту курсов, объявленных Ивановым?²²

Звегинцев:

В Институт Восточных Языков был послан читать лекции Чемоданов²³, однако зам. директора института категорически требовал прислать к ним Иванова.

Юшин:

Можем ли мы держать дальше Иванова в качестве воспитателя?

- Звегинцев: Мне кажется, мы применяем к Иванову крайне суровые меры, может быть, из него можно сделать ценного для университета работника, ограничив его такими формами работы, где он может быть лишен возможности воспитательной работы, – поручить ему научно-исследовательскую работу. Иванов – не абсолютная научная величина, но наша кафедра в количественном отношении очень мала, просто нечем его заменить.
- Ершова²⁴: Для меня эта справка явилась неожиданностью. Иванов – воспитанник МГУ, наш студент, наш аспирант и наш научный сотрудник, он пользуется авторитетом у студентов и ведет большую работу на кафедре, под его руководством находятся четыре дипломника²⁵. Увольнение Иванова – большой пробел в работе кафедры, который нужно будет кем-то восполнить.
- Ломтев²⁶: Мы знаем позиции Иванова, которые не соответствуют проводившейся линии на факультете. Что касается его научной деятельности – это вопрос особый, который должен быть рассмотрен отдельно.
- Самарин²⁷: Кто из аспирантов ближе всего стоит к Иванову по своим настроениям?
- Ответ
<Звегинцев>: Мельчук²⁸.
- Шанский: Как представляет себе тов. Ломтев работу Иванова на факультете, может или не может он работать на факультете?
- Ответ
<Ломтев>: Как воспитатель Иванов работать на факультете не может, как научного работника его, может быть, следовало бы сохранить.
- Метченко²⁹: В прошлом году у нас работал Синявский Андрей³⁰, который так же как и Иванов был промежуточным звеном между Пастернаком и студентами. Его мы с факультета попросили. На факультете была группа воинствующих студентов-эстетов, которые считали Пастернака единственным истинно великим поэтом нашей эпохи³¹. После освобождения от работы Синявского на факультете без него не было недостатка в специалистах, увольнение Синявского, хотя он и

хороший специалист, принесло только пользу. Вопрос с Ивановым совершенно ясен, ему нельзя доверять воспитание студентов.

Зозуля:

Факты, изложенные в справке, обоснованные и проверенные. Иванов – антисоветски настроенный человек. Он оказывал отрицательное антисоветское влияние на Пастернака, поддерживал и развивал в нем антисоветские взгляды. Мне кажется, нет основания для долгих раздумий. Пусть Иванов сам думает, где он будет работать. Конечно, очень горько сознавать, что затрачено столько сил, средств и времени, чтобы вырастить такого уroda. Это огромный просчет в нашей работе. Можно было оказать на него воспитательное воздействие, плохо, что у нас очень мало работают с отдельным человеком. Факультет поднял его, создал ему ореол чуть ли ни <так!> мирового ученого, а не поинтересовался, чем дышит этот человек. Надо воспитывать преданных людей. Мне кажется, нет оснований для поисков компромиссных решений, таких решений нет и быть не может. Факультет будет работать и без Иванова. Считаю необходимым поставить этот вопрос на закрытом заседании Ученого Совета, чтобы сделать соответствующие выводы и извлечь уроки.

Юшин:

К Самарину: Роман Михайлович, можно считать это мнением деканата?

Самарин:

Я согласен.

Соколов А.Н.³²:

Я могу сказать, что такому воспитателю на факультете не место.

Поспелов³³:

Согласен с Ломтевым отделить вопросы научной и воспитательной работы Иванова в университете, считает возможным оставить на научной работе Иванова, так как университет имеет мало специалистов в данной области. А потом надо послушать самого Иванова, может быть он кое-что опровергнет.

Юшин:

Никакой свободной научной единицы на кафедрах и факультете у нас нет. Таким образом, вопрос стоит именно о целесообразности дальнейшей работы Иванова на факультете.

Юшин и др. Вносят предложение до обсуждения Ученым Советом выступить со статьей в факультетской стенгазете по материалам этой справки.

Ломтев:

Здесь вносится предложение написать письмо в газету за подписью 5-6 чел. И поместить его в Комсомолии. Нужно ли так афишировать и создавать такую артподготовку? Этим самым мы создадим мнение о нем как о мировом ученом и кроме всего прочего мы дадим почву для заграничной прессы. Мне кажется, тот шум, который мы поднимаем вокруг Иванова, даст не тот результат. (Многие поддержали Ломтева).

Этов³⁴:

Статьи в газету можно и не писать, но со студентами поговорить нужно, они поднимают шум, в частности Мильчук <так!>. Иванов пользуется у студентов большим авторитетом.

Постановили:

1. Партийное бюро считает нецелесообразным дальнейшее использование Иванова в качестве доцента-ассистента на факультете. (Принято единогласно).

2. Предложить деканату факультета вопрос о педагогической деятельности Иванова решить на закрытом заседании Ученого Совета.

3. Всем членам партбюро и всем преподавателям-коммунистам принять активное участие в обсуждении вопроса о дальнейшем пребывании на факультете Иванова.

4. До обсуждения вопроса об Иванове на Ученом Совете выступить со статьей в факультетской газете по материалам справки.

<...>

ПРОТОКОЛ №7
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 28-го ноября 1958 года

Присутствовали:

т. Юшин, Николаева Н.В.³⁵, Зозуля М.Н., Астахов И.Б., Горшкова К.В., Волков А.Г., Виноградов И.И., Терентьев А.Н., Тимпко Л.А.

- <...>
- Слушали: Утверждение справки на Вяч. Вс. Иванова³⁶.
- Постановили: Справку утвердить. (Текст справки прилагается). <В деле отсутствует. – Публ.>
- <...>

ПРОТОКОЛ №8
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 1-го декабря 1958 года

- <...>
- Слушали: Об идейно-воспитательной работе профессоров и преподавателей кафедры русского языка со студентами и аспирантами (Докл. В.В.Виноградов).

- <...>
- Глаголев³⁷: <...> Необходимо сплотить идейно кадры наиболее близких к нам ученых, наиболее прогрессивно настроенную демократическую часть зарубежных языковедов. У нас есть ученые, ведущие другую линию, делают уступки ученым, занимающим явно враждебные, антимарксистские позиции, совместно выступают с ними против наших советских ученых, выступающих с марксистских позиций. Речь идет о том, что В.В.Иванов, будучи командирован на международный съезд лингвистов в Осло, выступал открыто в защиту антимарксистских позиций Якобсона против наших ученых³⁸, выступал не просто от имени Иванова, а от имени советской делегации. Заигрывание с такими лицами совершенно бесцельно, политически вредно и ошибочно. Иванов Вячеслав Всеволодович продолжал в журнале линию защиты и поддержки Якобсона, мариновал по полгоду <так!> статьи против Якобсона академика Серебренникова³⁹.

- Виноградов В.В.: Полгода не держал, это неточная информация.

- Глаголев: Видимо, похвалы и дифирамбы в адрес Иванова были ошибочны, он не обладает достаточно твердой идейной закалкой, он среди буржуазных ученых хочет заработать себе капитал, считает себя выше марксистских догм. Ошибка В.В.Виноградова состоит в том, что он поставил его своим заместителем по журналу. <...>
- Юшин: <...> Знаний у нас дается много, а коммунистическое воспитание страдает. Это ведь наш студент убежал из Советского Союза⁴⁰, это ведь наш воспитанник Вяч. Всев. Иванов <...>

ПРОТОКОЛ №9
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 8 декабря 1958 года

- Присутствовали: гг. Юшин П.Ф., Астахов И.Б., Михеева О.Н., Зозуля М.Н., Волков А.Г., Терентьев А.Н., Виноградов И.И., Хабин В.Н., Горшкова К.В., Тимпко Л.А.

<...>

- Слушали: Информацию т. Юшина П.Ф. о Вяч. Вс. Иванове.
- т. Юшин сообщил, что ректор намерен сохранить Иванова в составе факультета⁴¹. Ряд членов Ученого совета, к ним относятся Поспелов, Самарин, Виноградов, Ломтев и др., настаивает на том, что если не будет в решении оговорки об использовании Иванова для работы в институте⁴², они будут голосовать за оставление Иванова на факультете. Я считаю, что нам нет необходимости настаивать на оставлении Иванова на работе в институтах Академии наук СССР, мы будем настаивать на безусловном отстранении его от работы на факультете. Если у Иванова имеется возможность говорить с ректором, то не меньшая возможность говорить с ректором имеется у нас. Вопрос ввиду сложившейся ситуации приобретает исключительно принципиальный характер. Для отступления

у нас оснований нет. Если мы сразу пойдем на эту оговорку, то можно не сомневаться в том, что некоторые свою оговорку считать возможным могут заменить на считать целесообразным оставление Иванова для работы в институте.

Горшкова:

Я согласна с тем, что мы можем не считаться с мнением ректора, но мы не можем не считаться с мнением научной общественности университета и даже шире – Москвы. У Виноградова о Зелинском самое отрицательное мнение⁴³, ссылки на Зелинского вообще не воспринимаются как что-то серьезное. Виноградов сказал, что он будет выступать на Ученом Совете в поддержку Иванова. И не будет выступать только в том случае, если в решении будет написан пункт – рекомендовать Иванова для работы в институте, после чего он на второй же день его возьмет в институт. Начинают говорить о возрождении аракчеевского режима⁴⁴. Считают, что партбюро не может рекомендовать организациям, кого брать, кого не брать. Мы должны убедить общественное мнение, что Иванов не может работать воспитателем. Мы не можем не считаться с тем, что вокруг Зелинского такое мнение. Сурков⁴⁵ очень раздраженно беседовал с нашими представителями, в таком случае ссылки на Суркова могут не подтвердиться. У нас остается один аргумент – само поведение Иванова. Достаточно ли этих фактов для увольнения специалиста. Известно, что Иванов в Осло встречался с американской делегацией, но у нас нет фактов, по каким вопросам происходила встреча. Та справка, которая у нас есть, недостаточна для того, чтобы с ней обращаться к общественному мнению. Я не считаю при таком количестве материалов возможным ставить вопрос о пребывании на факультете Иванова.

Хабин:

Для меня лично поведение Иванова совершенно ясно. Его поведение в отношении Пастернака и его романа было несоветским, не гражданским и непедагогичным. Его поддержка Якобсона и его поведение на факультете несо-

вместимо с поведением воспитателя. Но мы сейчас недостаточно вооружены, чтобы нападать, а не обороняться. Сурков не будет подтверждать тех фактов, потому что он знает хорошо положение в семье Иванова, но не знает его детей⁴⁶. Предлагает встретиться с Фединым⁴⁷, так как в справке есть на него ссылка.

Волков:

Я согласен, что таких друзей, как Зелинский, надо вешать и расстреливать, но мы должны рассмотреть все сигналы, от кого бы они ни поступили. Дело не в доносах Зелинского, дело в поведении самого Иванова на факультете. Иванов должен определенно сказать: заблуждался он, недопонимал или делал сознательно. В беседе он четко высказал свою позицию по отношению к Пастернаку и не скрывал ее. Лицо Иванова на факультете было ясным, но никто не думал, что он развернется таким букетом. Самым сильным доказательством является его поведение на беседе. Считаю: по вопросу об Иванове надо связаться с ЦК, МГК и ректором в срочном порядке.

Зозуля:

Согласен, что дополнение, которое предлагается внести в решение Ученого совета об использовании в дальнейшем на работе Иванова, непоследовательно. Мы не можем никому ни рекомендовать, ни запрещать брать Иванова на работу. Считаю целесообразным этот вопрос снять с повестки дня Ученого Совета, а перенести его на заседание парткома <МГУ>.

Юшин:

Вопрос без нас и за нас никто решать не будет. Иванова только что избрали по конкурсу и уволен он может быть только по конкурсу. Без утверждения освобождения его от работы на факультете Ученым советом никто этого вопроса решать не будет. Партком не может отменять решение Ученого совета об отмене конкурса. Значит, все пути сходятся в Ученый совет. Другое дело, мы можем ставить вопрос в <так!> неутверждении результатов голосования в случае провала этого вопроса на Ученом совете. Или мы оставляем решение этого вопроса на

полпути, как здесь говорила Горшкова, или мы ведем дело до конца. В той обстановке, в которой мы оказались, мы просто не можем отступить.

Постановили: Вопрос об Иванове Вячеславе Всеволодовиче вынести на обсуждение Ученого Совета.

<...>

ПРОТОКОЛ №10
заседания партийного бюро
филологического факультета МГУ
от 15-го декабря 1958 года.

Присутствовали: т.т. Юшин П.Ф., Астахов И.Б., Николаева Н.В., Михеева О.Н., Горшкова К.В., Хабин В.Н., Тимпко Л.А., Зозуля М.Н., Виноградов И.И.

<...>

Слушали: Об Иванове Вяч. Вс.

Юшин: На совещании в деканате подтвердил свои мнения о романе Пастернака. Он заявил, что роман полностью он не читал⁴⁸, а те главы, которые он прочитал, не дают права для обвинения Пастернака. Беседа была очень трудной, она длилась в течение 4-х часов. Иванов уходил от ответа на поставленные вопросы, но в конце концов он ответил, что с теми окриками, которые были помещены в печати, он не согласен. Он заявил, что с Пастернаком он дружил и дружит. Во время Славянского конгресса⁴⁹ Иванов и Якобсон встретились с Пастернаком. Он признался, что такая встреча была. Второй случай встречи с Якобсоном в ресторане «Украина», но тоста за перемещение центра языкознания в Америку он не поднимал. В выступлениях и статье в журнале, которые он представил, никакого открытого превозвышения Якобсона как ученого нет⁵⁰. Желая установить, насколько деловые связи у Иванова с Якобсоном, я задал вопрос, знаком ли он с его женой⁵¹, и получил утвердительный ответ.

Глаголев:

Считаю, что справка, которая была нам доложена, была составлена без достаточного учета всех фактов, и Иванов всеми силами будет стараться ее опровергнуть. Для выступления на Ученом совете надо представить серьезный, тщательно аргументированный материал, основанный на строго фактических данных, которые подтверждали бы близость его с Якобсоном. Я считаю, что находящийся <так!> в Осло вместе с Ивановым коммунист Серебренников должен представить письменный документ о поддержке Якобсона. Важно установить, почему Иванов не считал нужным поместить статью Серебренникова, направленную против Якобсона. Считаю, что надо политически четко поставить вопрос о его отношении к Пастернаку, что Иванов становится на мелкобуржуазные позиции западного интеллигента, считающего, что роман не антисоветский. Вопрос стоит ясно – может ли Иванов осуществлять дело коммунистического воспитания молодежи, занимая позиции оправдания антинародного романа Пастернака. Надо быть готовыми к тому, что Виноградов может выступить на Ученом совете в защиту Иванова. Считаю, что некоторые члены Ученого совета, как Радциг⁵², Виноградов, Ярцева⁵³, Ахманова⁵⁴, будут голосовать за оставление Иванова на факультете. Если партбюро считает необходимым ставить этот вопрос на Ученом совете, то он должен быть поставлен самым тщательным образом. Партбюро имеет основания для постановки этого вопроса на Ученом совете.

Юшин:

Серебренников подал статью свою в июле месяце, статья была опубликована в октябре, раньше, чем все представленные одновременно с ней статьи.

Галкина⁵⁵:

Иванов отверг статью Серебренникова как заместитель редактора. Тогда Серебренников апеллировал ко всей редакции и члены редколлегии большинством решили эту статью печатать. Иванов себя держал слишком надменно. Однако политической инкриминации к Иванову

здесь применить нельзя. У нас есть определенные требования к преподавателям, преподаватель должен в совершенстве знать свой предмет. Если Иванов отвечает этому требованию, то все остальным требованиям он не отвечает.

Соколов:

Считаю, что тех материалов вполне достаточно для освобождения Иванова от преподавательской работы в МГУ, он противопоставил себя нашей общественности. Это еще раз говорит о том, что он воспитывать студентов не может, а воспитательная работа – один из важных этапов в развитии высшей школы. Даже тех материалов, которыми мы располагаем без привлечения дополнительных, вполне достаточно, чтобы ставить вопрос о нецелесообразности его пребывания в МГУ.

Этов:

Я беседовал и со студентами семинара Иванова и председателем НСО⁵⁶. Они мне заявили, что в работе со студентами его отрицательные взгляды никогда не выражались. Студенты говорят – политика одно, языкознание – другое. Я не знаю, это недомыслие студентов или это можно отнести за счет воспитательной работы Иванова. Якобсон – ученый с мировым именем, его изучают студенты и аспиранты, в то же время Иванова обвиняют в связи с Якобсоном. Студенты заявили, что пропаганды Пастернака на семинарах не было.

Горшкова:

Все мы понимаем совершенно ясное отношение Иванова к Пастернаку, здесь не нужны ссылки и на другие источники. По-другому выглядит его отношение к Якобсону. Популяризация Якобсона и его работ в советском языкознании со стороны Иванова широкая. Якобсон делал доклад «Морфологические исследования в славянском склонении»⁵⁷. Наши языковеды выступили с критикой, в выступлениях же Иванова ничего не говорится на тему доклада Якобсона, в то же время защищаются и популяризируются идеи Якобсона. Иванов не хотел пропустить в печать статью Серебренникова не потому, что она слабая, а потому, что она была

направлена против Jakobсона. Иванов держал себя не как член редколлегии. Статья Иванова – это изложение доклада Jakobсона со своими комментариями, ее можно поместить как рецензию. То, что нам кажется очевидным, почему-то не является очевидным для наших беспартийных ученых, которые считают, что увольнение Иванова вызовет скандал в зарубежной печати.

Цыбенко⁵⁸:

Объективно с такими настроениями Иванов не может вести воспитательную работу со студентами. Я не согласна с высказанными здесь мнениями, что можно провести увольнение Иванова, минуя Ученый совет. Партком не представляет себе сложности этого дела, вопрос на Ученом Совете все равно встанет. Я считаю, что даже если юридически мы можем уволить Иванова без Ученого совета, то с моральной точки зрения мы не должны этого делать, мы много потеряем в глазах Ученого совета. Сурков высказывал свое личное мнение о всей семье Иванова, не выделяя сына.

Постановили:

Партийное бюро филологического факультета МГУ считает невозможным оставление преподавателя Иванова Вяч. Вс. в коллективе филологического факультета. Это свое решение партийное бюро выносит потому, что:

а) Преподаватель Иванов В.В. занял неправильную позицию относительно материалов, опубликованных советской печатью в связи с оценкой предательского поведения Пастернака.

б) Ввиду неправильного поведения преподавателя Иванова в отношении к буржуазным ученым:

- популяризация работ Jakobсона,
- установление личных контактов с предателем Советской Родины – Романом Осиповичем Jakobсоном, а также организация личной встречи Р. Jakobсона с Б. Пастернаком в период работы IV съезда славистов.

Все эти факты свидетельствуют о низком идейно-моральном облике Иванова Вяч. Вс. и несовместимы с его званием преподавателя МГУ

– активного воспитателя молодежи в духе коммунистических идей.

Поручить членам партии, выделенным в комиссию Ученого совета по делу Иванова (Юшин П.Ф., Ломтев Т.П., Чемоданов Н.С., Ефимов А.И.⁵⁹) подготовить окончательный текст справки и проект решения для вынесения на Ученый Совет⁶⁰. <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Список сокращений:

Алпатов	Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.
Ашнин, Алпатов	Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
ВМУ	Вестник Московского Университета. Серия Х (Филология). 1963–
ВЯ	Вопросы языкознания. М., 1952–
ГЗ – 1, 2, 3	Вячеслав Вс. Иванов. Голубой зверь: Воспоминания // Звезда. 1995. №1, 2, 3.
ХТС	Хроника текущих событий. Вып.1-64. М.: Самиздат, 1968–1982; Переиздание: Вып.1-15. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1979; Вып.16-27. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1979; Вып.28-31. Нью-Йорк: Хроника, 1974; Вып.32, 58, 60, 64. Нью-Йорк: Хроника, 1974–1983.
ЦМ	Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. Е.М.Великановой. М., 1989.
ЯИР	Роман Якобсон. Избранные работы / Предисл. доктора филологических наук Вяч. Вс. Иванова. М., 1985.
ЯРП	Роман Якобсон. Работы по поэтике / Вступ. статья доктора филологических наук Вяч. Вс. Иванова. М., 1987.

¹ ЮШИН Петр Федорович (28.12.1917, с.Ходьлино Рязанской губ. – 6.05.1983, Москва) – литературовед, партработник. На филологическом ф-те МГУ – с 1945 (студент, аспирант, преподаватель, доцент, профессор кафедры советской литературы). В 1958–1959 – секретарь партбюро ф-та. Под-

робнее о нем см.: Зубарев Д. Из жизни литературоведов. 3. «Алкоголь находится в человеке две недели...» // Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.274-275.

² АСТАХОВ Иван Борисович – философ, специалист по марксистско-ленинской эстетике. В 1957–1959 – зам. секретаря партбюро филологического ф-та МГУ по агитработе. Автор неоднократно упоминающейся в публикуемых документах, но отсутствующей в деле «справки о Вяч. Вс. Иванове».

³ МИХЕЕВА Ольга Николаевна (1916 – после 1980) – преподаватель кафедры немецкого языка филологического ф-та МГУ, в 1958–1959 – член партбюро.

⁴ ТЕРЕНТЬЕВ А.Н. – в партбюро филологического ф-та в 1958–1959 отвечал за работу на избирательном участке, других сведений об этом лице не обнаружено.

⁵ ВИНОГРАДОВ Игорь Иванович (р. 10.11.1930, Ленинград) – литературовед, критик, общественный деятель. В 1953 окончил филологический ф-т МГУ, был рекомендован в аспирантуру, осенью того же года избран секретарем факультетского бюро ВЛКСМ и принят кандидатом в члены партии. В 1954–1956 работал в аппарате парткома МГУ. В 1958–1959 – аспирант последнего года обучения, член партбюро, отвечал за работу в общежитии. В 1965–1970 и в 1986–1987 – член редколлегии журнала «Новый мир». С 1992 – главный редактор журнала «Континент».

⁶ ТИМПКО Лейда Артуровна – преподаватель (впоследствии доцент) кафедры английского яз. филологического ф-та МГУ. В 1958–1959 – член партбюро, отвечала за агитработу в студенческих группах. Ныне пенсионерка.

⁷ ЗОЗУЛЯ Михаил Никитич (21.11.1904, Кременчуг – 26.04.1983, Москва) – литературовед, администратор. В 1931–1937 – в аппарате Совнаркома РСФСР (уволен «за притупление бдительности»). С 1948 – на филологическом ф-те МГУ, в 1949–1977 – зам. декана по учебной работе. Входил в руководящую партийно-административную группу факультета. В 1960–1970-е был известен как доверенное лицо КГБ на факультете.

⁸ ГОРШКОВА Клавдия Васильевна (р. 1921) – лингвист. В 1958–1959 – член партбюро, отвечала за учебно-научную работу (вместе с А.Г.Волковым, см. прим.11). Ныне – профессор.

⁹ СОКОЛОВ Алексей Георгиевич (р. 1921) – литературовед, администратор. На факультете с 1945 (студент, аспирант, преподаватель, в 1952–1958 – зам. декана по научной работе, в 1961–1974 – декан). Ныне – профессор. О научных трудах С.: «Серость и убожество мысли сочетаются с чудовищным невежеством» (НЛЮ. 1993. №3. С.317).

¹⁰ ХАБИН Василий Николаевич (р. 1920) – литературовед. В 1958 – преподаватель кафедры советской литературы ф-та, член партбюро (отвечал за стенную печать). В 1995 выехал на постоянное место жительства в Германию.

¹¹ ВОЛКОВ Александр Григорьевич (1920, Томск – 1975, Москва) – лингвист, инвалид Отечественной войны. На факультете с 1953. В партбюро в 1958–1959 вместе с К.В.Горшковой отвечал за учебно-научную работу.

¹² ШАНСКИЙ Николай Максимович (р. 1922) – лингвист. В 1950–1960-е – доцент, затем профессор кафедры русского языка ф-та. Ныне – академик Российской Академии образования, главный редактор журнала «Русский язык в школе».

¹³ ЦУРИНОВ Константин Валерьянович (18.05.1923, Москва – 24.10.1982, Москва) – литературовед, специалист по испанской литературе. На факультете с 1947 (аспирант, преподаватель, старший преподаватель).

¹⁴ «По какой линии делегировался в Осло Иванов...» – речь идет о VIII Международном конгрессе лингвистов (Осло, 5–9.08.1957). См. отчет о Конгрессе: ВЯ. 1957. №6. С.119–122, а также воспоминания самого Иванова: ЯИР. С.11; ГЗ-3. С.173; Литературная газета. 1990. 31 января. С.5.

¹⁵ ЗВЕГИНЦЕВ Владимир Андреевич (31.10.1910, Ташкент – 13.04.1988, Москва) – лингвист, историк языкознания. На факультете с 1950. В 1952–1962 – зав. кафедрой общего и сравнительного языкознания. Беспартийный. В партбюро приглашен, очевидно, как непосредственный начальник Иванова.

¹⁶ ПЕТЕРСОН Михаил Николаевич (1885–1962) – профессор МГУ. Учитель Иванова, передал ему чтение своего основного курса «Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков». См. о нем: ГЗ-2. С.203–206.

¹⁷ «дело с защитой его диссертации... кандидатскую диссертацию» – первая защита диссертации Иванова состоялась в мае 1955. Присвоив диссертанту степень кандидата филологических наук, Ученый совет счел работу достойной присвоения докторской степени. Вторая защита состоялась в октябре того же года. Ученый совет присвоил 26-летнему ученому звание доктора наук. Однако ВАК докторской степени не утвердил, а на запросы отвечал, что дело о диссертации утеряно (см.: ВЯ. 1956. №2. С.146–148; ГЗ-3. С.164).

¹⁸ СТРУВЕ Василий Васильевич (1889–1965) – историк, востоковед, действительный член АН СССР с 1935.

¹⁹ «...третий оппонент... резкий отзыв» – кроме В.В.Струве, оппонентами на второй защите Иванова были член-корр. АН СССР А.А.Фрейман и доктор филологических наук А.В.Десницкая, тоже высказавшиеся за признание Иванова докторской степени.

²⁰ Виноградов Виктор Владимирович (12.01.1895, г. Зарайск – 4.10.1969, Москва) – филолог, лингвист, литературовед. На факультете с 1944 (зав. кафедрой русского языка до конца жизни, декан – в 1944–1948 и в 1950). С 1946 – действительный член АН СССР. В 1950–1964 – академик-секретарь Отделения литературы и языка. С 1952 – главный редактор журнала «Вопросы языкознания». Об отношении В. к Иванову см: ГЗ-3. С.164–167. О научной и общественной биографии В. см.: Алпатов (по указателю); Ашнин, Алпатов (по указателю); Чудаков А.П. Учусь у Виноградова // Тыняновский сборник. Вып.10. М., 1998. С.822–884.

²¹ «...был назначен... заместителем по журналу...» – фамилия Иванова как «и.о. зам. главного редактора» появилась в №1 ВЯ за 1956 и оставалась до №6 (последнего) за 1958. В №1 за 1959 Иванов указан в списке членов

редколлегии, со следующего номера его фамилия из списка исчезает. Всего за 1956–1958 Иванов опубликовал в журнале четыре собственных статьи и одну коллективную работу (совместно с В.В.Виноградовым и О.С.Ахматовой).

²² «Чем объяснить такую широту курсов, объявленных Ивановым?» – «Перед тем, как меня уволили из университета, я читал в неделю 18 часов лекций: введение в языковедение для востоковедов, сравнительная историческая грамматика индоевропейских языков, хеттский язык, тохарские языки, микенский греческий, праславянский язык для аспирантов, прусский язык» (ГЗ-3. С.159).

²³ ЧЕМОДАНОВ Николай Сергеевич (1903–1986) – лингвист. На факультете с 1942 (профессор, неоднократно возглавлял кафедры общего языковедения и германской филологии, в 1949–1950 – декан, снят после публикации статей Сталина о языковедении. Имел репутацию сторонника «Нового учения о языке» Марра, чем объясняется нежелание руководства ИВЯ иметь его в качестве лектора. См. о нем: Алпатов (по указателю).

²⁴ ЕРШОВА Ирина Александровна – лингвист. На заседании присутствовала, очевидно, как парторг кафедры германской филологии. Ныне – доцент этой кафедры.

²⁵ Из «четырёх дипломников» Иванова выпуска 1959 нам известны две фамилии: А.Ф.Елисеева и Л.Куркина.

²⁶ ЛОМТЕВ Тимофей Петрович (1906–1972) – лингвист. С 1946 – профессор факультета. В 1954–1956 – секретарь факультетского партбюро. См. о нем: Алпатов (по указателю).

²⁷ САМАРИН Роман Михайлович (26.10.1911, Харьков – 28.01.1984, Москва) – литературовед. Беспартийный, из дворянской семьи. Преподавал в провинциальных вузах, с 1947 – в Москве (до конца жизни – зав. кафедры зарубежных литератур факультета и одновременно зав. отделом зарубежных литератур ИМЛИ АН СССР). На обоих постах руководил разгромом «космополитов» в 1949–1950. Был автором обвинительных экспертиз на сочинения своих коллег и подчиненных, арестованных МГБ. Из посвященной ему факультетской песни: «И как слуга Лавруши <Л.П.Берии>, / Один он стоил двух». В 1956–1960 – декан факультета. Об отношении к Иванову и об интересе Пастернака к С. см.: ГЗ-3. С.156-157, 159-160. См. о нем также: Копелев Л. Хранить вечно. Анн Арбор: «Ардис», 1976; Копелев Л., Орлова Р. Мы жили в Москве. Там же, 1988; Яневич Н. <Е.М.Евнина>. Институт мировой литературы в 1930–1970-е годы // Память: Исторический сборник. Вып.5. М., 1981 – Париж, 1982. С.125-132, 134, 145, 147, 154-156, 161.

²⁸ МЕЛЬЧУК Игорь Александрович (р. 1932) – лингвист. В 1956 окончил факультет, в 1956–1959 – в заочной аспирантуре факультета. В 1956 – мае 1976 – научный сотрудник сектора структурной и прикладной лингвистики Института языковедения АН СССР. Участвовал в диссидентском движении, был за это уволен из института, эмигрировал. Ныне – профессор Монреальского ун-та, живет в Канаде. (См.: ХТС. Вып.40. С.111-115; Вып.43. С.90-91; Вып.45. С.28; Вып.46. С.53). См. о нем также: Жолковский А. О Мельчуке // Он же. Инвенции. М., 1995. С.162-170, 216-218.

²⁹ МЕТЧЕНКО Алексей Иванович (1907–1985) – литературовед. Из крестьян. Преподавал в провинциальных вузах, с 1952 и до конца жизни – зав. кафедрой советской литературы ф-та. Специалист по Маяковскому, постоянно разоблачал «ангинаучные» интерпретации его творчества Р.Якобсоном.

³⁰ СИНЯВСКИЙ Андрей Донатович (8.10.1925, Москва – 25.02.1997, Фонтене-о-Роз, под Парижем) – литературовед, критик, прозаик. На факультете – в 1945–1952 (студент, аспирант кафедры советской литературы), в 1957–1958 вел семинар по русской поэзии начала XX века. Во время суда над ним в феврале 1966 на факультете по инициативе Метченко было составлено и опубликовано клеймящее С. письмо «Нет нравственного оправдания» (Литературная газета. 1966. 15 февраля), среди подписавших – упоминаемые в данной публикации Метченко, Горшкова, Глаголев, А.Г.Соколов, А.Н.Соколов, Чемоданов, Юшин (Самарин от подписания письма уклонился). По просьбе КГБ, В.В.Виноградов руководил составлением экспертного «Заключения» о том, что автором текстов, подписанных псевдонимом «Абрам Терц», является Синявский (Независимая газета. 1988. 6 февраля. С.13). См. также: Зубарев Д. Из жизни литературоведов. 2. «У нас есть враги среди нас» // НЛЮ. 1966. №20. С.148-176; ЦМ. С.460-464, 490-492, 498; ГЗ-3. С.185.

³¹ «Был промежуточным звеном... группа воинствующих студентов-эстетов... великим поэтом нашей эпохи» – по воспоминаниям участников семинара, Синявский действительно прочел нескольким его членам свою статью о Пастернаке, перед тем как показать ее самому поэту. Об обстоятельствах единственной встречи С. с Пастернаком см. его воспоминания: Синявский А. Один день с Пастернаком // Синтаксис. 1980. №6. С.131-139; републикация – Юность. 1990. №2. С.83-85. Изучать творчество Пастернака Метченко дозволил лишь в конце 1960-х (первая диссертация – Фоменко И.В. Поэтическое творчество Бориса Пастернака 10–20-х гг., 1971).

³² СОКОЛОВ Александр Николаевич (1895–1970) – литературовед. В 1952–1964 – зав. кафедрой русской литературы ф-та, в 1952–1955 – декан.

³³ На заседание партбюро был, очевидно, приглашен беспартийный профессор Геннадий Николаевич ПОСПЕЛОВ (1899–1982) – литературовед. Постоянно уклонялся от участия в проработках и осуждении своих коллег. (Иванов считает, что именно он был единственным членом Ученого совета, проголосовавшим против его увольнения с факультета. – ГЗ-3. С.161). В 1966 П. решительно отказался подписать письмо против Синявского (см. прим.30). О знаменитом самиздатском тексте «Завещание академика Варги», автором которого был П., см.: Поспелов Г.Г. Особое мнение профессора Г.Н.Поспелова // Тыняновский сборник. Пятые тыняновские чтения. Рига – Москва, 1994. С.428-437.

³⁴ ЭТОВ Владимир Ильич (р. 1931) – литературовед. В 1958 – аспирант факультета, секретарь бюро ВЛКСМ. Ныне – пенсионер.

³⁵ НИКОЛАЕВА Нина Владимировна (р. 1920) – литературовед. В 1952–1954 – секретарь партбюро факультета. В 1958–1959 – зам. секретаря бюро по оргработе. На предыдущих заседаниях отсутствовала по болезни. Ныне – профессор.

³⁶ Вяч. Вс. Иванов – расширенная форма написания инициалов ученого, сохранившаяся на многие годы, объясняется наличием на факультете его однофамильца с совпадающими инициалами – Валерия Васильевича Иванова (тоже лингвиста).

³⁷ ГЛАГОЛЕВ Николай Александрович (1896–1984) – литературовед. Большевик с мая 1917, участник Октябрьской революции, видел Ленина, о чем затем вспоминал в печати всю жизнь. В 1918–1929 – политработник Красной армии. После демобилизации – слушатель Института красной профессуры. С 1942 – профессор факультета.

³⁸ «выступал открыто в защиту антимарксистских позиций Якобсона против наших ученых» – см. прим.14. Тема доклада Иванова на конгрессе – «Значение новых данных хеттского и тохарского языков для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков». Якобсон на этом конгрессе выступил на первом пленарном заседании с основным докладом.

³⁹ СЕРЕБРЕННИКОВ Борис Александрович (1915–1989) – лингвист. Как и Иванов, ученик проф. М.Н.Петерсона. На факультете в 1945–1950. Выступил в 1949 с резкой критикой учения Марра, за что подвергался преследованиям, после разгрома марризма занял одно из ведущих мест в советской лингвистике, стал зам. директора Института языкознания (академиком он стал лишь в 1984). См. подробнее: Алпатов (по указателю). Статья С., которую якобы «маршировал по полгоду» Иванов, – «К критике некоторых методов типологических исследований» (ВЯ. 1958. №5. С.24-33). По оценке Иванова, это «грубый выпад против доклада Якобсона» на конгрессе лингвистов в Осло (ГЗ-3. С.172).

⁴⁰ «это ведь наш студент убежал из Советского Союза» – имеется в виду Александр Меерович ДОЛЬБЕРГ (р. 1933). В 1956 он, окончив факультет, поехал в турпоездку в ГДР и там бежал в Западный Берлин. Ныне живет в Англии. См. подробнее: Зубарев Д. Из жизни филологов. 4. «Опасный беглец» // НЛО. 1997. №24. С.283-287.

⁴¹ «ректор намерен сохранить Иванова в составе факультета» – имеется в виду Иван Георгиевич ПЕТРОВСКИЙ (1899–1973) – математик, академик АН СССР с 1946, с 1952 – ректор МГУ. Беспартийный. Постоянно, хотя и не всегда с успехом, сопротивлялся кадровым чисткам в МГУ по идеологическим мотивам.

⁴² «об использовании Иванова для работы в институте» – очевидно, В.В.Виноградов сначала предполагал перевести Иванова в возглавлявшийся им Институт языкознания АН СССР.

⁴³ ЗЕЛИНСКИЙ Корнелий Люцианович (1896–1970) – критик, литературовед. О его роли в деле Пастернака и в увольнении Иванова см.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Париж, 1980. С.582-584; Чуковский К. Дневник 1930–1969. М., 1994. С.273-277, 498. О причинах «отрицательного мнения» В.В.Виноградова о З. см.: Алпатов (по указателю).

⁴⁴ «аракчеевский режим» – термин, употребленный в статье Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (июнь 1950) по отношению к кадровой и научной политике в советской лингвистике в 1948–1949, когда

противники Н.Я.Марра изгонялись с занимаемых ими постов, а публикация их работ была прекращена.

⁴⁵ СУРКОВ Алексей Александрович (1899–1983) – поэт, администратор. В 1953–1959 – первый секретарь Правления Союза писателей СССР.

⁴⁶ «в семье Иванова... его детей» – Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – писатель, отец Вяч. Вс. Иванова. Говоря о его «детях», Хабин, очевидно, имеет в виду и приемного сына Иванова – Михаила.

⁴⁷ ФЕДИН Константин Александрович (1892–1977) – писатель, администратор. В 1958 – председатель Правления Московской писательской организации. В 1930–1950-е был близким другом Пастернака, однако в октябре 1958 принял участие в его травле.

⁴⁸ «Он заявил, что роман полностью он не читал» – говоря так, Иванов, конечно, лукавил. Он был одним из первых слушателей и читателей романа, у него хранился один из авторитетнейших машинописных экземпляров «Доктора Живаго» с правкой автора.

⁴⁹ «во время Славянского конгресса» – см. прим. 57.

⁵⁰ «В выступлениях и статье в журнале... никакого открытого превозвышения Якобсона как ученого нет» – имеется в виду ответ Иванова на статью Серебrenникова (см. прим. 39): «Типология и сравнительно-историческое языкознание» // ВЯ. 1958. №5. С. 34–45.

⁵¹ «с его женой» – имеется в виду Сватава Пиркова-Якобсон (р. 1908).

⁵² РАДЦИГ Сергей Иванович (1882–1968) – филолог-классик. С 1942 – профессор факультета.

⁵³ ЯРЦЕВА Виктория Николаевна (р. 1906) – лингвист. С 1968 – член-корреспондент АН СССР. В 1968–1977 – директор Института языкознания АН СССР.

⁵⁴ АХМАНОВА (урожд. Гурская) Ольга Сергеевна (1899–1991) – лингвист. В 1946–1982 – зав. кафедрой английского языка факультета. В 1957–1960 – находилась в затяжном конфликте с факультетским партбюро, чем и объясняются сомнения по поводу ее голосования в деле Иванова.

⁵⁵ ГАЛКИНА (урожд. Козлова, в первом браке Федорук, лит. подпись: Галкина-Федорук) Евдокия Михайловна (1898, Кимрский уезд Тверской губ. – 22.07.1965, Москва) – лингвист. Из крестьян. С 1942 – доцент, затем профессор факультета. Была бессменным парторгом кафедры русского языка. См. о ней: ГЗ-3. С. 158; Алпатов (по указателю).

⁵⁶ Имени председателя научного студенческого общества факультета в 1958 выяснить не удалось.

⁵⁷ Правильное название доклада Р.Якобсона на съезде славистов в Москве в сентябре 1958 – «Морфологические наблюдения над славянским склонением». Тезисы опубл. в кн.: IV Международный конгресс славистов. Материалы и дискуссии. 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 31–33. Полный текст: ЯИР. С. 167–197.

⁵⁸ ЦЫБЕНКО Елена Захаровна (р. 1923) – литературовед, специалист по польской литературе. На факультете с 1948 (преподаватель, доцент, профессор). В 1958–1959 – парторг кафедры славянских языков и литератур.

⁵⁹ ЕФИМОВ Александр Иванович (1909, Бронницкий уезд Московской губ. – 11.09.1966, Москва) – лингвист. На факультете с 1948 (доцент, профессор, зам. зав. кафедрой).

⁶⁰ Текст решения Ученого совета филологического факультета МГУ от 24 декабря 1958 опубл. дважды: Независимая газета. 1992. 24 июля. С.7; ГЗ-3. С.160.

*ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ*

ПИСЬМА ЗИНАИДЫ ГИППИУС К В.Д.КОМАРОВОЙ

*Предисловие, публикация и комментарии
Н.А.Богомолова*

Эпистолярное наследие Зинаиды Николаевны Гиппиус весьма обширно. Конечно, и по общим масштабам, и особенно по тому, что сохранилось до нашего времени, оно вряд ли может быть сравнимо с перепиской Валерия Брюсова или Андрея Белого – наиболее, пожалуй, деятельных корреспондентов из числа русских писателей начала века, – но все же читателям доступен солидный том переписки, изданный под редакцией Темиры Пахмусс¹, сопровождаемый еще одной – уже сравнительно небольшой – книжкой² и рядом солидных публикаций, появившихся как в России, так и за ее рубежами³, среди которых отметим и те, что были опубликованы в «Ми-

¹ Pachmuss Temira. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zimaida Hippus*. München, 1972.

² Гиппиус Зинаида. Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by Erica Freiberger Sheikholeslami. *Ann Arbor*, 1978. Известно лишь одно ответное письмо: Из переписки В.Ф.Ходасевича / Публ. Дж.Мальмстада // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.3. Paris, 1987. С.272-277.

³ Назовем лишь наиболее значительные: Письма З.Н.Гиппиус <к М.В.Вишняку> // *Новый журнал*. 1954. Кн.XXXVII. С.194-210 (13 писем); Из переписки З.Н.Гиппиус с М.Л.Кантором (1927–1930) / Публ. Г.П.Струве // *Новый журнал*. 1973. Кн.112. С.227-239 (11 писем Гиппиус и 3 ответных); Lampl Horst. *Zinaida Hippus an S.P.Remizova-Dovgello* // *Wiener slawistischer Almanach*. Wien, 1978, Bd.1. S.155-194 (отрывки из 42 писем); Мицц З.Г. А.Блок в полемике с Мережковскими // *Блоковский сборник IV (Ученые записки Тартуского гос. университета)*. Тарту, 1981. Вып.535, С.116-222 (51 письмо); см. также: Королева Н.В. *Неизвестные письма А.А.Блока к Д.С.Мережковскому и З.Н.Гиппиус в американском архиве* // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994*. М., 1995; Пахмусс Темира. *Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус – письма к*

нувшем»⁴. Письма Гиппиус осознавались как существенная часть истории культуры, что влекло за собою обильное их цитирование, а то и включение полных текстов в различные исследования⁵ и воспоминания⁶. Единственная,

Вере Николаевне Бунинной // *Russian Language Journal*. 1981. Vol.XXXV. №121-122, 209-258 (39 писем); Пахмусс Темира. Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. I. Письма к сестре Анне // *Russian Language Journal*. Vol.XXXVIII. 1984. №131. С.161-174 (7 писем); II. 2 письма к Г.В.Адамовичу // Там же. С.174-181; Из архива З.Н.Гиппиус: Ранний период жизни в эмиграции / Публ. Темиры Пахмусс // *Новый журнал*. 1987. Кн.168-169. С.305-324 (по одному письму к М.С.Цетлин и П.Н.Милокову); Письма З.Н.Гиппиус к П.П.Перцову / Публ. М.М.Павловой // *Русская литература*. 1991. №4. С.124-159; 1992. №1. С.134-157 (49 писем); Из переписки Зинаиды Гиппиус / Публ. А.Л.Соболева // *Русская литература*. 1992. №3. С.197-200 (письмо к Л.Д.Блок от 25 декабря 1906); Письма З.Гиппиус А.Амфитеатрову / Публ. Ж.Шерона // *Новый журнал*. 1992. Кн.187. С.297-307 (5 писем; 2 ответных письма – *Russian Language Journal*. Vol.XXXVIII. №131. С.181-184 / Публ. Т.Пахмусс); Переписка З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Д.В.Философова с В.Я.Брюсовым / Публ. и подг. текста М.В.Толмачева, вступ. заметка и комм. Т.В.Воронцовой // *Российский литературоведческий журнал*. 1994. №5/6. С.276-322; 1996. №7. С.200-226 (публикация не окончена; ср. также: Письма <В.Я.Брюсова> к петербургским и московским литераторам: З.Н.Гиппиус / Публ. А.Н.Дубовикова // *Литературное наследство*. Т.85. М., 1976. С.686-702); Durrant J. Stuart. От эстетики к этике: Новые материалы из архива Д.В.Философова // *Europa Orientalis*. 1994. XIII: 1. С.285-307 (3 письма к Д.В.Философову и одно ответное); Гиппиус Зинаида. Письма к Софье Григорьевне Балаховской-Пети / Комм. и подг. к публ. Rosina Neginsky // *Russian Literature*. 1995. №1. P.49-92; Абызов Юрий, Равдин Борис, Флейшман Лазарь. *Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов*. Stanford, 1997. Кн.II: Сквозь кризис. С.115-117 (1 письмо к П.М.Пильскому и его ответ); Кн.III: Конец демократии. С.120-127, 368-372 (9 писем к М.С.Мильруду и по одному письму П.М.Пильского, М.И.Ганфмана и Мильруда к Гиппиус); Кн.IV: Между Гитлером и Сталиным. С.86-89, 273-276 (7 писем к М.С.Мильруду и 3 ответных); Кн.V: Близость катастрофы. С.77-78 (2 письма к Мильруду); Гиппиус Зинаида. Письма к А.Л.Бему / Публ. Ж.Шерона // *Новый журнал*. 1997. Кн.209. С.206-215 (3 письма).

⁴ Из писем Зинаиды Гиппиус / Публ. В.Аллоя // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.4. Paris, 1987. С.327-337 (письмо к Д.В.Философову от 17 октября 1905); Письма З.Н.Гиппиус к А.Л.Вольинскому / Публ. А.Л.Евстигнеевой и Н.К.Пушкаревой // *Минувшее*. Вып.12. Paris, 1992. (99 писем); «...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма Ив. Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923-1928) / Публ. О.А.Короствелева // *Минувшее*. Вып.24. СПб., 1999. С.123-165 (15 писем к П.Н.Милокову, М.М.Винаверу и М.Л.Кантору).

⁵ См., напр.: Соболев А.Л. *Мережковские в Париже 1906-1908 // Лица: Биографический альманах*. Т.1. М.; СПб., 1992; Дюррант Джон Стюарт. По материалам архива Д.В.Философова // Там же. Т.5. 1994.

⁶ См.: Злобин В. *Тяжелая душа*. Вашингтон, 1970 (большие фрагменты из переписки с Философовым); Шагинян Мариэтта. *Человек и время: История*

к сожалению, известная нам содержательная статья, посвященная эпистолярию Гиппиус, относится лишь к незначительной его части⁷.

Меж тем уже современники Гиппиус констатировали особую прелесть и литературность ее писем. А.Л.Вольнский вспоминал: «...стиль писем З.Н.Гиппиус был действительно несравненным. Иные из этих писем лучше обширных статей Антона Крайнего, с его придириччивым тоном и повадками бабьих пересудов. Тут все чеканно-просто, коротко и содержательно. При этом в основе – философическая серьезность, редкая в женщине способность к созерцательно-логическому мышлению. Писем этих, вероятно, очень много в литературных кругах, и когда-нибудь собрание их могло бы явиться живейшим документом-иллюстрацией к картине нашей литературно-общественной жизни, в момент зарождения декадентства»⁸.

Нынешняя публикация 28 писем Гиппиус к писательнице В.Д.Комаровой не является открытием неизвестного материка. Эти письма уже довольно давно находятся в поле зрения исследователей и неоднократно цитировались⁹, однако необходимость их полной публикации цитатами не отмечается.

Сначала несколько слов об адресате писем. Варвара Дмитриевна Комарова (1862–1942), более известная под псевдонимом Владимир Каренин, – племянница прославленного критика В.В.Стасова. Отец ее был известным адвокатом и общественным деятелем, страстно увлеченным музыкой. Из публикуемых писем мы узнаем, что она даже готовилась к поступлению на оперную сцену, однако это не осуществилось, и на первый план для Комаровой вышла литература. Не слишком многочисленные ее произведения, тем не менее, были замечены читателями и критикой¹⁰, а большая монография о Жорж Санд не только была удостоена Пушкинской премии, но и издана в Париже на французском языке, заслужив весьма похвальные отзывы.

В воспоминаниях она рассказывала, назвав в числе знакомых по Русскому литературному обществу и Мережковских: «С З.Н. я скоро близко сошлась, можно сказать подружилась. Она была тогда самой видной и обрацавшей на себя внимание из писательниц, очень красивая, с чудными белокурыми косами (дядюшка <?> В.В. всегда требовал, чтобы она их не под-

человеческого становления. М., 1982. С.232, 261, 285, 286, 313-314, 332-333, 340-341, 343 (9 писем, преимущественно в извлечениях).

⁷ Багно В.Е. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // Русская литература. 1998. №1. С.84-87.

⁸ Вольнский А.Л. Русские женщины / Пред., комм., публ. А.Л.Евстигневой // Минувшее. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.262 (специально посвященный Гиппиус очерк «Сильфида»).

⁹ См.: Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С.17, 417, 450 (статья и комментарии Н.А.Богомолова); Гиппиус З.Н. Сочинения: Стихотворения, проза. Л., 1991. С.613-614 (комментарии К.М.Азадовского и А.В.Лаврова); Гиппиус З.Н. Стихотворения. СПб., 1999. С.17, 27, 32, 47, 465 (статья и комментарии А.В.Лаврова).

¹⁰ Подробнее см. в биографической статье А.А.Носова (Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С.42-43).

кальвала, когда бывала впоследствии у моих родителей, а, как Гретхен, распускала их), была она и эксцентрична, и “позировала”, и “декадентствовала”, когда была в многолюдных собраниях или особенно когда читала на эстраде где-нибудь, но у себя дома, у нас, в интимной беседе она была проста, сердечна, необычайно умна, это была самая умная женщина из всех, каких я знала. Я ее искренно полюбила и всегда жалею, что она уехала в эмиграцию. Между 1894 и 1900 г. мы часто виделись, Мережковские бывали у нас и у наших, мы с мужем у них, З.Н. очень ласково относилась к моим сыновьям, и у меня сохранилось и одно письмо ее к 15-летнему Мите, который с товарищами поставил у нас “Женитьбу”»¹¹.

В те годы, к которым относятся публикуемые ниже письма (1897–1904), Комарова пробовала свои силы в различных жанрах литературы, и, видимо, это сближало двух писательниц, не очень уютно чувствовавших себя в населенном преимущественно мужчинами литературном мире. При этом очевидно, что Гиппиус, конечно, в значительной степени играет с Комаровой, делая вид, что является гораздо более робкой и почтительной к литературным авторитетам, чем то было на самом деле. Из других воспоминаний и документальных свидетельств, прежде всего из текстов самой Гиппиус, мы знаем, что она была далека от какой бы то ни было почтительности, свободно сообщая своим собеседникам «ребячески откровенные вещи»¹², и в статьях ее, и в письмах того времени проявляется редкостная уверенность в своей правоте.

Следует, видимо, предположить, что для Гиппиус было весьма важно отыскать себе поддержку среди литераторов, пусть и не очень известных, но в то же время способных поддержать ее репутацию не только в «декадентских» кругах, но и в своего рода литературном истеблишменте, к которому Комарова, безусловно, принадлежала благодаря родственным связям, почтенному общественному положению и состоянию, умеренности своих художественных взглядов, одобрявшихся наиболее солидными журналами того времени. Можно полагать, что зависть Гиппиус к той «любви», которую испытывал к Комаровой издатель «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, была достаточно искренней. И стремление добиться того, чтобы планируемая пьеса попала на русскую сцену, столь же откровенно.

Эта двойственность положения в литературе отчетливо чувствуется, между прочим, по воспоминаниям Гиппиус «Живые лица», где не случайно завершением книги выступает очерк «Благоухание седин», посвященный авторам старшего поколения, с которыми она сталкивалась в 1880–1890-е годы. Плещеев, Полонский, Вейнберг, Григорович, Ал. Майков и другие пред-

¹¹ Комарова В.Д. Русское литературное общество (отрывок из моих мемуаров) – *РГАЛИ*. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.18. Л.4. Датировано 18 ноября 1939 г. Членом Русского литературного общества Комарова стала в 1892 г. Упоминающееся здесь письмо Гиппиус к сыну Комаровой сохранилось – *РГАЛИ*. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.766.

¹² Гуревич Л.Я. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. Т.1. М., 1914. С.240.

ставлены там добродушными патриархами, принимающими юную поэтессу под свое покровительство, прощая ей разнообразные шалости, как прощают их любимым внукам.

Вряд ли эта идиллическая картина полностью соответствует действительности. Литературная, общественная, а потом и идеологическая деятельность Мережковских не проходила в той обстановке благодушия и спокойствия, которая вырисовывается в мемуарах. Единственный солидный журнал, который представлял им в середине и второй половине 1890-х годов свои страницы, был «Северный вестник», тогда как все прочие традиционные издания не принимали их в число своих постоянных авторов. При такой расстановке сил Комарова вполне могла выглядеть естественным если не соратником, то союзником, с помощью которого можно было попробовать войти в круг внимания того же «Вестника Европы» или иного авторитетного органа. Особенно насущной необходимостью стало это после разрыва отношений Мережковских с «Северным вестником».

Мы не можем быть уверены, но в качестве гипотезы, объясняющей природу затухания, а позже и полного прекращения отношений Гипшиус и Комаровой (нам не известно ни одно упоминание имени Комаровой в печатных трудах Гипшиус), можно, думается, высказать предположение, что нежелание или неспособность корреспондентки помочь в устройстве отношений с журналами и театрами заставила Гипшиус отнестись скептически к самой идее продолжения дружбы. Конечно, это дополнялось и привходящими обстоятельствами (различные жизненные переживания, частые географические разминовения), но основная причина вряд ли может быть объяснена только случайностями. Получив возможность печататься в «Мире искусства», организовав несколько позже «Новый путь», Мережковские перестали нуждаться в заискивании перед авторитетными изданиями, что требовалось им ранее.

Вероятно, сходные причины диктовали им и отношения с Сувориным, долгое время бывшие предметом заинтересованного внимания самых разных русских общественных деятелей. Компрометантные для среднего писателя попытки Мережковских так или иначе войти в контакт с Сувориным, долгая с ним едва ли не дружба (так обтекаемо описанная в том же «Благоухании седин») также нуждаются в тщательном исследовании, но и без него очевидно, что вряд ли интерес двух писателей к властелину крупнейшей газетной, издательской и театральной империи мог быть основан только на абсолютно незаинтересованных основаниях.

Конечно, контакты с Комаровой, а через нее с либеральными изданиями, не могли быть для Мережковских столь опасными, как с Сувориным, и потому оснований прятать их не было, но и особой славы они принести не могли, потому, скорее всего, и оставались в тени.

Но все эти обстоятельства литературной жизни таятся в подтексте публикуемых писем, а на поверхности лежит их совершенно объективная ценность для описания интеллектуальной биографии Гипшиус. Мы уже говорили, что некоторые свидетельства ее отношения к собственному творчеству и творчеству вообще, к различным людям (к Е. Овербек, к А. Урусову) уже ста-

новились предметом внимания писавших о личности и творчестве Гиппиус. Но публикация полного корпуса писем позволяет получить немаловажные сведения об отношении Гиппиус к некоторым явлениям французской литературы, к произведениям самой Комаровой и другим фактам литературы русской, о творческой истории ряда работ как ее, так и Д.С.Мережковского, и пр. Конечно, и к ним следует относиться с определенной осторожностью, отнюдь не доверяя безоговорочно похвалам, рассыпаемым рассказу «Господин Калошкин», или неожиданно страстному интересу к неопубликованным стихам корреспондентки. Но все же при правильном и внимательно-критическом отношении к тексту из него вполне выуживается значительная информация.

Но и не только в ней дело. Письма ценны еще и тем, что выразительно рисуют одну из эпистолярных ипостасей Гиппиус, мало нам знакомую. В уже опубликованных материалах она чаще всего беседует с друзьями, причем иногда с теми, с которыми играет во влюбленность, или же обменивается деловыми письмами. Здесь же перед нами свидетельство ее свободного общения с дружественным, но вовсе не интимно близким человеком, с которым нужно соблюдать правила эпистолярного этикета (обратим внимание на извинения по поводу отсутствия специальной почтовой бумаги или же о приличествующем случаю количестве листков, которые могут быть отправлены в одном конверте) и этикета социального (специально формулируемые приветы семейству), но в то же время можно чувствовать себя довольно раскованно, не стесняться малой степенью знакомства или заданной дистанцией. При всей женскости стиля Гиппиус в этих письмах, совсем не похожего на тот, что доминирует, скажем, в письмах к Брюсову, он никогда не переходит в кокетливую *sauserie*, столь характерную для женской корреспонденции того времени. После чтения этих писем лучше понимаешь, как удавалось Гиппиус в литературе существовать прежде всего в мужском обличии, и не без основания вспоминаешь, что и Комарова ведь тоже основным своим псевдонимом сделала мужскую фамилию. Эта переключка, не очень бросающаяся в глаза, в то же время вполне, как нам кажется, определена и послужит материалом тому исследователю, который поставит своей целью изучать гендерные, как теперь принято говорить, проблемы творчества Гиппиус и вообще литературы 1890-х годов.

Письма хранятся: *РГАЛИ*. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.154. Публикуются полностью.

СПб
20 Мая, <18>97
Лит<ейный> 24.

Дорогая Варвара Дмитриевна, все время собиралась к вам, даже в последний четверг, чтобы проститься перед отъездом в деревню, но мне сказали, что к вам нельзя, что у вас больные и сами вы нездоровы. Я тоже все время хвораю, вечное сердце. Таким образом, мне не удалось поговорить с вами о «Струнах» Жорж-Занд¹. Прочла с особым интересом и многое могла бы сказать – написать трудно. Только вряд ли это «символическая» вещь. Скорее аллегория.

Быть может, вы уже уехали в деревню, и мое письмо не застанет вас. Желаю вам и Николаю Николаевичу² провести веселое, легкое и хорошее лето – а вам еще сверх того желаю окончить любимую работу и быть ею довольной.

От Дмитрия Сергеевича³ передаю вам всяческие приветствия. Надеюсь, вы мне черкнете строчку осенью, когда вернетесь в Петербург, и мы увидимся.

Крепко жму вашу руку⁴.
Любящая вас

З.Мережковская.

¹ Речь идет о фантазии Жорж Санд «Семь струн лиры» (1839), о которой (вероятно, не без влияния этого письма Гиппиус), Комарова писала: «Вряд ли кто-нибудь из теперешних читателей прочтет когда-либо эту вещь, а из прежних поклонников Жорж Санд почти никто ее не помнит или не знает <...> мы позволяем себе подробно передать содержание этой фантазии или аллегории, общую мысль которой довольно трудно уразуметь. <...> Должны признаться, что с большим трудом мы прочли это туманное, высокопарное произведение <...> форма является в настоящее время чем-то невыносимым; до того все это возвышенно, до того мистично и аллегорично, что подчас производит почти комическое впечатление. Такова, например, <...> сцена на башне, <...> возбуждающая в нас такое же неудержимое желание смеяться, как знаменитая и препрославленная сцена на башне из *Строителя Сольнеса* (да будет прощена нам эта ересь!)» (Каренин Владимир. Жорж Санд, ее жизнь и произведения 1804–1838. СПб., 1899. С.577, 582).

² Муж Комаровой, офицер.

³ Мережковского.

⁴ Фраза написана слитно.

Варшавск<ая> жел. дор.
Ст. Преображенская.
Им<ение> Шевино
15 Июля, <18>97

Я давно получила ваше письмо, милая Варвара Дмитриевна, и очень была рада узнать, что у вас все обошлось благополучно и вы здоровы. Несколько времени тому назад я, благодаря счастливой случайности, прочла ваш очерк в «Вестнике Европы»¹ (никогда не вижу этого журнала) – и мне захотелось, не дожидаясь осени, сказать вам два слова по этому поводу. Надеюсь, что вы не будете сердиться на меня – заранее прошу извинить мою искренность. – Но мнение только тогда и интересно, когда искренно. Скажу прямо, в иных местах очерка есть, по-моему, вялость, кое-где, напротив, तोпорливость, точно вы хотите скорее окончить. Я не поклонница также рассказа от автора, мне кажется – это сдвигает рамки повествования, – но в общем, вся ваша «поэма» (мне хочется так назвать то, что Вы написали) очаровала меня своей трогательной и глубокой простотой. Я не оставила книги, пока не прочитала последней строки, и думаю, что не скоро встречу на страницах современного журнала вещь, которая заставит меня отнестись к ней так, как я отнеслась к «Господину Калошкину». Очень радуюсь и... немного завидую вам, потому что знаю, до какой степени вещи в таком роде не удаются мне, да и не могут удаваться. Я, впрочем, и попытки скоро брошу, уйдя в свойственную мне «отвлеченность» – без крови и тела – увы!

Хорошо ли проводите лето? Буду очень рада получить от вас до осени несколько строк. Мы попали в страшную глушь, чем я довольна. Далеко от станции, и такое уединение, абсолютное, что я даже хожу по лесам, для удобства, в мужском костюме. Писать приходится много – но главные планы храню на зиму².

Оба мы, я и Дмитрий Сергеевич, приветствуем вас. Что Николай Николаевич? Неужели все в разъездах?

Жму вашу руку.

З.Мережковская

¹ Каренин Влад. Господин Калошкин // Вестник Европы. 1897. №6. С.730-771.

² О работах Гиппиус этого времени см. прим.1 к следующему письму.

Ст. Преображенская
В<аршавская> ж.д.
Им<ение> Шевино.
29 Июля, <18>97

Я очень рада была получить от вас такой скорый ответ, дорогая Варвара Дмитриевна, и сама, как видите, спешу написать вам новое. Спасибо за хорошие слова, боюсь только, что они преувеличены. Я, без всякой «женской» скромности, очень искренно считаю себя неспособной к вещам трезвым, сочным, как я выразилась – «из плоти и крови». Именно теперь я пишу подобную вещь (в последний раз!) и с каждой строчкой в отчаянии повторяю: не то! не то!¹ И веселья никакого нет в писании, душа участвует лишь наполовину, и я с недоумением жду момента, когда опять начну что-нибудь в моем духе – на пол-аршина от земли. Вы говорите о стихах: я иногда думаю, что я в сущности только неудавшаяся стихотворица. Ничто в мире не доставляет мне такого наслаждения, как писание стихов, – может быть, потому, что я пишу по одному стихотворению в год – приблизительно². Но зато после каждого я хожу целый день, как влюбленная, и нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Мне кажется, у всякого должна быть потребность молиться, и это разное проявляется. Я говорю, что стихи – это моя молитва³. И дар писать их – все равно, худы они или хороши – я не променяла бы ни на какой другой дар. Случается, что и прозу пишешь с удовольствием – страницу, две... но это совсем не то. А вы, скажите, вы никогда и не писали стихов?

Вы рассказываете о Мопассане. Я его страшно люблю. Каждый год я его перечитываю снова, этой весной опять принялась за «Sur l'eau»⁴. Маленькие его рассказы люблю не все, но некоторые так глубоки, что их хочется выучить наизусть. «Main gauche» знаю, но, по-моему, это не из лучших сборников, там есть несколько и бесцветных очерков⁵. Часто я прошу С.А.Андреевского⁶, просто когда он заходит днем, взять книжку и прочитать какой-нибудь коротенький рассказик Мопассана. Вы знаете, как читает Андреевский, и я лобуюсь этим бриллиантом в ювелирной отделке. Я очень люблю тоже «Une vie»⁷. Это строгий, печальный и сильный роман. Мне кажется, тут Мопассан на высоте Флобера, хотя и весь другой. Впрочем, вспоминая «M-me Bovary», начинаешь сомневаться, может ли быть другой роман равен ему? Я бы очень хотела знать, что вы думаете об Анатоле Франсе? Последнее время я изучаю его внима-

тельно, и он мне нравится все больше и больше. В романе «Thais» есть поразительно глубокие места⁸. И отдыхаешь на нем от легкой и пустой современности писателей посредственных, вроде М.Превю⁹. Чувствую, однако, что готова заболтаться, и сокращаю себя. Конечно ли повесть, которую вы переделали? О, вы счастливая женщина – вас любит Стасюлевич!¹⁰ К моим же вещам «на пол-аршина от земли» он относится скептически, и я, порвав с «Северным Вестником»¹¹, намереваюсь поневоле ограничить свою деятельность иллюстрациями. Эти журналы, впрочем, хорошо платят. Вещь, которую я теперь пишу (по дневникам – настоящим – одного студента), – уже продана¹². Это скверно, но такова жизнь. Дм<итрий> Серг<еевич> работает целые дни, «Леонардо» уже на половине¹³. Мы тоже намерены остаться дольше в деревне. Я не купаюсь, но зато езжу верхом (что «обожаю»), и не далее как вчера слетела с лошади, через голову, но так счастливо, что разбила только нос и сегодня опять, не унывая, ездила. Может себе представить, в каком ужасе Дм<итрий> С<ергеевич>! Крепко жму вашу руку и жду письма, если вы захотите обрадовать вашу З.Мережковскую.

Душевный привет Ник<олаю> Ник<олаевичу> и Дм<итрию> Васильевичу¹⁴, когда будете ему писать. Как его здоровье?

¹ 23 ноября Гишпиус писала П.П.Перцову: «Я за лето написала три повести, из них одну – целый роман» (Русская литература. 1991. №4. С.127). Комментатор этого письма М.М.Павлова полагает, что имеются в виду рассказ «В родную семью» (Вестник Европы. 1898. Кн.П), романы «Победители» (Ежемесячное литературное приложение к журналу «Живописное обозрение». Новые рассказы и повести русских и иностранных писателей. 1898. №1) и «Сумерки духа» (Жизнь. 1900. Кн.V-VII). О каком из них конкретно идет речь, предположить трудно.

² Речь идет не о точных цифрах. В первом «Собрании стихов», к примеру, помета «96» стоит под шестью стихотворениями, «97» – под десятью.

См. в предисловии к первому «Собранию стихов»: «Я считаю естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы – молитву. Каждый человек непременно молится или стремится к молитве – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. <...> Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва. <...> Нам, каждому, страстно нужна, понятна и дорога наша молитва, нужно наше стихотворение – отражение мгновенной полноты нашего сердца. <...> Пока мы не найдем общего Бога или хоть не поймем, что стремимся к Нему, Единственному, – до тех пор наши молитвы, – наши стихи, – живые для каждого из нас, – будут непонятны и не нужны ни для кого» (Гишпиус Зинаида. Стихотворения. СПб., 1999. С.71-72, 74).

⁴ «На воде» – сборник путевых очерков Г. де Мопассана (1888).

⁵ «С левой руки» – сборник рассказов Г. де Мопассана (1889).

⁶ Сергей Аркадьевич Андреевский (1847/48–1918) – видный адвокат и небезызвестный литератор. Дружил с Гиппиус. См. в ее воспоминаниях «Дмитрий Мережковский»: «Д.С. <Мережковский> был в приятельских отношениях с кн. Александром Ивановичем Урусовым, известным адвокатом <...> и с его другом, поэтом и адвокатом петербургским – С. Арк. Андреевским. <...> Андреевский сделался даже, потом, моей “подругой” – единственной, зато настоящей, и постоянно у нас бывал...» (Гиппиус Зинаида. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. [Т.2]. С.187; далее ссылки на эти воспоминания будут даваться по настоящему изданию). Был поклонником Мопассана, о посещении могилы которого написал в «Повести о смерти» (Ревель; Берлин, [1922]. Т.1. С.228-232).

⁷ «Жизнь» – один из наиболее известных романов Г. де Мопассана (1883).

⁸ «Таис» – роман Ан. Франса (1891). Возможно, имя одного из героев этого романа, о. Пафнутия, не случайно совпадает с именем персонажа драмы Гиппиус «Святая кровь» (см. ниже).

⁹ Эжен Марсель Прево (1862–1941) – французский писатель, одно время популярный в России.

¹⁰ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) – журналист, издатель, публицист либерального направления. Издавал журнал «Вестник Европы» с 1866 г. Об отношениях четы Мережковских с журналом Гиппиус писала в книге о Мережковском (Указ. соч. С.193).

¹¹ О разрыве с журналом «Северный вестник», где Гиппиус была на протяжении долгого времени одним из постоянных сотрудников, она вспоминала в книге о Мережковском: «Наша дружба с Флексером (и его журналом) продолжалась с 1894 до весны 1897 года. Он относился в общем ко мне лучше, чем к Д.С. <...> Ранее разрыва нашего, должно быть, в 1895 году, в конце (точно не помню), я наконец совсем, и резко, отказалась печататься в “Северном вестнике” из-за отвращения к уродливым статьям Флексера. <...> Тут был первый толчок к разрыву» (С.204). Однако ее письма к Вольнскому 1897 года явственно показывают, что причины были далеко не только в этом, но и в личных отношениях (см.: Минувшее. Вып.12. С.332-337). Ср. также в письме Мережковского к П.П.Перцову от 6 июля 1897 г.: «Знаете ли, что с Флексером мы совсем не видимся. Он надоел З.Н. своей риторикой и ложью, а мне уже давно опостылел. Денег Любочка нам не платит, зная, что нам они очень нужны» (Русская литература. 1991. №2. С.164. Там же – ценный комментарий М.Ю.Кореновой. Любочка – Л.Я.Гуревич). 23 ноября Перцову писала сама Гиппиус: «Они нам до сих пор не отдали 200 рублей, да еще Любочка, узнав, что Д.С. не скрывает этого долга, <...> исключила его, без предупреждения, из числа сотрудников» (Русская литература. 1991. №4. С.128). По-иному смотрели на дело люди круга Вольнского. Так, Л.Я.Гуревич вспоминала: «Еще раньше отошли от журнала Мережковские. Вообще, как это обыкновенно бывает в таких случаях, кругом журнала стало пусто. Поблизости, помогая вести обреченное на смерть дело, остались

лишь очень немногие...» (Гуревич Л. История «Северного вестника» // Русская литература XX века. С.260).

¹² Речь идет о романе «Победители». Отметим, впрочем, что он вовсе не был заранее «продан»: осенью Д.С.Мережковский активно занимался его устройством в журналы (См. его письма к Перцову от 16 и 20 сентября. – Русская литература. 1991. №2. С.169-170).

¹³ Роман Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

¹⁴ Д.В.Стасов, отец Комаровой.

4

Ст. Преображенская
В<аршавская> ж.д. Шевино.
12 Сент<ября> <18>97

Дорогая Варвара Дмитриевна, вот какая вы добрая, что написали второе письмо, и как я вам за это благодарна! Это совсем не поженски, женщина непременно бы стала считаться письмами – а в конце выходит всегда мелочность. По поводу ваших слов, не «рассердилась» ли я на что-нибудь и не потому ли молчу, я должна сказать вам, что я по существу далека от такого приема, я люблю прямые пути и ясные слова – даже с людьми, с которыми это почти невозможно, а не только с вами, с которой *иначе невозможно*. Поверьте, я это видела сразу, и если бы что-нибудь в вашем письме мне не понравилось – то тут-то бы я ни секунды не замедлила ответить и прямо бы вам все сказала.

Причины моего молчания самые «мескинные»¹. У меня недели полторы-две тому назад, когда я вздумала вам написать письмо – вдруг не оказалось ни клочка почтовой бумаги! Можно бы написать было на рабочей – но и конвертов тоже не оказалось! Я каждый день собиралась ехать в Петербург – но заболела лихорадкой и целую неделю пролежала, прежде чем могла двинуться. Не торопитесь в город, там теперь прескверно и прескучно, – и ведь целых девять месяцев этого петербургского «сезона»! Мы тоже останемся здесь так долго, как только будет возможно. Живем в абсолютном одиночестве – моя семья² уехала, и мы вдвоем с Дм<итрием> Серг<еевичем> в большой даче, в лесу. Топим печи, гуляем и работаем. В вашем письме было очень много, на что я хотела бы вам возразить, у меня даже был целый план длиннейшего письма к вам – но откладываю это до следующего раза. Мы с мужем, которому я прочитала ваше определение Стасюлевича, много смеялись. Да, вы тысячу раз правы!! Трудно завоевать «любовь» – Стасюлевича. Но для меня трудно

достичь даже и того, чтобы он меня «терпел»³. Мой «разрыв» с «Северным Вестником» – собственно, разрыв с редактором, хотя на почве совершенно литературной и, следовательно, имеющей отношение к моему печатанию в журнале. Вряд ли там появится что-нибудь крупное из моего, стихи же я печатаю, потому что это мелочь, да и не хочу я придавать официального характера этой ссоре, в нее, конечно, поспешат сунуть нос люди, которых дело не касается⁴. Вы знаете, как Петербург интересуется всякими чужими мелочами.

Теперь, дорогая Варвара Дмитриевна, позвольте приступить к большой просьбе. Предупреждаю, что вы меня искренно огорчите, если откажете. Вы говорите мне, что много писали стихов, даже недавно, и что стихи эти никогда не будут в печати. Но я уверена, что в них есть то, что вы сами в них не подозреваете, – и я очень хочу прочесть эти стихи. Пришлите мне хоть одно или два. Если хотите, если любите откровенное мнение, – я вам его напишу. Но ежели вы не пришлете, – я буду думать, что вы и вкусу моему не доверяете и не хотите сделать мне большое удовольствие.

Я очень рада, что кое-какие из моих вещей продолжают нравиться Николаю Николаевичу. Посылаю ему душевный привет, как и Дмитрию Васильевичу. Надеюсь увидеть его особенно свежим и бодрым после заграничного лечения. Крепко жму вашу руку – и жду.

З.Мережковская

¹ От французского «mesquin» – ничтожный.

² В состав семьи Гиппиус входили мать и младшие сестры Анна, Татьяна и Наталья Николаевны.

³ 16 сентября 1897 г. Мережковский писал Перцову: «...наши редакции *<Гиппиус>* боятся» (Русская литература. 1991. №2. С.169).

⁴ Гиппиус была права. См., напр., обсуждение личного ее расхождения с Вольнским в письме Ф.Сологуба к Вл.В.Гиппиусу, процитированном М.Ю.Кореневой (Русская литература. Указ. изд. С.164).

Среда
<21 января 1898?>

Дорогая Варвара Дмитриевна, опять не могу быть у вас (не больно ли это?), совсем слегла, должно быть, инфлуэнца¹. Глотаю хину и послала за доктором. Подумайте, какое отчаяние заболеть

чуть не накануне отъезда! Если завтра доктор скажет, что у меня нет ничего заразного, не дифтерит какой-нибудь, а лишь инфлуэнца – пишу вам второе письмо и буду упрашивать вас навестить меня, ибо и думать не хочу уехать, не простившись с вами. У меня есть еще один четверг – мы уедем не раньше 31-го, – но до него больше недели!

Душевный привет Николаю Николаевичу. Вернулся ли Дмитрий Васильевич?

Сердечно Ваша

З.Мережковская

¹ Всю зиму 1897/1898 г. Гиппиус была серьезно больна, что заставило Мережковских довольно неожиданно для самих себя отправиться в Италию. Подробнее см. в письмах Мережковского к Перцову осени и зимы 1897 г. (Русская литература. 1991. №2. С.170-178).

6

Воскресенье
<25 января 1898>

Дорогая Варвара Дмитриевна, у меня была не более как острая инфлуэнца, я почти здорова, но до вторника обречена на сиденье дома. Не заедете ли вы ко мне в понедельник днем? Если нельзя – то вечером, хотя вечером мы будем уже не одни, потому что, кажется, придут Котляревские¹. Да, я думаю, вы и будете слушать Спасовича в Литер<атурном> Общ<естве>². Я бы тоже пошла, если б не докторский запрет. Мы уезжаем в субботу. В четверг я, во всяком случае, буду у вас. Мне хочется, чтоб вы обещали изредка писать мне, ужасно отраднo получать письма в таком далеком заграничном заключении, и ваши письма такие особенно милые и красивые, что дают истинную радость.

Итак – может быть, до завтра?

Привет Николаю Николаевичу.

Ваша Зин.Мережковская

¹ Видимо, литературовед, впоследствии академик Нестор Александрович Котляревский (1865–1925) и его жена, актриса Александринского театра Вера Васильевна Пушкирева-Котляревская (1870–1942). Несколько ранее Гиппиус писала о них А.Л.Вольнскому: «...все те же люди, с прибавлением Котляревских, кои мне не симпатичны» (Минувшее. Вып. 12. С.331).

² Русское литературное общество в Петербурге было основано в 1886 г. Комарова и Гиппиус числились его членами-сотрудниками. Об упомянутом выступлении см. объявление в хронике: «VII обыкновенное собрание (беседа) Русского литературного общества назначено в понедельник, 26-го января, в 8 1/2 час. вечера (Невский пр., 85). Предметы занятий: “К.Д.Кавелин”. Личные воспоминания о нем В.Д.Спасовича» (Новое время. 1898. 25 января / 6 февраля. №7871).

7

Rome, H<ote|> Beau-Sité
Via Aurora, 25
8 M<ars> <18>98

Милая, дорогая Варвара Дмитриевна, у меня просто руки опустились, когда я увидела конверт вашего письма. Отчего вы мне не написали подробно, как случилось это ужасное несчастье, почему? Я не видала вашу сестру, но я отлично ее помню по вашим рассказам, я – как это ни странно – даже несколько раз воображала именно ее, когда описывала героинь моих повестей. Я отлично помню, как вы говорили о ее золотых волосах. Напишите мне о ней, я нахожу, что мы должны не стараться забывать наших милых умерших, а говорить и думать о них, поэтому я и пишу вам это, прошу рассказать о ней, не боясь расстроить вас напоминанием. Когда я получила ваше письмо, я сама лежала в постели, у меня чуть не сделалось заражение крови от нарыва на лице, вся левая сторона, даже рука начала пухнуть, было два доктора, один хотел делать перекрестный надрез, а другой решил подождать, что и вышло лучше. Я до сих пор еще не вполне поправилась, хотя повязку сняла. Моя болезнь очень помешала работе Дм<итрия> С<ергееви>ча, теперь он нагоняет потерянное время. Напишите мне, дорогая, сюда, и поскорее, а то мы уедем во Флоренцию, где будем жить – еще не знаю. Здесь же мы попали очень хорошо, в помещение, которое занимал Боборыкин. Воображаю ваше настроение теперь и состояние духа Дмитрия Васильевича! Скажите ему, что я крепко, крепко жму его руку, что печалюсь за него от всего сердца. От вас жду скоро хоть двух строчек, пока же еще раз шлю вам мой душевный привет. Поклон Николаю Николаевичу.

Любящая вас

З.Мережковская

24 Марта, <18>98.
Sicilia, Taormina
Villa Guardiola (Reif)

Так давно ничего не знаю о вас, дорогая Варвара Дмитриевна, что решаюсь написать вам несколько строк, надеясь, что вы мне ответите. Мы с вами перед отъездом даже и не виделись как следует, благодаря моей болезни и болезни вашего сына. Я думаю, он уже давно поправился и вы скоро соберетесь в деревню. Здесь, в Сицилии, давным-давно стоит лето, дождливое порою, порою прохладное, но все-таки настоящее лето, весны же здесь, как мне кажется, никогда и не бывает. Настоящая весна только на севере, и сердцем любить мы, я думаю, можем лишь русскую природу. Там только она, действительно, «милая и строгая», как я однажды писала¹.

Что вы делаете? Много ли работаете и окончили ли что-нибудь? Готова ли ваша книга или, вернее, ваши книги? Я пользуюсь преимуществами больной и лентяйничая, много хожу по горам, без мыслей греюсь на солнце и смотрю на море. Очень хочется быть здоровой и приняться за что-нибудь серьезное.

Здесь мы зажились, потому что попали в прекрасные условия; отельная жизнь утомляет, а у нас прекрасная квартира на вилле, вне города, пять комнат, все удобства самой семейной обстановки. Таормина – удивительное по красоте место. Думаю, что Палермо хуже, хотя я еще его не видала. Муж усиленно занят своим романом, и я весьма одинока, так что мне, привыкшей к петербургским друзьям, которые меня балуют, – порою бывает очень грустно. Обрадуйте меня весточкой с родины, милая Варвара Дмитриевна, напишите побольше о себе. До какого времени останетесь в Петербурге? Как здоровье Дмитрия Васильевича? Душевно приветствую Николая Николаевича, верного друга моих стихотворений. Вас крепко обнимаю и жду двух строк поскорее.

Зин. Мережковская

¹ Видимо, Гиппиус имеет в виду слова из стихотворения «Вечер»: «Как никогда, я чувствую – я твой, / О милая и строгая природа!»

9

Вена, 12 Июня, <18>98

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, вы не поверите, как я была тронута вашим письмом. Хотела бы ответить много-много – но не могу, мы все в переездах, да и не знаю, в деревне ли вы. Черкните одну строчку с вашим адресом в Елизаветино (Балт<ийской> жел. дор.), дача Аврора – я так хочу говорить с вами много и долго. Послезавтра мы возвращаемся в Россию. Я все еще не совсем выздоровела, это невыносимо – быть больной! Обнимаю вас так крепко, как люблю, жду новостей, всегда ваша

Зина Мережковская

10

Елизаветино,
Балт<ийской> ж. дор.
Аврора
17 Июня, <18>98.

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, наконец-то весточка от вас! Я начинала уже беспокоиться, я знаю, что Николай-то Николаевич наверно в Петербурге и перешлет мое письмо, где бы вы ни были. Нет ничего хуже болезни на свете; воображаю, как вы измучены и расстроены, от всей души вам сочувствую. Напрасно вы думаете, что меня не интересуют «семейные» разговоры: это не семейные, а душевные, а душа милого и дорогого человека – каковы для меня вы – это больше, чем интересное, это главное, это все. Если бы моя мать заболела или кто-нибудь из близких, я уверена, что об этом только и писала бы вам и ни на минуту не усумнилась бы, что это вам не покажется скучно. Напишите мне, вполне ли оправились ваши, как чувствует себя вообще Дмитрий Васильевич и собирается ли он нынче куда-нибудь за границу. Мое заграничное лечение, конечно, было оборвано, я чувствовала ясно, что мне следует там остаться хоть до зимы, но что можно сделать против *force majeure*?¹ Надо было вернуться, а вернувшись надо работать, да еще так, как никогда. Я уже и теперь чувствую себя не вполне хорошо, погода стоит ужасная, – и меня мучит мысль, что к зиме опять разболеюсь, а это, правда, теперь невозможно.

Кто вам делал ваш перевод, что вы так должны с ним мучиться?² Ne mille Julie Загуляева, надеюсь?³ Что касается Волынского и Люб<ови> Як<овлевны> – то я решительно о них ничего не знаю⁴. Слышала, что Л<юбовь> Я<ковлевна> уехала за границу и что журнал приостановила на три-два месяца. Перед нашим отъездом у Дм<итрия> Серг<ееви>ча с Волынск<им> были какие-то трагикомические истории по поводу «Л<еонардо> да Винчи», чуть ли не вызов на дуэль, причем все шло от В<олынского>го, и Дм<итрий> С<ергеевич> прекратил это лишь отсылая все письма нераспечатанными. Но отношения прекращены раз навсегда⁵.

Напишите мне о своей книге. Знаю, что в вашем настроении трудно писать, но иногда именно в этом настроении писать бывает необходимо. Я тогда пишу стихи, а вы?

Обнимаю вас от всего сердца, душевный привет Дмитрию Васильевичу и Николаю Николаевичу. Часто ли он к вам приезжает? Пишите мне, порадуете меня очень!

Зин.Мережковская

¹ Высшая сила (франц.).

² Судя по всему, речь идет о переводе книги Комаровой о Жорж Санд на французский язык. Он выходил на протяжении долгого времени: George Sand, sa vie et ses oeuvres (P., 1899–1926. Т.1–4).

³ Юлия Михайловна Загуляева (1861 – после 1916), публицистка, переводчица, драматург. Во французском варианте книги имя переводчика или консультанта указано не было.

⁴ Аким Львович Волынский (Флексер; 1861–1926) и Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940), судя по всему, интересовали Комарову как автора журнала «Северный вестник», где Гуревич была основной пайщицей, а Волынский – ведущим сотрудником и своего рода идейным вдохновителем. Письма Волынского к Комаровой – РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.148 (к интересующему нас времени относятся письма 1896–1897 гг.), письма Гуревич к ней – РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.171 (письма 1893–1897 гг. и недатированные). Судя по этим письмам, между Гуревич и Комаровой нередко возникали всякого рода недоразумения, связанные с сотрудничеством последней в «Северном вестнике».

⁵ Об истории этого литературного столкновения, повлиявшего в долгий разрыв отношений, см. слова Гиппиус в воспоминаниях о Мережковском: «...он <Волынский>, может быть, потому и не напечатал “Леонардо” в своем журнале, что уже тогда задумал сам написать большую книгу о “Леонардо да Винчи”» (Указ. соч. С.204). Об этом же Мережковский писал Перцову 3 августа 1897: «Ах да, еще последнее сказание о слякоти – Флексер тоже пишет о Леонардо да Винчи – он от меня ни на шаг. И ведь будет наивно (– тоже sancta simplicitas) убежден, что это не я его, а он меня заинтересовал Леонардо» (Русская литература. 1991. №2. С.166).

11

Ст. Елизаветино, Балт<ийской> ж.д.
Им<ение> Дылицы, д<ача> Аврора.
18 Июля, <18>98

Дорогая Варвара Дмитриевна! Жду-не дождусь весточки от вас – а весточки нет. Я вам писала отсюда уже больше месяца тому назад. Не больны ли вы? Или настроение такое плохое, что не хочется сесть за письмо? Тогда скажите только, что вы здоровы, а я терпеливо подожду, пока переменится настроение или пока вы вспомните, что я вам не чужая и что со мной можно говорить даже и тогда, когда тяжело на душе.

Здоровы ли все ваши? Шлю им сердечный привет. Работаю много, но все недовольна. И здоровье мое не позволяет отдаться работе, как нужно.

Обнимаю вас, дорогая, и *непрерывно* жду хоть двух строк.
Ваша

Зина Мережковская

12

Елизаветино, Балт<ийской> ж.д.
19 Июля, <18>98, дача Аврора

Дорогая Варвара Дмитриевна, только что отправила вам несколько слов, так как обеспокоилась вашим молчанием, – и сегодня утром получила, наконец, от вас письмо. Вот и вышло, как я предполагала, т.е. что вы были в дурном настроении и потому не хотели писать. Это меня очень огорчает, это значит, что вы относитесь ко мне *внешним* образом, можете говорить со мною лишь тогда, когда состояние духа более или менее равнодушное, когда можно думать о посторонних предметах. И то сказать, ведь вы меня совершенно не знаете изнутри, и даже к Урусову отнеслись с большим доверием¹. Я, впрочем, не удивляюсь, что он вам ответил так, как ответил. Я очень люблю Урусова, он чудный человек, незаменимый, когда живет весело и покойно или когда нужно помочь во внешней беде; но со сложными психологическими тревогами я бы никогда к нему не обратилась. Он и в себе их не любит и, наверно, шутит с ними и над ними.

Фельетона Минского я не читала². Но я вполне согласна с вами, что если он низкопоклонничает перед Толстым – то он в неправде, хотя ведь совершенно нельзя знать по тому, что он пишет – что он думает. У него особенная, стихийная неискренность, которая мне даже иногда нравится, как все совершенное. О Львовиче³, по-моему, просто не стоит говорить, до такой степени это мало, случайно и ни к искусству, ни к правде ни малейшего отношения не имеет. Я вообще против того, чтобы ломать копыта над ничтожными и некрасивыми явлениями: их просто не видишь и самым спокойным и праведным образом проходишь мимо. Я бы даже не стала писать и спорить о позднейших произведениях, вроде статьи об искусстве⁴, и самого Толстого. Зачем унижать гения – вы совершенно правы, – будем благодарны за то истинно прекрасное и великое, что он нам дал – и пройдем тихо мимо ненужно-жалкого, даже не судя. Я не могу говорить о степени его музыкальности – я не знаю; а последнее время я стала особенно робка в моих мыслях о музыке – я вам скажу, почему. Музыка для меня – одна из великих загадок. Чем больше я о ней думаю – а я о ней особенно думаю теперь, – тем меньше понимаю, что это такое. Если это искусство – то почему оно так отлично от других, будто иная, самостоятельная стихия? У меня даже есть теория о невозможности символизма в музыке – я вам ее сообщу в другой раз. Я выросла в особенно музыкальной семье, но потом, войдя в литературу, совсем отвернулась от музыки, отчасти потому, что больше способностей имела к письму, отчасти же намеренно, потому что чувствовала в музыке бездну, в которую нужно броситься совсем, – и бездну, непонятую разумом, а все не ясное (для себя), не уясненное, скорее, – я, по моему характеру, не люблю, потому что оно заставляет меня страдать. В последнее же мое путешествие, нынче весной, я встретила с одной барышней, музыкантшей-композиторшей, с которой мы очень сошлись⁵. Судьба ее трагическая: она русская, в раннем детстве была увезена из России родителями, бежавшими по политическим причинам в Англию и скоро умершими. Девочка не понимает ни слова по-русски, воспитана церемонной англичанкой. Кончила лондонскую консерваторию, издала уже несколько сборников своих песен, написала четыре симфонии, оперу, дирижирует оркестром и начинает приобретать известность. Но дело не в этом, а в том, что она *волшебна* музыкальна. Никогда я не встречала такого странного существа. Вы не поверите, как она была мне полезна, какие толчки уму в сторону музыки она мне дала. Я ее очень звала в Россию (которую она детски обожает), она должна была приехать, но, кажется, строгая мать-англичанка против этого. Если же это ей удастся, – я бы очень хотела познакомить ее с вами

осенью, если вы позволите. У нее будет так мало общества – кто у нас говорит по-английски? – а, конечно, она интереснее Miss Lilian Bell...⁶. Помните? Вообще же я намерена впустить музыку в свою жизнь этой зимой... и если бы вы согласились немного руководить моим невежеством – вы бы мне сделали большую радость, дорогая Варвара Дмитриевна! Однако лист, как я ни экономила, пришел к концу, а другого, ввиду тяжести бумаги, вложить не смею. Пишите мне скорее, какое бы ни было настроение! Я кончила артикль – описание Таормины⁷, принимаюсь теперь за большую повесть листов в пять⁸. Да где печатать? Для меня нет журналов! Даже «Космополис» в агонии, если не умер, как писал Батюшков⁹.

До свидания, дорогая, обнимаю вас. Когда же выйдет окончательно ваша книга? Вы слишком работаете. О, я вовсе не счастливая и совсем не молодая! Я даже хочу повесть писать, как люди стареются. Душевный привет Николаю Николаевичу и Дмитрию Васильевичу. Он все с вами? Не поехал нынче на воды?

Ваша Зина М.

¹ Александр Иванович Урусов (1843–1900), адвокат и литератор. См. о нем подробнее ниже.

² Речь идет о статье: Минский Н. Спор о браке между Толстым-отцом и Толстым-сыном // *Новости и биржевая газета*. 1898. 2 июля. №178. В статье сопоставляются повесть Л.Н.Толстого «Крейцера соната» и повесть Л.Л.Толстого «Прелюдия Шопена». С Николаем Максимовичем Минским (Виленкиным; 1856–1937) Гиппиус связывали сложные отношения, о которых отчасти см.: Гиппиус З. *Contes d'amour* // *Возрождение*. 1969. №221. С.39 и др. Письма ее к Минскому хранятся: *ИРЛИ*. Ф.39. Ед.хр.205.

³ Лев Львович Толстой (1859–1945).

⁴ Имеется в виду трактат Л.Н.Толстого «Что такое искусство?» (1897–1898). Гиппиус вспомнила его, видимо, потому, что незадолго до того Минский написал о нем статью: Минский Н. Что такое искусство? гр. Л.Н.Толстого // *Новости и биржевая газета*. 1898. 26 марта. №84.

⁵ Речь идет о баронессе Елизавете фон Овербек, с которой Гиппиус связывали довольно длительные (по крайней мере, до 1902 г.) и сложные отношения. Сводку данных о ней см. в комментарии А.В.Лаврова (Гиппиус З.Н. Стихотворения. Указ. изд. С.465–466), а также в наших комментариях ниже. Приведем также фрагмент письма Гиппиус к Ф.Д.Батюшкову от 6 августа 1898 г.: «Я, впрочем, тоже увлекаюсь англичанками. Скажите Мих. Н-чу, что для него есть чудная невеста. Сейчас видно, что он для нее именно и рожден. Англичанка – но и русская (говорит только по-английски), музыкантша, композиторша (свой оркестр в Плимуте), спит и видит приехать в Россию и полюбить первого русского, особенно если я посоветую. Имеет 23 года и несколько мальчишескую наружность» (*РНБ*. Ф.51. Ед.хр.10. Л.14об). Приводимые далее фрагменты писем Е.Овербек к Кома-

ровой наглядно свидетельствуют, что она говорила не только по-английски, но и по-французски.

⁶ Лицо, оставшееся нам неизвестным.

⁷ Речь идет о большой статье: Гиппиус З. На берегу Ионического моря // Мир искусства. 1899. Литературная часть. Отдел первый. С.128-174, 186-194.

⁸ Какая повесть имеется в виду – неясно.

⁹ «Космополис» – международный журнал, выходивший на русском языке в 1897–1898, сперва под редакцией С.Н.Сыромятникова (Сигмы), затем, с мая 1897 г., под редакцией Федора Дмитриевича Батюшкова (1857–1920). Гиппиус сотрудничала в журнале, опубликовав там два рассказа. Об отношениях Мережковских с Батюшковым см. справку М.Ю.Кореновой (Русская литература. 1991. №2. С.175).

13

21 Августа <18>98
д<ача> Аврора

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, давно хотела отвечать на ваше милое, длинное письмо – и так много нужно было сказать, что я не могла собраться с мыслями. Очень вы меня удивили, говоря про свою экспансивность; мне казалось, напротив, что вы очень недоверчивая. Да и в этом вашем письме недоверчивость все-таки высказывается. Вы говорите: я сказала бы, ... если бы я вам рассказала... и т.д. Вы даже не уверены, что я одна читаю ваши письма. Вы Дмитрия Сергеевича считаете за обыкновенного мужа, который читает всякие письма жены, даже его не касающиеся. Но у меня чуть не с детства самое строгое отношение к переписке, и Дм<итрий> Серг<еевич> не читает никаких моих писем, начиная с самых безразличных, и привык к этому настолько, что даже не интересуется, от кого я получила письмо. Это уж так заведено, а иначе быть не может. И вы можете быть твердо уверены, что кроме меня никто не увидит ваших строк – без всякого нарочитого секрета, а потому, что письмо, писанное к одному, не может быть читано другим. Я и в других ничего иного никогда предположить не могла, а когда приходилось разочаровываться – сильно удивлялась. Вы пишете тоже, что стали недоверчивы оттого, что женщины вам изменяли. Я помню, вы мне и говорили это. Я тоже всю жизнь боялась женщин. У них есть один недостаток, небольшой – но особенно важный для крепости отношений – мелочность. Против мелочности я бессильна.

Все мои «начала» человеческой дружбы с женщинами кончались знаете как? Милая, сердечно-любезная дама вдруг, при встрече, холодно вежлива или язвительно неумна. «Что с вами?» – «Со мной? Ничего». Видишь безнадежность и отходишь с равнодушной грустью: Потом оказывается, что ей передали, что я о ней в каком-то третьем обществе сказала какое-то слово, которое передававший хорошо не запомнил (а я вовсе не помню), но в котором, кажется, могло быть что-то обидное. Господи! Какое сплетение! Какая скука! Отчего же между мужчинами меньше этих мелочей?! Против таких паутинных войн я бессильна и предпочитаю не сходитьсь с женщинами вовсе. Да и редко встречаются такие, которым я интересна, обыкновенно они сразу смотрят на меня недоброжелательно. Женскую измену, в полном смысле этого слова, я тоже испытала – но я ее искренно простила. Женщина, когда она не человек, а женщина, когда она влюблена и несчастна, – способна решительно на все; я ее прошу – только отойду, чтобы она меня не ушибла, и пережду, пока она не придет в себя. Но я должна сказать, что я все-таки не сразу верю, что женщина только женщина – я хочу каждую считать человеком. Думаю, что и вы тоже, хотя и испытали столько разочарования. Мне кажется тоже, что человек не может меняться в глубине своего характера: и если у вас прежде был характер живой, доверчивый и экспансивный – поверьте, вы и теперь такая; и тем более вам трудно жить в «скорлупе», как вы говорите, – и я это глубоко понимаю. Вот вы говорите тоже, что я такая отделенная от жизни; может быть, я бы хотела быть отделенной – потому что это единственное средство не страдать, – но даже и хотела бы только разумом, а не душой. Душой я рада, что я настолько в жизни, чтобы понимать боль другого. Да и мир, который создаешь себе, – разве он не связан с жизнью сетью тончайших нитей?

Пишите мне, дорогая, все что вздумается, во все минуты жизни – и будьте уверены, что я вас пойму – иначе, может быть, чем вы сами себя понимаете, но на той же глубине. И когда мы говорим с другим – мы и хотим, чтобы он понял нас по-своему, только чтобы сумел наше принять к сердцу так же близко, как свое собственное. Я знаю и чувствую, что у вас далеко не закрылась та рана в душе, о которой вы пишете; вы мне расскажете ваши мысли, когда захочется говорить, – не правда ли? И бывает иногда, что говорить легче и лучше, чем молчать.

Я надеялась скоро увидеться с вами, а теперь слышу, что вы уезжаете надолго в Париж. Правда ли это? Рада за вас, что вы окончили вашу работу, но не рада – эгоистически, – что вы уедете из Петербурга на неопределенное время. Когда это будет?

Меня очень изумило как неожиданность то, что вы собирались на оперную сцену. Как же случилось, что вы туда не попали? Почему вы никогда не поете? Если любят и понимают музыку, как вы, – не жалко ли не отдать ей всю жизнь? Скажите, отчего так не случилось? – Мои мысли о музыке порою продолжают тревожить меня. Отчего вы не поверили, что у меня является вопрос, искусство ли музыка? То есть воссоздание ли это человеком существующих или воображаемых форм жизни, – как другие искусства? Или музыка нечто совершенно особенное, отдельное, непонятное, *сам* обломок недоступного, второго мира, но *сам*, а не символ, как другие искусства? Вы читали «рождение трагедии» Ниче <так!>, – помните там одно удивительное мнение о музыке?¹ Вот в каком смысле я говорила, что музыка мне не кажется искусством наряду с другими. Я не касаюсь вопроса, выше ли она их или ниже; мне только кажется, что она – другое, что-то такое особенное, что мы едва ли можем определить словами.

Где же теперь ваши музыкальные друзья, моя дорогая? Неужели вы их покинули, войдя в литературу? Вот что изменить музыке, забыть ее ради чего-нибудь другого можно – я не верю, я думаю, что это слишком властная царица, и оторваться от нее душой, раз поняв ее язык, – нельзя. И, видите, два *искусства* соединять в себе нельзя; а любить одной душой музыку и литературу – можно; не доказывает ли и это, что музыка – нечто другое, особенное? Конечно, и музыка ревнива, и ей нужна *вся* человеческая жизнь – но ведь гении ей ее и отдавали, и отдают.

Моя англичанка нисколько не похожа на Miss Bell (сохрани Боже!). Она молоденькая, не очень развитая, наивная, как только может быть наивна англичанка, и скрытно-восторженная. Я бы очень хотела, чтобы вы послушали ее вещи. Быть музыкальной – еще не значит иметь творческий талант. К сожалению, она все не приезжает, ей никак не дают паспорта, потому что у нее нет бумаг. Это преглупая возня.

– Напишите же мне, дорогая, куда, и когда, и надолго ли вы едете. Мы остаемся в деревне еще долго. Я усиленно работаю. Где Николай Николаевич? А Дмитрий Васильевич? Как теперь его здоровье и настроение? Пишите мне обо всем, о жизни и о не жизни... Для меня все соединено в единое, и равно интересует все, что исходит от близких, хороших и милых душе моей людей, какова для меня вы.

Зина Мережковская

¹ Гиппиус пишет о книге Ф.Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Мысли, о которых идет речь, являются принципиальными для Ницше и повторяются в книге неоднократно, напр.: «...музыка в своей полнейшей неограниченности не нуждается в образе и понятии, но лишь выносит их рядом с собою. <...> Мировую символику музыки никоим образом не передашь поэтому на исчерпывающий лад в слове, ибо она связана с исконным противоречием и исконной скорбью в сердце Первоединого и тем самым символизирует сферу, стоящую превыше всех явлений и предшествующую всякому явлению» (Ницше Фридрих. Соч.: В 2 тт. Т.1. М., 1990. С.78; пер. Г.А.Рачинского).

14

СПБ
Литейная, 24, кв.33
15 Окт<ября> <18>98

Дорогая Варвара Дмитриевна, откликнитесь, где вы? В Париже, в деревне, на Фонтанке?¹ Как ваше здоровье? Я писала вам – и на последнее письмо не получила ответа. Уж не рассердились ли вы на меня за что-нибудь? Или заняты хлопотами о Ж.Занд?²

С нетерпением жду известий.

Ваша

З.Мережковская

¹ Петербургский адрес Комаровых – Фонтанка, 90. Деревенский адрес – Николаевская железная дорога, ст. Угловка, имение Языково-Рождественское.

² Имеется в виду издание книги, названной в прим.2 к письму 10, или ее русского варианта (СПб., 1899).

15

Литейный, 24
СПБ
Пятница, 27.11.<18>98¹

Простите, моя дорогая, что не заехала к вам сегодня, как обещала. Чувствую себя не очень хорошо, а ветер злее волка. В будущую пятницу, конечно, приеду – с Мlle Лизой². Она меня и сегодня

очень уговаривала ехать к вам, но я так напугана своим ненадежным здоровьем, что все-таки не решилась. Но неужели мы не увидимся до пятницы? Черкните мне словечко, если не очень заняты.

Душевно ваша

Зина Мережковская

P.S. Лучше ли Дмитрию Васильевичу? Николая Николаевича приветствую.

¹ Датируется по не слишком разборчивому почтовому штемпелю, потому дата может быть определена не вполне верно, однако письмо в любом случае относится к осени 1898 г., когда Е. Овербек была в России.

² О Елизавете фон Овербек подробнее см. выше, в прим. 3 к письму 12, и далее.

16

12 Дек<абря> <18>98 г. СПб

Дорогая моя Варвара Дмитриевна, только сегодня доктор позволил Дмитрию Сергеевичу встать с постели, у него начиналось воспаление легкого, но захватили вовремя. Мне очень печально, что не видала вас так давно, если у вас есть день или вечер свободный раньше пятницы – черкните мне строчку, – я приеду к вам. Целую неделю я, почти не выходя, просидела дома. Передала ли вам Лиза мое поздравление и пожелания? Вы были так добры к этой милой девочке, что она бредит вами и уверяет, что никто так искренно и ко мне не относится, как вы. Здоров ли Дмитрий Васильевич? Николай Николаевич, я надеюсь, в цветущем состоянии здоровья, как всегда. Я его еще и не видала.

Жду строчки. Ваша Зин. М.

17

10 Янв. <1899>¹

Дорогая Варвара Дмитриевна, посылаю вам сонату Лизы по поручению Mrs. Splatt², она говорит, что вы были такой милой и обещали передать ее Дмитрию Васильевичу. Ужасно тороплюсь, крепко вас целую, до свиданья в среду вечером, да? Постараюсь приехать раньше.

Зина Мережковская

¹ Год вписан карандашом не известной нам рукой. Однако по смыслу письма оно действительно относится к этому времени.

² Приемная мать Е. Овербек.

18

Дорогая Варвара Дмитриевна, вы так исчезли от Анны Павловны¹, что я и не видела и поговорить с вами не успела. Не свободны ли вы в эту пятницу вечером? Не приедете ли к нам с Николаем Николаевичем? Размеры нашего ложемента² не позволяют нам никого приглашать, может быть, будут двое-трое, – Урусов обещал приехать, посидеть последний вечер. Жду вас обоих непременно. Увижу вас, вероятно, в Четверг вечером у Дмитрия Васильевича, но пишу заранее, чтобы вы были свободны. Пока – целую вас крепко, от всей души.

Ваша

Зин.Мережковская

Вторник, 16 Ф<евраля> <18>99

СПБ

Литейн<ый,> 24

¹ Вероятно, имеется в виду А.П.Философова (1837–1912), известная общественная деятельница, мать Д.В.Философова.

² От французского «logement» – квартира.

19

Милая Варвара Дмитриевна, вы меня совсем и окончательно забыли! Я очень огорчаюсь и грустно думаю о том, что, вот, и вы – женщина! Я была и больна, и выздоровела, и опять заболела – а вас все нет и нет! Вы были так близко, у Зин<аиды> Аф<анасьевны>¹, и не заехали ко мне! Вы знаете, что для вас я дома во все дни недели – и когда хотите. Ужасно досадно, что нам пришлось выбрать для марксистского вечера – этот четверг; я знаю, что в четверг вечером вы и Николай Николаевич заняты; но, может быть, вы все-таки заедете, хоть ненадолго? Ведь тут так близко! Приезжайте, дорогая! Марксисты будут, если к четвергу не будут в трауре по журналу «Начало», которое опять смертельно заболело².

Кончены ли ваши корректуры? Обнимаю вас от всей души, привет всем вашим. Я очень хотела просить и Дмитрия Васильевича к нам, – но не смею, знаю, что это его joug³. Мне очень досадно, право, марксисты капризнее декадентов!

Еще раз целую вас.

Ваша душевно

Зина Мережковская

30 Марта

<18>99

¹ Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941), литературный критик и переводчица, автор работ по истории западноевропейской литературы.

² Речь идет о журнале «Начало», выходившем в 1899 г. и печатавшем роман Мережковского «Воскресшие боги» (под названием «Возрождение»). Всего появилось 4 номера, после чего журнал был закрыт. Подробнее см.: Русская литература конца XIX – начала XX в.: Девяностые годы. М., 1968. С.419-420;

³ День (франц.).

20

Homburg v<on> d<er> H<öhe>.

19 Июля

1900

Дорогая, милая Варвара Дмитриевна! Я чувствую себя так глубоко виноватой перед вами, что едва смею просить прощения. Но, может быть, вы найдете меня хоть отчасти заслуживающей снисхождения, если я скажу вам, что моя «забывчивость» была исключительно внешней, кажущейся. Я не только не перестала любить вас, я, кажется, ни одного петербургского человека не вспоминала так часто, как вас. Год тому назад, из Гомбурга, я писала вам, но по какой-то случайности письмо не попало к вам в руки или же вы, занятая переездом в деревню, не успели ответить на него, и с того времени переписка сама собой затормозилась, это часто бывает. Сколько раз потом я собиралась написать вам, и из Рима, и из Сицилии, и из Флоренции, – и каждый раз почему-то не приходилось. Я и сказать точно не умела бы, почему. Но теперь, после вашего милого письма, от которого мне стало и совестно, и радостно, – я больше не хочу молчать, и если вы мне не сразу ответите, – напишу еще и еще. Так мало искренних людей, еще меньше искренних отношений. Вы

сами знаете это и потому поверите, что я в самом деле дорожу и всегда дорожила нашими с вами отношениями.

О себе подробнее напишу в следующий раз, пока скажу, что сидим мы с Д<митрием> С<ергеевичем> в Гомбурге, где жара и скука, приходится, кроме того, менять квартиру, а уехать куда-нибудь в другое место – нет энергии, ибо мы оба хотим писать, для чего необходимо сидеть на месте. Я чувствую себя недурно, гораздо лучше, чем в прошлом году. Расскажите мне о себе, что делали, что писали, как живется? Об успехе вашей книги я кое-что знаю. Что Николай Николаевич? Он в городе? Как здоровье ваших? Сердечный привет им от меня. Не собирается Дмитрий Васильевич за границу, на воды? Жду известий, крепко обнимаю и целую вас. Еще раз спасибо.

Ваша всей душой

З.Мережковская

Недавно сюда приехала Лиза Овербек. Она кланяется вам, благодарит за письмо. Mrs. Splatt в Россию не приедет, а Лиза надеется видеть вас осенью в СПб¹.

Пишите мне прямо в Гомбург, без адреса, ввиду перемены квартиры. На почте нас знают.

¹ 15 мая 1900 г. Комаровой из Флоренции написала сама Е.Овербек. Приведем большую выдержку из ее письма, поскольку оно приоткрывает некоторые обстоятельства отношений Овербек и Гипшиус. «Quant a moi, je crois que Mrs. Splatt vous a dit que je demeure avec les Mérejkovskis maintenant? C'est vrai que je n'étais que quelques mois en Angleterre l'été passé et que j'ai rejoint Zina et Dmitry Serg. en Italie cet automne. Nous étions d'abord a Rome, puis nous sommes restés en Sicile pendant trois mois et nous sommes a Florence pour le moment ou nous resterons jusqu'au 24 mai, pour aller en Allemagne ensuite; Zina et son mari a Homburg et moi chez des parents à Coblenze. Zina se porte très bien et moi aussi je me porte mieux qu'au commencement de cet hiver. Je voudrais tant, si vous le permettez, vous parler tout a fait franchement de mes plans et mes idées. Vous m'avez témoigné tant d'intérêt amicale que j'ose vous regarder comme une véritable amie. et je suis sure que vous me comprendrez. C'est si triste qu'on bonheur soit si souvent obtenu a la condition de souffrance d'un autre; ainsi, pendant les deux années passées j'ai souffert beaucoup a cause de la souffrance que je devais donner a ma mère, qui est si bonne et qui m'a tant aimée. Pendant son séjour à Pétersbourg vous avez probablement senti qu'il existait des relations assez pénibles entre ma mère et Zina, ce qui m'a mis, moi aussi, dans une situation très difficile. Il est impossible de juger ce qui est bien ou mal dans ce cas; chacune a raison et chacune a tort. Le fait est pourtant, que ce deux natures ne peuvent se comprendre et c'est par cela que Mrs. Splatt ne peut plus s'adresser a Zina pour ce que ça soit. Moi j'aime Zina de tout mon coeur et je l'ai peut être vue de plus près que personne; mais j'ai parfois des

doutes très fortes si, pour mon art, il est bien que je suis toujours auprès d'elle. Je suis trop faible pour ne pas être avalée par une nature plus forte et je crains que, pour une artiste, la première condition est la liberté, intérieure et extérieure. Zina n'est point de mon avis: elle pense que ce n'est qu'avec elle que je puis me développer et créer quelque chose digne dans mon art. Un des sentiments les plus forts en moi c'est mon amour pour la Russie, ma patrie, et je crains que je commence à confondre un amour pour Zina avec celui pour la Russie. Ainsi, pour être claire sur moi-même je voudrais voir mon pays et vivre la indépendante de Zina, – pour quelque temps seulement peut être, – jusqu'à ce que j'ai reconnu moi-même ou est la vraie force. Je m'ai presque pas de connaissances en Russie, mais il me semble que c'est une occasion formidable d'aller maintenant en Russie avec Mrs. Splatt, voir la Russie avec des yeux frais. D'ailleurs, je désire de tout mon coeur d'effacer le souvenir pénible de son premier séjour a Pétersbourg et je crois que je le pourrais, si je vivais avec elle, parmi des gens intelligents et sympathiques qui sont des vrais Russes! Cependant, cette idée, très simple, est difficile a exécuter a cause du caractère exceptionnel de Zina. Elle n'approuve ni comprend une séparation et elle veut que le retourne en Russie avec elle et son mari a la fin du mois le juin. Pour rien au monde je voudrais une rupture avec elle: je l'aime, premièrement; et aussi je lui dois tant de choses, elle a élargit mes horizons comme personne ne l'a jamais pu faire et j'espère toujours encore d'apprendre d'elle. Certes, elle est faible parfois, mais ses idées sont toujours fortes et nobles» (РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.324. Л.3-4).

Перевод: «Что касается меня, то, я думаю, миссис Сплатт вам сказала, что я сейчас живу с Мережковскими. На самом деле, прошлым летом я провела всего несколько месяцев в Англии и присоединилась к Зине и Дмитрию Серг<еевичу> этой осенью в Италии. Сперва мы были в Риме, потом три месяца жили на Сицилии, а сейчас мы во Флоренции, где остаемся до 24 мая, чтобы потом отправиться в Германию; Зина с мужем в Гомбург, а я в Кобленц к родителям. Зина чувствует себя очень хорошо, и я тоже чувствую себя лучше, чем в начале этой зимы. Я бы так хотела, если вы позволите, поговорить с вами совершенно откровенно о моих планах и замыслах. Вы выказали ко мне столько дружеского интереса, что я осмеливаюсь смотреть на вас как на истинного друга и уверена, что вы меня поймете. Как печально, что счастье так часто достигается ценой страдания другого; так, за два прошедших года я много страдала из-за тех страданий, которые должна была причинить своей матери, которая так добра и так меня любит. Во время ее пребывания в Петербурге вы, возможно, почувствовали, что между моей матерью и Зиной существуют мучительные отношения, что поставило и меня в очень трудную ситуацию. Невозможно судить, кто тут прав или виноват, каждая и права и неправа. Факт, однако, остается фактом: эти два существа не могут понять друг друга, и потому миссис Сплатт больше не может обращаться к Зине за чем бы то ни было. Я люблю Зину от всего сердца, и я, может быть, видела ее так близко, как никто; но временами у меня возникают весьма сильные сомнения, хорошо ли для моего творчества, что я все время нахожусь рядом с нею. Я слишком слаба, чтобы не быть поглощенной более сильной натурой, и боюсь, что для художника

первое условие – это свобода, внутренняя и внешняя. Зина совсем не разделяет моего мнения: она полагает, что только с ней я могу развиваться и смогу создать что-либо достойное в искусстве. Одно из самых сильных моих чувств – любовь к России, к моей родине, но я боюсь, что начинаю смешивать любовь к Зине с любовью к России. Итак, чтобы ясно понять самое себя, я хотела бы увидеть мою страну и пожить там независимо от Зины, – может быть, лишь краткое время, – до тех пор, пока сама не пойму, в чем истинная сила. У меня почти нет знакомых в России, но мне кажется, что отправиться сейчас в Россию с миссис Сплатт, увидеть Россию свежими глазами – отличный случай. К тому же я ото всего сердца хочу загладить тяжелые впечатления от ее первого пребывания в Петербурге, и я полагаю, что смогу это сделать, если буду жить вместе с ней среди умных и симпатичных людей, каковы настоящие русские! Однако эту идею, весьма простую, трудно претворить в жизнь из-за исключительного характера Зины. Она не одобряет и не понимает разлучения и хотела бы, чтобы я вернулась в Россию с ней и ее мужем в конце июня месяца. Ни за что на свете я не хотела бы порвать с нею: прежде всего, я ее люблю; к тому же я ей стольким обязана, она расширила мои горизонты, как никто и никогда не мог этого сделать, и я все время надеюсь еще многому научиться у нее. Конечно, временами она бывает слаба, но мысли ее всегда сильны и благородны».

21

Homburg
Villa Ernst
8 Августа 1900

Давно бы вам ответила, дорогая Варвара Дмитриевна, но пришлось переезжать на другую квартиру, возня, неустройство, неудобство... Пишу вам, немножко прийдя в себя. Тут еще смерть Урусова, которая на меня ужасно подействовала. Мы обе с вами его от души любили. Он ни разу не приезжал в Петербург без того, чтобы не провести у нас вечер или два. Это был истинно незаменимый человек, сердце у него было редкое, удивительное. Андреевский писал мне, что перед смертью А.И. перенес невероятные страдания, принуждены были день и ночь смотреть за ним, так как он покушался на самоубийство. Начало последнего припадка болезни доктора просмотрели, приняв головную боль от сорокаградусной температуры за невралгию. За несколько дней до смерти его считали вне опасности. Что случилось в эти последние дни – я не знаю. Причаститься он пожелал сам, он, неисправимый материалист, радостный эпикуреец! Какой переворот произошел в нем? Затуманился ли мозг его – или просветлел? Какая во всем этом неразрешимая тайна! Ничто не

имеет такой власти над моей душой, как смутная мысль, и мысль об этой тайне:

...И ноша жизни, ноша крестная,
Чем далее, тем тяжелей.
И ждет кончина неизвестная
У вечно запертых дверей¹.

—

Однако письмо мое совсем в минорном тоне. А я хотела еще поговорить с вами о вашей пьесе. Она очень меня интересует. Вот уже год, как я думаю о пьесе, а все не решаюсь написать. Очень это трудно. И риск большой для человека, который живет литературой. Напечатать все-таки легче, нежели поставить. Скажите, где пойдет ваша?² Суворин мне писал, что он даже премию учредил за хорошую пьесу, а все-таки нет ее³. Представляли ли вы вашу в цензуру? А в комитет? Там ведь теперь молодые люди сидят⁴. Напишите мне *подробно, подробно* о вашей пьесе, и о заглавии, и сюжете, хотя бы в главных чертах. Как вы справились со сценичностью? – Я написала маленькую пьеску в трех картинах, полуфантастическую, совершенно негодную для русской сцены по цензурным условиям. Ее переведут на фр<анцузский> язык, может быть, пойдет в Париже, хотя вряд ли понравится французам, ибо она даже *без любви*. Нет ни «его», ни «ее», а только дети да отшельники⁵.

Смотрите же, милая Варвара Дмитриевна, жду от вас скорой весточки. Как это Николай Николаевич ухитрился так крепко простудиться? Надеюсь, он совсем здоров. Будете писать Дм<итрию> В<асильеву>чу – кланяйтесь от меня. Что сказать вам о ваших новых знакомых – Щ<епкиной>->Куп<ерник>, Яворской, Арабажине и т.д.? Ничего не скажу: хорошего о них ничего не думаю, а дурное... нужно говорить с осторожностью⁶. Я лично всегда от них держусь подальше, мож<ет> б<ыть>, даже с несправедливой холодностью, но ведь это уж мои индивидуальные ощущения. Напишите мне теперь, что вы сами о них думаете. Романа моего не читайте!⁷ Там такие неистовые опечатки, что нельзя в руки взять! Я сама дам вам оттиск. Об «Альме» я написала статейку, которая идет в «М<ире> Иск<усства>»⁸. А что *вы* о ней думаете? Столько вопросов! Следующее письмо напишу длиннее.

Пока – обнимаю вас от души и прошу, по отношению ко мне, никогда не быть Фомой.

Ваша Зин. Мережковская

¹ Цитата из стихотворения Гиппиус «Крик» (1896). О последних днях и смерти А.И. Урусова, последовавшей после тяжелых страданий 16 июля 1900 г., см. подробнее: Андреевский С.А. Книга о смерти. Ревель; Берлин, [1922]. Т. II. С. 164-171.

² Единственная пьеса Комаровой – «Каролина Нейбер» была поставлена Театром Литературно-художественного общества (Суворинским) в 1900 г.

³ См. об этом: «Заседание нашего общества о премиях. Принят проект: 3 премии 1000 руб., 500 и 300. Дирекция выбирает жюри и составляет программу для получения премий» (Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С.368; запись от 18 февраля 1900 г.). Представленные на конкурс пьесы, как можно судить по тому же дневнику, Суворину активно не нравились. Однако пьеса Комаровой была ею не представлена на конкурс, а просто дана Суворину для чтения (Там же. С.382; запись от 21 марта. Название пьесы искажено).

⁴ Речь идет о Театрально-литературном комитете при Дирекции Императорских театров, определявшем пьесы, возможные в этих театрах для постановки. После смерти Д.В. Григоровича в декабре 1899 с 8 января 1900 г. в его состав был включен Ф.Д. Батюшков, пригласивший туда и Д.С. Мережковского, а после выхода И.А. Шляпкина в октябре 1899 членом стал Д.В. Философов (выбывший, правда, из состава комитета 10 марта 1901 г.). Следует отметить, что пьеса Комаровой среди одобренных для постановки не числится.

⁵ Имеется в виду программная для Гиппиус драма «Святая кровь» (первые – Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901). Там действительно действуют отшельники – о. Пафнутий и его послушник Никодим, а также русалки и ведьмы, которые, однако, могут восприниматься как дети. Ср. начало второй картины, когда о. Пафнутий говорит о русалочке: «Живая! Живая девочка, Никодимушка! Ведь ты ребенка чуть не убил! <...> Девочка, а девочка!» (Гиппиус Зинаида. Пьесы. Л., 1990. С.18).

⁶ Гиппиус пишет об известных петербургских театральных деятелях: Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) – драматург и переводчица; Лидия Борисовна Яворская (в замуж. кн. Барятинская, 1871–1921) – знаменитая актриса (ее письма к Комаровой марта–ноября 1900 г. – РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.493; из писем Щепкиной-Куперник сохранилась лишь небольшая записка – Там же. Ед.хр.486.); Константин Иванович Арабакин (1866–1929) – журналист, много занимавшийся театральной критикой. Отметим, что в начале 1900 г. Яворская попросила у Мережковского разрешения поставить в свой бенефис трагедию Софокла «Антигона» в его переводе, на что Мережковский дал согласие. Щепкина-Куперник и Яворская состояли в близкой дружбе.

⁷ Речь идет, судя по всему, о ранее упоминавшемся романе «Сумерки духа», окончившемся печатанием в июле.

⁸ «Альма» – трагедия Н.М. Минского (СПб., 1900), чтение которой в Литературном обществе Комарова в цитированных нами ранее воспоминаниях отмечала среди наиболее запомнивших событий. Статья Гиппиус о ней

– «Торжество в честь смерти»: «Альма», трагедия Минского // Мир искусства. 1900. Т.4. Литературный отдел. С.85-94. Вопреки самоуничижительному отзыву Гиппиус, статья имела принципиальное для автора значение.

22

B<ad> Homburg
Villa Ernst
10 Авр<уста> <1>900

Дорогая Варвара Дмитриевна, только что получила ваше милое письмо и спешу ответить. Я так рада восстановлению отношений между нами, отношений прочных – хочу верить, – ибо они основаны на искренности и бескорыстии, главным образом на искренности. Я хотела бы всегда, при всяких обстоятельствах видеть в ваших письмах (и словах) их прямой смысл, без нужды читать между строками – как это часто приходится делать с другими людьми, – разбираться в намеках и т.д. Я уверена, что если вам что-нибудь не понравится во мне, вы скажете мне это прямо. Я с своей стороны по натуре склонна к откровенности, но люди ее не любят, как я узнала из опыта, а жизнь хорошая школа, которой самое простое благоразумие велит подчиняться. Я готова даже признать, что *излишняя* откровенность не хороша, можно быть искренним *без* нее; но вот тут-то и нужна большая тонкость, чтобы отличить излишнее от необходимого, без которого искренность страдает. Какой у меня противный почерк и длинные периоды! Одно вступление заняло пол-письма. Об Урусове – вы точно подслушали мою мысль. Я именно так, как и вы, объясняла его предсмертную религиозность. Я хотела написать о нем два слова, но на свежей могиле трудно писать, к тому же «Мир Ис<усства>» очень просил Дм<итрия> С<ергееви>ча написать теперь же несколько строк, и я ограничилась лишь некоторым сотрудничеством в статейке супруга¹, который теперь по горло занят своей громадной работой о Толстом и Достоевском². Мне кажется, вы с Урусовым были ближе, чем я. Вы с ним переписывались³, я – никогда, между вами мог возникнуть вопрос, есть ли (или нет их) точки внутреннего соприкосновения, между нами эти точки были очень известны. Глубокая симпатия с моей стороны к нему как к человеку, общие друзья, живые и мертвые, каковы Флобер и Бодлер, и др. Он, я думаю, хотя, конечно, любил меня в ответ на мою искреннюю дружескую любовь – особенно не признавал меня ни

как писательницу, ни как поэтессу. И я с этим всецело мирилась. Моя скромная комната была, как он говорил, «оазисом» для него, где собирались его лучшие друзья и единомышленники, а я была хозяйкой оазиса, вот и все. Видите, пожалуй, у него *со мной* было куда меньше точек соприкосновения, чем с вами, но я этим ничуть не огорчалась, мне казалось, по всяким соображениям, что именно так и должно быть, и я им, Урусовым, радовалась для себя и от себя, не заботясь, доставляю ли я ему собою какую-нибудь радость. Я знаю, что это эгоистично, но как быть, если нельзя иначе? И я в самом деле слишком восхищалась им, каков он был, для того, чтобы его отношение ко мне могло повлиять на нашу дружескую близость.

Я горько раскаиваюсь, что не взяла за границу вашей книги⁴. Вы знаете, уже полтора года, как я не живу на месте, вечно переезжая, с того дня, как мы с вами виделись в последний раз. В Петербурге я пробыла осенью лишь 3-4 недели, время, чтобы приготовить к итальянской зимовке. Мы старались взять как можно меньше багажа. Я просила З.А.Венг<еров>ву привезти мне вашу книгу в Рим. И, вообразите, она ее привезла! И только сразу объявила, что не даст мне на нее посмотреть, ибо все 10 дней, кот<орые> она провела в Риме, она писала статью об этой книге, статью тоже мне не прочла, не кончила, и увезла и книгу и статью в Ментону. Я даже не знаю, где была напечатана эта статья⁵. Вы меня ужасно удивили и огорчили известием, что, м<ожет> б<ыть>, не останетесь зиму в П<е>т<е>р<бур>ге! Как это может быть? Не хочу верить. Напишите об этом подробно.

Что касается Яворских, т.е. Барятинских⁶, – я их, конечно, еще меньше вас знаю. Но так как «знать», даже близких, очень трудно, то я этого и не жду, а просто, для отношений, руковожусь впечатлением. И для того, чтобы сблизиться с кем-нибудь, мне, лично мне, нужно два, хотя бы, отрицательно-хороших впечатления: 1) чтоб не было глупости или пошлости и 2) чтобы не пахло богемой. Яворская, я вижу <?>, увы, не отвечает (на *мой личный* взгляд) ни одному из этих требований.

Приветствую от души всех ваших. Пишите мне, в мою пустыню. Как ни много здесь народа, но я – живу в полной пустыне. Конечно, отдайте пьесу в Комитет! Только выберите удачную очередь. Обнимаю вас крепко и жду строчки.

Ваша З.Мережковская

¹ Мережковский Д.С. Памяти Урусова // Мир искусства. 1900. Т.4. Литературный отдел. С.36-37.

² Книга Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» (печаталась в журнале «Мир искусства» в 1900–1902 гг.).

³ Письма Урусова к Комаровой (преимущественно на французском языке) за 1895–1899 гг. – РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.452.

⁴ Имеется в виду упоминавшаяся выше книга о Жорж Занд (неясно, в каком варианте – русском или французском).

⁵ Рецензия З.А.Венгеровой на книгу Комаровой нами не обнаружена (в том числе, ее нет среди собранных Комаровой вырезок – РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.747).

⁶ Обществу известно значительно меньшая известность драматурга и журналиста кн. Владимира Владимировича Барятинского (1874–1941) по сравнению с его женой, Л.Б.Яворской.

23

Villa Ernst
В<ad> Homburg
27 Августа 1900

Вы не поверите, в какую вы печаль меня погрузили, дорогая Варвара Дмитриевна! Я почему-то ни минуты не верила серьезно, что вы можете покинуть Петербург. Хотя Псков, как вы говорите, еще слава Богу, – все-таки восемь часов езды, и это совсем не то, что жить на Фонтанке.

Я так надеялась, что этой зимой мы будем видаться чаще, у меня были различные планы чтений, особых домашних вечеров, не похожих на петербургские журфиксы, словом – бездна мечтаний! С вашим отъездом многое изменяется. Не говоря уже о Мите (ничего, что я его так бесцеремонно называю?)¹) и о Дмитрие Васильевиче, о всей вашей семье, – ведь вы совсем не привыкли к провинциальной, да еще полковой жизни! Я, конечно, тут не компетентна, но «полковая дама», в моих глазах, это до такой степени от вас отличное, вам противоположное, что я не могу сразу усвоить мысли о вашем отъезде, ни вообразить вашей не-петербургской жизни. Пусть Петербург плох, но все-таки тут *лицом* ко всему стоишь, ко всему, что происходит в России, к дурному и хорошему.

Простите, вместо вас – я начинаю жаловаться за вас. Но уж очень я огорчилась.

Здесь стоит прелестная осенняя погода. Мы думаем выехать через неделю, быть в Петербурге числа 5-го; но, может быть, еще запоздаем, очень ненадолго. Лиза Овербек перевела мою драму на англ<ийский> язык и уехала в Англию с надеждой поставить ее в

Лондоне, с музыкой; ибо Mrs. Splatt – член какого-то возникающего, очень нового, театрального общества. Или пайщица – ей-Богу, не знаю. Я лично уверена, что ничего не выйдет². Черкните мне строчку сюда (если скоро). А то – в Петербург. Когда будете в Петербурге, точно? Непременно увидимся.

Обнимаю вас крепко. Сердечно приветствую Дмитрия Васильевича (как его здоровье?) и Николая Николаевича, хотя на него я сердита: ведь это он увозит вас в Псков!!

Ваша

З.Мережковская

¹ Сын Комаровой.

² Несколько дней спустя, 31/19 августа Комаровой писала Овербек: «Zina et moi nous avons passé l'été ici à Homburg. Je comptais revenir en Russie avec elle, mais a cause d'affaires a arranger avant de mon départ, je ne peux retourner a St.Petersbourg avant de la fin de Septembre, ou même Octobre <...> Zina vous a, sans doute, parlé du drame qu'elle a écrit récemment. Il y a une possibilité qu'il soit produit à Londres en Octobre, et c'est surtout pour arranger la représentation qu'il me faut rester ici plus longtemps. Ce drame est tellement fort, tellement nouveau et hardi, qu'il est peu probable que le public anglais le comprendra. Néanmoins, une représentation serait utile. si seulement pour épreuve de la mise-en-scene, etc. Je suis en train d'écrire la musique. – une travail très intéressant, puisque le sujet se prête tant a un traitement tant nouveau dans la musique. Zina a l'espoir que ce drame sera produit à Paris l'année prochaine. Mais, certes, en traduction on perd tant de nuances, tant de finesses. C'était un travail presqu'impossible que de le traduire en anglais surtout pour moi, qui n'est point "l'écrivasse"!» (РГАЛИ. Ф.238. Оп.1. Ед.хр.324. Л.6-7).

Перевод: «Мы с Зиной провели лето здесь, в Гомбурге. Я рассчитывала вернуться в Россию с ней, но из-за дел, которые следовало уладить перед отъездом, я не могу вернуться в Петербург раньше чем в конце сентября или даже в октябре <...> Зина вам, конечно, говорила о драме, которую она только что написала. Существует возможность поставить ее в Лондоне в октябре, и именно из-за устройства постановки я должна оставаться здесь дольше. Эта драма настолько сильна, настолько нова и смела, что вряд ли английская публика ее поймет. Тем не менее, спектакль будет полезен, хотя бы для пробы мизансцен и т.д. Я готовлюсь писать музыку – работа очень интересная, потому что сюжет предполагает столько новых трактовок! Зина надеется, что драма будет поставлена на будущий год в Париже. Но, конечно, в переводе теряется столько оттенков, столько изящества. Это будет работа почти невозможная, как перевод на английский, особенно для меня, совсем не "писак"!».

24

Пятница 13 Окт<ября> <1>900
Литейный 24
СПб

Наконец-то дождалась от вас знака жизни, милая Варвара Дмитриевна. Очень рада. Постараюсь быть у вас сегодня вечером, только пораньше, часу в девятом, ибо мы еще не привыкли к петербургским порядкам, рано ложимся.

Итак – до вечера.

Всегда всей душой

Зин. Мережковская

25

17.12. <19>02
СПб
Литейный 24

Милая Варвара Дмитриевна, я так рада вашим строкам. Вы всем для меня исчезли в пространстве. Не пишу вам больше, ибо не знаю вашего адреса и не уверена, что письмо дойдет. Но на всякий случай спрашиваю, как ваше здоровье? Я слышала, что вы больны. Неужели вы никогда не бываете в Петербурге? Где ваши последние вещи?

Я с осени все прихварываю, дел – куча; у нас теперь начинается толстый ежемесечник «Новый Путь», завтра выходит первая книжка¹. Хлопот много, – денег мало, энергии – так себе, скорее довольно – а это главное.

Жду вашего отклика, а пока, если позволите, обнимаю вас.

Ваша

З.Гиппиус-Мережковская

¹ О журнале «Новый путь» см. подробнее: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982 (глава написана Е.В.Ивановой). Там же – библиография.

3 Марта <19>04
Литейный 24
СПб

Милая Варвара Дмитриевна.

Спасибо, что помните меня, спасибо и за первое письмо, оно меня так тронуло, я хотела отвечать, но вы поймете, что невозможно было. Моя мама умерла внезапно¹. Теперь две мои младшие сестры мои живут у нас. Мы никто всю зиму не можем оправиться от этого удара. Д<митрий> С<ергевич> все недомогает, а я так просто больна и только и делаю, что лечусь. Всю зиму возилась с сердцем, которое совсем отказывалось служить, а теперь открылись «старые раны» – что-то в легких, не выхожу, мажусь иодом и делаю мышьяковые вспрыскивания. Все это, конечно, на почве ослабленного организма. Жажду поскорее уехать на Кавказ, хоть месяца на два. Журнальной работы масса, она развлекает, – но уж очень я утомилась, все мы слишком устали.

Присланные вами стихотворения очень недурно переведены, но стихов переводных мы совсем стараемся не печатать, напечатали раз перевод Бальмонта из какого-то нового поэта, и то, по-моему, напрасно. – Отчего вы нам не пришлете ничего из ваших работ? Пишете ли вы теперь что-нибудь? Что Николай Николаевич, – ведь он не уехал на войну? Ох уж эта война! Страшно, говорить о ней не хочется!

Что все ваши? Мальчики, я думаю, большие! Бываете ли в Петербурге? Если черкнете мне еще строчку – буду рада!

Обнимаю вас от души.

Ваша

Зин.Гиппиус-Мережковская

P.S. Пишу без адреса, думаю – дойдет!

¹ О смерти матери Гиппиус вспоминала в своей книге о Мережковском (С.233-235).

Милая Варвара Дмитриевна, я тоже страшно, страшно жалею, что не видела вас сегодня, мне столько нужно было вам сказать! И

зачем вы пишете такие слова, что боялись приехать не вовремя, вы для меня *всегда* самая желанная гостя. Хотела дать Ник. Мих. первую книжку, приготовленную для вас, но так досадую, что не видала вас, что решила уж отдать вам лично. Когда же увидимся? Крепко обнимаю вас.

Ваша душой

Зин.Мережковская

28

Среда

Дорогая Варвара Дмитриевна, в тот вечер, как писала вам, – я сама заболела инфлуэнцей с очень высокой температурой, но, слава Богу, без осложнений. Теперь мне уже гораздо лучше, но когда выйду – не знаю. Если доктор позволит – приеду к вам в пятницу, если же не приеду – значит, я под запрещением. О, вот бы я не боялась заразиться инфлуэнцей! Да она и не заразительна нисколько, это в воздухе, теперь все больны. Напишите мне поскорее, как ваше здоровье. Вот от кашля после инфлуэнцы надо беречься. Вашего папу я всегда любила и потому каждый раз я огорчена, когда слышу, что он нездоров. А вы мне и не написали, лучше ли ему! Привет Николаю Николаевичу.

Обнимаю вас.

Ваша Зин.Мережковская

ПЕРЕПИСКА АНДРЕЯ БЕЛОГО И М.О.ГЕРШЕНЗОНА

*Вступительная статья, публикация и комментарии
А.В.Лаврова и Джона Мальмстада*

Крупнейший историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ и культуролог Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) принадлежал к числу тех спутников жизни Андрея Белого, о которых писатель высказывался с неизменным восхищением и теплотой во всех версиях своих мемуарных сочинений. Все литературные портреты Гершензона, вышедшие из-под пера Белого, рисуют – отражая при этом в полной мере привычное общее пристрастие мемуариста к гротеску и шаржу – едва ли не идеальный образ. Таких портретов у Белого три – в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века» (1922–1923), в некрологическом очерке «М.О.Гершензон» (1925) и в последней мемуарной книге «Между двух революций» (1933).

Первый мемуарный портрет был воссоздан еще при жизни Гершензона. В отдельной главе, ему посвященной, Белый, не жалея красок и экстравагантных метафорических уподоблений, в подробностях повествует о первом визите Гершензона к нему, предпринятом ради того, чтобы пригласить к сотрудничеству в критико-библиографическом журнале «Критическое Обозрение»: «Однажды в передней раздался звонок: попросили в переднюю (был еще ранний час, утренний); передо мною стоял очень маленький, очень нахмуренный, весь пережеженный какой-то, чернобороденький господинчик, лет, может быть, около пятидесяти, может быть, сорока, может быть, тридцати лишь пяти с прегустейшей растительностью цвета воронового крыла подбородка и щек (во не длинной), с густейшими очень содвинутыми бровями» – и т. д.: детальное описание внешности, сменяющееся передачей впечатлений от последовавшей беседы: «И тотчас же заторопился словами, не глядя в лицо мне, а глядя на горло (он ниже был ростом), всплескался,

всплевался, как вдруг закипевший кофейник, выбрасывающий вместе с темной струей душистого кофе кофейную гущу; и я растерялся (приход Гершензона ко мне был мне крайне приятен); и он растерялся <...> и подобно тому как горячий кофейник, закупорившись у носика гущею, не струит, только капает в чашку, хотя переполнен до краю он, после же изливает душистый свой дар благодатно и щедро, – так маленькая фигурка М.О.Гершензона сперва заявила сознанию моему о себе только гущей взволнованных звуков: и вдруг прямо хлынула – темной и жаркой струей приятнейшего для меня предложения: стать сотрудником “Обозрения” и написать в нем рецензию об одном из явлений, которое виделось мне хулиганским явлением; он поспешил заявить, чтобы я не стеснялся почтенностью тона “Критического Обозрения”, а написал в таком стиле, в каком я писал для “Весов”; и он прибавил, что он уж давно за статьями моими следит, соглашается с нашей “весовской” полемикой и весьма одобряет меня за нещадность и резкость по адресу литературной распушенности <...>¹.

В дальнейшем мемуарном изложении метафорика превращается в мифопозитику – Гершензон является в фантастическом образе: «...оказался он мудрым Мерлином, волшебником, где-то прозором увидевшим опасности, мне угрожавшие»; «встреча моя с Гершензоном мне памятна; раненный в битвах и все потерявший, нашел я пещеру волшебника; с этой поры стал я часто навещать к волшебнику, одарившему мудростью жизни совсем бескорыстно»². Гершензон-Мерлин предстает также «поваром самой культуры», «розенкрейцером нашего времени», духом горной местности Рюбецалем; Гершензон в сознании Белого – верховный жрец, дух-хранитель культуры и его собственный ангел-хранитель. В некрологическом очерке о Гершензоне Белый избегает прямых мифологических ассоциаций, однако по сути заявляет то же самое: «Когда я вспоминаю покойного, нервную и торопливую речь его, точно мгновенными молниями освещающую горизонты культуры, – я ею охвачен: опять и опять; изумление и благодарность, светлейшая радость и грусть во мне борются; грусть, что вот он, такой огненный, юный, всем нужный и всеми любимый, ушел: но во мне подымается радость, что я в продолженьи шестнадцати лет имел счастье выслушивать ряд указаний его, ряд советов; я видел его за работой, в семье; у него я учился; и черпал ряд импульсов, нужных весьма для работы моей. <...> Такой незатейливый, скромный порой до чрезмерности, неутомимо трудился в своем кабинетике он; вместе с тем – был таким он большим, тесно впаянным в сферу культурной работы России; он жил в своем времени, – был этим временем; был он порой атмосферой времени: личность его перешла в атмосферу, творимую им; и поэтому в смерти он жив; и она не прервет его цепи работ; он работает в нас своим светом и правдою»³.

Эти слова появились в печати в ту пору, когда уже было ясно, что несправедливого идеалиста и «веховца» Гершензона ожидают в советской сре-

¹ Андрей Белый. Начало века // ГЛБ. Ф.60. Ед.хр.12. Л.197-199.

² Там же. Л.199-200.

³ Андрей Белый. М.О.Гершензон // Россия. 1925. № 5(14). С.243, 244.

де лишь хула и забвение. Но Белый остался верен своим оценкам личности покойного друга и в начале 1930-х гг., совсем незадолго до того, как И.Лежнев, ответственный редактор журнала «Россия», поместившего его некролог о Гершензоне, назвал «грязным пасквилом» гершензоновскую статью в «Вехах» – «книге во всех отношениях позорной»⁴. Глава о Гершензоне в мемуарах «Между двух революций» по существу мало чем отличается от аналогичной главы в мемуарах, писавшихся десятью годами ранее в Берлине: изменение идейных акцентов – заметное, но весьма незначительное, общий абрис фигуры – тот же, моральный пафос – тот же, даже те же уподобления закипевшему кофейнику, Мерлину и Рубецалю.

Столь примечательное для Белого постоянство в характеристиках и оценках позволяет в данном случае заключить, что, по всей видимости, в своих литературных портретах Гершензона он верно передал общую тональность взаимоотношений с ним и событийную канву этих взаимоотношений – разумеется, с учетом подчеркнуто субъективного их освещения: как и многие другие современники, Гершензон для Белого – это «его» Гершензон, образ, в такой же мере вбирающий черты своего реального прототипа, в какой – и мифотворческие установки автора. Характерно, что этот индивидуальный подход по-своему внешне преломился в упорной неспособности – неумении, нежелании? – Белого правильно писать фамилию своего близкого знакомого и автора многих прочитанных книг и статей: Гершензон для Белого – «Гершенсон», и только; других начертаний этой фамилии в его автографах не встречается (в приводимых цитатах из Белого мы эту особенность не сохраняем).

Характерное для воспоминаний Белого ретуширование, а иногда и заведомое искажение реальных образов при достоверном – или по крайней мере не вступающем в резкие противоречия с документальными свидетельствами – освещении жизненных фактов, не подтверждается мемуарными портретами Гершензона. Образ в них запечатлен, видимо, таким, каким он отложился в сознании Белого, без продиктованных приводящими обстоятельствами коррективов, фактическая же сторона взаимоотношений отражена с существенными неточностями. Часть этих неточностей выявляется, в частности, благодаря переписке Белого и Гершензона, в целом лишь по касательной затрагивающей историю их общения, по преимуществу устного и визуального: оба писателя на протяжении длительного времени жили по соседству, в одном из арбатских переулков.

Переписка, прежде всего, дает иную картину знакомства Белого и Гершензона, чем та, которая представлена в мемуарных версиях. В ретроспективных автобиографических регистрационных записях начало общения отнесено к осени 1908 г.: «Знакомство с Гершензоном; сотрудничество в “Критическом Обозрении”» (октябрь 1908 г.)⁵; «знакомство и начало дружбы с

⁴ Лежнев И. Записки современника. Том I. Истоки. Изд. 2-е. М., 1935. С.153, 149.

⁵ Андрей Белый. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.3. Л.56.

Гершензоном; пишу рецензии для «Критического Обозрения»⁶. В «берлинской» редакции «Начала века» начало встреч с Гершензоном отнесено к зиме 1908–1909 г., а в «Между двух революций» – уже к ноябрю 1907 г.⁷ Эффектному эпизоду появления Гершензона в квартире Белого с предложением сотрудничества в «Критическом Обозрении», описанному в мемуарах, предшествовало, однако, эпистолярное знакомство: Гершензон еще 27 марта 1907 г. обратился к Белому с предложением написать рецензию для первого выпуска «Критического Обозрения», на которое тот ответил согласием (обращение в этих письмах «Милостивый Государь» говорит о том, что корреспонденты тогда еще не были лично знакомы⁸). Описанный в воспоминаниях визит Гершензона состоялся, вероятно, не ранее осени 1908 г., тогда же начались и регулярные личные встречи (в письме Гершензона от 20 октября 1908 г. при перечислении посетителей, которые были у него «в последние дни», упомянут и «Андрей Белый, поэт декадентский, очень милый и умный человек»⁹), но эти контакты явились продолжением уже установившихся прочных литературных связей.

В московском журнале «Критическое Обозрение», выходившем в 1907–1909 гг. (редактор-издательница Е.Н.Орлова, с вып. 6(11) за 1908 г. – Б.А.Кистяковский), Гершензон был не вседержителем (как может показаться по мемуарам Белого), а лишь редактором литературного отдела, одного из шести (философским отделом ведал Н.Д.Виноградов, экономическим – И.М.Гольдштейн, позднее П.П.Гензель, юридическим – Б.А.Кистяковский, естественно-научным – Н.К.Кольцов, историческим – Д.М.Петрушевский). Хотя Гершензон, связанный дружескими отношениями с Е.Н.Орловой, и был ее «фактическим соиздателем»¹⁰, материалы руководимого им отдела занимали в этом «профессорском» журнале сравнительно скромное место, к тому же отзывы на историко-литературные издания и на новинки современной литературы распределялись приблизительно в равной пропорции. Открытость Гершензона навстречу авторам из символистского круга выразилась в том, что среди рецензентов литературного отдела оказались Вяч. Иванов, В.Брюсов, Б.Садовской, В.Розанов; наиболее активным из них был Андрей Белый, поместивший в «Критическом Обозрении» 5 рецензий (всего же в литературном отделе журнала за три года его существования появилось немногим

⁶ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.45.

⁷ Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С.249.

⁸ Ср. такое же обращение в первом письме (от 7 декабря 1907 г.) Гершензона к К.И.Чуковскому (с предложением написать отзыв для «Критического Обозрения»), явно предшествовавшем их личному знакомству (История одной невесты, рассказанная в рецензиях и письмах М.О.Гершензона и К.И.Чуковского / Вступ. статья, комментарии и публикация писем И.Андреевой // Литературное обозрение. 1992. № 11/12. С.66).

⁹ Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места / Вступ. статья и примечания М.Цявловского. <Л.>, 1927. С.171.

¹⁰ Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива) // Записки Отдела рукописей <Российской гос. библиотеки>. Вып.50. М., 1995. С.32.

более 50 рецензий). Был напечатан в «Критическом Обозрении» и очень сочувственный отзыв о книге Андрея Белого «Пепел»; Гершензон заказал его Вячеславу Иванову¹¹. Все это, однако, не означает – как, опять же, можно заключить, если всецело довериться Белому, – что Гершензон в «Критическом Обозрении» готов был солидаризироваться с позициями символистских «Весов». Разделяя во многом полемический пафос Белого и сочувствуя его установкам в борьбе с «мистическим анархизмом» (см., например, письмо 11), Гершензон отказывался предоставлять страницы «Критического Обозрения» материалам «кружкового» характера, продиктованным обстоятельствами межфракционной литературной борьбы: он отверг отзыв Белого о «Трагическом Зверинце» Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, а также первоначальный вариант его рецензии на «Покрывало Изиды» Г. Чулкова – тексты, безусловно, насыщенные атмосферой внутрисимволистской полемики между «москвичами» («весовцами») и «петербуржцами». Факты, извлекаемые из переписки Белого и Гершензона, вновь не согласуются со словами, которые мемуарист влагает Гершензону в уста: «Переносите-ка ваши “весовские” пулеметы ко мне; продолжайте отсюда обстрел всех позиций»¹².

В мемуарах, описывая Гершензона в период издания «Критического Обозрения», Белый явно наделяет его чертами, лишь позднее сложившимися в целостный образ. Обозначенная в описаниях внешности возрастная неопределенность восполняется двойственностью общих характеристик: высокий моральный авторитет заставляет с первых дней знакомства воспринимать Гершензона как старшего наставника и едва ли не представителя поколения «отцов» (в реальности возрастная разница между ним и Белым составляла 11 лет), как маститого и почитаемого литератора, «написавшего прекрасные книги»¹³ (на деле же лишь в конце 1907 г. Гершензон, имевший за плечами более 170 публикаций¹⁴, издал две книги, получившие широкий общественный резонанс, – «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» и «История Молодой России»), – и в то же время это «юный, живой, темпераментный человек», и за неделю до смерти он «как всегда – молодой и кипучий»¹⁵. Гершензон для Белого одновременно – старец (мудростью, познаниями) и

¹¹ См.: Критическое Обозрение. 1909. Вып. II. С. 44–48. Гершензон просил Вяч. Иванова написать рецензию на «Пепел» в письме от 8 января 1909 г. (РГБ. Ф. 109. Карт. 16. Ед. хр. 9).

¹² Андрей Белый. Между двух революций. С. 253. Ср. интерпретацию тех же обстоятельств в некрологической статье Белого о Гершензоне: «В 1908–1909 годах редактировал он “Критическое Обозрение”; тогда ж предоставил страницы журнала он мне; в то время коснулись на нас, “символистов”, мое появление в журнале, наверное, ставило в очень неловкое положение М. О.: я писал без “цензуры” в журнале; он шел к нам навстречу – к непризнанным; был, вероятно, единственным он из “почтенных”, “весьма уважаемых критиков”, не побоявшимся нас, “молодых” и “дичайших” <...>» (Россия. 1925. № 5(14). С. 255).

¹³ Андрей Белый. Между двух революций. С. 250.

¹⁴ См.: Берман Я. З. М. О. Гершензон. Библиография. (Труды Пушкинского Дома АН СССР). <Одесса>, 1928.

¹⁵ Россия. 1925. № 5(14). С. 256, 252.

юноша (темпераментом, творческим пафосом): «...напоминал он священного скарабея Египта; такой он был старый старинною мудростью; вместе с тем жаром своим и всегдашним кипением был он как юноша, смело готовый искать вовсе новых путей – там, где более поздние поколения начинали бояться новаторства: он любовался каким-то квадратом Малевича, в супрематическом творчестве видя глубокую мысль; он же видел значение текста библиейского так, как его увидал бы современник великого Моисея; он есть совершенно прекрасный вполне богоизбранный вещий еврей, отдающий свои драгоценные силы творению русской культуры и объясняющий русским “дух” русского прошлого»¹⁶. На мемуарный портрет Гершензона – во всех его вариациях – ложатся отсветы образа, более всего волновавшего Андрея Белого в пореволюционный период его творческой деятельности, – образа профессора, гениального чудака и ученого-провидца; образа, воплощенного в декане Летаева («Преступление Николая Летаева», 1921; позднее – под заглавием «Крещеный китаец»), профессоре Коробкине («Москва», «Маски») и навеянного воспоминаниями об отце, профессоре Н.В.Бугаеве¹⁷; «патерналистское» начало проступает и в Гершензоне глазами Белого. Характерно, что некрологический очерк о Гершензоне Белый писал, отрываясь от работы над романом «Москва» (законченном в сентябре 1925 г.); характерно также, что образ «Гераклита Претемнейшего», к которому апеллирует профессор Коробкин¹⁸, возникает у Белого и в связи с Гершензоном: «...был с Гераклитом он физиком <...> Он учился у мира явлений в расплавленно-пламенных круговоротах текущего; “логос” его – Гераклитовский “логос” <...>»; он – «верный поклонник огня Гераклита»¹⁹.

«Сближение с Гершензоном» Белый ретроспективно датирует январем 1909 г., сентябрем того же года – «частые встречи с Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном»²⁰. Интенсивности общения способствовало топографическое соседство. «Он стал мне родным, – вспоминает Белый; – я утрами сюда заходил, чтобы поведать М.О. о насущных заботах своих: попросивши указаний, совета... М.О. откликнулся: и мыслью, и чувством, и волей к добру, в нем живой; так-то начали складываться отношения, которыми счастлив; пятнадцать лет ясных, сердечнейших отношений – не шутка!»²¹

¹⁶ Андрей Белый. Начало века. Л.205. Ср. оценку Гершензона, сформулированную В.В.Розановым: «Мих. Осипов. Гершензон к печали русской и стыду русских – лучший историк русской литературы за 1903–1916 гг. <...>» (Переписка В.В.Розанова и М.О.Гершензона. 1909–1918 / Вступ. статья, публикация и комментарии В.Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С.219).

¹⁷ См.: Иванов Вяч. Вс. Профессор Коробкин и профессор Бугаев. К жанровой характеристике романа «Москва» Андрея Белого // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С.11–28.

¹⁸ Андрей Белый. Московский чудаки. Первая часть романа «Москва». М., 1926. С.210.

¹⁹ Россия. 1925. № 5(14). С.245, 258.

²⁰ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.46об., 49об.

²¹ Андрей Белый. Начало века. Л.201.

Идейной доминантой этого сближения стал знаменитый сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», составленный по инициативе Гершензона и выпущенный в свет в марте 1909 г.²² К тому времени для Белого уже отошли в прошлое его «крайние» взгляды, характерные для периода революционного подъема, и «Вехи» послужили живым стимулом для того, чтобы публично отмежеваться от установок общественно-политического радикализма. В статье «Правда о русской интеллигенции» Белый решительно выступил против нападок на «Вехи», назвав сборник «замечательной книгой»: «...русская интеллигенция не может не видеть явной правдивости авторов и красноречивой правды слов о себе самой»; среди авторов «Вех» горячее сочувствие у него вызывает Гершензон, который «тысячу раз прав»²³. В мемуарах Н.Валентинова этой теме уделена специальная глава «Пленение А.Белого «Вехами» Гершензона», в которой автор – социал-демократ, в прошлом большевик – в подробностях описывает свой бурный спор с Гершензоном, происшедший на квартире Белого, вероятно, незадолго до выхода «Вех»: гневные инвективы Гершензона против революционной интеллигенции вызвали тогда, к изумлению Валентинова, молчаливое одобрение Белого. «Ведомый Гершензоном, и сменяя в конце 1908 г. вехи – а постоянно менять их отвечало его натуре, – Белый отвернулся от “общественности”, притягивавшей его в 1905 и 1907 гг. и почти весь 1908 г., – резюмирует Валентинов. – С революции он “сдирал” ее ореол, а с руководительницы ее – интеллигенции – “маски”. Взгляды, усвоенные от Гершензона, отразились в созданных после этого произведениях Белого – в небольшой доле в “Серебряном голубе”, в громадной – в “Петербурге”»²⁴. Приводя далее весьма значимую и ответственную фразу из предсмертных мемуаров Белого: «Гершензона считаю я

²² См.: К истории создания «Вех». Публикация В.Проскуриной и В.Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. Paris, 1991. С. 249–291; Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С.107-161.

²³ Андрей Белый. Правда о русской интеллигенции. По поводу сборника «Вехи» // Весы. 1909. №5. С.65–66, 67. 29 июня 1909 участник «Вех» А.С.Изгоев информировал Гершензона: «В №5 “Весов” есть хвалебная статья А.Белого» (Минувшее. Вып.11.Указ.изд. С.275). В книге «Течение Гольфстрема» В.Проскурина усматривает дополнительную причину появления энтузиастического отклика Белого в том, что «Вехи», по ее мнению, «вписывались в общий символистский литературный контекст, в котором полемика “московской” партии (В.Брюсов, А.Белый, Эллис, С.Соловьев) против “петербургских” изменников (А.Блок, Вяч.Иванов, а также идеолог “мистического анархизма” Г.Чулков), разлагающих теургическое творчество в политике и эротизме, приняла ожесточенный характер» (С.136).

²⁴ Валентинов Н. Два года с символистами. Под ред., с предисловием и примечаниями проф. Г.П.Струве. Stanford, California, 1969. С.214. См. также: Levin Arthur. Andrey Bely, M.O.Gershenzon and «Vekhi»: A Rejoinder to N.Valentinov // Andrey Bely. A Critical Review / Ed. by Gerald Janecek. Lexington, Kentucky, 1978. P.169-180.

крестным отцом романов моих»²⁵, – Валентинов заключает, что «перманентное, но мягкое давление» Гершензона на Белого заключалось главным образом в приобщении писателя к «веховской» идеологии.

Возникали, однако, и в эту пору идейного сближения Белого и Гершензона определенные антагонизмы между ними. Наиболее острый конфликт (законмерно обойденный вниманием в мемуарных свидетельствах Белого о Гершензоне) намечился после появления в «Весах» в авторской рубрике Белого «На перевале» его статьи «Штемпелеванная культура». В ней Белый, развивая на свой лад концепции Э.К.Метнера (близость с которым тогда была манифестирована совместным основанием издательства «Мусагет») и щедро цитируя его статью «Эстрада», противопоставляет высокие духовные начала культуры арийских народов современной нивелирующей, «штемпелеванной», «интернациональной» культуре, засилье которой объясняется следствием еврейской экспансии в европейскую культуру. Хотя статья Белого изобиловала оговорками о том, что «евреи – глубокоталантливый, способный и самобытный народ», что «среди еврейства есть отдельные личности <...> способные глубоко проникнуть в дух арийского творчества», что «упорство воли и страстность, свойственная семитской расе, проявляется у евреев в форсированном интересе одновременно к искусству всех культур»²⁶, – реакция на нее оказалась вполне предсказуемой.

В ретроспективных записях Белого о ноябре 1909 г. зафиксировано глухое сообщение: «Мои инциденты с Гершензоном и с Эфросом (Абрамом). Бойкот меня»²⁷. Содержание инцидента Белый раскрывает в позднейшем письме к Иванову-Разумнику (начало марта 1925 г.), написанном под знаком переживаний, вызванных кончиной Гершензона: «А ведь порою “какою китучкой” он был: раз на меня – натопап, накричал, почти выгнал от себя (за заметку “Штемпелеванная Культура”); я – смутился; и – внутренне сказал себе: “Заслужу прощение”... И – заслужил; дулся на меня два месяца; и после – вернул расположение; и как от “сердца” – кричал, так от “сердца” – простил; и весь этот случай между нами остался в моей памяти не как огорчение, а как – ей-Богу – светлое воспоминание, как “нежность” к Гершензону»²⁸. По всей вероятности, намек на объяснения с Белым по поводу «Штемпелеванной культуры» содержится в письме Гершензона к родным от 24 ноября 1909 г.: «На прошлой неделе сразу приехали Сологуб с женой и Андрей Белый. <...> Белый милейший юноша, очень талантливый, но немного сбитый с толку»²⁹. «Сбитый с толку» – эти слова весьма харак-

²⁵ Андрей Белый. Между двух революций. С.266.

²⁶ Бугаев Б. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. №9. С.76.

²⁷ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.50об.

²⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С.312.

²⁹ Гершензон М.О. Письма к брату. С.173. Возможно, к упоминаемой встрече относится недатированная записка Гершензона Белому: «Дорогой Борис Николаевич, ежели Вы сегодня не заняты, не зайдете ли? Я простужен, уже не-

терны для Гершензона, неизменно принципиального и последовательного в отстаивании своих убеждений, но при этом готового понять своего оппонента, осмыслить психологическую подоплеку или приводящие обстоятельства, определившие занятую им позицию (показателен в этом отношении эпистолярный диалог Гершензона с Розановым, со всей остротой затрагивающий все тот же «еврейский вопрос»). Вероятно, и сам Белый признал, что в данном случае он «сбился с толку»: формируя книгу статей «Арабески» (запись об этом в «Ракурсе к Дневнику» непосредственно соседствует с сообщением об «инциденте с Гершензоном»), вобравшую в себя большинство статей из «весовского» раздела «На перевале», он «Штемпелеванную культуру» туда не включил – утяг критика Гершензона и других «многих друзей из евреев», а также пережив позор от похвал статье «в черносотенном круге»³⁰. Идеи, продиктованные «Штемпелеванную культуру», в какой-то мере довели над сознанием Белого и – явно или подспудно – сказывались и в других его произведениях³¹, однако, касаясь этого вопроса, не приходится подвергать сомнению искренность писателя в его позднейших мемуарных записях «К материалам о Блоке» (1921) – сделанных для себя и не предназначенных для печатного воспроизведения – о раннем «мусagetском» периоде: «...я, инспирированный Метнером в эти месяцы, переживал нечто вроде “*юдобоязни*” (скверная болезнь, быстро прошедшая); это – эпоха моей заметки “*Штемпелеванная культура*”»³².

Скоротечность описанного инцидента сказалась и в том, что Белый не раз пытался привлечь Гершензона к сотрудничеству в «Мусагете». Правда, выпустить в «Мусагете» его книгу не удалось (см. письмо 14), однако Белый надеялся на участие Гершензона в «мусagetском» сборнике, прообразом которого мыслились всё те же «Вехи». 2 октября 1910 г. Белый писал Э.К.Метнеру: «Вчера обсуждали очень на мой взгляд интересный пункт: выпустить громовый сборник, написанный на самую горячую тему, который так же вошел бы в сознание общества, как “Вехи”, разошедшиеся в 15000 экземпляров <...> И не будет компромиссом, если в роли чужих пригласить (“имена”) Мережковского, Поссе (общественник-синдикалист), Бердяева (“Вехи”), Гершензона (“Вехи”), Эрна <...>; рассматривая Вас, Вячеслава, Элписа, меня как своих»³³. Замысел этот растворился в воздухе – как, впрочем, и многие другие «мусagetские» начинания.

делю не выхожу. У меня верно будет Ф.К.Сологуб. Ваш М.Гершензон» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.170).

³⁰ Андрей Белый. Начало века // ГПБ. Ф.60. Ед.хр.13. Л.87.

³¹ См.: Безродный М. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. №28. С.100-125; Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С.277-278; Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С.72-74.

³² Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.462.

³³ РГБ. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.18. Вячеслав – Вяч.И.Иванов.

Новый этап интенсивного общения Белого с Гершензоном начинается с осени 1916 г. – со времени возвращения Белого в Москву после длительного пребывания за границей, в антропософской среде. Белый фиксирует постоянные встречи с Гершензоном, начиная с сентября 1916 г.; в записях об октябре 1916 г. отмечает: «Выстаиваются, так сказать, мои частые посещения: 1) Гершензона (дружба), 2) Булгакова»³⁴. В те же месяцы Белый читает «философские статьи Гершензона»³⁵ (в другой записи о сентябре 1916 г.: «Читаю книгу Гершензона»³⁶ – какую, неясно), 16 января 1917 г. присутствует на публичной лекции Гершензона «Мудрость Пушкина»³⁷. В последнюю декаду сентября 1916 г. Белый знакомит Гершензона со своим новым романом – «Котиком Летаевым»: «Чтение “Котика” у Гершензона с беседой»³⁸. Свое восторженное отношение к роману Белого Гершензон выразил в «Заметках о Пушкине» («Л. Недра»), опубликованных в «Биржевых Ведомостях» за 30 декабря 1916 г. (№ 16010) и позже перепечатанных в его книге «Мудрость Пушкина» (под рубрикой «Пушкин и мы»). «Быть может, впервые нашелся человек, задавшийся дерзкою мыслью подсмотреть и воспроизвести самую стихию человеческого духа, – так характеризует Гершензон художественную сверхзадачу “Котика Летаева”. – <...> если искусство никогда не довольствовалось изображением внешних проявлений духа, если оно во все века стремилось вскрывать глубины, – то в сердцевину, в огненный центр бытия, никто не пытался проникнуть, по крайней мере сознательно. Андрей Белый – первый художник, который поставил себе эту цель. <...> То, что мы называем иррациональным в духе, показано нам здесь непосредственно ad oculos, само по себе, а не чрез периферические свои проявления. Скульптор должен знать анатомию, но он показывает нам игру мускулов под кожей; Андрей Белый удалил кожу, мышцы, он вскрыл страшные и безобразные недра, – они лежат открытые пред нами и живые, в своей ужасной змеиной подвижности. <...> Нужно ли показывать недра? Мы до сих пор не умели и не хотели их видеть; если нашелся человек, который умеет, значит, это нужно, значит, пришел срок нам их видеть»³⁹.

Размышляя о «Котике Летаеве», Гершензон исходит из тех иррациональных постулатов собственного мироощущения, которые находят множество соответствий в представлениях Андрея Белого о мире, человеческом

³⁴ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.82об.

³⁵ Там же. Л.82.

³⁶ Андрей Белый. Работа и чтение // РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6.

³⁷ См. письмо Гершензона к родным от 17 января 1917, в котором, в частности, сообщается, что после лекции «вернулись домой с Шестовым, Белым, Шпеттом и пили чай до начала 2-го» (Гершензон М.О. Письма к брату. С.180).

³⁸ Андрей Белый. Жизнь без Аси // РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1. Не исключено, что Гершензон присутствовал и на авторском чтении «Котика Летаева» у Григоровых 16 октября 1916 (см. письмо Белого к Г.Г.Шпету от 15 октября 1916 // Начала. 1992. №1. С.63. Публикация М.Г.Шторх).

³⁹ Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С.86-87. В.Проскурина (Течение Гольфстрема. С.300-301) отмечает сходство гностической картины мира, нашедшей отражение в «Котике Летаеве», с мировидением Гершензона.

самосознании и стихии творчества. Доскональный анализ параллелей в творчестве и мировосприятии Белого и Гершензона еще ждет своего исследователя; здесь же отметим лишь некоторые направления, по которым такой анализ может пойти. И Белый и Гершензон, безусловно, воспринимали мир «под знаком Гераклита» (характерно в этом отношении уже упомянутое соотношение Гершензона с Гераклитом у Белого); в «гераклитианской» книге Гершензона «Гольфстрем» утверждается целый ряд положений, созвучных философско-эстетическим построениям Белого: идея «расколдования» поэтического слова, выявления в нем метафизических архетипов, этимологическо-космологические выкладки (сходные с предпринятыми Белым в «поэме о звуке» «Глоссосолалия»), обнаружение в «истине, познанной пращурами», «несознаваемой основы нашего самосознания», и т. д.⁴⁰ Гершензон, как и Белый, стремится к постижению древней «темной мудрости» в ее нерасчлененности на «самостоятельные ряды познаний», отстаивает идею «космически-открытого» сознания, утверждает сущность религии в «космически-правильном поведении человека»⁴¹. Подобно Белому, видевшему истоки кризиса современной цивилизации в постепенной утрате ренессансного гармонического знания и мировидения, Гершензон говорит о переломе (явном с середины XVI века), приведшем к самочинности науки и техники («их уже не движет целостный дух в очарованном восхождении <...> не вверх к всецелому совершенству, а горизонтально в пустую даль»), к торжеству «самодовлеющего метода», к современному человеку, увлеченному «раздельным знанием и умением» и позабывшему «общий смысл своего жизненного дела»⁴². Идеиные созвучия наглядно проявляются даже в названиях произведений обоих мыслителей: создававшемуся в конце 1910-х гг. четырехчастному циклу философских эссе Андрея Белого «На перевале» («Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры», «Кризис сознания») соответствует лекция Гершензона «Кризис современной культуры», прочитанная в Киеве 29 марта 1917 г.⁴³

Сходство мироощущений Белого и Гершензона с особенной отчетливостью обозначилось после Февральской революции, обоими встреченной с большим духовным подъемом. Продолжают их частые встречи (например, 1–11 апреля 1917 г.: «Митинги. Беседы с Гершензоном»⁴⁴), дискуссии о современных политических событиях с московскими философами и писателями, в ходе которых Гершензон и Белый ощущают себя единомышленниками и «единочувственниками». «...Я видел, – вспоминает Белый, – как резко покойный Михаил Осипович, отмежевываясь, доходил до словесных раз-

⁴⁰ Гершензон М. Гольфстрем. М., 1922. С.26, 133-149, 153.

⁴¹ См.: Гершензон М. Ключ веры. Пб., 1922. С.62, 118-121.

⁴² Гершензон М. Тройственный образ совершенства. М., 1918. С.62, 64, 92.

⁴³ См.: Минувшее. Вып.11. Указ.изд. С.232-248.

⁴⁴ Андрей Белый. Жизнь без Аси // РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1. Ср. свидетельство Гершензона в письме к брату от 13 января 1918: «У нас бывают чаще всего Л.Шестов и А.Белый <...>» (цит. по: Проскурина В. Течение Гольфстрема. С.404).

рьвов с одними, до охлаждений – с другими из бывших “попутчиков” <...> Покойный в те дни не боялся огня; он, как старый гераклитианец, стоял с революцией <...>⁴⁵. Полностью доверять характеристикам Гершензона в революционную эпоху, которые дает Белый, однако, не приходится: сочинялись они с трезвым расчетом на публикацию в Советской России и соответственным образом модифицировались. Революцию Гершензон понимал и принимал с позиций эсхатологического мистицизма⁴⁶ – опять же, весьма близких тогдашним установкам Белого, с упоением погружавшегося в гибельную «буревую стихию», – и видел в происходящем прежде всего неизбежное следствие накопления кризисных, тушиковых начал в современной цивилизации; обращенность его к революции была продиктована исключительно осознанием всемирно-исторического масштаба переживаемого явления: «От исторических гроз нельзя прятаться. Я сказал бы каждому в наши грозные дни: смотри каждый широко раскрытыми глазами, не отвращая твоего лица от зрелища мировых судеб, чтобы и ты узнал то, чему оно учит»⁴⁷.

Определившееся в первые пореволюционные годы расхождение Гершензона со многими ранее близкими ему людьми способствует все большему сближению с Белым. «...Мне наиболее по пути с Белым», – признается он в письме к С.М.Алянскому (20 февраля 1922 г.)⁴⁸, выражая готовность участвовать в созданном по инициативе Белого журнале «Записки мечтателей» (в 5-м выпуске «Записок мечтателей» появились статьи Гершензона «Демоны глухонемые» и «Солнце над мглой» – рядом положений и своей афористической стилистикой, опять же, соотносимые с произведениями Белого тех лет). Их общение продолжилось в Берлине, где Белый прожил около двух лет и куда приехал Гершензон: в августе 1923 г. он, Белый и Ходасевич встречались почти ежедневно⁴⁹; возобновилось в Москве, куда возвратился Белый осенью 1923 г.⁵⁰

В Москве Белый очень скоро ощутил себя литературным изгоем, и это ясно осознал Гершензон, с горечью писавший Л.Шестову: «Белого давно не видел, – его и никто не видит; он прочитал очень неудачно публичную лекцию о Берлине и русской эмиграции там – вероятно, только по нужде, чтобы получить несколько денег. Печататься ему невозможно, значит и жить нечем» (15 февраля 1924 г.); «...вернулся – его встретили с полным равнодушием, и теперь – точно его нет. Обидно за него; он это верно больно чувст-

⁴⁵ Россия. 1925. № 5(14). С.257.

⁴⁶ См.: Проскурина В. Течение Гольфстрема. С.402-403.

⁴⁷ Гершензон М.О. Кризис современной культуры // Минувшее. Вып.11. Указ. изд. С.248.

⁴⁸ Цит. по: Проскурина В. Течение Гольфстрема. С. 345.

⁴⁹ См. предисловие И. Андреевой к публикации переписки В.Ф.Ходасевича и Гершензона (De Visu. 1993. №5(6). С.16).

⁵⁰ 6 ноября 1923 г. Гершензон писал Л.И.Шестову: «А.Белый приехал дней десять назад <...>. Одет с иголки, радуется на все здешнее, как ребенок» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.291. Публикация А.д'Амелия и В.Аллоя).

ует, да и в самом деле безобразно: чем провинился перед публикой?» (3 мая 1924 г.)⁵¹. Сходное ощущение все более углубляющегося разрыва с современной литературной действительностью должен был тогда переживать и Гершензон – и не только как мыслитель-идеалист в окружении воинствующих материалистов: его историко-литературный метод, направленный к постижению духовного облика писателя, отвергали в равной мере и официозные социологи-марксисты, и неофициальные «властители дум» формалисты⁵².

В тесном жизненном и творческом общении с Андреем Белым прошли последние недели жизни Гершензона. Белый (зафиксировавший в записях о январе 1925 г.: «Помнится, этот месяц перечитывал книга за книгой Гершензона»⁵³) пересекается с Гершензоном в любимой и сокровеннейшей его теме – в истолковании Пушкина. «Перед самой смертью Гершензона, – записал Белый, – бываю у него, читаю ему отрывки “Москвы”⁵⁴. Он уговаривает меня прочесть лекцию о Пушкине. Работаю над Пушкиным»⁵⁵. Лекция Андрея Белого «Пушкин и мы» состоялась 11 февраля 1925 г. в Государственной Академии Художественных Наук (одним из руководителей которой был Гершензон). Об этом событии Гершензон информировал Л.Шестова: «...в Акад<емии> Худ<ожественных> Н<аук> был Пушкинский вечер, годовщина смерти, – и речь говорил Б.Н., 1 1/2 часа. Были опасения, что он ляпнет что-нибудь неподходящее, как с ним бывает, но он был корректен, говорил хотя не очень вдохновенно, но интересно»⁵⁶. В некрологической статье о Гершензоне Белый пересказал последний свой разговор с ним, состоявшийся по поводу этой лекции: Гершензон развивал «дружескую критику», убеждая Белого больше отдаваться своей фантазии, не робеть перед пушкинистами («Вы ж испугались: и не были – Белым... Напрасно...»)⁵⁷.

Как явствует из сохранившегося и ныне опубликованного пространного текста (озаглавленного: «Пушкин: план лекции»)⁵⁸, отдаваться собственной

⁵¹ Минувшее: Исторический альманах Вып.6. Указ. изд. С.295-296, 300. Ср. сообщение в письме Гершензона к Ходасевичу от 17 августа 1924 г.: «Бор<иса> Ник<олаевича> за зиму почти совсем не видел» (De Visu. 1993. №5(6). С.35-36).

⁵² См.: Серман И. Михаил Гершензон // История русской литературы. XX век. Серебряный век. М., <1995>. С.270.

⁵³ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.120.

⁵⁴ О первых главах романа «Москва» Гершензон отозвался в письме к Л.И.Шестову от 14 февраля 1925 г.: «Б.Н. читал весь вечер, ты знаешь, что я его обожаю, – мне очень понравилось; глубоко задумано и великолепно на мой взгляд вырисовано; язык прежний, как в “Пет<ербурге>”» (Минувшее. Вып.6. Указ. изд. С.311).

⁵⁵ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.120об. Вдова Белого К.Н.Бугаева также отмечает (в письме к Д.Е.Максимову от 31 декабря 1936 г.), что Белый прочел доклад о Пушкине «по настоянию М.О.Гершензона» (ГПБ. Ф.1136. Ед. хр.16).

⁵⁶ Письмо от 14 февраля 1925 г. // Минувшее. Вып.6. Указ. изд. С.311.

⁵⁷ Россия. 1925. №5(14). С.253.

⁵⁸ См.: Malmstad John E. Silver Threads among the Gold: Andrei Belyi's Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Sil-

фантазии Белому в этом случае невольно препятствовал сам Гершензон: именно его книге «Мудрость Пушкина» обязан был лектор не только заглавием своей лекции («Пушкин и мы» – раздел книги, где речь идет о Пушкине и о «Котике Летаеве»), но и целым рядом развиваемых в ней положений. Для Белого гершензоновское «исследование о Пушкине – больше поэма о Пушкине, а не итог изучения стиля и образов»⁵⁹; образы этой «поэмы» Белый подхватывает и варьирует на свой лад: «Верно говорит Гершензон: “Иное произведение Пушкина похоже на те загадочные картинки для детей, когда нарисован лес, а под ним напечатано: ‘Где тигр?’ . Очертания ветвей образуют фигуру тигра; однажды разглядев ее, потом видишь ее уже сразу и дивишься, как другие не видят”. И далее вскрывает идею “Станционного зрителя”»⁶⁰. «Тигр», не видный в образе «леса», оказывается для Белого ключом к интерпретации личности и творчества Пушкина: гершензоновская параллель служит ему и в осмыслении истории освоения творчества Пушкина («дорога от “леса” к “тигру” есть дорога от Белинского через Писарева, Чернышевского, Достоевского к нашему времени; лишь теперь мы все сошлись, что кроме “ясных” образов Пушкина есть еще “тигр”, смысл, углубляющий образы Пушкина безмерно; мы еще ищем “Тигра”; мы знаем: он – есть; но прочтеть его еще не дано нам»), и в толковании многосоставности личности Пушкина (в одном аспекте он – «лес», в другом – «тигр»), и в обнаружении несовпадений между внутренним смыслом того или иного пушкинского текста и его «внешней поверхностью» («Получается противоречие между “лесом” и “тигром”»)⁶¹, и в ряде других аспектов. Вслед за Гершензоном, утверждавшим (в той же заметке по поводу «Котика Летаева»), что Пушкин «умел видеть огненное ядро духа, но не раскрывал «недр», а только давал «внутренним напряжениям просвечивать» сквозь «естественные покровы»⁶², Белый говорит о задачах вскрытия пушкинских «недр»: «В том, что волновало его недра, был он нем, участь “темному языку” стихий русской действительности; с нами он был бы откровеннее, но откроется он весь – в будущем»⁶³.

Скоропостижную кончину Гершензона 19 февраля 1925 г. Белый воспринял как тяжелейшую жизненную утрату: «Катастрофическая смерть Гершензона – удар. Умер в Москве последний “старший друг”. Больше мне в Москве не на кого опираться»⁶⁴. О том, какое значение имел для него Гершензон, Белый вскоре подробно написал другому своему близкому другу, Иванову-Разумнику, рассказав и о похоронах, и о своей пушкинской лек-

ver Age. Ed. by B.Gasparov, R.P.Hughes, and I.Paperno. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1992. P.431-482.

⁵⁹ Россия. 1925. №5(14). С.250.

⁶⁰ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.444; Гершензон М. Мудрость Пушкина. С.122.

⁶¹ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.445, 450, 462.

⁶² Гершензон М. Мудрость Пушкина. С.89.

⁶³ Cultural Mythologies of Russian Modernism. P.447.

⁶⁴ Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.120об.

ции⁶⁵; написал мемуарную статью-некролог «М.О.Гершензон» для журнала «Россия», а также и своего рода интимный некролог – в виде большого письма к вдове покойного. «...Смерть его как-то всколыхнула; почувствовалось – еще одно упраздненное место на “жизненном пиру”, – признавался Белый Иванову-Разумнику. – В эпоху 1908–1910 годов и в эпоху 1916–1917-го не было недели, чтобы я не сбегал к покойному: тащил ему свои мысли, работы; ходил к нему – “просто так”, посидеть; и вот недавно еще – вдруг с неудержимую силою потянуло к Михаилу Осиповичу после почти годового “невиданья”; просидел с ним 3 вечера; и точно – простился...»⁶⁶.

25 писем Андрея Белого к М.О.Гершензону хранятся в архиве Гершензона в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф.746. Карт.28. Ед.хр.25).

11 писем М. О. Гершензона к Андрею Белому хранятся в архиве Андрея Белого там же (РГБ. Ф.25. Карт.14. Ед.хр.3).

В настоящую публикацию не вошли несколько недатированных писем обоих корреспондентов (в основном это – записки, событийная подоплека которых неясна, а хронологическая атрибуция затруднительна).

В приложении печатается письмо Андрея Белого к вдове Гершензона М.Б.Гершензон (РГБ. Ф.746. Карт.47. Ед.хр.25).

1. Гершензон – Андрею Белому
27 марта 1907 г. Москва¹.

27 марта 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой написать небольшой (в 1 – 1 1/2 печ. стр.) отзыв о «Посолони» А.М.Ремизова² для «Крит<ического> Об<озрения>», которое будет выходить в Мо-

⁶⁵ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.311-313. Ни в этом письме Белого, ни, разумеется, в официальных некрологах не нашел отражения знаменательный эпизод, случившийся на похоронах, о котором сообщается в дневниковых записях Н.С.Ашуккина (22 февраля 1925 г.): «При выносе гроба из Академии, случайно прямо на процессию шел отряд пионеров с барабанным боем. Люди из похоронного бюро делали им знаки идти правее, но те или не понимали, или не желая понять, шли с барабаном прямо на гроб» (Ашуккин Н. Заметки о виденном и слышанном / Публикация и комментарии Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. №33. С.234).

⁶⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.312-313.

в Москве с апреля сего года. Вы чрезвычайно обязали бы этим редакцию «Крит<ического> Об<озрения>».

С уважением

М.Гершензон.

P.S. Не откажите, пожалуйста, сообщить, можем ли рассчитывать на Вашу рецензию.

¹ Письмо на бланке журнала «Критическое Обозрение» (Большая Никитская, дом Семеновича, кв.16).

² О взаимоотношениях Гершензона с Алексеем Михайловичем Ремизовым (1877–1957), завязавшихся незадолго до написания настоящего письма, см. в публикации писем Ремизова к Гершензону (Река времен. Кн.3. М., 1995. С.156-174. Публикация Т.М.Макагоновой).

2. Андрей Белый – Гершензону
28 марта 1907 г. Москва¹.

Милостивый Государь Михаил Осипович,
я согласен написать отзыв о «Посолони» А.М.Ремизова для «Критического Обозрения». Постараюсь доставить мой отзыв в течение этой или будущей недели².

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев.

Москва 28 марта 1907 года.

¹ Ответ на п.1. Помета Гершензона: «От Андрея Белого».

² Рецензия Белого на книгу А.М.Ремизова «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып.1. С.34-36).

3. Гершензон – Андрею Белому
28 августа 1907 г. Москва¹.

28 авг. 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Не найдется ли у Вас чего-нибудь готового для 3-го вып<уска> Крит<ического> Обозр<ения>? В моем отделе есть свободных 2-3 стр., и рецензия по худож<ественной> литературе была бы кстати. Если нет готового, не напишете ли к 1-му, 2-му сент<ября>? – Если

Вы захотите воспользоваться этими страницами, чему я был бы очень рад, то не откажите вперед известить меня, о чем Вы хотите писать, на случай, если о данной книге уже есть или обещана рецензия.

С почтением

М.Гершензон.

Ответ прошу Вас либо дать посланному, либо прислать мне (Поварская, Борисоглебский пер., д. Балашевой).

¹ Письмо на бланке журнала «Критическое Обозрение».

4. Андрей Белый – Гершензону
28 или 29 августа 1907 г. Москва¹.

Милостивый Государь Михаил Осипович!

Я могу написать к 2-ому – 3-ьему сентябрю 1) об «Истлевающих Личинах» Ф.Сологуба². 2) Прилагаю с письмом рецензию на «Трагический Зверинец» Зиновьевой-Аннибал³. Рецензия весьма неодобрительная, и потому в органе нового искусства в «Перевале» не согласились ее напечатать⁴. Я же считаю нужным в настоящее время подробно останавливаться на дефектах творчества «новых» писателей, так как в настоящее время они пережили путь самоопределения и вступают на широкую арену литературной жизни. Если бы Вы уведомили меня о том, что считаете неудобным напечатать мой неодобрительный отзыв, я бы мог дать рецензию о «Снежной Маске» А.Блока⁵.

Остаюсь искренне уважающий

Борис Бугаев.

¹ Ответ на п.3. Помета Гершензона: «Андрей Белый».

² Рецензия Андрея Белого на книгу рассказов Федора Сологуба «Истлевающие личины» (М., «Гриф», 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып. III. С.27-29).

³ Имеется в виду книга рассказов Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1866–1907) «Трагический зверинец» (СПб., «Оры», 1907). Рецензия на нее Андрея Белого осталась неопубликованной, текст ее неизвестен. Возможно, что Белый воздержался от попыток опубликовать рецензию вследствие неожиданной кончины писательницы, жены Вяч.Иванова, от скарлатины, последовавшей 17 октября 1907 г. Белому принадлежит некро-

лог «Зиновьева-Аннибал» (Правда жизни. 1907. №1, 26 октября. Подпись: А.Б-ый).

⁴ В московском журнале «Перевал», однако, ранее была помещена весьма критическая рецензия Белого на повесть Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» (1907. №5. С.53).

⁵ Рецензия Белого на книгу А.Блока «Снежная Маска» (СПб., «Оры», 1907) не появилась ни в «Критическом Обозрении», ни в каком-либо ином печатном органе.

5. Гершензон – Андрею Белому
29 августа 1907 г. Москва¹.

29 авг. 1907 г.

Милостивый Государь Борис Николаевич,

Пользуюсь Вашим разрешением и прошу, вместо этой, другую рецензию – об «Истл<евающих> личинах» Сологуба. Ваша заметка о «Траг<ического> Зв<еринце>», не касаясь ее характера, уже потому не подходит для «Крит<ического> Об<озрения>», что она обращена лицом не к читателю, а к автору. Ее с интересом прочтет пишущий народ – петербургский кружок² да два десятка человек в Москве, но читателю, чуждому борьбе литературных направлений, она мало даст. Это все, повторяю, не касается Вашего отношения к книге. Я не читал «Траг<ического> Зв<еринца>» и не могу судить.

Итак, буду ждать рецензии о Сологубе, размером в 2-3 страницы «Крит<ического> Об<озрения>», и, если возможно, ко 2-му числу. В этой же книжке идет заметка Е.В.Аничкова о «Мелком бесе»³. Если хотите предварительно ознакомиться с нею, чтобы, может быть, не говорить о тех сторонах Сологуба, которые характеризует Аничков, я могу ее Вам прислать.

С почтением М.Гершензон.

¹ Ответ на п.4. На бланке журнала «Критическое Обозрение».

² Подразумевается, прежде всего, круг литераторов, объединенных вокруг Вяч.Иванова и его издательства «Оры», – основной объект критико-полемических выступлений Белого в то время.

³ Евгений Васильевич Аничков (1866–1937) – историк литературы, фольклорист, критик; был близок к кругу петербургских модернистов. Его рецензия на роман Федора Сологуба «Мелкий бес» (СПб., 1907) была опубликована в «Критическом Обозрении» (1907. Вып. III. С.29-33).

6. Гершензон – Андрею Белому
28 ноября 1907 г. Москва.

28 ноября 1907 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Нет ли у Вас какой-нибудь *готовой* рецензии – художеств^{ен}-ного свойства? Или не напишете ли сегодня-завтра? Есть пара страниц, свободных в Литер^{атурном} Отд^{еле}, – не пожелается ли воспользоваться ими? Вы сделали бы мне этим удовольствие.

С почтением М.Гершензон.

P.S. В этом выпуске по худож^{ественной} части будет только один отзыв – В.И.Иванова о «Цветах и ладане»¹.

¹ «Цветы и ладан» (М., 1907) – первая книга стихов Сергея Соловьева. Рецензия Вяч.Иванова на эту книгу не появилась ни в «Критическом Обозрении», ни в каком-либо другом издании.

7. Андрей Белый – Гершензону
28 или 29 ноября 1907 г. Москва¹.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович,

Я могу написать рецензию о только что вышедшем сборнике стихов Ивана Новикова². Но ввиду того, что до субботы³ я *обязан* написать статью о Мережковском для «Весов» и закончить давно обещанный фельетон, я не могу приготовить рецензию ранее понедельника, вторника⁴.

Остаюсь глубокоуважающий Вас Борис Бугаев.

¹ Ответ на п.6; датируется по связи с ним.

² Имеется в виду «Духу святому. Первая книга стихов» (М., «Гриф», 1908) прозаика и поэта Ивана Алексеевича Новикова (1877–1959). Рецензия Белого на эту книгу, видимо, написана не была.

³ 1 декабря.

⁴ 4 и 5 декабря. Белый упоминает свою статью «Трилогия Мережковского» (Весы. 1908. №1. С.73-81). В пятом выпуске «Критического Обозрения» за 1907 г. появилась (С.32-35) рецензия Белого на «Пути и Перепутья. Собрание стихов. Т.1» Валерия Брюсова (М., «Скорпион», 1908). Ср. ретроспективные записи Белого, характеризующие декабрь 1907 г.: «Москва. Усиленно работаю: <...> Спешно пишу 2 статьи: “Мережковский” (для “Весов”), “Далай-Лама из Сапожка” (для “Весов”); пишу фельетоны “Город” (статейка), “Радужный город” (стат^{ья})» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.42).

8. Андрей Белый – Гершензону
Октябрь 1908 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович, я чрезвычайно извиняюсь, что задержал рецензию¹; но эти дни приходилось с утра до вечера работать над исправлением конкурсных переводов с Олениной-д'Альгейм². У меня буквально не было ни одной минуты свободной. Думая, что рецензия не сейчас нужна Вам, я оставил ее неисправленной.

Посылаю так.

Еще раз извиняюсь, Михаил Осипович, за неисправность.
Остаюсь искренно уважающий Вас

Б.Бугаев.

¹ Подразумевается рецензия на книгу Александра Блока «Земля в снегу. Третий сборник стихов» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1908), опубликованная в «Критическом Обозрении» (1908. Вып. VI (XI). С.33-36; этот номер журнала появился в конце октября 1908 г.).

² Мария Алексеевна Оленина-д'Альгейм (1869–1970) – камерная певица (меццо-сопрано), чрезвычайно высоко почитавшаяся Андреем Белым; вместе с мужем, бароном Пьером д'Альгеймом, основала в 1908 г. в Москве «Дом Песни», в деятельности которого Белый принимал активное участие. Речь идет о конкурсных переводах вокального цикла Франца Шуберта «Прекрасная мельничиха» («Die schöne Müllerin») на стихи Вильгельма Мюллера. Ср. записи Белого о ноябре 1908 г.: «В Москве с головой ухожу в изучение конкурсных номеров на перевод “Die schöne Müllerin” (52 переводов); ряд заседаний жюри конкурса (М.А.Оленина, Н.К.Метнер, Серг.Ив.Танеев, я, против Гречанинова, Круликова, Энгеля, Кашкина). Переделка текста выбранных переводов поручается мне; много сижу над нею: споры с бар<оном> д'Альгеймом из-за переделки: умываю руки и бросаю работу» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.45).

9. Андрей Белый – Гершензону
Конец ноября 1908 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович!

Приношу Вам мое искреннее сожаление и извинение в том, что позволил себе неаккуратность, не дав к 25-ому рецензии на книгу Чулкова¹. Но все это время мне буквально не дали свободно дышать. У меня не было ни минуты свободного времени (поручения,

хлопоты, срочные рефераты). К довершению всего сегодня узнаю, что 5-го декабря читаю лекцию², к которой я еще вовсе не подготовился (еще не начинал писать). С приездом Мережковского возникают еще дела в религ<иозно>-филос<офском> обществе и фил<ософском> кружке³.

Ввиду всего этого еще раз приношу извинение: я не могу написать рецензию о Чулкове к ближайшему №.

Верьте, что это не только небрежность, но еще и неумение справиться с набр<анной> работой. Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

¹ Имеется в виду книга прозаика, поэта, критика, теоретика «мистического анархизма» Георгия Ивановича Чулкова (1879–1939) «Покрывало Изиды. Критические очерки» (М., изд. журнала «Золотое Руно», 1909). Рецензия Белого на нее появилась в «Критическом Обозрении» (1909. Вып. I. С. 38–41).

² Лекция Андрея Белого на тему «Ритм жизни и современность» состоялась в помещении Политехнического общества 10 декабря 1908 г. См. объявление с изложением программы лекции: Русские Ведомости. 1908. № 285, 9 декабря. С. 1.

³ Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфoв приехали в Москву в конце ноября 1908 г. (11 ноября Filosoфoв извещал Белого: «26-го ноября мы будем в Москве» // РГБ. Ф. 25. Карт. 24. Ед. хр. 16); 28 ноября Мережковский прочел лекцию «Поэт сверхчеловечества» (о Лермонтове) на заседании Религиозно-философского общества в Большой новой аудитории Политехнического музея; Белый участвовал в последовавших прениях (см.: Русские Ведомости. 1908. № 277, 29 ноября. С. 4). Ср. записи Белого о ноябре 1908 г.: «...меня выбирают в члены Совета Моск<овского> Рел<игиозно> Фил<ософского> Общества <...> приезд Мережковских – трепка, при, собрания с ними: у меня, Морозовой, у них» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л. 45об.).

10. Андрей Белый – Гершензону
Конец ноября 1908 г. Москва¹.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович,
я ужасно хотел бы, чтобы Вы зашли ко мне, если можно сейчас. Вы ужасно обрадовали бы меня. К моей просьбе присоединяется Д. С. Мережковский. Он у меня сейчас. Он очень хотел бы Вас повидать².

Если бы Вам нельзя было зайти сейчас ко мне, то Д.С. очень просит Вас зайти к нему (Hôtel National) (дома он в 2 часа).

Остаюсь глубокоуважающий Б.Бугаев.

¹ Написано на визитной карточке.

² Возможно, об этой встрече Белый упоминает в «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века»: «...был вечер и у меня – с Мережковскими; появились: Д.С., З.Н., Философов, Бердяев, как кажется Эри, Эллис, Рачинский, Петровский, М.О.Гершензон и Морозова; было шумно: курили; и – спорили, спорили» (РНБ. Ф.60. Ед.хр.13. Л.33).

11. Гершензон – Андрею Белому
Начало декабря 1908 г. Москва¹.

Сердечно благодарю Вас, Борис Николаевич, за Ваш милый подарок². Я не всегда понимаю Ваши стихи, но и самые неясные из них люблю читать, потому что от них веет на меня теплом и нежностью Вашей души. Заходите же ко мне. Вы не забыли о Чулкове?³ Пожалуйста, натяните его на пяльцы, чтобы успеть вышить узором к 1-му янв<аря> (и пусть каждое Ваше слово будет как острая, блестящая, прямая иголка, пронзающая насквозь!)⁴.

Душевно преданный Вам

М.Гершензон.

¹ Написано на визитной карточке.

² Имеется в виду книга стихов Андрея Белого «Пепел» (СПб., «Шиповник», 1909), вышедшая в свет в начале декабря 1908.

³ Гершензон напоминает про обещание Белого представить рецензию на книгу Г.Чулкова «Покрывало Изиды» (см. прим. 1 к п.9).

⁴ Ср. фразы Гершензона, приводимые Белым в мемуарной главе о нем: «Не написали бы вы, Борис Николаевич, мне о книге Чулкова?»; «...главное, пишите крепче... Чем резче, тем лучше... Имеете право на это» (Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С.251, 252).

12. Андрей Белый – Гершензону
Конец декабря 1908 г. – начало января 1909 г. Москва.

Глубокоуважаемый Михаил Осипович, сделаю все возможное, чтоб написать завтра рецензию¹. Занесу ее к Вам к 5-6 часам.

Давно собираюсь к Вам зайти: но был болен, а теперь хлынули дела. Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев.

¹ Речь идет о рецензии на «Покрывало Изиды» Г. Чулкова (см. прим. 1 к п. 9).

13. Гершензон – Андрею Белому
6 января 1909 г. Москва.

6 января 1909 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Ваш разбор книги Чулкова¹ остроумен и меток, но, согласитесь, в Крит<ическом> Обозр<ении> ему не место: собственно о книге этой нужно знать тем, кто интересуется подробностями литературного движения, – читателям Весов, Золотого Руна, кружку петерб<ургских> и моск<овских> литераторов. Таких рецензий, указывающих *только* достоинства и недостатки данной книги, Крит<ическое> Об<озрение> тщательно избегает. Об этом именно я Вас просил: написать не о Чулкове, а сквозь него осветить нечто общее, дать идейное содержание, которое могло бы чему-нибудь научить читателя. Для нас дело стоит так: если книга Чулкова единична, то о ней нечего и говорить: жулик, и все тут; если же в ней обнаруживаются какие-нибудь общие черты современного умственного движения, то это важно – но тогда и надо на ее примере показать эти черты, их нелепость и пагубность. В этом смысле не то важно, на чем Вы строите Ваш отзыв, – что Ч<улков> – плагиатор; а важно то, что он жонглирует слишком серьезными вещами, что он кощунственно-беззастенчивыми и равнодушными устами говорит о вещах, которые волнуют душу, и эти слова не обжигают ему губ. Об этом разврате слова я и думал, что Вы напишете, как в «Штемпелеванной калоше»². Так что простите меня, но этой рецензии я не могу напечатать: это – дело кружковое. Но я буду очень рад, если Вы согласитесь написать о Чулкове что-нибудь имеющее общий интерес; я далек от мысли навязать Вам свое представление, но настаиваю на характере рецензии – иначе не могу, и Вы поймете меня. Самое большее, сколько можно ждать, чтобы не замедлять выход книжки, – это до завтра вечером. Очень прошу Вас, сделайте это. Место для Вас я оставил, и если Вы не напишете, у меня будет пустой отдел;

не говорю уже о том, что *такой* заметке, написанной Вами, я придаю большую важность³.

Преданный Вам М.Гершензон.

¹ См. прим.1 к п.12.

² Имеется в виду статья Белого «На перевале. VII. Штемпелеванная каЛоша» (Весы. 1907. №5. С.49-52. Подпись: Борис Бугаев) – памфлет, направленный против петербургских модернистов.

³ По всей вероятности, Белый поступил в соответствии с просьбой Гершензона – написал другой вариант отзыва о «Покрывале Изиды», который и был опубликован. Текст первоначальной редакции статьи Белого о «Покрывале Изиды» нам неизвестен. Тем не менее, даже в «смягченном» виде рецензия была достаточно резкой: «Г.Чулков ужасен: он – воплощенная пародия на искренние в свое время искания некоторой группы модернистов и мистиков. <...> И вот пришли люди, умевшие держать нос по ветру; они учли *влияние* новых слов; на искренности, на огне душ горящих, на пепле сожженных построили свою литературную карьеру <...> Прочли петербуржцы и ахнули: “Так вот в чем тайна модернизма: модернизм – балаган; апостолы его – новый вид паяцев. А мы-то думали!”... И поспешили в балаган. А балаган уж стоит – деревянный, новенький, с кумачевыми занавесками на дверях. По стене желтой охрой размалявано: “мистический анархизм”. <...> Входит г. Георгий Чулков: “<...> я – известный изидин жрец, хиромант-психолог, и открываю вам тайну; тайна эта – кошуństwo над всем святым, что есть в человеке” <...>» и т.д. (Критическое Обозрение. 1909. Вып.1. С.39-41).

14. Андрей Белый – Гершензону

Осень 1909 г. Москва.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, ради Бога простите: два раза я уходил из дому, когда Вы говорили по телефону. Тогда же не мог все ответить, потому что Метнера не было в Москве¹. Мне ужасно печально и грустно, что придется нашему издательству не напеча<та>ть Вашу книгу² и статью Щеголева³.

Вашу книгу мы не печатаем вот почему: уже среди предполагаемых, готовых книг к печати и обещанных напечатать до Вашей книги оказывается ряд книг. Гильдебрандта (перевод готов), Рюисбрёка, Гераклита, Леонардо да Винчи, Фиоретти, Эллиса, Соловьева, моя, Метнера, Антология поэтов (старьх), Фрагменты Новалиса, Кельтические легенды и книга о поэзии трубадуров⁴. Уже пятнадцать книг (не считая «Логоса»)⁵: все книги или готовы, или готовят-

ся для издательства, так что поздно: отказать в напечатании нельзя. Примите во внимание, что еще к концу года мы должны выпустить перевод 1-го тома Бёме⁶. Итого 15-16 книг уже намечены. Денег просто не хватит. Вот главная и единственная причина, почему мы с грустью отказываемся от Вашей интересной книги. Есть еще мотив: все уже статьи Ваши были напечатаны в журналах, кроме одной, так что публика уже знакома с Вашей книгой. Но повторяю: книга столь интересна, что мы бы ее напечатали охотно, если бы у нас хватило средств. На том же основании мы не печатаем Щеголева; мы должны были отказаться недавно от перевода «Балладыны» Словацкого⁷: Словацкий стоит у нас в программе⁸, но нельзя было его печатать в этом году: ждать же переводчик не согласился бы.

Мне очень и очень стыдно, Михаил Осипович, что я, не зная точно наших реальных возможностей (издательских), говорил в том духе, что мы возьмем Щеголева и Вашу книгу. Ради Бога, дорогой Михаил Осипович, не сердитесь.

Остаюсь искренне преданный Вам и любящий

Борис Бугаев.

¹ Эмилий Карлович Метнер (псевдоним – Вольфинг; 1872–1936) – музыкальный и литературный критик, руководитель московского издательства «Мусажет», основанного в 1909 г.

² Гершензон предложил для издания в «Мусажете» свою книгу «Исторические записки» (М., 1910), составленную в сентябре 1909 г. из статей, ранее опубликованных в журналах «Вестник Европы» (1908), «Русская Мысль» (1909) и в сборнике «Вехи», и вышедшую в свет в конце 1909 г. (см.: Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива) // Записки Отдела рукописей Российской гос. библиотеки. Вып.50. М., 1995. С.37).

³ Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) – историк литературы и революционного движения; находился в это время в заключении - как редактор запрещенного журнала «Былое» (см.: Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. С.106-111). О какой именно его статье идет речь, неясно.

⁴ Из перечисленных издательских проектов «Мусажетом» были осуществлены: Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и Собрание статей. Перевод Н.Розенфельда и В.А.Фаворского. М., 1914; Рэйсбрук Удивительный. Одевание духовного брака. Вступ. статья Мориса Мертерлинка. Перевод Михаила Сизова. М., 1910; Гераклит Ефесский. Фрагменты. Перевод Владимира Нилендера. М., 1910; Цветочки святого Франциска Ассизского. Перевод А.П.Печковского. Вступ. статья С.Н.Дурьлина. М., 1913 («Фиоретти»); Эллис. Русские символисты. М., 1910; Соловьев С. Апрель. Вторая книга стихов. М., 1910; «моя» – Андрей Белый. Символизм. Книга статей. М., 1910; Вольфинг <Э.К.Метнер>. Модернизм и музыка.

Статьи критические и полемические. М., 1912. В объявлениях о книгах, подготавливаемых «Мусагетом» к печати, также значилась: Леонардо да Винчи. Трактат о живописи. Перевод и вступ. статья М.С.Сергеева; Лирика Новалиса в переложении Вячеслава Иванова; Провансальские лирики XII и XIII веков. Перевод Н.П.Киселева. Т.1. Переводы. Т.2. Комментарии. Неясно, что подразумевает Белый под проектом «Антология поэтов (старых)»: «Мусагетом» был издан лишь альманах «Антология» (М., 1911), включающий только стихотворения современных поэтов.

⁵ Имеется в виду предпринятое «Мусагетом» русское издание международного ежегодника по философии культуры «Логос». См.: Безродный М.В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.372-407.

⁶ Это издание было осуществлено «Мусагетом» значительно позже (в составе одного тома). См.: Бёме Я. Ашуга, или Утренняя Заря в восхождении. Перевод Алексея Петровского. М., 1914.

⁷ «Балладина» («Balladyna», 1839) – трагедия польского поэта и драматурга Юлиуша Словацкого (1809–1849). Перевод ее, заверченный К.Д.Бальмонтом в сентябре 1909 г. (см.: Литературное наследство. Т.98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.1. М., 1991. С.212), был опубликован: Словацкий Ю. Три драмы. М., изд. М. и С.Сабашниковых, 1911. С.11-238.

⁸ «Мусагетом» была издана книга: Словацкий Ю. Ангелли. Поэма. Перевод Анатолия Виноградова. М., 1913.

15. Андрей Белый – Гершензону
21 сентября 1910 г. Москва.

Многоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, мы были бы ужасно счастливы *все*, а я в особенности, если бы Вы зашли к нам сегодня в «Мусагет» на чтение Садовского¹. За вещь – ручаюсь. Но не столько чтение, сколько удовольствие Вас видеть у нас побуждает меня особенно просить Вас. Начало чтения в 9 часов вечера. Адрес: Пречистенский бульвар, д.31, кв.9. Ужасно извиняюсь, что не доставил Вам книг. Эти две недели совсем потерял голову от хлопот.

Остаюсь глубоко пред<анный> Б.Бугаев.

¹ Борис Александрович Садовской (наст. фам. Садовский; 1881–1952) – прозаик, поэт, критик, историк литературы. Чтение его повести «Двуглавый орел» (опубликованной в журнале «Русская Мысль» в 1911, №7, 8) состоялось в редакции «Мусагета» 21 сентября 1910 г. (см.: Литературное наследство. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.419-420; Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.108) – что является основанием для датировки настоящего письма.

16. Андрей Белый – Гершензону
1/14 декабря 1910 г. Рим¹.

Милый Михаил Осипович!

Привет. Вспоминаю Вас. Хорошо, мягко. По-италиански ни слова! Сейчас в Неаполь. Супруге Вашей привет².

Любящий искренно Б.Бугаев.

¹ Датируется по почтовому штемпелю: Roma. 14.12.10. Получено в Москве 6 декабря 1910 г. Открытка с видом Римского форума. 26 ноября / 9 декабря 1910 г. Белый и А.А.Тургенева выехали из Москвы в заграничное путешествие, в Риме были по дороге на Сицилию.

² Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873–1940) – дочь Б.С.Гольденвейзера, кишиневского присяжного поверенного, и В.П.Щекотихиной, сестра пианиста А.Б.Гольденвейзера; «уютная, милая, умная Марья Борисовна, его жена» (Андрей Белый. Между двух революций. С.254–255).

17. Гершензон – Андрею Белому
30 декабря 1910 г. Москва¹.

Москва, 30 дек. 1910 г.

<Милый? Б>орис Николаевич, хочу сказать Вам, что дружески помню Вас и часто вспоминаю с друзьями, и что хотел бы в <но>вом году знать Вас счастливым и бодрым для работы. <Прощу?> Вас передать мой привет Вашей жене² – и моя жена <вам> обоим кланяется.

Обнимаю Вас и остаюсь любящий Вас

М.Г.

¹ Открытка с оборванными краями (дефектный текст). Почтовые штемпели: Москва. 30.12.10; Palermo. 18.1.11; Tunis. 22<?> нрзб. Посланная по сицилийскому адресу (в Палермо), получена Белым в Тунисе. На открытке – записи Белого, отразившие его предположения о сроках и местопребываниях последующего путешествия: «Февраль здесь. Март–апрель – Египет. Май – Иерусал<им>. Июнь–июль – Малая Азия...»

² Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890–1966). Официально ее брак с Белым был зарегистрирован в Берне гораздо позднее – 23 марта 1914 г.

18. Андрей Белый – Гершензону
4/17 января 1911 г. Махула-Радес¹.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович!

Спасибо за память. На днях пишу Вам. Я под Тунисом в арабской деревушке². Мы сняли арабский домик с плоской крышей, уже здесь живем третью неделю. Должно быть, проживем и месяц. Остаюсь искренне любящий Вас

Б.Бугаев.

P.S. Вашей супруге привет и уважение. Адрес. Afrique, Tunisie, Maxula-Radès (près de Tunis). Chez Madame Rebeyrol, buraliste de Radès. Мне.

¹ Открытка с изображением Туниса; датируется по почтовому штемпелю: Maxula-Radès. 17.11.11. Получено в Москве 25 января (ст.ст.) 1911 г.

² Белый и А.Тургенева приехали в Тунис 5 января (н.ст.) 1911 г., с 15 января поселились в Радесе (деревня близ города Туниса).

19. Андрей Белый – Гершензону
4 сентября 1916 г. Москва¹.

Москва. 4-го сент. 16.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, совершенно неожиданно для себя я вынужден быть сегодня на одной свадьбе; отвертеться нельзя; и поэтому вечером меня не будет.

Тем с большей радостью ждал бы я Вас завтра часов в 8 провести вместе вечер и побеседовать. Если Вам это было бы неудобно, я мог бы прийти к Вам. Если завтра Вы заняты, то, может быть, *вторник* или *четверг*² у Вас свободны. В последнем случае, может быть, Вы предупредите меня: *вторник* или *четверг*.

Итак с огромной радостью жду Вас завтра часов в 8. Мне так хочется побыть с Вами и побеседовать³.

Остаюсь искренне уважающий и любящий

Борис Бугаев.

¹ Написано вскоре после возвращения Белого в Россию из-за границы, где он в основном находился с весны 1912; 18 августа / 3 сентября 1916 г. Белый прибыл в Петроград, через несколько дней после этого – в Москву. 6 сентября 1916 г. Гершензон сообщал в письме к Ал.Н.Чеботаревской: «Приехал Андрей Белый; очень хорош» (ИРЛИ. Ф.189. Ед.хр.79).

² 6 и 8 сентября.

³ В дневниковых заметках «Жизнь без Аси» Белый зафиксировал («27 августа – 8 сентября. Москва»): «Беседы с Гершензоном о духовной науке» (РГБ. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

20. Андрей Белый – Гершензону
Ноябрь–декабрь 1917 г. Москва.

Милый и дорогой Михаил Осипович!

Ради Бога простите за всю эту невольную кашу. Зрело обдумав *все*, я пришел к заключению, что *не могу* прочесть статьи Вячеславу в том виде, как она есть¹. Это – между нами: во всяком случае психологически это невозможно для меня. Не присылайте ко мне Вячеслава, ни Г.А.Рачинского²: все равно *теперь я не прочту* статьи. *Я ее изменяю*, сокращаю и перерабатываю. Вся эта путаница – предлог *по воле судьбы, чтобы* чтение не состоялось³. Остаюсь глубоко любящий и преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев⁴.

¹ Речь идет о Вяч.Иванове и о статье Белого «Вячеслав Иванов», впервые опубликованной в издании: Русская литература XX века. 1890–1910. Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.3. Кн.8. М., <1918>. С.114-149. О том, что «статья о В.Иванове готова вчерне», Белый писал С.А.Венгерову 28 ноября 1917 г. (см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С.144). О завершении работы над статьей Белый сообщил Венгерову в письме от 3 января 1918 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.55).

² Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) – литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве. Ср. ретроспективные записи Белого о ноябре–декабре 1917 г.: «*Ноябрь <...> Уезжаю в Дедово; живу там недели две <...> усиленно работаю над статьей “Поэзия Вячеслава Иванова”. <...> Декабрь <...> Москва <...> 2) Чтение статьи “Поэзия В.Иванова” (у Гершензона), 3) То же чтение на елке у Григоровых» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.90).*

⁴ Та же тема затрагивается еще в одной недатированной записке Белого к Гершензону (относящейся, скорее всего, к концу ноября – началу декабря 1917 г. – по упоминанию предстоящего отъезда в Дедово):

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Осипович, вследствие *qui pro quo*, происшедшего со статьей (я решил радикально ее изменить), я не могу сегодня ее прочесть и должен глубоко извиниться перед нашими милыми гостями, что и сам не могу быть у Вас вследствие нескольких неотложных дел и отъезда из Москвы 3-го рано утром.

Я надеюсь прочесть статью Вам и Вячеславу Ивановичу в ее окончательном виде. Примите уверение в искренней любви и преданности.

Б.Бугаев.

21. Гершензон – Андрею Белому
21 декабря 1917 г. Москва.

Москва, 21 декабря 1917 г.

Милый Борис Николаевич,

У меня к Вам дело. Владисл<ав> Фелиц<ианович> Х<одасевич>¹ находится в крайне стесненном положении; необходимо ему помочь. Мы с А.Н.Толстым придумали литературный вечер, и одна богатая дама² предоставила для этого залу в своем доме возле Арбата. Можно собрать тысячу рублей. Помогите – не откажитесь участвовать; прочтите что-нибудь, стихи новые, или отрывок из 2-й части Котика Летаева³. Будут участвовать еще: Вяч<еслав> Иван<ович>⁴, Бальмонт, А.Н.Толстой. Вечер предположено устроить 28-го или 29-го декабря. Будьте так добры, ответьте мне или сейчас, или завтра до 12 час., и в случае согласия сообщите, какой из этих двух дней Вы предпочитаете⁵.

Знаю, что Вы заходили ко мне, и жалею, что не застали. Приходите посидеть вечером, – послы 8-ми я всегда дома и всегда буду Вам рад.

Ваш М.Гершензон.

¹ О взаимоотношениях Гершензона с В.Ф.Ходасевичем (1886–1939) см. в публикации их переписки (De Visu. 1993. №5 (6). С.12-51. Публикация И.Андреевой).

² Мария Самойловна Цетлин (урожд. Тумаркина; 1882–1976) – доктор философии; жена поэта и издателя М.О.Цетлина (Амари); ее литературный салон функционировал в Москве с лета 1917 до осени 1918 г.

³ Подразумеваются заключительные главы романа «Котик Летаев», печатавшиеся тогда во 2-м сборнике «Скифы» (<Пг.>, 1918).

⁴ Вяч.И.Иванов.

⁵ По всей вероятности, Белый в этом мероприятии не участвовал. 31 декабря 1917 г. Гершензон писал брату: «Один мой приятель, поэт, впал в большую нужду; чтобы достать для него денег, я с А.Толстым попросили у одной богатой дамы, еврейки, устроить в ее доме литературно-музыкальное утро. Она с восторгом согласилась, ей лет 30, она – д<окто>р философии немецкого университета, весьма образованная, и муж ее пишет стихи. Она раздала карточки своим знакомым, по 25 руб., и собрала 1250 руб.; и взяла с

нас слово, чтобы мы, участники, после концерта остались у нее закусить. Читали: А.Толстой, Бальмонт, Вяч.Иванов <...>» (РГБ. Ф.746. Карт.20. Ед. хр.27. За предоставление этих сведений выражаем глубокую признательность И.Андреевой). О помощи и поддержке Гершензона Ходасевич упоминает в мемуарном очерке о нем (1925), вошедшем в его книгу «Некрополь»: «...если б не Гершензон – плохо мне было бы в 1916–1918 годах, когда я тяжело хворал. Гершензон добывал для меня работу и деньги <...>» (Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. М., 1997. Т.4. С.101).

22. Гершензон – Андрею Белому
1 января 1918 г. Москва.

Москва, 1 января.

Милый Борис Николаевич, с Новым Годом!

Вот какое дело: так как Вы читали свою статью у Б.П.¹, то мы решили, что очевидно Вы сегодня уже не будете ее читать у нас, и потому Мария Борисовна на сегодня не сделала никаких приготовлений. Как бы не вышло недоразумение с кем-нибудь из тех, кто должен был сегодня прийти.

Ваш М.Гершензон.

¹ Б.П. – Борис Павлович Григоров (1883–1945), один из основателей Российского Антропософского общества и его первый председатель. Подразумевается, по всей вероятности, чтение Белым статьи «Вячеслав Иванов» на квартире Григоровых (см. прим.3 к п.20).

23. Андрей Белый – Гершензону
Не позднее 12 апреля 1918 г. Москва.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Осипович,

Ужасно грущу по Вас. Занят по горло – пишу; на днях буду у Вас. У меня к Вам огромная просьба.

Ссудите маму мою керосином (помните, Вы обещали); она будет очень Вам благодарна¹. Не думайте обо мне чего-нибудь дурного, что долго не был. Сердечно люблю Вас.

Остаюсь глубоко уважающий

Борис Бугаев.

Марье Борисовне мой сердечный привет.

¹ Мать Белого – Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922). Гершензон с марта 1917 г. был председателем Всероссийского Союза Писателей и на этом посту активно помогал литераторам в преодолении бытовых тягот.

24. Гершензон – Андрею Белому
12 апреля 1918 г. Москва¹.

Москва, 12 апреля 1918 г.

Дорогой Борис Николаевич,

Правда, я думал, что Вы на меня сердитесь, – не знал, за что. За керосином уже раз присылали, и М<ария> Б<орисовна> дала, да и теперь конечно даст, если есть; я сейчас спрошу. Буду рад Вас видеть.

Любящий Вас

М.Гершензон.

¹ Ответ на п.23.

25. Андрей Белый – Гершензону
Весна 1919 г. Москва.

Дорогой Михаил Осипович, –

я полупростужен, а мне – не в чем выйти; единственные сапоги совершенно мокры, калоши – почти фикция; ужасно обидно; но, кажется, придется засесть: калош нет, начинается простуда; если посижу у Вас с мокрыми ногами – завтра, наверное, бронхит; а завтра – лекция в Пролет-Культе¹; увы, Пр<олет->К<ульт> не удалось бросить: был у Клестова²; он – болен; был разговор с Грузинским³, из которого следствия для меня сложные; они – просят рукопись, а рукопись – мне нужна для обработки⁴; далее: без гарантии, что они мне заплатят, я не могу работать, ибо времени – никакого: все вечера заняты.

Милый Михаил Осипович: дважды, трижды, четырежды я согласен ехать в Киев⁵; если будут у Вас разговоры – вспомните обо мне; в случае, если пойдет речь о квартире, то в Киеве мне бы нужна была целая квартира: туда едут наши⁶, которые меня бы устроили, а я бы сдал им комнаты.

Еще раз бесконечное извинение, но вина не моя: в сапогах моих чмокает вода. Не могу выйти.

Остаюсь глубоко преданный и любящий

Б.Бугаев.

¹ В Московском Пролеткульте Андрей Белый вел занятия с октября 1918 г. до августа 1919 г.

² Николай Семенович Клестов (Ангарский; 1873–1943) – литературный критик, издательский работник; один из руководителей товарищеского «Книгоиздательства писателей в Москве».

³ Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930) – литературовед, фольклорист, переводчик; один из руководителей «Книгоиздательства писателей в Москве».

⁴ В «Книгоиздательстве писателей в Москве» готовились к печати две книги Белого – переиздание романа «Петербург» и «Путевые заметки». Поскольку здесь упоминается «рукопись», речь идет, скорее всего, о «Путевых заметках» (первоначальная редакция этой книги готовилась к печати в середине 1910-х гг. в издательствах «Мусагет» и «Сирия», но так и не была выпущена в свет); готова «Путевые заметки» к печати в 1919 г., Белый кардинально переработал первоначальный текст. 1-я часть книги была опубликована «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1921 г. под заглавием «Офейра». О подготовке этого издания идет речь в недатированном письме Белого к Ангарскому (Клестову), относящемся к тому же времени:

Глубокоуважаемый Николай Семенович,

оставляю Вам рукопись «Путевых Заметок» за исключением 3-ей главы «Монреаль», которую мне надо спешно переделать, чтобы Вы, в случае возможности, могли пустить в печать 3 первых главы. Как видите, книга большая. Я думаю, ее можно было бы печатать 1) *томом*, 2) *двумя книгами* (по части в книге), 3) наконец, *четырьмя выпусками* (Сицилия, Тунис + Арабы, Радес + Кэруан, Египет).

Мне необходимы недели 3, чтобы изменить архитектонику частей, кое-что зачеркнуть, пройтись стилистически; поэтому: нельзя ли мне после Общего Собрания Вашего Издательства, где у Вас будет обсуждаться вопрос о книге, получить обратно рукопись недели на две, чтобы вполне приготовить первую часть; пока она будет набираться, я займусь стилистической подчисткой 2-ой части, не связывая Вас.

Поэтому: оставляя Вам рукопись, прошу ее мне оставить после субботы: я ее возьму недели на две для окончательной подготовки первой части; рисунки к книге скоро будут привезены из Петербурга (к Пасхе или на Фоминой). Ужасно извиняюсь, что еще не написал статьи. На днях напишу ее.

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев.

(РГАЛИ. Ф.24. Оп.1. Ед.хр.93. Упомянутые в письме рисунки к «Путевым заметкам», выполненные А.Тургеновой, остались неопубликованными).

⁵ Гершензон выхлопотал для Белого приглашение в академическое бюро через Литературный комитет Киевского отдела искусств Наркомпроса (см.: Макагонова Т.М. Дни и труды М.О.Гершензона. (По материалам архива). С.50-51).

⁶ Подразумеваются члены Антропософского общества.

26. Андрей Белый – Гершензону
21 июня 1919 г. Карачев.

19 года 21 июня.

Дорогой Михаил Осипович, давно собираюсь Вам писать: как Вы? Как Марья Борисовна? Как Вячеслав? Очень часто живо думаю о Вас, как живо думаю обо всех отсутствующих. Думаю быть в Москве около середины июля, если можно будет 1) проскочить (ведь теперь мы отрезаны остановкой жел<езно>дор<ожного> сообщения), 2) втиснуться в вагон с вещами; это – такая мука, что страшно подумать.

Не писал я Вам, потому что все вероятия, что письма пропадают: у меня пропало ряд писем.

Между прочим: получил от А.Е.Грузинского 2 письма; в одном он извиняется в потере предисловия к «Петербургу»; так как это «Предисловие» мне совершенно не было нужно (оно – неинтересно, случайно, даже бестактно), то я поспешил ему ответить, что совершенно не нуждаюсь в «Предисловии» и что он напрасно волнуется; тогда он мне ответил письмом, рассказав в нем, что это «Предисловие» послужило поводом для неприятных объяснений с «Московским Книгоиздательством»¹. Мне очень грустно, что его упрекали мной, тем более, что действительно: на другой день по отдаче «Предисловия» я досадовал, что дал такое неудачное предисловие к «Петербургу».

А.Е.Грузинский мне жалуется в очень милом письме (это – между нами) на Ник<олая> Сем<еновича> Клестова². И мне очень неловко выслушивать эти жалобы; я был у вас (помните?), когда говорили о том, что А.Е. тормозит «дела».

Живу очень спокойно: радикально занялся переработкой 2-ой части «Заметок», так, что теперь сам ими доволен (стилистически); тотчас же примусь за «Чудака»³. С Алянским у меня была переписка, меня огорчившая; ему очень больно уступать «Чудака», ибо он

на нем строил журнал⁴, а мне нельзя ему уступить, ибо тогда я останусь без денег и без возможности писать «Чудака»; переписка оборвалась: он, вероятно, отрезан от Москвы, и я ничего о нем не знаю; ужасно досадно!

Милый Михаил Осипович, очень много читаю, и всё уютные летние книги; читаю впервые «Моммсена», это так успокоительно; и – назидательно⁵; представьте: мне он нравится больше Плутарха! Его характеристики Цицерона, Катона, Помпея и Кая Гракха, по-моему, удивительны; Помпей у Плутарха⁶ совсем другой... Читаю много книг по Африке (между прочим, не отрываясь одолел Стэнли⁷); прочел 2 тома Фойгта (о раннем ренессансе)⁸; и мне манера его изложения куда больше нравится пресловутого Бургхардта⁹; сейчас июнь – для меня самый ленивый и трудный для работы месяц (жду июля, чтоб приналечь на «Чудака»; в июле, наоборот, всегда много работается). Здесь все-таки жизнь дорога: приходится обзаводиться продуктами; но – много молока, сметаны, творога и яиц, чего нет в Москве; хлеба и здесь нет! Как вопрос с Киевом?¹⁰

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам Борис Бугаев.

P.S. Марье Борисовне и детям привет. Привет Вячеславу.

Адрес: Карачев. Орл<овская> Губ<ерния>. Малая Дворянская, д<ом> Светославской. В.Г. Анненковой. Мне.

¹ Имеется в виду предисловие к несостоявшемуся переизданию романа Андрея Белого «Петербург» (в сокращенной редакции) в «Книгоиздательстве писателей в Москве». 29 мая 1919 г. Белый писал А.Е. Грузинскому из Карачева: «Мне чрезвычайно стыдно, что Вы беспокоитесь за участь моего предисловия к “Петербургу”. Оно было до того случайно, “безвкусно” и не вызвано необходимостью, что я только порадовался после нашего разговора о том, что оно не пойдет, потому что, отдав Вам книгу, я в этот же день подсадовал на себя: нельзя случайно вылившуюся шутку превращать в предисловие к толстой книге; разумеется, предисловие мне не нужно и, разумеется, “предисловие” я бросил бы в корзинку под стол, если бы Вы его вернули; и то, что Вы его утратили, – совершенно естественно: ни Вам, ни мне, ни “Издательству” с ним нечего делать» (РГАЛИ. Ф.126. Оп.2. Ед.хр.2). 10 июня 1919 Грузинский отвечал Белому: «Я был рад Вашему письму и потому, что оно сняло с моей совести нелегкое бремя. Вам, конечно, неизвестно, что в связи с этим предисловием меня здесь пытались травить в Издательстве. Травить меня вообще было нужно, а Предисловие сыграло роль одного из поводов. Я Вам признаюсь прямо: оно мне сразу так не понравилось, что я показал его Клестову и, узнав его мнение, что отдельные его фразы цензурно рискованны, решил спросить Вас, стоите ли Вы за непре-

менное его помещение. После разговора с Вами я прямо порадовался, что его можно оставить в стороне, – порадовался собственно вне связи с цензурой. Теперь после Вашего письма мне ясно, что мое недовольство было однородно с Вашим собственным. Радость же моя сказалась неволью в том, что я, передав Клестову Ваше решение не помещать предисловия, тут же при нем, вопреки своей обычной осторожности, вынул листок из книги и с чувством облегчения отправил его в корзинку. Он несколько дней сидел во мне какой-то занозой, и рад был ее поскорее выгнать. Прошло время и пришла пора меня травить. Тогда мне был брошен упрек, что я непозволительно обращаюсь с авторскими рукописями. Я чувствовал, что поступил поспешно, и немедленно написал Вам» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.179).

² А.Е.Грузинский писал Белому в цитированном письме: «Клестов – для меня человек теперь вполне определенный. Но мне жаль, что известное участие в истории принял и М.О.Гершензон. Я рад одному: что я ушел из заведующих еще до того, как мне был брошен впервые упрек относительно Вас».

³ Имеются в виду книги Андрея Белого «Путевые заметки» и «Записки чудака» (т.1-2. М.; Берлин, «Геликон», 1922); над последней Белый работал с осени 1918 г.

⁴ Самуил Миронович Алянский (1891–1974) – владелец издательства «Алконост». «Записки чудака» Андрея Белого печатались в издаваемых «Алконостом» «Записках мечтателей» (1919. №1. С.11-71; 1921. №2/3. С.7-95) под заглавием «“Я”». Эпопея. Т.1. Записки чудака. Ч.1. Возвращение на родину». Отдельное издание «Записок чудака», в «Книгоиздательстве писателей в Москве», – под заглавием «Возвращение на родину (Отрывки из повести)» (М., 1922) – включало лишь заключительные главы, не опубликованные в «Записках мечтателей»; возможные комбинации, связанные с осуществлением этого издания, Белый обрисовывал в письме к Алянскому от 7 мая 1919 г. (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

⁵ Имеется в виду многотомная «Римская история» немецкого историка Теодора Моммзена (Mommsen; 1817–1903). Ср. запись Белого об июне 1919 г.: «Читаю главным образом Моммсена (том за томом)» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.99об.).

⁶ См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. М., 1963. Т.2. С.334-391.

⁷ Генри Мортон Стэнли (Stanley; наст. имя и фамилия – Джон Роулэндс; 1841–1904) – журналист, исследователь Африки. Белый вспоминает об июне 1919 г.: «Читаю <...> ряд сочинений, путешествий по Африке: Стенли, Беккера <...>» (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.99об.).

⁸ Георг Фойгт (Voigt; 1827–1891) – немецкий филолог и историк, исследователь раннего итальянского гуманизма, автор фундаментального труда «Die Wiederbelebung des klassischen Altertums, oder Das erste Jahrhundert des Humanismus» (2 Bde, Berlin, 1880–1881; русский перевод И.П.Рассадиной: «Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма». В 2 т. М., 1884–1885). Чтение этой книги Белый относит к маю 1919 г. (Андрей Белый. Ракурс к Дневнику. Л.99об.).

⁹ Якоб Буркгардт (Burckhardt; 1818–1897) – швейцарский историк культуры. Имеется в виду его книга «Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования» (1860).

¹⁰ См. прим. 5 к п. 25. Задуманная поездка не состоялась.

27. Андрей Белый – Гершензону
Август 1922 г. Свинемюнде¹.

Милый, дорогой, хороший Михаил Осипович,

Е. Я. Белицкий передал мне Вашу записку²: ее я положил себе на сердце, потому что Вас я люблю самой настоящей горячей любовью, чувствую в Вас старшего брата, и часто наставника, помню все часы, проведенные вместе. Позвольте Вас заочно обнять и надеяться на скорую встречу в Германии. Не пишу о себе; скажу лишь, что я сейчас веду легкомысленный образ жизни: пью (благостно), веселюсь, учусь танцам; и как змея, меняю шкуру. Приезжайте к нам: все тогда расскажу. Мой сердечный привет Марье Борисовне.

Любящий крепко Б. Бугаев.

¹ Приписка к недатированному письму Е. Я. Белицкого к Гершензону. Цитирована (с неверной атрибуцией – как приписка на письме С. Г. Каплуна к Гершензону) в комментариях И. П. Андреевой в кн.: Ходасевич В. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С. 658. Свинемюнде – курорт на Балтийском море (на о. Узедом в Померании, близ Штеттина); Белый жил там с 6 июля до начала сентября 1922 г. Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) – заведующий отделом управления Петроградского Совета в 1917–1922 гг., руководитель петроградского издательства «Эпоха», имевшего филиал в Берлине; в этом издательстве вышли в свет книги Гершензона «Ключ веры» (1922), «Судьбы еврейского народа» (1922) и была подготовлена книга «Пальмира» (включавшая статьи Гершензона, написанные в 1918–1922 гг.), не вышедшая в свет (см.: Проскурина В. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998. С. 438–440). Белицкий прибыл в Германию в первой половине августа 1922 г. В письме к Гершензону он сообщает:

Приехав в Берлин, я прожил там всего 2 дня и переехал на неделю в Swinemünde, на берег моря, где живут С. Каплун и Борис Николаевич. У меня была очень тяжелая поездка на грузовом, неисправном пароходе; продолжалась она 8 дней (из Петербурга до Штеттина), и я решил раньше, чем приняться за серьезную работу в Берлине, отдохнуть недолго на берегу моря, где я сейчас живу. <...> «Эпохи» Петербургские и Берлинские слились. Со дня Вашего приезда сюда Вы будете получать у нас от 10 до 15 тысяч марок ежемесячно. <...> «Малые Пропилеи» буду

издавать здесь, в Берлине. Покорнейшая просьба к Вам, если можно, захватить с собой материалы для этого сборника.

«Судьбы еврейства» скоро выйдут. «Пальмира» печатается. Относительно «Гольфстрема» я говорил с Геликоном. Вероятно, у Геликона эта книга и выйдет. Я еще не успел получить ответа окончательно. Сейчас здесь издатели печатают почти только для заграницы и России. Поэтому с «Гольфстремом» значительно сложнее, так как он только что вышел в России.

Через 2 дня буду в Берлине, где останусь надолго. <...> Пишу Вам между утренним и дневным купанием. О Берлине не пишу: Вы скоро сами лучше меня узнаете это. Бор<ис> Николаевич пишет Вам отдельно на этой бумаге».

(Упомянутый в письме сборник архивных материалов под редакцией Гершензона был выпущен в свет Государственным издательством под заглавием «Новые Прописи. Т. I» (М.; Пг., 1923), переиздание книги Гершензона «Гольфстрем» (М., «Шиповник», 1922) в берлинском издательстве «Геликон», возглавляемом Абрамом Григорьевичем Вишняком (1895–1943), не состоялось).

² Это письмо Гершензона к Белому, по всей вероятности, не сохранилось.

28. Андрей Белый – Гершензону
24 февраля 1923 г. Сааров¹.

Saarow. 24 Februar 23 г.

Милый, горячо любимый Михаил Осипович, –

Наконец-то я собрался Вам написать; верьте, не собрался до сих пор лишь от потребности выложить Вам мою душу. Мое письмо к Вам, это те нежные и хорошие слова, которые выговариваю Вам каждый день почти, беседуя с Вами лично; если бы хоть часть бесед закрепить в письмо, вышло бы не письмо, а послание страниц в 50; я все искал случая написать Вам такое послание, и не нашел (то – трепала берлинская суетня, то – припадки работы); до Рождества говорили, что Вы приезжаете в Берлин; и – ждал Вас с нетерпением, а Вы – не приехали. Вы были в Берлине так мало, а я узнал Ваш адрес в день Вашего отъезда; и сообразил, что идти к Вам уже поздно: Вы уезжали². Говорилось, что Вы скоро будете в Берлине; я все время очень-очень Вас ждал.

Милый, хороший, близкий мне Михаил Осипович, – несколько строк, переданных Вами Белицкому, положил я на сердце³; они так меня взволновали. Спасибо Вам – всюю душою.

Милый, хороший, – было так тяжело эти месяцы, тяжелей, чем когда-либо в жизни; и это ложилось камнем на душу; казалось, только в словах сумею найти слова; и эти слова я мысленно произносил, думая о Вас. Когда-нибудь буду много и долго рассказывать Вам о своей берлинской «Эпопее»; а пока так радостно было бы получить от Вас весть: как Вы, как Ваше здоровье, что Мария Борисовна?

Милый Михаил Осипович, я тут редактировал «гиблый» журнал «Эпопею»⁴; теперь уже 3 месяца, как отказался от редактирования. Я Вас много раз звал в журнал (еще когда Вы были в России); и – решил, что Вы не пойдете; да и гонорар «Геликона» был нищенский; теперь есть возможность писать в «независимом» журнале «Беседа»; узнав, что В.Ф.Ходасевич Вас приглашает, присоединяю самые горячие просьбы откликнуться⁵; журнал абсолютно не политический. Редакторы Горький и Ходасевич; такой журнал – нужен; да не смущает Вас Горький; он – необыкновенно хорош сейчас, действительно независим и от «правых», и от «левых». Остальные – зависимы⁶.

С горечью вижу это на примере наших москвичей Н.А.Бердяева, Ильина; Бог знает, как печально выглядит ихняя академия⁷. Они делают воистину вредное дело. Независимая «Беседа» была бы очень полезна, если бы независимые люди во имя культуры примкнули к ней.

Вот видите: уже о делах.

Но не о делах хотелось бы мне писать, а о том «внутреннем», что мысленно все время повернуто к Вам.

Милый, хороший Михаил Осипович, откликнитесь, хотя бы двумя словами.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и нежно любящий

Борис Бугаев.

P.S. Мой сердечный привет и уважение Марье Борисовне.

P.S. Мой адрес. Dr. Boris Bugaeff. Pension Crampe. Victoria-Luise Platz. 9. Berlin. W<est>.

¹ Сааров – город-курорт близ Берлина; в феврале–марте 1923 г. Белый посещал там М.Горького. Письмо направлено в Баденвейлер, где Гершензон, прибывший в Германию вместе с семьей, проходил курс лечения.

² 27 октября 1922 г. Гершензон писал из Баденвейлера Л.И.Шестову: «Третьего дня мы сюда приехали и поселились, кажется, в хорошем пансионе. От Москвы ехали до Берлина сушей 4 дня <...> В Берлине прожили 4 дня. <...> В Берлине не видел ни Белого, ни Ремизова, ни Лундберга, – не успел» (Минувшее: Вып.6. Указ. изд. С.269. Публикация А.д'Амелиа и В.Аллой).

³ См. прим.2 к п.27.

⁴ В 1922–1923 гг. вышли 4 номера журнала «Эпопея» (4-й – с обозначением: «Литературный сборник») под редакцией Андрея Белого в берлинском издательстве «Геликон».

⁵ 1-й номер журнала литературы и науки «Беседа» (издававшегося при ближайшем участии Б.Ф.Адлера, Андрея Белого, Ф.А.Брауна, М.Горького, В.Ф.Ходасевича) вышел в свет в Берлине в марте 1923. Письмо Ходасевича к Гершензону с приглашением участвовать в «Беседе» не сохранилось; в ответном письме к Ходасевичу из Баденвейлера (27 февраля 1923 г.) Гершензон писал: «Конечно, я охотно буду участвовать в Вашем журнале, если только будет чем. Все неизданное, что у меня было, я запродаю еще в России, чтобы ехать сюда, а здешь ничего не писал: плохо себя чувствую» (De Visu. 1993. №5(6). С.32). Публикуя письма Гершензона, Ходасевич пояснил: «Это письмо – ответ на приглашение участвовать в журнале “Беседа”, посланное одновременно Андреем Белым и мной» (Современные записки. 1925. Кн.24. С.228). Сотрудничество Гершензона в «Беседе» не состоялось.

⁶ О взаимоотношениях Андрея Белого и М.Горького в Германии в 1922–1923 см.: Корецкая И.В. Горький и Андрей Белый // Горьковские чтения. К 100-летию со дня рождения писателя. М., 1968. С.194-197; Крюкова А. Творческое взаимодействие. Статьи о советской литературе. М., 1988. С.88-92.

⁷ Имеется в виду Русский Научный институт, открытый в Берлине 17 февраля 1923 г. Николай Александрович Бердяев (1874–1948) вспоминает: «Я активно участвовал в создании этого Института, был деканом отделения Института. Читал курс по истории русской мысли, при очень большой аудитории, и по этике. Немецкое правительство очень интересовалось этим начинанием и очень помогло его осуществлению» (Бердяев Н. Собр. соч. Т.1. Самопознание. Paris, 1989. С.288). Религиозный философ, правовед и критик Иван Александрович Ильин (1883–1954) был одним из организаторов, профессором и деканом Русского Научного института.

29. Андрей Белый – Гершензону Май 1923 г. Берлин¹.

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Осипович, хозяйка моя просит Вам передать, что если Вы хотите пользоваться телефоном в Вашей комнате, который, по-моему, не нужен (удобно разговаривать вполне и по общепансионскому телефону), то Вы должны заплатить предыдущему жильцу, Негт Gonzala, 30.000 марок; в противном случае он телефон увезет с собой. Я не знаю, в чем дело, но – по-моему: совершенно не стоит бросать 30.000 марок за право пользоваться телефоном какую-нибудь неделю (ведь есть телефон общий для всех). Хозяйка просит дать ответ, как быть с телефоном

(снимать или оставить его) по возможности скорей: сегодня к вечеру; или в крайнем случае – завтра утром: до 11 часов.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

Я чрезвычайно рад, что Вы будете у нас.

Если захотите дать ответ по телефону, то – наш телефон Lutzow-85-22².

¹ Датируется по времени приезда Гершензона в Берлин. 22 мая 1923 г. он писал Л.И.Шестову: «Мы в Берлине уже почти две недели. <...> Живем в том же пансионе, где А.Белый; он и устроил нас здесь. Разговоры с ним мне очень приятны; ты знаешь, как я его люблю» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.287). Гершензон поселился в пансионе Крампе (Victoria-Luise Platz), где, кроме Белого, проживали В.Ф.Ходасевич, Н.Н.Берберова и другие писатели.

² Ср. свидетельство Н.Н.Берберовой: «Пансион помещается на четвертом и пятом этажах огромного дома с мраморной лестницей <...> Комнаты наши выходят во двор <...> И есть комнаты, которые выходят на площадь – Виктория-Луизаплац – два этажа по фасаду – тоже Крампе (там живет Гершензон)» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.185).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО К М.Б.ГЕРШЕНЗОН

Москва. 20 марта <19>25 года.

Глубокоуважаемая и дорогая Марья Борисовна,

Вы меня бесконечно радуете, что принимаете мои слова о Михаиле Осиповиче, слова скудные, немые; если их оправдывает что-либо, так это, действительно, моя любовь к покойному; и глубокая благодарность за все то, что он дал мне в жизни; он дал мне *действительно много*; и не только трудами своими, но фактом своего бытия. А последнее время, хотя мы и редко видались (этому виной служила вся незадачная *техника* моей жизни), одна мысль, что где-то есть М.О., что всегда в крайней необходимости можно к нему зайти, – одна эта мысль поддерживала.

Дорогая Марья Борисовна, я конечно доставлю Вам тотчас текст моей статьи о М.О., как только получу его. Дело в том, что черновика у меня нет и текст в наборе (он появится в ближайшем № журнала «Россия»).

Марья Борисовна, когда мы стояли над М.О. у Вас, а он лежал такой спокойный, прекрасный и просветленный, я следил за непонятными для меня словами еврейской панихиды, но я их *понимал* душой; мне казалось, что слова кантора действительно открывают путь М.О. и что вот он уже встал и пошел – твердо, уверенно, ясно: пошел к Богу, куда и мы пойдем за ним; веяло тишиной сквозь боль и скорбь расставания; но тишина была от уверенности, что и мы пойдем – за ним: к Богу. И – стало быть: как-то встретимся; и – будем работать *там*; а для меня (как антропософа) и *здесь еще* – в далеком будущем. Для меня ясно (и как-то знаю это в себе), что мир *конкретной мысли* и связанный с мыслью *воспоминанием* есть единственно данная нам в этой, физической, жизни форма (хотя еще бледная) духовной жизни, т.е. *жизни вечной*, и что наши *мысли и воспоминания* после смерти нашей останутся в вышедшем из *«тел»* «я»; и там-то в них будет крепнуть рост нашего пути после смерти; *мысли и память* – это то, что соответствует телу новорожденного – *там*; а стало быть: *мысли* наши до смерти суть форма жизни духовной, аналогичная жизни утробной младенца; как из зародыша развивается гениальное, человеческое «Я» (всякое «Я» в себе гениально), так из мыслей наших развиваются непостижимые для нас богатства реальной жизни *«там»*.

К чему я это говорю?

А вот к чему: *мысли* М.О., его *воспоминания*, оставшиеся с ним «там» о нас, и наши *мысли* о нем «здесь» – пересекаются *реально*: М.О. живет *с нами* в наших воспоминаниях, не аллегорично, а фактично; и обратно: мы пребываем с ним в культе *Памяти* о нем; и это, опять-таки, не аллегорично, а фактично: действительно. Формы нашего общения с близкими все время меняются; ребенок до 2-х лет еще не знает матери в нашем смысле; он ощущает мать как *душевно-физиологическое*, *его кормящее* тепло. Он не знает лица матери, ее морального мира; он не знает мать так, как потом ее узнает и как мы все помним наших родителей; *отрыв от груди* младенца есть в его младенческой жизни не меньшая катастрофа, чем для нас *смерть матери*; и вероятно: акт рождения есть смерть для младенца в его периоде *жизни в матери*.

Но взамен утраты матери, как *физиологической связи с ней* (зародышевая жизнь), взамен утраты матери, как *питающего тепла* (вторая смерть матери), вырастает тот образ матери, который для нас имеет такой глубокий смысл: *образ моральный*; он вырастает из *смерти* двух других ощущений матери (1) мать, как *кормящая*, 2) мать, как имеющая родить в земную жизнь); если бы младенец способен был понимать в период своей жизни *до отрыва от груди*,

что он лишится *питающей матери*, то он наверное пережил бы отрыв от *груди как смерть матери*, ибо *моральный образ* матери в нем еще *слаб* (на нашем языке – «*абстрактен*»); с ростом сознания младенца мать *по-новому* возвращается к нему; и новый, моральный завет образуется между ними. Связь – восстановлена.

Все, что я пишу о матери и младенце, имеет касание к моим мыслям о М.О. ... Вот – *мать умирает*; остаются *воспоминания* и *мысли*, т.е. нечто абстрактное, не способное вернуть живое общение. Но это – фикция; это – рассуждение младенца, отнятого от груди, лишившегося животного тепла; и в нем – «*якобы и матери*»; пройдет год, два, – и «*мать*» ярко встанет перед младенцем в моральном облике: не как «*питающая и греющая*» грудь, а как человек. А после смерти человека-матери (третья смерть для «*ребенка*» ее) этот ребенок, если он сознателен, должен сказать: *жди новой встречи*. Смерти в «*смерти*» – нет; смерть есть предельная форма удаления от теперешней формы нашего сознания. Смерть есть переход.

И – вот.

Мы лишились «*человека*» М.О.; но мы не лишились *воспоминаний* и *мыслей* о нем; *воспоминания, мысли* – это в теперешней стадии жизни еще *слабое*, неокрепшее (и потому абстрактное) представление о высшей ступени *реальности*: действительности. Действительность – от слова *действие* (Wirklichkeit от Wirken); действительность – нечто *содеянное*; она – не обстающая данность, а – итог какой-то работы. Духовная действительность есть творимая нами высшая ступень данной действительности. В моем мировоззрении эта высшая ступень – в конкретных, медитативных, т.е. действительных, мыслях, которые – реальный бурав, пробуравливающий нас в «*туда*», куда ушел М.О. Мы лишились его облика, его «*человека*», согревавшего нас физической близостью, может быть, для того, чтобы еще прекрасней, еще ближе, еще моральней встретиться с ним завтра, уже не как с человеком, а как с «*духом*»; он – как бы ушел; но осталась *память*, т.е. укрепленные вниманием мысли о нем. Для меня, как антропософа, *память* есть действительное начало (уже сейчас) встречи с ним, как с Духом, подобное встрече ребенка с матерью-человеком, после смерти матери, как питающей груди. М.О. – не ушел от нас; и когда мы думаем о нем «*отсюда*» – «*туда*», он знает и слышит эти думы «*оттуда*» «*сюда*». Будем же работать над укреплением этой *реальной связи с ним*, и не будем думать о том, что «*не могу согласиться, что остались мне одни воспоминания*» (Ваши слова). «*Одни воспоминания*» – но в этом всё: *воспоминания* – не *воспоминания*, а активная работа над восстановлением еще более тесных связей, чем прежде; мы должны усилием

нашей разумной воли превратить «воспоминания» в условия начала новой, и на этот раз *последней и теснейшей* встречи; этапы встречи с матерью младенца: 1) *Мать – меня обнимающий мир* (утробное состояние); если бы была психология утробного мира, то на языке этой психологии рождение в жизнь выглядело бы гибелью утробного мира, т.е. *гибелью матери*. Но эта гибель именно приводит к новой встрече новорожденного с матерью, как с кормящей грудью. 2) *Мать – меня питающее и греющее начало*: постепенно я забываю мою прежнюю мать (мир, меня обнимающий) и воспринимаю мать как нечто, непосредственно, животню касающееся меня. Если бы была психология питающегося грудью младенца, то на языке этой психологии *отрыв от груди* означал бы разрыв животной связи с матерью, т.е. опять-таки: *гибель матери*. Но именно эта гибель приводит к новой встрече начинающегося развиваться *человеческого* сознания: с образом *матери-человека* (а не груди).

3) Мать – самый близкий, самый чуткий человек: я утрачиваю память о матери, меня кормившей грудью, и воспринимаю мать «человечески» (душевно). Психология этого душевного лишения матери, смерти морального образа матери, и перенесение этого образа в страну «воспоминаний и мыслей», носила бы черты того чувства, которое совершенно естественно испытываете Вы, лишившись М.О. «*Осталась комната, битком набитая бумагами и бумажонками... несколько портретов. Это все от физического М.О. ... Как же он умер? Я этого не в силах принять*». (Ваши слова). Он – не умер: «*умер*» – глупое слово; мы лишились «душевно-телесного» образа; и от нас зависит, *развиваясь далее* (так, как развивает сознание оторванный от груди матери младенец), встретиться *еще раз* с М.О., уже как с Духом. Из духовного мира, который выше нас, – брошен в наше «*подводное царство*» узкий канат, по которому карабкаясь, мы можем выкарабкаться с dna морского на поверхность моря и быть выгашенными на корабль, где встретимся с близкими.

Корабль – духовный мир; матрос, бросающий оттуда сюда канат, чтобы некогда «*вытащить*» к жизни Дух М.О.; *канат* – его мысли «*оттуда сюда*»; жест наш – схватиться за спасительный канат; этот жест – укрепить наши мысли о нем, твердо зная, что мысли о нем есть реальное касание его нас, думающего о нас; надо волей к жизни творить уже близкую (не так нам всем далеко ждать) новую встречу с ним; оставим «*мертвецов*» погребать «*мертвецов*»; будем думать о «*живых*»; такой «*живой*» – М.О. «*Вечная Память*» («*И сотвори ему Вечную Память*») вовсе не «*воспоминание*», а еще не

* В автографе: гибелью

укрепленная в нашей душевности *точка* духовной жизни. «Только воспоминания» – нет, не только: из этого «только» мы имеем еще здесь, на земле, возможности создать «все».

Марья Борисовна, – верьте; это – не абстракция, а *реальность*; наши якобы «реальные» отношения друг к другу – «субъективные», «душевные», «личные»; ушла от нас только «личность» М.О.; но она теперь – ширится «вне себя», охватывает нас, зовет не к могиле, а к жизни духовной. Я бы мог многое сказать на эту тему, но – надо кончать.

Не был у Вас не потому, что не хотел быть, а потому, что в первые дни после нашей последней, печальной встречи валялся в «сердечных» *припадках*; потом – тьмы неизбежных хлопот, неприятностей; машина, на которой еду по жизни, мой велосипед, называемый «Борисом Николаевичем», портится; и я уже прошу у Бога отпустить меня, чтобы мне слезть с испорченного велосипеда, порой ставшего настолько беспомощным, что он уже разучивается передвигаться по земле. У Вас не был «испорченный велосипед», «Борис Николаевич». Но «Я» много раз думал о том, что соединяет наши духовные «Я».

Милая Марья Борисовна, – «Борис Николаевич» сейчас действительно болен: оттого-то не мог он быть и у Вас и на вечере, посвященном памяти М.О.¹; теперь этот «поломанный велосипед» выкачивают из Москвы, чтобы немного его починить²; как только он починится, – он «появится» у Вас. Пока же сердечно простите, что до сих пор я не был у Вас.

Но по возвращению в Москву** буду непременно.

Главное: не верьте, когда физические и психические немощи заставляют меня не бывать у друзей. «Духом» я посещаю, насколько умею, друзей.

Я не допускаю мысли, чтобы временная разлука с М.О. могла отозваться в Вас как отчаяние; нет – эта временная разлука должна в Вас вызвать взрыв сил и желание работать над собой, как бы это ни казалось трудным, чтобы схватиться за канат, брошенный «оттуда сюда» М.О. Этот канат – «мир мысли о нем»: страна воспоминаний.

Христос с Вами!

Глубоко преданный Вам

Борис Бугаев.

P.S. В то время когда писал Вам это письмо, мне звонил Лежнев, редактор журнала «Россия»³, с которым мы должны были быть у М.О. в среду⁴ (т.е. через неделю после кончины М.О.), дабы скло-

* В автографе: охватывается

** В автографе описка: из Москвы

нить М.О. к одной работе в журнале, в котором *стоит* работать. Лежнев на днях будет у Вас, завезет Вам корректуры моей статьи⁵ и будет покорнейше просить Вас дать что-нибудь из материалов, оставшихся от покойного, для напечатания в журнале «Россия». С моей стороны я замечу лишь: в настоящее время «Россия» – единственный «*suoi generis*» журнал, печататься в котором имеет смысл.

¹ Вечер памяти М.О.Гершензона состоялся в Союзе писателей 16 марта 1925 г. См.: Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном. Публикация и комментарий Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. №33. С.238-239.

² Речь идет о принятом решении выехать для последующего жительства под Москву. 24 марта 1925 г. Белый переехал из Москвы в Кучино (по Нижегородской железной дороге).

³ И.Лежнев (наст. имя Исая Григорьевич Альтшулер; 1891–1955) – публицист, литературовед; редактор журналов «сменовеховского» направления «Россия» и «Новая Россия» (1922–1926). В журнале «Россия» были опубликованы глава из «берлинской» редакции воспоминаний Андрея Белого «Начало века» – «Арбат» (1924. №1), а также его «Дневник писателя. 1. Ритм жизни и современность» (1924. №2) и некрологические статьи «Валерий Брюсов» (1925. №4) и «М.О.Гершензон» (1925. №5), в журнале «Новая Россия» – «Дневник писателя. Литература и недра быта» (1926. №3).

⁴ 25 февраля.

⁵ Подразумевается некрологическая статья «М.О.Гершензон».

ПИСЬМА В.ХОДАСЕВИЧА И Н.БЕРБЕРОВОЙ

Из архива Ольги Ресневич-Синьорелли (1923–1932)

Публикация Э.Гарэтто

Архив Ольги Ресневич-Синьорелли (1883–1973), переводчицы и популяризатора русской культуры в Италии, является богатейшим источником информации о русско-итальянских литературных связях за первые десятилетия XX века. Переписка с литераторами, философами, деятелями театра, художниками дает новые ценные сведения о жизни русской эмиграции и об отношении итальянской интеллигенции к русской культуре.

Ольга Ресневич, латышка по происхождению, приехала в Италию в 1905, училась на медицинском факультете в Сиене и Риме. В 1910 вышла замуж за Анджело Синьорелли, и с тех пор дом их превратился в один из центров культурной жизни итальянской столицы, где собирались деятели культуры не только Италии, но и всей Европы¹. Ольга Синьорелли была также связана с до- и пореволюционной русской колонией в Риме, помогала многочисленным русским литераторам и художникам, проезжавшим через Вечный город или живущим в нем постоянно². Борис Зайцев называл ее «заступницей и прибежищем литераторов»³, а Николай Оттокар обращался к ней как к «своего рода интеллектуальному Российскому Консулу в Риме»⁴.

¹ Подробнее о ней см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.5. Paris, 1988. С.167-168; *Materiali sull'emigrazione russa* // *Europa Orientalis*. 1991. №10. С.383-384 (далее – ЕО). Архив хранится в Fondazione Cini (Венеция) и, в небольшой части, в семейном архиве в Риме.

² См. наши публикации: Письма Н.С.Гончаровой и М.Ф.Ларионова к Ольге Ресневич-Синьорелли. // *Минувшее*. Вып.5. Указ. изд. С.165-182; Письма Нины Петровской к Ольге Ресневич-Синьорелли // *Минувшее*. Вып.8. Paris, 1989. С.91-133.

³ ЕО. С.397.

⁴ Из письма Н.Оттокара 1924-го года (фонд Синьорелли). См. письмо 17 настоящей публикации.

Эта оценка объясняется, главным образом, ролью популяризатора русской культуры, а на «бытовом» уровне – постоянной помощью, которую Ольга Ресневич-Синьорелли оказывала русским эмигрантам в получении итальянской визы. Муж ее был очень известным врачом, что давало тесные связи с официальными кругами столицы и обеспечивало идеальные условия для «консульской деятельности». Особенно активной стала она в начале 1920-х и относилась, главным образом, к «русскому Берлину», где, как известно, находилось в те годы множество деятелей русской культуры. Связь с ними не ограничивалась для Ольги Синьорелли кругом ее личных берлинских знакомств, она приняла активное участие в организации в Риме цикла конференций русских ученых и литераторов. Проект, придуманный для оказания материальной помощи русским интеллектуалам-эмигрантам, входил в рамки деятельности Института Восточной Европы (организатором которого был Этторе Ло Гатто) и Итальянского комитета помощи русским интеллектуалам (руководил Комитетом Умберто Цанотти Бианко⁵, членом его состоял среди прочих и доктор Синьорелли). Лекции и конференции проходили в Риме с 3 ноября по 15 декабря. В них участвовали Бердяев, Франк, Карсавин, Вышеславцев, М.Новиков, А.Чупров, Е.Шмурло, Б.Зайцев, М.Осоргин и П.Муратов⁶. Муратов играл активную роль в организации, ведя переписку между Берлином и Римом, а Ольга Синьорелли добывала визы для докладчиков. Кроме того, она переводила тексты докладов и всячески помогала участникам конференций. В ее архиве сохранились их письма с выражением благодарности за помощь и гостеприимство⁷.

Муратов познакомился с Ольгой Синьорелли весной 1923, во время своей итальянской поездки. Отношения установились самые дружественные, и после возвращения в Берлин началась их переписка⁸. Синьорелли ценила в Муратове тонкого знатока итальянского искусства и в своих неизданных воспоминаниях рассказывает о радости ходить рядом с ним по полупустынным улицам Рима, на которых Павел Павлович «знал буквально каждый камень»⁹. В конце августа – начале сентября того же года сама Синьорелли была проездом в Берлине, где Муратов познакомил ее со свои-

⁵ См.: A.Tamborra. Umberto Zanotti Bianco e i rapporti col mondo russo // Umberto Zanotti Bianco (1899–1963). Roma, 1980. С.98-102; Gli inizi della slavistica in Italia e l'impegno civile di E. Lo Gatto // Studi in onore di E. Lo Gatto. Roma, 1980. С.301-314.

⁶ См.: ЕО. С.383-406.

⁷ Там же.

⁸ Письма Муратова из Берлина к Ольге Синьорелли опубликованы в ЕО (С.387-396), за исключением одного, из которого приводим цитату: «Дорогая Ольга Ивановна, уже два дня я снова в Берлине <...> После Италии как скучен, сер и уныл Берлин! <...> Я очень помню Ваше доброе гостеприимство и ценю Ваше внимание. Pakazetto Bonaparte <имеется в виду дом на via XX Settembre, где жили Синьорелли. – Э.Г.> и всем его обитателям желаю всего, всего лучшего. П.Муратов».

⁹ Воспоминания о Муратове и других русских в Италии хранятся в частном архиве Синьорелли.

ми друзьями: А.Бельм, В.Ходасевичем, Б.Зайцевым¹⁰. Именно в это время начал конкретизироваться проект проведения римских конференций, и можно предположить, что встречи в Берлине были отчасти посвящены его обсуждению.

Планы возможного переезда Ходасевича и Берберовой в Италию и получения ими итальянской визы обсуждались тогда же.

Переписка с Ольгой Синьорелли охватывает весь период их скитаний по Европе:

После Берлина я много ездил, и это, кажется, было главным признаком моего существования. Вы только подумайте: не считая разных мелких городов, побывал я после Берлина в Праге, Мариенбаде, опять в Праге, в Вене, в Венеции, в Риме, в Турине, в Париже, в Лондоне, Бельфасте, опять в Лондоне, Париже, Турине, Риме, в Неаполе, в Сорренто, в Риме, в Париже¹¹.

К моменту начала переписки Ходасевич и Берберова жили в Германии уже больше года. Осень 1923 была для большинства русских периодом кризиса, когда становилось ясным, что жизнь на берлинской «нейтральной полосе» подходит к концу. Причины, побудившие Ходасевича и Берберову покинуть Берлин, были общими для множества их соотечественников: экономический спад и полное крушение литературной и издательской деятельности «русского Берлина» ставили перед людьми неизбежный выбор: возвращаться в советскую Россию или оставаться на Западе уже как эмигранты, начиная свою жизнь с нуля. Положение становилось еще трагичнее, когда решать приходилось за себя и за родных, как это происходило в случае Муратова. Берлинские письма Ходасевича и Берберовой хорошо освещают отчаяние, владевшее автором «Образов Италии».

Ходасевича тоже мучил вопрос о будущем: в тот период он, как и многие русские в Берлине, еще не считал себя эмигрантом, не чувствовал никакой симпатии к официальной диаспоре и даже не исключал возможности возвращения в Россию¹². Однако в то время подобный шаг он считал преждевременным, предпочитая оставаться пока на Западе. Как он писал Анне Чулковой и другим корреспондентам, ему представлялись три возможных пути: Прага, которую он ненавидел из-за присутствия там самой «озверелой эмигрантщины», Париж и Италия. Правда, Париж, как центр эмиграции, его тоже отталкивал:

¹⁰ В «камер-фурьерском журнале» Ходасевича, опубликованном в значительном объеме Джоном Мальмстадом (Новое литературное обозрение. 1993. №2. С.170-205; далее – НЛО), имя Синьорелли фигурирует в записи от 30 августа 1923: «Веч. в рус. рест. (Белый, Бахрах, Осоргины, Муратов, Синьорелли, Ковалева)».

¹¹ Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 тт. Т.4. М., 1997 С.491-492. (далее – СС).

¹² См.: Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.437.

...мы оба боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании¹³.

Италия казалась им особенно привлекательной, не по своим красотам, а потому что «дешевле и всех дальше от эмигрантщины»¹⁴. Поэтому Ходасевич с нетерпением ждет итальянской визы, а Берберова изучает итальянский язык. Муратов перед своим отъездом в Рим еще раз напоминает Синьорелли: «Последняя просьба: о визе для В.Ф.Ходасевича и Н.Н.Берберовой, которые были для меня добрыми друзьями»¹⁵.

Причины, по которым Ходасевичу и Берберовой пришлось так долго ждать (до начала следующего года), тогда как все участники римских конференций успешно и вовремя получили визы, оказались вполне случайными¹⁶. Но когда стало ясным, что ожидание слишком затягивается, Ходасевич отправляется в «бездарную» Прагу, где у него не было близких друзей и рассчитывать он мог лишь на случайное сотрудничество в «Воле России»:

...в одно прекрасное утро, не получая итальянской визы, я решил дожидаться ее в Праге. Предчувствия меня не обманули: мы выскочили из очумелого Берлина 5 числа, а 6-ого там уже пошла всякая чепуха¹⁷.

Надо полагать, что решение переехать в Прагу в какой-то мере было продиктовано и мыслью о том, что Горький скоро придет в Чехословакию (тоже в ожидании итальянской визы). Ходасевич вкладывал много энергии в издание журнала «Беседа» и в то время еще не окончательно разочаровался в Горьком. Как видно из переписки с друзьями, отрицательное отношение к Праге еще усугубилось у Ходасевича по прибытии, и, прожив там месяц, он с облегчением принимает предложение Горького переехать к нему в Мариенбад. Ходасевич и Берберова остаются там до начала марта¹⁸ – до отъезда в Италию. Виза, по-видимому, была выдана лишь на месяц, так как, въехав в страну 14 марта, они покинули Италию 14 апреля 1924.

Приехав в Рим 23 марта, они почти ежедневно виделись с Ольгой Синьорелли – у нее дома, во время прогулок по Риму, в кафе «Греко», почти всегда в компании с Муратовым и Н.Оцупом¹⁹.

¹³ Берберова Н. Кусив мой. Мюнхен, 1972. С.236.

¹⁴ СС. Т.4. С.464.

¹⁵ ЕО. С.393.

¹⁶ Ходасевич пишет Бахраху 7 декабря 1923, что виза «застрянула» в итальянском консульстве в Берлине (НЛО. С.181).

¹⁷ СС. Т.4. С.466.

¹⁸ «Потом пришла моя виза, но развалились зубы. Пришлось вырывать все старые и делать новые. На это ушло 1 1/2 месяца». (СС. Т.4. С.474).

¹⁹ НЛО. С.185.

Переписка с Ольгой Синьорелли после выезда из Италии вскоре возобновилась: Берберова сообщает ей о жизни в Париже. Первые впечатления о городе далеко не восторженные: для Ходасевича это – «бензин, кухня, пудра», его угнетает отсутствие неба (см. письмо 6). Переехав на лето в Ирландию, они снова обращаются к Синьорелли как к «итальянскому консулу» и сообщают ей о намерении поехать к Горькому, который с весны живет в Сорренто²⁰. Ольга Синьорелли, по нашим данным, познакомилась с Горьким в Сорренто, когда он жил со своими родственниками и сотрудниками на вилле Масса. Не исключается, что их познакомил Муратов, который с начала июля 1924 временно переселился на Капо ди Сорренто, в гостиницу «Минерва», и встречался с Горьким²¹. С момента их знакомства и в продолжение всего пребывания Горького в Италии Синьорелли поддерживала дружеские отношения с ним и со всеми членами его семьи²² и часто помогала в получении итальянских виз для друзей и знакомых писателя.

Открытка от Берберовой из Парижа (письмо 8) подтверждает даты отъезда и приезда в Рим: они приехали в Сорренто 9 октября, а в первом письме (от 22 октября) Берберова передает своей корреспондентке впечатления о жизни (см. письмо 9). В самом начале соррентийского периода Берберова ощущает вновь «кронверкскую атмосферу», или, как она говорит об этом в «Курсиве», – «дух постоялого двора». В письмах проходят темы общей жизни и работы с Горьким, «Беседы», семейного быта, информация об обитателях виллы «Il Sorito», снятой, как вспоминает Ходасевич, по его настоянию еще весной.

Из переписки видно, что Берберова и Ходасевич играли роль посредников между Горьким и Синьорелли в переводческой деятельности последней. Речь идет главным образом о переводе работ Горького, но и о других замыслах, так и не осуществленных²³. В письме от 9 февраля 1925 (№12), именно в связи с неудачными попытками переводческих проектов, Ходасевич выражает возмущение атмосферой интриг и домашнего шантажа, окружающей Горького. Раздражение вызывает не только антураж Горького, но и сам «Дука» – главным образом, своим противоречивым поведением в отношении советской власти. Конец «Беседы» лишь ускоряет окончательный разрыв с Горьким.

²⁰ Тема второй визы в Италию проходит и в переписке Ходасевича с Горьким, и в переписке самой Синьорелли с тем же адресатом. 8 сентября Синьорелли пишет Горькому: «Уважаемый Алексей Максимович, визу для Ходасевича и Берберовой достала и сегодня же она отправляется в парижское консульство» (Архив Горького. КГ Рз 8–13/1). А 23 сентября сообщает ему же: «Ходасевич писал мне, что приедут в Рим 6 октября» (Архив Горького, КГ Рз 8–13/4).

²¹ В архиве Синьорелли хранятся три письма Муратова из Капо ди Сорренто от 5 июля, 16 и 25 сентября, где также упоминается Горький.

²² В архиве Синьорелли хранятся два автографа Горького – от 26 сентября 1924 и 20 мая 1925, письмо от Е.П.Пешковой, от Н.А.Пешковой (Тимоши) и от М.И.Будберг; в архиве Горького хранится обширный корпус писем Синьорелли к писателю и членам его семьи.

²³ См. письма 10 и 12 настоящей публикации.

Последняя часть переписки относится к жизни Берберовой и Ходасевича в Париже в 1925 и 1926. Затем наступает шестилетний перерыв, хотя есть сведения о том, что они встречались с Синьорелли в эти годы в Париже. Переписка возобновляется в 1932 – т.е. в год развода Ходасевича с Берберовой, которая и сообщает своей корреспондентке об их расставании.

Предлагаемая переписка интересна, главным образом, тем, что отражает внутреннее состояние Ходасевича и Берберовой в первый период эмиграции, что особенно ярко выражено в письмах Берберовой. Кроме того, письма добавляют новую информацию к обширной теме «русские в Италии», и в частности, освещают деятельность Ольги Синьорелли как связующего звена между русским и итальянским миром.

В настоящей публикации представлено 18 писем: 16 из них хранятся в Венеции, 2 – в Риме. Ходасевич всегда следовал правилам старой орфографии, Берберова – новой. В публикации написание унифицировано в соответствии с современными правилами.

1

Berlin W. 30, Victoria-Luise Pl., 9, Pension Crampe
<начало / середина октября 1923 г.>¹

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

Павел Павлович² мне говорил, что Вы уже предприняли шаги по поводу нашей визы. Большое Вам спасибо за это. Мы уже подготовили все к отъезду. Теперь, так сказать, сидим на запакованных чемоданах и на другой день после получения визы тронемся в путь.

Целую Вашу руку. Жена тоже благодарит и шлет привет.

Владислав Ходасевич

¹ Датируется по содержанию.

² Муратов.

2

Berlin W. Victoria-Luise Pl. pens. Crampe
20.X.<1923>

Многоуважаемая Ольга Ивановна,

простите меня за беспокойство: я решаюсь обратиться к Вам. Сегодня во второй раз была в Итальянском консульстве, – там мне сказа-

ли, что ни мне, ни Ходасевичу визы еще нет. По их словам выходит, что раньше, чем в субботу, 27-го числа, визы быть не может, ибо курьеры из Рима приезжают только по пятницам. Поэтому я решила сегодня послать Вам телеграмму – не будете ли Вы так добры попросить, чтобы визу переслали в берлинское консульство по телеграфу? Простите за все это беспокойство: знаю отлично, что Вас не в меру затрудняю.

Пав<ла> Пав<ловича> выдаю ежедневно. Мне трудно о нем писать. Когда увижу Вас, то расскажу Вам о нем многое. Ваши письма его бодрят и радуют. Спасибо Вам. Ехать в Россию он решил: обещает весной вернуться, – но вынесет ли весь этот крест, – не знаю. Настроение его буквально отчаянное. Если бы Вы были здесь – может быть, нам вдвоем удалось бы его «не пустить». Вы не поверите, как я и Ходасевич его уговариваем, – но все понапрасну.

Душевное его состояние ужасно¹.

Еще раз благодарю Вас за все Ваши заботы о нас. Бердяевы и Осоргин едут завтра². Жму Вам руку, Ходасевич сердечно кланяется.

Ваша Н.Ходасевич-Берберова

¹ 21 октября Муратов писал: «Дорогая Ольга Ивановна! Я получил визу в Россию. Теперь надо уезжать. Мне очень тяжело сделать это, но не могу поступить иначе. Я сделал очень большую ошибку, что выехал из России не один. Теперь надо вернуться к “исходному” положению <...>» (ЕО. С.393).

² В архиве Синьорелли хранится письмо Бердяева от 14 октября, после его возвращения в Берлин, в котором он благодарит Ольгу Синьорелли за заботы о нем и его жене во время их пребывания в Риме. (ЕО. С.399). Там же хранится несколько писем Осоргина, продолжавшего переписку с Синьорелли до конца 1930-х. (ЕО. С.402-404).

Многоуважаемая Ольга Ивановна,
обе Ваши открытки я получила, а не отвечала потому, что все поджидала визу. Вчера была в консульстве. Визы все еще нет. Надо терпеливо ждать: ничего не поделаешь. Они говорят, что и «телеграфно» визы идут через курьера. Следующий курьер ожидается завтра, так что послезавтра, в Четверг, я опять пойду справляться. Думаю, что на сей раз я получу. А если нет – буду ждать еще и еще.

Берлин пуст. Остались буквально П<авел> П<авлович> и мы. Теперь расскажу Вам о П<авле> П<авловиче>. Он до последних дней колебался, ехать ему в Россию или нет, несмотря на категорические письма к Вам и вообще в Италию. Он ждал присылки ему денег из России, без кот<орых> не представлял поездки в Москву. Третьего дня пришла телеграмма, что деньги эти он не получит. Он пришел ко мне. Лицо его сияло! Он едет в Италию! Жизнь в Москве без копейки, конечно, казалась ему невозможной. Он решил с женой и сыном ехать в Рим. Жена его принципиально была на это согласна. Он ушел от нас с тем, чтобы вечером послать уже в Рим телеграмму¹. Но вечером пришел еще раз и объявил, что окончательно едет в Россию. Мотивы: все та же семейная обстановка, ставшая ему нестерпима. Ему были поставлены ряд условий (обязательное возвращение в марте в Москву, совместная жизнь в Риме и пр.), кот<орых> он не смог принять. Мне оставалось только изо всех сил бодрить его. Действительно: с вокзала же он отправится в Москве *один* жить к своему приятелю, и это уже очень хорошо. Даст Бог, обойдется зима, (денежно) и через четыре месяца он вернется в Италию спокойно и свободно. Я, может быть, ошибаюсь, но думаю, что вернется он без сомнения, если только политически это будет возможно. Настроение его мрачно. Ужасно, что помочь ничем нельзя, только добрым словом, а это, что ни говорите, все-таки очень мало. Он обязательно хочет сперва проводить нас, а потом уже ехать. Он ходит со мной в консульство и занимается итальянским. Я думаю, что приехав в Италию, скоро заговорю. Пока одолела грамматику, (что очень просто). Мы мечтаем с Ходасевичем возобновить в памяти латынь. Вообще мысли и даже сны – все об одном, – об Италии.

Еще раз очень и очень благодарю Вас за все, что Вы сделали для нас, дорогая Ольга Ивановна! Простите за беспокойство, кот<орое> мы причиняем Вам. Я надеюсь, что послезавтра я наконец получу визу – тогда мы выедем буквально в 3 дня. Неделю мы пробудем в Венеции, а оттуда во Флоренцию, где и останемся – пока. Я напишу Вам тотчас же по получению визы. Спасибо еще раз.

Ваша Нина Берберова

Ходасевич низко Вам кланяется.

<Притиска Ходасевича:>

Многоуважаемая Ольга Ивановна, я все же не уверен, что и в четверг виза будет. Между тем, мы напрасно проживаем здесь деньги, кот<орые> могли бы прожить в Италии. Поэтому, если не трудно, – не *напомните ли*, кому надо, что если визу еще не послали, то чтобы послали со следующим Курьером.

Простите, что так затрудняю Вас. Но я сижу, жду – и не могу работать.

Целую Вашу руку.

Владислав Ходасевич

¹ В тот же день, 30 октября, Муратов отправил О.Синьорелли письмо: «Дорогая Ольга Ивановна! Мы скоро увидимся... Мне стыдно написать Вам эту удивительную вещь. Но таковы русские! <...>» (ЕО. С.393-394).

4

Берлин, 1 ноября 1923

Многоуважаемая Ольга Ивановна, сегодня выяснилось, что виза еще не получена из Рима. Следующий курьер придет только 8 ноября, – да и то нет гарантий, что он привезет наши визы. Поэтому мы решили переждать это время в Праге. К Вам же у меня просьба: пожалуйста, попросите в министерстве, чтобы визы послали нам не в Берлин, а в *Прагу, в Чехословакию*. Если бы Вы были добры внести деньги в министерство на посылку визы по телеграфу – я был бы Вам бесконечно благодарен, т.к. нам не хочется долго сидеть в Праге. Если бы Вы сейчас были в Берлине, то поняли бы причины, по которым мы так поспешно уезжаем. Мы едем 4 числа утром.

Павел Павлович, как Вы знаете, переменял решение и едет в Италию. Но я думаю, что к тому времени и ему придется ехать через Прагу. Он едет в среду, 7 числа¹.

Пожалуйста, не сердитесь за причиненные хлопоты – и, если можно, постарайтесь, чтобы мы могли явиться в Риме поблагодарить Вас.

Целую Вашу руку. Нина Николаевна шлет сердечный привет.

Владислав Ходасевич

Мой пражский адрес: Panu W. Chodassewic. Uhelni trh., 1. «Volia Rossii» Praha II. Tschekoslovakie.

¹ 4 ноября Муратов писал О.Синьорелли: «Дорогая Ольга Ивановна, завтра будут билеты, визы и все остальное уже есть. В среду 7-ого мы должны выехать. Сколько было разных волнений! <...> Ходасевич и Берберова вчера уехали, отчаявшись получить итальянскую визу, в Прагу. Но они все же настойчиво желают побыть в Италии и приняли меры, чтобы визу им переслали из Берлинского консульства в Пражское». (ЕО. С.393-394).

Paris, (XIV) 207 Boulevard Raspail
<30.IV.1924>¹

Милая Ольга Ивановна!

Сегодня Понедельник – ровно четыре недели прошло с тех пор, как мы были на Фраскати². Я потеряла понятие о времени года: тогда была весна, а сейчас здесь осень – туманная и холодная. Мало радостного было за это время; от Италии остался большой свет – им и живу.

Первая моя мысль была о Вас, когда я узнала о кончине Дузе³. Это Вы научили меня как-то угадывать в ней большого человека. Тысячу раз жалею, что ни разу не видала ее. Думаю, что Вам очень больно сейчас, – всем сердцем разделяю Вашу печаль.

Мы устроились в чудесном квартале, видимся с немногими людьми, живем замкнуто. Думаю, что это надолго, чувствую, что нашли какую-то оседлость. Говорят, Париж прекрасен – но я пока не вижу.

В<ладислав> Ф<елицианович> собирается много работать – иначе и нельзя. Жизнь здесь прямолинейна и сурова. Кое-как нашли обиталище: комнату и кухню. Я хозяйничаю сама – пока это меня не угнетает, – а в кухне висит портрет Гете, над моим «письменным» столом.

Стихов не писала пока, но, кажется, напишу, и тогда пришлю Вам, если позволите, – в душе много накопилось за тот лучший месяц, проведенный в Италии.

Я написала Павлу Павловичу недавно. Как здесь ни трудно, но прожить все же можно, а в особенности ему, – но его не уговоришь⁴. А из России плохие вести. Душа разрывается, когда подумаю о нем, но я помочь ничем не могу, могу только, кажется, портить.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня, что я долго не писала и написала короткое письмо. Я совсем не умею писать писем, могу только вспоминать и любить – что и делаю.

Целую Вас и прошу передать поклон мой г-ну Профессору.

Ваша Нина Берберова

Если будете мне писать, то пожалуйста: две фамилии.

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Frascati – городок в окрестностях Рима, известный своими старинными виллами, парками и фонтанами. По «камер-фурьерскому журналу» Ходасевича, поездка во Фраскати состоялась 7 апреля. (НЛО. С.185).

³ Элеонора Дузе умерла 21 апреля. Ольгу Синьорелли связывала с ней очень теплая дружба. Синьорелли написала биографию Дузе, основанную, в частности, на их многолетней переписке. (Eleonora Duse. Roma, 1938).

⁴ Муратов жил в Риме до 1927.

6

Croft House, Hollywood, Co. Down, Ireland
6 авг<уста> <1>924.

Милая Ольга Ивановна,

если я из Парижа не писал Вам, то не потому, что забыл Вас, а потому, что уж очень не мастер писать письма. К тому же, моя парижская жизнь была так беспокойна и трудна, что сил не было собраться с мыслями. Теперь мы в Ирландии, отдыхаем и понемногу становимся людьми. Здесь очень уединенно и тихо, виден из моего окна даже кусочек моря¹. Я собираюсь приняться за писание стихов, а Нина много времени проводит со своей матерью, приехавшей сюда на время из России².

После Италии Париж (в котором я раньше не бывал) показался мне очень серым и грубым, чем-то вроде похорошевшего Берлина. Здесь, в Ирландии, и то лучше. Главное – хоть плохое, а небо. А Париж – бензин, кухня и пудра. Поэтому я с ужасом думаю о возвращении туда и очень хотел бы избежать этого, – что, отчасти, зависит от Вас. Мы уедем отсюда в конце сентября. Ах, если бы Вы могли и захотели добыть нам к тому времени итальянскую визу! У нас, кажется, будут деньги, и мы сможем поехать в Италию: в Рим – к Вам, и в Сорренто – к Горькому³. Пожалуйста, напишите, можем ли мы рассчитывать на Вашу помощь. Я нарочно пишу так рано, чтобы в сентябре не задерживаться в Париже, а остановиться там на несколько дней, получить визу итальянскую и ехать в Италию.

Если бы Вы были добры хлопотать о нас, то вот необходимые сведения о наших особах:

1) Ходасевич, Владислав (Khodassevitch, Vladislav). Родился в Москве, в 1886 г. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – лучше всего любовь к Италии, можно – здоровье. В последний раз был в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

2) Берберова, Нина (Berberova, Nina). Родилась в Петербурге в 1901 году. Литератор. Паспорт советский. Цель поездки – та же. В последний раз была в Италии с 14 марта по 14 апреля этого года.

Визы должны быть направлены в *Парижское* консульство итальянское, т.к. здесь консульства нет, а в Лондоне мы не остановимся.

Все это я нарочно пишу на зеленой бумаге, чтобы она не затерялась между Вашими вещами, а еще потому, что это – цвет надежды.

Да! прося для нас визы, укажите, что мы едем из Франции и что у нас есть обратные французские визы, это сильно облегчает дело. Пришла Нина и требует, чтобы я оставил низ страницы для нее. Она хочет писать Вам. Будьте здоровы. Пожалуйста, ответьте вообще и о визе – в частности.

Целую Ваши руки.

Владислав Ходасевич

<Приписка Нины Берберовой:>

Ирландия, дорога Ольга Ивановна, это такой север, такая осень, такое белое небо, что и сказать нельзя. Живем мы английской жизнью, размеренной, «удобной» и однообразной. Люди и страна без аромата, без гибкости. На душе безмятежно, ибо не может быть иначе, когда раза три в день ходишь в огород и ешь клубнику, когда лежишь на ковре возле камина, питаешься поджаренным хлебом – Вы представляете себе это! Да еще Ходас<евич> научился вечерами играть в бридж. У меня полная уверенность, что я на другой планете, где люди никогда не видели ни зноя, ни синевы.

У меня здесь большая радость: моя мама приехала из России на два мес<яца> чтобы повидать меня. Когда слушаешь ее рассказы о тамошней жизни, жалеешь, что нет возможности крикнуть на весь мир об этом: Вы понимаете, что о преувеличении не может быть и речи; то, что делается сейчас там в смысле высылания ни в чем не повинных людей в Сибирь – ужасно. Причем детей отсылают обязательно в другое место и жену в третье. Люди стреляются на каждом шагу. Из моих друзей (молодежи) лишь двое оставлены, остальные «вычищены» из университетов.

Милая Ольга Ивановна, как мне ни совестно Вас беспокоить, но я присоединяюсь к просьбе В<ладислава> Ф<елициановича> о визе. Уж очень тянет нас использовать маленькую возможность побыть снова в Италии.

Целую Вас.

Ваша Н.Берберова

Письмо Оцупу я передала⁴.

¹ О пребывании в Ирландии Ходасевич написал очерк «Бельфаст» (Последние новости. 1925. 26 мая; СС. Т.3. С.40-46).

² Ходасевич и Берберова жили у двоюродной сестры Нины Николаевны, которая была замужем за англичанином. О пребывании в Ирландии см. также: СС. Т.4. С.474-480.

³ Ходасевич сообщил Горькому о том, что уже написал О.Синьорелли с просьбой хлопотать о визе. (СС. Т.4. С.477-478).

⁴ Имеется в виду Николай Оцуп (1894–1958). В архиве Синьорелли хранятся два письма Оцупа на итальянском языке (он жил в Милане весной и летом 1924). В первом письме от 17 апреля Оцуп просит показать его письмо Муратову в доказательство его симпатий к Италии и итальянскому языку, рассказывает о работе над поэмой «Встреча» и сообщает, что в Париже у него будет тот же адрес, что и у Ходасевича. (ЕО. С.426-427).

7

12.IX.<1924>

Croft House, Hollywood, Co. Down.

Дорогая Ольга Ивановна,

не знаю, как благодарить Вас за Ваши хлопоты и письмо! Вчера получила его и совсем мы как дети прыгали и радовались весь день. Если все свершится, как мы предполагаем, т.е. виза будет в Париже до нас, то, думаю, числа 6-7-го окт<ября> увижу Вас, фонтаны, форум. Отсюда мы выезжаем 26-го. Рады бы раньше, да нельзя. 27-ого вечером в Париже. Пробудем дня 4. Оттуда числа 2-го выедем и остановимся в Генуе дня на два.

Сейчас пишу Вам и не знаю – неужели будет мне это счастье увидеть Пинчио, небо, город. Здесь я едва живу. Мы ездили (на автомобиле) на крайней север Ирландии, где все англичане говорили very nice, – а мы с ума сходили от ветра, холода и безобразности.

Милая Ольга Ивановна, я из Парижа черкну Вам в точности день нашего приезда. Постараемся приехать вечером, чтобы вновь увидеть берега по дороге.

Сегодня же напишу Павлу Павловичу – не знаю, где он будет около 6-ого числа. Думаем в Риме пробыть несколько дней и мечтаем остановиться в Santa Chiara¹.

Ветер завывает в камине, но мне все равно. Голова кружится от мыслей.

До свидания, обнимаю Вас и благодарю горячо.

Ходасевич низко кланяется.

Ваша Н.Берберова

¹ Название римской гостиницы, где жил Н.Оцуп (см.: Берберова Н. Курсив мой. Указ изд. С.244).

8

<Париж>, 4.X.<1924>¹

Дорогая Ольга Ивановна, в Понедельник вечером приезжаем в Рим, во Вторник утром думает быть у Вас. Все в порядке, спасибо Вам. Ночуем в Генуе, сегодня едем. Обнимаю Вас. Ходасевич целует Вашу руку.

Н.Берберова

¹ Открытка. Частный архив.

9

Villa Massa, 22.X.<1924>

Дорогая Ольга Ивановна, так значит Roggibonsi¹ есть, или даже – было (т.к. Вы мое письмо получите уже в Риме). Мало того, здешняя молодежь вернулась из поездки на мотоциклете и подтвердила существование кипарисов и чудного вина. Здесь действительно великолепно, неожиданно великолепно, как всегда на юге. Первые дни было так тепло, что я даже загорела. Атмосфера в доме легкая, свободная, дружественная. Оба чувствуем себя хорошо.

Насчет переводов Алекс<ей> Макс<имович> просил Вам передать, что книга его в целом (где про Блока и прочее)² – запродана итальянск<ому> изд<ательст>ву и деньги за нее получены. Что до других вещей (всех его статей и рассказов, печатающихся где бы то ни было сейчас), то они вполне свободны, к их числу принадлежит и статья о Ленине³.

Я сейчас перевожу с французского для «Беседы». Написала 2 стиха. Ходасевич делает вид, что мастер предсказывать погоду, но его пессимизму никто не верит.

На зиму переберемся, очевидно, в Саро⁴.

Не забывайте нас, милая Ольга Ивановна.

Всегда Ваша Н.Берберова

¹ Городок в Тоскане, между Сиеной и Сан Джиминиано. Неизвестно, о чем идет речь.

² Имеется в виду кн. «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, 1924). Книга вышла в итальянском переводе Кадеи (Erme Cadei) в Милане в 1925³ у издателя Морреале, под названием «Noterelle».

Ранний вариант воспоминаний Горького о Ленине впервые опубликован в газ. «Известия» (1924. 11 апреля. №84). Другой вариант, со значительными купюрами, вышел в «Русском современном» (1924. Май. №1). См.: Иокар Л.Н. К истории публикации первого варианта очерка «В.И. Ленин» // Неизвестный Горький. Вып.4. М., 1995. С.86-90.

⁴ Имеется в виду Capo di Sorrento.

10

Capo di Sorrento. «Il Sorito»
4.XII.<1924>

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что не писала Вам. Жизнь здесь течет по-прежнему. Мы переехали на другую дачу, я ездила на мотоциклетке в Равелло и Амальфи, – вот и все события. Но я много писала это время. Впервые, перевела новую драму Роллана (для «Беседы») – по-моему, не хорошую¹. Затем перевела повесть с французского тоже (и тоже для №7 «Беседы»), затем – писала стихи. Кроме того у Алекс<ея> Макс<имовича> масса хороших книг – пересланных из Берлина. Перечитываю Стендала, Флобера, римских авторов.

Ходасевич немножко хворает, а то было бы совсем хорошо. Но и вообще – здесь очень, очень чудесно, тихо, ясно и благополучно – иногда хочется и этого.

Милая Ольга Ивановна, не ругайте меня – я сделала все, что могла относительно статьи о Ленине. Вам ее в полном (не урезанном) виде должны прислать из Берлина.

Пьеса «Вне закона» – Лунца, моего друга, молодого беллетриста, умершего полгода тому назад. Пьеса может Вам подойти. Она напечатана в №1 «Беседы». Есть ли у Вас он? Если нет, я пришлю. «Вне закона» переведено на немецкий и чешский языки и сейчас где-то идет – не то в Праге, не то в другом месте. В №7-ом «Беседы» будет рассказ Горького (6 января должно быть) – по-моему, удачный: может быть, пригодится Вам². Вообще же я не совсем понимаю, в какой мере его переводы свободны.

Едете ли Вы куда-нибудь на Рождество? Мы тут хотим даже маленькую елку устроить³.

Между прочим, прочла я здесь Папини «Трагическ<ую> ежедневность». До чего этот человек умен и остер! Воображаю, какой он интересный собеседник!⁴

Привет Вам от Ходасевича. Целую Вас и жму Вам руку.
Н.Берберова

<На полях:> Что за человек Вяч<слав> Иванов? Знаете ли Вы его? Мне очень интересно Ваше о нем суждение.

¹ Драма Роллана в «Беседе» напечатана не была из-за прекращения журнала.

² Имеется в виду «Рассказ о необыкновенном», напечатанный в последнем выпуске «Беседы» (№6/7).

³ Ходасевич описал эту елку в письме к Гершензону (СС. Т.4. С.482).

⁴ «Il tragico quotidiano» (1904), один из первых «метафизических» рассказов Папини. Синьорелли была с ним в дружеских отношениях. Издана их переписка: Carteggio Papini – Signorelli. Milano, 1968.

11

«Il Sorito», 28.I.<1925>

Дорогая Ольга Ивановна,
в пятницу в Рим из Сорренто приедут племянница В<ладислава> Ф<елициановича> – Валентина Михайловна Дидерихс и муж ее Андрей Романович¹. Вы им достали в Италию визы, и они хотят лично поблагодарить Вас за это². Поэтому не удивляйтесь, если они нанесут Вам визит, я им дала Ваш адрес.

Мы думаем через месяц трогаться в Париж. Здесь жизнь все та же: ездили кататься, гуляем, работаем. Здесь очень увлечены раскопками, в саду и в S.Agata, на горе. Каждый день в дом приносятся черепки амфор – так что даже Ходасевичу пришлось поверить во многое, чему раньше не верилось. Он стал принимать глицерофосфат и говорит, что это совершенно уничтожает в нем скепсис.

Павел Павлович все не материализуется в наших местах. Материализуется ли он в Риме?

Сын Ал<ексея> Макс<имовича>³ завел себе собаку, огромную овчарку, и в округе начались крестьянские бунты, т.к. все терроризированы.

Вот все наши новости скромной провинциальной жизни. Я уже потихоньку от В<ладислава> Ф<елициановича> начинаю мечтать о трехдневной остановке в Риме, о Пинчио, кот<орое> все-таки остается самым для меня любимым местом на земле. Юг Италии меньше мне говорит, чем север; города – больше сельских пейзажей. Жаль,

что мы едем отсюда в феврале⁴ – слишком рано для Венеции, а то бы я, не считаясь ни с какими денежными трудностями, хоть на 3-4 дня вырвалась бы туда.

Итак, приблизительно через месяц мы увидимся, милая Ольга Ивановна.

Ходасевич сердечно кланяется Вам. Я целую Вас и прошу передать привет Вашей семье.

Н.Берберова

¹ Ходасевич В.М. (1894–1970) – художница, автор мемуаров «Портреты словами» (М., 1987). Дидерихс А.Р. (1884–1942) – художник.

² В уже цитированном письме к Горькому от 8 сентября 1924, Синьорелли также пишет: «В Министерстве ин<остранных> дел мне сказали, что Diederiks подали прошение о визе из Лондона, и таким образом нельзя обойтись без ответа из Министерства внутренних дел. Завтра пойду туда и постараюсь дать толчок неподвижному колесу бюрократии» (Архив Горького. КГ Рз-8 – 13/1). А 23 сентября она сообщает ему же: «nulla osta для визы Diederiks'у и жене было отправлено в Министерство Иностранных дел 18 сентября и как только мне сообщили, пошла туда, чтобы хлопотать о том, чтобы визу отправили в Лондон. Обещали, что это будет сделано не позже 22 сентября. Очень Вас прошу сообщить им это. Не могу сделать это сама, так как не знаю их адреса» (Там же. КГ Рз 8 – 13/4).

³ Максим Алексеевич Пешков (1897–1934) – сын Горького и Е.П.Пешковой.

⁴ Ходасевич и Берберова уехали в апреле. По «камер-фурьерскому журналу», они были в Риме с 18 по 21 апреля и ежедневно встречались с Синьорелли и Муратовым. (НЛО. С.192-193).

<Sorrento 9.II.1925, Mitt. Hadassevitch «Il Sorito»>¹
Sorrento воскресенье

Милая Ольга Ивановна,

Моя племянница² вернулась сейчас из Рима и сказала, что Вы два раза писали Нине, прося выслать листок из пьесы Лунца. *Ни одного из этих писем Нина не получила.* Иначе листок уже давно был бы у Вас. Нина только в пятницу узнала об этом из открытки моей племянницы и сейчас уже приготовила Вам конверт с листком, – но отправить не смогла, ибо в пятницу днем расхворалась и с тех пор лежит в постели. У нее грипп, но температура доходит до 38,9.

Брат Лунца не отвечает ни Вам, ни Нине. По-видимому, он переехал или сошел с ума (чего можно было ожидать). Однако, Вы этим не смущайтесь. Родные Лунца будут только довольны, если его пьеса пойдет. Кроме того, они очень хорошо относятся к нам, в особенности к Нине. Поэтому – ставьте, пожалуйста, пьесу, а всякую ответственность перед родными Лунца мы с Ниной принимаем на себя. Вот еще мысль: напишите отцу Лунца, Hamburg, Isestrasse, 81, Herr Nathan Lunz, опять-таки укажите, что мы с Вами друзья.

Если Вам понадобятся сведения о Лунце, то укажите, какие именно, – мы пришлем.

Мне кажется, что намеков на фашизм усмотреть в пьесе нельзя будет: там все слишком похоже на коммунизм. Кроме того, можно указать в программе, что пьеса писана в 1922 году, в России¹.

Пожалуйста, не сердитесь за то, что мы не добыли для Вас полный текст статьи Ал<ексея> Макс<имовича> о Ленине². Это оказалось невозможным: у Марии Игнатьевны какие-то напряженные и таинственные сношения с Lo Gatto.

Вообще, все, что касается Горького, должно проходить такую сеть домашнего шпионажа, интриг и никому не понятных фокусов, что руки опускаются. Пожалуйста, пишите нам *заказные* письма. Простые к нам плохо доходят: у них нет сил победить чье-то дружеское внимание. Увы!

Целую Вашу руку. Нина Вас обнимает и шлет привет. Сердечный привет также профессору и девочкам.

Сердечно Ваш

Владислав Ходасевич

¹ Написано на конверте.

² Имеется в виду Валентина Ходасевич.

³ Пьеса вышла по-итальянски в переводе Ло Гатто под названием «Fuori Legge» (Roma, 1925).

⁴ По поводу пьесы Лунца и статьи Горького 14 февраля 1925 Валентина Ходасевич писала Сеньорелли: «Многоуважаемая Ольга Ивановна, сижу здесь, с восторгом вспоминаю Рим и сожалею, что так мало удалось побывать там. Надеюсь скоро опять поехать. Рукопись статьи Алексея Максимовича о Ленине до сих пор не получена из Берлина. На днях сюда придет уполномоченный А<лексея> М<аксимовича> по его делам в Берлине, и ему еще раз будет сказано, чтобы он прислал рукопись сюда. После чего ее Вам перешлют. Я узнала, что права на печатание и постановку в театре произведений Л.Лунца принадлежат издательству Эпоха (Spichen Strasse 4, Berlin W. 50. Epoque Verlag). Заведует Эпохой Соломон Гитманович Каплун. Мне кажется, что если Вы ему напишете, то этот вопрос выяснится скорее, чем через брата Лунца, т.к. брат Лунца должен будет действовать также через Эпоху». (Архив О.Сеньорелли).

Paris (VII) 8, rue Amélie, Pretty Hôtel
<начало мая 1925>¹

Дорогая Ольга Ивановна,

простите, что молчала так долго. После наших встреч в Риме мне надо было написать тотчас же. Но сумбур первых дней отвлек меня от Италии и всего итальянского – когда наступила, наконец, «парижская жизнь», я опять мыслью вернулась к промелькнувшему Риму. О римской русской жизни знаю только из письма П<авла> П<авловича> – отчаянного, после того вечера, когда освистали его рассказ.

Здесь нам живется по здешнему не плохо. У нас комната (одна!) в небольшом отеле. Обедаем близко от дома. «Chez soi» спокойно и благополучно. Стоят два небольших письменных стола – довольно идилично. В<ладислав> Ф<елицианович> много пишет для газет – это его основной заработок. Я думаю устроиться работать в кинематографе. Всякая служба своей регулярностью меня угнетает и не дает мне писать. А это, кажется, будет лучше и выгоднее. Кругом люди нуждаются очень.

Ближайшие наши друзья – Сураварди и один наш с ним общий друг – Бахрах². Вместе иногда коротаем вечера – в кафе или у нас за бриджем. Еще выдаю Осоргина и Зайцева. Но один – неврастеничен, а другой – церковно-религиозен, и оба не слишком мне по душе.

В общем, жизнью я довольна и думаю, что прочно сейчас засели мы в Париже. Очень приятно чувствовать, что можешь никуда не двигаться. От этого какая-то «оседлость» в жизни. Мы с В<ладиславом> Ф<елициановичем> вообще ведь живем до смешного без «быта», от этого всегда веет от нас «цыганством». Париж чудесен, несмотря на дождь и холод. Он может примирять и с городом современным и с индустрией и всем внешним в нашей жизни, которое здесь не мешает нутру, – духу, – и не идет наперекор ему.

Самое неприятное из всей жизни в Италии – для меня Вяч<слав> Иванов. Не могу скрыть от Вас, как он мне не понравился!³ Стараюсь забыть его.

В<ладислав> Ф<елицианович> кланяется Вам сердечно. А я прошу Вас передать привет профессору Синьорелли и девочкам.

Целую Вас от всей души.

Ваша Н.Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: Roma 13.V.1925.

² Сураварди Х.Ш. (1890–1965). Подробнее о нем см.: НЛО. С.187-188. О нем Ходасевич писал в очерке «Белый коридор». Некоторое время Сураварди жил в Италии, дружил с Муратовым, Оттокарром. В архиве Синьорелли хранится одно письмо от него из Праги за 1924. Бахрах А.В. (1902–1985) – литературный критик, журналист.

³ О римских встречах с Вяч.Ивановым см.: НЛО. С.192-193; см. также: Из переписки В.Ф.Ходасевича (1925–1938) / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее. Вып.3. Paris, 1987. С.264-268.

14

Paris (VII) 8, rue Amélie, 29.VI.<1925>

Дорогая Ольга Ивановна,

это письмо принесет Вам наш большой друг, а также друг Сураварди – Владимир Афанасьевич Подгорный – один из приятнейших людей на свете, артист Моск<овского> Худ<ожественного> Театра¹. Он впервые в Италии и не так давно выехал из России. Он передаст Вам мои и Влад<ислава> Фел<ициановича> поклоны и расскажет о нашей жизни.

Вы не пишете, и мне очень грустно. Неужели Вы забыли нас, милая Ольга Ивановна? А мы помним Вас и любим по-прежнему и вспоминаем часы, проведенные у Вас. Я надеюсь, что все Ваши здоровы. Передайте, пожалуйста, всем привет.

Мы много работаем и кружимся целыми днями. Иногда охватывает тоска – но большей частью чувствую себя веселой и по-прежнему довольна своей судьбой. Пишу даже стихи, но из-за денег пришлось устраиваться в кинематографе (играть)² – это как-то все же больше мне по душе, чем какая-нибудь служба.

Ходасевич занят газетной работой и начинает писать прозу – повесть³.

Из Италии за последнее время ни он, ни я не получали писем: «Саро ди Соргенто» молчит, Вы молчите, а Пав<лу> Павл<овичу> я сама не ответила: как-то вдруг рассердилась на его вялые и печальные письма.

Я все-таки думаю, что когда-нибудь получу от Вас, хоть строчку, – дорогая Ольга Ивановна! Неужели Вы не приедете в Париж? Вспомните, пожалуйста, что еще живы на свете Ходасевичи, которые хотят Вас видеть или хотя бы читать Ваши письма.

Обнимаю Вас сердечно и целую. Ход<асевич> кланяется низко Вам и Вашей семье.

Всегда Ваша

Нина Берберова

¹ Подгорный В.А. (1879–1947) – актер, играл в театрах-кабаре – «Бродячей собаке», «Привале комедиантов», «Кривом зеркале», «Летучей мыши»; один из секретарей Правления 1-й Студии МХТ, брат актера МХАТ Н.А.Подгорного.

² В кн. «Курсив мой» Берберова пишет, что «три раза снималась статисткой на киносьемках» (С.256).

³ По всей вероятности, речь идет о неоконченной повести о «людях русского символизма», опубликованной в «Возрождении» (14 апреля 1931). См. также: СС. Т.3. С.525.

15

8, rue Amélie, Pretty Hôtel, Paris (7-e)
19 июля 1925

Милая Ольга Ивановна,

страшно совестно, но решаюсь просить Вас – конечно, о визе. К сожалению, не для себя, мне сейчас в Италию не выбраться. Но здесь есть одна актриса, которой очень хотелось бы на месяц съездить в Италию. Если для Вас это не слишком затруднительно, то, во имя нашей дружбы, помогите ей в этом. За то, что она отнюдь не имеет никакого отношения к политике, я ручаюсь.

Вот необходимые данные:

- 1) Лариса Андреевна Гатова¹.
- 2) Актриса.
- 3) Родилась в 1894, в Харькове.
- 4) Желает пробыть в Италии один месяц.

Пожалуйста, черкните мне, можете ли Вы устроить эту визу. Не сердитесь, что затрудняю Вас: хочется оказать услугу, а без Вас не могу этого сделать. О себе писать не умею, да и нет ничего занимательного. Довольно много работаю – вот и все. Мы Вас очень часто и любовно вспоминаем, одни и с Сураварди. Кстати, эта Гатова – скорее знакомая Сураварди, чем наша.

Целую Ваши руки. Привет Вашему мужу и девочкам. Скажите Марии, чтобы она больше ела.

Всегда Ваш

Владислав Ходасевич

<Притиска Берберовой:>

Милая Ольга Ивановна,

что же Вы нас совсем позабыли? Получили ли Вы мое письмо через Подгорного? Был ли он у Вас? Крепко Вас целую. Ваша Н.Берберова.

¹ Неустановленное лицо.

16

14, rue Lamblardie, Paris (XII)
<середина апреля 1926>¹

Дорогая Ольга Ивановна, пишу на конверте Ваш фантастический адрес² и не верю, что мое это письмо сделает такой длинный путь и найдет Вас у самых берегов Малой Азии, на такой древней и далекой земле. Все это время, что я не писала Вам, я часто думала о Вас и вспоминала самые свои лучшие дни в Италии, проведенные вблизи Вас.

То малое, что я о Вас знаю, принесла мне Р<аиса> С<амойловна> Кроль³. Среди ее милой болтовни о римских друзьях, я немного уловила о Вас и Вашей жизни. Но это слишком мало, чтобы представить Вас сейчас в Вашей душевной и духовной жизни. О внешней хочу Вам задать вопросы: надолго ли Вы приехали на Родос? Давно ли? Когда возвращаетесь? Все это мне хочется знать.

Мы с Ходасевичем живем по-прежнему друг с другом и друг для друга. Эта жизнь моя не изменилась. Рады бы мы вообще «уйти от мира» по возможности, да держат узы, без которых не прожить. О нашей жизни внешней скажу Вам два слова: зимой мы жили за городом, месяц тому назад переехали в Париж, взяли тут квартиру, кое-чем ее обмелбировали, и вот «осели», впервые за 4 года, и, видимо, надолго. Как бы мы хотели оба, милая Ольга Ивановна, чтобы Вы к нам заглянули! Ну что вам стоит приехать в Париж? Здесь так чудесно в мае!

За последнее время жизнь стала настолько тяжела, что я немножко поистеряла свой духовный багаж, но надеюсь скоро приняться за настоящее писание. Этой зимой я сделала два прозаических опыта, кот<орые> Вам и посылаю⁴. Папини сейчас и тогда, когда я писала эти рассказы, стоит и стоял в центре моих литературных (и более онтологических) привязанностей. Не осудите меня за посылаемое: это, действительно, первое, что мною написано в прозе.

От всей души шлю Вам привет и поцелуй, дорогая. Вл<адислав> Фел<ицианович> целует Вашу руку.

Сердечно и всегда Ваша

Нина Берберова

¹ Датируется по почтовому штемпелю получения: Roma 22.4.1926.

² Письмо отправлено на остров Родос.

³ Гуревич Р.С. (1894–1979) – актриса, балерина (псевд. Раиса Лорк), в первом замужестве жена режиссера Г.А.Кроля (1893–1932). В 1925 развелась с Кролем и вышла замуж за Giorgio de Chirico.

⁴ В письмо вложены две газетные вырезки с короткими рассказами: «В ночь бегства» и «Действующие лица».

17

10 bis, rue des 4 Cheminées, Boulogne s/Seine
22 июня 1932

Дорогая Ольга Ивановна,
позвольте по старой дружбе беспокоить Вас просьбой. Мой друг Владимир Васильевич Вейдле¹, которого Вы у нас видели, и с которым мы вместе были на выставке Вашей дочери², собирается поехать недели на две во Флоренцию – гостить к проф. Оттокар³. Визу добудет он себе сам и в этом отношении затруднять Вас не будет. Но при хлопотах о визе нужно указать двух лиц, живущих в Италии и лично знающих просителя. В качестве одного из таких лиц он назовет Оттокара, а в качестве другого просит разрешения назвать Вас. *Пожалуйста, ответьте, позволяете ли Вы ему сослаться на Вас.* Вы этим чрезвычайно обяжете и его и меня.

Как Вы поживаете? Черкните несколько слов о себе и о барышнях. Надеюсь, что Вы благополучны. Нина Николаевна шлет Вам самые сердечные поцелуи, а я кланяюсь низко.

Сердечно Ваш

Владислав Ходасевич

¹ Вейдле В.В. (1895–1979) – критик, поэт, историк искусства, публицист. С Ходасевичем познакомился в Петрограде в 1922. Эмигрировал в 1924. Автор первого монографического исследования о Ходасевиче (Поэзия Ходасевича. Париж, 1928); писал о нем в своем сборнике «О поэтах и поэзии» (Париж, 1973).

² Старшая дочь Ольги Синьорелли – Мария (908–1991) – видный деятель итальянского кукольного театра. Время ее парижской выставки не установлено.

³ Оттокар Н.П. (1884–1957) – историк итальянского Средневековья. Жил в Италии с 1921 и с 1930 был профессором Флорентийского университета. С Ольгой Синьорелли был знаком с начала своего пребывания в Италии.

52, Bd Latour Maubour
Paris 7 <осень / зима 1932>¹

Дорогая Ольга Ивановна, сегодня послала Вам мой новый роман «Повелительница», который здесь в прессе и у читателей имеет успех², – может быть, понравится и Вам. Сколько времени мы не видались, просто дико думать! Не знаю, дошли ли до Вас события, которые произошли в моей жизни: весной этого года я разошлась с Ходасевичем и теперь живу одна, самостоятельно, трудолюбиво и одиноко.

Как бы мне хотелось увидеться с Вами! Благополучны ли Вы и все Ваши? Если найдете минуту мне написать, дорогой друг, не черкнете ли, может ли быть надежда на перевод моего романа на итальянский? Книга выйдет в 1933 г. на английском и чешском языках. А уж как я была бы счастлива!

Живется мне трудновато, как всем здесь, но настроение очень бодрое, рабочее и спокойное. Обнимаю Вас.

Н.Берберова

¹ Датируется по содержанию (письмо хранится в частном архиве).

² Роман вышел в 1932 в «Современных Записках» (№49, 50). На итальянский язык переведен тогда не был.

«АХ, У КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА БЫТЬ СВОЯ ЛОМОНОСОВА...»¹

Избранные письма К.И.Чуковского
к Р.Н.Ломоносовой. 1925–1926 гг.

*Публикация Ричарда Дэвиса.
Предисловие Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса*

Предлагаемая публикация писем Корнея Чуковского (1882–1969) к Раисе Николаевне Ломоносовой (1888–1973) – третья, основанная на материалах архива Ломоносовой, хранящегося в Русском архиве при Лидском университете (РАЛ) (Великобритания)². Ей предшествовали публикация писем Марины Цветаевой к Ломоносовой³ и публикация семейной переписки Пастернаков и Ломоносовых⁴. Но хронологически именно письма Чуковского к Ломоносовой представляют собой первое звено в цепи тех отношений, которые установила Раиса Николаевна с русскими писателями в середине двадцатых годов. Ломоносова стремилась привлечь писателей, живших в советской России, к участию в работе литературного и переводческого бюро, созданного ею в Берлине в 1923 году⁵. Как видно из публикуемых пи-

¹ Из не включенного в настоящую публикацию письма К.И.Чуковского от 14 ноября 1925. Полностью это место читается: «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова, без Ломоносовой никому не прожить, но ведь сколько из нас, из писателей, умирало от тоски и нищеты, так и не дождавшись своей Ломоносовой!» (РАЛ. MS.717.2.65.9). Ср. также похожее высказывание в письме №11.

² Публикуются 14 из 28 сохранившихся писем Чуковского за 1925–1927. Полный корпус войдет в готовящееся Собрание сочинений Чуковского (изд-во «Тerra»). (Письма К.И.Чуковского © Е.Ц.Чуковская, 2000).

³ Минувшее: Исторические альманахи. Вып.8. Paris, 1989.

⁴ Минувшее: Исторический альманах. Вып.15-17. М.; СПб., 1994,1995.

⁵ Подробнее о Р.Н.Ломоносовой, ее муже, видном инженерере-железнодорожнике Ю.В.Ломоносове (1876–1952), и о ее бюро, см.: Минувшее. Указ. изд.

сем Чуковского – это именно он порекомендовал Ломоносовой обратиться к Б.Л.Пастернаку⁶, а тот, в свою очередь, устроил заочное знакомство Ломоносовой и Цветаевой⁷. Благодаря Чуковскому началась и переписка Ломоносовой с Я.И.Перельманом, П.С.Романовым, Ю.Н.Тыняновым...⁸

Все письма Чуковского относятся к 1925–1926 годам. Это не просто вежливые записочки («на случай»), но подробный рассказ автора о своей жизни в трудное для него время. Только что закрыли журнал «Русский Современник», где Чуковский был одним из редакторов, в этом журнале он напечатал свою последнюю большую критическую статью об Алексее Толстом.

Новая эпоха заставила его, профессионального и достаточно известного к тому времени критика, заняться другими областями литературного творчества.

В эти же годы начались нападки на книги Чуковского для детей. Отстаивая свои взгляды на детскую психологию и детскую литературу, Чуковский задумывает книгу «От двух до пяти». Первое ее издание увидело свет лишь в 1928 году, но уже в письмах к Ломоносовой читатель найдет истоки многих идей, получивших в дальнейшем развитие на страницах этой книги, увидит интерес Чуковского к мировому опыту в этой области. Очень много дают письма и для изучения истории написания «От 2 до 5» и источников этой вещи.

В письмах прослеживаются и судьбы переводов Чуковского, и его широкий интерес к английской литературе, в частности, к Уайльду, и его литературные симпатии – Тынянов, Добычин, Зощенко, его оценки собственных книг – книги о Горьком, авантюрного романа для «Красной газеты», успех и трудности печатания его сказок... Наконец, в них слышится живой голос Корнея Ивановича, его нервность, недовольство собой, несбывшиеся планы и надежды, всесторонний интерес к литературе и ее создателям...

Кроме главных направлений, в письмах содержится и множество беглых побочных упоминаний, которые проливают свет на частные и реальные связи персонажей той теперь уже далекой эпохи. Например, из писем ясно, что именно Чуковский познакомил Муру Будберг с М.Горьким и именно ей посвящено стихотворение автора «В ее салоне, где посланники благоухали сединой...», записанное в «Чукоккалу»...

Остается лишь пожалеть, что столь содержательная переписка была прервана и что ответные письма Р.Н.Ломоносовой не сохранились.

Вып.15. С.194-195 и биографические очерки в кн.: Hugh Aplin. Catalogue of the G.V.Lomonosoff, R.N.Lomonosoff and George Lomonosoff Collections (Каталог собраний Ю.В., Р.Н. и Ю.Ю. Ломоносовых). Leeds, 1988.

⁶ См. письмо №2.

⁷ Минувшее. Указ. изд. Вып.15. С.237-238.

⁸ См. письма №1, 6, 14.

Раскрытые сокращения и прочая редакторская правка дается в угловых скобках. Зачеркнутые слова восстановлены в квадратных скобках. Все виды эмфазы заменены курсивом или жирным курсивом. Орфография и пунктуация стандартизованы.

Публикатор выражает благодарность: G.M.Browning и N. & G.P. Lomonosoff за разрешение напечатать материалы из архивов Р.Н. и Ю.В. Ломоносовых; Л.Ф.Шоррокс за помощь в подготовке текста; Е.В.Ивановой, М.Н.Козыревой, М.В.Козьменко, R.Noakes'y, H.Reese, А.Б.Рогачевскому, С.Scores'y (Jacob's Bakery Ltd) и А.А.Неуwood'y за помощь в составлении комментариев.

1

<После 6 июня – до 7 июля 1925 г.>¹

Нет, глубокоуважаемая Раиса Николаевна, я не хочу получить от Вас Huxley. Моя любовь к его вещам смешана с немалой долей презрения, а я хочу любить не презирая². – Агента Вам найду: шустрый и въедливый. Сейчас он в Крыму. Чуть вернется, попробую соблазнить его 7 1/2%³. Вы правы, что здесь можно отыграться на кино и на театре. Но беда в том, что английские пьесы, покуда они ставятся на сцене, не публикуются для общего сведения: нет ни одной театральной новинки, которую можно было бы достать в книжном магазине. Между тем театральные заработки чрезвычайно велики: я как-то мимоходом перевел Синга «Playboy of the Western World» и, несмотря на то, что пьеса не имеет успеха, я продолжаю получать сотни и сотни рублей⁴. А что было бы, если бы пьеса имела успех! Поэтому предлагаю Вам следующее: раздобудьте несколько пьес с *социальным оттенком* и пришлите их мне. Я войду в сношения с цензурой, с театром, переведу эту пьесу – если нужно, передаю ее. Я, читая отчеты в «Manchester Guardian»⁵, наметил несколько таких пьес. Теперь потерял свой список. Если бы кто-ниб<удь> тогда выслал мне эти пьесы, они дали бы тысяч десять дохода. Помню одну – кажется, А.А. Milne'a. Об империализме, о колониях – как губительно отзываются операции лондонского сити на неграх, на индусах и проч. Действие происходит то в конторе, то в девственном лесу. Читал я об этой пьесе около года назад⁶.

Очень прошу Вас выслать мне Frank Harris'a об Оскаре Уайльде⁷. Уайльд интересует меня, так сказать, «семейно». В 1916 году я сблизился с его другом, Робертом Россом⁸, и с его сыном (т.е. сыном

Оскара Уайльда)⁹. Какое-то американское издательство опубликовало о выходе в свет «Полного Собрания Сочинений Оскара Уайльда», причем один том (последний) был посвящен воспоминаниям о нем¹⁰, в том числе, если помню, Yeats'a¹¹, Анатоля Франса¹² etc. Вот если бы Вы достали эту книгу, она была бы для меня – слаще мирра и вина¹³.

Я должен Вам около 5 рублей. Вы прислали марки, целую кучу, но я ими не воспользовался. При случае возвращу. Не присылайте больше марок, на почтовые расходы у меня хватает.

«Русский современник» никуда больше выходить не будет. Ему это вредно. Редакторам тоже. Издателям тоже¹⁴.

Вы спрашиваете у меня совета, что из русского надо переводить на заграничный язык. Не знаю. Мне кажется, что такие вещи надо искать не в центре современной литературы, а на периферии. Например: мой знакомый, молодой профессор, Юрий Николаевич Тынянов, один из критиков «формалистов», написал, по моему предложению, повесть об одном из декабристов, Вильгельме Кюхельбекере. Повесть называется «Кюхля». В ней изображены Пушкин, Грибоедов, декабристы, император Николай, Гёте и Тик¹⁵ (Кюхля был в гостях у Тика и у Гёте). Уверен, что немцам эта книга понравится¹⁶. Это – литературно-исторический роман, написанный ученым исследователем. Я вначале предназначал эту повесть для юношества, но она так солидна, что будет издана для взрослых. Адрес Тынянова вот: Греческий пр. 15, кв. 18, Ленинград¹⁷. В ней 14 печатных листов. Время взято интереснейшее.

Еще я советовал бы издать «Детство Тёмы» Н.Гарина. В Англии оно непременно имело бы успех¹⁸. А для немцев следовало бы издать из II тома Долининского «Достоевского» статью А.С.Долинина о Суловой¹⁹.

Теперь о моих книгах. Среди них есть сборник народных детских стихов «Пятьдесят поросят» изд<ательства> А.Ф.Маркса, с рисунками С.Чехонина²⁰. Там собраны лучшие из русских Nursery Rhymes²¹, какие попадались мне за последние 40 лет моей жизни. Рисунки Чехонина прекрасны, легко воспроизводимы, народны. В Америке эта книга имела бы несомненный успех:

Russian Nursery Rhymes
selected by K.Chukovsky²².

Think of it! Think of it! Think of it!²³

Жалко, что я сейчас занят – до ноября, а то бы мы сделали с Вами огромное дело. Можно было бы урегулировать весь книгооборот в СССР и other countries²⁴.

Но – занят.

Преданный Вам

К.Чуковский

Ленинград,
Кирочная 7,
кв. 6.

У меня есть друзья-поэты в Америке, которые хорошо перевели бы это. Например, Miss Babette Deutsch²⁵. Мы с ней когда-то уже говорили об этом. Она жена Abraham Yarmolinsky of New York Library²⁶.

¹ РАЛ. MS.717.2.65.3. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Москву (Гороховская ул. 8, кв.54). Датируется предположительно по содержанию и по сопоставлению со смежными письмами.

² Олдос Хаксли (Aldous Huxley; 1894–1963), английский писатель, автор (к 1925 г.) романов «Crome Yellow» («Желтый кром», 1921) и «Antic Hay» («Шутовской хоровод», 1924). Ср. в письме от 6 июня 1925: «Aldous Huxley – декадент, с гнильцой, но мне приятен» (РАЛ. MS.717.2.65.2).

³ В письме от 6 июня 1925 Чуковский писал: «Спасибо за предложение – чтобы я взял на себя представительство заграничных книг. Признаюсь, эта роль меня не прельщает. Я люблю читать (некоторые) иностранные книги, – но хлопотать о них терпеть не могу. Если Вы хотите, я поищу для Вас подходящее лицо – со всей добросовестностью. Энергичное, честное, знающее. Этому лицу я готов помогать, но увы, только советами» (РАЛ. MS.717.2.65.2). Неясно, кого Чуковский имел в виду. См. также письмо №2. О созданном Ломоносовой и др. в Берлине в 1923 переводческом и «посредническом» бюро, для которого она искала представителя в России, см.: Минувшее. Указ. изд. Вып.15. С.195.

⁴ Джон Синг (John Synge; 1871–1909), ирландский драматург. Перевод пьесы «The Playboy of the Western World» («Плейбой Западного мира», 1907) вышел в 1923 под названием «Герой».

⁵ «The Manchester Guardian» (с 1960 – «The Guardian») – одна из главных английских газет либерального толка, выходит с 1821.

⁶ Среди пьес Алана Милна (Alan Milne; 1882–1956), будущего автора «Winnie-the-Pooh» («Винни-Пух», 1926), нет пьесы с похожим сюжетом.

⁷ Франк Харрис (Frank Harris; 1856–1931), английский журналист и литератор, автор нашумевших биографии Оскара Уайльда (Oscar Wilde; 1854–1900), «Oscar Wilde: His Life and Confessions» («Оскар Уайльд: Его жизнь и признания», 1916) и автобиографии «My Life and Loves» («Моя жизнь и мои возлюбленные», 1923–1927).

⁸ Роберт Росс (Robert Ross; 1869–1918), искусствовед, литератор, друг и душеприказчик Уайльда, редактор 15-томного собрания его сочинений (1908).

⁹ Вивиан Холланд (Vyvyan Holland; 1886–1967), младший сын Уайльда. Старший, Сирил (Cyriel; 1885–1915) погиб на фронте во время Первой мировой войны.

¹⁰ Такое издание обнаружить не удалось.

¹¹ Уильям Йетс (William Yeats; 1865–1939), ирландский поэт и драматург, писал об Уайльде в автобиографии «The Trembling of the Veil» («Трепетанье завесы»), 1922).

¹² Французский писатель Анатоль Франс (Anatole France; 1844–1924) не писал воспоминаний об Уайльде. Возможно, Чуковский имел в виду Андре Жида (André Gide; 1869–1951), воспоминания которого были опубликованы по-французски в 1901–1905 гг. и в переводе на английский язык в 1905.

¹³ Строка из стихотворения А.С.Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1825).

¹⁴ Журнал «Русский современник» просуществовал всего один год (1924), в течение которого было выпущено 4 номера. В последнем номере журнала редакция отозвалась на травлю, которой журнал подвергался («Перегудам». С.236-240).

¹⁵ Людвиг Тик (Ludwig Tieck; 1773–1853), немецкий писатель.

¹⁶ Насколько известно, перевод «Кюхли» на немецкий язык Марии Эйнштейн (Maria Einstein), который вышел в Берлине под названием «Wilhelm Küchelbecker: Dichter und Rebell» («Вильгельм Кюхельбекер. Поэт и бунтарь») в 1929 г., был осуществлен без участия Ломоносовой.

¹⁷ В письме от 28 июня 1925 Ю.Н.Тынянов (1894–1943) благодарит Ломоносову за предложение заняться изданием его еще не вышедшего романа «Кюхля» за границей, а в письме от 15 октября 1925 – просит ее указать адрес, по которому можно послать ей «Кюхлю» «в сверстанном виде» (РАЛ. MS.717.2.312.1-2).

¹⁸ Роман Н.Г.Гарина-Михайловского (1852–1906) «Детство Тёмы» (1892) не переведен на английский язык.

¹⁹ Насколько известно, статья А.С.Долинина (1883–1968) «Достоевский и Сулова» из 2-го сборника редактируемого им издания «Ф.М.Достоевский. Статьи и материалы» (1924) не была переведена на немецкий язык.

²⁰ «Пятьдесят поросят» вышли двумя изданиями в 1924–1925. С.В.Чехонин (1878–1936) часто иллюстрировал детские книги Чуковского.

²¹ Детские стишки (англ.).

²² Русские детские стишки, выбранные К.Чуковским (англ.).

²³ Подумайте об этом! Подумайте об этом! Подумайте об этом! (англ.).

²⁴ других странах (англ.).

²⁵ Бабэтт Дейч (Babette Deutsch; 1895–1982), американская поэтесса и переводчица.

²⁶ Аврам Ярмолинский (Avrahm Yarmolinsky; 1890–1975), выходец из России, в США с 1913, в 1918–1955 заведовал славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки (New York Public Library), библиограф, литературовед, переводчик.

<22 июля 1925 г.>¹Ленинград, Кирочная 7, кв. 6.
(Сестрорецкий Курорт)

Изумительная Раиса Николаевна.

Конечно, мне за Вами не угнаться, и кто знает, может быть, Вы теперь с Амундсеном снаряжаете новую экспедицию на полюс². Пишу эти строки вторично потому, что получил из Москвы сведения, что мое письмо, посланное туда, Вас не застало. Спасибо Вам за Ваше доброе ко мне отношение. Всё присланное Вами прочел. От внучки прерафаэлиты я не в восторге, читал обо всем этом тысячу раз – хотя бы у Mich<a>el'a Rossetti («Pre-rafael<ite> Brotherhood»). Но поразительно, что внучка прерафаэлиты вышла замуж за Соскиса (из Одессы) и перевела «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Пестрая биография, не правда ли? Данте Габриель Россетти, должно быть, в гробу переворачивается от такого посрамления Прерафаэлитского ордена³. (Тынянов пошел в набор – чуть получу оттиски, вышлю Вам.)

Ирландские пьесы⁴ милые, написаны по Сингу и Лэди Грегори⁵ – и, читая их, я страстно захотел в Ирландию – (ирландцы напоминают мне наших хохлов). Давайте встретимся нынешней зимой в Дублине! Или лучше – во Фриско⁶.

За опеку моих детских книжек – спасибо, спасибо, спасибо. Я верю в Вашу гениальную энергию и жду не сегодня-завтра откуда-нибудь из Чикаго –

Nursery Rhymes
selected by K.Chou<kovsky>
(author of «Crocodile»)⁷.

«Passage to India»⁸ меня не увлек. Немецкой книги я не читал, потому что (да будет мне стыдно!) я не знаю немецкого. (Я самоучка, безо всякого образования, [из крестьян,] увы, увы, знаю только англ<ийский> и (не очень) французский.) Когда буду в городе, дам ее понимающим людям.

Вьедливый приехал, но требует больших денег. «Не желаю я страдать за эту цифру!» говорит он словами Горького⁹. Если уломаю его, сообщу.

Кстати, я хотел познакомить с Вами поэта Пастернака и дал ему Ваш адрес. Он очень живописно изобразил мне те московские дебри, в которых находится Ваше жильё¹⁰. Но Вас он не нашел. Это

жаль. Я считаю его одним из самых выдающихся русских поэтов, и мне больно, что он так беспросветно нуждается. Не могли бы Вы ему помочь? Он хороший переводчик (с немецкого, английского, французского). Пошлите ему какую-нибудь *стихотворную* революционную пьесу или вообще сборник револ<юционн>ых стихов. Вы спасете большого поэта от голода. Его адрес: Москва, Волхонка 14, кв. 9. Борису Львовичу Пастернаку¹¹.

Ваш Чуковский.

¹ РАЛ. MS.717.2.65.5. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин (Schliessfach №28, Lietzenburgstrasse 11, Berlin W15. Берлинский адрес Ломоносовой не менялся и дальше не указывается.). Датируется по почтовому штемпелю.

² В 1925–1926 Рольд Амундсен (Roald Amundsen; 1872–1928) участвовал в экспедициях на Северный полюс на самолете и дирижабле.

³ Джулиэт Соскис (Juliet Soskice, урожд. Хьюффер/Hueffer; 1880–1944), внучка художника-прерафаэлиты Форда Мадокса Брауна (Ford Madox Brown; 1821–1893) и вторая жена эмигранта-революционера Д.В.Соскиса (1867–1943), автор книги «*Chapters from Childhood: Reminiscences of an Artist's Granddaughter*» («Главы о детстве. Воспоминания внучки художника», 1921), перевела Некрасова («Who can be happy and free in Russia?») в 1917. Брат Данте Габриела Россетти (Dante Gabriel Rossetti; 1828–1882) Уильям Майкл Россетти (William Michael Rossetti; 1829–1919) не писал книги под указанным Чуковским названием. Возможно, имеется в виду книга брата Джулиет Соскис, писателя Форда Мадокса Форда (Ford Madox Ford; 1873–1939), «*The Pre-Raphaelite Brotherhood*» («Прерафаэлитский орден», 1907).

⁴ Возможно, «*Two Plays*» («Две пьесы») Ш.О'Кейси (см. письмо №4).

⁵ Изабелла Грегори (Isabella Gregory; 1852–1932), ирландская писательница, играла ведущую роль, вместе с У.Б.Йетсом, в ирландском национальном культурном движении.

⁶ Сан-Франциско.

⁷ Автор «Крокодила» (англ.).

⁸ «*A Passage to India*» («Поездка в Индию», 1924) – одно из главных произведений английского писателя Э.М.Форстера (E.M.Forster; 1879–1970).

⁹ Вероятно, Чуковский перепарафразирует запись М.Горького в «Чукоккале»: «дадут копейку и думают, что я за эту цифру в сам-деле страдать буду» (Наше наследие. 1989. №4. С.74).

¹⁰ В свой приезд в Москву весной 1925 Ломоносовы жили на казенной квартире Наркомата путей сообщения на Гороховской ул. (ныне ул. Казакова).

¹¹ Лишь в приписке к своему третьему письму к Ломоносовой (от 19 мая 1926) Пастернак сообщил ей: «Меня зовут Борис Леонидович. Львовичем Вы меня зовете со слов К<орня> И<вановича>, не знавшего моего отчества» (Минувшее. Указ. изд. Вып.15. С.208). Переписка Пастернаков и Ломоносовых за 1925–1970 опубликована К.Барнзом и Р.Дэвисом в вып. 15-17 «Минувшего».

<29 августа 1925 г.>¹

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна.

Давайте вернёмся из Флориды в Ленинград. Здесь дела обстоят так: переводчиков целые стада. Каждый из них отлично наладил получение иностранных книг из-за границы. У каждого есть в Берлине кузина или бывшая жена. Раздобыв книжку, переводчик бежит со всех ног к издателю: в «Мысль», в «Ленинград», во «Время»² – и расхваливает свой товар. Если товар обещает 100% прибыли, издатели соблазняются, заказывают перевод, и переводчик с маху переводит всю книгу в 5 или 6 ночей. Нравы разбойничьи. Конкуренция бешеная. Штейн боится, что ту же книгу переводит Финкель, Финкель боится, что ту же книгу переводит Штейн, а Финкельштейн дрожит, как бы ту же книгу не перевел Штейнфинкель. Около двух месяцев назад издательства ввели наконец *jus primaе noctis*³: кто из издателей первый получил какую-нибудь книгу, он циркулярно сообщает об этом другим издателям, и те не имеют права печатать перевод той же книги. Но это плохо помогает, и весь переводчицкий цех по-прежнему остается разбойничьим.

С кем же Вы хотите иметь дело? Я обращался с Вашими книгами во все издательства. Никто и слышать не хочет. «Платить авторские? Вы с ума сошли! У нас и так с утра до ночи обивают пороги десятки просителей, приносящих нам новейшие новинки. Теперь не 1919 год. Почта действует прекрасно. Никаких бюро нам не нужно». – Вот ответы, собранные мною из множества мест. Единодушные удивительное. Та немецкая книга, которую Вы мне прислали, давно уже переведена в «Мысли».

Значит, положение такое: присланные Вами книги все лежат у меня. Я прочитал их – но дальше? Джойс был бы очень хорош в отрывках, умело выбранных⁴. Из книги Гарриса об Oscar Wilde'e можно бы сделать статью, Соскис никуда не пригодилась (Вы ведь знаете русский книжный рынок!), «Индия» тем более, «Epistola» я послал Пастернаку⁵.

Остаются ирландские пьесы, о которых поговорим потом. Что же делать с этими книгами? По совести, не знаю. Спрос на них слабый, об авторском гонораре никто и слышать не хочет. Я могу уплатить за Гарриса и Джойса, – но ведь цель Вашего Бюро заключается не в том, чтобы доставлять книги Чуковскому.

Вот причина, по которой мой въедливый уклоняется от предлагаемой ему мной работы. Он не видит в ней денег. Мне кажется, нам

следовало бы ограничиться театральными пьесами и кино. Те пьесы, которые Вы прислали, признаны обидными для достоинства рабочего люда. В них и в самом деле этот люд – без прикрас. Но если бы найти две-три пьесы – подходящие для советского зрителя, здесь были бы деньги и для Вас, и для въедливого, и для меня (переводчика).

О кино я ничего не знаю, но театральные пьесы я и без въедливого мог бы двинуть отлично.

Таковы-то дела. Отвечайте, пожалуйста, скорее. Скоро я еду в город (с дачи), и мне хотелось бы Вам пригодиться. Книга об Уайльде показалась мне очень интересной. Я не мог от нее оторваться. Я хочу процитировать ее в своей книжке об Уайльде, которая выходит новым изданием⁶. Имею я на это право или я должен послать через Вас Гаррису некую сумму.

Привет.

Ваш Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.6. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

² «Мысль» (Пг./Л., 1917–1930), частное изд-во; «Ленинград» (Пг./Л., 1923–1925), журнал (в 1923–1924 «Петроград»), см.: «Рукописный альманах Корнея Чуковского Чукоккала». М., 1979. С.324 (далее: Чукоккала); «Время» (Пг./Л., 1922–1934), кооперативное изд-во.

³ Право первой ночи (лат.).

⁴ Джеймс Джойс (James Joyce; 1882–1941), ирландский писатель, автор романа «Ulysses» («Улисс», 1922), отрывки из которого были впервые опубликованы в русском переводе в антологии «Новинки Запада» (1925).

⁵ Под названием «Epistola: In carcere et vinculis» («Письмо. В тюрьме и оковах») вышло в переводе на немецкий в Берлине в 1925 посмертно опубликованное произведение Оскара Уайльда «De profundis» («Из глубины»).

⁶ После 1922 очерк Чуковского «Оскар Уайльд» не выходил отдельным изданием.

<30 сентября 1925 г.>¹

Болен. Пишу лежа.
Простите почерк и
стиль.

Глубокоуважаемая Раиса Николаевна!

Все мои письма к Вам неизменно должны начинаться словом *спасибо*. Спасибо за Robinson'a. Прочитал. Ах, зачем герой этой пьесы

сы, «Whiteheaded Boy»², зачем он не идет в рабочие? Был бы отличный конец. А он устраивается буржуазнейшим образом – и портит финал всей пьесы.

Спасибо за письмо Babette Deutsch. Она обижена на меня. Я не ответил на ее письмо. Но право, я не виноват. Когда-нибудь все дело объяснится.

Знаете, что я сейчас делаю? Пишу авантюрный роман – из советской жизни. На пари. И вообразите – выходит неплохо. У меня сейчас печатается моя большая книга о Некрасове³ – а я вот сижу и пишу кинематографический вздор. Называется роман «К.К.К.»⁴. Если понадобится, пришлю, чуть кончу.

Мне приходит в голову такая мысль: основать свое издательство. Как Вам эта мысль нравится? Но устроить так, чтобы я получал прибыль только со своих книг, остальные авторы и переводчики тоже *целиком* получали бы прибыль со своих книг. То есть отвергнуть в корне капиталистический принцип. Тогда, может быть, была бы возможность издать хоть несколько присылаемых Вами книг – оплачивая иностранным авторам гонорар. Чуть я встану с постели, я прирмусь за организацию этого дела.

Бесконечно тронут Вашими хлопотами о моих детских книгах. Но, право, не нужно *чересчур* хлопотать. Это меня смущает. Я не знаю, чем и когда я отблагодарю Вас за Ваше доброе ко мне отношение. Если бы Вы знали, сколько радости вносят в мою жизнь Ваши письма, независимо от их делового содержания. Ведь мой «Крокодил» у нас в РСФСР больше выходить не будет⁵. Вообще мои детские книги сочтены вредными и непригодными. Я махнул рукой вообще на все свои детские книги – и вот строчу авантюрный роман.

Будьте ласковы, пришлите *мне* O'Casey's «The Red Star»⁶. Эту пьесу я дам своему хорошему знакомому гениальному артисту Н.Ф.Монахову, директору Большого Драматического Театра⁷. И переведу ее САМ (видите, как гордо!).

Драматический Театр только вчера просил у меня по телефону какую-нибудь новую пьесу.

И если можно, пришлите мне еще один экземпляр «Two Plays». Свой экземпляр я послал в Москву – в надежные руки, – но руки оказались бессовестные. Ничего не сделали, ни о чем не похлопотали. А теперь у меня просят эти пьесы для Александринки, я вытребовал книгу из Москвы – но ни слуху, ни духу. (Каков у меня стиль!)

Если бы можно для газет биографию O'Casey!! И сколько требовать у Б<ольшого> Драматического в пользу автора?

Как дивно пахнет Ваша писчая бумага.

В Reading'e и я когда-то был. Был на фабрике Huntley & Palmer'a, был в церкви St. Lawrence'a, был на реке – но где Leighton Park, не помню⁸. «Rain»'a еще не получал. Если пьеса хорошая, переведу ее САМ⁹, (не смейтесь над моим самохвальством – я плохой литератор, но переводчик отменный). Но сколько процентов автору? (Это на случай, если театр будет спрашивать.)

Нет, я завидую Вам страшно. Изю всех стран на свете я больше всего люблю Англию. В Рэдинге я был молодой и влюбленный. Может быть, поэтому он кажется мне обаятельным.

Ну вот и все. Простите бестолковость письма. Да, еще! Если бы Грэггер перевел «Крокодила», я не хотел бы брать из его доли никакого гонорара. Я слышал, что он нуждается. Я так люблю его переводы, так рад, что он взялся за это дело – что это для меня и есть гонорар¹⁰.

Ваш Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.7. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Англию (Townson House, Leighton Park School, Reading). В свой приезд в Англию осенью 1925 Ломоносова пользовалась адресом интерната, в котором учился ее сын – см. прим.8. Дальше адрес не указывается. Датируется по почтовому штемпелю.

² Эсмэ Робинсон (Esmé Robinson; 1886–1958), английский писатель. Его пьеса «The Whiteheaded Boy» («Белоголовый мальчик») вышла в 1925.

³ «Некрасов. Статьи и материалы» (1926).

⁴ Первое название киномана «Бородуля» (1926).

⁵ После переиздания в 1926 и 1927 (см. прим.5 к письму №11) «Крокодил» в следующий раз вышел в 1937.

⁶ «Красная звезда» (англ.) – название лишь задуманной в 1925 пьесы ирландского драматурга Шона О'Кейси (Sean O'Casey; 1880–1964), которая, возможно, стала пьесой «The Star Turns Red» («Звезда становится красной», 1940). О попытке Ломоносовой и Чуковского устроить перевод и постановку «Two Plays» («Двух пьес») О'Кейси см. публикацию: R.Davies, W.McCormack. Sean O'Casey's Unpublished Correspondence with Raisa Lomonosova, 1925–1926 (Неопубликованная переписка Шона О'Кейси и Раисы Ломоносовой. 1925–1926) // Irish Slavonic Studies. №5. 1984.

⁷ Н.Ф.Монахов (1875–1936) основал Большой Драматический театр вместе с М.Горьким и М.Ф.Андреевой в 1919.

⁸ Город Рэдинг стоит на Темзе к западу от Лондона. Чуковский упоминает фабрику кондитерских изделий фирмы «Хэнтли и Палмер», основанной в 1841, и средневековую церковь Св. Лаврентия (St. Laurence) на центральной рыночной площади города. Квакерский интернат Лэйтон Парк (Leighton Park), в котором сын Ломоносовых Юрий Юрьевич (1908–1954) учился в 1921–1926, находится за городом.

⁹ Сразу по выходе рассказа У.С.Мозма (W. Somerset Maugham; 1874–1965) «Miss Thompson» («Мисс Томпсон») в 1922 он был адаптирован для сцены под названием «Rain» («Ливень») Джоном Колтоном (John Colton; 1889–1946) и Клэменсом Рандольфом (Clemence Randolph). Пьеса имела большой успех в Нью-Йорке и Лондоне. Перевод Чуковского вышел в 1926 под названием «Сэди» (по имени героини пьесы). См.: Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991 (далее: «Дневник 1901–1929») о затянувшейся истории перевода и постановки пьесы (С.356 и след.).

¹⁰ Вольфганг Грэггер (Wolfgang Groeger; 1882–1950), выходец из России, переводчик Блока, Бунина и др. на немецкий язык. О нем см. статью Ксении Вернер (Xenia Werner) в «Wiener Slavistisches Jahrbuch» (№30. 1984) и ее же издание переписки Грэггера со Шпенглером: «Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger <...>». (Hamburg, 1987). Ср. в письме от 6 июня 1925: «Некогда я был в переписке с Греггором (переводчиком Блока) – он прелестно перевел одни мои детские стихи, но с тех пор ни слуху, ни духу» (РАЛ. MS.717.2.65.2).

5

<19 октября 1925 г.>¹
Кирочная 7, кв.6.

Дорогая Раиса Николаевна.

Excuse my pencil, I'm writing in bed². Тысячу спасибо за ваши письма, хотя они и растрavляют мою душу. Ведь Англия – это мечта моей жизни. Я убежал в Англию без копейки денег 20-летним мальчишкой (в 1903 году), голодал в Лондоне по целым неделям, жил на таких улицах, что даже стыдно назвать – и влюбился в этот город любовью бездомной собаки. Я был застенчив, ни с кем не знакомился, но прочитал половину Британского Музея – и Маколэя, и Карлейла, и Роберта Броунинга³.

В 1916 году я был в Лондоне – герцогом. Представлялся королю⁴, жил в Сесил-отеле⁵, встречался с Китченером, сэром Эдуардом Греем, лордом Джеллико, лордом Сэсилем, герцогом Девонширским⁶, но *этот* Лондон не заслони́л от меня *того* юношеского, голодного, когда 9 пенсов казались мне величайшим богатством, когда обед в 4 пенса был пиром. Я самым романтическим образом до сих пор люблю англичан, даже их cant⁷, даже их снобизм, даже их Сэмюэл Джонсона⁸. В Cheshire Cheese⁹ я был – вместе с <эром> Артуром Конаном Дойлем¹⁰. Бывал и раньше – прямо пошел туда, чуть приехал в Англию в первый день. Я ведь люблю, как родных, и Оливера Гольдсмита, и Boswell'a, и Джошью Рейнольдса, и Гаррика¹¹. Знаете ли Вы весь этот circle?¹²

Ну вот Вы затронули мою большую струну... Перейдемте к делам. «Rain» – превосходная вещь. Я предложил ее двум театрам: Большому Драматическому и Александрийскому. Может быть, возьмут, но все требуют «Red Star», требуют *дать немедленно*. Пусть бы Ваш O'Casey выслал мне (если вещь не окончена) *первые акты*, чтобы я мог исподволь переводить, а не *знал бы* потом через силу. Ручаюсь и Вам и ему, что все его права будут охранены.

Признаюсь, что здесь я хлопочу и о собственном заработке. Внезапно с моими детскими книгами стряслось несколько бед – и они перестали давать мне тот (довольно изрядный) доход, на который я привык смотреть, как на постоянную ренту. Ведь их в общей сложности разошлось больше 400.000 экз<емпляров>. Между тем все лето я жил барином и писал для души исподволь толстую книгу, которая *не даст мне никакого дохода*. Вдруг, в один день, пропала вся моя библиотека и вся моя мебель. 10 сентября 1925 года я оказался нищ, как 20 лет назад¹³. Я немедленно взялся за писание романа, который и дал мне прожить до сих пор. *Но все надежды – на пьесу*.

Горько писать такие письма после 20 лет непрерывной литературной работы, но, пожалуйста, не думайте, что я скулю. Напротив. Мне весело писать мой роман, мне будет весело переводить пьесу Кэзи¹⁴.

А лежу я в постели – от переутомления. Не могу сидеть. Голова кружится. Но доктор говорит, что я вполне могу продержаться до 1-го декабря. 1-го декабря, если «Red Star» и мой роман будут иметь успех, я выброшу чернильницу в окно и буду отдыхать целый месяц!

Простите за эти личности, но Вы сами виноваты: Ваше письмо так сердечно.

Ваш сын будет в Кембридже? Он пойдет по стопам отца? Имеет ли он склонность к механике?¹⁵ Мне странно думать, что сын проф. Ломоносова будет филологом, богословом и классиком. Помнит ли он русский язык? Это будет позор, если он начнет забывать русскую речь. Я видал много таких русских детей за границей. Они отталкивали от себя, как глухонемые.

«Кюхля» Вам высылается. Мы задержали, так как хотим выслать Вам цензурный экземпляр¹⁶. Гаррис – один из самых даровитых писателей, и я верю, что его «Life» глубоко интересна сама по себе, как художественное произведение, независимо от того богатого матерьяла, который она предлагает читателям. О чем бы ни говорил Гаррис, какой бы темы он ни коснулся, он всегда человечен, самобытен и свободен от всех предрассудков, но..., но... теперь на

Руси мемуаров никаких не читают, кроме тех, какие относятся к революционной эпохе. Это понятно. Иначе и быть не может. (Это я пишу не для Вас, а для Гарриса.) Еще раз благодарю Вас за все.

Ваш К. Чуковский

19/X

P.S. Знаете ли Вы серию книг «Black Mask», детективные¹⁷. Не подарите ли мне одну из них? Или вообще какой-н<и>б<удь> не совсем низкопробный детективный роман.

Советую вам прочитать детские стихи А.А. Milne'a. Замечательные. Вышли недавно¹⁸. Я читал отрывки – прелестные. Знаете ли Вы Walter de la Mare?¹⁹

А я, живя в Англии, очень люблю переодеваться три раза на дню. И каждую минуту умываться. О, дайте мне ту ванную, которая была у меня в Cecil Hotel'e!

¹ РАЛ. MS.717.2.65.8. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Англию. Год установлен по почтовому штемпелю.

² Простите за карандаш, пишу в постели (англ.).

³ Томас Маколей (Thomas Macaulay; 1800–1859) и Томас Карлейль (Thomas Carlyle; 1795–1881) – английские историки; Роберт Браунинг (Robert Browning; 1812–1889) – английский поэт.

⁴ Георг V (1865–1936), король Великобритании в 1910–1936.

⁵ Т.е. гостиница «Савой» («Savoy»), см.: Чукоккала. С.164.

⁶ Гораций Китченер (Horatio Kitchener; 1850–1916), английский военный деятель, военный министр; Эдуард Грей (Edward Grey; 1862–1933), английский политический деятель, министр внешних дел; Джон Джеллико (John Jellicoe; 1859–1935), английский военный деятель, адмирал; Роберт Сесил (Robert Cecil; 1864–1958), английский политический деятель, министр блокады; Виктор Кэвендиш, 9-й герцог Девонширский (Victor Cavendish, 9th Duke of Devonshire; 1868–1938), английский политический деятель. См.: Чукоккала. С.169–170.

⁷ Ханжество, лицемерие (англ.).

⁸ Сэмюэл Джонсон (Samuel Johnson; 1709–1784), английский литератор, лексикограф.

⁹ «Чеширский сыр» (англ.) – название знаменитой харчевни на Флит-стрите (Fleet Street) в Лондоне.

¹⁰ Артур Конан Дойл (Arthur Conan Doyle; 1859–1930), английский писатель, создатель Шерлока Холмса. См.: Чукоккала. С.171–172.

¹¹ Оливер Гольдсмит (Oliver Goldsmith; 1730–1774), английский писатель; Джеймс Босуэлл (James Boswell; 1740–1795), шотландский литератор, друг и биограф Сэмюэла Джонсона (см. прим.8); Джошуа Рейнольдс (Joshua

Reynolds; 1723–1792), английский художник-портретист, Дэвид Гаррик (David Garrick; 1717–1779), выдающийся английский актер, режиссер и драматург.

¹² Круг людей (англ.).

¹³ См. «Дневник 1901–1929» по поводу тяжбы с фининспектором (С.352–353).

¹⁴ т.е. О'Кейси.

¹⁵ В 1926–1928 Ю.Ю.Ломоносов учился инженерному делу в Кембриджском университете. О нем см. биографический очерк «George Lomonosoff (1908–1954)» в кн.: Hugh Aplin. Catalogue of the G.V.Lomonosoff, R.N.Lomonosoff and George Lomonosoff Collections (Каталог собраний Ю.В., Р.Н. и Ю.Ю.Ломоносовых). Leeds, 1988. С. XXVII–XXIX.

¹⁶ Ср. в письме Ю.Н.Тынянова к Ломоносовой от 15 октября 1925: «повесть только теперь цензуруется» (см. прим.17 к письму №1).

¹⁷ Возможно, журнал «Black Mask» («Черная маска») (Нью-Йорк, 1920–1951), печатавший детективные рассказы и романы.

¹⁸ Сборник детских стихов А.А.Милна «When We Were Very Young» («Когда мы были очень молоды») вышел в 1924.

¹⁹ Уолтер де ля Мэр (Walter de la Mare; 1873–1956), английский поэт и детский писатель.

6

<23 января 1926 г.>¹

Дорогая Раиса Николаевна!

Почему Вы не отвечаете? Неужели рассердились на меня? Или махнули рукой? Очень это мне больно – и немного обидно.

Дела мои до смешного плохи.

Я написал роман, который принят для печатания в «Красной газете»², – и вдруг *в тот день, когда роман должен начаться печатанием*, распоряжение: уменьшить формат газеты вдвое, так как временно в Л<енинграде> не хватает бумаги.

И *в тот самый день*, когда должна была пойти в машину моя «многолетняя» книга «Некрасов», – издательство «Кубуч»³ обнаружило, что у него тоже не хватает бумаги!

Это ударило меня по нервам до потрясения мозгов. Если вспомнить, что весь прошлый год я по 15 час<ов> в сутки работал над другою книгою, которая тоже не вышла, если вспомнить судьбу моего «Крокодила», – то Вы поймете, почему мое состояние духа убийственно.

Простите, что сообщаю Вам все эти горести, но я – несмотря на Ваше молчание – считаю Вас своим другом. Напишите же мне хоть строку!

Мои детские книги идут превосходно. Особенно «Мойдодыр»⁴ и «Мушина свадьба»⁵. Появляется много нот на мои стихи⁶ – и «Мойдодыр» идет в Москве в каком-то Вольном театре⁷.

Довольно обо мне. Давайте о другом и других. Есть у меня приятель, юморист Мих<аил> Мих<айлович> Зошенко. Знаете ли Вы его книжки? Если Вы мне черкнете ответ (так что я буду уверен в Вашем адресе), я сейчас же вышлю Вам две или три⁸. По-моему (и со мной согласна вся Россия), у Зошенко огромный талант. Теперь его вещи читаются на всех эстрадах, публика жадно раскупает все, что подписано его именем, маленькие сборники его рассказов печатаются в 100.000 экз<емпляров>. Почему бы не перевести Зошенку на англ<ийский> язык? Озаглавить бы книжку «True Soviet Tales»⁹ – дать Котелянскому перевести¹⁰ – и успех обеспечен, ибо Зошенко – вполне в духе англичан¹¹. Он гораздо тоньше и остроумнее Jacobs'a и Джерома, – и приближается к Catherine Mansfield¹².

Это раз. А во-вторых, знаете ли Вы имя Я.И.Перельмана? Это тоже вполне английская фигура: превосходный популяризатор физики и сопредельных с ней наук.

Его двухтомная «Занимательная физика» только что вышла девятым изданием, его книга «Межпланетные пространства» стала настольной для каждого школьника.

Только что он напечатал новую книгу «Занимательная геометрия на воздухе», – превосходно изданный, богато иллюстрированный том. Нельзя ли и эту книгу пристроить в Англии?¹³

Что «Кюхля»?¹⁴ Здесь он пользуется солидным успехом.

Вы всё еще в Англии? Или махнули на континент?

Почему Вы <не> ответили на мои вопросы о Вашем сыне? Воображаю, сколько тревог и нравственных ударов переносит Ваш муж! Изобрести тепловоз – для этого требуется гораздо меньше душевной энергии, чем для того, чтобы защитить свое изобретение от невежд и завистников¹⁵.

Только что получил письмо от старика Репина. Ему 82 года, он бодр, жизнерадостен и молод¹⁶.

Очень у нас возмущаются страшной судьбой Есенина¹⁷. Как будто Есенин – единственный! Многие литераторы сейчас – более или менее Есенины. Я сейчас получил письмо из Крыма от Сергеева-Ценского, замечательнейшего из русских беллетристов, – он не может приехать в Питер, <потому> <что> у него нет пальто! А он написал сейчас четыре огромные книги¹⁸.

Был сегодня в суде. Судили злостных растратчиков. Судья – простой рабочий. Но посмотрели бы Вы, как великолепно он разбирается в деле, как талантливо и авторитетно ведет он процесс. Английские Lord'ы Justice'ы¹⁹ разинули бы рты от изумления, если бы увидели такого коллегу.

Простите сумбурное письмо – и ответьте хоть открыткой.

Ваш Чуковский

Мне хочется посвятить Вам одну из своих книг – можно? Сейчас я уеду в Сестрорецкий курорт и начну там книгу о детях²⁰. У меня скопилось множество наблюдений и мыслей. Эту книгу позволите посвятить

*Раисе Николаевне
Ломоносовой.*

Книга будет написана в беллетристической форме и в то же время останется строго научной, на основе современной педологии. Нравится ли Вам эта затея? До сих пор я писал *для* детей, – и, кажется, доказал, что детскую психологию я знаю. Теперь я хочу писать *о* детях – 1) О детском языке, 2) О детском стихотворчестве, 3) О детских рисунках, 4) О том, какова должна быть детская книга, 5) О пользе волшебных сказок и пр.

Это должен быть ряд *Essays*²¹, написанных не педантом, но – литератором, отцом, литературным критиком и детским поэтом.

Как Вы думаете, будет ли такая книга иметь успех? Мне кажется, да, так как это будет книга *боевая*, направленная против наших якобы передовых педагогов. В ней каждая строчка будет протест против догмы, против рутины, против поддельной научности!

Пусть это будет *наша общая книга*. Давайте писать ее вместе! Если Вам она по душе, извольте сообщить мне все, что Вы помните о Вашем сыне, когда ему было 2-3 года. Его слова, его забавные поступки, его стишки (если такие были) – мне все необходимо знать в ударном порядке. И не только о сыне, а и о себе, обо всех своих друзьях и знакомых (когда они были трехлетками).

И если Вам попадется какая-нибудь серьезная научная работа о Nursery Rhymes (филологическая или педологическая), серьезная работа о Fairy Tales²² – или вообще какая-нибудь книга о детях, о детском языке, об истории детских книг (только не «Century of Books for Children»²³ – это дрянь!) – шлите мне. Не думайте, что я желаю нажиться на Ваш счет. *Все деньги, истраченные Вами на книги для меня, будут мною вскоре возвращены, а также и часть моего долга будет мною выдана – кому прикажете, около 15 марта*. Конечно, я прошу Вас об этом одолжении, если самое дело интересует Вас!

Ваш Чуковский

Пьесы, присланные Вами, пришли только теперь. Но пришли. Целую Вашу руку – Вы чересчур балуете меня.

¹ РАЛ. MS.717.2.65.10. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Англию. Датируется по почтовому штемпелю.

² Чуковский часто печатался в «Красной газете» (Пг./Л., 1918–1939) в 1925–1928. Здесь, по-видимому, имеется в виду его кинороман «Бородуля» (см. прим.13 к письму №13).

³ Изд-во «Кубуч» (Л., 1925–1935) было организовано Комиссией по улучшению быта ученых.

⁴ В 1923–1925 «Мойдодыр» (1923) был переиздан 6 раз.

⁵ «Мухина свадьба» (1924) была переиздана 2 раза в 1925.

⁶ Перечисленные Д.А.Берман в изд. «Корней Чуковский. Биобиблиографический указатель». (Л., 1984; далее: «Берман») музыкальные переложения произведений Чуковского (С.17) относятся к более позднему периоду.

⁷ Ср. «Дневник 1901–1929», со слов А.Н.Тихонова (1880–1956): «Мойдодыр мой по-прежнему ставится в Москве в театре» (С.365).

⁸ В библиотеке Ломоносовой хранятся более поздние издания книг М.М.Зощенко (1894–1958).

⁹ Правдивые советские рассказы (англ.).

¹⁰ С.С.Котелянский (1880–1955), выходец из России, в Англии с 1911, переводил произведения И.А.Бунина, М.Горького, В.В.Розанова, А.П.Чехова и др. на английский язык в сотрудничестве с видными писателями (В. и Л.Вульф, Д.Г.Лоуренс, К.Мэнсфилд).

¹¹ Переводы отдельных рассказов Зощенко на английский язык начали появляться в антологиях в конце 1920-х, а первые сборники с середины 1930-х.

¹² Уильям Джэкобс (William Jacobs; 1863–1943), английский писатель-юморист; Джером К. Джером (Jerome K. Jerome; 1859–1927), английский писатель-юморист; Кэтрин Мэнсфилд (Katherine Mansfield; 1888–1923), новозеландская писательница.

¹³ В архиве Ломоносовой сохранилось 8 писем Я.И.Перельмана (1882–1942) за 1926–1932 (РАЛ. MS.717.2.239.1-8). Книги Перельмана не были переведены на английский язык.

¹⁴ «Кюхля» не был переведен на английский язык. О переводе на немецкий язык см. прим.16 к письму №1.

¹⁵ После ликвидации возглавляемой им Российской железнодорожной миссии в 1923 Ю.В.Ломоносов был назначен заведующим советским тепловозным бюро в Германии и руководил проектированием и строительством тепловозов в сотрудничестве с немецкими фирмами. Первый ломоносовский тепловоз был перевезен в СССР для опытов в начале 1925, и к тому времени Ломоносова назначили еще главным руководителем по опытам над тепловозами, которые строились по проектам и других советских инженеров. Однако в результате характерных для карьеры Ломоносова конфликтов, уже во второй половине 1925 тепловозное бюро в Германии было закрыто и

пост главного руководителя по опытам над тепловозами был упразднен. Ломоносову было приказано составить подробный отчет о своей деятельности в области тепловозостроения с 1920. Ломоносов очень болезненно переживал вынужденный уход от активного участия в главном деле его профессиональной жизни того периода, что, по-видимому, отражалось в письмах к Чуковскому.

¹⁶ Чуковского и И.Е.Репина (1844–1930) связывала многолетняя дружба, в частности по Куоккале на Финском заливе, где Репин постоянно жил в «Пенатах», а Чуковский с 1907 снимал, а с 1912 – купил собственный дом, где жил с семьей. См. «Дневник 1901–1929» о полученном на Новый, 1926-й год письме от Репина (С.356).

¹⁷ С.А.Есенин (1895–1925) покончил жизнь самоубийством в ночь с 27 на 28 декабря 1925.

¹⁸ Возможно, что речь идет о романах С.Н.Сергеева-Ценского (1875–1958), которые потом вошли в его эпопею «Преображение России».

¹⁹ Судьи кассационного суда (англ.). См. «Дневник 1901–1929» о суде над Батурловым и др. (С.358 и след.).

²⁰ Первый вариант ставшей знаменитой книги «От двух до пяти» вышел в 1928 под названием «Маленькие дети. Детский язык. Экикики. Лепые лепицы».

²¹ Эссе (англ.).

²² Сказки (англ.).

²³ Возможно, «A Century of Children's Books» («Сто лет детской литературы», 1922) английской писательницы Флорэнс Барри (Florence Barry).

7

<15 февраля 1926 г.>¹

Дорогая Раиса Николаевна.

Ваши карточки не просто рассмотрены, но изучены и мною, и Мурой². Она вначале разделила их на три группы: 1) «Интересные», 2) «Так себе», 3) «Неинтересные», причем в первую группу попали только Олег³, да та карточка, где пес Мас, но потом она смилостивилась и перенесла в первую группу также и Чуба⁴:

– За то, что Чуб!

As to me⁵ – я все карточки причислил к разряду «страшно интересных» и изучил⁷ даже узор на lino⁶ (или коврик?) в Вашей маленькой sitting-room, даже ту скамеечку, которая была у Вас под ногами. Ваше лицо я теперь знаю так, что узнал бы Вас среди тысячи незнакомых людей.

Как Ваше сердце?⁸ Лечитесь ли Вы? Не мешают ли Вам частые поездки? Как Вы выносите разлуку с Чубом?.. На помаду Чуба не

слишком надейтесь. У моего сына тоже была помада, но это не помешало ему на 21 году своей жизни сделать меня дедом⁹ и старым хрычком. Впрочем, в Reading'e другой воздух.

Почему Вы не присылаете мне «словечек» трехлетнего Чуба? Неужели забыли их? Вспомните! Есть очень забавные: одна девочка называла почтальона –

Почтаник,

и когда распутала веревочку, сказала:

– Мама, я такая *распутница!*

Мне кажется, я помню имя Urie¹⁰. Не упоминается ли оно в записках Рузвельта

– чуть ли не в книге «Big Game»?¹¹ Но, может быть, я ошибаюсь. Не было ли у м<исте>ра «Ури» воспоминаний о Teddy?¹² Неужели он так болен, что не мог даже сняться с Вами в Toquay?¹³ Жаль, что Mrs Urie – монтессорка. Ведь Монтессори¹⁴ *против* волшебных сказок. На днях я был у здешней ее последовательницы Юлии Ивановны Фауссек¹⁵. Это очень талантливый педагог, влюбленный в свое дело, автор многих книг о Монтессори. Так как теперь она ниоткуда не получает поддержки, она продала пианино (свое последнее добро), чтобы только заплатить низшим служащим. А служащие – тоже энтузиасты – готовы работать бесплатно! Милая Юлия Ивановна терпеть не может волшебных сказок, а моего «Крокодила» считает каким-то исчадием мерзости. Интересно узнать, как относится Mrs Urie к fairy tales и nursery rhymes. Я бесконечно благодарен Ю<рию> В<ладимировичу> за его великую поддержку. Указанная им статья Кирпичова ляжет в основу моей лекции¹⁶.

Книга о детях ничего, кроме неприятностей, дать мне не может, но все же я ее напишу. Уж очень много пошлости и грязи накопилось вокруг тех великолепных идей, которые являются основами советской педагогики. (Я советскую педагогику очень люблю и не променял бы ее ни на какую другую.) Я потому и хочу посвятить Вам эту книгу, что это будет книга *горячая*, «непрактичная» и тоже немножко *сумасшедшая*.

Сейчас, Впрочем, я пишу другое: воспоминания об И.Е.Репине, которого я в юности страшно любил. Я и сейчас с ним постоянно переписываюсь. Меня попросил «Русский музей» прочитать о нем лекцию, но я как начал писать – вижу, выходит целая книга¹⁷.

Из присланных Вами пьес я перевел «Rain» и «Taffy»¹⁸. Чуть урву минутку, переведу «Juno and the Peacock»¹⁹. Читали Вы «Black Comrau»?²⁰ Что за увлекательный вздор! Я читал ее не отрываясь, часов 15 подряд. Каждую минуту говорил «брошу» – и не бросил, пока не дочитал до конца.

Деньги у меня есть. Спасибо. Мои детские книги пошли бешеным темпом. Издатель буквально не успевает печатать. Особенно хорошо идет моя новая (и плоховатая) книжка «Телефон»²¹. 10.000 экз<емпляров> разошлось в 10 дней. Жаль, что издатель надувает меня: платит гроши.

Но – мой роман *не* печатается. Некрасов *не* печатается. Пьесы *не* ставятся. (Грановская²² приняла «Rain» и решила играть в ней главную роль, но вдруг обнаружилось, что эта пьеса (в другом переводе) должна идти в Актеатрах²³ – в будущем году.) «Крокодил» как будто выйдет, но когда? И все же – помните, в «Бесах» –

– *Таракан не роицет!*²⁴

Большинству литераторов в тысячу раз хуже. Таракан не роицет уже хотя бы потому, что у него, у таракана, есть такой друг, как Р.Н.Л<омоносова>. Вы и представить себе не можете, как много значили для меня Ваши письма осенью прошлого года – в тяжелое время нищеты, унижений, обид, неудач и бессонниц, когда кругом я видел только тупосердие.

Кстати, знаете ли Вы, откуда те стихи об Аполлоне, которые цитирует O'Casey? Они из John Keats'a – любимые мои стихи, «Ode to Apollo»²⁵ – прочтите их целиком, п<отому> ч<то> они тоже сумасшедшие.

Не удивляйтесь, если получите книги Я.И.Перельмана. Это талантливейший русский популяризатор физики и геометрии. Не пригодятся ли эти книги англичанам?

Ваш К. Чуковский

Если «Rain» пойдет в этом сезоне, я постараюсь летом или осенью приехать на свидание с Вами в Италию. В Италию в этом году едут Ал.Н.Толстой, П.Е.Щеголев²⁶, Н.Э.Радлов²⁷ и проч. Почему бы не поехать и мне, если мне удастся отложить хоть 700-800 рублей.

*<Вместе с письмом Р.Н.Ломоносовой Чуковский послал письмо Ю.В. Ломоносову:>*²⁸

Спасибо, глубокоуважаемый Ю<рий> В<ладимирович>, за Ваше указание на статью В.Л.Кирпичова. Она напечатана в «Известиях Киевского Политехнич<еского> Института» (1903, III)²⁹. Я с жадностью прочитал ее и думаю, что она будет в моих руках *главным козырем*, ибо нынче нужно доказывать, что сказка *необходима для практических целей, для насущных потребностей*.

Поразительно, что наши педагоги, борящиеся за сказку, не знают об этой статье. Ни в одном из полнейших указателей «литературы предмета» я этой статьи не нашел!

Если бы Вы позволили мне указать, что Вы держитесь тех же взглядов, что и В.Л.Кирпичов, это была бы, поистине, могучая поддержка.

Изгоняя из обихода детей сказку, мы можем создать из них хороших завов и замзавов, но ни Аркрайтов, ни Гаргривсов³⁰, ни Менделеевых, ни Ломоносовых³¹ мы из них не создадим.

Преданный Вам

К. Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.12. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

² Мария Корнеевна Чуковская (1920–1931).

³ Олег Николаевич Добровольский, сын дочери Ю.В.Ломоносова (от первого брака) Марьи (1898–1921) и Н.А.Добровольского, сотрудник Ю.В.Ломоносова в проектировании и изготовлении тепловозов.

⁴ Семейное прозвище Ю.Ю.Ломоносова.

⁵ Что касается меня (англ.).

⁶ Лиолеум (англ., сокр.).

⁷ Гостиная (англ.).

⁸ У Ломоносовой был порок сердца. Подробнее см.: Минувшее. Указ. изд. Вып. 8. С.263.

⁹ У старшего сына Чуковского Николая (1904–1965) и его жены Марины Николаевны (1905–1993) в 1925 родилась дочь Наталья (Татка).

¹⁰ Джон и Каролайн Ури (John and Caroline Urie), американские друзья Ломоносовых.

¹¹ «Big Game Hunting in the Rockies and on the Great Plains» («Охота на крупного зверя в Скалистых горах и на Больших прериях», 1899) – лишь одна из посвященных охоте многочисленных книг 26-го президента США (1901–1909) Теодора Рузвельта (Theodore Roosevelt; 1858–1919).

¹² Тэдди (англ.) – в данном случае уменьшительное от Теодора (Theodore).

¹³ Ломоносовы и семейство Ури встретили Рождество и Новый год (1925–1926) в Торки (Torquay) – курорт в графстве Девон (Devon) на южном побережье Англии (Дневник Ю.В. Ломоносова. РАЛ. MS.716.3.13).

¹⁴ Мария Монтессори (Maria Montessori; 1870–1952), итальянский педагог, с 1907 основала сеть школ, в которых применялись (и до сих пор применяются) ее методы.

¹⁵ Ю.И.Фаусек (урожд. Андрусова; 1863-?). Ср. «Дневник 1901–1929». С.370.

¹⁶ См. приложенное письмо К.И.Чуковского к Ю.В.Ломоносову.

¹⁷ Статья Чуковского «Репин» была опубликована 21 апреля 1926 в вечернем выпуске «Красной газеты», но книга «Илья Репин. Воспоминания» вышла только в 1936. О состоявшейся 17 марта 1926 лекции в Русском музее см. «Дневник 1901–1929». С.375, 387.

¹⁸ «Taffy: A Play of Welsh Village Life» («Тэффи. Пьеса из жизни уэльской деревни», 1923) уэльского писателя Карадока Эванса (Caradoc Evans; 1879–1945). В письме от 30 января 1926 Чуковский сообщал: «Я перевел “Rain” – дал Мейерхольду. Мой сын <...> переводит “Taffy”, которую хочет взять Монахов для Б<ольшого> Драматического, но выйдет ли из этого что, не знаем» (РАЛ. MS.717.2.65.11). См. также: «Дневник 1901–1929». С.364.

¹⁹ «Джуно и павлин» («Juno and the Peacock») – одна из пьес Ш. О'Кейси из сборника «Two Plays». Перевод не осуществился. См.: «Дневник 1901–1929». С.371.

²⁰ Возможно, детективный роман «The Black Company» («Черная компания», 1924) английского писателя Уильяма Фергюсона (William Ferguson; 1882–1967).

²¹ «Телефон» (1926) выдержал два переиздания в том же году.

²² Е.М.Грановская (1877–1968), актриса ленинградского театра «Комедия» (быв. «Пассаж»).

²³ Академические театры – с 1919 Большой и Малый театры и МХТ в Москве, а также Александринский, Мариинский и Михайловский театры в Петрограде–Ленинграде. Чуковский выступил в печати дважды по поводу параллельных постановок пьесы «Сэди»/«Ливень» (Красная газета. 1926. 12 апреля. Веч. вып.; Рабочий и театр. 1926. №15).

²⁴ В ч.1, гл.5 («Премудрый змей») романа Ф.М.Достоевского «Бесы» капитан Лебядкин говорит «Та-ра-кан не ропшет!» См. также: «Дневник 1901–1929». С.380.

²⁵ Джон Китс (John Keats; 1795–1821), английский поэт. Возможно, Ломоносова переслала Чуковскому копию письма О'Кейси от 26 января 1926, содержащего четверостишие об Аполлоне, которое, однако, не относится к «Ode to Apollo» («Оде Аполлону», 1815/1848) Китса. См. прим.6 к письму №4.

²⁶ С А.Н.Толстым (1883–1945) и П.Е.Щеголевым (1877–1931) Ломоносова переписывалась в 1925 по поводу предполагаемого перевода их пьесы «Заговор Императрицы» (РАЛ. MS.717.2.277.1, MS.717.2.307.1-2).

²⁷ Н.Э.Радлов (1889–1942), художник-график.

²⁸ РАЛ. MS.716.4.11.2. Автограф.

²⁹ В.Л.Кирпичов (1845–1913), ученый инженер, директор Киевского политехнического института в 1898–1903. Статья Кирпичова называлась «Значение фантазии для инженеров». Чуковский ссылается на статью Кирпичова в 5-й главе книги «От 2 до 5».

³⁰ Ричард Аркрайт (Richard Arkwright; 1732–1792) и Джеймс Харгривс (James Hargreaves; ?–1778) выдающиеся английские изобретатели и предприниматели в области текстильной промышленности.

³¹ В письме от 30 января 1926 Чуковский спросил относительно Ю.В.Ломоносова: «Родственник ли он того Ломоносова? На той карточке, что Вы прислали, у него лицо тоже как будто хохлацкое – и очень талантливое» (РАЛ. MS.717.2.65.11). Ю.В.Ломоносов принадлежал к старинному дворянскому роду и не имел родственных связей с М.В.Ломоносовым.

19/II 1926¹

Дорогая Раиса Николаевна!

Что Ваше сердце? Я спрашиваю *не* из вежливости. Болит? Или только «чувствуется»? Мне вдруг страшно захотелось к Вам. Хоть две недели – пожить бы напоследок человеческой жизнью, чтобы не чувствовать всех этих проклятых писательских гирь, двадцать лет висящих на плечах, – посмеяться, поговорить, – и назад. Италия не обязательна. Могу и в Германию. И в Англию. Денег для этого особых не требуется: моя жизнь в Сестрорецке обходится мне гораздо дороже.

Я всегда весною чувствую эти бродяжьи призывы. Кто такая Agatha Bullet<т> Grabisch?² Немка? Англичанка? Ваша подруга? Или «просто так»?

В «Известиях Киевского <Политехнического> Института» видел статью молодого художавого инженера Ю.В. Ломоносова «Точный вывод уравн<ительного> движения поезда» (1905). Знали ли Вы в ту пору Ю<рия> В<ладимировича>?³ Читали ли Вы эту статью?

Я по горло в *нашей* книге. С утра до ночи читаю педагогов – и поглупел оттого на 90 процентов.

Расскажите мне подробно о Вашем «Бюро». Я должен ему много денег. Черкните, куда прислать.

Вы и не подозреваете, сколько добра Вы сделали, прислав мне «Black Company» и «Not at Night»⁴. Вы спасли моего старшего сына Колю от безработицы. Главный Колин заработок – переводы с английского. Он поэт. У него есть целая книга стихов. Но издать эти стихи нет возможности:

Теперь тебе не до стихов,
О, слово русское, родное!⁵

И вот он поневоле, для заработка, переводит английские книги – и этим содержит свою прелестную Марину и своего младенца, мою внучку, Татку. Он страшно работающ, «читающ», добродушен, – и порою ему приходится туго, если нет для перевода книг. Я предоставил ему «Not at Night» и «Black Company» – и кажется, он их пристроит в Госиздате. Сколько тогда будет следовать Вашему бюро? Если Госиздат примет эти книги, у Коли на два месяца будет работа. Поразительно, что у меня много друзей, но *ни один* не сделал мне и вполовину столько добра, сколько сделали Вы.

Вы пишете, что хотели бы помочь кое-кому из писателей. По-моему, это вещь безнадежная. – Позвольте описать Вам несколько «случаев», на которые я натолкнулся только на прошлой неделе.

1. *Леонид Добычин*. Провинциальный писатель, которого я «открыл». Он прислал в «Современник» рассказ, мне рассказ очень понравился, я напечатал его⁶ –

И, в гроб сходя, благословил⁷.

Он написал еще рассказов десять – по-моему, прекрасных, и приехал в Питер без гроша в кармане. Здесь проголодал два месяца – и уехал назад, не напечатав ни единой строки.

2. *Художник Замирайло*⁸. Старик. Фантаст. Друг Врубеля. Автор многих прекрасных картин, которые висят в наших музеях. Но с тех пор, как фантастика и сказка считаются вредными, делает иллюстрации к популярным брошюрам, получая в месяц от 20 до 40 рублей. О нем написана книга.

3. *Татьяна Ал. Богданович*⁹. Пожилая писательница. Знает пять языков. Literary hack¹⁰. Содержит семью из 4-х человек. Не может достать иностр<анных> книг для перевода и третий месяц сидит без работы.

4. *Проф. Борис Эйхенбаум*¹¹. Известный критик, ученый, основоположник формального метода. У него сотни учеников и последователей, но добывает он пропитание корректурой.

Я никого не виню и ни на что не жалуюсь, но я знаю, что деньгами здесь не помочь. Что нужно Добычину? Ему нужно, чтобы поняли и полюбили его дарование. Если бы это случилось, деньги пришли бы к нему сами собой. Что нужно Замирайле? Чтобы общество ценило его картины, любовалось ими, понимало их. Этого тоже деньгами не достигнешь. Что нужно Эйхенбауму? Чтобы его ученые работы печатались, читались и пр. Здесь тоже необходимы не деньги.

В прошлом году я принес себя <в> жертву и взялся редактировать журнал «Современник», чтобы дать приют бесприютным писателям. Но это отняло у меня столько сил, что я не писал ничего своего.

Получили книги Перельмана? По-моему, это очень хороший писатель. Он хорошо знает работы Ю.В.Л<омоносова> и многое мне в них объяснил. Если издать эти книги нельзя, пошлите их в подарок Чубу. Кстати, как по-английски Чуб?

А Вы сами ничего не пишете? Пишите!!! Напишите записки о своих впечатлениях и встречах 1920–1926 гг. Это вышла бы драгоценная книга. Я хочу писать воспоминания о Кропоткине, Короленко, Леониде Андрееве, Горьком, Репине¹².

Ваш Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.13. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин.

² Агата Буллетт Грабиш (Agatha Bullett Grabisch), ирландская публицистка, одна из сотрудниц берлинского бюро Ломоносовой.

³ Об обстоятельствах первого знакомства Ломоносовой (тогда Розен) с Ю.В.Ломоносовым в 1905 см. биографический очерк «Raisa Nikolaevna Lomonosova (1888–1973)» в кн.: Hugh Aplin. Catalogue of the G.V.Lomonosoff, R.N.Lomonosoff and George Lomonosoff Collections. Указ соч. С.ХХI–ХХII.

⁴ Антология рассказов «ужасов» «Not at Night» («Не для ночного чтения»), 1925), составленная Кристин Томсон (Christine Thomson). См.: «Дневник 1901–1929» о «сборнике глупейших страшных рассказов» (С.371).

⁵ Первые строки стихотворения Ф.И.Тютчева (1854).

⁶ Рассказ Л.И.Добычина (1896–1936) «Встречи с Лиз» был напечатан в №4 «Русского современника» за 1924. О Добычине см.: «Чукоккала». С.332.

⁷ Строка из 2-й строфы 8-й главы «Евгения Онегина».

⁸ В.Д.Замирайло (1868–1939), художник.

⁹ Т.А.Богданович (1873–1942), писательница. См.: «Дневник 1901–1929» об упомянутой в письме №2 немецкой книге, которую Чуковский передал Богданович (С.343).

¹⁰ Литературный поденщик (англ.).

¹¹ Б.М.Эйхенбаум (1886–1959), литературовед.

¹² Воспоминания Чуковского о перечисленных лицах, кроме Кропоткина, публиковались в периодике и в отдельных изданиях на протяжении многих лет, а потом вошли в его книги «Из воспоминаний», «Люди и книги» и «Современники». (Подробнее см.: «Берман».)

Дорогая Раиса Николаевна.

Посылаю Вам свою статейку о детском языке². Она вызвала много откликов, среди которых есть очень забавные. Это все для нашей будущей книги. Мне почему-то кажется, что книга выйдет не совсем плохая. Сейчас я весь обложен Стэнли Холлами, Болдвинами, Чемберленами³ – и все лето не расстанусь с ними. «Наша» книга выйдет осенью в изд<ательств>е «Радуга»⁴. Я нарочно поселись летом где-нибудь неподалеку от детского дома, чтобы побольше бывать в обществе детей. Спасибо Ю<рию> В<ладимирови>чу за его последнее письмо. Я процитирую его полностью в той главе, которая трактует о сказках. Сейчас я занят изучением детских песенок (сочиненных детьми в возрасте 2–3 лет). Эти песенки шаманские, не поются, а выкрикиваются; почти всегда рождаются сами собой во время прыганья, беганья и вообще «неистовства». Мой Колька вбежал как-то в столовую (ему было 4 года) и крикнул:

Дайте, дайте, дайте мне
Ка-артофельно поре!

Иногда эти песни сродни заклинаниям:
Эта травка – арбикой.
Арбикой! Арбикой!

(повторяется 40 раз)

Или:

Как я желто говорю!
Как я желто говорю!

Замечательно, что их ритм почти всегда почти у всех детей – *Хорей*. Замечательно, что по своей структуре эти песни во многом совпадают с русскими народными детскими песнями – и с английскими «Nursery Rhymes». Совпадают до смешного. Напр<имер>, один 5-летний мальчик в минуты экстазов выкрикивал такие слова:

Свенди, бенди, колаленди!

и мне вспомнилось, что это буква в букву то самое, что уже 400 лет расппевают английские дети:

Handy Spandy Jack-a-dandy⁵.

Тысячи таких примеров показывают, что англ<ийские> и рус<ские> «Nursery Rhymes» есть *канонизация* приемов собственно детского творчества.

Эх, проклятие, что под рукой нет никаких научных книг на эту тему. Приходится изобретать то, что уже давно изобретено. Я, например, слышал стороною, что существует книга –

*A. Dyroff «See<le>nleben des Kindes», 2 Aufl<age>*⁶.

Там на стр.94-147 изложено будто бы мнение многоумного немца по поводу детских стишков. Милая Раиса Ник<олаевна>, если можете, возьмите эту книжку в библиотеке, прочтите указанное место – и перескажите для меня коротенько – ну хотя бы главные тезисы – а примеры (стиховые) оставьте как в подлиннике (не переводя!). Мне это будет величайшая помощь – и не только мне, а всему *нашему* делу: оздоровлению детской литературы, внесению в ее критику отчетливых критериев, созданных самими детьми.

Хорошо по поводу детского стихотворства сказал Пастернак:

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, а слова
Являются о третьем годе.
Так открываются, паря,

Поверх домов, где быть домам бы,
Внезапные, как вздох, моря,
Так будут начинаться ямбы.
Так начинают жить стихом⁷.

То есть нет, не очень хорошо, но хорошо, что вообще сказал. У нас ведь о детях – молчат – не то что у англичан или американцев>.

Хуже всего то, что мне приходится писать об этом контрабандой, по ночам, что я должен закончить статью о Репине⁸ и (для денег) сочинить киносценарий.

Впрочем, мне почему-то показалось, что Вы чуть-чуть оравнодушнели ко мне. Такой повеял ветерок из Вашего последнего письма. Письмо ласковое, как и все Ваши письма, но чего-то в нем нет, не знаю. Я сразу почувствовал это с первых же слов. Милая, если можете, потерпите еще немного – продлите свою любовь ну хоть до июля, до августа, потому что без Ваших писем мне было бы очень тоскливо. Каждое Ваше письмо для меня как птица, влетевшая в форточку – большая, дикая, морская, с «сумасшедшинкой».

О Зоценке, Перельмане и Тынянове: делайте с ними, что хотите. А хотите, ничего не делайте. Я очень люблю их (как людей) – но никак не заинтересован в их зарубежных лаврах. Да и они, кажется, тоже.

Карточки свои я пришлю Вам непременно⁹. Пойду к фотографу и снимусь. Я уже лет 10 не снимался.

Кукла пришла как раз вовремя: к 24-му февраля – т.е. ко дню рождения Мурочки! Мурочка ждала ее как манны небесной. Кукла превзошла все ее ожидания. Особенно восхитило ее то, что кукла движет глазами вправо и влево. Она назвала куклу Раичкой и сшила для нее простенькое платье – на каждый день. Только, дорогая Раиса Николаевна, если будете посылать еще кому-нибудь куклу, снимите с нее шелковый бант. Из-за этого банта таможня сдирает пятикратную пошлину – 25 р. 57 к. Я с радостью заплатил эти деньги, но для иного это очень накладно.

Теоретически я сейчас очень богат. Как я уже писал Вам, мои книги идут фантастически быстро. Издательство наживает на них десятки тысяч рублей. А мне, сукины дети (извините!), платят по 300 рублей в месяц – и еще накланяешься, покуда получишь.

Спасибо за «перинно» и «заштаноить». Не вспомнили ли Вы еще чего? Какая жалость, что Ваш дневник пропал. Теперь это был

бы клад. Читали Вы «Дневник матери» Станчинской?¹⁰ Превосходная книга. Хотите, пришлю?

Какие четыре операции Вы перенесли? Напишите мне *большое* письмо, а не такое коротенькое, как давеча, и опишите подробно свой день – что Вы делаете с утра до вечера. – Почему Вы не ответили мне на последнее письмо? Неужели и правда, сердитесь?

Ваш Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.14. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю и по сопоставлению с письмом от 10 марта 1926 г. (РАЛ. MS.717.2.65.15).

² См. прим.2 к письму №10.

³ Стэнли Холл (Stanley Hall; 1844–1924) и Бэрд Болдвин (Bird Baldwin; 1875–1928), американские детские психологи; Александер Чемберлен (Alexander Chamberlain; 1865–1914), американский филолог и этнограф, автор книги «The Child and Childhood in Folk Thought» («Дети и детство в народном мышлении», 1895).

⁴ Частное изд-во Л.М.Клячко (1873–1934) «Радуга» (Пг./Л., 1922–1930) выпустило почти все детские книги Чуковского в 1920-е.

⁵ Первая строка английского детского стишка про покупающего сладости мальчика Джека.

⁶ Труд немецкого психолога, философа и филолога Адольфа Дьрова (Adolf Duroff; 1866–1943) «Über das Seelenleben des Kindes» («О духовной жизни детей») вышел вторым изданием в Бонне в 1911.

⁷ 3-е стихотворение цикла «Я их мог позабыть» из кн. «Темы и варьяции» (1923). Чуковский цитирует первую и пятую (с опиской: вместо «Поверх плетней...» – «Поверх домов...») строфы и последнюю строку стихотворения.

⁸ См. прим.17 к письму №7.

⁹ См. прим.2 к письму №13.

¹⁰ Е.И.Станчинская (1881–?). «Дневник матери. История развития современного ребенка от рождения до 7 лет» (1924). См. «Дневник 1901–1929». С.378.

10 марта <1926 г.>¹

Дорогая Раиса Николаевна.

А ведь я вчера по рассеянности не вложил в конверт своей статьи. Вот она².

Письмо Mrs Urie получил и прочитал с восхищением, хотя, конечно, не согласен ни с одним ее словом. Восхищение мое относит-

ся ко второй части письма, где суровая проповедница благодушно изменяет своим принципам и на практике вводит то самое, что отрицает в теории! Хороша противница волшебных сказок, которая сама пишет волшебные сказки! Жду с нетерпением либретто ее оперетты³, «which was certainly much more concerned with fancy than with fact!»⁴. Дай бы побольше таких противников. Что касается первой части письма Mrs Urie, то, повторяю, я с нею «отнюдь не согласен», и меня радует, что с нею несогласна и сама Mrs Urie. Нельзя сложные биологические вопросы решать одним здравым смыслом. Из того, что ребенок в 3 года – фантаст, отнюдь не следует, что он и в 20 лет будет фантастом. Именно для того, чтобы он стал реалистом, он должен пройти через стадию самой необузданной фантастики! Англичане лучшее тому доказательство. Создатели точных наук, неспособные ни к какой метафизике, Бэконы, Юмы, Спенсеры⁵, прагматисты, материалисты, утилитаристы – они в детстве проходят сквозь самую сумасшедшую «fancy» своих Nursery Rhymes и Fairy Tales. Здесь сложная диалектика развития: из тезы растет антитеза, из фантастики – трезвейший реализм. Не сомневаюсь, что и Дарвин⁶, когда ему было 4 года, – с упоением твердил восхитительную:

The cow jumped over the moon...
While the dish ran after the spoon⁷.

Иначе он не сделался бы Дарвином! Здесь дело вовсе не в Santa Claus'e⁸, а в огромной системе фантастических образов, которыми должен питаться (и питается!) трехлетний ребенок, независимо от того, монтеissorка ли его мать или нет. Недавно вхожу в комнату, где на диване барахтаются две четырехлетние девочки: одна шипит с величайшей энергией. Что такое?

– Я телятина, и она меня жарит. Шшш.

Я засмеялся и хотел поцеловать эту девочку.

– Не смей целовать меня жареную!

Или:

– Мура, иди сюда!

– Не могу. Я стираю белье.

– Иди сюда стирать.

– А как же я море возьму?

Такие сказки ежеминутно творятся детьми. Зачем же мы станем отнимать у них те сказки, которые созданы для них человечеством в течение веков? Небось Джэнет⁹ в детстве читала и «Alice in Wonderland»¹⁰ и «Peter'a Pan'a»¹¹ – и это не помешало ей to sleep serenely and soundly¹² – и вообще сделаться здоровой и мускулистой девицей (сужу по ее фотографии). Самое главное то, что дети, фантазируя, никогда не выходят из границ реализма: ни один ребенок в пылу

игры не съел пирожка, который он испек из песка, а если бы та палка, на к<ото>рой он гарцует, как на лошади, вдруг заржала, он в ужасе отбежал бы от нее.

Простите. Не мог удержаться! Но это Вам наказание за то, что Вы пишете такие короткие письма. Вы от меня не отделаетесь *чужими* письмами, газетными вырезками, присылками кукол и книг – Вы должны *сами* писать мне большие письма, такие, как я пишу Вам – или совсем не надо писать! К черту вежливость: если я, занятой как негр, нахожу время писать Вам по четыре страницы, какое же право имеет Вы отмахиваться от меня чуть не открытками. Не хочется, не пишите совсем. Может быть, у Вас нет времени и читать мои письма?.. Теперь о моей наружности: я худой, *очень* высокий, большеносый, седой (почти), быстроногий, веселый. Скоро мне 44 года. Голова у меня такая:

Хотя в природе существуют портреты, сделанные с меня И.Е.Репиным, Е.Киселевой, С.Чехониным, И.И.Бродским и проч., и проч., но меня на улице узнают по карикатуре Анненкова, которая нарисована в «Мойдодьре»¹³.

А весь я такой:

Какой Шиллер написал «Кассандру»? Неужели прагматист?¹⁴ Здорово стали писать о Британской империи! Кто бы мог подумать! Солидаризуется с Троцким!!!

Нужно ли Вам возвращать письмо Mrs Urie?

Я хотел бы оставить его у себя – чтобы привести его в *нашей* книге.

«Крокодила» я переделал, и он выйдет на днях.

Через 2 недели выходит мой «Некрасов»¹⁵.

Только мой роман без движения – из-за бумажного кризиса.

Знаете ли Вы З.Гринберга в нашем полпредстве. Если да, передайте ему, пожалуйста, привет. Он сделал мне много добра – и вообще всем нас, литераторам¹⁶.

Ну, прощайте – в следующий раз напишу покороче.

К.Ч<уковский>

Привет Ю<рию> В<ладимирови>чу! Перельман хочет написать к его юбилею статью в «Красной газете» – и собирает материалы¹⁷.

¹ РАЛ. MS.717.2.65.15. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Год установлен по почтовому штемпелю.

² К письму приложена вырезка со статьей «Детский язык» из вечернего выпуска «Красной газеты» за 24 февраля 1926.

³ Каролайн Ури написала сценарий для оперетты Эленоры и Гертруды Смит (Eleanor and Gertrude Smith) «A Fable in Flowers» («Басня в цветах»).

⁴ в которой речь точно идет скорее о фантазии, чем о реальности! (англ.).

⁵ Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon; 1561–1626), Дэвид Юм (David Hume; 1711–1776), Герберт Спенсер (Herbert Spencer; 1820–1903), британские (Хьюм – шотландец) философы.

⁶ Чарлз Дарвин (Charles Darwin; 1809–1882), английский биолог, основоположник эволюционного учения.

⁷ Корова прыгнула через луну, / А миска побежала вслед за ложкой (англ.) – строки (вторая цитируется Чуковским не совсем точно) из самого известного английского абсурдного детского стихотворения «Heu diddle diddle, / The cat and the fiddle...» («Хэй дидл дидл, / Кошка и скрипка...»).

⁸ Дед Мороз (англ.).

⁹ Джэнет Ури (Janet Urie, в замужестве Хёрр/Ноетт), дочь Джона и Каролайн Ури.

¹⁰ «Алиса в стране чудес» (1865) и «В Зазеркалье» (1871) – самые знаменитые произведения английского детского писателя Льюиса Кэрролла (Lewis Carroll; 1832–1898).

¹¹ Пьеса для детей «Питер Пэн» (1904) – самое знаменитое произведение шотландского писателя Джеймса Барри (James Barrie; 1860–1937).

¹² спать безмятежным и глубоким сном (англ.).

¹³ Портреты Чуковского работы И.И.Бродского (1883/4–1939) (1915), И.Е.Репина (1910) и С.В.Чехонина (1923) и шаржи Ю.П.Анненкова (1889–1974) (1923) воспроизведены в «Дневнике 1901–1929». Портрет работы Е.А.Киселевой (1873–1952) (1915) воспроизведен в кн.: К.Чуковский. «Дневник 1930–1969». (М., 1994). К письму приложен монтаж из фотографии Чуковского (возможно, снятой на пляже в Куоккале) с надписью «Но это лет 6 назад» и последней страницы 1-го издания «Крокодила» (1919) с рисунком Ре-Ми, с надписями «дивное сходство!» под шаржем на Чуковского и «Баба» рядом с изображением мальчика.

¹⁴ Книга английского философа-прагматиста Фердинанда Шиллера (Ferdinand Schiller; 1864–1937) «Cassandra, or the Future of the British Empire» («Кассандра, или Будущее Британской империи») вышла в 1926.

¹⁵ В библиотеке Ломоносовой хранится экземпляр книги «Некрасов. Статьи и материалы» (1926) с дарственной надписью: «Дорогой Раисе Николаевне Ломоносовой от любящего автора. Осень. Ленинград». Это единственная книга из присланных Чуковским, которая сохранилась в библиотеке Ломоносовой.

¹⁶ Благодарность Чуковского политическому деятелю З.Г.Гринбергу (1889–1949) запечатлена в отчете о его выступлении по поводу чествования последнего (тогда и.о. комиссара по народному образованию) в Доме искусств (Вестник литературы. 1920. №3).

¹⁷ В письме от 5 марта 1926 Я.И.Перельман просит Ломоносову: «Не могу ли узнать у Вас точную дату 25-летнего юбилея Вашего мужа и краткие сведения биографического характера, чтобы своевременно отметить юбилей в “Красной газете” (я заведу в веч^{ернем} выпуске научным отделом)» (РАЛ. MS.717.2.239.2). По-видимому, речь идет о юбилее назначения Ю.В.Ломоносова профессором Киевского политехнического института в августе 1901. Статья Перельмана не обнаружена.

11

<30 марта 1926 г.>¹

Дорогая Раиса Николаевна.

Довольно! Больше не нужно меня благодетельствовать! Давайте условимся, что по крайней мере полгода Вы не сделаете мне ни одного доброго дела! Ибо это очень ненормально выходит: все другие люди с утра до ночи колотят меня кулаками, и вдруг – почему-то – одна Ломоносова, *переобремененная своими заботами, делами, тревогами*, балует меня так, как никто никогда меня не баловал. Конечно, без Ломоносовой нельзя, каждый человек должен иметь свою Ломоносову, – но «лучше сим не злоупотреблять».

Отдохните, милая, от Чуковского, погуляйте по солнышку, а Чуковский – повесил у себя на стене карту Италии и смотрит на эту страну с небывалым еще интересом: ибо скоро эту страну посетит одна седая, некрасивая женщина, за которую он отдал бы целое полушарие красивейших. Отдохните, отдохните от Чуковского! Чуковский сам был бы рад хоть на минутку отдохнуть от себя!

Впрочем, Чуковского уже нет, а есть какой-то вьючный осел, который 20 лет волочит на себе 5 или 6 человек и *ни разу не имел передышки*, ни разу не разогнул спины. О если бы бог послал мне хоть какую-нибудь Ломоносову лет 10 назад, когда у меня, действительно, был еще какой-то талантишко.

Впрочем не буду роптать: скоро, скоро все будет отлично, а чтобы Вы не думали, что Ваш Чуковский – безупречная личность, посылаю Вам его портрет, написанный Вячеславом Ивановым:

Чуковский! Аристарх прилежный!

Вы знаете: люблю давно

Я Вашей злости голос нежный,

Ваш ум, веселый, как вино.

И полной сладким ядом прозы

Приметливую остроту,

И брошенные на лету
Зоилиады и занозы.

<рисунок руки> Полуцинизм, полулиризм,
Очей притворчивых лукавость,
Речей сговорчивых картавость
И молодой (*) авантюризм!²

Долинин уверяет, что он Вам написал³. Дело м<исси>с Никольсон, увы, безнадежное! Но мы с Колей сделаем все, что возможно, и погребем ее по первому разряду. Бедная женщина: вытасила себе 16 зубов – это гораздо хуже, чем написать плохой роман⁴.

Я хотел в марте вернуть Вам мой долг, и ничего у меня не вышло: пьесу «Rain» ставят только 12 апреля (то есть перед самым закрытием сезона), а издательство «Круг», купившее у меня «Крокодила»⁵, задолжало мне 600 рублей и не платит, а Госиздат (издавший мои переводы О'Генри)⁶ объегорил меня на такую же сумму, а издательство «Кубуч», печатающее моего «Некрасова», прямо заявило мне, что печатает лишь на том условии, если я откажусь от гонорара (1000 р.). Жить литературным трудом в настоящее время это такой же абсурд, как, напр<имер>, продавать в Гренландии мороженое. А сердце болит. А голова седеет. А годы проходят. А за квартиру спрашивают 109 рублей. А фининспектор штрафует. Подождите, родная, до мая, авось к тому времени мое положение улучшится.

Привет Ю<рию> Вл<адимирови>чу! Когда будете писать Mrs Urie, черкните ей от меня благодарность за ее «Fable in Flowers». Fable годится не только детям, но и старикам «whose bright garments are torn», «whose flower-banners are drooping»⁷. Очень успокоительно мне было читать, – что:

Winter's travail and pain and strife
Are throes that usher in glad new life⁸.

Не думаете ли Вы, что мне следовало бы лично написать Mrs Urie? Если да, черкните ее адрес – я сочиню ей английскую цыдульку по всем правилам. Мурке 6 лет. Она любит свою Раису, как я свою. Деревянный Мориц (или Макс!)⁹ отправлен к моей внучке Татке, а мячом для футбола завладел мой сынишка Бобка¹⁰.

«Rain» в моем переводе печатается. Экземпляр оного будет Вам послан. 19-го апреля в Капелле (Морская, 20) я буду читать доклад «В защиту сказки»¹¹, а потом Миклашевская исполнит мою «Мухину свадьбу»¹², и разные актеры будут исполнять мое «Чудо-дерево»¹³ и проч., и проч., и проч. Читаю я в пользу «Союза писате-

лей»¹⁴. В своем докладе я процитирую (если можно!) Ю<рия> В<ладимировича> Л<омоносо>ва.

Пишу это глубокой ночью, пользуясь свирепой бессонницей. Воображаю, какое ужасное вышло письмо.

Увидите ли Вы в Италии Горького?¹⁵ Он меня не слишком-то любит (я написал о нем очень *правдивую* книжку)¹⁶, но у меня есть к нему дело: уезжая, он оставил у меня целый ворох писем и фотографических карточек. Кому передать этот матерьял. Не дать ли его писателю Груздеву, который пишет биографию Горького?¹⁷ Впрочем, лучше я лично напишу Алексею Максимовичу¹⁸. Его теперешнюю жену Марью Игнатьевну Бенкендорф¹⁹ поцелуйте от меня; когда-то мы дружили: я и познакомил ее с Горьким. В 1921 г., когда к ней в квартиру вселили башкирских солдат, я написал ей стихи, которые начинались так:

В ее салоне, где посланники
Благоухали сединой,
Висят башкирские почтанники <sic>,
Киша башкирскою блохой.

и т.д. —

Только не говорите этих стихов Mrs Urie!!

Ваш Чуковский

(* Я действительно чувствую себя молодым, ибо выдаюсь с А.Ф.Кони (82 года)²⁰ и переписываюсь с И.Е.Репиным (82 года).

¹ РАЛ. MS.717.2.65.16. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

² Вяч.И.Иванов (1866–1949) записал это стихотворение в «Чукоккале» в 1919. (С.252-254).

³ В архиве Ломоносовой нет писем от А.С.Долинина.

⁴ В письме от 23 апреля 1926 Чуковский писал: «Английская романистка Mrs Nicholson — не для читателей Советской России. <...> Госиздат ее роман забраковал. Я хотел бы послать Вам рецензию Госиздата, но она очень жестока, — старуха обидится» (РАЛ. MS.717.2.65.18). Возможно, что речь идет о плодovitой писательнице Силии Никольсон (Celia Nicholson).

⁵ «Крокодил» вышел дважды в изд-ве «Круг» (М., 1922–1929), в 1926 и 1927.

⁶ 4 сборника рассказов американского писателя О.Генри (O.Henry; 1862–1910) в переводах Чуковского и др. было выпущено 7-ю изданиями Госиздатом в 1923–1927. См. также: «Дневник 1901–1929». С.386.

⁷ «чьи яркие одежды поистрепались», «чьи цветы-знамена понижают» (англ.).

⁸ «Печаль и заботы зимы суровой – / Всего лишь предвестие жизни новой» (англ.).

⁹ Возможно, кукла, названная по имени одного из героев популярнейшей детской книги «Max und Moritz» («Макс и Мориц», 1865) немецкого писателя Вильгельма Буша (Wilhelm Busch; 1832–1908).

¹⁰ Борис Корнеевич Чуковский (1910–1941).

¹¹ См.: «Дневник 1901–1929». С.386–387.

¹² О написанной И.С.Миклашевской (1883–1956) музыке к «Мухиной свадьбе» (впоследствии «Муха-Цокотуха», 1924) см.: «Дневник 1901–1929». С.269.

¹³ «Чудо-дерево» (1926).

¹⁴ Всероссийский союз писателей.

¹⁵ В Сорренто, где Горький жил с 1924, Ломоносовы попали во время своей следующей поездки в Италию в феврале–марте 1927. С Горьким они не встречались.

¹⁶ «Две души М.Горького» (1924).

¹⁷ Первые биографические труды И.А.Груздева (1892–1960) о М.Горьком вышли в 1925–1926 («Максим Горький. По новым материалам», «Жизнь и приключения Максима Горького. По его рассказам»).

¹⁸ См. обмен письмами Чуковского и Горького в апреле 1926 по поводу передачи упоминаемых материалов в Пушкинский Дом (Переписка М.Горького с К.И.Чуковским / Подготовка текста Е.Ц.Чуковской и Н.Н.Примочкиной, комментарии Н.Н.Примочкиной. // Неизвестный Горький («М.Горький и его эпоха. Материалы и исследования». Вып.4). М., 1995. С.228–229).

¹⁹ М.И.Будберг (урожд. Закревская, в 1-м браке Бенкендорф; 1892–1974).

²⁰ А.Ф.Кони (1844–1927), правовед, общественный деятель.

Дорогая Раиса Николаевна.

Не писал, п<отому> ч<то> не хотел писать Вам печальное, а веселого так и не дождался. Простите, поэтому, родная, если письмо будет мрачное. Это невежливо, но ничего не поделаешь. Первое: бессонница. Вдруг налетела на меня эта мерзость. За последнюю неделю я спал *только* одну ночь. Мозги у меня превратились в какой-то – простите – навоз, и я весь с ног до головы противен себе, как прокаженный. Утром после бессонницы *даже умыть* не хочется. Читаешь всю ночь напролет, глаза красные, написать не можешь ни строки. Самая простая фраза не клеится. Это называется злостное переутомление. Пошел к доктору. Он меня спрашивает: «У вас не было скверных болезней?» Я даже обиделся:

– Не было ни скверных, ни хороших. Кроме инфлуэнции, никогда никаких не бывало. Но нет сквернее болезни, чем 44-летие писателя.

Посмотрел он меня и сделал несколько гнусных открытий:

– Аорта расширена!

– Эмфизема легких!

Все это в одну зиму, будь она проклята! Доктор предписал полный покой, а какой возможен покой, если я *не* нахожусь на штатной службе, и жилтоварищество дерет с меня *потому* за квартиру три шкуры – и находится со мною в открытой войне, и каждый день надрывает мне нервы, а всякая крошечная неприятность превращается для меня в тяжкую муку, от которой я плачу, как младенец.

Сейчас я ходил по улицам ночью и все думал о том, как хорошо умереть. Не то, что думал, а чувствовал всей кожей.

У меня психостения. У меня на глазах от этой штуки умирал Александр Блок².

Как приятна в такую пору всякая ласка, всякая забота *человеческая*. Ласка ко мне в последнее время идет только от Ломоносовой. Я лежу и слушаю: звонок – не несут ли от Ломоносовой письма? И приносят – ящик. И я вместе с Мурой долго и сладостно разрезаю ножницами обшивку ящика, и мы гадаем, что внутри. И оказывается внутри нечто дивное:

Какао

Шоколад

Блуза для Мурки, –

и Мурка надевает блузу, и не желает ее снять даже на ночь, и блуза ей необыкновенно к лицу, и я с умилением смотрю на настоящее какао Ван Гутена³, которого не видел уже 11 лет, и меня поражает Ваша сверхъестественная обо мне забота, потому что только третьего дня мне сварили «лучшее» какао, и оно оказалось суррогатом из бобов и железных опилок.

– Как будто *она* знала, что тебе нужно какао! – говорит Мура.

И действительно знала, потому что любовь это – древнее радио.

Муру страшно поразили Брокенские ведьмы⁴. Пересказывая (наизусть!) Ваше письмо Лиде⁵, она объясняла, что это просто вихри снега, а Вы «так нарочно» написали будто это феи. (Она смешивает ведьм и фей.) Должен признаться, что ведьмы заинтересовали ее больше, чем Ваша карточка. А меня наоборот. Я долго смотрел на эту карточку и не мог себе представить, что у Вас большое сердце. Здесь Вы здоровая, веселая – и молодая.

А сейчас я получил от Вас кучу снимков Капитолийской и Ватиканской скульптуры (больше всего меня поразила коза из Sala

degli Animali⁶ – коза, которая кормит детеныша). Конечно, Мурке я их не отдам, а повешу у себя на стенке – потому что там животные и *дети* – должно быть, Вы нарочно подбирали. (Я как раз решил на старости украсить свою комнату картинками, где изображены малыши.) К какому веку относится та мозаичная *Scena Campestre*⁷, что находится в той же *Sala degli Animali*?

Кто такие Правдины?⁸

Какие у Вас есть знакомые в Питере? Чтобы я мог расспросить у них о Вас?

Приезжайте-ка Вы на лето в Лугу – у нас есть *лишняя* комната – над озером – балкон.

Доктор велел мне не писать ничего. – А письма? – И писем не нужно. – Но Вам, милая Тетя Рисса, я все же пытаюсь царапать эти убогие строки. Уже светает.

У нас все еще холодно. Я хожу в зимнем пальто. Только теперь, 8 мая, по Неве двинулся Ладожский лед.

Привет Ю<рию> В<ладимировичу>!

Пишите! Пишите! Пишите!

Ваш

Чуковский

Мура пишет Вам огромное письмо.

¹ РАЛ. MS.717.2.65.20. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

² О своей последней встрече со смертельно больным Блоком Чуковский писал в очерке «Александр Блок» (впервые под названием «Последние годы Блока» в 1922). См. прим.12 к письму №8 об изданиях воспоминаний Чуковского.

³ Голландская фирма Ван Гутен (Van Houten).

⁴ На горе Броккен (Der Brocken) (самой высокой в немецком горном массиве Гарц), согласно легендам, ведьмы и колдуны встречались каждый год для празднования так называемой Вальпургиевой ночи (см. сцену под этим названием в «Фаусте» Гёте). Ломоносовы посетили Гарц в апреле 1926.

⁵ Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996).

⁶ Зал животных (*итал.*) – отдел Ватиканских музеев, которые Ломоносовы посетили в апреле 1926.

⁷ Сельская сцена (*итал.*).

⁸ Ломоносовы знали старого большевика А.Г.Правдина (1879–1943) с 1908, когда Ю.В.Ломоносов его назначил осмотрщиком вагонов в Луганске, а Ломоносова дружила с его женой еще в Одессе в начале 1900-х. В 1923–1927 Правдин занимал высокие посты в государственной транспортной системе, в частности, в 1924–1925 был замнаркома путей сообщения РСФСР.

<19 мая 1926 г.>¹

Милая Раиса Николаевна.

Я знаю, о чем Вы хотите спросить, но лучше не спрашивайте, потому что я *нечаянно* могу сказать правду, а я этой правды еще никому не говорил, даже себе самому. Друг мой, я сейчас уезжаю в Лугу – раздребезженный до слез. Посылаю Вам «Телефон» и свою последнюю карточку, снятую в 1925 году². Спасибо Вам за открытки из Палермо³. Я так внимательно рассматривал их, как будто и сам побывал там. Monte Pelicgrino⁴ я теперь знаю со всех сторон. Знаю церкви, знаю вокзал, театр, бухту, знаю то место, где Вы жили: у подножья горы – самое лучшее место во всем Палермо. Если бы я меньше любил Вас, я позавидовал бы Вам. Купались! Мне даже странно подумать об этом. У нас зима: ходим в калошах и шубах, тучи сплошь, носы красные, снег стаял только третьего дня.

Карточка наша пусть Вам понравится. Какое у моей мамы печальное лицо! Мы у нее «внебрачные» – я и сестра⁵. Выпало ей «по этому поводу» страданий – теперь даже странно вспомнить. Не верится, что это *было!* – Мой «Телефон», конечно, есть а failure⁶. Я хотел запечатлеть в нем типичные интонации телефонных разговоров:

- Повесьте, пожалуйста, трубку!
- Нет, это частная квартира!
- Позвоните по номеру 1-94-75 и 20.

Это вряд ли удалось. Но «коммерчески» он имеет огромный успех – 1-е издание разошлось в два-три дня!

Неожиданно получил я письмо от жены Литвинова⁷ (Head of our Foreign Office)⁸. Оказывается, она – англичанка, поэтесса, романистка⁹. Очень образованная женщина. Знакомы ли Вы с ней? Она тоже перевела «Телефон». (Но хуже того перевода, который я посылаю Вам.)¹⁰ – Сердечный привет Юрию Владимировичу. Я теперь почитал кое-какие московские статьи и статейки – и вижу, что Юр<ию> В<ладимирови>чу, действительно, есть на что жаловаться¹¹. И мне вспомнилась история оспопрививателя Дженнера, который «имел удовольствие» видеть, как толпа венчает какого-то прохвоста, якобы изобретшего оспопрививание¹². – В свободное от занятий время я пишу в «Красной газ<ете>» фельетоны, образцы которых прилагаю.

Там же печатается мой «роман» «Бородуля» (пишу под псевдонимом «Аркадий Такисяк») ¹³.

Ваш Чуковский

Уезжая в Лугу – беру с собой Ваше какао. Страшно горжусь им: на 4000 верст кругом ни у кого нет такого какао. (Если, конечно, Вы не послали такого же какао Правдиным: ревность –

Чудовище с зелеными глазами.)

¹ РАЛ. MS.717.2.65.21. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Датируется по почтовому штемпелю.

² К письму приложена фотография Чуковского и Е.О.Корнейчуковой (1856–1931) с надписью: «Я и моя мама в 1925 году».

³ Ломоносовы посетили Палермо и другие места в Сицилии в апреле-мае 1926.

⁴ Гора пилигрима (*итал.*).

⁵ Мария Корнейчукова (1879–1934). О проблемах, вызванных положением незаконнорожденных, см. «Дневник 1901–1929». С.323.

⁶ Провал (*англ.*).

⁷ М.М. Литвинов (1876–1951), советский государственный деятель.

⁸ Глава нашего Министерства иностранных дел (*англ.*).

⁹ Айви (Ivy) Вальтерова Литвинова (урожд. Лоу/Low; 1889–1977).

¹⁰ В письме от 23 апреля 1926 Чуковский писал: «Посылаю Вам при сем перевод моего “Телефона”. Перевод мне очень не нравится. И язык плох. Будьте добры, дайте мне о нем Ваш авторитетный отзыв – или еще лучше – покажите какому-нибудь англичанину. Издатель хочет печатать этот текст для английских читателей – не выйдет ли позора при таком переводе? Вышло как-то очень банально» (РАЛ. MS.717.2.65.19). В тот же день из-во «Радуга» отправила Ломоносовой машинопись перевода «Телефона» на английский язык «одного москвича» («Дневник 1901–1929». С.386) Житомирского под названием «The Phone».

¹¹ В письме от 23 апреля 1926 Чуковский писал: «Письмо Ю<рия> В<ладимировича> поразило меня. Кто похитил его изобретение? Мне, профану, кажется, что вся слава изобретения тепловоза прочно принадлежит проф. Ю.В.Ломоносову. Напишите мне *тихонечко*, в чем дело, и какие газеты и журналы я мог бы прочитать, чтобы мне стало ясно положение вещей» (РАЛ. MS.717.2.65.19).

¹² Эдуард Дженнер (Edward Jenner; 1749–1823), английский врач.

¹³ К письму приложены вырезки из вечернего выпуска «Красной газеты» с фельетоном «Маэстро» (8 мая 1926), с откликом на него «Мигрифа» под названием «Музыкальные арапы. Еще о наших “маэстро”» (15 мая 1926) и со вступлением к «Бородуле» (11 мая 1926).

1 июля <1926 г.>¹

Дорогая Раиса Николаевна.

Наконец-то мне стало лучше, и я могу Вам написать. У меня такое чувство, как будто кто умер. Или вернее: умер я, умерло то лучшее, что было во мне. Вам легче – Вы все же среди впечатлений, дел и людей, а я один совсем, и работа моя одинокая. Вам легче: нас у Вас много, а Вы для меня одна. Вы были всё это время так страшно мне нужны, что, если бы Вас не было, Вас надо было бы выдумать. Нельзя делать литературу совсем одиноко – без читателей, без со-страдателей, без со-понимателей. А Вас как будто сам бог создал для того, чтобы Вы были *другом* писателей. Я, по крайней мере, как писатель, получил от Вас страшно много: Вы дивный литературный фермент: со-думаете, со-чувствуете, со-любите с нами. Потому я так охотно жаловался Вам на все свои литературские неудачи и беды, хныкая перед Вами в своих письмах –

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно².

И теперь мне даже страшно подумать: как я буду жить без *моей Ломоносовой*, без ее щедрых, раскидистых, нечеловечески сочувственных писем. Самые конверты этих писем, их экзотические марки, их запах – все это радовало меня, как праздник, как какая-то (незаслуженная мною) *награда* за мою беспросветную жизнь.

Простите же меня, что в благодарность за все хорошее, сделанное Вами мне, я втянул Вас в какие-то нелепые дразги.

Но ведь Вы все понимаете: поймите и это. Жена моя³ усталый, пожилой человек, которого я мучаю уже 23 года. Когда я уехал в Лугу, она случайно нашла одно мое письмо к Вам (неотосланное) и сделала из него совершенно неверные выводы. Но в этом не ее вина, а ее беда: я своими прежними проступками, лжами, изменами расшатал у нее всякую веру в мое благородство. Мое письмо ударило ее, как обухом; главное – ее поразило то, что я жалуясь в своем письме на одиночество и поверяю Вам такие мысли, которых не поверял ей.

Если бы она была здорова, я спорил бы с ней, но она ужасно больна: после всякого волнения, она как мертвая, целыми неделями лежит в постели без сна и пищи – с лютой мигренью – и проч.

Не думайте, что она сочинила какую-нибудь пошлость. Она знает, что Ваши отношения ко мне – светлые. Но некоторые фразы в

моем письме к Вам были действительно так откровенны, так необычны и пламенны, что она была оскорблена. (Главное: она и до сих пор не верит, что этого *безумного* письма я не послал, именно ввиду его безумия.) Ей кажется, что я не имею права быть одиноким, если я окружен семьей. Но ведь не кокетничаю же я своим «одиначеством» на 45 году моей жизни. Еще раз простите меня; но я думаю, что Вы уже привыкли получать за то чрезмерное добро, которое Вы делаете людям – вот этикие дразги и муть.

Ах, как бы мне хотелось *действительно* поговорить с Вами *сейчас* и все объяснить по-настоящему, а не в письменных экивоках. Когда-то мы увидимся? Где? Будете ли Вы в Киеве этой зимой? За границей мне, очевидно, уже никогда не бывать, да оно и лучше, только раздражишь себя.

Последнее Ваше письмо было не заказное, без обычного запаха – и как будто немного сердитое.

Долг миссис Ugie начинает меня угнетать. Я нарочно написал «Бородулю», чтобы отдать его. Но «Бородуля» провалился с позором: «Красная <газета>» вдруг вообразила, что он – «ехидный», «иронический», «злойный» – и омерзительно переделала его, вытравив из него все сколько-нибудь живое. То, над чем я работал полгода, не вставая с постели, было так изгажено в месяц, что я обратился в Союз писателей с протестом.

Теперь мне противно думать об этом проклятом «Бородуле». Хотел было переделать его в пьесу для Мейерхольда⁴, – но уста-ал!! Вообще я похож сейчас на раздавленного таракана, который все еще шевелит усами. Шевелю я плохо – царапаю свою «Книгу о детях» – нашу книгу – но мертво, еле-еле. Вы пишете, что Ю<рий> В<ладимирович> получил неприятные письма. Воображаю, как и ему тяжело. Всякая созидательная работа – и большая, и крошечная – дается теперь с такими ужасными болями.

Пантелеймона романа <sic> я не знаю⁵. Но он член Модпика⁶. Я передал чек председателю Модпика Е.Э.Мандельштаму⁷ – с письмом к Романову. Он отвез его (чек) в Москву. Романову я сообщил Ваш адрес. Письмо от редактора «Nation» при сем прилагаю⁸. Читали Вы стихи Babette Deutsch? Среди них есть прекрасные. Но я теперь увлекаюсь Wordsworth'ом⁹, котором <т.е. которого> прежде несколько не любил. Что такое с Мэри Kellerman?¹⁰

Пишите – хоть немножко.

Ваш Чуковский

¹ РАЛ. MS.717.2.65.23. Автограф. Отправлено из Ленинграда в Берлин. Год установлен по почтовому штемпелю.

² Не удалось установить источник цитаты.

³ Мария Борисовна Чуковская (1880–1955).

⁴ В.Э.Мейерхольд (1874–1940).

⁵ П.С.Романов (1884–1938), писатель. В архиве и библиотеке Ломоносовой хранятся письма П.С.Романова и его жены и его книги с дарственными надписями (РАЛ. MS.717.2.260.1-12, MS.717.2.261.1-2). По-видимому, Ломоносова устроила перевод произведений Романова на немецкий язык – см. дальше о чеке.

⁶ Московское общество драматических писателей и (оперных) композиторов.

⁷ Е.Э.Мандельштам (1898–1979), брат О.Э.Мандельштама.

⁸ С 1918 Ломоносовы поддерживали контакт с сотрудниками нью-йоркского журнала либерального направления «The Nation» и летом 1926 встречались в Германии с редактором этого журнала О.Г.Виллардом (O.G.Villard; 1872–1949).

⁹ Уильям Вордсворт (William Wordsworth; 1770–1850), английский поэт.

¹⁰ У Мэри Келлерман (Mary Kellermann), первой жены немецкого писателя Бернгарда Келлермана (Bernhard Kellermann; 1879–1951) и сотрудницы созданного Ломоносовой в Берлине в 1923 литературного и переводческого бюро, был рак, и она умерла в начале октября 1926. (Ю.В.Ломоносов. Дневник. РАЛ. MS.716.3.14).

**«ДРЕБЕЗЖАНИЕ
МОИХ РЖАВЫХ РУССКИХ СТРУН...»**
Из переписки Владимира и Веры Набоковых
и Романа Гринберга (1940–1967)

*Публикация, предисловие и комментарии
Рашида Янгирова*

Все существующие толкования и интерпретации «американских лет» Владимира Набокова оставляют не проясненным один весьма болезненный для национальной гордости его соотечественников вопрос: чьим же, собственно, писателем вошел он в историю мировой литературы? Согласно установившемуся клише, ответ на него очевиден: натурализованный гражданин США с русской фамилией, университетский преподаватель-славист, известный в узких кругах лепидоптеролог и успешный англоязычный писатель. Детально разработанный исследователями, этот дискурс, однако, не снимает важнейшей коллизии, отчуждающей Набокова не только от России, но и от предшествующей судьбы эмигранта Владимира Сирина¹. Впрочем, открытой эту проблему оставил (или намеренно поставил?) сам писатель, оборвавший печатные автобиографии («Conclusive Evidence», «Другие берега», «Speak, Метопу») на американском пороге². Но был ли этот разрыв столь уж безоговорочным?

Один из ключей к разрешению этой загадки содержится в эпистолярном наследии писателя, все еще малоизвестном широкому читателю. Лишь

¹ Эта коллизия материализовалась в образцовом биографическом исследовании Брайана Бойда: Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990; Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991. Русский перевод этого издания планируется к выпуску «Независимой газетой» совместно с издательством «Симпозиум» (Москва) в конце 1999 – начале 2000.

² Бойд Б. Владимир Набоков: вступление в биографию. Биограф Набокова об автобиографиях Набокова // Литературное обозрение. 1999. №2.

в письмах, как можно судить даже по опубликованному их корпусу³, Набоков подчас снимал литературную маску и демонстрировал черты живой рефлектирующей личности, далекой от образа высокомерного и холодного сноба (ср. с автохарактеристикой в одном из публикуемых нами писем: «я очень добрый человек, но очень недобрый писатель»).

Наиболее сведущий в эпистолярии, но не озабоченный национальной идентичностью своего героя, биограф сосредоточился, преимущественно, на американском поле, экспонировав его корреспондентов-соотечественников маловажными «попутчиками» и эпизодическими персонажами⁴. Исключение в этом ряду составил лишь Роман Николаевич Гринберг (1893–1969) – конфидент и активный соучастник литературных и семейных дел писателя⁵. Их общение, с разной интенсивностью продолжавшееся более тридцати лет, убедительно свидетельствует о том, что «русская» ипостась Набокова, пусть в свернутой, «домашней» форме, но сохранилась в неприкосновенности и за океаном.

Не входя в биографический экскурс, сделанный нами в другом месте⁶, наметим здесь предполагаемые и реальные биографические пересечения этих людей в предшествовавшие, не документированные годы. Прошедшему школу лубянской тюрьмы (1921) Гринбергу удалось выбраться из СССР в Германию примерно в 1923–1924. Там он быстро адаптировался и проявил недожинные деловые способности, принесшие ему материальное благополучие и независимость (по некоторым сообщениям, подтверждаемым и его перепиской с Набоковыми, основным делом жизни Гринберга была удачная игра на бирже). Не исключено, что уже в те годы живой интерес к художественной жизни и тяга к литературно-артистическому миру если не свели напрямую, то, во всяком случае, обратили его внимание на молодого

³ The Nabokov–Wilson Letters. 1940–1971. Ed. by Simon Karlinsky. New York, 1979 (франц. пер.: Vladimir Nabokov – Edmund Wilson Correspondance. 1940–1971. Paris, 1979); Набоков В. Переписка с сестрой. Анн Арбор, 1985; Vladimir Nabokov. Selected Letters. 1940–1977. Ed. by Dmitry Nabokov and Matthew J. Broccoli. New York, 1989.

⁴ Круг русских корреспондентов Набокова, впрочем, обозначен Бойдом в указателе архивного эпистолярия. – Boyd V. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991. P.632–735.

⁵ См.: Седых А. Памяти Р.Г. Гринберга // Новое русское слово. 1969. 27 декабря; Адамович Г. Памяти ушедших // Русская мысль. 1970. 22 января; Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988. С.174 (статья «Воздушные пути»), 558 (статья «Опытъ»); Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб., 1993. С.159–161; Дьмерская-Цигельман Л. Альманах «Воздушные Пути» и его издатель-редактор Роман Гринберг // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V. Иерусалим, 1996; Вильданова Р., Кудрявцев В., Лапто-Данилевский К. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С.303.

⁶ См. нашу публикацию: Роман Гринберг и Роман Яковсон. Материалы к истории взаимоотношений // Роман Яковсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.

беллетриста. Проведя после Берлина несколько лет в Италии (1926–1929), Гринберг перебрался во Францию, где тесно сошелся с политическими, в частности, околосоверовскими (отец Гринберга был видным деятелем этой партии)⁷ и литературными кругами русского Парижа, подкрепив это общением щедрым, но тактичным меценатством. Одним из его подопечных стал и Владимир Сирин⁸. После начала Второй мировой войны Гринберги, очевидно, по «еврейской квоте», эвакуировались в США, где глава семьи сразу же нашел себя и в деловой жизни Нью-Йорка. Не располагая прямыми свидетельствами, рискнем предположить, что, наряду с известными лицами, он также сыграл немаловажную роль в переезде Набоковых за океан и их обустройстве в новой стране.

Подлинное общественное предназначение Гринберга обнаружилось лишь в начале 1950-х, когда он вышел на поверхность публичной жизни как соредактор журнала «Опыт» и сразу же занял видное место в литературно-издательском мире эмиграции. Широчайший круг биографических пересечений – от «будетлян» Р.Якобсона, Д.Бурлюка, В.Маяковского, В.Хлебникова, О. и Л.Бриков до их идейных и эстетических антиподов Г.Адамовича, Вл.Ходасевича, Г.Иванова, С.Маковского, Ф.Степуна и многих других видных эмигрантов, дополненный тесным общением с литературно-художественной элитой Америки (Эдмунд Вильсон, Макс Истмен, Исаак Башевис Зингер и др.)⁹ обеспечили круг авторитетных сотрудников и высочайшее литературное качество редактируемому журналу, одной из регалий которого стало и имя Набокова.

По свидетельствам близко знавших и не склонных к пустым комплиментарам современников, «чутье и вкус Р.Н. давали себя знать повсюду»¹⁰, а природное обаяние неизменно располагали к нему самых разных по характеру и взглядам собеседников¹¹. Живой, свободный ум, широчайшая эрудиция, непоказная отзывчивость, бескорыстная любовь к русской литературе и почти безошибочная художественная интуиция не могли не привлечь к Гринбергу и такого «перфекциониста», как Набоков. Разница в возрасте и перемена формально-ролевых позиций в новых для писателя биографических обстоятельствах (бывшего «учителя» Гринберга в Париже на протяжении по меньшей мере десяти-пятнадцати лет американской жизни можно

⁷ Валложевич В. Рядом с Маяковским // Нива. (Астана, Казахстан). 1999. №1. С.3.

⁸ Boyd V. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990. P.511. Отлично владея английским языком с детства, Гринберг облек свою финансовую помощь писателю в форму уроков английского языка, которые он брал у него во второй половине 1930-х. – Boyd V. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991. P.19.

⁹ См. описание званого обеда у Гринбергов осенью 1940, на котором Набоков встретился с Вильсоном и Истменом. – Ibid. P.120. Гринберг неоднократно упоминается и в переписке Набокова с Вильсоном. – The Nabokov–Wilson Letters...

¹⁰ Адамович Г. Указ. соч.

¹¹ Седых А. Указ. соч.

признать его «клиентом») не помешали установлению неформальных отношений между ними и даже нетипичному для Набокова переходу на «ты». Помимо личных встреч и телефонных разговоров, их дружба материализовалась и в переписке, составляющей в общей сложности свыше ста посланий за 1940–1969 – до тех пор, пока ее не оборвала смерть Гринберга. Корпус этих текстов, по нашему мнению, убедительным образом демонстрирует «русского» Набокова в его американский период, не только фиксируя события его личной и литературной жизни, но дружеский круг общения и широчайший спектр рефлексии – от политики до литературы. Другой, не менее важной особенностью переписки следует признать то, что «ответная» ее часть обнаруживает столь же интересного и равноценного собеседника писателя, чьи суждения и оценки были не просто близки его собственным, но адекватны по оригинальности и глубине мысли. Внимательный читатель отметит и еще одну примечательную особенность публикуемой нами переписки: в полной мере осознавая масштабы личности и таланта своего корреспондента, Гринберг, несомненно, вел и хранил ее в расчете на потомков, строя послания к Набокову не как лично-бытовые, но как литературные тексты эпистолярного жанра.

Вынуждено ограниченные в объеме нашей публикации, мы представляем читателю лишь часть этой переписки – 40 писем, извлеченных нами из вашингтонской части архива Р.Н.Гринберга (Vozdushnye Puti Collection. Library of Congress. Manuscript Department (LCMSS). Washington. D.C. Boxes 2,5). В дальнейшем на страницах альманаха «Диаспора» мы предполагаем покрыть хронологические лакуны за счет писем, отложившихся в нью-йоркском архиве (Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York. Roman Grynberg Collection), и довести нашу публикацию до 1969.

Письма публикуются по рукописным и машинописным оригиналам с сохранением авторской палеографии, орфографии и пунктуации, при минимальной и потому неоговоренной правке. Курсивом воспроизведены все автографы и рукописные вставки. Аутентичность публикуемых текстов сохранена также в латинице набоковской пишущей машинки. Все подчеркивания, выделенные слова и квадратные скобки в публикации принадлежат участникам переписки; в угловых скобках раскрыты авторские конъектуры.

Публикатор выражает глубокую благодарность Д.В.Набокову, а также администрации Отдела рукописей Библиотеки Конгресса США за любезное разрешение ознакомиться с материалами переписки Набоковых и Гринберга и воспроизвести их в печати.

Наша живейшая признательность друзьям и коллегам, соучаствовавшим в работе дружеским вниманием, советами, справками и иной помощью: Тамаре и Юрию Дихановым (Бетесда, штат Вирджиния), Хенрику Барану (Робани, штат Нью-Йорк), Владимиру Аллою (Париж), Роману Тименчику (Иерусалим), Татьяне Осокиной (Москва) и Павлу Дмитриеву (Санкт-Петербург).

СОКРАЩЕНИЯ

BAR – Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York.

VP – Vozdushnye Puti Collection. Library of Congress. Manuscript Department (LCMSS). Washington. D.C.

О. – Опыты. Журнал под ред. Р.Н.Гринберга и В.Л.Пастухова. Изд. М.Цетлина. Нью-Йорк. 1953–1954. №1-3; Ред. Ю.Иваск. 1954–1958. №4-8.

ВП – Воздушные Пути. Альманах. Ред.-изд. Р.Н.Гринберг. Нью-Йорк. I-V. 1960–1967.

НЖ – Новый Журнал. Нью-Йорк.

НРС – Новое русское слово. Нью-Йорк.

Boyd-1 – Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990.

Boyd-2 – Boyd B. Vladimir Nabokov. The American Years. Princeton, 1991.

1. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

c/o Prof. Karpovich¹
West Wardsboro
Vermont <–Нью-Йорк>
<б/д; начало сентября 1940>

Дорогой Роман Николаевич,

Пишу вам из тихого и плавного Вермонта², откуда на днях собираемся вернуться в Нью-Йорк. Надеюсь, что вы и Софья Михайловна приятно провели время на вашем озере. С десятого сентября мы будем опять на 1326 Madison Avenue, где пробудем оч^{ень} недолго, ибо возвращаются хозяева, и надо подыскать другую квартиру³. Вообще, поглядываю на зиму не без тревоги. До сих пор, несмотря на страстную корреспонденцию, ничего у меня не выходит в рассуждении джоба⁴. Как вы думаете, можно ли было бы снова обратиться в то милейшее общество, где вы мне устроили ссуду?⁵ Мне очень неловко так скоро опять обращаться, но положение беспросветное.

Пишу новую книгу по английски⁶, причем начать было мучительно трудно, и разошелся только тогда, когда случилось то, о чем писал добрый Франс: *caressez la phrase: elle vous sourira*⁷. Не знаю, понравится ли эта улыбка моему издателю, но сам я доволен.

Есть ли у вас вести из Франции? Сюда, т.е. в Нью-Йорк, прибыли Керенский и Зензинов (из Финляндии с Американским Легионом)⁸. Алданов в Ницце, и есть мечта тоже его сюда перетянуть⁹.

С удовольствием думаю, что скоро увижу вас. Крепко жму вашу руку, дорогой, и целую ручку Софье Михайловне. Жена шлет вам привет.

Ваш В.Набоков

¹ Карпович Михаил Михайлович (1887–1959) – историк. С 1917 – жил в США, с 1927 работал в Гарвардском университете, впоследствии став его профессором и заведующим славянским отделением; в 1946–1959 – главный редактор «Нового Журнала». Набоков познакомился с ним в Праге в 1932 и в дальнейшем между ними поддерживалась переписка. В конце 1930-х годов Карпович активно соучаствовал в получении семьей Набоковых разрешения на въезд в США.

² В то лето Набоковы гостили в загородном доме семьи Карповичей.

³ Адрес семьи Леховичей, в чьей квартире Набоковы прожили некоторое время до поездки в Вермонт и в первые дни по возвращении в Нью-Йорк. Ее хозяйка была племянницей С.Паниной.

⁴ Job – работа (англ.).

⁵ Толстовский фонд, оказывавший финансовую помощь нуждающимся эмигрантам.

⁶ Роман «The Real Life of Sebastian Knight».

⁷ Здесь: лелейте фразу: она раскроется (франц.).

⁸ Александр Федорович Керенский (1911–1970) переехал в США летом 1940.

После начала советско-финской кампании видный эсер и близкий знакомый Набокова Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) отправился в Финляндию в качестве военного корреспондента. Материалы, собранные им там, легли в основу книги «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940» (Нью-Йорк, 1945). Набоковский отзыв о ней см. в: Boyd-2. P.84-85.

«Американский легион» – организация ветеранов войны США, учрежденная в марте 1919 участниками экспедиционного корпуса, воевавшими в Европе в годы Первой мировой войны. В период советско-финской войны ее сотрудники оказывали медицинскую и техническую помощь раненым финским военнослужащим.

⁹ После оккупации Парижа нацистскими войсками в июне 1940 М.Алданов переехал из Парижа в Ниццу, а в начале следующего года обходными путями (через Испанию) приехал в США, где совместно с М.Цетлиной вскоре основал НЖ. Его комментарий об американских делах Набокова того периода см. в письме к А.А. и Б.И.Элькиным (2 июля 1942): Рогачевский А. Борис Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V. Иерусалим. 1996. С.234.

2. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

20-X-41¹

19 Appleby Road Wellesley
Massachusetts–Нью-Йорк>

Дорогой Роман Николаевич,

После феноменального лета в Калифорнии² преподаю теперь в Wellesley College около Бостона³. Где вы? Что вы? Думаю посетить Нью-Йорк в будущем месяце, и тогда очень хотелось бы повидать вас. Здесь нам живется прекрасно, но, увы, «job» на один год. Как развивается английский язык Софии Михайловны? Не собираетесь ли в Бостон? Только что получил очаровательнейшее письмо от Wilson'a⁴ по поводу моего английского романа, который скоро выходит⁵.

Напишите мне два слова. Я очень люблю вас, и не хотелось бы, чтобы вы думали, что мое долгое молчание значит, что я вас забыл.

Сердечнейший привет от нас обоих вам обоим.

Ваш В.Набоков

¹ Конверт письма датирован штемпелем бостонской почты 22 октября 1941. Рукой отправителя написан адрес:

Mr. R.Grynberg
Raleigh Hotel 121 West 72 New York City <зачеркнуто>
16 West 76 Street
from V.Nabokov
19 Appleby Road Wellesley Massachusetts

² Летом 1941 Набоков по рекомендации М.Алданова был приглашен в университет Беркли, где прочел спецкурс о литературном мастерстве студентам славянского отделения.

³ Академический год 1941/1942 Набоков вел лекционный курс русской и советской литературы в указанном женском учебном заведении в качестве Visiting Lecturer in Comparative Literature. С осени 1941 он одновременно работал временным сотрудником Музея сравнительной зоологии при Гарвардском университете.

⁴ Вильсон Эдмунд (1895–1972) – художественный критик и беллетрист, многолетний участник дружеского кружка Набокова. Его переписка с Гринбергом, фрагментарно отложившаяся в VP с апреля 1941, дополняет биографию писателя эпизодами, не освещенными в нашей публикации, и сторонними отзывами Гринберга о Набокове.

Летом 1943 Набоковы отправились в штат Вайоминг, где писатель ловил бабочек, и вернулись в Итаку в первых числах сентября. Сообщая Вильсону о том, Набоковы несколько дней гостили у него в Нью-Йорке на обратной дороге из этой поездки, Гринберг писал 17 сентября 1943:

«<...> Владимир, г-жа Набокова и юный Митя недолго погостили у нас. У них все, кажется, идет хорошо. Юта породила множество новых забавных историй, над которыми мы много смеялись. Владимир и сам по себе напоминает странную, но прекрасную бабочку. Однажды один молодой филолог-русист спросил меня, какое место занимает Набоков в русской литературе. Прежде всего, я отказался от сравнений потому, что ненавижу такого рода вещи. Потом я все же изложил ему свое мнение, тебе, впрочем, известно, что, безусловно, он один из самых талантливых современных русских писателей, хотя и самый неукоренный из них. Последнее – факт его биографии и я уверен, что он сам глубоко это переживает. Он уводит <читателя> в никуда и всякий раз, когда я читаю его романы (но не рассказы), я ощущаю ужасную пустоту. Честно говоря, я не понимаю, из чего сотворен его мир. Между прочим, я сказал Владимиру, что собираюсь поехать в Уэлл флит <загородный дом Э.Вильсона. – Публ.>, и он выразил желание ко мне присоединиться. Наверное, я был неправ, нечаянно рассказав ему твой лимерик, но думаю, что, в конце концов, это не так уж и важно».

24 июня 1944 Вильсон писал Гринбергу:

«<...> В тот вечер, когда Элен <Мучник> звонила тебе, я был в компании с ней, Набоковыми и моей дочерью и мы жаждали увидеть тебя и Соню. Потом мы с Володей поехали в Бостон, где мы еще пообщались. Он был ужасно болен, как ты наверняка знаешь, но, как обычно, был полон сарказма, шуток и эксцентричных желаний <...>».

19 ноября 1948 Гринберг писал Вильсону:

«Я слышал от Володи, что он очень счастлив в Итаке и этот переезд был для них мудрым решением. Ты, наверное, помнишь о своих страхах за его здоровье прошлой весной. Признаться, я не воспринимал все это всерьез, как он ни хотел нас в этом уверить, потому, что знаю – он ипохондрик. Скорее всего, я поеду навестить его в конце этого месяца или чуть позже и потом расскажу тебе подробнее, какими я их нашел <...>». – VP. Box 3.

⁵ Роман «The Real Life of Sebastian Knight» вышел в свет в первых числах октября 1941.

3. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

14. III. 1947

<Уэллсли–Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Мне было страшно грустно читать подробности смерти твоей матушки¹. Спасибо за твое длинное милое письмо². Я давно хотел

тебе ответить, но как водится откладывал. Сейчас сижу в классе, дал своим девицам *test*³, они прилежно пишут, а у меня есть минута свободы.

Твой отчет о собрании и о внешности моего двоюродного брата – прелесть. Они были у меня за несколько дней до начала дела – впрочем я тебе об этом писал⁴. Получил от него просьбу: составить жизнеописание и критическую оценку Эмили Дикинсон⁵ – *rien que ça*⁶. Я отвечал что рад, как и он, служить своему новому государству, – но к сожалению, занят другим.

Представь себе что моя русская муза вдруг проснулась, потянулась и разрешилась небольшой поэмой. Она выйдет в <Новом> Журнале Карповича⁷. Я послал ее с подстрочным переводом и комментариями Эдмунду, но он ничего на это не ответил.

Роман выходит в начале июня, увидимся⁸.

Толстею, друг! Боюсь взвешиваться! Очень хотел бы повидаться с тобой да вот не знаю когда это будет.

Обнимаю тебя, привет Соне

твой В.

¹ Мать адресата Фанни Исаевна Гринберг всю жизнь после гибели мужа в ЧК и эмиграции сына прожила вместе с дочерью Ириной в двух комнатах своей прежней 8-комнатной квартиры в б. доме Баскакина в Водопьянном переулке, ставшей знаменитой благодаря соседству с О. и Л.Бриками и В.Маяковским, и сумела сохранить почтовую связь с заграничным родственником. По имеющимся у нас сведениям, этот эпистолярный в дальнейшем был утрачен. О семье Гринбергов см.: Валоженич В. Рядом с Маяковским // *Нива* (Астана). 1999. №1.

² Копия этого письма Гринберга в архиве отсутствует.

³ Контрольная работа (англ.).

⁴ Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978) – композитор, музыковед; в те годы – преподаватель музыки в Wells College близ Итаки; автор мемуарной книги «Багаж» (ее фрагменты в русском переводе опубликованы в: *Звезда* (СПб.). 1998. №10; 1999. №5). О нем см. ст. С.Разумовой в: *Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*. М., 1997. С.445-446; Толстой Ив. Композитор Набоков // *Звезда*. 1998. №10.

Очевидно, автор письма имел в виду описание Гринбергом какого-то из публичных выступлений Н.Набокова в Нью-Йорке.

⁵ Дикинсон Эмили Элизабет (1830–1886) – лирическая поэтесса.

⁶ Здесь: только и всего (франц.).

⁷ Набоков В. Князю С.М.Качурину // *НДЖ*. 1947. Кн15.

⁸ Роман «Bend Sinister» вышел в свет 12 июня 1947.

4. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

957, East State Street
Ithaca, N. Y. <–Нью-Йорк>
23.VII.1948
телефон
7746 Ithaca

Дорогой Роман,

Итак мы в Итаке¹. Приятный дом с чудным садом. Нам бы очень хотелось, чтобы вы нас посетили здесь. А? Напиши или позвони. Соскучился я по тебе. Пишу тоже Зёке², чтобы приехал.

Мне нельзя этим летом ни бегать за бабочками, ни играть в теннис, ни загорать³. Располагаю свою тушу в зеленой тени и пописываю.

Обнимаю тебя, привет Соне

¹ Набоковы приехали в Итаку 1 июля 1948.

² Домашнее прозвище Георгия Иосифовича Гессена (?–1971) – младшего сына И.В.Гессена, однокашника сыновей П.Б.Струве и дочери П.Н.Милокова по Выборгскому коммерческому училищу, близкого друга петербургского детства и берлинской юности Набокова. С конца 1942 старшие и младшие Гессены (включая жену Г.И. Софью Григорьевну; урожд. Лапинер) поселились в Нью-Йорке, перебравшись туда из Франции через Испанию. С конца 1940-х до выхода на пенсию в 1960-е Г.И.Гессен служил русским переводчиком в штаб-квартире ООН. История взаимоотношений писателя с этим семейством документируется перепиской. См. ее фрагменты: Письма В.В.Набокова Гессенам / Публ. Ю.В.Гессена // Звезда. 1999. №4. С.42-45.

³ Весной, после заключения врачей о раке легких, спровоцированном интенсивным курением, Набоков был госпитализирован для проведения бронхоскопии, после которой ему был прописан щадящий режим. См. об этом примеч.4 к письму 2.

5. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

1-XI-1948¹
<Итака–Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Что ж ты и не отвечаешь и не приезжаешь? Я написал тебе по крайней мере месяц тому назад², (Новое правописание заело)³, от

тебя ничего, а между тем мы были бы очень рады твоему приезду в любой недельный конец⁴.

Мои лекции протекали приятно, и вообще я очень рад, что решил переехать сюда⁵.

Напиши мне, дорогой, два слова.

Твой В.

¹ Письмо на бланке Корнеллского университета: «Department of Russian Literature – Vladimir Nabokov – Goldwin Smith Hall – Ithaca, New York».

² Указанное письмо Набокова в архиве отсутствует.

³ Письмо написано в смешанной форме старого и нового правописания. Последующие письма Набокова к Гринбергу написаны по новой орфографии с незначительными от нее отступлениями.

⁴ Калька с англ.: week end.

⁵ Набоков читал спецкурс по русской литературе XIX века.

6. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

24 Февраля 1949 г.
<Итака–Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

У меня к тебе большая и взволнованная просьба:

Таймз Бук Ревью просит меня написать для них рецензию на Сартровскую *Nausee*, только что вышедшую в переводе¹. Я знаю, что будет: они пришлют мне английский перевод, и я не буду в состоянии судить, что от Сартра, что от переводчика, и что от Бога. В здешней библиотеке нет французского оригинала. Между тем я знаю, что *La Nausee* вышла в изд<ательст>ве NRF в 1938 году. Нет ли у тебя или у кого-нибудь из твоих друзей этой книги? Нельзя ли как-нибудь ее достать, хотя бы в Паблик Лайбрери²? Мне она крайне и срочно необходима. Обещаю вернуть через неделю.

У нас провел полтора дня Георгий, очень взволновал нас своими горестями³.

Я у него выиграл девять партий из десяти⁴. Если он тебе расскажет что-либо другое, то просто не верь.

Оба шлем привет тебе и Соне.

Твой В.

¹ Американское издание романа «Тошнота». Рецензия Набокова в указанном издании была напечатана 24 апреля 1949 и впоследствии была включена автором в кн. «Strong Opinions» (1973).

² Нью-йоркская Публичная библиотека.

³ Обсуждение неурядиц в семье Гессенов участниками переписки см. в письмах 7 и 14. Вовлеченность Гринбергов в эту семейную драму, по-видимому, стала причиной разрыва их отношений с Гессенами, через некоторое время восстановленных при посредничестве писателя. См. об этом в письме 32.

⁴ Именуются в виду шахматы.

7. Р. ГРИНБЕРГ – В. НАБОКОВУ

1 марта 1949

<Нью-Йорк–Итака>

Дорогой Володя,

Я получил твое письмо в субботу, но получил ли ты книгу, имя кот<орой> по-русски «Отвращение», а не «Тошнота», как назвал ее кто-то, хотя, правда, книга тошнотная. В тот же день мы с Георгием ездили на Главный Почтамт и там приказали чиновнику доставить ее тебе с нарочным. Сартра, автора, я терпеть не могу, впрочем, вполне безотчетно, вроде как встречающих попов или монахинь. Суверно. Говорят, что, кроме того, что он беллетрист, он еще и большой философ, и драматург, и журналист, и синеаст¹, и вождь им сотворенной политической партии и, словом, пачкун на все руки. Я помню, не успела Франция освободиться, как он тут же первый просунул головку и с легкостью еловой шишки стал залезать всюду. Слышал я теперь, что он всем надоел у себя дома до черта и ныне влезал он за Америку. Как бы там ни было, желаю тебе успеха.

Читал ли ты воспоминания детства Мэри Мак Карти². Написано пронзительно и шибко, и рассказ получился жутчайший. Как много это детство ее объяснило мне ту Мэри, кот<орую> я встречал. Я подумал, не вдохновил ли ты ее на этот род писания, до того велик контраст в ваших автобиографиях, но относящ<ихся> и рассказ<ывающих> об одном и том же возрасте. Это возможно, не правда ли?³

А сегодня, как на зло (я прочел ее восп<оминания> только вчера), мне прислали из Лондона журнал «Хорайзэн», в кот<ором> новая Мэрина повесть «Оазис» целиком занимает весь номер, потому что она удостоилась премии в L 200. Редактор журнала Конноли сам довольно изв<естный> эссеист, гостил здесь в прошлом году. Я еще не прочел повести⁴.

И наконец о нашем Георгии: в самое последнее время он, как будто, отбился от рук. В чем, собственно, дело, <я> не понимал. Раньше я был его наперсником и тогда мне казалось, что все образуется. Сейчас я стал сомневаться и боюсь, чтоб какая-нибудь, как говорится, «шумливая и необузданная, с коварным сердцем и множеством слов не увлекла его и мягкостью уст своих не овладела им».

Ты знаешь, Г<еоргий>, как Пушкин, требует от жены не любви, а верности. Неприятности начались прошлым летом, но мы почти ничего не замечали, хотя моя С<оня> наделена на подобную дичь специальным нюхом. Я узнал обо всем, когда Г<еоргий> вернулся из-за границы. Правда, в его письмах были намеки, как я теперь понимаю, и были чересчур частые упоминания о какой-то большой тоске, кот<орую> я по моей крайней глупости принимал за мировую тоску вообще. Услыхав рассказ о генерале, я посоветовал Г<еоргию> съехать, и поскорей, с квартиры. Я говорил ему, что если дело серьезное, тогда все равно придется съезжать, а ежели окажется, что все это вздор, то тогда генерал непременно сбежит, испугавшись неожиданного оборота, а подобное охлаждение со стороны героя образумит С<оню>. Когда Г<еоргий>, наконец, выехал и зажил в отеле, случилось то, что ожидалось, и С<оня> объявила, что просто ничего не понимает из-за чего весь сыр-бор, и что, на самом-то деле, ничего никогда и не было с генералом с «такими кривыми ногами». Тут-то и становится очень жаль подобных бедняжек. Но примирения между супругами, однако, не наступило, вопреки моему расчету. Сонины заявления, говорил Г<еоргий>, недостаточны, сумления остаются, нужно подождать, нужно увидеть и посмотреть. Вот я и не знаю, что значат эти глаголы: находимся ли мы в периоде испытания, и все закончится, как в главе 15-ой от Луки, или на нашего Г<еоргия> нашла стихия, опис<анная> выше. Тогда все бывает. Его очень бодрый, энергетический тон, с кот<орым> он стал говорить и играть в шахматы, манеры, <с> кот<орыми> он прихорашивается, и то, что он перестал есть сладости, чтоб не потерять стройность, все это наводит на подозрительные мысли. Я должен прибавить к большому возмущению моей С<они>, что наст<оящий> климат Г<еоргию> очень к лицу, хотя я знаю, что подобный взгляд весьма ложный.

Машинка у меня в заводе недавно и она еще не выучилась моему русскому языку.

¹ Кинематографист (франц.).

² Маккарти Мэри Тереза (1912–1989) – художественный критик, писательница; в 1937–1948 – сотрудница журнала «The Partisan Review»; в 1938–1944 – третья жена Э.Вильсона.

³ Автор письма сопоставляет первые главы из будущей книги «Conclusive Evidence», напечатанные к тому времени в журнале «Нью-Йоркер» и, по-видимому, один из журнальных отрывков из автобиографической книги писательницы «Воспоминания о католическом детстве», полностью опубликованной в 1957. По свидетельству биографа, Набоков высоко оценил первую книгу Маккарти «Ее компания» (1942). – Boyd-2. P.44.

⁴ Основателем и руководителем в 1930–1950 английского литературного журнала «Horizon» был художественный критик и беллетрист Сирил Вернон Конноли (1905–1974).

8. Р.ГРИНБЕРГ – В. и В.НАБОКОВЫМ

1 марта 1949

<Нью-Йорк–Итака>

Дорогие Вера и Володя,

Пишу Вам обоим, чтобы получить ответ (Вера в сторону: «Какой хитрый»). Мне очень нужны ответы, потому что вопросы срочные. Вот они:

1) ввиду того, что лекция Володи состоится в субботу, 16-го апр<еля>¹, мы очень просим Вас прийти к нам в пятницу вечером, 15-го. Несколько человек к нам собираются: Гессены (теперь, наконец, счастливые), Вильсоны, Водрин² и другие, кроме Слонима³. Напишите нам ответ обратной почтой, потому что мы уезжаем в Вирджинию и вернемся только 12-го.

2) и очень важное дело: в середине апреля из дипийского лагеря американской зоны Австрии приезжает сюда некая Татьяна Александровна Нессина, москвичка, средних лет, по профессии преподавательница русского языка. Она окончила филологический факультет Московского Университета (в этом смысле мы товарищи), а также педагогические курсы в Москве. Со времени окончания войны она преподавала в школах Ди-Пи разные предметы, в том числе и английский язык. Я знаком с ней по переписке и должен ей и ее мужу помочь, ибо у них нет решительно никаких средств к жизни. Муж ее – ученый<й> агроном, но Т.А. писала мне, что, если устроиться вместе в одном городе был<о> бы невозможно, они согласились бы жить в разных местах⁴.

Эти люди бежали в Германию из Сов<етского> Союза и предпочли трудовые лагеря сталинской жизни, а теперь, наконец, полу-

чили визы сюда. Из писем Т.А. мне показалась образованной и интеллигентной женщиной. Напишите, пожалуйста, есть ли какая-нибудь возможность устроить ее в Корнеле? Кому нужно писать? Кого просить? А если не в Корнеле, то куда же? О муже я не говорю, но могло случиться, что как раз он как ученый агроном мог бы подойти Вашей университетской ферме. Это, конечно, было бы удивительное счастье, если <бы> они вместе устроились в Итаке. Напишите, что Вы думаете.

С сердечным приветом от меня и от Сони

¹ Авторский вечер Набокова в нью-йоркском Academy Hall по техническим причинам был перенесен с 16 апреля на 7 мая 1949. На нем присутствовали Наталья Набокова и ее бывший муж Николай Набоков, Гессены, Гринберги и другие участники этого дружеского кружка.

² Лицо не установлено.

³ Слоним Марк Львович (1894–1976) – видный эсер, публицист, переводчик, литературовед; дальний родственник В.Набоковой, парижский приятель писателя второй половины 1930-х годов. В феврале 1945 Набоковы и Гринберги порвали с ним отношения из-за просоветских симпатий, неоднократно высказывавшихся Слонимом в американской печати.

⁴ В архиве сохранилась переписка Гринберга с Нессиньими. Помимо Набокова, с аналогичной просьбой он обратился к своему университетскому однокашнику и другу Р.Якобсону. – ВР. Вых 2. Судя по всему, его хлопоты не увенчались успехом.

9. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

28-V-1949

<Итака–Нью-Йорк>

Рамаи дорогой,

Пишу тебе несколько слов между двумя лекциями. Тянется последняя неделя, после чего буду свободен, «как ветер, как дым». От моего курса поэзии 20-го века прихожу к заключению, что Брюсов и Бальмонт совершенные трупы, беспомощные до смехоты, уступающие даже Надсону в песенном трепете, меж тем как Блок не только неприкосновенен, но еще растет (как и Ходасевич)¹.

Очень приятно было повидать тебя и Соню². Мы пускаемся в западный путь около 20-го июня. Еще не нашли автомобиля (хотим переменить наш, он старый и слабоват)³. Какие твои планы. Никогда не выходи двумя конями – это для тебя гибель.

Обнимаю тебя

В.

¹ Этот комментарий – эхо лекционного курса о русской поэзии за 1870–1925, прочитанного Набоковым студентам в весеннем семестре 1949.

² Имеется в виду приезд Набоковых в Нью-Йорк 7–8 мая.

³ 22 июня Набоковы отправились на новом автомобиле «Олдсмобил», купленном вместо старого «Плимута», в Солт-Лейк-Сити на литературную конференцию, устроенную в университете штата Юта. Бессменным водителем семьи была В.Е.Набокова.

10. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

28-го мая 1949 г.

<Нью-Йорк–Итака>

Дорогой Володя, как хорошо, что ты мне написал!

Прочитав твоё письмо, я стал сочинять ответ и ответу не было конца: такое действительно множество разных вещей мне нужно тебе рассказать. Целый пуд. Но с чего начать? С Бальмонта и Брюсова, которых ты вспомнил? Этих двух я не держу на полках, как «сознательный» бармен не станет держать сивухи. Ты прав окончательно – эти двое – трупы. Я не понимаю, откуда они взялись, каким образом их занесло в отечественную словесность? Брюсова ещё можно связать – прости Господи – с Тредьяковским, но Бальмонт – непостижимое явление дребедени, нечто. Не так давно, в Париже, ему было уже 70 с лишним, а он скандировал в нос:

.....
 Мать моя, ты мне дала дерзание,
 Я спустился в пропасть без счета,
 От всего иду ещё во что-то,
 Я лоблю опасности полета,
 Я лечу, хотя б на истязанье.

Блока читаю часто. Больше всего я лоблю его в «Ямбах» и «Возмездии». Полюбил через Блока Григорьева. У них много общих вкусов: ветер, дамы, вино, разные цветные эпитеты. Рекомендую Григорьева ещё как критика.

О Ходасевиче ты должен написать. Сделай это поскорей. В этом году исполнилось десять лет со дня его смерти. Его никто не вспомнил. Пять лет тому назад о нем писал в Нов<ом> Жур<нале> Вишняк¹. Да, Вишняк, прости меня.

Попастся бы тебе злодею
 В пустынной роще вечером.

С его стихами я сросся. Завидую тебе, что у тебя последний сборник, которого нельзя раздобыть на белом свете: «в душе и в мире есть пробелы, как бы от пролитых кислот!» У меня с ним были и личные дела: я его знал еще по Москве, когда он ходил в локонах и в младших символистах. Гораздо позднее я ему попался в мое очень кутежное время, и тогда Владислав Фелицианович, постаревший и хворавший, часто смотрел на меня с укоризной и говорил очень мило: «Вы стихийный шатун, дорогой мой!»

О Вишняке <о>пускаю. Хотел посплетничать. Соня запрещает.

Твой приезд и выступление² произвели большое действие в здешних умах. Ты сам об этом знаешь. Ты, наверное, читал Аронсона³. А Николаевский⁴ мне говорил: «Сирин произнес исповедь». Чувствительный и нежный старик Церетели⁵ (он о себе говорит, что по мягкости сердечной он пропустил две державы: Россию и родную Грузию) вспоминает твои стихи и охает, и приговаривает: «Таких я и не подозревал». Словом, ты пришелся по вкусу и обществу. Помогли твои нужные комментарии, ибо, как ни финти, но мои друзья – ученики Добролюбова, и им, как и ему, «если бы явился опять поэт с тем содержанием как Пушкин, мы бы на него и внимания не обратили». А сейчас время еще хуже шестидесятых годов. Они, мои друзья, родились глухими к «слову-сплаву» и держат слово в рабстве. Каждому свое⁶. Мог ли ты мне прислать копию Шишковских?⁷

Через несколько недель мы улетим: сначала в Париж, тот самый, а пото<м> в Италию⁸. В Париже у меня старая контора, отсутствие дел, постаревшие старые служащие и знакомые, и могила Наташечки⁹. Мы решили в Париже не задерживаться. Нас тянет в Рим. Туда мы поедем, если повезет (от слова везение) на автомобиле.

Вновь арок древних верный пилигрим,
В мой поздний час вечерним Авз Рома
Приветствую, как свод родного дома,
Тебя, скитаний пристань, вечный Рим.

Какова риторика! Может, увижу и ритор: ему сейчас 83 года и звать его Вяч. Ивановым с ударением на 2-ом слоге. Вижу его, как сейчас, перед собой: он сидит рядом со Скрыбиным в Обществе свободной эстетики, в Москве, и куда-то его зовет с собой и говорит ему негромко: «Поедем, там гемютлих и райн ви ин айнем дыйчем ферайн»¹⁰. От большой робости я и запомнил, а теперь думаю, что звал поэт музыканта в лупанарий¹¹, как тогда называли эти места

О, если бы... Пора кончать. Хочу еще сказать, что жаль, что Вы не едете в Рим, где бы я стал Вашим гидом. Мы жили в Италии 3 года 20 лет тому назад и я всегда знал, что, если разорюсь, то стану гидом: благородное и поэтическое ремесло, в котором интонация, главным образом, и зарабатывает чаевы<е>.

Счастливого Вам пути в западные Штаты¹², держите вправо на дорогах и влево в политике, и Вы доедете до мормонов. Счастливо!

Мне стыдно признаться, но я не написал и четверти того, что сочинил вначале. Буду писать из Рима¹³.

¹ Вишняк Марк Вениаминович (1883–1976) – один из лидеров партии социалистов-революционеров, секретарь Учредительного Собрания (1918). С апреля 1919 – в эмиграции; в 1920–1940 – бессменный член редколлегии и секретарь редакции журнала «Современные Записки», один из противников публикации «скандальной» четвертой главы о Чернышевском набокковского романа «Дар» в этом издании. В октябре 1940 переехал в США; в 1941–1943 преподавал английский язык в Корнеллском университете; в 1946–1957 – эксперт журнала «Тайм» по русским делам.

Речь идет о мемуаре Вишняка «Владислав Ходасевич», напечатанном в НЖ (1944. Кн.7). Адресат Гринберга к тому времени опубликовал свой мемуар о поэте: Набоков В. Воспоминание о Ходасевиче // Современные Записки. (Париж). 1939. Кн.69.

² Авторский вечер Набокова 7 мая, обсуждавшийся в письме 8.

³ Отзыв Григория Яковлевича Аронсона (1887–1968) о нью-йоркском вечере Сирина, помещенный в газете НРС. Считая себя «литературным обозревателем», Аронсон зачастую не вполне компетентно отзывался на литературные новинки и в их числе не вполне корректно оценил выпуск первого номера О. в номере от 24 мая 1953. Анонимным ответом ему редакции журнала (как мы предполагаем, автором был Гринберг) стала заметка «О нашем №1», помещенная во втором номере О.

⁴ Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – член РСДРП, меньшевик; выслан из советской России в 1922; в эмиграции – публицист, археограф.

⁵ Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – член РСДРП, меньшевик; один из руководителей Грузинской демократической республики (1919–1921). В эмиграции с 1921; занимался преимущественно адвокатской практикой. В начале 1946 переехал в США. – И.Г.Церетели в Нью-Йорке // Русские Новости (Париж). 1946. №37. 25 января. С.6 (ср. с датировкой А.Корникова в: Политические партии России. Энциклопедия. М., 1996. С.670).

⁶ Подоплека этого отзыва – в давней эстетической и мировоззренческой неприязни старшего поколения эмигрантов к личности писателя и к его творчеству. Семь лет спустя Гринберг вновь вернулся к этой достаточно болезненной для Набокова и для его друзей теме, растолковывая в одном из писем Вильсону особенности психологии русских революционеров:

«<...> Этот самый Валент<инов> года два тому назад поместил несколько интересных статей о ранних годах Ленина <в НДЖ. – Публ.>. Одна из них мне особенно запомнилась – об огромном влиянии Чернышевского на весь умственный строй Ленина. Черн<ьшевский> по праву может считаться самым большим русским мыслителем *революции*. Его писания создали поколения революционеров и при этом он был совершенно бездарным беллетристом. Очень странно, что его роман, служащий образцом полнейшего отсутствия таланта – ЧТО ДЕЛАТЬ? – был настоящим евангелием радикальной интеллигенции в шестидесятых годах и позднее. Черн<ьшевский> оказал влияние и на Маркса. Если ты знаешь, он изменил свою оценку русских революционных условий в 1878 году, Он допускал тогда, что в России возможен *скачок* к социализму, в отличие от мнения, кот<орое> высказывал в 1848–1869 гг. Эта перемена в М<арксе> произошла после знакомства с писаниями Ч<ернышевского>. Идея последнего заключалась в том, и в своей основе принадлежит Герцену – что крестьянская *община* или *мир* являются самым прочным основанием для будущего *коммунистического* общества. Эта концепция – народническая и национальная – учила, что Россия “ни в коем случае не должна быть вторым изданием Европы”, “не должна бежать европейской дорожкой” и что ей, России, “предназначен собственный путь”, минуя буржуазное государство. Кстати, Набоков в своем большом романе “ДАР” включил, можно сказать, пасквиль на Чернышевского,> кот<орый> до сих пор не перестает возмущать тех, кто считает себя принадлежащими к “ордену” русской интеллигенции. Что вдохновило Наб<окова> на это – довольно ясно, но я не думаю, чтоб он знал *все* влияние, всю глубину его, на ход событий, какое имел Черн<ьшевский> <...>» (письмо от 23 декабря 1956). – ВР. Вох 3.

⁷ Имеется в виду известный эпизод литературной биографии В.Набокова, опубликованного под псевдонимом Василий Шишков стихотворение «Поэты», посвященное памяти В.Ходасевича, в журнале «Современные Записки» (1939. Кн.69). Эта литературная мистификация, задуманная для дискредитации Г.Адамовича и повторившая аналогичную акцию В.Ходасевича с публикацией наброска «Жизнь Василия Травникова», была успешной и вызвала восторженную оценку критика, в целом не признававшего поэзии Набокова. Вскоре писатель опубликовал рассказ «Василий Шишков» (Последние Новости. 1939.12 сентября), в котором раскрыл свое авторство. В апреле 1940 в последнем, 70-м номере журнала «Современные Записки» наряду с публикацией «Ultima Thule» (второй главы из неоконченного романа Набокова «Solus Rex») под псевдонимом Шишкова было напечатано другое стихотворение – «Обращение».

⁸ Это была первая европейская поездка Гринбергов после переезда в США, за которой последовали их ежегодные поездки за океан.

⁹ Маленькая дочь Гринбергов, скончавшаяся в младенчестве от острого менингита в конце 1930-х годов.

¹⁰ Поедем, там уютно и чисто, как в немецком собрании (искаж. нем.)

¹¹ Публичный дом (лат.).

¹² Поездка Набоковых в Аризону.

¹³ В архиве сохранился недописанный вариант этого же письма, содержащий более развернутый отзыв о Вишняке:

«Дорогой Володя, как хорошо, что ты написал мне! Прочитав письмо, я стал соображать ответ и заметил, что должен рассказать тебе целый пудовый груз. Но с чего начать? Начну с тех, с кого ты начал и о ком я меньше всего думал: о Бальмонте и Брюсове. Ты прав – это трупы. Вернее сказать, что они никогда и не жили в литературе. Непонятно, как и что занесло их в отечественную словесность. У них нет связи ни с кем, разве только Брюсов – потомок Тредьяковского. Бальмонт – непостижимое явление дребедени. Еще в эмиграции, <на> 70-м году жизни он писал

.....
 Мать моя, ты мне дала дерзание,
 Я спустился в пропасть без счета,
 От всего иду еще во что-то,
 Я люблю опасность полета,
 Я лечу, хотя б на истязанье.

Каков? Этих двух поэтов я не держу на полках, как уважающий себя бармен не станет держать у себя в баре плохой водки.

Блока читаю часто и больше всего люблю его ямбы. Полнобил даже через Блока и Григорьева, которого “Вечер душен, ветер воет”; его поэмы и переводы близкие родственники нашего ААБ<лока>.

О Ходасевиче ты должен написать. В этом году исполнилось десят<ь> лет со дня его смерти. Его никто не вспомнил. 5 лет тому назад о нем писал в “Н<овом> Ж<урнале>” Вишняк, прости, Вишняк.

Я не говорил тебе, что несколько месяцев тому назад этот самый “мондиальный болван” в кругу почти малознакомых мне людей напал на меня за мою дружбу с тобой. Он не мог тебе простить, что кому-то и где-то ты говорил, что чувствуешь себя чистокровным американским писател<ем> и ничуть не русским. Как это возможно? Да ведь это измена? – восклицал Вишняк в мою сторону. Я отрицал все и вся и не хотел говорить с ним. Он – загнанный завистью человек, осужденный природой и людьми действовать в жизни на третьих ролях, за что ему влетает от жены и он ходит по <...>» <окончание письма отсутствует. – Публ.>.

Между прочим, сам Набоков указывал на свои сложные взаимоотношения с большинством соотечественников: «<...> Однажды с какой-то насмешливой гордостью Владимир Владимирович сказал мне, что лишь весьма немногие русские в Америке ему по душе и что это было обоюдно: русские американцы, мол, недолюбливали его». – Парри А. Памяти Владимира Набокова // НРС. 1978. 9 июля. С.2.

11. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

15-ХП-1949¹

802 E.Seneca St<reet>

Ithaca, N.Y. <–Нью-Йорк>

Роман дорогой,

Очень было приятно получить твое уютное и занимательное письмо. Но локон... Я очень любил Ходасевича – но причем тут его растительность? Совершенно не зная что с этим подарком делать, я понес его в библиотеку университетскую – предложил подарить им; увы – они ответили, что только что отказались принять от какого-то итальянского общества «мизинец Петрарки»... excusez du pen². Огонь – чистая и благородная стихия и думаю, что В<ладислав>Ф<елицианович> не посетовал бы на меня за маленькое отодафе. Еще не понимаю причем тут Берберова. Будь добр, если будешь писать ей, скажи, что очень благодарю, но про мои попытки пристроить локон умолчи³.

Очень хотелось бы тебя повидать! Георгий побывал, обещал опять приехать. Дом у нас большой, жильца нет. Я как Боборыкин пишу много и хорошо, кончаю книжку свою автобиографическую, только что в New Yorker'е (на прошлой неделе) появилась главка «Тамара» и еще продал две штучки⁴. А так все по старому. Митюшку нашего ты, ей-Богу, балуешь. Впрочем, он собирает деньги на летний колледж и будет страшно доволен. Были мы на днях с Верой на игре Гонзалес–Кремер⁵. Очень хлестко и хорошо. Играет ли Зёка с тренером, как он мне обещал? Тебе бы тоже следовало. Неудобно сижу, потому такой почерк. В этом году даю между прочим курс «Пушкина»⁶, тебе бы понравилось. Вот не тянет меня в Европу. Еду в Торонто на одну лекцию в феврале⁷, а когда попадем New York ваш – не знаю.

Обнимаю тебя, дорогой. Привет от нас обоих вам обоим. Когда же вы сюда приедете?⁸

В.

Черт знает что: только что заметил, что мне начало не хватать плюсквамперфектума по русски – свыкса с английскими had had'a-ми, гад – гадами⁹.

¹ Письмо на бланке Корнеллского университета.

² Здесь: извини за малость (франц.).

³ Этот эпизод имел свою интригу: побывав летом в Париже, Гринберг встретился там с Берберовой и, узнав о ее стремлении переселиться в США, взялся помочь в хлопотах по получению так наз. Аффидевита. Зная страсть Гринберга к коллекционированию исторических раритетов, Берберова дарила ему кое-какие материалы из архива В.Ходасевича, полученные «по наследству» от родных О.Б.Марголиной-Ходасевич, и в их числе – собрание вырезок с печатными откликами на смерть поэта (VP. Vox 6). Желая, по-видимому, заручиться расположением еще одного влиятельного, по ее мнению, соотечественника – Набокова, она решила сделать подарок и ему, сделав это при посредничестве Гринберга: «<...> О Набокове. Н<абоков>, я знаю, человек весьма впечатлительный и о покойниках говорил мне очень странно. Прежде, чем вручать ему локон Влад<ислава> Фел<ициановича>, я посоветуюсь с Верой и Вам подробнее напишу. Хотелось бы мне это сделать половчей и так, чтобы и Вы остались довольны <...>» (письмо Берберовой к Гринбергу от 23 октября 1949; Париж–Нью-Йорк).

Узнав реакцию Набокова, тот написал в Париж: «<...> Наконец я послал прядь Влад<ислава> Фел<ициановича> Набокову. Он в письме ко мне очень просил Вас поблагодарить. Я ему сообщил Ваш адрес и Вам он, вероятно, напишет сам. <...>» (б/д; после 15 декабря 1949; Нью-Йорк–Париж) – VP. Vox 1.

⁴ Главы из автобиографической книги «Conclusive Evidence».

⁵ Теннисный матч будущего восьмикратного чемпиона США Ричарда Алонзо Гонзалеса с чемпионом США 1946–1947 Джеком Кремером.

⁶ В учебном году 1949/1950 Набоков вел спецкурс о творчестве Пушкина.

⁷ Лекция в университете Торонто «Победы и поражения русской литературы».

⁸ После отъезда Д.В.Набокова на учебу в колледж в Плимуте (Нью-Хэмпшир) Набоковы, испытывавшие недостаток общения с близкими людьми, неоднократно приглашали к себе в гости Э.Вильсона, Г.Гессена, В.Зензинова и др.

⁹ Шуточная транслитерация английских глаголов прошедшего совершенного вида Past Perfect Tense.

12. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

<б/д; до 27 января 1950? Нью-Йорк–Итака>

...¹ <вер>шка в силу, думаю, несосветимого климата, оставленного индейцами в наследство американцам на вечную память, ибо ничего другого у них не оставалось; все было отнято. Но это город сознательный, шагающий и прыгающий с веком, то рядом с ним, то обгоняя его. Это город с музыкой и тот, кто эту музыку слышит (в блоковском смысле), тот, может быть, может понять, что же на самом деле происходит в мире: утонем ли или возродимся. Я глухой, ничего не слышу и только вижу, что летим куда-то верх тормашками, н<о> предупрежда<ю>, что это недостоверно. Ну, баста.

Я говорил тебе, Володя, что мне бы хотелось Соню занять картинно-маршановскими делами и хотел бы тебя просить стать ее агентом по этой части в Париже². Ты помнишь? Тем временем, Соня занялась с большим увлечением керамикой и ни о чем другом не желает и слышать. Я же: какой я маршан³ картин? Я вообще не маршан, а мечтаю целый день, как бы прийти домой, сесть на диван и полениваться до вечера, а потом залечь спать. Какой я маршан, я вылитый байбак из кулаков, признаюсь без стыда и страха перед Сталиным, чтоб он промок, с<укин> с<ын>, как выразился на днях наш президент Труман. Одно, рисунки <пропуск: Гиса. – Публ.> меня интересуют. Сегодня я заглянул к Вильденштейну⁴ – проходил мимо – там, гляжу, выставка рисунков за 4 века. Интересная выставка: кого только нет. Служащий объяснил, что все вынесли со складов и добавил, что еще бы запасов хватило бы на 2 такие выставки. Имеется и <пропуск: Гис. – Публ.>. Я подошел к его трем рисункам с видом заинтересованного знатока и спросил цены. Вот они: Рисунок (Сцена в фойе оперы) 8 три четверти на 6 инч<ей> 400 дол<ларов>; большой рисунок (Танцоры и солдаты) 7 пять восьмых на 11 инчей 900 дол<ларов>. Третий маленький рисунок по цене первого. В рисунках много прелести того века – тихо-мирной, буржуазной, капризной жизни. Бодлер был высокого мнения о Ги<се>, с которым дружил⁵. Итак, чтоб покончить с Ги<сом>, если что подвернется дешевое и выгодное, пиши немедленно, мы приобретем, а там видно будет как перешлем сюда.

Подают обед. Нужно кончать.

Нежно Вас обоих обнимаю. Пишите.

¹ Начало письма отсутствует.

² Это и следующее письмо обсуждают возможность побочных заработков для сильно нуждавшегося в тот период Набокова во время его предполагавшейся поездки в Европу, однако ни поездка, ни комиссионерство на картинах не осуществились.

³ Здесь: торговец (*франц.*).

⁴ Выставочный центр в Нью-Йорке.

⁵ Гис Константэн Эрнест Адольф и Асонг (1804–892) – французский акварелист, график-жанрист, иллюстратор и карикатурист голландского происхождения, многолетний сотрудник журнала «London Illustrated News», творчеству которого Ш.Бодлер посвятил статью «Поэт современной жизни» (1863).

13. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

27 января 1950 г.

<Нью-Йорк–Итака>

Дорогой Володя, я не знаю, какой я величины свинья. Думается, самая огромная, какая только может быть. Я это вполне сознаю, хочу оправдаться, хочу и исправиться. Я не отвечал тебе на твое милое и толковое письмо из-за этого проклятого Ги¹. Я решил было купить маленький рисунок и написал моему «банкиру», чтоб перевел тебе деньги, примерно 200 дол<ларов>. Переписка туда, сюда, слово за слово, и я с ним повздорил. Словом, остался без «переводчиков». Я чувствую себя перед тобою очень виноватым, что утруждал тебя понапрасну. Ты справедливо думаешь, что лучше с этой сволочью америка<н>цами не связываться. Я полагаю, что в конце этого года я буду в Париже и тогда мы с тобой походим вместе и сделаем кое-что. Я думаю, что если не иметь надежного человека-переводчика, то тогда слишком дорого обходятся покупки во Франции. Прости меня.

Как здоровье? Я понял, что в Италию Вы не едете в этом году. Куда же? По той же причине и мы не едем туда же, но, может быть, отправимся в Испанию и оттуда к Вам.

Всего хорошего, жму твою руку и привет Дусе².

¹ Это письмо Набокова в архиве отсутствует.

² Дуся Эргаз – французский литературный агент Набокова.

14. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

3.3.1950

<Нью-Йорк-Итака>

Дорогой Володя,

У нас очень холодно: дует колочий ледящий Норд-Вест из Итаки. На Гудзоне лед. Мне захотелось на все это пожаловаться тебе. Думал звонить. Писать оказалось легче. Вообще, тянет на письмо, а не на разговоры. Как-нибудь засяду всерьез: давно нужно. Может, я так мечтаю, потому что мне очень понравились твои штучки, как ты их зовешь, которые слишком редко появляются в лакированном НИ¹. Каждая из них гемма. Одна напомнила мне итальянский филигран. Такой ты ювелир! Как верно то, что ты не приводишь диалогов и подлинных разговоров: во всяких воспоминаниях подобные отступления – вольности – просто фальшь².

Чувствую себя хорошо. Хорошо б уехать отсюда, где потеплее, где что-то уже цветет и чирикает. Но на Юг, официальный и заезженный, не тянет, потому что это Флорида. Однажды там был и хватит. Вот Аризона – что это такое? Не слышал ли? Там где-то недалеко мормоны, к которым ты ездил? Там, пишут в воскресных приложениях, тепло, красочно и дико: пески и розы, что-то вроде Туркестана. И имя приятно. Только немного далеко, если ехать ненадолго: дела, все дела меня не отпускают, а без них не прожить, и <не> скулить помогает.

Георгий зовет меня с собой к Вам. Он собирается на какой-то конец недели. Он в грустях. Ничего у него не выходит из брачной жизни, ничего. Старался заштопать. Не штопается. Не объясняет, молчит, но, кажется, больше не надеется. Грустно, что ему так тяжело. Он мне как-то на днях сказал: «это было до моего одиночества». Это слово прозвучало пронзительно и трагично. До того я шутил, но не теперь. В его учреждении, у О<бъединенных> Н<аций>, тоже мертво: русские ушли и ему некому переводить, что его тяготит³. Я его жду через часок и тогда засядем за дело: на днях его побил Цетрели⁴. Невероятно! Видно, такая полоса.

Здесь Вильсон. Но он не позвонил, не кажет носа. Он человек неровный. Может, он думает о водородной бомбе и геенне огненной, которая его пожрет, и ему не до нас. Его последнюю статейку в том же НИ бросил, не дочитав. Там о каких-то Касьенкиной и Цинизели – чепуха последняя. В письме ко мне он рекомендовал прочесть именно эту статейку: там – он мне писал – я говорю о Чехове. До Чехова не добрался.

А Мэри Мак Карти печатает сейчас фельетоны в вечерней газете, озаглавленные <«Грин<в>ич Виледж ночью»>, там исключительно речь о педерастии и содомии во всех градациях и на все цены.

Всего доброго, привет очень сердечный от Веры, от нас обоих.
Твой⁵

¹ Здесь и далее этой аббревиатурой участники переписки обозначали журнал «New Yorker».

² Главы из «Conclusive Evidence», печатавшиеся в указанном журнале, начиная с 1947.

Ср. с другим отзывом Гринберга на эту книгу. Сообщая о своей встрече с Набоковым во время его приезда в Нью-Йорк в феврале того же года, он рассказывает своей корреспондентке о том, что писатель «заканчивает писанием автобиографию на английском: тепличная жизнь в роду Набоковых, куда ни русские дожди, ни ветры не проникали. Читали отрывки. Мастерство восхитительного рода. Выйдет осенью у Харперс'а» (письмо к Н. Берберовой от 31 февраля 1950; Нью-Йорк–Париж). – ВР. Вох 1.

³ После начала войны в Корее советская дипломатическая миссия резко сократила свое присутствие в ООН и тем самым существенно ограничила объем работы Г. Гессена в этой организации.

⁴ Имеются в виду шахматы.

⁵ В те же месяцы набоковское творчество стало предметом эпистолярного обсуждения между Гринбергом и А. П. Струве (этот давний парижский знакомец пополнял его библиотеку русскоязычными раритетами). Из письма А. Струве: «<...> О Сирине сегодня только два слова, т. к. Сирин и насморк две вещи несовместные. Русские его вещи мне – нравятся, не слова, гораздо больше – пленяли как мало что. Над Sebastuian'ом я poleg костями, но, мож<ет> б<ыть>, и потому, что не владею достаточно английским и п<отому> ч<то> все читать надо «во благоволения» и, возможно, тогда, когда я читал Knight'a (не вру), я был в другом созвучии <...>» (письмо 15 марта 1950; Париж–Нью-Йорк).

В ответном письме Гринберг попенял адресату за немногословность:

«<...> о Сирине нельзя одним или двумя словами. <Это> сложное обстоятельство, единственное в своем роде. Пишет он сейчас только по-аглички (он не скажет: по-английски). Редко когда выходит небольшая стихотворная пьеса по-русски. Все такие посвящены России. Это его боль, очень глубокая, которую не изжить. Английская проза – чудо. Вильсон, которого я считаю наперед (в кредит) одним из лучших литературных умников в нашей Америке, говорил мне, что Наб<оков> и еще только Конрад и Сантаяна умели из иностранцев творчески писать по-английски. И это много. Наб<оков> удивительно неровный, капризный писатель. Помните его моно<графию> о Гоголе? В ней

он просто хочет наскочить и обидеть бедного читателя. Это потому, что это защита Набокова – писателя, непризнанного и не понятого, как ему кажется. Писательская обида – вечная тема. Иногда и поза. Но талантлив он страшно, стихийно, и Бог нас просил беречь его» (письмо от 18 марта 1950; Нью-Йорк–Париж).

Из ответного письма Струве: «<...> Сирин. Когда-нибудь расскажу, как и чем лично он меня отпугнул. А творчество его покоряло меня, как мало какое. Как-нибудь переплету все его книги и засяду где-нибудь в горах и перечту все подряд. <...>» (письмо от 20 марта 1950; Париж–Нью-Йорк). – VP.Вох 2.

Между прочим, Набоков, по просьбе Гринберга, посредничал в попытке Струве организовать продажу русских книг в библиотеку Корнеллского университета, однако эта затея не увенчалась успехом из-за отсутствия средств у покупателя. – Там же.

15. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВОЙ

31.3.1950

<Нью-Йорк–Итака>

Дорогая Вера, Достоевский в романе «Братья Карамазовы» вывел в лице старца Зосимы иеросхимонаха Амвросия из той Оптиной пустыни, куда гр<аф> Толстой перед смертью поехал из Ясной Поляны. Здесь же у Амвросия бывали лучшие русские философы, Страхов и Соловьев; первый был не только философом, но и превосходным ученым по физиологии и физике. К старцу Амвросию (он умер в 1893 или 94 гг.) приезжали и купцы-миллионеры, и придворные лица, дворяне и военные, и последние бедняки и убогие. И он совершенно одинаково говорил со всеми. Он был, как говорили, «святой» или «исцелитель».

Простите, что на Ваш вопрос¹ не сразу ответил, хотя и тогда знал то, что пишу сейчас. Шахматы.

Жаль, что вы приезжаете сюда урывками.

Вильсон после Вас² свалился в страшной лихорадке и потерял голос.

Приезжает в апреле снова.

Мы ждем весны.

Сердечный привет Володе и Мите.

Ваш

¹ Этот запрос не сохранился в архиве, но, несомненно, был связан с неосуществленной набоковской работой – комментированный перевод на английский язык романа «Братья Карамазовы» для издательства «Викинг-Пресс».

² В середине марта Набоковы приезжали на два дня в Нью-Йорк на банкет по случаю двадцатипятилетия журнала «Нью-Йоркер» и встретились на этом вечере с Э.Вильсоном. По возвращении в Итаку писатель сам надолго попал в госпиталь, заразившись тяжелой формой гриппа.

16. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

18-XI-1950

802. E.Seneca St<reet>

Ithaca <-Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман

Как ты поживаешь? Давно ничего от тебя или про тебя не слышал. Не собираетесь ли в наши палестины? Здесь тебя ждут шахматная доска, Пушкин и Сирин.

Сейчас был на футбольной (в Европейском смысле т.е. soccer'ной) игре. Люблю стоять за сеткой гола и воображать, что его защищаю. В одном из недавних номеров советского журнала «Звезда» говорится о том, что «американцы увлекаются рэгби».

Эдмунд прислал мне свое новое собрание статей Classics and Commercials; там есть очень много хорошего¹. Но совершенно не могу разделить его любовь к Фолкнеру – которого ты, впрочем, тоже любишь.

Я что-то черезчур много работаю в этом году, а большой прибыли не вижу. У меня на уме, и отчасти в картотечке, большая вещь², а для New Yorker'а ничего нету. Устал от довольно сложных лекций по European Fiction³. Слава Богу, будут небольшие каникулы на той неделе.

Напиши ко мне. А может быть ты где-нибудь млеешь на солнышке? Мы оба обоим вам шлем привет. Будь здоров, обнимаю тебя

В.

¹ Собрание избранных статей о литературе и книжных рецензий Э.Вильсона, печатавшихся в журнале «Нью-Йоркер».

² Имеется в виду будущий роман «Лолита», первоначально названный автором «The Kingdom of the Sea».

³ В том учебном году Набоков читал курс лекций по европейской литературе XIX века.

17. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

Суббота, 20.10.1951
<Нью-Йорк–Итака>

Дорогой мой Володя, не мог добиться тебя ни вчера, ни сегодня; вы куда-то уходите с Верой с утра. Легче поговорить по телефону, а писать – это зря тревожить грамматику и чувствовать себя не по себе два дня от разных угрызений, что не туда стукнул запятую, например, или проснуться в поту, при моем слабом сне, от столкновений винительных с родительными, которые до утра принимают размеры Третьей Мировой и Тотальной войны. Бог знает что!!! А вот мирно поговорить и услыш<a>ть тебя и Веру – просто одно удовольствие, и никогда не бывало, чтобы я мучился после. С другой стороны, по телефону не наговоришься все равно, потому что то, что мне хотелось бы тебе сказать равно по скромнейшему подсчету двум жизням, а писать тебе эти две жизни значило бы, что я становлюсь похож на Вельтмана, впрочем, замечательнейшего из русских полуграфоманов, которым я зачитывался весь прошлый год. Как же мне быть с тобой? Нужны свидания, непременно. И вот встречаю я словоохотливую Елену Льв<овну>¹ и узнаю, что <ты> собираешься сюда. Она меня спрашивает, не собираюсь ли я тебя повидать, и я ей отвечаю, что буду тебе звонить, на что она просит меня узнать у тебя, какая из двух дат – 24 ноября или 8 декаб<ря>, обе субботы – тебе удобнее, чтобы быть здесь. Эти даты – результаты сложнейшей игры разных местных и мировых обстоятельств, так сказать, последнее слово. Скажу от имени моей семьи, что 8 декабря во всех отношениях идеальнее, ибо 24-ое уже отдано. Другое, что Елена Л<ьвовна> должна тебе сказать – бальзаковское – она сама тебе напишет, но слышится, что ты будешь доволен. Возможно, что с первого ноября мы съедем на один этаж вниз и будем жить в просторной квартире из 4-х комнат, и тогда вы поселитесь у нас во что бы то ни стало. Не думай даже возразить, иначе будет нанесена кровная обида корсиканского стиля, которая должна будет быть смыта страшными средствами: лучше не нужно. Относительно дат Надежды пишите тут же, не откладывая моего сего. Очень прошу об этом, иначе не оправлюсь я от Е<лены> Л<ьвовны> долго².

Виделись с Вильсонами. Сели пить драй мартини (не цвай, а драй) и вдруг он мне говорит, что ему очень захотелось почитать

Сухово-Кобылина. Каков? А? Я ему тут же говорю, что весь Сухово – чепуха по сравнению с его, Кобылина, биографией, и я обещал ее ему достать, и теперь не знаю, где ее найти. Не попадалась ли тебе она? Кажется, что писал ее советский человек по фамилии Гроссман в конце 20-х³. Не уверен. Сам Эдмунд доволен собою. Написал новую пьесу и несколько значительных статей для НИ. Схватки у меня с ним не было, Елена⁴ с Соней мило говорили и, проводив его на вокзал в Редбэнк⁵, расстались с ним до января, когда он переедет сюда на подольше. Я думаю, что у него в голове и на душе очень много невьясненности. Он когда-то верил в святость революции, потом увидел, что это за святость, поругал немного, всю дрянь, непорядок и грязь <э>того дела назвал сталинизмом, но не перестал верить в миф, что счастье (?) на земле придет через всеобщий бунт вроде ленинского, если вы уж очень против троцкого. Это одереvenение девятнадцатого> века. Все же он вполне замечательный человек и я его люблю.

Меня очень интересует Митя и его жизнь в колледже⁶. Все ли у него там хорошо? Может, ты мне скажешь, что ему могло быть нужно такое, что ты ему не можешь сейчас дать почему-нибудь. Я страшно хочу это сделать теперь и, если ты мне не скажешь, то это будет значит<ь> для меня, что ты со мной на Вы. Лучше всего я бы хотел сделать (что – ты, возможно, мне скажешь) через тебя, чтобы Митя обо мне не знал, или поступить, как ты с Верой решите. У меня еще на примете другие вопросы и темы с вариациями, и фуги, но сил моих больше нет на сегодня и посылаю тебе это без конца.

Крепко обнимаю Вас обоих

Твой

¹ Мучник Елена Львовна – славист-филолог, в то время заведующая славянским отделением в Смит-колледж (Массачусетс).

² Речь идет о подготовке авторского вечера Набокова для русских эмигрантов в зале Master Institute Theater в начале декабря, в организации которого деятельное участие принимала Е.Мучник. На этом вечере писатель выступил с лекцией о Гоголе и читал свои стихи.

³ Гроссман Л. Преступление Сухово-Кобылина. Л., 1927.

⁴ Вильсон Елена – с 1947 четвертая, последняя жена Э.Вильсона.

⁵ Родовой загородный дом Вильсона в штате Нью-Йорк.

⁶ В то время Д.В.Набоков начал учебу в Гарвардском университете.

18. В. НАБОКОВ – Р. ГРИНБЕРГУ

14-го января 1952 г.
<Итака–Рим?>

Дорогой мой Роман,

Диктую это письмо Вере в машинку, чтобы не откладывать (социню 4 программы экзаменов, пишу предисловие к Вреденскому Гоголю и т.д. и т.д.)¹.

Прежде всего благодарю тебя за присланный перевод. Местами он нуждается в подгладке, но у тебя зато много отличных «трувай»². Стучилась, однако, ужасная вещь: прочитав свое описание эмиграции «с русского угла зрения», я пришел к выводу, что печатать его – по-русски – никак невозможно³. В пустоте залы каждый легчайший щелчок звучит как оплеуха, и не хочется мне гулять лягачь среди притихших стариков. Все это было хорошо в далекой американской перспективе. А тут еще вопрос Сирина: я только потому и мог так к этому делу подойти, что имя это никому кроме двух-трех экспертов здесь незнакомо, а по-русски выходит какое-то странное и неприличное гарцование. Мне обидно и неловко, что ты потратил на это столько тонкого труда. Хотелось бы еще обо всем этом лично с тобой побеседовать, но отложим до твоего возвращения.

С наслаждением читал твое «сицилианское» письмо⁴. Мы оба желаем тебе и Соне счастливого плавания и прекрасных впечатлений.

Обнимаю тебя.

В.

Не сердись на меня!

Я опростоволочился!⁵

¹ Речь идет о предисловии к сборнику избранных сочинений Гоголя, выпускавшемуся Издательством им. Чехова.

² Здесь: находки (*франц.*).

³ Пробный перевод Гринберга одной из первых глав «Conclusive Evidence» на русский язык был предпринят по просьбе Набокова, задумавшего русскую версию этой книги. Автобиография «Другие берега» была выпущена в свет Издательством им. Чехова в 1954.

⁴ Это письмо Гринберга в архиве отсутствует.

⁵ Неудачный опыт Гринберга-переводчика положил начало многолетней практике переводов набоковских сочинений на русский и английский языки самим автором и его близкими (В. Набоковой, Д. В. и С. С. Набоковыми). – Boyd-2. P.221.

19. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

October 1, 1952
Res: Hampton Road
Tel.: 40104
<Итака–Нью-Йорк>

Dear Roman,

I am supine with heat and exhaustion (the beginning of the academic year always teems with subtle torments, especially administrative), and this is why I am dictating this letter in English.

I never answered your superb and delightful letter about the little animals in the stilness, and now I get another wonderful letter from you. I shall certainly be glad to participate in the exciting venture you mention. A little vortex of possibilities was set in motion in my brain, but these things are much better discussed in a personal interview. I cannot come to New York before the end of the year. I suggest, dear friend, that you and Sonya come and stay with us at our new place, a little house with picture windows, lots of space, a guest room and two bathrooms. We shall be going to Boston either on the 18th or on the 25th, but any other weekend would be all right. We want to see you very much.

Obnimayu. Vera sends her regards to both of you.

Yours, V.

There is a little book of Russian verse awaiting you.

Пожалуйста приезжайте оба!

Вера

Перевод:

Дорогой Роман,

я опрокинут жарой и истощением (начало учебного года всегда сопровождается изощренными мучениями, особенно по административной части), и именно поэтому диктую это письмо по-английски.

Я еще не ответил на твое великолепное и очаровательное письмо о маленьких зверьках в тишине, а теперь получил еще одно твое чудное письмо¹. Разумеется, я приму участие в той увлекательной затее, о которой ты написал². Маленький вихрь вариантов завертелся в моей голове, но лучше будет обсудить их при личной встрече. Я не смогу приехать в Нью-Йорк до конца года. Предлагаю, мой друг, вам с Соней приехать погостить у нас, в нашем новом маленьком, но вместительном доме с живописными окнами, с комнатой для гостей и с двумя ванными комна-

тами. Мы собираемся в Бостон 18-го или 25-го <октября>, но любой другой уикэнд нас бы устроил. Очень хотим повидать Вас.

Обнимаю. Вера шлет свои приветы вам обоим.

Твой В.

Тебя ожидает здесь книжечка о русской поэзии.

¹ Копии этих писем Гринберга в архиве отсутствуют.

² Речь идет приглашении Набокова участвовать в журнале «Опыты». Ср. с аналогичным приглашением, сделанным Р.Якобсону, в котором была изложена программа нового издания (письмо Гринберга от 19 декабря 1952): «<...> хочу просить тебя сотрудничать в журнале “ОПЫТЫ”, коего я, вместе с В.Л.Пастуховым, редактор. Издает его М.С.Цетлин<а>, бывш<ая> изд<ательница> “Нового Журнала” до Фордовских денег. Мы независимы и можем ругать (и очень хочется) кого угодно. Мы хотим печатать художественную прозу, стихи, статьи и эссе, критику и библиографию, корреспонденции из разных культурных мест. Ты видишь, похоже на “толстый” журнал старого образца, однако, не совсем. У нас не будет преимуществ художественного материала перед статьями и эссеями, и эти не будут печататься петитом, как имели обыкновение, и на последнем месте, где-нибудь в конце сборника; мы можем начать и с хорошей статьи. Мы постараемся избежать “политических” тем, т.е. злободневных, полемических, интрапартийных-фракционных, ты меня понимаешь. С нами уже сейчас Набоков, Вейдле, Маковский, Гингер, Присманова, Иваск, Адамович, Иванов и другие, которых не могу припомнить. Материал приходит каждый день отовсюду, выйдем, дай Бог, в конце февраля, начале марта, будем выходить раза 3-4 в году, в зависимости от успеха.

Гонорары мы платим, но такие, что не разживешься – лучше об этом не говорить вовсе, у нас можно любить славу больше денег. Впрочем, я денежно не участвую.

Итак, мне дорого бы было твое участие. Я знаю, что ты бы мог о многом писать. Мне хотелось бы, чтобы ты нам рекомендовал каких-нибудь даровитых русских людей, которых мы не знаем, но которых ты знаешь за писателей, поэтов, философов и вообще культурных антибольшевиков <...>». – ВР. Вох-2. Подробнее об этом см. в нашей публикации, посвященной взаимоотношениям Гринберга и Якобсона.

20. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

<б/д; до 5 ноября 1952; Итака-Нью-Йорк>

Неправильные Ямбы.

В последний раз лиясь листами
между воздушными перстами

и проходя перед грозой
от зелени уже назойливой
до серебристости простой,
олива бедная, листва
искусства, плещет, и слова
лелеять бы уже не стоило,
если бы не зоркие глаза
и одобрение бродяги,
если б не лилия в овраге,
если б не близкая гроза.

Владимир Набоков¹

Перечти хорошенько, вникни, оцени! C'est vraiment tres fort².

Дорогой Роман, вот тебе стихи для первого номера, в красном углу помести. О «крупн<ом>» и рассказах еще напишу³.

Спасибо за милое письмо.

Зёка приглашал у него остановить<ся> на Рождеств<о>, но я тебе обещал у тебя – не так ли?⁴

Твой В.

¹ Стихотворение было напечатано в первом номере журнала «Опыты».

² Действительно сильно! (франц.)

³ См. об этом письмо 21.

⁴ О приезде Набоковых в Нью-Йорк см. письмо 22.

21. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

5-XI-1952

Hampton R<oa>d

Ithaca <–Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,

По моему, наше сожителство в Кембридже было одно из приятнейших наших свиданий!¹

Я приступил к поискам рассказа для твоего журнала. Через некоторое, не очень продолжительное время будет, конечно, матерьял из «Конкლოსив»², но у меня есть, как я тебе докладывал, кое-что другое. Больше всего мне хотелось бы тебе предложить прелестный маленький коромарий, который я написал к Дару. Эта вещица в несколько страниц, называется «Круг» и построена по принципу

«без начала, без конца», впоследствии употребленному Джойсом в «Fin<negan's> W<ake>»³. Я написал ее в 1934 году, когда сочинял схему «Дара». Она появилась довольно незаметно, в «Последних Новостях» между 1935 и 1938 годом, а вернее всего в 1936 году. У меня ее не оказалось в бумагах, так что придется отложить до возможности просмотра номеров «П<оследних> Н<овостей>» за те годы – работа не краткая⁴. Есть ли какой-нибудь комплект в Нью-Йорке? Думаю что буду в ваших палестинах на Рождестве.

Прочел Эдмундову книжицу. Есть кое-что очень милое; про Эдну – очень хорошо; но все, что касается России, так вздорно, так с кондачка, так неправильно⁵.

У меня к тебе просьба. Была бы у тебя в журнале какая-нибудь работа (переписка на машинке по-русски, что-нибудь в этом роде) для очень мне близкого лица, которое сейчас находится в совершенно ужасном материальном положении? Я тебе скажу кто это, но ты мне обещаешь, что ты о трудности ее положения не скажешь ни слова. Это Анна Лазаревна⁶. Если можно было бы устроить ее на конторскую работ<у>, я был бы тебе безконечно обязан. Подумай об этом, дорогой.

Вера и я шлем Соне и тебе букет приветов.

Твой В.

¹ Имеется в виду встреча с Гринбергами в Гарварде, куда Набоковы вместе с сыном приезжали в середине сентября.

² Т.е. главы из книги «Conclusive Evidence».

³ Роман Дж. Джойса «Пробуждение Финнегана» (1939).

⁴ Рассказ «Круг», написанный в феврале 1934, был напечатан в газете «Последние Новости» 11–12 марта того же года и впоследствии включен автором в сб. «Весна в Фиальте», выпущенный Издательством им.Чехова (1956).

⁵ По-видимому, имеется в виду книга Э.Вильсона «Classics and Commercials».

⁶ А.Л.Фейгина – двоюродная сестра и подруга В.Е.Набоковой.

22. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

1-I-1953

<Итака–Нью-Йорк>

Дорогие Соня и Роман,

Вот первое письмо, которое пишу в Новом Году – с которым вас и поздравляю, желая одному новых дивных натюрмортов (но

пожалуйста без угловых мандолин)¹, а другому редакторских, библиофильских и прочих успехов (но без ребяческих ссор с хорошими и нежными людьми). Хочу очень вас поблагодарить за прелестный приют, который вы дали довольно скучному, нечистоплотному, не всегда трезвому человеку, играющему лишь отлично в шахматы – и автору замечательнейших книг (не снившихся Вельтману или Бунину). Это была шутка; теперь скажу серьезно (ибо не будем слишком мучить любопытство словесника, который когда-нибудь найдет вот этот листок; «а может быть, и это даже...»), что мне было у вас очень весело, уютно и хорошо².

Мы с Верой докатились благополучно – но до сих пор не получили телеграммы от Митюши и не знаем, поднимается ли он еще на с<в>ой Ситлатепетль в Веркаруце или спустился с него³.

Вера и я шлем вам наш наисердечнейший привет.

V.

¹ Намек на любительское увлечение С.Гринберг живописью.

² В предрождественские дни Набоковы гостили у Гринбергов, приехав на авторский вечер писателя 21 декабря, на котором он прочитал доклад о поэзии Блока, а также свои стихи и прозу.

³ В те дни Д.В.Набоков совершал восхождение на гору Озидаба в Мексике.

23. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

19-I-<19>53

<Итака-Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Володя просит меня Вам написать за него, т.к. он завален работой (экзамены), а Вы ведь собираетесь в дорогу.

Он благодарит Вас за «Дидегота» и просит объяснить, что предпочел издание 1933 г. потому, что в изд<ании> 1937 единственное новшество это новые опечатки¹.

Относительно Кумминга, кот<орого> помнит по «Рулю», почти ничего не знает, говорит, «кажется, прохвост». В литературном же смысле говорит, что К<умминг> неудачный подражатель тех «акмеистов», что помельче².

Относительно «материала» В<олодя> просит передать, что «Доклада о Блоке»³ он решил не печатать, т.к., просмотрев его с точки

зрения журнальной, пришел к выводу, что не меньше двух недель пришлось бы ухлопать на «облизывание» этого решительно устного доклада. У Вас, конечно, есть его стихи. Рассказ, если желаете, старый. А не то: подождите, пока автобиография начнет перевоплощаться по-русски.

Мы оба Вам обоим желаем прекрасной поездки. М<ожет> б<ыть>, увидим Вас там в марте⁴. Митя, с кот<орым> говорили по телефону, просит за него извиниться, что он из-за предэкзаменационных трудов еще не написал Вам. Подъем его был, по-видимому, действительно грандиозный и великолепный.

Сердечный привет Соне и Вам от нас обоих!

Вера

¹ Авторское написание. Речь идет о французских изданиях сочинений Дидро, интересовавших Набокова в связи с комментированием романа «Евгений Онегин».

² Кумминг Евгений Львович (псевд. Евг. Комнин) – петербургский литератор-эпигон, в 1910-е годы примыкавший к группе неоакмеистов; в 1920, получив эстонское гражданство, покинул Россию и перебрался в Берлин, где вместе с Набоковым, Г.Струве, И.Лукашем, В.Татариновым и др. участвовал в литературном кружке «Братство круглого стола», эпизодически выступая со стихотворными публикациями в газете «Руль». Кумминг был одним из героев шуточной эпиграммы Набокова, посвященной участникам «Братства» (1923). – Струве Г. К смерти В.В.Набокова // НРС. 1977. 17 августа.

В 1933–1935 Кумминг редактировал «русскую национальную газету» «Новое Слово» (1933–1943), субсидировавшуюся нацистами, а в дальнейшем был ее постоянным автором. После Второй мировой войны некоторое время работал директором радиостанции «Свобода».

³ Гринберг предлагал Набокову опубликовать текст его доклада о поэзии А.Блока.

⁴ Речь идет о планах европейского путешествия Гринбергов и Набоковых.

24. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

Суббота, 4.4. <19>53
<Нью-Йорк–Кэмбридж>¹

Дорогой Володя,

Хотелось бы знать, где ты? Пишу и не знаю, куда пошло. Но завтра позвоню Татьяне Георгиевне К<арпович>² и наведу справки – она должна же знать, по роду службы.

Мы давно приехали домой. Жили на юге уютно. Соня написала восхитительные натюрморты, я готовил свое и приготовил, согласно этому выползку, а змейка очень скоро явится вслед³. Много было хлопот. Не так-то все просто. Пришлось сборник в начале мая. Мои типографы люди не врущие.

Внизу листовки я заманиваю читателя на тебя⁴. Делаю я это потому, что так ты мне писал неоднократно. Правда? Скажи только, когда ты начнешь писать?

Напиши мне, как Вы поживаете? И, если ты в Аризонах, то скажи, что эта за страна? Может, и о планах поделишься, может, скажешь, будешь ли ты в Нью-Йорке? А как твой Пушкин? Дошел ли ты до 8-ой главы?⁵ Она меня особенно интересует в связи с некоторыми для меня темнотами.

Рад бы был тебя повидать. Пиши.

Соня шлет тебе и Вере сердечные приветы и я тоже.

Обнимаю тебя, твой

¹ Во время восьмимесячного отпуска в 1953 (так наз. sabbatical year) Набоковы сначала поехали навестить сына в Кембридже, где писатель работал в библиотеке Гарвардского университета, и прожили там с февраля по начало апреля. Оттуда они уехали на лето в Аризону.

² Жена М.Карповича.

³ Первый номер О.

⁴ Рекламная листовка, извещавшая читателей о выходе в свет нового журнала.

⁵ Набоковский комментарий к восьмой главе романа «Евгений Онегин».

25. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

Portal, Arizona <–Нью-Йорк>
1.V.1953

Дорогой мой Роман,
твое письмо ехало, ехало за мной и доехало. Мы у подножия багровых Чирикауских (Chiricahua) гор, на границе Мексики, в самом юго-восточном углу Аризоны. С восьми до часа дня собираю бабочек, с двух до шести пишу, с девяти вечера до семи утра сплю. У нас очаровательный домишко со всеми удобствами в шестидесяти милях от ближайшего города (Douglas). Наш Portal состоит из нас, двух-трех ranches¹, трех-четырёх ферм, эклектичной лавки, почтамта, маленькой школы и Forest Service². На нашей высоте (около

6000 фут<ов>) цветет пустыня, а через пять минут мы среди чудного леса – а поднимешься еще выше (до 8000–9000 фут<ов>) – сосны, осины, альпийская фауна.

В Cambridge'е я совершил громадную работу – написал полный комментарий к «Евг<ению> Он<егину>» (сделал много интересных открытий)³. Мне остается доперевести довольно много, но сейчас я занят не этим, а романом⁴ – и переводом Conclusive Evidence. Одни главки пойдут тебе, другие Карповичу, всем сестрам по сиригам. Обнимаю тебя, дорогой. Вера и я приветствуем вас обоих. Пиши.

Твой В.

¹ Ранчо (англ.).

² Лесничество (англ.).

³ Первоначально эта работа задумывалась автором как учебное пособие для студентов Корнеллского университета, однако до ее завершения оставалось еще четыре года, а до издания – 11 лет.

⁴ Роман «Лолита».

26. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

6.5. <19>53

<Нью-Йорк–Портал>

Дорогой мой Володя,

Сразу скажу – ты меня страшно обрадовал ответом на мое старое письмо. Не помню, когда писал тебе. Помню, что я думал – ты в Кембридже. Ответа не было, и я решил, что либо письмо, либо ты запропал для меня, что меня огорчило.

Я совершенно точно вижу, где ты, хотя нет такой карты на свете, где есть Портал. Что-то махонькое. А ведь пять тысяч миль, без пяти миль, туда и обратно, если начать от нашего подъезда. Здорово. Далече. Разве бабочки, а так не полетишь. Тускон, Чих-уах-уа или дос Кабыздос или твои Чиринахуе – одна прелесть, кто понимает. Нет, не для нашего брата-редактора – далеко.

Сам веду трудовую жизнь, провел с неделю в типографии, полюбил эти духи – смесь пота, краски, металла, чудесный сплав. Почему я так поздно узнал эту тайну? Никуда бы я не вылезал из лино-типа всю жизнь – так вкусно плавить слова и строчки из ничего.

«ОПЫТЫ», разреши представить, хотя и сделаны, прости выражение, пальцем, вот этим самым указательным пальцем на правой

руке, которым стучаю, – выйдут крепкими, нарядными, задорными и ужасно серьезными молодыми красавцами. Встретишь их через полторы недели на почтамте в Портале! Они печатаются, сшиваются, прессуются и чуть малюются. А я отдыхаю и жду, как все человечество, их появления. Самое изумительное переживание в жизни. Вот такое, должно быть, поймет Митя на Горе-Горе¹. Ты с «оливой бедной» стоишь во всей красе на отдельной странице, торжественно².

«ОПЫТЫ» и я благодарим тебя за перевод «Конклизив'а». Жду, не дождусь – чрезвычайно серьезно. Как тебе сказать, я знал, что ты подкинешь кусок Каргулям³, потому что несколько недель тому назад, вторая, и не лучшая половина этой бестии хотела вывести у меня наводящими вопросами, чего я жду от Вл. Набокова. Я отвечал, что знал. Понятно, я ничего не могу сказать – пусть тоже имеют твоего мяса. Я жду хороший, мясистый, крепкий и большой кусок – страниц на 30/40. Очень важно, очень, – иметь твой кусок к сентябрю. Ты напиши мне, возможно ли это. Я не хотел бы плестись в хвосте Каргуля, т.е. напечатать тебя после них. Тебе видней. Всего не объяснить, но ты понимаешь, что ОПЫТЫ могут выходить реже, чем те, ибо мы кустари, а они богатеи. Напиши мне, что и как. Нужно знать.

Веду не слишком трезвый образ жизни. Нигде не бываю. Сам пописываю. И себя тисну петитом⁴. Маленькие темы, литературоведческие. Ужасно, как хочется прочесть твои комментарии к 8-ой <главе> Онег<ина>. Там есть что-то, о чем никто никогда не говорил. Что ты открыл? Скажи. Может, скажешь через Оп<ыты>?

Соня занята, как всегда. Кланяется. Когда ты обратно и куда? Нью-Йорк? О том, что будет с нами летом – не знаем, хотя и думаем. Еще весны здесь не было – слякотно и скверно. Вот для тебя роскошно-пронзительное словцо – сиверко.

Обнимаю, твой

¹ Калька с мексиканского названия Чиуауа.

² Т.е. стихотворение «Неправильные ямбы». См. в письме 20.

³ Аббревиатура фамилий М.Карповича и Р.Гуля (секретаря редакции), руководивших «Новым Журналом».

⁴ В номере была помещена редакторская заметка «Nota Bene», подписанная постоянным псевдонимом Гринберга «Эрге»; по-видимому, он же был автором рецензии на книгу Г.Иванова «Петербургские зимы» (подпись: «Г.»).

27. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

31 мая 1953 года

Portal, Ariz<она-Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,

Спасибо за присылку «Опытгов». Обложка прелестная¹, интересны Поплавский и Вейдле² – но меня, друг мой, ты, как говорится, зарезал.

Я всегда держал корректуру своих вещей, но положился на тебя. И что же? Мое стихотворенье загажено отвратительной опечаткой. Должно быть: «от зелени уже назойливой» – а не какой-то ужасной «уж». Прошу тебя, дай правильное чтение в следующем номере.

Другое: Георгий Иванов всегда был и будет шулером, – но есть границы. Прошу тебя, пожалуйста, помести в следующем номере поправку:

«Нам пишут: Первое из напечатанных стихотворений Георгия Иванова кончается так: «Бедные люди – пример тавтологии, кем это сказано? Может быть, мной?»³ На самом деле это было сказано лет двадцать тому назад покойным публицистом и философом Григорием Ландау (книжечка афоризмов – озаглавленная, кажется, «Эпиграфы»)⁴.

Чтобы покончить с неприятностями, хочу еще сказать, что Адамовича статья – гнилье; Оцупово произведение – невероятная пошлятина; а Иваску нельзя к журналам и подпускать⁵. Иль пю дэ пье э дю гуссэ⁶.

Стихи Кленовского очень милы и мила Головина⁷. Трогательны письма Лунца⁸. Убери Оцупа и Иваска.

Завтра мы едем отсюда в Орегон, где вероятно проведем лето⁹. Смотри, непременно помести эти две поправки!¹⁰

Причем в 1953 году Достоевский?¹¹ Почему не Помяловский?

Обнимаю тебя, привет талантливой С.М.Гринберг.

Эдгар По никогда в Петербурге не был¹². Оцупа вон, Иваску вон, корректора вон.

В.

¹ Автором обложки журнала была С.Гринберг.

² Отрывок из романа Б.Поплавского «Аполлон Безобразов» и статья В.Вейдле «Европейская литература».

³ Последние строки первого из «Стихотворений 1952 г.»: «Все представляю себе в блаженном тумане...»

⁴ Ландау Г. Эпиграфы. Берлин. 1927. См. о нем: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.3. М., 1994. С.287-288.

⁵ Очерк Н.Оцупа «Н.С.Гумилев», эссе Ю.Иваска «Молчание» и его же рецензии на стихотворный сборник «Рифма», включившего краткий благодарственный отзыв на набоковское стихотворение «Кн. С.М.Качурину», антологию В.Маркова «Приглушенные голоса» и стихотворный сборник «Дек» Ю.Одарченко.

⁶ От него несет ногами и чесноком (*франц.*)

⁷ «Стихотворение» Дм.Кленовского и рассказ «Ася» А.Головиной. Снисходительные отзывы Набокова о соучастниках по журналу, по-видимому, объясняются авторской обидой на то, что, вопреки ожиданиям «красного угла», его стихотворение, хотя и было помещено на отдельной странице, но не в начале поэтического раздела, а в его середине.

⁸ Имеется в виду мемуар Н.Берберовой «Из петербургских воспоминаний. Три дружбы», в который были включены 12 писем Л.Лунца. Опущенное имя автора, по-видимому, еще раз сигнализировало адресату об отношении Набокова к писательнице.

Ср. набоковский отзыв с мнением В.Злобина (письмо к Гринбергу от 1 августа 1953; Канн-Нью-Йорк): «<...> № 1 “Опытгов” получил. Прекрасно издано. Но хромает отдел прозы. Статья Иваска о “Рифме” (и обо мне) очень интересна. Он несомненный критик, а не поэт... Стихи талантливы все, но ни одно не утоляет, даже Георгия Иванова, приемы которого мне слишком хорошо известны. Думаю, что журнал необходим и желаю ему успеха и надеюсь, что впоследствии он будет выходить чаще. <...>». – VP. Вох 6.

⁹ В начале июня Набоковы уехали в Эшленд, штат Орегон, где провели лето, вернувшись в Итаку в конце августа.

¹⁰ Предложенная Набоковым поправка ни в одном из последующих номеров журнала не появилась. Но о Г.Ландау писатель еще раз вспомнил несколько лет спустя – в статье «Заметки переводчика», охарактеризовав его «тонким философом». – О. 1957. №VIII. С.45.

¹¹ Ирония Набокова адресована, с одной стороны, анонсированной редакционной анкете среди «некоторых известных американских и европейских писателей» с выяснением вопроса о вкладе русской дореволюционной литературы в мировую культуру и о «благотворности или разрушительности» творчества Толстого и Достоевского. С другой стороны, это очередной выпад против неназванного Г.Адамовича, в очередных «Комментариях» которого подробно рассматривалась роль и значение Достоевского в русской литературе.

¹² Ироническая поправка к статье Н.Оцупа, приведшему этот «факт» в очерке о Гумилеве.

28. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

14.6. <19>53

<Нью-Йорк–Портал>

Дорогой мой Володя,

Спасибо тебе за твое гневное письмо. Ты прав. Этот проклятый «уж», который неизвестно как проник, меня мучает бессонницей и сомнениями. Что можно сделать? Бей меня! Вина моя. Читал сотни раз и не замечал. Оптический фокус. Корректор – это я. Ты говоришь, меня вон. Куда идти? Само собой – будет исправление жирным шрифтом и я принесу извинение, что так бездарно-глупо промахнулся.

Я послал открытку в твои глухие пустыни с сожалением, что подобное могло случиться.

Инцидент «испечен». Дальше ничего сказать не могу.

И «нам пишут» об Иванове появится на своем месте в №2.

Этот № готовится очень серьезно. И я тебя спрашиваю, когда ты пришлешь – «твое», т.е. перевод из Конклюдизива. Мне нужно знать. И сколько пришлешь страниц? – не менее важно знать. Главное – когда? Нужно мне это не позднее 25 июля. Повторяю: 25 июля¹.

А 15 мы уедем в деревню. В ту самую, где жили в прошлом году. Только на этот раз будем жить в более роскошном доме с большим садом и своей речкой с форелями. Кругом снова лес и мои мелкие звери². А что такое ОРЕГОН или ОРИОН, куда вы метнулись из аризоновых пустынь? Напиши.

Жду ответа на мой единственный вопрос – страшно важный, как должен понять.

Обнимаю тебя крепко. Соня шлет сердечный привет Вере и я тоже.

¹ В первом номере О. был помещен анонс о публикации в следующем выпуске набоковских «Воспоминаний» а также «Заметок о Толстом» Э.Вильсона.

² Загородный дом, купленный Гринбергами в Вудстоке, штат Нью-Йорк, в домашнем обиходе получивший название «Лесное».

29. В. НАБОКОВА – Р. ГРИНБЕРГУ

3-VII-1953

General Delivery

Ashland, Oregon <–Вудсток?>

Дорогой Роман,

Володя просит Вас простить, что до сих пор не ответил на Ваше письмо от 14-го (оно довольно долго шло, через Аризону), и, не желая более задерживать ответ, поручил мне написать Вам следующее:

Он постарается послать Вам кусок Concl<usive> Ev<idence> в близком будущем, но не может обещать, что это будет к 25-му. Сейчас он пишет английский рассказ + английские же стихи и пока не кончит, не может ничего другого делать¹. Перевод отчасти сделан (первая половина), – но требует еще длительной отделки.

Орегон восхитительный штат, но об этом В<олодя> расскажет лучше сам, когда мы будем в Н<ью>-Йорке (вероятно, в течение осени, до снегопада).

Мы оба шлем Вам обоим сердечный привет и желаем чудного лета на берегу речки с форелями, на опушке леса, полного мелкого зверья, в роскошном доме с большим садом!

Вера

Митя управляет огромной машиной на постройке дороги. Недавно он перевернулся вместе с грузовиком!

¹ В это время Набоков завершал работу над рассказом «Пнин», в дальнейшем переработанном в роман, и работал над англоязычными стихотворениями «Lines Written in Oregan» и «The Ballad of Longwood Glen».

30. Р. ГРИНБЕРГ – В. НАБОКОВУ

Вудсток<–Эшленд> 17.7.<19>53

Дорогой Володя,

Получил твое <письмо> от 3 <сего> <месяца> – спасибо! Поблагодари Веру, что разборчиво написала.

Доволен, что перевод начерно подвинулся и есть большой кусок, который ты пошлешь мне в ближайшем будущем¹. Не знаю, как

мне перевести это понятие на язык календаря. Буду ждать твоих сообщений. Я понимаю, что в таком деле мне остается только ждать, что я и делаю в очень хорошем доме на лоне природы и тихого счастья. Стоит зной и яркая погода – я и Соня, мы лучшего времени не знали.

Приветы Мите, Вере и Орегону,

твой

¹ К тому времени терпение Гринберга в отношении к неисполнительному автору, безнадежно задержавшему присылку глав русской версии своей автобиографии, истощилось. Сообщая о пополнениях редакционного портфеля для второго номера О, он писал М.Цетлиной 8 июля: «<...> Сирия снова просит подождать до след<ующего> №. Я больше просить не буду. Вместо прозы прислал стихи – печатать не будем» (письмо от 8 июля 1953; Нью-Йорк). – VP. Вох 2.

31. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

3-VIII-<19>53

<Итака–Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Вижу, что никак не успею послать тебе прозу к этому номеру. Но дам к следующему.

Покамест посылаю тебе стихи. Устрицы мои давно не производили столько жемчужин. Смотри, чтоб не было опечаток, а лучше всего – пришли гранку. Я только что продал Нью-Йоркеру стихотворенье за 104 доллара¹. Но я широк, широк...

Помни: никаких Оцупасков². Спасибо за милое письмо. Обнимаю тебя.

V.

*

Все, от чего оно сжимается,
миры в тумане, сны, тоска,
и то, что мною принимается
как должное – твоя рука;

все это под одною крышею
в плену моем живет, поет,

не сводится к четверостишию
лишь намечается исход.

И оттого что – как мне помнится –
жильцы родного словаря
такие бедняки и скромницы:
холм, папоротник, ель, заря?

Я не могу других разжалобить,
а с музыкою незнаком,
и удовлетворяюсь, стало быть,
ничьей меж смыслом и смычком.

Владимир Набоков³

¹ Стихотворение «Lines Written in Oregon».

² Набоковская аббревиатура имен Н.Оцупа и Ю.Иваска.

³ Стихотворение было опубликовано в третьем номере О.

32. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

3-го ноября 1953 г.
<Нью-Йорк–Итака>

Дорогой мой Володя,
когда же?

Я спрашиваю тебя, когда же, наконец, ты приедешь в Нью-Йорк? А ты думал что? Пора бы, не мешало б поговорить. Грустно, когда нужно ждать без конца твои ответы на приветы. Отвечай!

Сегодня вышел №2 моих ОПЫТОВ. Ничего. Честное слово, не так плохо. Поэтов мы поместили таких, какие не водились в №1. Поэтому тебя нету. Твое, которое ты мне прислал летом – спрятал для №3.

Не знаю, посылать ли тебе этот №. Станешь ли ты читать его? Отпиши, сделай милость. Там и я фигурирую довольно-таки мелко¹. Думаю, что №2 разойдется довольно быстро, хотя за границей никто вообще купить не может.

Как же ты живешь? Что ты преподаешь? Где живешь – даже не написал. Чем объяснить? Как Вера и Митя? Я буду в Бостоне недельки через 2, и тогда, если б знал адрес Великана², я б позвонил

ему. Скажи. Слышал ли ты про Вильсонов? Нигде не печатается что-то давно; не видел.

Журнал меня немножечко измотал. Все приходится делать самому, хотя были и помощницы.

Скажу тебе еще по секрету, что я не прочь мириться с Гессеном³. Теперь, когда все прошло, когда я остыл, не чувствую больше боли от его оскорблений, я думаю, что пора мириться. Конечно, дело это его. От души готов просить мира, простить друг другу все совершенные гадости. А ты – как тебе угодно. И на эту тему отпиши.

Обнимаю тебя, привет Вере от нас обоих. Имей в виду, что дом наш тебя ждет и, кроме того, завелись кое-какие книги по неведомому Пушкину, которые могли бы на худой конец пригодиться и тебе.

твой

¹ Эрге. Nota bene // Опыты. 1953. №2.

² Д.В.Набоков.

³ Г.И.Гессен.

33. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

6.XI.1953

957

E<ast> State R<oa>d

Ithaca, N.Y. <–Нью-Йорк>

Дорогой мой Роман,

Спасибо за прелестное письмо. Поздравляю тебя со вторым номером! Очень хочется посмотреть его.

С переводом Conclusive Evidence у меня заскок психологический, не только матерьяльный. Матерьяльный заключается в том, что мне надобно покончить с некоторыми трудами раньше чем приступить к Conclusive'y. Психологический подход заключает два, так сказать, момента: предвижу невероятные, хотя вполне – и даже весело – преодолимые затруднения, это раз, а два, знаю что в январе последний срок для сдачи рукописи Чех<овскому> Издательству и ожидаю этого напора как опоры¹. Я думаю, что в конце месяца примус<ь> вплотную за работу – многое уже намечено. Кое-что сделано. Само собою разумеется, что ты получаешь первые плоды мои.

Мне неприятно, что теперешняя продолжающаяся уже долго моя страда совпала с набором матерьяла для твоих «Опытов». Припомни, впрочем, что кряхтел я с самого начала – и никогда не предполагай, что тебя «надуваю». И еще: у меня с моей русской музой тяжелые, трагические счеты, о которых идиоты, писавшие обо мне (чего стоит мосьё Слоним в своей последней книге)², не только не догадываются, но не имеют того аппарата, что-бы представить себе мои <x> отношений с русской словесностью – и те совершенно бредовые ощущения, которые возбуждает в <o> мне практическая невозможность писать мои книги по русски. А тут еще изволь «переводить» себя... Когда уж совсем невыносимо пучит, пытаюсь ответитья небольшими стихами. Все это не так просто.

Я буду в New York'e 11-го-12-го-13-го декабря – и очень был бы рад помирить тебя и Г.Г.<ессена>. Мы давно с тобой не видались – хочется с тобой обо многом побеседовать, да и матовую ловушку давно тебе не ставил.

У меня 270 студентов – и к среде мне нужно проверить 270 тетрадок.

Обнимаю тебя, мы с Верой шлем вам обоим привет.

В.

Мы будем в Кембридже на Thanksgiving <Day>³. А вы когда? Митин телефон: Eliot 4-7617. Привет сердечный вам обоим! Вера

¹ По условиям издательского договора, рукопись книги «Другие берега» Набоков должен был сдать в редакцию в январе 1954, однако ему удалось отодвинуть этот срок до конца марта.

² Slonim M. Modern Russian Literature. New York, 1952. Ср. набоковский отзыв с рец.: Струве Г. Неудачная книга о русской литературе // Опыты. 1954. № 3.

³ День Благодарения (англ.).

34. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

Пятница, 13-го ноября 1953 г.
<Нью-Йорк-Итака>

Дорогой мой Володя,

С самого начала надо тебе сказать, что мы тебя ждем 11-го декабря: будешь жить у нас¹. О том, когда твои рукописи «Конклюдива» поступят к нам – другое дело.

Скажу тебе, что все это не так важно. Не переутомляйся, делай перевод, как Бог положит на душу, а об остальном не изволь тревожиться.

Во вторник лечу в Бостон по делу. Заеду, разумеется, в Кембридж, повидая ММК<арповича>, Берлина², Иваска (извини) и, возможно, Вильсона. Этот мне пишет, что все они переболели всевозможными болезнями – он, например, подагрой (все-таки вино, которое хорошего качества, заговаривает на старости лет). В декабре он едет в Зальцбург читать лекции по истории гражданской войны в Америке, после он собирается в Израиль в качестве особого корреспондента «Нью-Йоркера».

Кроме всего, он написал что-то о библейском-еврейском и связал это с русским, и хочет знать, что я думаю об этом; появится эта рыба-фишь зимой³.

Я послал тебе мои ОПЫТЫ. А ты изволь теперь отписывать и ругать, да как нужно, покрепче.

Буду из Бостона звонить Мите в Кембридж, с ним кутну, если будут силы.

Привет Вере и тебе от Сони, я же низко ей кланяюсь, а тебя обнимаю очень нежно.

твой

¹ Набоковы приезжали в Нью-Йорк на второй неделе декабря, и писатель привез с собой рукопись романа «Лолита» для переговоров с возможным издателем, однако из этого ничего не вышло.

² Берлин Исая, сэр (1909–1997) – английский историк, философ и эссеист; собеседник А.Ахматовой в 1945 (см. его мемуарный очерк «Встречи с советскими писателями»). По-видимому, Гринберг познакомился с ним летом 1949 во время первой послевоенной поездки в Париж. Тогда Берлин рассказал ему свои московские впечатления и новости литературной жизни в СССР. Обсуждая эту фигуру с другим его знакомым, А.Струве (он помогал Берлину комплектовать книжную россику), Гринберг положительно отзывался об ученом: «впечатление “очень влажной губки”, как говорите Вы, но живого и общительного, и доброго малого» (письмо от 26 марта 1950; Нью-Йорк–Париж). – VP-Вох 2.

³ По-видимому, это был один из очерков, вошедший в книгу Э.Вильсона «Краснокожие, чернокожие, белые и смуглые: исследование четырех цивилизаций: Зуни, Гаити, Советская Россия, Израиль» (1956).

35. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

6-XII<-1953>
 957 E<ast> State Street
 <Итака–Нью-Йорк>

Милый Роман,

В<олодя> просит меня Вам написать. Постараюсь так же ясно, как тогда. Он сегодня кончает писать книгу¹, вот отчего я его замечаю. Мы будем в Н<ью>-I<орке> в конце недели – вероятно, на один день – В<олодя> будет, наконец, наговаривать пластинку для BBC (откладывал три раза)². Он очень, очень благодарит за приглашение, но говорит, что на этот раз «Зёкина очередь»: он ему давно обещал. Мы очень были тронуты Вашим вниманием к Мите.

«Опыт» прочли с большим интересом. «Подробности – при встрече», говорит Володя.

Сердечный привет Соне и Вам.

Вера Набокова

¹ Роман «Лолита».

² Радиозапись набоковского выступления «Об искусстве перевода».

36. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

23.12.<19>53
 <Нью-Йорк–Итака>

Дорогой мой Володя,

Завтра канун Рождества, а я все еще не послал Мите ежегодного поздравления, думая, что у меня <есть> его адрес. Его у меня нет, и я прошу тебя переслать ему эти вот зеленые, которые могут ему пригодиться.

Тобой же я остался недоволен, до того мало тебя видел и не успел даже толком поговорить. Надеюсь, что в феврале наверстаю, а до тех пор увижу твою рукопись, на которой строится здание Третьего №. Этот должен убить предыдущие два, и ты есть та самая пушка того самого калибра, которая должна будет это сделать.

Желаю тебе и Вере, и Мите всего самого радостного и доброго на праздники и на Новый Год. Соня присоединяется очень сердечно.

Твой

37. В.НАБОКОВА – Р.ГРИНБЕРГУ

27-12<-1953>¹
<Итака–Нью-Йорк>

Милый Роман,

Володя просит меня написать Вам. Он надеется, что Вы на это не посетуете, когда узнаете, что он все время работает над переводом.

Прежде всего: он просит меня поблагодарить Вас за милое письмо и пожелать Вам и Соне великолепного 1954-го. (К этому пожеланию и я присоединяюсь).

Митя, которого Вы балуете, пишет отдельно. Он сейчас у нас – до 3-го.

Дела литературные: В<олодя> просит передать, что у него уже почти готовы обещанные Вам три главы. По-русски вышло больше страниц, чем по-английски, т.к. кое-что прибавлено («новый матерьял»), а кое-что расширено. Он просит Вас сохранить достаточно места. Два маленьких его стихотворения тоже придут, все будет у Вас, вероятно, 10-го января, во всяком случае не позже 15-го.

Очень было приятно повидать Вас обоих.

Сердечный привет

Вера

Не сердитесь, что лишаю Вас «автографа», зато будет перевод вовремя.

¹ Год датирован адресатом.

38. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

10-го января 1954 г.
<Итака–Нью-Йорк>

Дорогой Роман,

Посылаю тебе две первые главы моих воспоминаний с предисловием к ним¹. Мне важно, чтобы все это появилось именно в этом виде, в этой секвенции, и непременно хочу сам держать последнюю корректуру. Мог бы добавить еще одну главу, приблизительно такой же длины, как каждая из этих, о предках и родственниках, но боюсь, что пятьдесят пять машинных страниц будет для тебя много.

У меня всякие несчастья и бури с переводом этой книги. Я очень многое меняю, и сейчас только дошел до конца шестой главы, что даже не совсем половина. Ты, помнится, говорил мне, что еще один выпуск журнала, кажется, осенью, обеспечен. А что дальше? Во всяком случае, напиши мне, сколько еще глав ты можешь мне гарантировать, что напечатаешь. Их всего пятнадцать, и все приблизительно одинаковой длины. Как ты знаешь, существует и другой журнал. Ему я тоже обещал матерьял. Хотел бы, чтобы в рассуждении времени, главы выходили по порядку, напр<имер>, первые две главы в Опытах, две-три последующих в Новом Журнале (ежели номер появится в промежутке)², затем – следующие две или сколько там в Опытах и т.д. Если будет никому не нужный излишек, дам еще куда-нибудь, словом, говорю тебе все это, чтобы вытянуть из тебя твои планы. Обнимаю.

V.

А эдмундов чулок довольно хамский³.

¹ В третьем номере О. под названием «Воспоминания» были напечатаны первые главы из книги воспоминаний «Другие берега».

² С журналом М.Карповича это авторское намерение осуществилось. Отрывки из книги были напечатаны в двух номерах НЖ (1954. Кн.37, 38).

³ О какой из статей Э.Вильсона идет речь, не установлено.

39. Р.ГРИНБЕРГ – В.НАБОКОВУ

<17 января 1954?>¹
<Нью-Йорк-Итака>

Dear Volodya, could not regretfully reach you today by phone please mail at once the third chapter of your delightful memoirs which <I> will insert in our issue.

Our love for both of you.

Roman Grynberg

Перевод:

«Дорогой Володя, к сожалению, не смог до тебя дозвониться, пожалуйста, вышли мне немедленно третью главу твоих восхитительных воспоминаний, которую я вставлю в наш номер. С любовью к вам обоим Роман Гринберг».

¹ Недатированный черновик телеграммы.

40. В.НАБОКОВ – Р.ГРИНБЕРГУ

17 января 1954¹
Итака–Нью-Йорк

YES DEAR FRIEND THREE CHAPTERS ARE BETTER THAN
TWO EXCELLENT IDEA I AM SENDNG YOU THE THIRD
CHAPTER MONDAY VLAD<I>MIR

Перевод:

«Да, дорогой друг, три главы лучше, чем две. Отличная идея. По-
сылаю тебе третью главу <в> понедельник. Владимир».

¹ Телеграмма на бланке Western Union с указанием адреса отправителя:
304 West 75 st<reet> NY и времени отправки: 11:39 вечера.

«...Я НЕ ИМЕЮ ОТНОШЕНИЯ К СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ...»

Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову
(1956–1975)

Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона

Ирину Одоевцеву принято считать восторженной, взбалмошной и недалекой женой талантливого поэта, оставившей наполовину вымышленные мемуары, полные глупостей. Из всех этих определений по-настоящему верно лишь первое. Восторженное отношение к миру Ирину Владимировну и впрямь не оставляло до конца жизни. Все остальное при ближайшем рассмотрении хочется, скорее, опровергнуть.

Она была не только литературской женой, но и сама до конца жизни оставалась человеком литературным, поэтом не из последних и незаурядной личностью. Положим, Георгий Иванов в письмах последних лет несколько перегибал палку, объявляя поэтическое творчество Одоевцевой чуть ли не гениальным. Но эти перегибы имеют свое объяснение. Стихи Одоевцевой терялись в тени стихов ее мужа – крупнейшего поэта середины XX века – и на этом фоне, разумеется, проигрывали. Однако вовсе сбрасывать их со счетов и тем более не замечать (а именно так по большей части к ним все и относились) было явно несправедливо – стихи ее в послевоенном зарубежье были не просто «на уровне», они ничуть не уступали большинству тогдашних звезд, оставаясь при этом своеобразными, ни на какие другие не похожими (меньше всего они были подражанием стихам мужа; Одоевцева совершенно права, утверждая, что к стихам Иванова они по большому счету не имеют отношения, несмотря на нередкие заимствования отдельных строчек). Вот эту несправедливость Иванов и хотел исправить, приложив весь свой темперамент, что порой было забавно, а нередко выглядело преувеличением.

Выдумки Одоевцевой было не занимать, однако почти все эпизоды ее мемуаров подтверждаются документально (другое дело, что она могла расцветить и приукрасить реальное событие). Но по сравнению, допустим, с

«Курсивом» Берберовой, мемуары Одоевцевой представляются гораздо более убедительными. (То, что обе написали по-своему блистательные художественные произведения вместо мемуаров, сейчас оставляем в стороне, оценивая их исключительно как источники.) Берберова нередко выдумывала или намеренно искажала сами факты (многие вновь публикуемые документы часто входят в противоречие с ее мемуарами именно с этой стороны), а Одоевцева, несмотря на всю свою легкость и воздушность, стремилась писать правду, пусть порой приукрашенную (чаще всего ее мемуары расходятся с документами именно в оценках). Фактические неточности и ошибки памяти у Одоевцевой, конечно, встречаются, и в изрядном количестве, а вот намеренного искажения все-таки нет.

Что же касается недалекости... В письмах нередко восклицания: «Один вздор я горожу! Стыдно» или «Какую я чепуху посылаю Вам». Ирина Владимировна, как всегда, кокетничала. Вздора и чепухи в ее письмах ничуть не больше, чем у любого литератора, скорее наоборот, а по живости и обилию любопытных деталей ее письма намного превосходят, например, письма Бунина, почти всегда сугубо деловые и крайне скучные.

Переписка с Одоевцевой возникла у Маркова как своеобразное приложение к переписке с Георгием Ивановым, которую он завязал в октябре 1955 года. С февраля 1956 Маркову начинает писать и Одоевцева, причем переписка с разной степенью интенсивности ведется на протяжении двадцати лет, особенно активно в 1956–1961 годах¹.

Одоевцева охотно покровительствовала Маркову и Моршену, видя в них наиболее близких по духу людей из младшего, не слишком-то в целом литературного поколения, и немножко играя в Державина. Щедро расточаемые ею неумеренные похвалы («Гурилевским романсам» Маркова проходят рефреном на протяжении нескольких лет и выглядят столь же неубедительными, сколь похвалы Иванова по адресу самой Одоевцевой. В отношении Маркова к Одоевцевой заметна некоторая растерянность. Видимо, безапелляционность Георгия Иванова подействовала на него, и он не знал, как относиться к Одоевцевой, то ли как к жене поэта, то ли как к маститому литератору. С годами постоянная экзальтация Одоевцевой начинает его раздражать, паузы между письмами становятся все дольше, и постепенно переписка сама собой сходит на нет.

В письмах обсуждается вся послевоенная литературная жизнь, причем зачастую из первых рук. Конечно, наибольший интерес представляют особенности последних лет жизни Георгия Иванова. В этом отношении данная публикация – одна из самых крупных и подробных после публикаций писем

¹ Помимо писем, в архиве Маркова сохранились две книги с дарственными надписями Одоевцевой: «Десять лет» (1961) с надписью: «Владимиру Маркову, от любящей его и его «Гурилевские романсы». Ирина Одоевцева. 10 февраля 1961 г. Ганьи»; «Портрет в рифмованной раме» (1976) с надписью: «Дорогому Владимиру Маркову, этот мой «Портрет в рифмованной раме». Его, прошу, примите, как Любви и уваженья знак. Ирина Одоевцева. 3/III/76» (Собрание Жоржа Шерона. Лос-Анджелес).

Георгия Иванова к Маркову и Гуло, а также писем Адамовича к Иванову и Одоевцевой.

Кому-то может показаться, что последний абзац немного противоречит всем остальным, поскольку в нем все опять сводится к жене поэта, а не самостоятельному литератору. Пусть даже и так... В конце концов, Георгий Иванов знал, на ком женился.

Письма сохранились в личном архиве В.Маркова и ныне переданы в Пушкинский Дом, за исключением одного, которое находится в собрании В.А.Петрицкого.

Одно письмо уже публиковалось в книге писем Георгия Иванова Маркову², другое – в приложениях к письмам Адамовича Одоевцевой³, третье – в каталоге собрания В.А.Петрицкого⁴. Но, тем не менее, все они воспроизводятся здесь, во-первых, для полноты комплекта, а во-вторых, поскольку изданная в Германии книга практически недоступна здешнему читателю.

Особенности авторского написания и словоупотребления по возможности сохранены (в частности, упорное Федрович вместо Федорович в отчестве Маркова), однако решено было взять в кавычки названия печатных органов и произведений и без оговорок исправить – впрямь многочисленные – опiski (Одоевцева недаром жаловалась на собственную неграмотность, в которой ее превосходил только Гумилев: «он был еще безграмотнее, чем я»), хотя, по сравнению с мужем, количество недописанных слов у нее минимально, попытка выделить все пропущенные буквы или знаки – значила бы испещрить текст бесчисленными угловыми скобками, превратив его в практически не читаемый.

Общезвестные для квалифицированного читателя имена (Гумилев, Хлебников, Цветаева и т.д.) не комментируются. Упомянутые в письмах факты, статьи или люди, о которых не удалось отыскать никаких сведений, специально не оговариваются.

² Georgij Ivanov/Irina Odojevceva. Briefe an Vladimir Markov 1955–1958 / Mit einer Einleitung herausgegeben von Hans Rothe. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1994. В.23-24 (далее: Briefe... 1955–1958, с указанием страниц).

³ Эпизод сорокалетиетней дружбы-вражды / Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову (1955–1958) / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С.500-501 (далее: Минувшее. Вып.21, с указанием страниц).

⁴ Петрицкий В.А. «Врезанные в память письма...»: Каталог собрания рукописных материалов XIX–XX веков. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1998. С.170-172.

1

1-го февраля 1956 г.
Beau Séjour
Nyères (Var)

Дорогой Владимир Федрович,

Мне уже очень давно хочется написать Вам – с лета появления в «Н<овом> ж<урнале>» «Гурилевских романсов»¹. Но добрыми желаниями ад вымощен, как Вам, автору «Ладь»², должно быть известно.

Я ограничилась тем, что в прошлом году передала Вам через Терапиано³ привет, утаенный им, по всей вероятности, – и еще упоминанием о Вас в «Русск<ой> мысли»⁴, которое, к моему запоздалому удовольствию, сумело до Вас добраться.

Но то, что я (т.е. мои стихи) стала (стали) яблоком раздора⁵ между Вами и Г<еоргием> В<ладимировичем>, и столь счастливо наладившаяся переписка могла из-за этого оборваться, меня не только огорчило, но и поразило.

Конечно, совсем не требуется, чтобы Вы восхищались моими стихами.

Но – посудите сами – Вы написали, что в эмигрантской поэзии имеется один Одарченко⁶ – чем, решительным росчерком пера, вычеркнули меня из нее, вспомнив все же, что еще обиднее, о моем существовании в качестве жены и как таковой удостоив меня поклоном.

Теперь, после получения письма с фотографиями, об этом можно было бы и не вспоминать, но я люблю ясность в отношениях и чувствах. Кстати, если Вам нравится моя «Офелия», в ней несноснейшая опечатка – вместо «В русалочьей постели» напечатано «В русалочной», чем испорчен для меня весь конец. Одно утешение, что почти никто ничего в стихах не понимает и никто этого не заметил.

Ну, вот. Довольно обо мне. Теперь о Вас. Спасибо за фотографии. Очень хорошо представлять себе того, кому пишешь. Не понравилось мне только ироническое «от полу-поэта» – колющее сразу и Вас, и «поэта Одоевцеву». Зато за собаку Фигу большое спасибо. Мы оба страстные обожатели собак и перезнакомились со всеми здешними собаками – собственных нет, к сожалению. Опишите, пожалуйста, всю Вашу собачью семью, сколько их, как зовут и каких пород и все их индивидуальные особенности⁷.

То, что мне очень понравились «Гурилевские романсы», Вы уже давно знаете. Но в противоположность Г<еоргию> В<ладимирови-

чу>, мне очень нравится Ваша «Аркадия»⁸ – не только «как», но и «что». Не только ее стиль, но и содержание – студенты, которые мне совсем понятны и не кажутся мне снобами – снобов и я терпеть не могу. Они именно такие, как мне хотелось бы. И Петербург, и любовь к нему Вы прекрасно передаете – сквозь это ясно просвечиваете и Вы сами. Я вижу Ваш двойник, идущий по Московской, по Кабинетской улице, по Разъезжей к Пяти углам, по Владимирскому проспекту. Там и я когда-то часто ходила. Напишите, где Вы жили и где была школа⁹. Думаю, что смогу вспомнить даже дома, ведь они, наверное, прежние. Я жила на Бассейной, 60, на Преображенской, 5 – совсем близко – жил Гумилев¹⁰, на той же Бассейной находился Дом литераторов¹¹, где мы ежедневно бывали; на Знаменской «Живое слово»¹², где я училась. Ваши студенты мало чем отличались от нас – только мне с самого начала посчастливилось попасть в среду «настоящих» писателей и поэтов – Гумилев, Лозинский, Чуковский, Шилейко, Замятин были моими учителями в Литературной студии¹³, на Литейном в доме Мурузи.

Но я отвлеклась. Продолжаю о Вас. Статья В<аша> о футуризме¹⁴ – я с ней и ее выводами согласна. Интересная и нужная статья. Совершенно верно – в России победил акмеизм – хотя лучше бы, по-моему, без его победы.

К Вашей «Ладе» отношусь холоднее. Дело тут, мне кажется, в неудачном размере. Трехстопный ямб слишком барабанно однообразен и – *a la longue*¹⁵ – утомителен. Очарователен конец – весь вздох «Лады» – и «страна моя Трансваль» отлично. Все до самой последней точки. Еще хороши две строфы – «Мы тут поем...» до «Быть может вспыхнет свет». Но все слишком – по-моему, конечно – длинно и слегка риторично. Хотелось бы мне тоже узнать, Мир выхолощенных душ – опечатка или нет? Я большой любитель перебора ритма и кубарем крутящихся рифм, но тут выхолощенных вместо холощенных как-то неоправданно останавливает внимание. И некоторые пятые строчки тоже.

Вы пишете, что Париж не любит нового. Любит, и еще как. Говорю за себя. Но в В<ашей> «Ладе» я, нарочно прочитав ее во второй раз, никак не смогла найти ничего нового, хотя она меня местами и трогает:

И стих
вдруг
написать бы,
Чтоб легче людям жить.

Поверила, что В<ам> это удастся. Не тот результат, на который Вы рассчитывали, а все же... я говорила Вам.

Но вот, что в Париже пишут короткие стихи оттого, что *mon verse est petit*¹⁶... Ведь это не о величине стихотворений, а дарования. И не совсем верно, что в Париже пишутся только короткие стихи.

Читали в «Н<овом> ж<урнале>» «Глюка» Корвина-Пиотровского?¹⁷ Другое дело, что лучше бы этого «Глюка» вовсе не было – но в длине ему не откажешь. И я тоже, к примеру, пишу стихи в 50 стр<ок>, хотя Гумилев учил, что больше 7 строф лирические стихи не выдерживают – превращаются в скуку¹⁸.

Видите, как я разговорила. Это оттого, что я часто думала о Вас и Вы уже с самых «Гурилевских романсов» участвуете в моих мыслях. А со времени В<ашего> первого письма вошли в наши разговоры с Г<еоргием> В<ладимировичем> и стали одной из наших повседневных тем.

Но пора кончать. Хочу только выяснить одно из моих «недоуменных недоумений» насчет Blake'a. Почему Вы называете его Блейком?¹⁹

Верю, конечно, что Вы превосходно владеете англ<ийским> языком. Но я и сама с трехлетнего возраста знаю его и даже Богу молилась по-английски. Одна из моих англичанок, «большая педагогичка», заметив мою склонность к поэзии, основательно познакомила меня с английскими поэтами, чересчур даже основательно – в 12 лет я читала Шекспира в подлиннике, что едва не помешало мне оценить его потом. Тогда же между всякими другими поэтами я познакомилась и с William'ом Blake'ом. Сейчас еще помню его:

Tiger, tiger burning bright
In the forests of the night...²⁰

которое я пела своей собаке, укладывая ее спать. (Собака была тигровым догом и так, без лишней фантазии, и называлась – Тигр – Tiger, не то что Ваш Фига). Помню еще, впервые пробудившее во мне чувство времени, вечности и бесконечности:

To see a world in a grain of sand
And a Heaven in a wild flower
Hold infinity in the palm of your hand
And Eternity in one hour.

Может быть, я и напутала «за гранью прежних лет». Но все же Вам должно стать ясно, что этот Blake для меня не незнакомец и что я тысячи раз произносила его имя – и всегда Блэк. Да и как могло быть иначе? Помню его книгу с его рисунками – не оригинал, не им

самим с помощью жены переплетенную с его собственноручно гра-
вированными рисунками – но все же старую, заслуженную. На ней
тоже стояло William Blake. А так как а читается э и ни в коем случае
не ей, то не понимаю, откуда мог взяться этот Блейк? В России,
правда, говорили и Эдгар Поэ и даже было собрание сочинений Ос-
кара Вильде²¹ – но это от незнания англ<ийского> языка. Сознаюсь,
я невежественна, как карп, но всегда с радостью пополняю свои
знания. Объясните, пожалуйста, отчего Блейк? Спорить не люблю,
люблю соглашаться, надеюсь, что Вы меня убедите.

Повторяю, я невежественна (даже, как видите, безграмотно пи-
шу), хотя все же «mon ignorance a quelques lacunes»²². Знаю я хорошо
и Рильке – читала в подлиннике. Люблю его стихи, прославленная
его проза, по-моему, скучна. Кстати, известно ли Вам, что у него
есть русские стихи – я читала только одно, где ночь и лошадь²³, –
тоже любитель животных. Самое замечательное в Рильке его смерть,
как по особому заказу для такого эстета. Впрочем, смерть самого
Гумилева не уступает ей – геройская, для посмертной славы.

Но Лермонтова Вам бы не следовало обижать. Мне жаль, что
Вы «можете без него жить», и не представляю себе, как Вам, автору
«Гур<илевских> романсов», это удастся.

Еще одно – Вы Г<еоргия> В<ладимировича> и меня считаете,
по-видимому, какими-то мафусаильными зубрами, погруженными в
«прекрасное прошлое», не способными разобраться в сегодняшнем
дне. Одним словом – «все в прошлом». Меня Вы даже заподозрили в
том, что поклон от человека, «не имевшего чести быть мне пред-
ставленным» (ведь так?), может меня оскорбить. Это меня и разве-
селило, и очаровало. Почувствовала себя прапрабабушкой в шелко-
вом кресле.

Но вот я как раз никогда не придавала ровно никакого значения
возрасту – мне всегда казалось не важным, сколько лет собеседнику.
Родятся или старыми, или молодыми, и часто 30-летний старше и
менее современен, чем 70-летний. Деление на наше и Ваше время
тоже не понимаю. «Наше время» для меня то, в котором я сейчас
живу, и делю я его и с Вами. Прошлое, даже мое собственное, уже
умерло. Не верю, что «прошлое пожирает настоящее»²⁴. Для меня
этим скорее занимается будущее.

Ну, до свидания. Конечно, не жду от Вас такого многоверстного
письма, но ответ все же необходим. Да и я никогда уже не буду пи-
сать так длинно – совсем не свойственно мне. Только для первого
раза.

Протягиваю Вам дружески руку через океан – как у Меримэ
или у Гофмана – выбирайте любого – дьявол через реку с огнем.

Но моя рука хочет только пожать Вашу и погладить нежно всех Ваших собак.

Искренно Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Будьте милым, Владимир Федрович, пришлите нам Ваши стихи, ведь наверно имеются у Вас, хотя и не для печати. Пожалуйста. И «Гурил<евские> романсы».

Отчество «поэта Одоевцевой» – Владимировна.

Пятно сделано Г<еоргием> В<ладимировичем>, решившим прибавить свое письмо к моему²⁵.

¹ Поэма В.Маркова «Гурилевские романсы» была опубликована в «Новом журнале» (1951. №25. С.88-120) и позже вышла отдельным изданием (Париж: Рифма, 1960); отрывки из нее также печатались в антологиях «На Западе» (Нью-Йорк, 1953. С.355-359) и «Муза диаспоры» (Франкфурт, 1960. С.215-218). Одоевцева хорошо отзывалась о «Гурилевских романсах» в письмах друзьям и позже, отвечая на вопрос интервьюера о новых талантливых произведениях, не преминула назвать «прелестную поэму Маркова». Маркову такое определение не очень понравилось, о чем он сообщил Д.Кленовскому, но тот в ответном письме 23 сентября 1954 года резонно рассудил: «Одоевцева, конечно, выразилась о Вашей поэме, как Вы верно заметили, “по-дамски”, (“прелестная поэма”), но не забудьте, что это интервью и слова ее, возможно, переданы не вполне точно, а кроме того следует вообще радоваться каждому приветливому слову, не разбираясь слишком строго в оттенках» (Собрание Жоржа Шерона).

² «Лада» – имеется в виду марковская «Поэма без названия» (Опыт. 1955. №4. С.6-20; в 1966 вошла в альманах «Содружество» под названием «Поэма про ад и рай»). Георгий Иванов считал, что «она не совсем “вытанцевалась”. Она длинна. Она ритмически вяла. Там я насчитал четыре прекрасные строфы <...> примесь сусального эпоса вносит неприятную слабость. Достаточно раз произнести “Лада”, чтобы потянулись за ней все лели и гусли-самогуды. Народный эпос вообще “дохлое место”, а русский в особенности» (Briefe...1955–1958. В.6). Позже Марков переработал поэму, сократив ее и озаглавив «Поэма про ад и рай» (Марков В. Поэзия и одностроки / Herausgegeben von Friedrich Scholz. München: Wilhelm Fink Verlag, 1983).

³ Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), поэт, критик, мемуарист, с февраля 1955 года жил в Ганьи, где близко подружился с Одоевцевой и много помогал ей. Подробнее о его взаимоотношениях с Одоевцевой и Марковым см.: «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда...» Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953–1966) / Публ. О.А.Коростелева и Ж.Шерона // Минувшее: Исторический альманах. Вып.24. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С.240-378 (далее: Минувшее. Вып. 24, с указанием страниц).

⁴ В своем интервью сотруднику «Русской мысли» Одоевцева высоко отозвалась о поэме Маркова «Гурилевские романсы» (В гостях у писателя. К вечеру Ирины Одоевцевой // Русская мысль. 1954. 30 июля. № 674. С.4).

⁵ 29 декабря 1955 года Георгий Иванов писал Маркову: «Вы передаете привет моей “жене”. С “женой” моей Вы незнакомы и никаких оснований ей, как таковой, кланяться у Вас нет. Очевидно, это в ответ на переданный поэту Маркову привет поэта Одоевцевой. И выходит, что Вы поэта Одоевцеву игнорируете, как и заодно всех эмигрантских поэтов – исключая Одарченки» (Btife... 1955–1958 В.7-8).

⁶ Юрий Павлович Одарченко (1903–1960) – эмигрантский поэт, которого называли одним из немногих русских сюрреалистов. Начал печататься в зрелом возрасте, уже после войны, впоследствии покончил с собой. Марков, будучи приверженцем футуризма, отзывался о творчестве Одарченко высоко.

⁷ В разные годы Марковы держали от одной до трех собак (в общей сложности их было девять). Сейчас в доме собак нет, зато живут тринадцать кошек и черепаха Машка.

⁸ Имеются в виду воспоминания Маркова о студенческих годах в советском Ленинграде «Et ego in Arcadia» (Новый журнал. 1955. № 42. С.164-187).

⁹ Школа, в которой учился Марков в Ленинграде, находилась на улице Социалистической (бывшей Ивановской). До революции это была 1-я СПб. гимназия, которую, в частности, окончил Адамович.

¹⁰ Гумилев с семьей жил на Преображенской, 5/12 (позже носила название улицы Радищева) с весны 1919 до осени 1920 года.

¹¹ Дом литераторов существовал с 1 декабря 1918 по 3 ноября 1922 года, располагаясь на углу Бассейной и Эртелева пер., 11/17. Подробнее о нем см.: Мартынов И.Ф., Клейн Т.П. К истории литературных объединений первых лет советской власти. 1918–1922 // Русская литература. 1971. №1. С.133.

¹² Институт живого слова основал В.Н.Всеволодский-Гернгросс в 1918 году. Первоначально лекции проходили в Тенишевском училище, затем в здании Павловского института на Знаменской улице. Рассказом о нем открывались воспоминания «На берегах Сены». См.: Одоевцева И. Избранное. М.: Согласие, 1998. С.199-223.

¹³ Литературная студия издательства «Всемирная литература» просуществовала с 1919 по 1923 год под общим руководством К.И.Чуковского, располагаясь в доме Мурузи по адресу Литейный, 24. Одоевцева с большой теплотой вспоминала о студии в своей книге «На берегах Сены»: Одоевцева И. Избранное. Указ. изд. С.223-238.

¹⁴ В статье «Мысли о русском футуризме» В.Марков выражал сожаление, что в русской поэзии возобладала традиция акмеизма, в то время как идеи и прием футуристов остались невостребованными. Он находил, что «футуризм шире и глубже, чем его обыкновенно понимают <...> Акмеизм недостаточно творчески, неполно и прозаично оттолкнулся от символизма. За акмеизмом не было настоящей идеи, а была невнятная тенденция к ре-

ставраторству, что и позволяет его легко ассимилировать массам и второстепенным поэтам <...> В эмиграции акмеизм победил, потому что не было футуризма; в СССР акмеизм победил, потому что футуризм был задушен. Но это не победа поэзии» (Новый журнал. 1954. №38. С.181).

¹⁵ в конце концов (фр.).

¹⁶ мой стих мал (фр.).

¹⁷ Имеется в виду «драматическая поэма» Владимира Львовича Корвина-Пиотровского (1891–1966) «Бродяга Глюк» (Новый журнал. 1953. №32. С.117-125).

¹⁸ Ср. рассуждения Эйхенбаума о стремлении современного стиха ко все большему лаконизму. По его мнению, уже в начале двадцатых годов стихотворение, содержащее более пяти строф, казалось длинным: Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова: Опыт анализа. // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С.89.

¹⁹ Георгий Иванов 29 декабря 1955 года писал Маркову о том же: «К Вашему сведению – Blake – произносится Блэк, а отнюдь не Блейк» (Вгriefe... 1955–1958. В.7). Написание Блэк в дореволюционной печати, а также в эмигрантской встречалось довольно часто, например, в считавшемся законодателем вкуса парижском «Звене», где сотрудничали Георгий Иванов и Одоевцева, как в хронике, так и в статьях К.Мочульского и В.Вейдле, употреблялась исключительно эта форма.

²⁰ Из стихотворения Уильяма Блейка «Тигр». В переводе С.Степанова: «Тигр, о Тигр, в крошечный мрак / Огненный вперивший зрак...».

²¹ До революции такое написание фамилии Оскара Уайльда встречалось довольно часто. См., например: Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. Т.1 (дополнительный). СПб., 1905. С.421.

²² мое невежество имеет свои пределы (фр.).

²³ Вероятно, имеется в виду стихотворение Рильке «Пожар» («Белая усадьба спала, да телега уехала...») (1900).

²⁴ Афоризм принадлежит Анри Бергсону, многие идеи которого были весьма популярны в акмеистской среде, а позже в кругу поэтов «парижской ноты».

²⁵ В конверт было вложено также письмо Георгия Иванова, датированное 2 февраля 1956 г. (Письмо №4 в публикации Ганса Роте).

Дорогой Владимир Федрович,

Только приписка к письму Г<еоргия> В<ладимировича> и благодарность за собачьи портреты. Завидую Вам – до чего они все очаровательны. Когда-то и у меня была целая собачья семья. А теперь, как

У Петра Великого
Нет на свете никого,
Только лошадь и змея,
Вот и вся его семья¹.

Но у меня – увы! увы! даже и змеи собственной нет, не говоря уж о лошади.

Но вот чего я не знала. Вы пишете «моя теща» и «мы» – значит, у Вас есть жена?² Пожалуйста, передайте ей от меня сердечный привет и – если она разрешит – напишите мне о ней.

Теперь, чтобы раз навсегда покончить с Вlak'ом. Правы Вы, а не я. Сознаюсь, что почему-то казалось, что Вы пишете не Блейк, а Бляйк, Вернее, я почему-то Ваш Блейк воспринимала, как Blike, и только рассуждение о длинном a и дифтонгах – с ними я ведь тоже в свое время слегка познакомилась, хотя по-английски, как и по-русски, по-французски и по-немецки говорю по слуху – выяснило мне мою ошибку, вернее, что я почему-то считала, что Вы говорите Бляйк. Все-таки считаю правильное классическое начертание Блэк, как и Шекспир – привычнее. К чему тут «революционность» и «смущение умов»?

За стихи Ваши пребольшое спасибо. «Гурилевские романсы» меня так же восхитили, как и в первый раз. Единственные две строки, которые я бы переделала:

... в берете синем
С красной розою в петлице.

«Синяя роза» чересчур искусственна и выпадает из прелестной ткани поэмы. Но это пустяк. А кроме того – одни комплименты и поздравления.

«Стихи»³ с поэмой, конечно, ни в какое сравнение не идут. Но и в них мне многое понравилось – по содержанию. Жаль, что они «мало звучат» и ритмически слегка скучноваты, хотя и тут есть находки. Но вот что в моем стихотворении Вы нашли цветаевские интонации – это, простите, удивительно.

Глазы – Северянина. «О, поверни на речку глаза, я не хочу сказать глаза».

До свидания. Пишите скорей и больше.

¹ Одоевцева неточно цитирует частушку из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, сочиненную и подаренную им поэтом и сценаристом М.Д.Вольпиным (1902–1988). У Вольпина: «У Петра Великого / Близких нету никого...».

² Жена Маркова Лидия Ивановна Яковлева в конце 30-х годов была актрисой Александринского театра в Ленинграде, затем в эмиграции пыталась сделать актерскую карьеру в Голливуде.

³ Имеется в виду первый сборник Маркова «Стихи» (Регенсбург: Эхо, 1947).

3

18-го марта 1956 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за секретное сообщение о Вашей жене. Сочувствую ей всем сердцем и очень надеюсь, что она достигнет успеха в Голливуде. Может быть, и мне удастся увидеть ее на экране. Ведь в жизни все и страшно трудно, и изумительно легко, вернее, то, что было вчера, становится сегодня легче легкого – и наоборот, к сожалению. Но я верю, что пожелание удачи очень помогает.

Вот что она не любит Ваших стихов – жаль. Но, конечно, она права – выгоднее во всех отношениях писать не по-русски. Я этому следовала всего один раз: когда написала «Laisse toute Espérance»¹, вышедшую потом у Чехова – «Оставь надежду». Читали Вы? И если да, то что думаете о нем?

Писала прежде по-русски оттого что

В дар дал нам Бог родной язык –
Моя очередь спросить – чье это?

Я знаю Радлову² и ее мужа³, хотя не видела их с Петербурга и вряд ли даже узнала бы их. Какие они теперь?⁴ И все ли она восхищается собственной красотой? Кстати, знаете ли Вы, что это ему Ахматова посвятила, или, вернее, это о нем – «я не знала, как хрупко горло под синим воротником»?⁵ Впрочем, шея у него была скорее бычья, за что Ахматова и влюбилась в него – без взаимности. В нее же в это время был влюблен брат Радлова, Николай Эрнестович⁶. По настоящему очаровательный и с хрупкой шеей. Ну, вот я и посплетничала.

А теперь у меня к Вам и просьба, и секрет. Если Вам действительно не трудно, пришлите Г<еоргию> В<ладимировичу> еще Ледерплак⁷. Здесь не достать, а ему необходимо. Он запретил мне писать Вам об этом. Не выдавайте меня – будто от себя. «Мы, советские, злые и материалистичные». Пardon, не верю! В особенности после письменного знакомства с Вами.

Кончаю, не оттого, что мне хочется, а оттого, что надо отправлять письмо, вместе с письмом Г<еоргия> В<ладимировича> – он торопится на почту и не согласен ждать.

Сердечный привет Вашей собачьей семье. Пишите мне в следующий раз побольше – покажите «ширину русской души», а то если так продолжать, дойдем до поклонов через Г<еоргия> В<ладимировича>, что меня совсем огорчит.

И.О.

¹ Роман Одоевцевой «Оставь надежду навсегда» первоначально был опубликован в ее собственном французском переводе: «Laisse toute Espérance» (Paris, 1948). На следующий год роман вышел на английском – «All Hope Abandon» (New York, 1949; F.Reed, tr.) и испанском «Abandona toda esperanza» (Barcelona, 1949; Luis de Caralt, tr.); отдельное издание на русском языке появилось гораздо позже (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954).

² Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова; 1891–1949) – поэтесса, жена С.Э.Радлова (с 1914). Ахматова отзывалась о Радловой недружелюбно, см: Лукницкий П.Н. Асшiana: Встречи с Анной Ахматовой. Paris, 1991. Т.1. С.59-60. Причина тому: «Еще в начале 1920-х в литературной среде возникло ощущение соперничества двух Анн: Радловой и Ахматовой, отчасти спровоцированное дискуссией в прессе, но обусловленное в основном личными мотивами» (Радлова А. Путешествие по Франции. 1925 / Публ. К.Н.Левиной и А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С.535). Способствовал этому, в частности, М.Кузмин, в своих статьях и рецензиях расточая творчеству Радловой непомерно высокие оценки. Адамович, печатно удивившийся этому (Адамович Г. Недоумения М.Кузмина. По поводу заметки «Крылатый гость, гербарий и экзамен» // Жизнь искусства. 1922. 1–7 августа. №30(853). С.3), получил отповедь Кузмина. В передаче Ю.Иваска рассказ Адамовича об этом выглядит так: «Помните Анну Радлову? Ее сборник “Корабль”. Слабый поэт. Но ее жаловал Кузмин, и я его за это укорял. Михаил Алексеевич посмотрел на меня и отрезал: – А вы, Адамович, дурак! Это было перед самым моим отъездом из России. Г.В. весело смеется: – Заслужил дурака... Не понял, что Кузмина и Радлову связывали какие-то дела – издательские, коммерческие» (Иваск Ю. Разговоры с Адамовичем: 1958–1971 // Новый журнал. 1979. №134. С.98). В этой своей догадке Адамович не ошибся – Радлова входила в околокузминскую группу эмоционалистов, в 1922–1923 годах совместно с Кузминым редактировала «Абраксас», и, судя по всему, была для Кузмина просто «нужным человеком». Спустя полтора месяца после заметки Адамовича, 21 сентября 1922 года Кузмин записал в дневнике: «Кто остается? только Радлова, но я не знаю, не партийная ли скорее это привязанность, чем дружба» (Тимофеев А.Г. Михаил Кузмин и издательство «Петрополис» // Русская литература. 1991. №1. С.94).

³ Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958) – режиссер, создатель Театра народной комедии.

⁴ Марков встречался с Радловыми в Берлине в 1945 году. О пребывании Радловых в Германии во время войны см.: Гайдабура В. «Так расскажи правдиво...» // Советская культура. 1989. 22 августа.

⁵ Из стихотворения Ахматовой «Высокие своды костела...» (1913), впервые опубликованного в «Четках» (СПб.: Гиперборей, 1914. С.36-37) без всякого посвящения. М.М.Крапин высказывал предположение, что темой стихотворения послужило самоубийство влюбленного в Ахматову Михаила Александровича Линдеберга (1891–1911). К этому предположению присоединяется и Н.В.Королева, считая, что, «возможно, Ахматова вспомнила о нем в связи с известием о самоубийстве В.Г.Князева» (Ахматова А. Собрание сочинений в шести томах. М: Эллис Лак, 1998. Т.1. С.756).

⁶ Николай Эрнестович Радлов (1889–1942) – художник, до революции сотрудник «Аполлона».

⁷ «Lederplex» – витаминизированное лекарство для улучшения работы кровеносных сосудов.

4

27-го октября <1956 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо пришло как раз, когда я сама собиралась писать Вам по поручению Г<еоргия> В<ладимировича>. Он, не получая от Вас ответа, заскучал. Теперь выяснилось, что Вы его письма не получили, непонятно почему.

Как Вы знаете, он болен и пишет редко и с трудом. Так что жаль, что письмо пропало.

Восстанавливаю его в главном – благодарность за полученные деньги Вам и всем участникам. Благодарность за Lederplex, тоже дошедший. И дальше «о вечности, о подвиге, о славе»¹ и прочих пустяках. Впрочем, у Блока, кажется, «о доблести», но вечность служит фоном грустному существованию Г<еоргия> В<ладимировича>.

Стихи Моршена², к сожалению, не понравились ни Г<еоргию> В<ладимировичу>, ни мне. Одних высоких чувств мало, а как стихи они совсем слабы. Прежде были гораздо лучше – и старые совсем, про тюленя³, и потом в «Нов<ом> журнале» – «пойдем, пойдем, ангел милый», и еще много других⁴. Ужасная штука эта «геданкен-лирик»⁵, до чего губительная.

Теперь совсем о другом – Вы так и не написали, получила ли Ваша жена роль в «Zauberberg'e»⁶ и как ее дела в Холливуде. Меня это очень интересует.

А Г<еоргий> В<ладимирович> просит писать ему почаще, он чрезвычайно Вас полюбил, и письма Ваши для него радость. Ценит он очень мало кого, а Вас очень. Живется ему сейчас скучно. Пишите и присылайте новые стихи. Пишите побольше о себе.

Могу себе представить, как невесело зубрить польский язык! Разве нельзя было без этого? И долго это будет продолжаться?

Витамины Г<еоргий> В<ладимирович> все съел – Вы правильно рассчитали. Если совсем не трудно, пришлите. Но если трудно – не надо. Но пишите непременно.

Г<еоргий> В<ладимирович> шлет низкий поклон, а я сердечный привет.

<На полях:> Как-нибудь соберусь и напишу Вам о В<ашем> «Моцарт»⁷. Очень мне понравился – как и почему и за и против.

¹ Измененная строка стихотворения Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908) из цикла «Возмездие» (1908–1913).

² Николай Николаевич Моршен (наст. фам. Марченко; р.1917) с 1948 года публиковал в эмиграции стихи, преимущественно в «Границах» и в «Новом журнале». Здесь речь идет о небольшой подборке «Стихи 1954 года», опубликованной в «Новом журнале» (1955, №42, С.104-107).

³ Стихотворение «Тюлень» (1949) впервые было опубликовано в составе большой подборки стихов Моршена в журнале «Грани» (1950, №8, С.106). Позже Моршен назвал свою первую книгу «Тюлень: Стихи» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959); предисловие к ней написал Марков.

⁴ Моршен стал постоянным автором «Нового журнала» с 21 номера, и опубликовал там в общей сложности около сотни стихотворений.

⁵ философская лирика (нем.).

⁶ Волшебная гора (нем.). Этот проект осуществлен не был.

⁷ Статья Маркова «Моцарт» была опубликована в «Новом журнале» (1956, №44, С.88-113).

30-го ноября <1956 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Шлем Вам запоздалую, но горячую благодарность за Lederplex. Дошел благополучно и без пошрины.

Я не ответила Вам сразу оттого что Г<еоргий> В<ладимирович> хотел написать сам. Он принимался раза три за письмо, но оно

все еще не кончено, и я, наконец, решила проявить несвойственную мне самостоятельность и послать мое письмо отдельно.

Мне хочется сказать Вам очень много приятного – mille choses¹. Вы мне, действительно, кажется ужасно, до странности, милым. И до чего непохожим на человека «оттуда»². Впрочем, я может быть сужу о людях «оттуда» как девочка в анекдоте: «Я видела льва, но он не похож». И Вы лев, как все остальные львы, только с индивидуальными особенностями. И все же кормление мышей, хозяйничающих в рояле, меня поразило и даже растрогало. Мы, эмигранты, много черствее и грубее. Мышей ловим ломающими им шею мышеловками, предательски соблазняя, а не кормя их, кусочком колбасы или сыра.

У нас здесь немало сентиментальных женщин, собирающих остатки еды для бродячих кошек. И даже это кормление кошек возмущает бессердечных русских: «Перестрелять бы проклятых котов!»

Удивило меня тоже, но уже иначе, то что у Вас из-за собак не желают жить кошки. Мне казалось, что это только у нас в России кошки враждуют с собаками, а в культурных странах прекрасно уживаются и даже дружат. Здесь во Франции, по крайней мере, поговорка «comme chien et chat»³ может служить примером, что поговорки врут.

Раз я так расписалась о зверях, хочется мне узнать еще, как Вы назовете рождественского медведя. И какой он величины.

Надеюсь, что Ваша жена скоро получит роль. Но я не поняла, идет ли речь о «Zauberberg'e» или другом фильме. Желаю ей удачи.

Мы сейчас страшно мерзнем на нашем «благословенном юге». Зима необычайно холодная, а мазута для топлива нет. Г<еоргий> В<ладимирович>, к довершению всех своих хворей, еще и простудился и отчаянно кашляет. Но все же скоро напишет Вам – обещает.

Появятся ли отрывки из Вашей юношеской поэмы в «Опытах»?⁴ Мы, уже много недель назад, очень рекомендовали ее Иваску⁵. Но это такой критик, что с ним трудно иметь дело. Притом он Вас, наверное, побаивается после Вашего выступления в «Опытах»⁶.

Как идет Ваше учение? Никак только не могу понять, на что Вам в Америке польский язык⁷. Разве Вы собираетесь его преподавать? И где и кому? Учиться польскому языку, должно быть, нелегко и довольно скучно – ничего нового он Вам не дает.

Писал ли Вам Струве⁸ по поводу ругани с Гулем?⁹ И как Вы находите стиль Струве, книгу его Вы, я знаю, цените¹⁰. Но стиль?

Ну, вот и все на сегодня. Пожалуйста, продолжайте, или – вернее – начните снова писать стихи. Очень, очень и очень жаль, если

Вы будете и дальше упорствовать в «неписании» и считать себя не-поэтом. Ведь вся наша с Г<еоргием> В<ладимировичем> дружба к Вам пошла с «Гурилевских романсов». С поэтом. А с не-поэтом, зная Вас за поэта, как нам быть? Пожалейте нас – и раз Вы сейчас в польской стихии – «Восстань и вспомни, Сам ты Бог!»

С самым сердечным приветом

И.О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вам сердечно кланяется. И по поклону от меня всем членам Вашего семейства. Особенно глубокий В<ашей> жене.

¹ тысячу вещей (*фр.*).

² Различия в мироощущении и поведении двух поколений эмиграции – дипийцев и эмигрантов первой волны – общее место послевоенных размышлений публицистов. См., например, публицистические статьи Георгия Адамовича пятидесятых–шестидесятых годов или попытки Ю. Терапиано объяснить В.Маркову сходство и отличия двух поколений (Минувшее. Вып.24. С.240-378).

³ как кошка с собакой (*фр.*).

⁴ После «Поэмы без названия» (Опыты. 1955. №4. С.6-20) другие стихи Маркова в «Опытках» не появлялись.

⁵ Юрий Павлович Иваск (1907-1986), в то время редактор «Опытов», вел обильную переписку как с Марковым, так и с Одоевцевой и Георгием Ивановым (не опубликована), напечатал положительные рецензии на составленную Марковым антологию «Приглушенные голоса» (Опыты. 1953. №1. С.199-202), а также его книги «Гурилевские романсы» (Опыты. 1959. №9. С.114-116. Подп.: Ю.И.), «The longer poems of Velimir Khlebnikov» (Новый журнал. 1965. №81), «Russian futurism: a history» (Новый журнал. 1969. №96).

⁶ Имеется в виду статья Маркова «Заметки на полях», в которой, помимо прочего, содержалось резкое суждение, вызвавшее бурю отрицательных откликов: «Глава о Чернышевском в “Даре” Набокова – роскошь! Пусть это несправедливо, но все заждались хорошей оплеухи “общественной России”» (Опыты. 1956. №6. С.65). В отдельных кругах старой эмиграции статья была воспринята как «пощечина общественному вкусу».

⁷ Экзамены на получение Phd (докторской степени) на славистских кафедрах американских университетов включают, помимо основного, дополнительный славянский язык, по усмотрению аспиранта; русисты чаще всего выбирают польский.

⁸ Глеб Петрович Струве долгое время вел с Марковым оживленную переписку. Фрагменты ее см: «Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.118-152.

⁹ Статья Р. Гуля о книге Г. Струве «Русская литература в изгнании» была разгромной: «Недостатки ее настолько велики, что от положительной оценки книги приходится воздержаться <...> его регистрационная работа пестрит такой непонятной неполнотой и неряшливостью (я настаиваю именно на этом слове), что цена ей становится невелика <...> от книги создается впечатление какого-то первозданного хаоса, из чего не родится ни инвентарь, ни тем более литературная критика. Самый же тяжкий недостаток книги – в ее плохом русском языке и невозможном стиле <...> Для людей, проводивших в эмиграции без малого сорок лет и знающих ее литературу и журналистику, эта книга – кривое и тусклое зеркало» (Гуль Роман. О книге Глеба Струве // Новое русское слово. 1956. 23 сентября. №15793. С.8). В ответ Струве упрекнул Гуля в недобросовестных критических приемах, заявив, что тот в качестве не упомянутых в книге лиц перечислял эмигрантов второй волны либо общественных деятелей, в то время как книга посвящена только литературе, причем преимущественно первой волны (Струве Г. «Pro domo mea (Ответ Р.Б. Гулю)» // Новое русское слово. 1956. 7 октября. №15807. С.7). Причину этого столкновения на свой лад объяснил Маркову Кленовский в письме от 6 октября 1956 года: «Глеб Струве, судя по его письмам, тоже сильно уязвлен отзывом Гуля о его книге <...> Сразу же в глаза бросается общий злобный и враждебный ее тон. Несомненна ее “мстительная” подоплека, вызванная тем, что Г.С<труве> вспомнил в своей книге сменовеховское прошлое Гуля, о котором он предпочитает не вспоминать» (Собрание Жоржа Шерона).

¹⁰ Ознакомившись с книгой «Русская литература в изгнании», Марков писал Глебу Струве 22 июня 1956 года: «То, что Вы пишете обо мне – лестно <...> конечно, нашел вещи, с которыми не согласен. Я, например, во много раз больше ценю Иванова, чем Вы; не считаю набоковское “Каким бы полотном...” стихотворением удачным ни с какой стороны, но это все мелочи» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

6

<14 января 1957 г.>

С Новым годом!

Дорогой Владимир Федрович,

Желаем Вам и всему Вашему семейству всяческого благополучия и удачи во всем в 1957 году.

Я не смогла Вам ответить сразу, так как ужасно простудилась в нашем нетопленном доме и пролежала две недели. Думали, что начинается воспаление легких, но впрыскивания инсулина прекратили его. И вот в первый день нового года – по старому стилю – я настолько поправилась, что могу поздравить Вас.

Но Вы, должно быть, не празднуете старо-стильного Нового года. Это только мы, зубры-эмигранты. Впрочем, я так люблю праздники, что готова праздновать любые и всегда справляю именины на Антона и на Ануфрия, не только свои, но и всех близких.

Вы ошибаетесь, Г<еоргий> В<ладимирович> не не хочет, а не может Вам написать. Он очень даже хотел бы – Вам, как никому другому, т.к. он полн к Вам не только дружбы, но и нежности, совсем не свойственной ему. Но у него от малейшего усилия, просто от того, что он садится за стол и берет перо в руку, начинает болеть голова.

За короткое письмо он платит бессонной ночью, а это, конечно, несоразмерная плата. Все же он почти каждый день говорит – сегодня непременно напишу Маркову. Ваши письма он читает по нескольку раз. Так что продолжайте, пожалуйста, писать ему. И мне тоже, пожалуйста.

Насчет мышей. Убивать живое существо, какое бы оно ни было, конечно, тяжело. Я люблю «жизнь, которая хочет жить». Но чтобы человека было легче убить, чем животное – пардон, не верю. И много ли, позвольте узнать, Вы этих самых человек ликвидировали?

Про себя могу сказать: «Благодарю тебя, Господи, что я никого не убила и никого не родила»¹. Это я считаю единственным подарком моей судьбы. Ни в увеличении, ни в сокращении человеческого рода участия не принимала.

А в том, что мы с Вами были бы совсем такими же, как сейчас, несмотря на какие угодно жизненные условия, я с Вами совершенно согласна. Несмотря на Бэконо-Марксово «Бытие оправдывает сознание»² – далеко не для всех оно. И не для нас.

О Ваших стихах больше спорить не будем. Я искренно хотела Вас заставить заняться ими снова. Конечно, не из одного только эгоизма читательского, а и из любви к поэзии. Но ничего. Если Вам суждено писать, Вы не сможете не писать, как бы ни уговаривали себя. Придет Ваше время. Пока же ходите под паром. Поэтом Вы быть не перестанете. Никогда.

А насчет того, что вас печатно никто не защитил³ – никто никого вообще не защищает. Не в писательских это нравах. Вот лягнуть по дороге – другое дело.

Еще – о Вашем желании прислать нам теплые вещи. Ну до чего Вы милый и – не обижайтесь – добрый. До чего, до чего! Я очень, очень Вам благодарна, но, право, не надо. И так уж мы пользуемся Вашим Lederplex'ом. Он Вам, знаю, дается нелегко. Но он чрезвычайно нужен Г<еоргию> В<ладимировичу>, т.ч. от него и впредь не отказываюсь. А без теплых вещей обойдемся – решительно.

Еще раз желаю Вам всего всего хорошего и приятной зубристики. Я бы сама с удовольствием засела за школьную парту – люблю учиться. Так пишите Г<еоргио> В<ладимировичу>, пожалуйста.

Ваша

И.Одоевцева

¹ Молитва Августина Блаженного (354-450).

² У Маркса: «Бытие определяет сознание».

³ Имеется в виду скандал, вызванный «оплеухой российской общест-венности» (Марков В. Заметки на полях // Опыты. 1956. №6. С.62-66). Под-робнее о нем см. в переписке Маркова с Вишняком.

7

Все тот же
Beau Séjour
Hyères (Var)
21-го марта <1957 г.>

Милый Владимир Федрович,

Большое спасибо за Lederplex и за интернациональный чек. Но зачем? Зачем? Не надо было чекиться, а то нам неловко, даже очень – разоряем Вас.

Теперь о Вас – поздравление с Вейдле¹. Вы писали – и я соглашалась с Вами, что никто ни о ком ничего, кроме обидного. А вот вышло совсем наоборот, и я страшно рада этому. Вейдле не склонен ни к комплиентам, ни к преувеличениям. И что старик Державин Вас отметил, по-настоящему хорошо. Победа, торжество. Признание. Так и отнеситесь к этому, не преуменьшая факта. Важнее ругани Адамовича², гораздо важнее.

Пожалуйста, радуйтесь и длительно вспоминайте почаще слова ученой крысы и выданный ей Вам аттестат на первородство.

Что Вам сказать о нас? Г<еоргий> В<ладимирович> все хворает. Ему было еще хуже, чем обычно, прошлую неделю, но Ваш Lederplex ему очень помогает. Еще раз спасибо.

Он все собирается Вам написать сам, и я, зная, что его письма для Вас несравненно приятнее моих (без всякой обиды, Вы ведь только рикошетом мой друг, я тут, редкий случай, играю роль жены, а не самостоятельную), все поджидала, когда он наконец решится. Но довольно, больше не могу ждать. А то вы действительно подумаете Бог знает что о Г<еоргии> В<ладимировиче>.

Впрочем, нет. Знаю, что не подумаете ничего плохого. И все поймете правильно. Уж Вы такой.

Если бы Вы знали, как мы оба жалеем, что не знакомы с Вами иначе как письменно и вряд ли когда-нибудь встретимся. «Проклятая география!» А также мучительная проблема времени и пространства. И все же, разве можно знать, а вдруг все-таки встретимся. Знаю, что я ничего не знаю, и то не уверена. Но при моем оптимистическом мировоззрении даже эта неуверенность во всем играет радужными цветами. Одним словом –

Тот, кто в жизни не уверен,
Есть уже поэт³,

как сказал – до чего тонко! – поэт Амари, муж М.С.Цетлиной⁴. Читали ли Вы его переводы Ек. Браунинг?⁵ До нас еще не дошли – но сомневаюсь, что хорошо, несмотря на восторги критики. А он сам был очень мил⁶ – «поколение» Вам не известно.

Мне очень нравится Ваш Фига. Я его даже раз во сне видела. И, представьте, во сне он меня тоже приветствовал пронзительным визгом и прыжками.

Что бы это могло означать? Кстати, интересуетесь ли Вы психоанализом? Я да. И даже на себе испытала однажды его действие. Я вообще очень люблю разговаривать со всякими психиатрами. Очень поучительно для нас, писателей.

Как идет Ваше учение? И как Вы чувствуете себя среди настоящих молодых студентов? Отталкивание или притяжение? Американских студентов (военного времени) я знаю – я сидела с ними на одной скамье в Биаррицком университете⁷ и отлично с ними дружила. Но это были все же не настоящие студенты, игравшие в занятия в чужой стране. У Вас они, должно быть, совсем иные. Думаю все же, что это довольно забавно, хотя и утомительно.

Есть ли у Вас новые стихи? Если да – пришлите. Я уже больше года не сочинила ни одного. Но надеюсь, что это еще не значит «Умерла моя муза».

Зато пишу по-французски роман⁸. Приятнее, конечно, по-русски! Но что с ним делать? Нет ни одного издателя. Эмиграция умирает. Или уже умерла. Осталось только несколько полу-покойников. До чего жаль Алданова!⁹ При жизни я его недооценивала. А теперь вижу, что была неправa. Не надо судить, нельзя осуждать – за пустяки. Но главное в человеке открывается часто только после смерти. К сожалению. Потому я так рада, что Вас мы оба приняли в сердце без всяких «но» и ничего нам не мешает любить Вас. Всего наилучшего.

Ваша И.Одоевцева

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вас письменно целует и может быть – до чего пример заразителен – напишет сам. Но какую я чепуху посылаю Вам. Tant pis¹⁰ – посылаю, а то не будет письма.

¹ В своей статье «О спорном и бесспорном» Вейдле посвятил Маркову большой и уважительный пассаж, начинавшийся словами: «Самым талантливым в эмиграции среди наиболее (но все же относительно) молодых представляется мне В.Ф.Марков» (Опыт. 1956. №7. С.42).

² О значении критических отзывов Адамовича для литературного веса Маркову 17 июля 1954 года писал Д.Кленовский: «Вы интересуетесь моим мнением о статье Адамовича? Можно по разному относиться к этому последнему, но, как никак, он – “генерал” от эмигрантской критики, мнение его (нередко спорное) имеет вес, он создает репутацию поэтам, и все они с замиранием сердца смотрят ему в рот (мне рассказывали, что Иг.Чиннов считал для себя мнение Адамовича вроде того что вопросом жизни или смерти). Вот почему положительный отзыв Адамовича всегда успех» (Собрание Жоржа Шерона). Еще раньше, 31 августа 1950 года, о том же Маркову писал Ю.Иваск: «Париж же до сих пор остается столицей эмигрантской литературы <...> там вкус. Главное же – там еще и чуткость: и не только у Адамовича <...> И Вы, и Моршен, конечно, начнете после парижского признания. Разве это так обидно?» (Собрание Жоржа Шерона).

У Маркова, в отличие от Чиннова, с Адамовичем взаимопонимания не получилось. Двусмысленные полушпилилки-полукомплименты, для Адамовича естественные, Маркова очень сильно задели. Рецензируя антологию «На Западе», Адамович писал: «Обратить внимание на В.Маркова было бы необходимо. Есть в его “Турилевских романах” что-то несомненно “свое”, бесспорно подлинное, еще неясное, то вспыхивающее, то гаснущее, но явно отвечающее тому, что отличает поэта от рядового стихотворца. Стихи малоотчетливые, сплошной туман, марево, а то даже и сон: где кончается реальность, где начинается видение – проследить не легко. Но это стихи не выдуманные, не сфабрикованные, а как будто сами собой возникшие, и это-то в них и прельщает. Это-то и внушает надежду, что Марков в нашей поэзии – не “гость случайный”, а человек, который должен бы оставить в ней какой-то след» (Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 1954. 6 июня. №15380. С.8). Позже Адамович вернулся к этой теме, рецензируя четвертый номер журнала «Опыт»: «Поэма Маркова – вещь сама по себе для “Опытов” не столь характерная, но достойная того, чтобы на ней остановиться. В ней есть кое-что от Хлебникова и довольно много от Агнивцева или другого поставщика стихотворных лубков. Дисгармония стилей мучительна, а все таки настоящее дарование дает себя знать повсюду, даже и в срывах. Так сквозь неудавшийся снимок догадываешься иногда о прелести отраженного в нем лица: смотришь, морщишься и лобуешься» (Адамович Г. Несколько слов о журнале «Опыт» // Новое русское слово. 1955. 19 июня. №15758. С.8). Примерно так же Адамович отзывался и о статьях

Маркова: «“Заметки на полях” В.Маркова меня озадачили. Из авторов, появившихся в нашей печати после войны, это один из тех, с которым связаны большие надежды. Но до чего он боек, небрежно поверхностен, многословен, с налетом “легкости в мыслях необыкновенной”! В его коротеньких заметках кое-что остроумно. Удивляет, однако, самая мысль эти заметки представить на суд читателей: это будто крохи с некоего роскошного стола. А в данном случае никакого стола еще нет» (Адамович Г. «Опыт» // Новое русское слово. 1956. 3 июня. №15681. С.8).

³ Заклочительные строки стихотворения Михаила Осиповича Цетлина (псевд.: Амари; 1882–1976) «Жадно пей, полней и слаще...» (Современные записки. 1927. № 32. С.141), вошедшие в цикл «Vita sompni».

⁴ Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882-1976) – хозяйка литературного салона в Москве с лета 1917 до осени 1918, затем в Париже до Второй мировой войны, позже в Нью-Йорке принимала участие в организации и издании «Нового журнала».

⁵ Книга стихов Екатерины Браунинг «Португальские сонеты» вышла в переводе М.Цетлина и И.Астрова с предисловием Адамовича (Нью-Йорк: Мосты, 1956).

⁶ Литература о Цетлиных – как мемуарная, так и исследовательская – весьма широка. Наиболее подробно см. в публикациях: Цетлин-Доминик Ангелина. Из воспоминаний // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. I. С.288-309; Шалит Шуламит. «С одним народом я скорблю...»: К открытию Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат Гане, Израиль // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Вып. IV. С.385-407.

⁷ В своих воспоминаниях «На берегах Сены» Одоевцева пишет, что сразу после войны она в Биаррице «поступила в американский университет, помещавшийся напротив нашего дома. Там я завела знакомства с американскими профессорами и даже одному из них давала уроки французского языка, что было очень интересно» (Одоевцева И. Избранное. Указ. изд. С.785).

⁸ Возможно, роман «Когда бушевала буря». Фрагмент его был опубликован в «Новом журнале» (1956. №45. С.15-52). Целиком роман напечатан не был.

⁹ М.А.Алданов скончался в Ницце 25 февраля 1957 года.

¹⁰ Тем хуже (*фр.*).

7-го июня <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Пишу под впечатлением Вашей статьи о Г<еоргии> В<ладимировиче>¹. Очень и очень хорошо. Так, по-настоящему, понимающе и серьезно о нем никто не писал. Прекрасная статья.

Два незначительных замечания – на него не влияли ни Бунин, ни Агнивцев, ни Есенин² – последний начал значительно позднее Г<еоргия> В<ладимировича> и, вообще, в акмеистическом кругу котировался низко, не выше Бунина. Агнивцев же, несмотря на его блеск и треск, даже поэтом не считался. Но Кузмин – и еще раз Кузмин, конечно. Влияние Кузмина очевидно. Ахматова, пожалуй, как и Гумилев. Но не сильно.

Второе – герой «Распада атома»³ вряд ли похож на «человека из подполья». Даже совсем напротив. Абсолютно другие характеры и мироощущение. Герой «Распада» расположен быть счастливым и любить просто и счастливо – без истерики и мазохически-садистических вывихов (несмотря на возмутившую всех «мертвую девочку»). «Размолвка», а не рыдания, кончающиеся припадком падучей болезни. Ни само-оскорбления, ни желания оскорбить, запачкать, уничтожить. Герой «Атома» одинок не оттого, что жизнь загнала его в подполье. Он, наверное, живет и не в подполье, а в парижском отеле, мелко-благополучно. Или, вернее, в метафизическом мировом подполье, в полном душевном одиночестве – как почти все мы.

Но вижу, что в двух словах объяснить это трудно. Все же, по моему, связи между «Атомом» и «человеком из подполья» нет. Они скорее уж антиподы. Но думаю, что можете оставить так. (Только совсем неправильно сравнение с «Гаврилиадой»⁴ – легкомысленным, безбожным подражанием «Орлеанской деве»⁵. «Атом» не только серьезен, но и религиозно задуман.) Ведь Вы, наверное, имели основания. Мне только хотелось бы знать – какие. Сейчас они мне совсем не ясны. Поясните.

А в остальном не нахожу нужным ничего исправить. Повторяю – прекрасная статья. Я рада – и для Г<еоргия> В<ладимировича>, и для Вас, что вы ее написали.

Теперь о нашей группе. Нет, Гумилев совсем не походил на медиума. Он был очень живой и, пользуясь В<ашим> словарем, «конкретный». На редкость некрасивый, косой – «разноглазый», как он говорил, – и на редкость обаятельный. С удивительным, не похожим на человеческий, голосом, глухим и все же звучным, уходящим куда-то в небо (или в небо?). Раз увидев Гумилева, его уже нельзя было забыть. Но медиумического в нем не было ничего. Он был настолько живой и жизненный, что когда он говорил: «Когда я умру», я всегда перебивала его: «Но вы никогда не умрете». Что, конечно, не служит доказательством моего тогдашнего ума. Впрочем, у меня и сейчас еще много всяческих таких заскоков – значит, я и с годами вряд ли поумнела...

Теперь обо мне – на фотографии. Ну, откуда «уже тогда фатальные черты»? Никакой фатальности во мне, слава Богу, и помину не было и нет. «Рыжая в зеленом платье». Одним словом – вроде первой любви Гейне, рыжей, зеленоглазой дочери палача. Должна Вас разочаровать – у меня волосы светлые – рыжеватые –

Как кольца огневеющей змеи,
И твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза⁶.

Все это литература. Фатальных зеленых платьев я на себе что-то тоже не припомню.

Насчет «кошачести» тоже вряд ли правильно. Правда, Гумилев находил во мне сходство с рысью и даже написал мне в альбом – вот каким вздором занимался «Великий Поэт»! – не странно ли, не смешно ли:

Природе девушки подобны,
Ветрам и птицам, злись, не злись.
Но я, заслыша шаг твой дробный,
Чутьем улавливаю рысь.

Порою ты – по-детски кротко –
Не на меня глядя, а в круг –
Напоминаешь зимородка,
Готового лететь на юг.

И ты не веришь, дорогая,
Что на снегу и при луне
Похожа ты на горностая –
И тем еще милее мне⁷.

Как видите, это зоологическая мадригальная тоже литература. Я тут не при чем. И, как видите, «продукция невысокая». Но если хотите, можете сообщить эту «штучку» Струве, любителю Гумилева. У меня, кстати, их еще не мало, таких рифмованных приятностей Гумилева. Вот, например, – для того же Струве – надпись на книге Ане Энгельгардт⁸, второй его жены:

Об Анне чудесной, пленительной Анне
Я долгие годы мечтаю без сна,
Прелестных прелестней, желанных желанней
Она⁹.

Кажется, напечатано уже. Но есть и другие, инедитные. И даже длинные «студийные стихи». Не знаю, как на Ваш вкус, а я не в восторге от таких мадригальностей. Напишите реакцию Струве. Видите, я зла не помню. Какая уж тут «фатальность» – одна доброты и

доброжелательство ко всем на свете. Кстати, в нескольких строках обо мне Струве умудрился сделать уйму ошибок, как, впрочем, и в маленьком отрезке литературной петербургской жизни, свидетельницей которой я была. Даже о столь любимом им Гумилеве. Но *passons*.

Хотелось бы мне еще разочаровать Вас в злости Георгия Иванова. Он совсем, совсем не злой. «Совсем даже напротив». И очень старается помочь. И скольких поэтов открыл и «в люди вывел». Если В<ам> интересно, пришло список, начиная с Адамовича. Всегда он всем старался открыть двери «в царство печати». По Вашему, он редко к кому из писателей относился с симпатией. Опять же ошибаетесь. В Петербурге и он всех, и его все любили. Гумилев его звал «общественное мнение» и поздравил меня, когда Г<еоргий> В<ладимирович> впервые отозвался обо мне лестно. «Эта похвала стоит десяти других». Кстати, Г<еоргий> В<ладимирович> «открыл» и меня – он, а не Гумилев, ученицей которого я тогда была¹⁰. Если хотите, обо всем этом, как и об Ахматовой, Блоке и Пастернаке, в следующий раз. Заметьте только, что и Моршена он когда-то поддерживал в «Возрождении»¹¹, – правда, этот Моршен тогда еще не писал виршей насчет пересадки глаз и мне его тогдашние стихи тоже нравились. Так вот, не думайте, что Г<еоргий> В<ладимирович> зол. Не злее Вас, а что Вы не злы – сомнения быть не может. Очевидно. Он только чрезвычайно остер на язык. Вы как-то писали ему: «Ваше поколение умеет отлично ругаться». В чем Вы опять-таки ошибаетесь. Наше поколение ругалось так же неукложе, как и Ваше. В «Весях»¹² – грубо. Умели действительно виртуозно и «тонкой шпаги острием» только трое: Чуковский, Борис Садовской и Георгий Иванов. Г<еоргий> В<ладимирович>, пожалуй, еще лучше других¹³. А остальные, даже Ходасевич, делали это неважно. Адамович¹⁴ или Цветаева¹⁵ совсем плохо.

Ну вот, написала В<ам> предлинное письмо. Очень уж мне понравилась В<аша> статья. Но, пожалуйста, не вздумайте обижаться на проект ответа Г<еоргия> В<ладимировича>. Он Вас очень любит и ценит. Ему было по-настоящему – до головной боли – неприятно. Вы, действительно, хватили чуточку через край. «Ваше поколение», по-видимому, не совсем разбирается в «нюансах». А наше, напротив, очень старомодно-вежливо. Вот и получился недолет-перелет-переплет. Вы ведь не хотели причинить боли Г<еоргию> В<ладимировичу>. И он от Вас ничего злого не ждал – а вышло...

Я пишу Вам об этом по секрету. Это между нами. И без друга Моршена. Общий сердечный привет В<ам> и Фиге.

И.О.

<На полях:> Пишу, лежа в саду, оттого так каракулисто.

Посылаю В<ам> статью З.Гиппиус¹⁶ – две странички, а то дорого. К таким вещам, как «Гаврилиада», она относилась, кстати, с омерзением. Г<еоргий> В<ладимирович> совсем расхворался и не может сам написать. Статья его очень тронула.

¹ Марков посылал Одоевцевой и Иванову для ознакомления рукопись своей статьи «О поэзии Георгия Иванова», вскоре опубликованной в исправленном виде (Опыт. 1957. №8. С.83-92).

² В окончательный текст статьи Маркова не вошли фразы о влияниях Бунина, Агнивцева и Есенина.

³ Иванов Георгий. Распад атома. Париж: Изд. автора, 1938.

⁴ Сравнение «Распада атома» с «Гаврилиадой», а его героя с «человеком из подполья» также в окончательный текст статьи не вошло.

⁵ Георгий Иванов участвовал в переводе этой поэмы: Вольтер. Орлеанская девственница. Поэма в двадцати одной песне / Пер. Г.Адамовича, Н.Гумилева, Г.Иванова, под ред. М.Лозинского. М.; Л.: Всемирная литература; Госиздат, 1924. В письме Маркову Георгия Иванова в декабре 1955 года писал, что когда Гумилев «отдавал мне и Адамовичу перевод “Девственницы”, он говорил: “От сердца отрываю эту душку, никогда бы не отдал, все бы сам перевел, да времени нет”. Перевод этот требовался Горьким срочно – мы и перевели его в два месяца и довольно блестяще» (Briefe... 1955–1958. В.7).

Перевод высоко оценил Б.Томашевский: «Перевод “Девственницы” заподадал на 150 лет, но в данном случае – лучше поздно, чем никогда <...> Выполнен он чрезвычайно тщательно, с попыткой соблюсти детали подлинника, напр., его рифмовку» (Русский современник. 1924. №4. С.266-267. Подп.: Б.Т.), а также В.Вейдле (Звено. 1925. 20 апреля. №116. С.4. Подп.: W).

⁶ Одоевцева переиначивает строки посвященного ей стихотворения Гумилева «Лес» (1921). У Гумилева: «Косы – кольца огневеющей змеи, / На твои зеленоватые глаза...».

⁷ Опубликовано с разночтениями в «Собрании сочинений» Гумилева под редакцией Г.Струве и Б.Филиппова (Вашингтон, 1964. Т.2. С.256).

⁸ Анна Николаевна Энгельгардт (1895–1942) – вторая жена Гумилева (с 1919).

⁹ В «Собрании сочинений» Гумилева в четырех томах под редакцией Г.Струве и Б.Филиппова (Вашингтон, 1962–1968) опубликовано не было.

¹⁰ В своих мемуарах Одоевцева подробно изложила эту историю: Одоевцева О. Избранное. Указ. изд. С.289-298.

¹¹ Георгий Иванов посвятил Моршену одобрительный абзац в обзорной статье «Поэзия и поэты»: «Пользуюсь случаем указать на третьего поэта, имеющего все данные занять равное место рядом с Кленовским и Елагиным. Ник. Моршен такой же “ди-пи”, как они. В №8 “Граней” напечатано его

19 стихотворений, во многих отношениях замечательных. Они, конечно, не лишены недостатков. Но недостатки стихов Ник. Моршена случайны и легко устранимы, достоинства же очень значительны. Но почему-то критики, засыпаящие похвалами его более удачливых товарищей – особенно Елагина, – до сих пор, если не ошибаюсь, ни разу не упомянули имя Ник. Моршена, не менее, чем они, заслуживающего внимания. Исправляю, хотя и чересчур кратко, эту несправедливость и приглашаю своих “коллег” последовать моему примеру» (Возрождение. 1950. №10. С.180).

¹² «Весь» (М., 1904–1909) – литературно-критический ежемесячный журнал под редакцией В.Я.Брюсова, главный литературный орган символизма. Ведущими критиками «Весов» были Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Бальмонт и Эллис. Подробнее см.: Лавров А.В., Максимов Д.Е. «Весь». // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С.65–137.

¹³ Сам Георгий Иванов был о своих критических способностях несколько иного мнения и писал Роману Гулю 8 августа 1955 года: «Хуже всех пишу критику я – либо в ножки, либо в морду. Притом по темпераменту больше тянет в морду» (Георгий Иванов. Девять писем к Роману Гулю / Публ. Григория Поляка. Комментарий Андрея Арьева // Звезда. 1999. №3. С.148).

¹⁴ Адамович впрямь в своих статьях очень редко «ругался», чаще недоумевал или ядовито шутил.

¹⁵ Цветаева однажды попробовала излить свой гнев на современников печатно: в статье «Поэт о критике» и прилагавшемся к ней «Цветнике». См.: Благонамеренный (Брюссель). №2. С.116–136. Результат был соответствующий. Обзор ответных критических отзывов см. в кн.: Адамович Георгий. Литературные беседы. Книга вторая («Звено»: 1926–1928). СПб.: Алетейя, 1998. С.471–475.

¹⁶ Имеется в виду выступление З.Гиппиус на собрании «Зеленой лампы», посвященном «Распаду атома» (28 января 1938 года). Текст выступления был опубликован под названием «Черты любви» (Круг. 1938. Кн.3. С.139–150).

8-го июня <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Еще несколько слов о Вашей статье. Я перечитала ее еще раз и поговорила о ней с Г<еоргием> В<ладимировичем>. «Впечатление отличнейшее». Но мы сошлись, что лучше бы всего выбросить весь абзац, начиная с «Все это, однако, не спасает книгу» до «не Учредительное собрание»¹.

Для Г<еоргия> В<ладимировича> «Атом» и сейчас его любимейшее произведение. Писал он его с каким-то несвойственным ему

вдохновенным упоением и прямо бредил им. Он и сейчас считает «Распад атома» ключом ко всем его стихам. А тема... вряд ли та, что В<ам> кажется.

«Написать книгу на эту тему оказалось ему не под силу». Но какую Вы тему подозреваете, не ясно ни мне, ни, конечно, читателю. И еще – «Иванов старается – и даже изо всех сил – эпатировать...» Избави Боже. Редко какая книга вообще писалась серьезнее и честнее, с желанием большей искренности.

Теперь о том, что «второй раз эту книгу читать не будешь». Были люди вроде Мережковского и Гишпиус, да и многие другие, знавшие «Атом» чуть ли не наизусть. Кстати, Мережковский публично на большом лит<ературном> вечере назвал «Атом» гениальным и лучшим, что было написано за четверть века – на всех языках. След этого – что, по словам Мережковского, «Атом» гениален – можно найти в сдержанно-отрицательной статье Ходасевича, в газете «Возрождение»². Кстати, Керенский, трактуя «Атом» тоже как гениальную книгу, хотел читать о ней доклад. Все это для Вашего сведения, но поступайте, конечно, по собственному усмотрению.

Теперь Г<еоргий> В<ладимирович> очень просит всюду называть его Георгием Ивановым, а не Ивановым и, если можно, привести несколько строк из В<ами> цитируемых стихов. Читатели вряд ли помнят стихи. Вы о них слишком высокого мнения.

Еще от меня указание: «Хорошо, что нет Царя»³ – один из редких примеров апофатической поэзии. К сожалению, это редко кто замечает, понимая как утверждение – «Хорошо, что никого, хорошо, что ничего». – Какой нигилизм⁴. Г<еоргий> В<ладимирович> хотел сам В<ам> писать, но не в силах. Он очень и очень благодарит Вас за Вашу статью, доставившую ему настоящую радость. Если бы Вы знали, до чего он презрительно-равнодушен к восторгам Терапиано⁵, померанцевским или идиотизмам Адамовича. Вам было бы страшно лестно.

Еще раз всего наилучшего. «Контрапункт»⁶ могу послать В<ам> – но вряд ли он В<ам> понравится. Читали ли Вы мои стихи во время болезни?⁷

<На полях:> Решила послать всю статью З.Гишпиус, махнув рукой на расход. Спасибо за марки.

¹ Упомянутый абзац был изъят из текста статьи.

² Статья Ходасевича «Распад атома» открывалась словами: «Месяца два тому назад, на одном многолюдном собрании в многострадальной зале

Лас-Каз, Д.С.Мережковский объявил с эстрады, что вскоре появится книга Георгия Иванова "Распад атома", что он, Д.С.Мережковский, читал ее в корректуре и что она – *гениальна*» (Возрождение. 1938. 28 января). По всей вероятности, Ходасевич имел в виду выступление Д.С.Мережковского в прениях по докладу Адамовича «Русская литература (советская и эмигрантская) за 20 лет» на собрании Объединения русских писателей и поэтов, состоявшемся 2 декабря 1937 года.

³ Заглавная строка стихотворения (1930) Георгия Иванова из сборника «Розы».

⁴ Большинство читателей относилось к поэзии Иванова именно так. См. например, отзыв Глеба Струве: «его новейшую поэзию признавать гениальной отказываюсь, ее нигилизм меня отталкивает, а в "Распаде атома", помимо того же нигилизма, я вижу эпатаж» («Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.127).

⁵ Имеется в виду статья Ю.Терапиано «О поэзии Георгия Иванова» (Литературный современник. 1954. С.240-245). В письме Маркову от 18 января 1956 года Георгий Иванов назвал эту статью «довольно bestолковой» (Briefe... 1955–1958. В.11).

⁶ Сборник стихов Одоевцевой «Контрапункт» (Париж: Рифма, 1951).

⁷ Имеется в виду книга Одоевцевой «Стихи написанные во время болезни» (Париж, 1952).

17-го июня <1957 г.>

Дорогой душака и умница Владимир Федрович,

Большое спасибо за Ваше письмо и фотографию.

Я давно не видала такого прекрасного, человеческого лица, как у Вашей жены. Верю – сразу и безошибочно – в ее талант. У нее что-то общее с Элеонорой Дузе¹, какое-то скорей духовное, чем физическое сходство. Думаю, что и для нее, как и для Дузе, даже в самых трагических ролях, грим не очень необходим – так необычайно одухотворено и выразительно ее лицо.

Отвечаю Вам, как и Вы мне, в тот же день, вернее, «без промедленья, в тот же час».

Я рада, что Вы не возмутились моими замечаниями. Насчет эклектичности раннего Георгия Иванова Вы совершенно правы².

И даже насчет «Распада» мы не так-то расходимся.

Полфразы, выпущенная Иваском, – и слава Богу – конечно, меняет смысл. Насчет того, что тема «Атома» – «невозможность жить

в этом мире», тоже спорить нельзя – или можно «по-серьезному», без обиды.

Статья Гиппиус меня не восхищает. Религиозность тут явно притянута. Я всегда считала, что «Атома» она вовсе не поняла. Но послала я В<ам> ее, чтобы Вы увидели, что на «Атом» не только «плевали с омерзением» – как, впрочем, делало большинство.

О Henry Miller³ мы узнали только после войны, и поэтому «Распад атома» произвел эффект еще сильнее атомной бомбы среди наших благонамеренных читателей. Подумайте, ведь до сих пор невинных «Темных аллея» не могут простить Бунину.

Теперь, если Вы меня спросите, как я отношусь к «возмутительной» части «Атома» – сознаюсь, что она почти вся меня отталкивает. Но, видя с какой страстью Г<еоргий> В<ладимирович> писал ее, я ни разу даже не сказала ему об этом. Я боялась хоть как-нибудь помешать выразить то, что ему необходимо.

Но тему бы эту я никогда не взяла бы или, взяв ее, пришла бы к совершенно другому выводу.

Но ведь дело не во мне, а в В<ас> и в Г<еоргии> В<ладимировиче>. Хотя что же это я «скромничаю»? И про меня в Вашем письме много приятного – и до чего! Но об этом после. Сначала историко-библиографическая справка – Вы ведь охотник до них.

«Лес» был написан мне и напечатан в альманахе Цеха «Дракон» с посвящением Ирине Одоевцевой⁴. Но тут не обошлось без осложнений и неприятностей. Как говорил Федор Сологуб – «Где люди, там скандал». Поэтическую amitié amoureuse⁵ ко мне сочли за настоящую любовь, и это взволновало некоторых членов лит<ературного> круга – до сплетен и пародийных стихов. Гумилев l'a pris de trop haut⁶, и дело чуть было не дошло до третейского суда. (И даже до дуэли с Голлербахом⁷. Замешаны были Кузмин, Юркун и другие. Подумать, из-за какой ерунды!) Я же дрожала, как осиновый лист осенью, боясь, что все дойдет до ушей кого-нибудь из моей слишком строгой семьи и мне вообще запретят заниматься «этим вздором», т.е. поэзией. Но все, слава Богу, уладилось. Только жена Гумилева закатила истерику, когда он поехал к ней, требуя, чтобы он снял посвящение. Я, конечно, согласилась. Гумилев предлагал мне на выбор «Цыгане» или «Трамвай», т.к. и они – что, конечно, неправда – были якобы «навяаны мной». Но тут я решительно отказалась. Если не «Лес», то ничего.

Сознаюсь, что сейчас скорей жалею о такой гордой несговорчивости. Все-таки приятно и лестно было бы.

Но заметили ли Вы в «Лесе» две нелепых – до очаровательности – строчки –

И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем как дал причастье ей кюре?

Это «перед тем» меня всегда трогает своей беспомощностью.

Раз я уже так расхвасталась – впрочем, для меня прошлое так безразлично, что чужое прошлое иногда мне ближе моего и о себе говорю безразлично – в прошлом, хотя очень люблю себя в настоящем и еще больше в будущем, – так вот, возвращаясь к хвостовству прошлым – остроумнейший М.Л.Лозинский сочинил на меня эпиграмму. Я, видите ли, картаво говорю – картаво, хотя в этих двух строчках ни одного р.

Поклонники льстили на все мне лады

И мне подносили «Леса» и «Сады».

«Сады»⁸, как Вы, наверное, знаете, были тоже посвящены мне. Ну и довольно обо мне «в Аркадии». Перейдем к сегодняшнему дню. Ваше мнение – совсем неожиданное – о моих стихах меня чрезвычайно обрадовало. Я привыкла, что мои стихи проходят незаметно и если кто и говорит о них... так что-нибудь вроде «здорово Георгий Иванов стихи своей жены исправляет». Вот прозу и она иногда недурно пописывает, хотя тоже не без его помощи.

Так что не только Ваше, но и мнение Моршена доставило мне большое удовольствие. Кстати, обменяемся с ним любезностями – его стихи мне когда-то так понравились, что я даже присвоила себе его «Моржа»⁹ – о чем в «Контрапункте», который я вышло для прочтения Вам обоим – единственный экземпляр. Читать можете долго, но прошу вернуть, как и «Стихи во время болезни»¹⁰.

«Контрапункт» Вам вряд ли понравится. Но, пожалуйста, пишите с ярой откровенностью, со всякими «стекляшками», «чего дурака валяет», ломакой-кривлякой, что только о себе не воображает. Вообще со всем, что будет Вами сказано. Очень и очень интересуюсь критикой поэтов. Адамович считает меня единственным русским сюрреалистическим поэтом¹¹. Но «мне от этого не легче – вздор».

Теперь совсем о другом. Карточка, присланная Вами, произвела некий раскол среди нас с Г<еоргием> В<ладимировичем>. Ваша жена здесь не при чем. О ней наши мнения сходятся. Но Бубка... вы уже знаете, что Фига играет большую роль в наших домашних спорах и что мы привыкли устрашать друг друга – «Ах так! Все Фиге отпишу!» А тут вдруг Бубка оказался так пышно-красив и мил, что авторитет Фиги явно поколеблен. Хотя Г<еоргий> В<ладимирович> и находит, что у Бубки менее интеллигентный вид, чем у Фиги. Но с этим я не согласна. Посоветуйте, как нам быть? Который лучше? Но, душка и умница, не считите эти строки за старушечье сюсю-

канье. До этого, слава Богу, еще не дошло. Зато несвойственную годам склонность к игре нам изжить все еще не удалось. Ну, до свидания, голубчик. Я очень люблю все эти русские ласкательные слова. А Вы? Сердечный привет Вам всем. С Моршеном и Бубкой.

Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> Спасибо за марки. Графоманией никогда не страдала, но, судя по этому письму, начинаю ею страдать.

Хотелось бы еще о Вашей мнимой нечувствительности и жестокости. Но тоже до другого раза. Все таки – в те дни не читали ли Вы Ницше? Я и сама бывала – при всей моей жалостливости – жестока до необъяснимости. Вы же очень добры, и по-настоящему, что редкость. И в Вас много нежности, что еще реже.

Книги вышло обыкновенной почтой – по библейской бедности. Пожалуйста, напишите Г<еоргию> В<ладимировичу>, не дожидаясь его письма. Ему вчера стало дурно за завтраком, и он лежит. Если <можете?> Lederplex – тот уже вышел.

¹ Элеонора Дузе (Duse; 1858–1924) – итальянская актриса. Выступала с огромным успехом во многих странах, в том числе и в России (в 1891–1892, 1908).

² О влияниях на стихи раннего Иванова см.: Крейд Вадим. Петербургский период Георгия Иванова. Тетрадь: Эрмитаж, 1989. С.27-28, 40-43; Богомолов Н.А. Талант двойного зренья. // Иванов Георгий. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: Книга, 1989. С.507-508; и др.

³ Генри Миллер (Miller; 1891–1980) – американский писатель, до войны живший и писавший в Париже. Скандальную славу принесли ему романы «Тропик Рака» (1934) и «Тропик Козерога» (1939), появившиеся почти одновременно с «Распадом атома». В эмигрантской печати первые отзывы о его творчестве появились уже после Второй мировой войны: Адамович Г. «Тихий Дон» // Русские новости. 1946. 30 августа. №68. С.6; Адамович Г. Литературные заметки: Генри Миллер и его «Тропики» // Русские новости. 1947. 31 января. №90. С.4; Адамович Г. Литературные заметки: Французы об американцах // Русские новости. 1947. 14 февраля. №92. С.4. Рассуждая о «Распаде атома», Марков заявил, что «Георгий Иванов тут опередил и превзошел “самого” Генри Миллера» (Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. 1957. №8. С.88).

⁴ Гумилев Н. Лес. // Дракон. Альманах поэзии. Пг., 1921. С.7. В сборнике «Огненный столп» посвящение было снято.

⁵ дружескую влюбленность (фр.)

⁶ взял на полтона выше (фр.).

⁷ До дуэли с Голлербахом дело как раз не дошло, а суд чести под председательством А.Ф.Кони, включавший В.П.Миролюбова, А.М.Ремизова и Вл. Каренина (В.Д.Комарову), состоялся 22 мая 1921 г. и вынес резолюцию «как и полагается суду чести, двойственную и потому безобидную». Подробнее о нем см.: Одоевцева И. Избранное. Указ. изд. С.511; Голлербах Э.Ф. Н.С.Гумилев / Подг. текста Е.А.Голлербаха. Пред. и коммент. Ю.А.Зобнина. // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С.588-589; Зобнин Ю.В., Петрановский В.П. К воспоминаниям Э.Ф.Голлербаха о Н.С.Гумилеве (Суд чести). // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. Указ. изд. С.592-604.

⁸ Первое издание книги стихов Георгия Иванова «Сады» (Пб.: Петрополис, 1921) было посвящено Ирине Одоевцевой. Второе издание (Берлин: Изд-во С.Ефрон, 1922) публиковалось без посвящения.

⁹ Имеется в виду стихотворение Моршена «Тюлень», давшее название его книге (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959). В сборнике Одоевцевой «Контрапункт» есть стихотворение «Далеко за арктическим кругом...» (1950), в котором «Рассуждали тлоени друг с другом...».

¹⁰ Одоевцева И. Стихи написанные во время болезни. Париж, 1952.

¹¹ Ср. мнение современного исследователя: «Во второй половине XX века именно этикетка “сюрреализма” оказалась удобной для характеристики – пусть даже и частичной – творчества Иванова, и Одоевцевой» (Гальцова Елена. На грани сюрреализма. Франко-русские литературные встречи: Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов. // Сюрреализм и авангард: Материалы российско-французского colloquium, состоявшегося в Институте мировой литературы. М.: ГИТИС, 1999. С.105-106).

30-го июля <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Наконец-то от Вас полуписьмо. И совершенно неудовлетворительное. Раз Вы уже – по поводу собачьей семьи – заговорили о трудностях не только материальных (материальные вздор и придавать им значенья не надо, но другие, другие) – то уже невозможно оборвать и поставить точку. Дружба, высокий союз поэтов и все такое прочее этого не позволяют. Получается недолет-перелет, и я чувствую себя очень неуютно.

В чем дело? Если все вообще – то понятно. Но если детали – хочется знать, какие именно, что у Вас неблагополучно?

У нас Г<еоргий> В<ладимирович> – т.е. его здоровье, нервы и отвращение «к миру и его окрестностям». Ну и, конечно, «мате-

риальные трудности». Кстати, об этих трудностях. Е.И.Грот¹ прислала Г<еоргию> В<ладимировичу> 20 долларов в читателе-почитательском пресимпатичном письме. Это Вы о ней писали? Деньги он принял без обиды – обижаться не на что. Не ее вина, что Г<еоргий> В<ладимирович> в таком положении, что ему не до обиды и гордости. Но вот Иваск пишет, что там целая русская колония любителей поэзии, энтузиастов со средствами. И что там можно было бы устроить вечер стихов Георгия Иванова. И даже мой. Хотя я в письме вовсе не упоминаюсь и мне даже не шлетса привета.

Напишите, как Вам кажется, стоит ли возбуждать вопрос насчет вечера через Иваска. Или, если Вы с этой дамой в переписке, идея могла бы исходить от Вас. Деньги, что скрыватьса от друзей, нам нужны до зареза – на питание и лечение Г<еоргия> В<ладимировича>.

Теперь ему прописали впрыскивание, стоящее 5 тысяч (т.е. 15 долларов) в неделю. И делать его надо в продолжение 6 недель. «Комментарии излишни», как вообще «Комментарии»² Адамовича. Но непременно напишите ответ Адамовичу. Защитите Цветаеву³. Иваск не сумеет⁴. Он боготворит Адамовича и трепещет перед ним⁵. Не понимаю, как можно не любить Цветаеву и не восхищаться ей. Я чувствую какую-то вину перед ней, как будто я не сделала чего-то для нее, когда еще можно было ее спасти. Она жила в Париже, и очень трудно жила. Мучилась и материальными трудностями, которые тогда возможно было устранить. Не могу до сих пор равнодушно подумать о ней. И то, что Адамович оскорбил ее память, меня так оскорбило, что я не решаюсь даже ответить на его письмо. Не нахожу тона, чтобы писать ему дружески.

Поцелуйте от меня короля Бубку. А щенка как зовут? Конечно, его болезнь Вас привязала к нему – «Так любит только мать И лишь больных детей»?⁶ Но правда ли, что детей любят больше собак? В особенности те, у кого нет детей?

«Контрапункт», должно быть, уже прибыл к Вам. Жду Вашу критику, и Моршена тоже. Только не причесьвайте и не приглаживайте выражений. Как есть. Что это за стихи Моршена в «Гранях» про трамвай?⁷ Пришлите, пожалуйста. И пишите по-настоящему.

Посылаю Вам свои последние стихи для «Опытов». О них тоже, что думаете.

Всего, всего наилучшего Вам и всем Вашим. Пусть Вам всем будет хорошо и отлично.

Ваша

И.О.

Ты говорил: На вечную разлуку
 Мою бесчувственную руку
 В последне-предпоследний раз...
 Слеза из заблестевших глаз
 Как синтетический алмаз...
 Твоя слеза –
 Моя слеза...
 Какие у тебя глаза?
 Такие же как были?
 Ты все такой же милый?
 Не знаю
 Если бы теперь
 В мою ты поскребешься дверь,
 Тебя я не узнаю –
 В преобразении потерь
 Ты стал горбатый, лысый,
 Ты стал хвостатой крысой,
 Ты стал крапивой иль грибом...
 А прядка над высоким лбом?
 А складка на высоком лбу?

Но ты давным-давно в гробу,
 На солнечном погосте
 И ты не ходишь в гости⁸.

Простите за каракули – лежу в саду.

Кроме этих я написала 75 строк. Такое длинное, что трудно переписать.

¹ Елена Петровна Грот (урожд.: Баранова; 1891–1968) – поэт, литератор. Уехала в США с мужем в 1916. Редактор журнала «Родные мотивы» (Сан-Франциско), организатор «Литературно-художественного кружка в Сан-Франциско» (с 1923). После войны редактор сан-францисской газеты «Русская жизнь», сотрудник «Нового русского слова». Подробнее о ней см. в книге: Грот Е. Избранные стихи и очерки / Вступ.ст. К.И.Дубницкой. Мадрид, 1969.

² «Комментарии» – эссе Адамовича, публиковавшиеся в различных изданиях с 1923 года и позже напечатанные отдельным изданием (Вашингтон: В.П.Камкин, 1967).

³ Одоевцева имеет в виду статью Адамовича «Несколько слов о Марине Цветаевой» (Новое русское слово. 1957. 9 июня. №16052. С.8).

⁴ На статью Адамовича Ю.Иваск откликнулся статьей «О читателях Цветаевой» (Новое русское слово. 1957. 30 июня. №16073. С.8).

⁵ Иваск и впрямь считал Адамовича, Цветаеву и Федотова самыми интересными личностями в эмиграции. Маркова он долгое время и вполне безуспешно пытался подружить с Адамовичем, регулярно отзываясь о нем в письмах самым лестным образом: «Адамович, этот “мэтр” эмигрантской поэзии из Серебряного века, “мэтр” – по праву, в лучшем смысле слова. При некоторой капризности, он чуток удивительно» (22 декабря 1948 года); «Кроме “взглядов”, у Адамовича совершенно необыкновенное чутье к стихам, или не “чутье”, это скверное слово, а понимание поэзии всем существом. Поэтому человек он – драгоценный. Незаменяемый» (29 марта 1955 года); «Как Вы можете сердиться на Адамовича? Сердиться ведь значит (обычно) обижаться. Будьте в данном случае ледовито-холодны: признайте его заслуги. Какая она там ни есть, но он родил литературу эмигрантскую 30-х гг.» (24 августа 1956 года); «Обещайте повидать Адамовича! Пусть любопытство преодолет раздражение. Повидайте его хотя бы для меня: это последний аргумент (беспомощный и настойчивый). Одоевцеву и Терапиано не миновать» (1 мая 1963 года). Одновременно Иваск подталкивал к сближению и Адамовича, который в конце концов написал Маркову, изрядно его тем удивив. В ответ на удивление Маркова Адамович написал ему еще раз 30 декабря 1969 года: «Два слова об Иваске. Он довольно часто мне пишет и часто с попреками. То я несправедлив к Цветаевой, то недооцениваю Достоевского – и так далее. О Вас он тоже писал не раз, и совсем недавно. Но о покойниках – спор отвлеченный, никуда не ведущий, а о Вас он писал иначе, в другом тоне. Иваск – человек ко всем и всему благожелательный, миролюбивый, что я в нем и люблю. Он многое понимает, помоему, “не умом, а всей жизнью”, как сказано где-то у Толстого. Если его укорю, к Вам относящиеся, вызвали у меня желание Вам написать, то за это я ему искренне благодарен. Но не “накачивал” он меня нисколько, писать не побуждал, а только – по моей просьбе – дал мне Ваш адрес» (Собрание Жоржа Шерона).

⁶ Из стихотворения И. Анненского «Третий мучительный сонет», включенного в книгу «Тихие песни» (СПб.: Т-во художеств. печати, 1904).

⁷ Стихотворение Моршена «На Первомайской жду трамвая» (Грани. 1956. №32. С.171).

⁸ Стихотворение Одоевцевой было опубликовано в «Опытах» (1957. №8. С.4).

12

Beau Séjour
29-го августа <1957 г.>

Дорогой и милый Владимир Федрович,

Письмо Ваше я получила в день выхода из госпиталя – оттого что «Друг мой, я болен, Я очень болен»¹, как писал Есенин незадолго до смерти.

Вот и со мной случилось. И такая странная, почти непонятная болезнь. Слава Богу, не «алкоголь», но все же не многим лучше. У меня малокровие, осложненное еще и отсутствием белых кров<яных> шариков. Их, видите ли, надо иметь не меньше 5000. А у меня неполных 2000. И это чрезвычайно опасно. Попросту грозит смертью при малейшем инфекционном заболевании, напр<имер>, гриппе. И почти не существует средств вылечиться (при нашем отсутствии средств в особенности). В госпитале лежала на исследовании. Пришлось и мне познакомиться с больничной койкой – О, Господи, и это пережить, И сердце на клочки не разорвалось². Но – passons³. Письмо Ваше я читала «затуманенными глазами». У меня жар каждый вечер – 39. Читала не все, а урывками – ведь неясно без книг, что к чему. Увидела: «Не люблю взволнованно-синих вечеров. Не люблю детских профилей... (Tant pis pour moi⁴.) Тоже больше бы остроты... Об этом писать роман – бульварный... Неинтересно, но конец не вышел... Истерика начинает надоедать... Это банально в самой сути...» И ainsi de suite⁵ «я такого не люблю». «Не сердитесь». Нет, я совсем не рассердилась. Но со вздохом уронила письмо на одеяло. – Жоржик, Марков обложил меня по всем швам. И от грусти и слабости уснула, не дочитав. Когда же проснулась, Г<еоргий> В<ладимирович> мне сказал: «Неправда, ему очень нравятся твои стихи. Очень нравятся».

Не знаю, кто прав. Но знаю, что Вы меня поразили, Вас удивляет «скучно», Вас, петербуржца? Невероятно. У нас даже старшая горничная говорила про поломойку: «Деревенщина, барьппня, эта Паша. Скушно ей, да скушно. По-столичному и выражаться не научилась». А когда я, в защиту этой Паши, объяснила ей, что в Московском Худож<ественном> театре на сцене говорят «скушно», она только пожалала плечам; «И пускай их в Москве, а у нас в Питере лошади засмеют». Что совершенно, в сущности, правильно. В «нашем» Петербурге говорили скучно. Скушно было абсолютно невозможно и неприлично.

В первый раз увидела бездну между нами – Вашим и нашим поколением, на которой Вы настаивали и которая ускользает от моего взора. «Все чисто для чистого взора»⁶. Ан не все... вижу, что ошибалась. Споткнулась о «скушно». И таких «скушно», наверное, еще не мало, хотя я их и не замечаю.

Когда, наконец, придут мои книжки, займусь серьезной сверкой «наших взглядов на женский долг и мужскую честь» (Веселкова-Кильштет⁷, чтобы Вы не ломали головы). А пока могу только сказать, что Г<еоргий> В<ладимирович> никогда ни малейшего влияния на мои стихи не имел. Влияние же мое на его стихи было «по-

трясающе-огромное», до невероятия. О чем он Вам как-нибудь и сам поведаст. И об Ахматовой тоже вспоминать не стоит. Гумилев и Чуковский приводили меня в пример, что и «поэтесса» может расцвести абсолютно самостоятельно, вне Ахматовой, и ничем не быть ей обязанной – суметь быть ее антиподом.

Впрочем, я очень люблю Ахматову, несмотря на творческое отталкивание от ее тем и интонаций.

Так вот, милый друг. Спасибо за разбор. Жду с нетерпением книжки. Все слышу и кое в чем уличу себя – или Вас.

Бедный Г<еоргий> В<ладимирович> совсем потерял голову от страха за меня. Мне очень грустно за него. Вы, так любящий Вашу жену, наверное, посочувствуете ему и пожалуете его. Только не пишите ему об этом. Я и так верю, что Вам нас обоих жаль.

Но Г<еоргий> В<ладимирович>, несмотря на всю тоску, написал несколько отличных стихотворений. А Вы? У него больна жена – у Вас черный щенок. Как это отражается на творчестве?

Теперь о помощи Г<еоргию> В<ладимировичу> – т.е. о сборе, предпринятом Вами⁸. Спасибо. Увы! деньги нам нужны еще острее, чем прежде, с тех пор, как я заболела. Не только для него, но и для меня. Мне пришлось оборвать все мои заработки, и получилась зияющая дыра в бюджете. К тому же меня, хоть слегка, подлечивать необходимо. О настоящем лечении, конечно, не может быть и речи – о поездке в горы и проч. Но все-таки надо получше питаться и покупать кой-какие лекарства. Так что еще и еще спасибо Вам. Когда будете посылать деньги, то, пожалуйста, пришлите чек такой, как расплачиваются между собой американцы в Америке – в письме. Не делайте переводов ни в какой форме – ни по почте, ни чеком на Францию (даже на американский банк). А то мы теряем по 100 фр<анков> на доллар. Американский же чек меняется, как наличные доллары.

Желаю Вам удачи в продаже В<ашего> дома.

Сердечный привет Вам и В<ашей> жене и всем В<ашим> собакам. Пусть Вам всем будет хорошо.

И.О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> грозит написать Вам. Но когда?

¹ Неточная цитата из поэмы Есенина «Черный человек» (1925). У Есенина: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен...».

² Из стихотворения Ф.И.Тютчева «Весь день она лежала в забытьи...» (1864).

³ оставим (фр.).

⁴ тем хуже (фр.).

⁵ и далее (фр.).

⁶ Неточно приведенная заглавная строка стихотворения (1911) Гумилева. У Гумилева: «Все ясно для тихого взора...». Эту строку (оставшуюся неточной) Одоевцева взяла эпиграфом к своему стихотворению «Ни спора с судьбой, ни укора» (Новый журнал. 1959. №58. С.108).

⁷ Мария Григорьевна Веселкова-Кильштет (1861–1931) – поэтесса, прозаик, сотрудник журнала «Лукоморье» в одно время с Георгием Ивановым.

⁸ В 1957–1958 годах Марков несколько раз собирал в Америке деньги для Иванова.

13

Beau Séjour

10-го сентября <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Ну как могло случиться, что Вам показалось, будто бы Вы меня огорчили и обидели? Как?

Я прекрасно поняла и только в шутку прикинулась огорченной. Огорчила меня всего лишь невозможность узнать, что Вы хвалите, что нет. Да и чуть-чуть-чутьочку «Не люблю детских профилей». А у меня как раз был таковой – большой лоб и слишком короткий нос. Но я опять шучу. Впрочем, Вы бы лучше подцепили меня за встречающийся в следующей строке такой затрепанный «детский рот». А «детских профилей» и в стихах, и в жизни не так уж много. Или я ошибаюсь?

Но вот в чем я не ошибаюсь, так это в «И скучно, и грустно». Но, друг мой, как Вы можете? Ведь для нас это просто святотатство, а для Вас – «по-приказчишьи». Нет, нет и нет. От актерского «скушно» меня только в пьесах Островского не коробит. Значит, правда Ваша – кое в чем нам друг друга не понять. Мне за Лермонтова больно. Но Вы, кстати, и не так его любите.

Возвращаясь к Вашей критике – Вы мне ею доставили большое удовольствие. Когда придет «Контрапункт», проштудирую его с Вашим письмом. Мне очень интересно, что Вы находите в моих стихах – иногда обратное тому, что я. И за влияние Ахматовой, как бы я могла обижаться? Я ее страшно ценю. Но, к моему сожалению, я не умею поддаваться влияниям, а как бы иногда хотелось. В прозе еще кое-что удастся «стащить», а в стихах никак. Вот только у Моршени тюленя похитила, но и он превратился в чайку¹. А насчет интонаций

и ритмов... Я иногда нарочно читаю вслух Тютчева – а когда же, о Господи, я на него похожа?.. Это не от самостоятельности совсем, напротив – я чужие поправки с удовольствием присваиваю – если случается! Вот Г<еоргий> В<ладимирович> сочинил «Печальнее печального, Банальнее банального»² – всю первую строфу. И еще «Разбиваются души о счастье, Разбиваются птицы о снасти». Но самое замечательное – но это даже Моршену не говорите – он целиком сочинил «В этом мире любила ли что-нибудь ты?» и только потом мне подарил за ненадобностью. А я взяла. С благодарностью. И даже в антологии³ оно имеется, что уже напрасно.

Теперь я хочу Вам сказать, как я Вам соболезную и как мне жаль бедного маленького Блэки. Я так хорошо Вас понимаю. Я и сейчас еще, через столько лет, не могу равнодушно вспомнить о своем Орлике. Но Вам все-таки легче – он был у меня один, а у Вас все-таки отличное собачье семейство – и Фига, и Бубка, и еще третья, имя которой я не знаю. Впрочем, утешение идиотское, вроде – у вас еще трое других детей! Но желающий утешить беспомощно хватается за соломинку – Соломинка, Соломка, Саломея⁴ – и распахивается дверь и открывается путь поэзии, на который Вы так упрямо отказываетесь снова ступить. Впрочем, путей у Вас много. Я сейчас очень больна и говорю немного как из *au de la*⁵. Я, лежа в постели, перечла Вашего «Моцарта» и наново восхитилась им. Вполне и до конца.

Жаль только, что невежественный читатель не всегда создает себе правильное впечатление. Так о «Noces de Figaro»⁶ он не узнает, что музыканты, ошалев от восторга, ломали свои скрипки и проч., аплодируя и крича во всю глотку: «Viva, viva il grande Mozart!»⁷ – на репетиции, и что премьеры была триумфом, и что «Noces» были сняты с репертуара происками Сальери⁸ и кабалы, чтобы «не утомлять певцов вызовами и бисированием арий». И жаль, что Вы не отметили чудесного месяца в Праге⁹ у графа Туна, где Моцарт захлебывался славой и признанием – и где не только в театре труппой Bondini, но в каждой кофейной и харчевне ежедневно распевались «Noces».

Раз Вы отметили «пинок гр. Арко», то как не вспомнить и о триумфах. Впрочем, Вы, может быть, правы – всего все равно не расскажешь. А вот о его собаке, похороненной с ним, я узнала от Вас. Я знала, что она следовала за гробом, но что она умерла от горя и ее сбросили в его могилу – за это Вам спасибо.

Как видите – я со всем согласна в В<ашей> статье. Кроме, пожалуй, того, что Моцарта в России не знали¹⁰. По личному опыту, ведь в капле отражается весь океан, – у нас, в нашей семье, про-

исходило то же, что и тысяче подобных ей. По вечерам мама, в шуршащем, перетянута в талии платье, с пышной высокой прической, распространяя запах духов, от которых у меня кружилась голова и раз действительно даже сделалось дурно (таких крепких духов после первой мировой войны уже не стало), садилась за рояль и играла. Играла Моцарта, Шопена, Грига, Чайковского, Брамса. Но для меня Моцарт был несравним ни с кем – и такой же ребенок, как я. «Моцарт пяти лет»...

И я, забравшись под рояль, слушала, умирая от восхищения и страха, что меня сейчас обнаружит моя nurse¹¹ и, выбравив, поволочет спать.

Для меня еще и теперь «Die Zauberflöte»¹² звучит волшеббно. А «Царица ночи» – я себя воображала Царицей ночи. В звездно-синем платье с шлейфом, как млечный путь, и кометой в распущенных черных волосах – черных, несмотря на мою белобрысость.

Единственным оригинальным в этой мечте, свойственной, наверное, тысяче других русских девочек, родившихся в начале XX века, было то, что я была не только Царицей ночи, но и – и это главное – Страны собак, где кроме меня, их царицы, не было ни одного двуногого.

Вот, милый друг, в какую глубь века Вы меня завлекли. Впрочем, здесь виноват и мой жар. Я хотела только высказать Вам запоздалые комплименты. И спасибо за желание поделиться со мной В<ашими> кровавыми шариками – но у Вас их столько, сколько Вам необходимо, раз Вы здоровы.

Мне же не хватает белых, и это хуже, чем недостаток красных. Mais passons¹³.

Стихи, посланные Вам – «Он говорил» – не часть 75 строч<ек>, а законченные. Для «Опытгов»¹⁴. 75 стр<ок> появятся в ноябре в «Н<овом> журнале»¹⁵. Переписывать их лень. И так до чего длинное – и дорогостоящее письмо. Еще Жорж подсовывает два листика.

Теперь о чеке. Если пошлете, то только обыкновенным чеком, как Вы расплачиваетесь в Америке, а не чеком на франц<узский> Америк<анский> Банк и не переводом. Мы теряем 100 фр<анков> на доллар, а американск<ие> внутренние чеки меняются, как наличные доллары.

Спасибо за желание нам помочь, и Моршену тоже. Жду его критику.

Привет всем Вашим и безболезненного переезда и выгодной продажи дома¹⁶. И Чтобы Вам на новом месте жилось много лучше, чем здесь

Ваша И.Одоевцева

¹ Стихотворение Одоевцевой о тюленях «Далеко за арктическим кругом...» (1950) завершалось строчками: «Сумасшедшая чайка врала / Перед тем, как на льду умирала».

² У Одоевцевой два стихотворения, начинающихся словами «Банальнее банального...»: одно вошло в «Контрапункт», второе в «Портрет в рифмованной раме». Здесь речь идет, по всей видимости, о первом.

³ Стихотворение (1950) вошло в сборник Одоевцевой «Контрапункт», а позже за ее подписью было опубликовано в антологии «На Западе» (Нью-Йорк, 1953. С.193).

⁴ Измененная строка стихотворения Мандельштама «Соломинка» (1916).

⁵ здесь.: далека (*фр.*).

⁶ Опера Моцарта «Свадьба Фигаро» (1785–1786) по комедии Бомарше.

⁷ «Да здравствует великий Моцарт!» (*итал.*).

⁸ Антонио Сальери (Salieri; 1750–1825) – итальянский композитор.

⁹ Имеется в виду октябрь 1787 года, когда Моцарт приехал в Прагу со своим либреттистом Лоренцо да Понте, придворным поэтом австрийского императора, ставить «Свадьбу Фигаро». Первое представление состоялось 29 октября 1787 года и имело оглушительный успех.

¹⁰ О рецепции Моцарта в России см., например: Ливанова Т.Н. Моцарт и русская музыкальная культура. М., 1956.

¹¹ няня (*англ.*).

¹² «Волшебная флейта» (1791) – опера Моцарта.

¹³ Но оставим (*фр.*).

¹⁴ Стихотворение Одоевцевой «Ты говорил: на вечную разлуку...» было опубликовано в «Опытах» (1957. №8. С.4).

¹⁵ Видимо, имеется в виду стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» («У окна качается пальто...»), опубликованное несколько месяцев спустя указанного срока (Новый журнал. 1958. №52. С.50-53).

¹⁶ В 1957 году Марков получил докторскую степень и готовился к переезду из Монтеррей в Лос-Анджелес, став профессором University of California (Los Angeles).

Beau Séjour
Nyères (Var)
8-го декабря <1957 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Мой муж чувствует себя очень виноватым перед Вами – без вины виноватым – за свое возмутительное молчание. Сегодня, наконец, я решила написать Вам за него, т.к. он в ближайшие дни вряд ли сможет сделать это сам, он, к сожалению, чувствует себя опять очень скверно.

Он просит Вас поблагодарить за 21 доллар – и, главное, – за статью¹. Вы поразительно правильно объяснили, за что любят Георгия Иванова или, вернее, за что его следует любить. И вообще – лучшей статьи мне себе и представить трудно. Я, в свою очередь, за нее Вам также благодарна от всего сердца – хотя я тут и решительно не при чем, но мне трудно не сказать Вам этого.

Надо бы сдержаться, но не могу. Нас очень интересует «ретантисман»² статьи, всякие «Ну и расхвалили же вы этого нигилиста» и проч. Здесь до нас ругань и критика не доходит. Впрочем, Адамович, который сам сейчас пишет о Г<еоргии> В<ладимировиче>³, пофыркал на Вас слегка⁴, заметив все же, что Г<еоргий> В<ладимирович>, как ему кажется, остался Вами доволен. Что я ему и подтвердила. Доволен – и даже очень.

Но кроме этого недружелюбного отзыва, ничего другого не долетело к нашему крыльцу. Так, пожалуйста, если что-нибудь услышите – отпишите. И мнение Струве. И Моршена. Кстати, он так меня и не удостоил письмом о моих стихах. Ну и не надо.

Вчера совершенно случайно прочли и Вас, и его в «У Золотых ворот»⁵. Очень мне понравилась рифма «я, а не – океане». А Ваш Струве постеснялся бы позорить свои седины критика «пражскими вечерами». Моршен тоже не хорош. Рифма «далече – отмечен» не находка – дубовые стихи о дубке. А ведь когда-то, лет восемь тому назад, печатал очень милые стихи.

О Вашей статье о Лозинском замечания Г<еоргий> В<ладимирович> напишет – он только что сказал мне это – на отдельном листке. Это ему еще по перу. Он вдруг решил Вас написать⁶.

Теперь мы оба просим Вас описать нам Ваш новый дом, где, слава Богу, «собаки могут чувствовать себя хозяевами». Надеюсь, что и Вы с женой тоже и что Вам всем в Холливуде хорошо.

Мы оба очень хотим знать подробности Вашего устройства – что и как.

Мы даже не знаем, готова ли уже Ваша диссертация или нет.

Как Вам пришелся по вкусу Ульянов, уничтожающий Чаадаева?⁷ Не кажется ли Вам, что он позавидовал Вашим лаврам от общественной пощечины? Но сделал он это без элегантности, и сравнение с Хлестаковым – странное мальчишество в таком солидном тяжелом уме.

Меня статья даже огорчила – я с Ульяновым подружилась перед его отъездом в Канаду. Он очень милый – по особенному – наивный и своеобразный. И страшно упрямый – никак его нельзя было уговорить не уезжать в Канаду и остаться в Париже, который ему страшно нравился и где ему хотелось жить.

Читали ли Вы «Перекасти-поле» Е.Печаткиной?⁸ И знаете ли ее лично? Я о ней никогда не слыхала, но роман ее, присланный ею нам, меня поразил. Е.И.Грот, оказавшаяся добрейшей душой, посылает Г<еоргию> В<ладимировичу> лекарства и всячески старается для нас. Она хочет устроить вечер Г<еоргия> В<ладимировича> в Холливуде. Но это все проекты. Если бы все же вышло, хорошо было бы, если Ваша жена согласилась бы прочитать стихи Г<еоргия> В<ладимировича>. Кстати, ее статья, т.е. Е.И.Грот о Есенине в «У Золотых ворот»⁹ очень интересна. Я и не знала, что он из старообрядцев. И его «Ключи Марии»¹⁰, к сожалению, не читала.

До свидания. Желаю Вам и всем Вашим удачи и радости.

Напишите, что Вы думаете о моих стихах в «Н<овом> журнале»¹¹ – он ведь скоро выйдет – откровенно. С сердечным приветом И.Одоевцева

<На полях:>

Нет, Г<еоргий> В<ладимирович> только грозился написать Вам. Он слишком слаб, не может. Напишите ему скорей.

¹ Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыт. 1957. №8. С.83-92.

² От *retentissement* (фр.) – резонанс.

³ Статья Адамовича «Наши поэты. Георгий Иванов» была напечатана спустя несколько месяцев (Новый журнал. 1958. №52. С.55-62).

⁴ 3 декабря 1957 года Адамович писал Иванову: «Маркова прочел. Он, конечно, ударил по всем струнам, и Ты доволен. Но как он все-таки развязно пишет, а местами и глупо. Лучше писать, как правитель департамента, чем с таким “художеством”, как говорила бедная Вольская» (Минувшее. Вып.21. С.462).

⁵ В сборнике литературно-художественного кружка в Сан-Франциско «У Золотых ворот» (Oakland, [1957]) были опубликованы стихотворение Маркова «Подъезжая к Америке» («Вместо водорослей Гольфштрема...») и посвященный М.Лозинскому «Запоздалый некролог» (С.99-104), а также стихотворение Моршена «Над рощей тучи встали...» (С.51) и два стихотворения Струве из цикла «Пражские вечера»: «На Карловом мосту» («Над градом дымчатый закат...») и «В поезде» («Расцветают пожаром закатным...») (С.170-171).

⁶ Возражения Георгия Иванова вызвало предположение Маркова в статье «Запоздалый некролог», что «не отними революция у Лозинского возможности свободно писать о своем, он, может быть, так и остался бы третьестепенным акмеистом» (У Золотых ворот. Указ. изд. С.99). 14 декабря 1957 Иванов написал Маркову: «Случайно попался мне сборник “Золотые водчик, но какой же он третьестепенный акмеист? Он третьестепенный поэт

ворота” с Вашей статьей о Лозинском. Конечно, он замечательный переводчик, но какой же он третьестепенный акмеист? Он третьестепенный поэт (т.е. как собственное творчество), но он был натуральным врагом акмеизма – считая себя завершителем символизма и этим гордясь. Читали ли Вы “Горный ключ” – там сплошные турысы на колесах не хуже Вячеслава Иванова <...> Он был *несмотря* на свои стихи очень близкий человек нам всем. Вы бы могли знать (м.б.) его в Ваши аркадские времена. Трудно было быть очаровательней, умней и остроумней, лучше чувствовать поэзию, чем Мих<аил> Леонидович. Его, как говорится, нельзя было не любить, и поэзию его все мы рассматривали как бородавку на прекрасном лице» (Briefe... 1955–1958. В.85). Современные исследователи также считают, что хотя «Лозинский был близок к “Цеху поэтов” и журналу “Гиперборей”, но в стихах больше ощутимы воздействия Блока, Брюсова, реже Кузмина» и находят «усредненно-символистскую поэтику» «Горного ключа» вторичной (Кушлина О.Б. Михаил Лозинский. // Русская поэзия «Серебряного века». 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С.472).

⁷ Имеется в виду статья Николая Ивановича Ульянова (1905–1985) «Мысли о П.Я.Чаадаеве» (Опыты. 1957. №8. С.50-72).

⁸ Роман Е.Печаткиной (Евгении Сергеевны Исаенко) «Перекасти-поле» вышел отдельным изданием в Аугсбурге в 1954 году.

⁹ Грот Е. Корни творчества Есенина. // У Золотых ворот. Указ. изд. С.76-86.

¹⁰ Есенин С. Ключи Марии: Мысли о творчестве М.: Изд. Моск. труд. арт. худ. слова, 1919 (на тит.листе: 1920).

15

13-го января <1958 г.>

С Новым годом,
дорогой Владимир Федрович,

Сегодня 13 января – канун Нового Старого года – день, в который до войны устраивался грандиозный литературный бал¹. Но зачем вспоминать о том, что прошло, забвением поросло, как говорит поэт (я).

Лучше о настоящем. Мы очень рады за Вас, что морока с переездом прошла и снова у Вас и дом, и сад, и собакам есть разгуляться где на воле², как тоже сказал поэт (Лермонтов). (Один вздор я горюжу! Стыдно.)

Ну вот, поздравляем Вас от души и желаем всяческого благополучия и удачи на новом месте в 1958 году – и последующих.

Г<еоргий> В<ладимирович> хотел бы Вам сам написать, но он так плохо себя чувствует, что лежит весь день в каком-то полузабытьи.

Насчет «Кристалель»³ Вы абсолютно правы. Я в те дни еще почти не была знакома с Г<еоргием> В<ладимировичем>, но помню, с каким восторгом о переводе Г<еоргия> В<ладимировича> отзывались Гумилев и Лозинский⁴.

Боюсь, что и Лозинский часто так же отдаленно схож с переводимым оригиналом. Нет, простите, мне совсем не нравится

...как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням⁵.

Это по-моему просто плохо – не горестен, а горек. Не ломоть, а хлеб – или по крайней мере – ломоть хлеба. Сходить и восходить. Сначала бы уж восходить, а сходить потом. Но ведь, кажется, – «как круты ступени чужих лестниц». Но об этом не стоит спорить. Лозинский был умница и прелесть. Одно его стихотворение попало и в мой «золотой фонд»:

Проснулся от шороха мыши
И видел большое окно,
От снега белые крыши,
А мог умереть давно...

Вторая строфа слабая, но эта, по-моему, очаровательна. Обычно же он писал:

Тоску и радость прошлых дней
Я разливаю в два стакана...

и тому подобное. Зато острил замечательно⁶.

«Кристалель» в переводе Г<еоргия> В<ладимировича> потрясла мое сердце, и я написала – под влиянием, вот такими корявыми четырехударными паузниками – «поэму о Луне», напечатанную во 2-ом № «Дома искусства» с иллюстрациями Добужинского. Темой послужила легенда, найденная мной в книге сына Жорж Занд Мориса⁷, собиравшего всякие легенды и сказки.

И вот какое разочарование – непреднамеренная горечь слов рвется из моей души!

Если можно, пришлите дешевый маленький экземпляр «Кристалель». Здесь отдельно ее не достать. А мне хочется ее всю сверить.

Спасибо за Петербургский путеводитель. Г<еоргий> В<ладимирович> читает и перечитывает его и находит в нем все новые жемчужины.

Теперь я должна покаяться – я не читала статьи Ульянова, когда писала Вам, а только перелистала ее рукой небрежною, – и напрасно осудила. Прочитав, круто переменяла мнение. Она и содержательна, и интересна, и заставит расквакаться лягушек нашего эмигрантского болота – что тоже хорошо.

Кстати, Ульянов писал нам: «Чего больше в статье Маркова о Г<еоргии> В<ладимировиче>, коварства или любви?» Но это совсем между нами, никто не должен этого знать, кроме Вас. Да и Вам, мне кажется, я не должна была сообщать. Я ему ответила, что коварства никакого не заметила, т.к. его нет, а в Вашей любви к стихам Г<еоргия> В<ладимировича> и к нему самому не сомневаюсь. Лишнее подтверждение – читают не то, что написано.

Ульянов очень милый, но трудный человек. С нами, впрочем, он был милый и легкий, но в нем чувствуется каменное упрямство. В Нью-Йорке он не ужился, «в нем царит Ежовщина», по его словам. Я даже не поняла, в чем дело – такая я недогадливая⁸.

Статья Ваша очень многим поэтам пришлась по вкусу – потому что каждому хотелось бы, чтобы это о нем было написано. И она тоже заставляет квакать лягушек.

Насчет Печаткиной – конечно, она графоманка, но некоторые страницы «Перекасти-поле» выпадают и совсем хороши. Такая невероятная смесь меня удивила. Кстати, она меня именует «чуткой И<риной> В<ладимировной>» и просит кланяться «Вашему талантливому мужу». О себе же сообщает, что она очень изящна, женственна и хрупка. А Е.И.Грот какая? Она оказалась для нас кладом – шлет Lederplex и Екванил и доллары на рождественского индюка, превратившегося в утку.

Пишите побольше о себе и Вашей новой жизни. Нашла ли Ваша жена работу? Теперь это ведь легче будет ей. Я получила премилое письмо от Моршена. Какой он – опишите его, пожалуйста. С сердечным приветом.

Всегда Ваша

И.О.

<На полях:>

Г<еоргий> В<ладимирович> Вас целует, а я обнимаю всех Ваших четырех собак – четыре по числу детей Моршена. Я предпочитаю собак.

Пожалуйста, пишите Г<еоргию> В<ладимировичу>, он Вас очень очень любит и огорчается, когда от В<ас> долго нет писем. У него так мало радостей, вернее, вовсе никаких. Но Ваша статья его обрадовала – и по-настоящему.

¹ Благотворительные концерты в отеле «Лютеция» на вечерах встречи русского Нового года, сборы с которых шли нуждающимся, устраивались Комитетом помощи русским писателям и ученым с 1924 года. Начиная с 1927 года, к устройству их присоединился Союз русских писателей и журналистов в Париже, и встречи переросли в настоящие балы. На первом балу, 13 января 1927 года, Одоевцева вместе с Буниным, Куприным, Зайцевым и другими литераторами разыгрывала сочиненный ими сообща скетч, один из основных номеров программы. Балы в «Лютеции», называвшиеся также балами прессы, продолжались до 1937 года. (Последние два бала проводились в *salle Noche* и уже не 13 января, а 24 декабря 1937 и 31 декабря 1938 года).

² Из стихотворения Лермонтова «Бородино» (1837).

³ Кольридж Самозль-Тейлор. Кристабель / Перевод Георгия Иванова. Берлин: Петрополис, 1923.

⁴ Иванов так рассказывал Маркову историю с переводом: «Вот посылаю Вам листик из моей “Кристабели” (Кольриджа). Это последние стихи поэмы. Про этот кусочек Лозинский очень восхищался переводом, называл шедевром и не изменил редактуру ни строчки. Он вообще очень мало внес поправок в весь мой перевод. Но после него Гумилев, не знавший к тому же ни бе ни мэ по-английски, прошелся по ней “редакторской корректурой” и наврал чист черт знает чего. За редактора платили почти столько же по-старому, как за перевод. Скоро Гумилева расстреляли, а я, уезжая за границу, выкрал рукопись и продал ее “Петрополису”. По лени и наплева-тельству, я не удосужился снять гумилевских глупостей, и “Кристабель” появилась в обезображенном виде. Был бы у меня Кольридж в подлиннике, я бы теперь, на старости лет, исправил бы, “для потомства”. А впрочем наплевать» (Brieffe... 1955–1958. В.86-87).

⁵ Из перевода Лозинского «Божественной комедии» Данте. Иванов ото-звался на эти строки Лозинского в письме Маркову схожим образом: «Я читал здесь – большие куски – его Данта, зная его, не считаю, что это его переводческий шедевр. Вот хотя бы Вы приводите “как горестен устам”, “общенье будет глупых и дурных”, по-моему, весьма и весьма не на высоте» (Brieffe... 1955–1958. В.86).

⁶ Подробнее о Лозинском см.: Оношкович-Яцyna А.И. Дневник 1919–1927 / Публикация Н.К.Телетовой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С.355-456.

⁷ Морис Дюдеван-Санд (Dudevant-Sand; 1823–1889) – сын писатель-ницы, живописец и поэт, был весьма плодовитым автором. Трудно сказать, какую именно из его книг имеет в виду Одоевцева.

⁸ Друг и биограф Н.И.Ульянова Сергей Крыжицкий объяснял это следующим образом: «В 1953 году <Ульянов> был приглашен Американским комитетом по борьбе с большевизмом в качестве главного редактора русского отдела на радио “Освобождение”. Но Н.И. был сугубо принципиаль-ным человеком и не мог исполнять роль марионетки – делать то, что расхо-дилось с его убеждениями. Он расстался с “Освобождением” и в мае 1953 года переселился в Канаду» (Отклики. Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). Нью Хэвен, 1986. С.62).

Beau-Séjour
20-го марта <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Только что отнесла Ваше письмо Г<еоргию> В<ладимировичу> в госпиталь. Он уже больше недели находится там на исследовании. Ему стало так скверно, что он наконец согласился на это. Но переживает он это невероятно тяжело. И я с ним, конечно.

Вчера я говорила с старшим врачом госпиталя, которому кто-то сообщил, что Г<еоргий> В<ладимирович> «русский Виктор Гюго» – я с этим смехотворным мнением спорить не стала и не разочаровывала его – пусть будет Виктор Гюго, раз из-за этого он занимается здоровьем Г<еоргия> В<ладимировича>. – «Если бы он был обыкновенным смертным, я предоставил <бы> его его участи». Сказал он мне, что у Г<еоргия> В<ладимировича> «повреждена мораль» и что его надо хоть на время вырвать из дома и поставить в нормальные условия жизни. «Иначе вы можете себя уже считать вдовой». На мой ответ, что ничего подобного я сделать не могу, он даже рассердился – «у него же должны быть друзья и поклонники, которые не дадут ему погибнуть»¹.

У меня просто голова идет кругом. Совершенно не знаю, что делать и к кому обращаться за помощью. Может быть, Вы придумаете что-нибудь. Мне так страшно за него. Я написала Адамовичу, и он мне прислал уклончиво-любезно-подлое письмо²: «Не волнуйтесь – все будет хорошо», в виде утешения. Кстати, он написал о Г<еоргии> В<ладимировиче> статью, где Вам шпильки и комплименты³ – статьи еще не видели, но вряд ли она в каком-либо смысле сравнится с Вашей. Написала я также Е.И.Грот, оказавшейся пресердечной и предоброй, она все рвалась помочь нам «через прессу». Теперь мы и на это, конечно, согласны. Но как это организовать, чтобы получился серьезный результат? На все – и даже на большее я согласна.

Но раз я Вам уже пишу, то давайте на несколько минут забудем весь этот ужас. Г<еоргий> В<ладимирович> очень обрадовался Вашему письму и сейчас же прочел его. Остальные он кладет на столик и не читает, пока я у него – ведь мне, да еще по особенному разрешению – разрешается бывать у него час в день. Он очень просит сообщить имена этих двух поэтов, протестовавших против Вашей статьи, и еще большие подробности. Все это останется между нами и никак не отзовется на отношении Г<еоргия> В<ладимировича> к

его «гонителям», а его это очень развлечет. Пожалуйста, пренебрегите прописной моралью и доставьте Г<еоргию> В<ладимировичу> настоящее удовольствие. Никто никогда, клянусь, об этом не узнает, а он хоть немного развлечется. Сделайте это для него.

Повеселил его также и Моршен. Кстати, кланяйтесь ему от меня сердечно. Я не пишу оттого, что у меня нет свободной минуты – и еще оттого, что он так тяготится, по его словам, перепиской – даже со мной. Но то, что он меня воображает статуей, мне нравится – хотя я чрезвычайно подвижна и внешне, и внутренне – но все-таки лестно. Смешно, что его рассердил Принц. А мне он кажется очаровательным – т.е. Принц.

Спасибо за милые слова о моих стихах. Но чем же мы, о Господи, в стихах похожи с Г<еоргием> В<ладимировичем>? Не-ви-жу. Объясните, хоть туманно – постараюсь понять.

Кстати, стихи на смерть Полякова⁴ стал писать Г<еоргий> В<ладимирович>, и я у него украла тему и даже «концентрированный зной» и в тартарары. Впрочем, и в этом «Дневнике» много моих строк. И я (только совсем между нами) иногда передельваю, отдельваю и заканчиваю. Он же этим не занимается, а иногда дарит какой-нибудь огрызок на разживу. И я с благодарностью беру. Такая уж у нас общая кухня. Но для него я пишу совсем иначе, чем для меня.

Все это о стихах, как подготовка к главному. Я написала стихи, которые хочу Вам посвятить. Но только если это для Вас подходит. Вот они. Г<еоргий> В<ладимирович>, как Вы знаете, стал перечитывать В<аши> статьи и читал мне о Хлебникове вслух. Меня и Ваша статья⁵, и цитаты из Хлебникова «пронзили». Результатом чего и посвящение Вам:

Отравлен воздух, горек хлеб,
Мир нереален и нелеп,
Но жизнь все слаще, все нежнее.
...О Дон Кихоте, об Альдонце,
Той, что казалась Дульциней.

Заходит кухонное солнце
На фитиле жестяной лампы,
В кастрюльке булькает картофель,
Ни занавеса нет, ни лампы.

И Хлебникова светлый профиль
В венце и с венчиком на лбу

В пурпурном ящике-гробу.
Приветствую твою судьбу,
«Земного шара председатель»,
Приветствую в тебе Творца!
Я твой читатель – почитатель
(ница).

Как «дева ветреных забав»,
В себя дыхание забрав,
До локтя закатав рукав,
Я ложкой по столу стучу,
Понять – постичь тебя хочу, –
Твои пиррихии, спондеи, –
Заумный твой язык учу!
...Не до Альдонцы-Дульциней⁶...

Если Вам действительно они нравятся – но только совсем честно, до конца нравятся – я их Вам с радостью посвящаю. Если же Вас хоть что-нибудь коробит или царапает, то, конечно, не посвящу, и без всякой обиды, дружески не посвящу. Отвечайте честно.

От Струве, к удивлению, прибыл «Лебединый стан»⁷ с сухой надписью от издателя. (Стихи меня, к сожалению, не совсем восхитили, за небольшим исключением. Я ждала большего.) Все таки – ветка мира, хотя и закамуфлированная. Как Вам кажется? Я была бы очень рада, если это так. К Струве, хоть он меня и презирает, я питаю симпатию через Гумилева⁸, и вообще мне кажется, что в нем что-то милое. Г<еоргий> В<ладимирович> его вежливо поблагодарил и добавил, что Цветаева действительно родилась в 1894 году⁹. Впрочем,¹⁰ Струве наверно скажет: наверно, Георгий Иванов, как всегда, врет.

Я стала Вам писать в убийственно-самоубийственном настроении, а сейчас, поверите ли, чувствую, что улыбаюсь. Спасибо Вам за эту улыбку, правда, мимолетную. Вот опять уже «настает мой тихий ад в стройности первоначальной» со всеми волнениями, заботами и бессилием помочь Жоржу.

До свидания. Пишите нам обоим не откладывая. Нет, лучше ему.

Кланяюсь всем Вашим низко. Всего-всего хорошего Вам всем.
Ваша

И.О.

<На полях:> Г<еоргий> В<ладимирович> Вас обнимает и просит писать побольше и подробнее, несмотря на усталость.

¹ 30 марта 1958 года Марков пересказал в письме Глебу Струве весь эпизод с врачом, добавив: «Как же ему объяснить, что 1) люди вроде Вас и Моршена “В.Гюго” осуждают по причинам высшего порядка, 2) что у поклонников, вроде меня, сейчас нет денег, 3) что Лит<ературный> фонд тоже вряд ли поможет по причинам уж совсем высшего порядка. Если Иванов и Зайцев умрут, у эмиграции не станет *ни одной* переклассной фигуры в литературе» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

² Имеется в виду письмо Адамовича от 11 марта 1958 года (Минувшее. Вып.21. С.472-473). Адамович еще двумя годами раньше хлопотал о переводе Иванова с юга Франции поближе к Парижу, но натолкнулся на резкое противодействие со стороны тех, от кого это зависело. 26 сентября 1956 года он писал Алданову о Г.В.Иванове: «Я видел Вырубова и говорил с ним опять о их переводе в Париж. Он что-то предпринимает, но, по его словам, Долгополов заявил, что в тот день, как Иванов будет в одном из здешних домов, он подаст в отставку» (Coll. M.Aldanov. Bakhmeteff Archives. Columbia University. New York). Весной 1958 Адамович уже уверился в самом худшем исходе и утешал Одоевцеву, не имея никаких иллюзий. В.Марков 5 августа 1958 года сообщил Г.Струве: «Цетлина пишет, что Адамович собирает на Иванова “не потому, что И<ванов> нуждается, а чтобы скрасить его последние дни, т.к. он уже не поправится”» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

³ В статье «Наши поэты: Георгий Иванов» Адамович, в частности, писал: «Скажу мимоходом, что я редко бываю согласен с Марковым, мне редко бьют по душе его статьи, в которых явно что-то еще “не перебродило” и где при этом не заметно признаков, что затянувшееся брожение к чему-либо наконец приведет. Но Марков – талантливый человек, в его капризных и ребячески запальчивых писаниях есть неподдельная свежесть, есть игра живого ума, эти писания украшают сейчас нашу поблекшую и посеревшую печать, и я рад случаю хоть в чем-либо с ним согласиться» (Новый журнал. 1958. №52. С.55-62).

⁴ Имеется в виду стихотворение И.Одоевцевой «Средиземноморский ад...», посвященное «Памяти поэта Виктора Полякова», застрелившегося в Париже на площади Трокадеро перед войной 1914 года.

⁵ Марков В. О Хлебникове (Попытка аполгии и сопротивления) // Грани. 1954. №22. С.126-145.

⁶ Стихотворение Одоевцевой с посвящением «Владимиру Маркову» было опубликовано в «Новом журнале» (1958. №53. С.57) с разночтениями в пятой строфе: «Как дева ветреной воды, / Забыв озера и сады» и добавлением (видимо, пропущенной в письме по рассеянности) строки «От вдохновенья холодея» после «Твои пирихии, спондеи».

⁷ Цветаева М. Лебединый стан: Стихи 1917–1921 гг. / Пригот. к печати. Г.П.Струве. С вступ. ст. Ю.П.Иваска. Мюнхен, 1957.

⁸ Струве (совместно с Б.Филиповым) подготовил и опубликовал первое собрание сочинений Гумилева (Вашингтон, 1962–1968).

⁹ На самом деле Цветаева родилась 26 сентября (11 октября) 1892 года.

¹⁰ После «Петербургских зим» Струве не без оснований считал, что «Иванов часто врет без зазрения совести», о чем и сообщил Маркову 23 апреля 1953 года (а тот, по всей вероятности, передал позже этот отзыв Одо-евцевой). С недоверием отнесся Струве и на этот раз к сведениям, сообщенным Ивановым, и 6 марта 1958 года писал об этом Маркову: «Сегодня получил письмо от Георгия Иванова в ответ на посылку ему “Лебединого стана”. Благодарит за “внимание и за ценный подарок”. Подтверждает, ссылаясь на разговор с Цветаевой еще в Петербурге, даваемый Еленевой (и усиленно отрицаемый Иваском) год ее рождения – 1894. Фраза об этом довольно забавная: “При первом же знакомстве с Цветаевой (в квартире Каннегисеров, Саперный, 10, СПб) в разговоре с ней за чайным столом вместе с тем, что ‘только петербуржец не может оценить гениальности Эдмонда Ростана’ и что клоква в сахаре вкуснейшая из ‘конфет’, выяснилось, что мы оба родились в 1894 году»» («Ваш Глеб Струве»: Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.129). Впрочем, это не помешало позже Струве опубликовать письмо Иванова: Струве Глеб. Из моей переписки с писателями: Письма Г.В.Иванова, М.И.Цветаевой и М.А.Алданава // Мосты. 1968. №13/14. С.394-395.

17

Beau-Séjour
 Nyères
 21-го апреля <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Как видите, отвечаю Вам без промедления, в тот же час – за Г<еоргия> В<ладимировича>. Сам он так слаб, что писать не может. Спасибо Вам большое. Ваша мысль нам обоим кажется превосходной. Конечно, Вы как никто сумеете кликнуть клич – в этом мы убеждены.

Кстати, Е.И.Грот уже – от доброй души – узнав о горестном положении Г<еоргия> В<ладимировича> – обратилась к Струве (?) с просьбой устроить сбор, он, конечно, отказался¹. Но она так же недобдуманно обратилась и к Вейнбауму² и Лит<ературному> фонду³. Я, поблагодарив ее, попросила вежливо «воздержаться», т.к. такие ее выступления могут только повредить. Жаль, если она обидится, но ведь нельзя в таком деле глупить.

Вас Г<еоргий> В<ладимирович> с удовольствием и благодарностью уполномочивает заняться организацией помощи ему – и решает!

Конечно, надо это сделать как можно эффективнее и громогласнее, чтобы прошибить сердца и кошельки читателей. Если просто сообщить, что поэт Георгий Иванов болен и нуждается, – ничего не выйдет. Надо обратиться «к совести эмиграции» – как-никак, Георгий Иванов последний из русских дореволюционных поэтов и грех дать ему так бесславно – и преждевременно, ведь ему только 63 года – умереть.

А эмиграция уже имеет на своей душе грех гибели Марины Цветаевой, да и Ходасевича тоже никто, когда еще можно было, не поддержал.

Теперь, после смерти Ремизова, не осталось никого из «прежних» – не считая же Зайца за «настоящего».

Конечно, Вы правы и в том, что помощь должна быть регулярная. Самое лучшее, чтобы деньги поступали к Вам. Думаю, что лучше всего покупать у Вас франки на доллары, т.к. у Вас курс выше, или просто посылать нам чек американский, такой, как у Вас на любой американский банк. Здесь такие чеки легко и выгоднее меняют. Но все это подробности и мелочи. Главное, кликнуть клич.

Может быть – на Ваше усмотрение – дать подписать клич некоторым китам, вроде Карповича⁴, Гуля и тому подобным, кто захотят? Решайте сами – мы вполне полагаемся на Вас.

Г<еоргию> В<ладимировичу> действительно очень, очень плохо – и до сегодняшнего дня – ему с каждым днем становится хуже. Он почти все время в безучастном состоянии, в полусне. Вчера, когда меня не было дома, он соскользнул с дивана и в продолжении двадцати минут не мог встать, так я его и застала на полу.

Самое скверное, что здешние доктора не умеют определить, чем он болен. Одним давлением крови его состояния объяснить нельзя. Доктор мне недавно сказал: как? Вы все еще не отвезли вашего мужа в Париж? Там, может быть, разберут, что с ним, если Вы обратитесь к специалистам.

Но, спрашивается, как и на какие деньги я могу предпринять такое путешествие? Я просто теряю голову от отчаяния и бессилия. Я так боюсь, что не могу спать ночью, все прислушиваюсь к его дыханию.

Простите, что пишу Вам все это – но Вы один из настоящих друзей Г<еоргия> В<ладимировича> – их, к сожалению, немного.

Но довольно. Напишу и о себе, т.е.: о моих – Ваших стихах – о Хлебникове.

Спасибо за поправку – непонятная рассеянность с моей стороны. Конечно, «дева ветреной воды». Я поправила. И вот как получилось:

Как дева ветреной воды,
Забыв озера и сады,
Дыхание в себя забрав (и т.д.).

Гуль уже ответил, что пойдет в следующем номере «Нов<ого> журн<ала>» еще с одним моим. Я рада, что могу посвятить Вам, т.е. что Вы разрешаете.

Пишите, пожалуйста, даже если только несколько слов – по делу – и несколько – без дела – о себе. Сердечный привет всему собачьему семейству и поклон Вашей жене и Вам.

Пусть Вам на новом месте будет лучше, чем на прежнем.

Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Жорж целует Вас. Пять долларов дошли – спасибо и еще раз спасибо.

Скоро в издании «Нов<ого> журнала» выйдет книга стихов Жоржа⁵. В следующий раз пошлю Вам его новую фотографию. Его снимали на дому.

¹ 29 апреля 1958 года Глеб Струве писал Маркову о своих планах помощи Иванову: «Что касается дела помощи Иванову, то моя мысль была о том, чтобы в частном порядке, без всякого общественного воззвания, получить от ряда лиц (обратившись к ним с личными письмами) обязательство вносить ежемесячно такую-то сумму в фонд помощи Иванову, пока он находится в госпитале (или неопределенное время) <...> Таким образом, по моему плану (я могу, конечно, и ошибаться) воззвания в газетах не нужно; но если Вы считаете его необходимым и придаете значение моей подписи (она может иметь значение, я думаю, только если будет очень мало подписей, но если подпишут Карпович – его подпись, думается, существенна – Гуль и др., то без меня можно обойтись), я не откажусь подписать, хотя и хотел бы видеть текст. Но повторяю, мой план кажется мне целесообразнее. Вы когда-то в таком порядке помогали со сбором для Терапиано» (Собрание Жоржа Шерона, Лос-Анджелес).

² Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973) был редактором «Нового русского слова» с 1923 по 1973 год.

³ Литературный фонд – эмигрантская организация, созданная в 1918 году в Нью-Йорке группой лиц, среди которых видную роль играли генерал К.М.Оберучев, И.Л.Тартак, В.М.Берг. Первоначально носила название Общество помощи писателям и ученым. Занималась в основном устройством вечеров и сбором средств для больных или неимущих литераторов. Ее деятельность получила наибольшую значимость после войны, распространившись и на Европу. В те годы председателем правления был Марк Ефимович

Вейнбаум, казначеем – Берта Михайловна Авксентьева, представителями Литературного фонда во Франции – Наталья Алексеевна Недошивина и Николай Саввич Долгополов. О масштабах деятельности фонда можно судить по одному из отчетов Вейнбаума общему собранию: «Кампания наша за 1962–1963 год оказалась самой удачной за все годы существования Литературного фонда. Она дала 19 655 долларов с сентами, почти на тысячу долларов больше, чем в прошлом году <...> Самое большое число пожертвований дали, конечно, Соединенные Штаты <...> Как и в прошлые годы, больше всего пособий пришлось на Францию. Их было отправлено 238» (Вейнбаум М. О деятельности Литературного фонда (из доклада общему собранию 10 ноября) // Русская мысль. 1964. 24 ноября. №2234. С.4).

⁴ Михаил Михайлович Карпович (1889–1959) – профессор истории Гарвардского университета. В 1946–1959 годах редактировал «Новый журнал»

⁵ Сборник «Стихи 1943–1958 гг.» со вступительной статьей Романа Гуля был издан в Нью-Йорке при «Новом журнале» в 1958 году, уже после смерти Георгия Иванова.

18

<май 1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Письмо с 5-долларовым вложением дошло благополучно. Большое спасибо.

Пришло оно сегодня, когда Г<еоргию> В<ладимировичу> впервые за неделю стало настолько лучше, что он смог сам его прочесть. А шесть дней тому назад я думала, что это уже конец. У него был временный паралич, и он двое суток пролежал, не в состоянии двигать ни рукой, ни ногой, и только стонал и задыхался.

Случилось это с ним вследствие пребывания в госпитале, где его подвергли всяческому мучительному и напрасному исследованию, думая, что его надо оперировать. Все это оказалось докторской ошибкой, но Г<еоргий> В<ладимирович> так извелся в госпитале, что, вернувшись домой, чуть не умер.

Самое ужасное то, что позвать в дом доктора со стороны нельзя, а домашний не обращает внимания на больных, не желающих лечиться в госпитале. Мне пришлось одной ухаживать за Г<еоргием> В<ладимировичем> и днем и ночью. И это не только утомительно, но и очень страшно. Мне все казалось, что он умирает. Особенно страшно ночью!

Спасибо большое за все, что Вы делаете для Г<еоргия> В<ладимировича>. Помощь ему действительно необходима – немедленная помощь.

Ваша формула – «Если не понимаете, то вы ослы»... исчерпывающе точна, но лучше не дразнить подлецов, конечно. И немного сахара необходимо, чтобы они чувствовали себя героями за свою подачку. Литфонд меня поразил, прислав... 30 долларов. Для чего, спрашивается, стригут они баранов-читателей, если для Георгия Иванова, для его спасения не находится больше, чем эти гроши? У нас на 30 долларов даже нельзя сходить на осмотр к хорошему профессору. А Жоржу необходимо съездить хоть на месяц в санаторию. Он совершенно надорван, и доктор не скрывает, что его положение опасно – и с каждым днем ухудшается.

Неужели же ему действительно дадут погибнуть? Ведь его еще можно спасти. Но скоро будет поздно. И тогда никакие санатории не помогут. Но довольно об этом.

Вы правы, статья Адамовича¹ не так уже хороша и не без старомодности. Но все же не без лестности. И даже Вам комплимент отпущен, о чем он меня известил *заранее*. «Хоть на один раз согласился с Марковым, которого Вы так любите»². Но, конечно, ему новые стихи Г<еоргия> В<ладимировича> не очень-то нравятся. Он весь в прошлом, и прошлое ему всегда милее настоящего.

В моем Хлебникове, моем-Вашем, изменение – добавка:

Как дева втреной воды,
Забыв озера и пруды... и так далее.

А то получался вздор. Я просто забыла, что не забав, а воды. Но из-за этого получилось «богаче», забористее.

Видите, я даже о стихах рассуждаю, хотя мне сейчас ни до чего, кроме Жоржа, дела нет.

Желаю Вам и Вашей жене здоровья и всяческих удовольствий и успехов.

Как мало мы все ценим будничное благополучие и как часто зря огорчаемся. Я это поняла только теперь.

С сердечным приветом

Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> Поблагодарите всех участников помощи и себя в первую очередь от нас обоих.

А моей «Ночи в вагоне»³ Вы не заметили? Или не нравится?

¹ Имеется в виду статья Адамовича «Наши поэты: Георгий Иванов» (Новый журнал. 1958. №52. С.55-62).

² 2 февраля 1958 года Адамович писал Одоевцевой о том, что завершил статью: «Кстати, в начале сделан даже homage Вашему другу Маркову, с оговоркой, что он гимназист. Его статья Вам нравится, я понимаю, – но ведь это чорт знает что!» (Минувшее. Вып.21. С.468).

³ Стихотворение Одоевцевой «Ночь в вагоне» (1954) было впервые опубликовано в «Новом журнале» (1958. №52. С.50-53).

19

Beau-Séjour
9-го июня <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо и еще спасибо. И Вам, и Струве¹. Ему я на днях напишу. Сейчас я в таком состоянии, что почти не могу связать двух слов.

Чек страшно помог. С Жоржем были всякие ужасы, даже писать о них тяжело.

Мне было очень грустно, что и Вам плохо, и что Ваша жена должна поселиться в санатории. Что с ней?

Желаю Вам всего наилучшего – всем Вам, включая и оперированного песика.

С самым сердечным приветом и такой же благодарностью.

Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:>

Пожалуйста, напишите Жоржу письмо. Это его развлечет. Он ведь Вас очень и очень любит.

¹ Весь 1958 год Марков собирал деньги для Иванова, сформировав, по его собственному определению, группу помощи. Глеб Струве также передавал Маркову деньги для нелюбимого им Иванова. См. письма Маркова Струве (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

20-го июня <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Жорж очень хотел Вам ответить, настолько, что он сегодня утром сказал мне: «Я всю ночь писал Маркову письмо во сне и никак не мог справиться с Ф и написать Ф-Федрович, а это было необходимо». Вот видите, как он о Вас думает. Но письма от него Вы сегодня еще не получите, он так слаб, что даже газет не читает, несмотря на события¹.

Пожалуйста, пишите ему, для него это одна из редких радостей.

Теперь – о Вашем желании помочь ему. Нет, я совсем не согласна с Карповичем. Конечно, одновременная сумма – хотя бы только 200 долларов – очень нам полезна, и хорошо, что он хочет ее выхлопотать – но ежемесячная пенсия, помогающая иметь твердый бюджет, еще полезнее. Что до того, что рука дающего сможет оскудеть, то на этот риск надо идти. Да он и не так велик, обыкновенно люди держат свои обещания и не берут своего слова назад. Многие из «старших» писателей получали пенсии в продолжении десятка лет.

Насчет воззвания² – не оглядывайтесь ни на кого и составьте его так, как Вам хочется. Конечно, не следует скрывать, в каком жалком положении Георгий Иванов и что он живет в богадельне. Авось, кого-нибудь прошибет.

Только, конечно, не надо печатать воззвание в газетах, т.к. Литературный фонд как будто бы собирается нас поддержать. Но жизнь так дорога во Франции, а лечиться еще дороже, что я совершенно не знаю, как свести концы с концами. Кроме того, мне еще предстоит задача везти Жоржа в Париж к специалистам. Здесь даже толком не могут определить, что у него. Он с каждым днем слабеет. У него – и это ужасно – совершенно нет желания поправиться, нет воли к жизни. Ничто его не интересует, даже книга его стихов, издаваемая «Новым журналом», ему совершенно безразлична.

Большинство писем он даже не читает. «Прочти и ответь, что хочешь». Вы большое исключение, к Вам у него совсем особое отношение. Поэтому я Вас так настойчиво и прошу писать ему.

Предисловие к стихам Моршена³ – задача нелегкая. Прежние мне нравились чрезвычайно, но все эти глаза⁴ и Эллен Кей⁵ или как ее – нет, это не тема для стихов, и меня просто отталкивают такие упражнения. Но сам Моршен не без прелести, насколько я могу о нем судить.

Мне очень, очень грустно, что Вам живется сложно и трудно. Чем больна Ваша жена, переутомлением или серьезнее? Зачем ей санатория? Впрочем, отдохнуть в санатории всегда хорошо. Если бы я могла отвезти хоть на два месяца Жоржа в горную санаторию, я уверена, что он бы поправился. Но об этом и думать нельзя, оплата от 3-х тысяч в день. И дороже. А какую операцию и кому из собак делали? Надеюсь, теперь все прошло.

Простите, что пишу вздор. Я устала до невероятия, просто не представляла себе, что бывает такая интегральная усталость. Не понимаю, как я еще двигаюсь, разговариваю и, главное, ухаживаю круглые сутки за Жоржем. И как, несмотря на все, сохраняю веселость. Вот я и поплакала Вам в метафизический жилет. Ведь Вы, конечно, жилетов не носите. Но мне так хотелось пожаловаться и покусить – «Извиняюсь».

Как диссертация о Хлебникове? Неужели нельзя ее самому перепечатать? Или надо как-нибудь особо – парадно?⁶ Пожалуйста, опишите подробно Ваш дом и сад и Вашу голливудскую жизнь.

Ну, кончаю. Спасибо Вам огромное за то, что Вы делаете для Жоржа. Желаю Вам обоим покоя и радости. Жорж Вас целует и обнимает.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:>

Жорж просит послать «Грани», где Струве об Адамовиче и Цветаевой⁷. И вообще, если у Вас есть что-нибудь любопытное по-русски, по-франц<узски> ему читать не хочется, а русских книг нет.

¹ О событиях в Париже см. в письме Ю.Терапиано В.Маркову от 6 июля 1958 года: «События у нас начались неожиданно (конспирация была очень хорошая) и одно время грозили гражданской войной. Но у французов есть незаменимая способность становиться хладнокровными в решающие моменты и следовать велениям ума, а не сердца с большой выдержкой.

Президент Коти и де Голль – оба вышли с честью из труднейшего положения. Сейчас мягко, медленно, последовательно де Голль прибирает к рукам разбушевавшихся лейтенантов и штабс-капитанов, сдерживает “ultra” (крайне правых) и столь же твердо готов сдерживать и ultra-левых, но эти пока что сидят тихо.

В будущем, конечно, (осенью) во время референдума могут быть еще всякие волнения, но, думается, генералу удастся удержать вожжи в руках, за него сейчас % 75, а то и больше, т.к. прежний режим действительно привел

на край пропасти, а коммунистов, кроме их самих, никто не хочет» (Ми-нувшее. Вып.24. С.315).

² Это была очередная попытка Ивановых собрать денег в США. 23 апреля 1958 Адамович писал в Нью-Йорк А.А.Полякову:

«У меня есть к Вам дело или, вернее, вопрос. Я предпочитаю предварительно написать об этом Вам, а не прямо Вейнбауму, чтобы узнать Ваше мнение, в особенности, если Вы “позондируете почву”».

Дело касается Ж.Иванова. Он, по письмам его жены, очень болен, денег у них нет, лечиться не на что, а если Фонд им и помогает (?), то, конечно, мало, как и всем.

Вот о чем они просят: составить воззвание, в самых патетических тонах – великий поэт, гордость эмиграции, болен, нищ, умирает и т.д. – собрать подписи, немного, но самые лучшие, и поместить в “Нов<ом> р<усском> слове”.

Как Вы считаете – возможно ли это? Согласится ли Вейнбаум, как представитель Фонда? Ведь ему могут сказать, что зачем же тогда собирает Фонд, если отдельные писатели вызывают о помощи сами? даст ли это что-нибудь? У меня вообще много сомнений по этому поводу, но Ивановы уверены, что соберут целый капитал, – если хорошо все обставить»

(A.A.Poliakov Collection. Box 1. Bakhmeteff Archives. Columbia University. New York).

³ Марков писал предисловие к книге Моршена «Тюлень», которая вышла в следующем году (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959).

⁴ Имеется в виду стихотворение Моршена «Карло Гронко» («Чудесный труд закончил скальпель острый...») (Новый журнал. 1957. №49. С.104), снабженное авторским примечанием: «Аббат, завещавший свои глаза слепым детям».

⁵ Имеется в виду стихотворение Моршена «Разговор о Елене Келлер» («Ты только вдумайся: взамен...»). Американка Елена Келлер (Helen Keller; 1880–1968) в 19 месяцев после детской болезни осталась слепоглухонемой, но преодолела все трудности и смогла стать писательницей.

⁶ 26 августа 1958 года Г.Струве писал об этом Маркову: «Вчера впервые узнал по-настоящему, почему такие строгости в отношении внешней формы диссертации. Тут дело вовсе не в какой-то пустой придирчивости, а в том, что депонируемый в университете текст должен удовлетворять известным требованиям для фотографирования машинописи: на микрофильмы диссертаций есть большой спрос. Вот почему, когда диссертация депонируется, ее в Graduate Division просматривают страница за страницей, и если окажутся не удовлетворяющие их страницы (бледные, а может быть, и с поправками чернилами?), их возвращают кандидату для переписки наново» (Собрание Жоржа Шерона).

⁷ Имеется в виду статья Г.П.Струве «Об Адамовиче-критике» (Грани. 1957. №34-35. С.365-369).

12-го августа <1958 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я не писала Вам так давно, оттого что ничего утешительного сообщить не могла. Напротив даже – Жорж за это время был несколько раз при смерти. Так что Вы сами понимаете...

Мы оба рады, что Вам доставило удовольствие мое посвящение. И Вы правы, что нас с Вами связал Хлебников, которого я через Вас лучше узнала. А Моршеновское – «Мог ли ты в Ленинграде думать, что тебе посвятит стихи Одоевцева», бессмысленно. Мало ли что с нами всеми случилось, о чем мы и думать не могли. Кстати, я не имею отношения к Серебряному веку, я начала печататься в 1921 году и не хочу рядиться в павлиньи перья.

На днях выходит книга Жоржа – в ней Вас ждет сюрприз!¹ Какой, увидите сами, но надеюсь, очень приятный. Очень.

Спасибо за чек. Я на него купила Жоржу электрический вентилятор. Жорж буквально погибает от жары, особенно свирепой этим летом. А благодаря вентилятору в его комнате почти прохладно, и ему дышать гораздо легче.

Вы правы – сейчас нам деньги не нужны, хотя они и тают с невероятной быстротой, все же Жорж пока что обеспечен всем. Если его удастся спасти, то только благодаря Мих<аилу> Мих<айловичу> Карповичу². Все же у меня к Вам просьба – не найдется ли у Вас маленького радиоприемника а piles?³ Нельзя ли дешево купить по случаю? У нас электричество дают только когда стемнеет, и Жорж не может слушать радио весь день, а читать или даже разговаривать ему утомительно. И он очень скучает. У нас такой аппарат стоит 120 долларов, что нам не по средствам, случайных же тут не продают. Так если найдете...

Нам обоим чрезвычайно жаль, что с диссертацией получилось так не гладко. Но шесть месяцев пройдут быстро, и все выйдет благополучно. Раз диссертация уже готова, Вы можете отдохнуть теперь.

Пожалуйста, пришлите «Гурилев<ские> романсы». Я сделаю все, что смогу – посоветую, а с моими советами можете и не соглашаться – не обижусь. Но постараюсь, как для себя. Впрочем, «Романсы» так хороши, что ни переделок больших, ни пропусков не потребует. Это будет очень легко и меня совсем не утомит даже в моем теперешнем переутомленном состоянии.

Державинская строфа в прошлом Вашем письме прекрасна. Спасибо, я ее не знала.

Г<еоргий> В<ладимирович>, как и Вы, предпочитает разно-
стопным ямбам стихи, посвященные Вам, – он их очень хвалит и
был рад, что Вам они нравятся. Я же чувствую нежность к разно-
стопным. Кстати, и тут не без Вас – Данта Вы мне напомнили Ва-
шей статьей о Лозинском – видите, какую Вы играете роль в моих
стихах. Я писала их, когда Жорж был в госпитале. Госпиталь для
него действительно пытка.

Пишите Жоржу. Я буду за него отвечать. Желаю Вам всяческих
удач и всяческого благополучия.

Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Позавчера к Жоржу приезжал Адамович⁴. Мы го-
ворили с ним о Вас.

¹ Стихотворение «Полутона рябины и малины...», впервые опублико-
ванное без посвящения в составе «Дневника 1955» (Новый журнал. 1955.
№42. С.102), в сборнике было посвящено Владимиру Маркову.

² Стараниями М.М.Карповича Литературный фонд назначил Георгию
Иванову ежемесячную пенсию. 9 июня 1958 года Адамович писал Поляко-
ву: «Спасибо за письмо и сообщение о пенсии Жоржу Иванову. Они уже
получили первые 30 долларов, но не знали, что это будет каждый месяц»
(А.А.Poliakov Collection. Box 1. Bakhmeteff Archives. Columbia University.
New York).

³ на батарейках (фр.).

⁴ 20 августа Адамович написал С.Прегель: «Был недели две назад у
Ивановых в Нуёges. Совсем плохо, но сколько это может тянуться – не-
известно» (Письма Георгия Адамовича / Публ. В.Крейда // Новый журнал.
1994. №194. С.294). Почти то же самое повторил и в мемуарной статье: «Я
был у него в Иере <...> недели за две – за три до его смерти. Было ясно с
первого взгляда, что это конец... Но казалось – конец, который может еще
длиться» (Адамович Г. Георгий Иванов // Новое русское слово 1958. 2 нояб-
ря. №16663. С.8).

Дорогой Владимир Федрович,

Жорж незадолго до смерти сказал – напиши сейчас же Мар-
кову¹. Он Вас любил. А любил он мало кого, как Вы знаете.

После него осталось стихов на целую книгу, но я еще не могу их разобрать, даже перечесть те, кот<орые> он мне диктовал – он уже не был в состоянии писать. Иногда он говорил мне утром: запиши еще одно в «Посмертный дневник». Я помню наизусть стихотворений десять. Я их в следующий раз пошлю Вам. Они почти все о его смерти, и мне даже страшно о них думать².

Я не знаю, можно ли их все печатать – это такой обнаженный ужас жизни и смерти.

Но, конечно, я их все сохранила, как и все его – даже ничего не значущие – записи.

У вас много его писем – у меня сохранились все Ваши. Когда-нибудь можно будет издать Вашу с ним переписку³.

Как только я немного приду в себя, я начну писать о нем книгу.

Получили ли Вы уже его стихи? Я просила Гуля послать Вам и Струве. Обрадовались ли Вы посвящению?⁴ Теперь обо мне, но по желанию Жоржа. Он страшно беспокоился, что будет со мной, и даже написал трагическое обращение к эмиграции⁵, чтобы меня спасли. Он хотел, чтобы я как можно скорее уехала бы в Америку хотя бы на полгода. Он правильно угадал, что здесь мне не удастся успокоиться и придти в себя.

Здесь администрация дает мне отпуск на полгода-год, с сохранением за мной отдельной комнаты. Нашлись также люди, готовые оплатить мой проезд. Но визу – туристическую – получить трудно без affidavit'a. И вот Жорж придумал, чтобы мне на бланке университета прислали бы (фиктивное) приглашение читать лекцию о пок<ойном> Георгии Иванове и еще от издат<ельства> приглашение для устройства его лит<ературного> наследства. Вот об этом он и хотел, чтобы я написала Вам – еще при его жизни. Но мне это было слишком невозможно. Вам и Карповичу – Карповичу я уже написала и послала ему пять стихотворений «Посмертного дневника»⁶.

Посылаю Вам шестое. Я помню их еще несколько наизусть. Но писать их так больно. Эти стихи навеяны Вами – Вашим замечанием в статье не помню о чем: «Георгий Иванов превращает отчаяние в игру»⁷. По справедливости, Вы первый должны их прочесть.

Простите, больше не могу писать.

Вот оно⁸.

¹ 17 сентября Марков написал Глебу Струве: «Смерти Г.Иванова я не ожидал, думал, что у него только страшная депрессия (до сих пор не знаю причину его смерти). Теперь мучает совесть: за своими “проблемами” за-

бывал и оттягивал некоторые вещи, кот<орые> могли бы хоть скрасить последние дни» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

² Последние стихи Иванова не вызвали энтузиазма у Маркова, написавшего Глебу Струве 5 октября 1958 года: «Стихи, приложенные на отд<ельном> листке (если интересуют, пришло), имеют мало худ<ожественной> ценности, но они как-то внутренне (да и внешне) перекликаются с предсмертными стихами Есенина (которые я не очень высоко ставлю) и Маяковского. Последние я ценю, но там есть вкусовой спад (“инцидент исперчен”), и интересно, что подобное “словечко” роняет и Иванов» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

³ К этой идее Марков поначалу отнесся весьма скептически и 5 октября 1958 года написал Глебу Струве: «В письме Одоевцевой есть немало других наивных вещей (вроде издания переписки)» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto). Лишь в конце восьмидесятых годов он пришел к выводу, что издать письма Иванова все-таки нужно, и передал их Гансу Роте для публикации, осуществившейся в 1994 году.

⁴ Имеется в виду посвящение «Владимиру Маркову» стихотворения «Полутона рябины и малины...» в сборнике Георгия Иванова «Стихи 1943–1958» (Нью-Йорк, 1958).

⁵ Текст обращения был обнаружен В.Крейдом в письмах Адамовича к С.Прегель:

Благодарю тех, кто мне помогал.

Обращаюсь перед смертью ко всем, кто ценил меня как поэта, и прошу об одном. Позабойтесь о моей жене Ирине Одоевцевой. Тревога о ее будущем сводит меня с ума. Она была светом и счастьем моей жизни, и я ей бесконечно обязан.

Если у меня действительно есть читатели, по-настоящему любящие меня, умоляю их исполнить мою посмертную просьбу и завещаю им судьбу Ирины Одоевцевой. Верю, что мое завещание будет исполнено.

(Письма Георгия Адамовича / Публ. В.Крейда // Новый журнал. Указ. изд. С.296).

⁶ 1 октября 1958 года Марков писал Глебу Струве: «Посылаю Вам на прочтение письмо Одоевцевой, полученное мною на днях <...> Вся эта затея с приездом сюда по аффидавиту мне представляется несколько хлестаковской. Если ей оплачивают проезд, прекрасно, может, в ее положении и надо развеесться, но эта идея с **фиктивным** докладом... Надеюсь, что Карпович ответил ей что-нибудь деловое, но я хотел бы и В<ашего> совета во всем этом деле. Если я ей стану писать, что UCLA такого аффидавита не может дать, она может подумать, что мне просто неохота хлопотать, чего мне не хотелось бы. Уж если есть возможность каких-то официальных мер, то не от нашего карликового отдела, где Иванова и не знает-то никто. Но что можно сделать? Я бы хотел сделать все, что можно» (Gleb Struve Papers, 105-9. Hoover Institution Archives. Stanford University. Palo Alto).

⁷ Имеются в виду «Заметки на полях» В.Маркова, где речь, шла, в частности, о книге Адамовича «Одиночество и свобода». По мнению Маркова, «книга должна была бы содержать главу о Г.Иванове <...> Г.Иванов – большой поэт; он нигилизм довел до конца, трагизм в себя принял, но на крайних высотах отчаяния начал всем этим играть – здесь обнаруживается вершинный здравый смысл истинного художника» (Опыты. 1956. №6. С.62, 65).

⁸ К письму прилагалось написанное Ивановым в августе 1958 стихотворение из «Посмертного дневника» под названием «Отчаянье я превратил в игру...».

23

<конец сентября – начало октября 1958 г.>
Maison de Retraite
18, Av. Jean Jaurès
Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,
Отчего Вы не ответили мне? Вот уже три недели, как я в Gagny, под Парижем.

Если бы Г<еоргия> В<ладимировича> перевезли сюда год тому назад, он был бы и сейчас жив.

Это не письмо, а только напоминание о себе – и адрес.

Ну, всего хорошего.

И.Одоевцева

<На полях:> Получили ли Вы «Стихи»?¹

¹ Вышедший через несколько недель после смерти Иванова сборник «Стихи 1943–1958 гг.» (Нью-Йорк: Изд-во «Нового журнала», 1958).

24

31-го октября <1958 г.>
18, Av. Jean Jaurès
Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,
Ваше письмо меня очень огорчило. Я никак не ожидала такой оценки посмертных стихов Г<еоргия> В<ладимировича>.

Для меня они – чудо, и меня не только восхищают, но и потрясают – мне кажется, что он в них, т.е. во всем цикле, достиг своей вершины – и человечески и поэтически.

Но возможно, что я пристрастна – для меня они так тесно связаны с его последними днями, что я могу ошибаться. Хотя вряд ли.

О его смерти я ничего не в силах еще написать. И это лучше для Вас, а то бы и Вы, как и я, провели бы не одну бессонную ночь. Это было ужаснее ужасного. Когда-нибудь потом я расскажу обо всем, но сейчас не могу.

Насчет Америки. От Америки я ничего не жду. Как и вообще от жизни. Это было желание Г<еоргия> В<ладимировича>. Он непременно хотел, чтобы я поехала в Америку, думая, что там я скорее успокоюсь. Ему казалось, что после его смерти многие протянут мне руку помощи – в память его. Но он лишний раз ошибся. Никаких приглашений я не получила. Ничего, кроме бесплатного путешествия – от здешних друзей. Но так как я вряд ли поеду в Америку – не по своей вине – то об этом не стоит беспокоиться. Кстати, я никакого аффидавита у В<ас> не просила, а только фиктивного приглашения читать лекцию о Г<еоргии> В<ладимировиче> – это облегчило бы получение визы. Но сейчас и это отпадает. Во всяком случае, спасибо за хлопоты. Жаль, что даже это его желание не исполнится.

Что Вы думаете о шуме, поднятом вокруг Пастернака? Известно ли Вам, что в 53 году Г<еоргий> В<ладимирович> был одним из кандидатов на Нобелевскую премию?¹ Как различны их судьбы. Вы правы, о Г<еоргии> В<ладимировиче> никто не знает – не только в Америке, но и в Европе, даже во Франции. Никто не отметил его смерти.

Напишите мне о себе побольше. Я верю в Вашу дружбу.

Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:>

Что говорят о «Стихах»? Если вообще говорят. Мне очень интересно. Видели ли Вы *Doce Poetas Rusos XIX–XX*, издан. в Buenos Aires?

¹ В своей книге «На берегах Сень» Одоевцева пишет о Георгии Иванове, что «приехавший из Америки профессор М. сообщил ему, что Америка представит его кандидатом на Нобелевскую премию следующего года, если будет благоприятствовать политическая конъюнктура. Но конъюнктура, как

и можно было ожидать, оказалась неблагоприятной» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.191). См. также письмо Адамовича Одоевцевой от 22 октября 1957 года (Минувшее. Вып.21. С.456-457).

25

6-го декабря <1958 г.>
18, Av. Jean Jaurès
Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Ну, вот наконец и от Вас письмо – и сразу даже два в Gagny – мне и Терапиано. Спасибо.

Но давайте для начала выясним недоразумение. Я давно – неделя шесть тому назад – решила не ездить в Америку, и Ваше милое отсоветование только совпало с моим (уже устарелым) решением и никак меня огорчить не могло.

Этого хотел Г<еоргий> В<ладимирович>. Он себе совсем иначе представлял «резонанс» его смерти.

Но об этом не стоит. Он, кстати, никак не мог думать, что перевод в Gagny, – который спас бы его от смерти, так как он погиб главным образом от климата Иера, и это всем было известно, – что этот самый перевод для меня осуществится в одну неделю – да еще и с отдельной комнатой, что здесь большая редкость, – прямо по щучьему велению.

Он боялся, что я буду вынуждена остаться в Иере, что мне после его смерти было бы невыносимо. Все всегда мне бы напоминало о пережитом ужасе – другого слова, чем ужас, я не нахожу.

Но здесь, в Париже, я понемногу оживаю. Здоровье мое за это время пришло в расстройство и я сейчас целыми днями лежу, когда не езжу в Париж, где у меня, слава Богу, много друзей, всяких, русских и французов, старых и молодых.

Но вот Вы спрашивали – есть ли у Вас близкие в Америке? Нет, но это меня не беспокоило бы. Нет, но были бы, если бы я туда переехала. Я совсем не представляю себе, как можно не иметь близких и друзей – где бы и при каких бы обстоятельствах не находиться. Друзьями обрастаешь быстро, иногда даже против собственного желания. Впрочем, я всегда помню – «Друзья мои! Нет на свете друзей». В высоком плане, может быть, это правильно, но в житейском – друзья мне необходимы. Я очень интересуюсь людьми

и не требовательна ни к их уму, ни таланту. Этого ведь у нас самих довольно. И сколько замечательных кроме этого. Но в доме Gagny я ни с кем, кроме Терапиано, не разговариваю. Здесь старики и старухи – зубры, глубоко православно-монархичные и злостные сплетники. Терапиано же, которого я совсем мало прежде знала, оказался премилый. Но он, бедный, захворал, и его свезли в госпиталь¹. Ему, слава Богу, лучше, и он скоро вернется.

Теперь у меня к Вам странная и даже немного неприличная просьба – пожалуйста, не говорите никому, что Вам не нравятся стихи «Посм<ертного> дневника» – очень Вас прошу об этом.

Г<еоргий> В<ладимирович> сказал мне: «Знаешь, мне кажется, что я этим поставил себе сам памятник». Мне это тоже кажется, и для меня огромное утешение, что и читатели так думали бы. А если начнут сомневаться – мне это было бы страшно больно – за Г<еоргия> В<ладимировича>.

Конечно, я понимаю, что Вы относитесь к стихам очень честно. На этот раз покрывите душой – не говорите ничего. Очень, очень Вас прошу. Я хотела бы, чтобы эти стихи действительно стали бы «памятником». Для меня как раз страшно важно, когда и как они были сочинены.

Напишите подробно, как Вы живете в Холливуде. Как здоровье Вашей жены? И как ее карьера? Стали ли Вы уже профессором? Г<еоргий> В<ладимирович> Вас любил, и я в память его чувствую к Вам большую нежность. Мне бы «потерять» Вас было бы очень обидно. И грустно. Ну, конечно, писать мне, если Вам некогда, не надо. Мои чувства к Вам от этого не изменятся.

Пусть Вам всем будет хорошо. Поцелуйте от меня Бобку. Как ему нравится новая жизнь?

С сердечным приветом

И.О.

¹ Юрио Терапиано была сделана операция, о чем он сообщил Маркову 16 февраля 1959 года, по возвращении из госпиталя: «Болезнь моя, увы, еще не кончилась. После первой острой фазы, которую ликвидировали в госпитале (должен запастись терпением), вторая фаза будет длиться “много месяцев”, по словам врача, и во время нее возможны боли, тошноты и т.д. – всегда так бывает, когда отнят желчный пузырь. Затем все само собой становится на место. А пока – то, что “возможно”, меня изводит...» (Минувшее. Вып. 24. С.321).

12-го февраля <1959 г.>
18, Av. Jean Jaurès
Gagny (S. et O.)

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше милое письмо. К сожалению, о себе ничего хорошего сказать не могу. Я все хвораю и чувствую себя совершенно отвратительно – даже хуже, чем в Нуёges. Но об этом мне писать слишком грустно.

Лучше о Вас. Читала Вашу статью в «Мостах»¹ и, простите, не согласна с Вами, что короткие стихи непременно должны нить, а длинные будут оптимистичны – огрубляю Вашу мысль для краткости, простите.

Я сама почти всегда пишу длинные стихи, но мой оптимизм совсем не зависит от их длины, а от моего характера. Длинных стихов сейчас почти никто не пишет – не хочется никому, да и дыхания иногда не хватает. Но уверяю Вас, что в длинных стихах стонали бы так же, как и в коротких, только длинные стихи сейчас считают, за исключением нескольких поэтов, совершенно несовременными. Уже Гумилев со мной спорил и уговаривал меня не писать баллад, уверяя, что стихи больше чем 7 строф выдержать не могут – т.е. непеносимы для читателя. Я, как видите, его не послушалась.

Кстати, Гуль по ошибке порезал мое последнее стихотворение в «Н<овом> журнале» и тем его совершенно испортил. Но меня сейчас это не огорчает – не до того мне. В «Посм<ертном> дневнике» в «Аспазии» тоже опечатка. Вместо «А кто она была такая?» напечатано «А кто она такая?» – на стопу меньше. Выбор стихов – я послала их довольно много – неудачный. Слишком какой-то сказочно-игрушечный: «Бре-ке-ке» и «Аспазия» и «Размахайчик» подряд, конечно, помещать не следовало. Но этого я Гулю не писала – он страшно обидчив², и я не хочу его обижать ничем. Это я только Вам. Как у Вас со стихами? И довольны ли Вы Холливудом? Я очень рада, что не поехала в Америку, там бы мне наверно было бы еще хуже в моем состоянии. И климат Нью-Йорка меня бы доканал.

Как здоровье Вашей жены? Надеюсь, что она совсем поправилась. А что Ваша матушка нашлась³, все-таки очень хорошо – хотя, конечно, беспокоино. Это я понимаю. Поцелуйте от меня всех собак.

Пишите мне, пожалуйста, побольше о себе. И не откладывайте слишком. Всего-всего наилучшего.

Ваша И.О.

¹ Статья Маркова «О большой форме» (Мосты. 1958. №1. С.174-178).

² Кленовский 7 августа 1954 года писал Маркову о том же: «Грубость Гуля – общеизвестна, мне на нее жаловались многие. Да и на своей шкуре я ее испытал: весной прошлого года, обидевшись на одну мою пустяковую авторскую просьбу, Гуль, после самых восторженных отзывов о моих стихах, вдруг, со злости, не иначе, наговорил мне о них в письме такого, что мне, при всем моем миролюбии, не осталось ничего другого, как отказаться от дальнейшего сотрудничества в “Н<овом> ж<урнале>” <...> Он груб, злостен и злопамятен, когда он обижается (а обидчив он до крайности и притом по пустякам); по мнению хорошо знающих его людей, это у него своего рода болезнь» (Собрание Жоржа Шерона).

³ В конце пятидесятих годов, после многих лет разлуки Марков нашел свою мать, начал переписываться с ней и слать ей посылки в Советский Союз. В шестидесятые годы она приезжала в гости к сыну в Лос-Анджелес.

27

5-го января 1960 г.
18, Av. Jean Jaurès
Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,
«Вот наконец оно само,
Столь долгожданное письмо!»),

как когда-то писал Гумилев. Все же очень мило, что Вы в конце концов обо мне вспомнили. Рассчитывать на Вашу дружбу я, конечно, не имела никакого основания. Это бедный Жорж, умирая, тешил себя всякими иллюзиями о предполагаемых друзьях, которые в память его... и так далее. Я же ни от кого ничего не ждала и не жду, и то, что Вы все же нашли возможным написать, мне очень приятно. Спасибо.

Я рада, что для Вас, по-видимому, все устраивается. Жаль только, что Вы не пишете стихов. Жду выхода «Гурилевских романсов». Критика, конечно, будет хорошая. В «Р<усской> мысли» Терапиано¹, который очень любит «Гур<илевские> романсы». А в «Н<овом> р<усском> слове» кто? И в «Нов<ом> журнале», который, кажется, не собирается умирать². А как Вам понравился Ульянов об Азефе?³ Вот это критика. Тут она произвела сенсацию пышностью подхалимажа. Даже жаль Ульянова, несмотря ни на что.

Как ни странно, я до сих пор не читала «Воздушных путей», но слышала, что Ваша статья очень интересна⁴.

С Моршеном я, действительно, сердечно подружилась, он неожиданно оказался страшно милым ко мне. А тут еще появился его

очаровательный «Тюлень» – до чего очаровательный. Я о нем написала с большим удовольствием для «Нов<ого> журнала»⁵, который никак не может появиться.

Обо мне довольно безутешно. Я все время больна, и доктор даже предупредил, что «опасно». Но это неинтересно.

А как Ваше собачье семейство? И как Вам живется в Холлиуде? Как здоровье Вашей жены? Надеюсь, хорошо.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всем всяческого благополучия, и Вашей матушке также.

Теперь у меня к Вам просьба – очень грустная: Жоржин гроб хотят перенести на парижское кладбище, где лежат все писатели, а пока он находится в fosse commune⁶ в Нуёгес, т.е. через 3 1/2 года у него даже могилы не будет. Устраивается комитет для сбора средств на перенесение и покупку места на кладбище в St. Genevieve⁷. Так вот, хотите ли Вы быть членом комитета? Пишу Вам об этом под конец оттого, что мне это очень трудно.

Всего наилучшего.

И.Одоевцева

<На полях:> И.Агуши⁸ написала мне, я ей ответила, что у Вас есть письма, – только, пожалуйста, показывайте «с выбором» и осторожностью. Жорж Вам писал слишком откровенно для посторонних глаз. На диссертацию не очень рассчитываю, т.е. на ее ценность.

Вот мои последние стихи:

<к письму было приложено стихотворение «Все было, было, бы... Лето под лампой...»⁹>.

¹ Статья Терапиано о «Гурилевских романсах» и книге Корвина-Пиотровского «Поражение» (Париж: Рифма, 1960) была опубликована под названием «Новые книги» (Русская мысль. 1960. 14 мая. №1525. С.8).

² На «Гурилевские романсы» опубликовали рецензии Ю.Иваск (Опыт. 1959. №9. Подп.: Ю.И.), О.Анстей (Новое русское слово. 1960. 18 сентября) и Ю.Офросимов (Новый журнал. 1960. №61. С.302-303. Подп.: Ю.О.). Последняя в «Указателе содержания “Нового журнала”», опубликованном в №190/191, атрибутирована Юрию Одарченко, что вряд ли верно, поскольку Одарченко, в отличие от Офросимова, такого рода рецензий не писал.

³ Роман об Азефе и Савинкове, издававшийся до войны под названием «Генерал БО» (Берлин: Петрополис, 1929), Р.Гуль напечатал после войны в переработанном виде под заголовком «Азеф» (Нью-Йорк: Мост, 1959).

⁴ Имеется в виду статья Маркова «Стихи русских прозаиков» (Воздушные пути. 1960. №1. С.135-178).

⁵ В статье, написанной по поводу выхода книги «Тюлень» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1959), Одоевцева расхвалила Моршена, заручившись все-

ми возможными авторитетами: «Стихи Моршена чрезвычайно понравились бы Гумилеву <...> Георгий Иванов считал Моршена “одной из главных надежд нашей смены” <...> В заключение мне хочется только поставить имя Моршена рядом с именем Пастернака. Но не для того, чтобы сравнивать их стихи <...> Моршен, как и Пастернак, пример того, что русский человек может даже в “страшном мире” сохранить себя» (Одоевцева Ирина. О Николае Моршене // Новый журнал. 1959. №58. С.116-121).

⁶ братской могиле (фр.).

⁷ Перенесение праха Георгия Иванова из Йера в Париж на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа состоялось в 1963 году. См.: Шулепова Э.А. Русский Некрополь под Парижем. М., 1993. С.43.

⁸ Ирина Георгиевна Агуши в то время готовила к защите докторскую диссертацию «Поэзия Георгия Иванова» (Cambridge, Massachusetts: Radcliffe College Dissertation, 1960); см. также опубликованный сокращенный вариант диссертации: Agushi Irina. The poetry of Georgij Ivanov // Harvard Slavic Studies. 1970. Vol.V. P.109-153.

⁹ Стихотворение «Все было, было, бы... Лето под лампой...» впервые опубликовано в «Новом журнале» (1960. №60. С.68).

28

21-го февраля 1960 г.
18, Av. Jean Jaurès
Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше такое милое письмо. Нет, я не верю, что мысль изреченная есть ложь. Мне кажется, что всякую мысль можно выразить словами – мысль, а не ощущение, конечно, – или недодуманную полумысль.

Во всяком случае, Вам это со мной удалось – никаких холодных ноток, как видите, не осталось. И я очень рада этому – мне за последнее время пришлось пережить столько разочарований, что всякое проявление симпатии, которому я могу верить, меня не только трогает, но и удивляет.

Рада я также, что Вам понравилась моя статья о «Тюлене». Надеюсь, что и Моршен останется ею доволен. Но разве кто-нибудь, кроме Трубецкого, «тяфкал» (через ф, как писал Гумилев. Он был еще безграмотнее, чем я) на «Тюленя». С Трубецким считается не стоит, и вряд ли кто-нибудь относится серьезно к нему и его писаниям. Я читала очень лестную критику Струве¹, и Терапиано его тоже очень хвалил в «Р<усской> мысли»². А где же и кто же еще о

нем писал? Сообщите, пожалуйста, чтобы при случае лягнуть обидчика «Гюленя».

Теперь, непонятно, с моей точки зрения, почему Чиннов сильно повысился в чине, с нележкой руки Адамовича³. Ничего против Чиннова я не имею – ни за, ни против. Просто он мало оригинален – Георгий Иванов постоянно слышится в его стихах⁴ – делает он свои стихи с несомненным мастерством и даже виртуозностью – но меня он не интересует. А шум, поднимаемый вокруг него, не только безвкусен, но и смешон. Но это, конечно, между нами – хотя я знаю, что с Вами бояться сплетен нечего. И слава Богу. Здесь даже у стен уши и все сейчас же становится всем известно и все стремятся всех со всеми поссорить. Милые люди – Софья Прегель⁵ и Терапиано – ни интригами, ни сплетнями не занимаются. «Гурилевские романсы» еще не вышли. В «Р<усской> мысли» о них – и хвалебно, конечно – будет писать Терапиано. А в «Новом <русском> слове» кто? Впрочем, у них пресса будет отличная. Я Вас понимаю, они успели Вам стать почти чужими. Слишком много времени прошло. Все же хорошо, что они наконец будут напечатаны «Рифмой»⁶ – ведь еще Ирина Яссен писала мне об этом, и мы с Г<еоргием> В<ладимировичем> радовались за Вас.

Спасибо за желание написать Е.И.Грот и Моршену. Мне это и трудно и грустно. Почему Г<еоргий> В<ладимирович> похоронен в fosse commune? Но разве Вы не понимаете? Его похоронили, как хоронят всех богадельцев. И я вначале даже была против переноса его гроба. Раз его не захотели спасти, когда еще не было поздно, перевоз в Париж мне казался просто оскорблением его памяти. Сейчас я думаю иначе, и мне страшно, что через три года – если его оставят там – его просто сбросят в настоящую fosse commune, пока что у него два метра земли, но там можно только ждать окончательного места вечного успокоения. Если бы Вы знали, как мне тяжело и больно говорить об этом. И ведь даже неизвестно, удастся ли собрать достаточно денег. Впрочем, Водов⁷ меня «успокаивает»: «Живому не дали, мертвому дадут». А нужно не меньше 800 долларов. Не знаю, не знаю, но и в Нуёres если купить могилу, то это будет стоить немногим меньше.

Я написала Гулю, но к моему изумлению, он даже не ответил мне. Донесли мне, что он недоволен моей статьей – не того ждал. Но я не Завалишин⁸ и Ульянов – подхалимажем не занимаюсь. И так меня многие осуждали за чрезмерные похвалы. Но насчет ужасного стиля я не могла промолчать. И это его обидело. Ведь он сам выбрал меня в восхвалительницу – и оказывается, напрасно. Где мне с Ульяновым тягаться!

Простите за это скучное и тягостное письмо. Я всю зиму хворала, сейчас начинаю немного оживать. Живется мне неважно, даже очень. Если бы я могла работать, я была <бы> довольна. Но это мне еще не удастся – пока. Только иногда сочиняю стихи или какую-нибудь чепуху для «Р<усской> мысли». Ни денег, ни успеха это не дает, к сожалению. А без того и другого – трудно.

Вы забыли, Вы мне писали о моем Хлебникове. Но мне, конечно, очень приятно, что Вы его одобряете. Мне хотелось бы знать, что Вам понравилось в моих новых стихах? Напишите откровенно – и что не нравится. Подумайте, приехавшие из Москвы студенты читали наизусть стихи Г<еоргия> В<ладимировича> и говорили, что он их любимый поэт. Мне это вчера передали.

Желаю Вам всего наилучшего. Не забывайте меня хотя бы в память Г<еоргия> В<ладимировича> – ведь он Вас любил.

Ваша И.О.

<На полях:> Ваша статья в «Воздушных путях» очень хороша, чего не скажешь о «Темах» Адамовича. А как Вам нравится Ахматова?⁹

Для ясности – стать членом ком<итета> значит только дать свое имя – и не обязывает ни собирать деньги, ни хлопотать, писать и т.д.

¹ Струве Г. Дневник читателя: О стихах Н.Моршена // Новое русское слово. 1959. 13 июля.

² Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1959. 16 мая. №1369. С.4.

³ Д.Кленовский считал, что поэтическая репутация Игоря Владимировича Чиннова (1909–1996) была решена после хвалебной статьи Адамовича «Новый поэт» (Новое русское слово. 1952. 23 марта. №14576. С.8): «С тех пор (что значит подпись “Адамович”) Чиннов числится, так сказать, в полковниках от поэзии. После похвалы А<дамовича> никакой другой критик уже не укусит» (Письмо Д.Кленовского В.Маркову от 17 июля 1954 года. Собрание Жоржа Шерона). Позже Адамович рецензировал все книги Чиннова и неизменно отзывался о нем очень высоко.

⁴ Больше всего Чиннов был похож в своих стихах на Георгия Иванова в ранний период творчества, т.н. период «парижской ноты». Позже, перебравшись в Америку, он несколько изменил свою стилистику. См. об этом подробнее в диссертации И.И.Большечева «Творческий путь Игоря Чиннова» (М., 1999).

⁵ София Юльевна Прегель (1894–1972) – поэтесса, критик, издатель, мемуарист, редактор журнала «Новоселье» (1942–1950), директор издательства «Рифма» в 1957–1972. В эмиграции с 1922 года, жила в Берлине, затем Париже (1932–1942), Нью-Йорке (1942–1948) и снова в Париже.

⁶ «Рифма» – издательство, основанное в Париже в 1949 году Ириной Яссен (наст. имя Рахиль Самойловна Чеквер; 1893–1957) и печатавшее только сборники стихов. В редколлекцию входили, помимо самой Яссен, Г.Адамович, С.Маковский, Г.Раевский, П.Ставров, а также А.Элькан, которая была и секретарем издательства. После смерти Ирины Яссен заведовала издательством до своей кончины в 1972 году София Прегель, а затем Юрий Терапиано. Подробнее см.: Терапиано Ю. Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта.

⁷ Сергей Акимович Водов (1898–1968) – журналист, эмигрант с 1920, сотрудник «Последних новостей». После войны ближайший сотрудник со дня основания, а с 1955 года – редактор газеты «Русская мысль».

⁸ Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915–1995) – эмигрант второй волны, критик, поэт, жил в США, сотрудник «Нового русского слова», «Нового журнала», «Граней», «Мостов» и др.

⁹ В первом номере альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960) была опубликована статья Маркова «Стихи русских прозаиков» (С.135-178), эссе Адамовича «Темы» (С.43-50) и начало «Поэмы без героя» Ахматовой (С.5-42).

29

22.3.60

Дорогой Владимир Федрович,

Не дождавшись от Вас ответа, пишу сама, чтобы поблагодарить за 100 новых франк<ов>, полученные – через Вас – от епископа Сан-Францисского¹. Большое спасибо. Огромное. И еще, чтобы попросить Вас прислать Вашу статью о Г<еоргии> В<ладимировиче> – знаю от Гуля, что Вы написали – и напечатали².

На этой благодарности кончаю, в надежде, что Вы найдете минуту вспомнить обо мне.

Но не настаиваю и не тороплю.

Сердечно Ваша

И.Одоевцева.

¹ Князь Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902–1989) принял монашеский постриг под именем Иоанна в 1926 году и был священником в Югославии и Германии (1927–1946), затем в США епископом Бруклинским (1947), деканом Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке (1948–1950), епископом Сан-Францисским (1950–1960), много писал на церковные, философские и богословские темы, печатал стихи под псевдонимом Странник, переписывался со многими литераторами русского зарубежья. Позже, в 1961 году, был возведен в сан архиепископа Сан-Францисского.

Подробнее см.: Голлербах Е.А. К истории русской зарубежной литературы: Материалы из архива архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Д.А.Шаховского) // Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. II. №2. С.231-320.

¹Одоевцева ошибалась, в этот период Марков ничего о Георгии Иванове не печатал, о чем и не замедлил сообщить (см. следующее письмо).

30

31-го марта <1960 г.>
18, Av. J.Jaurès
Gagny S/O

Дорогой Владимир Федрович,

Конечно, было бы правильнее дождаться «Гурилевских романсов», перечесть их и тогда, уже под новым впечатлением от них, ответить Вам.

Но Ваше письмо меня так удивило, что я должна сейчас же постараться выяснить, за что, собственно, Вы меня «дружески ругаете» и где и когда Вы слышали или читали, что я произвела Аронсона¹ «чуть ли не в лучшие эмигрантские критики»? Нигде и никогда (даже в письмах) я о нем ничего не писала. Имя его здесь воспроизведу здесь письменно впервые. Другое дело, что я считаю его никаким критиком и болваном, но даже мнения такого я, кажется, и в разговорах не высказывала – за слишком ясной очевидностью его, вроде «Волга впадает в Каспийское море». Но – и тут я холодею – что-то о нем чрезвычайно лестное припоминаю, подписанное некой Зинаидой Шех..., Шах... или Ших-разевой или -разниной², не помню. Неужели же, неужели и Вы приписали мне ее писание? О, Господи! Здесь в Париже пущен был этот гнусный слух, но я никак не предполагала, что он мог долететь до Америки. Нет, клянусь памятью Г<еоргия> В<ладимировича>, никогда я не подписывалась Ших-, Шах- или как ее там. К тому же она, если помню, восхищалась моей статьей (что вряд ли я, при каких бы то ни было обстоятельствах, могла сделать) и ругала Оцупа³ (тоже вполне немислимый для меня поступок). Что же касается Аронсона – то это был бы грех меньший, чем два предыдущие, однако я в нем – о, нет – не грешна.

Я сочла недостойным себя отречься от авторства этой статьи, однако Водов тогда же поместил заметку, в которой от редакции «Р<усской> мысли» заявил, что З.Ших... или Шах... не имеет ни-

чего общего с И.Одоевцевой⁴. Кстати, это кажется был Зиновий, а не Зинаида, т.е. лицо мужского пола, сумевшее сохранить анонимат, но замолчавшее после своего неудачного выступления.

Но то, что Вы меня приняли за него, меня глубоко огорчает. Боже мой, до чего же Вы меня не знаете. И насколько не «видите» и не «чувствуете». Даже страшно становится. И стоит ли вообще печататься, если умные и дружеские глаза видят такое? Что же тогда видят и думают читатели безразличные и не очень дальновидные в умственном отношении? Грустно, грустно, страшно грустно. Но довольно об этом.

Мне действительно показалось, что Гуль писал мне о какой-то В<ашей> статье по-английски. Письма его я не сохранила. Он или я ошиблись. Статья Ваша в «Опытах» у меня, конечно, хранится, как драгоценность.

Спасибо за добрые слова о моих стихах. Очень меня они тронули и дошли до сердца. Но читали ли Вы, как меня «разделал» некий Рафальский в «Н<овом> р<усском> слове»?⁵ За «Контрапункт»! А я уже забыла, когда его писала – ведь там все больше стихи 30-летней давности, ничего общего с моими теперешними стихами не имеющие. Это акт мести – мстят мне за то, что при жизни Жоржа перед ним – и передо мной – ползали на животе. Особенно старается прежний прославитель, а теперь первый мой враг Померанцев⁶, восхищающийся Рафальским. Гуль предложил мне найти защитника, так его возмутила эта статья. Но Адамович раньше осени обо мне написать не сможет, а к тому времени все это забудется. Если бы Вы не были так заняты, я бы без стеснения попросила Вас. Видите, как я уверена в Вашей дружбе. Но так как Вам совершенно некогда, то об этом даже вопроса не возникает.

Я об этой «Первой и последней» получила столько писем и чувствий, что даже поднялась в собственном мнении – значит, мои стихи многие любят, чего я не знала.

Живется мне очень и очень трудно – и морально, и матерьяльно. Ах, уж эти Maisons de Repos⁷, это гнезда сплетен, злобы и гнусности. Ужасно быть вынужденной жить в них. В особенности одной. Более интегрального одиночества себе и представить нельзя. Но я не хочу жаловаться. У Вас и своих забот довольно – «Незачем меня жалеть» и помочь трудно, вернее, невозможно.

Видите, как я расписалась, ничего Вам не написав. Но Вы меня не обидели, а только огорчили, приняв за З.Ш. Не вздумайте только огорчаться этим.

В следующем письме сообщу мнения парижан о «Гур<илевских> ром<ансах>» (пока все лестные). Спасибо за желание помочь

с переносом. И вообще – спасибо. Поцелуйте Фигу и всех остальных. Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Как псевдоним я использую исключительно: Андрей Луганов⁸ – имя моего же героя. Другого – кроме И.О. – у меня никогда не было.

¹ Григорий Яковлевич Аронсон (1887–1978) – журналист, по партийной принадлежности меньшевик, сотрудник «Социалистического вестника», «Нового журнала», «Нового русского слова» и многих других эмигрантских изданий.

² Имеется в виду Зинаида Шекаразина, которую Терапиано не очень успешно пытался пристроить в «Русскую мысль», о чем писал Маркову 12 ноября 1962 года: «Зинаида Шекаразина – не псевдоним, а живое лицо; она живет на юге Франции и мне, по бабушке, доводится дальней родственницей. Хотел дать ей возможность писать, но она – увы! – сразу же наступила многим на хвосты и по стилю ее стали принимать за И<рину> В<ладимировну> – пришлось “прекратить” (чего она мне, конечно, не простила)» (Минувшее. Вып.24. С.367).

³ Оцуп был и остался другом для Одоевцевой, несмотря на то, что Иванов и Адамович относились к нему немного пренебрежительно (однако другим в обиду не давали).

⁴ Водов написал также обстоятельное письмо Глебу Струве, в котором защищал Одоевцеву и, одновременно, Шекаразину, утверждая, что литераторам свойственно ссориться, а мнения по любому поводу могут быть разные (см. в письме Г.Струве к В.Маркову от 4 июня 1959 – Собрание Жоржа Шерона).

⁵ Сергей Милич (Миличевич) Рафальский (1896–1981) в статье «Последняя и первая» (Новое русское слово. 1960. 28 февраля) отозвался о стихах Одоевцевой, по ее мнению, непочтительно. Марков решил заступиться за Одоевцеву и опубликовал статью «О критических приемах Сергея Рафальского» (Новое русское слово. 1960. 15 мая), что вызвало неудовольствие Кленовского, написавшего Маркову 9 июня 1960 года: «Вы сугубо правы, когда пишете: “мы должны заступаться друг за друга”. Но мне представляется, что заступничество хорошо, если ты *чувствуешь* несправедливость и заступаешься *по своему собственному почину*, а не тогда и потому, что тебя очень настойчиво об этом просят. А если бы Одоевцева не попросила? Вероятно, не заступились бы! Значит, заступились не от души и не вполне искренне, а больше по обязанности и в порядке взаимного одолжения... Не сердитесь, дорогой, за откровенность! Не вдаваясь в оценку критики Рафальского, я нахожу, что в случае с Одоевцевой было весьма полезно, что она почувствовала на своей собственной шкуре, что значит для автора резкое и несправедливое (предположим, что это было так) критическое суждение. В свое время Одоевцева очень грубо расправилась с Алек-

сеевой (одна “Хавронья” чего стоит!). Тогда за Алексееву никто не заступился, да она и не просила (прибегать к таким просьбам не очень-то красиво). Я заступиться за нее не мог, т.к. сам был пострадавшим (от Одоевцевой) лицом. Были читательские попытки это сделать, но О<доевцева> их на страницы “Рус<ской> м<ысли>” не пропустила. Теперь, когда дело коснулось ее самой, – Одоевцева молит о защите! С воспитательной точки зрения и ей же на пользу – *защитить ее не следовало!* Мне писал очевидец из Парижа, что, встретив Рафальского на одном из тамошних литературных вечеров, Одоевцева во всеулышанье на него накричала, заявив, что своей статьей он “оскорбил ее как женщину и как вдову” (!!??). Как видите, она сама умеет за себя постоять» (Собрание Жоржа Шерона).

⁶ Кирилл Дмитриевич Померанцев (1907–1991) впрямь дружил с Ивановым при жизни (сохранилась переписка), оставил воспоминания о нем (Русская мысль. 1984. 27 сентября. №3536. С.8); перепечатаны в книге «Сквозь смерть» (Лондон, 1986). Терапиано в письмах Маркову недоумевал по поводу внезапного изменения отношения Померанцева к Одоевцевой после смерти Иванова. См.: Минувшее. Вып.24. С.341-342.

⁷ дома отдыха (фр.).

⁸ Псевдонимом Андрей Луганов Одоевцева подписывала некоторые свои заметки в «Русской мысли» и канадском «Современнике».

31

22-го апреля <1960 г.>

Воистину Воскресе!

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за готовность защитить меня. Спасибо от меня и от Г<еоргия> В<ладимировича>, если он видит, что происходит на земле (в чем я, к сожалению, не совсем уверена), то и он В<ас> благодарит.

Я Вам уже, кажется, писала, что Вас он считал другом, который и ко мне перейдет по наследству. Вот Вы и доказали, что он не ошибся, что меня вдвойне радует – за него тоже.

Посылаю Вам статью Рафальского. Возмутительно в ней изображение меня, как какой-то «Мадонны Слипингов», танцующей ча-ча-ча в разных курортных казино. Особенно гнусно, когда у меня такое горе и я живу в таких унижительных условиях. К тому же он говорит только о «Контрапункте», как будто не знает, что до и после него я написала очень много совсем других стихов. Я просто чувствую себя вымозанной дегтем.

Но довольно. Лучше о Вас. «Гурилевские романсы» всем, реши-
тельно всем нравятся. И это очень и очень хорошо. «Башмак по всем

ногам», как когда-то неукложе перевел Гумилев. Помню, как они очаровали Г<еorgia> В<ладимировича> и меня в 25-ом номере «Н<ового> журнала». Г<еоргий> В<ладимирович> многое знал из них наизусть и часто цитировал: «До чего талантливо».

Я боялась, что на меня, слишком давно и хорошо знающую «Гур<илевские> ром<ансы>», они теперь уже не произведут прежнего впечатления. Но страх оказался напрасным – они по-прежнему меня очаровывают. Поздравляю Вас от всей души. «Гур<илевские> ром<ансы>» выдержали трудное испытание временем. Сколько стихов нравятся при первом чтении и блекнут при втором.

Что вы меня приняли за «Зинаида», меня уже не огорчает. Но не странно ли, что сплетни, ложь и клевета так крылаты. Ведь ничего хорошего никто никогда не передает – хотя бы лестные отзывы о стихах.

Я очень рада, что у Вас светлое настроение. Успех «Гур<илевских> ром<ансов>» еще принесет Вам много счастливых минут – успех, действительно, редкий и совершенно реальный. Надеюсь, что Вы в этом отдаете себе отчет. Я даже немного завидую Вам, хотя и на редкость независтлива.

Желаю Вам всего самого лучшего. Спасибо за слова утешения.
Сердечно Ваша

И.Одоевцева

<На полях:>

О том, как мне живется и что я переживаю, предпочитаю не писать. Но повторяю – очень ценю слова утешения. Очень.

Терапиано напишет о Вас очень хорошо – мы с ним говорили о «Г<урилевских> ром<ансах>» и одинакового о них мнения.

32

29-го апреля <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Не знаю, как и благодарить Вас. Жалею только, что Вы не послали письмо сразу. Ни прибавить, ни убавить в нем ничего нельзя. Да и написать лучше вряд ли возможно. Еще раз спасибо от всего сердца. Мне даже как-то легче дышать и жить, раз у меня нашелся такой защитник и друг.

Ваша И.Одоевцева

<На полях:>

Не позже чем завтра напишу Вам настоящее письмо – о «Гур<илевских> романах» и прочем. Сейчас тороплюсь, чтобы не пропустить полет письма.

33

13-го мая <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Чек посылайте на имя Терапиано. Ведь он секретарь Комиссии, я же тут не при чем и участвую только горем.

Е.И.Грот, конечно, думала поступить правильно и корректно, но доставила Вам лишние хлопоты, а Вы и так перегружены, по-видимому, работой. Но ведь она от уважения к Вам.

Я хотела Вам написать сейчас же после Вашего письма, но я все это время чувствовала себя так плохо, что впала в полное отчаяние, что со мной случается, к сожалению, часто. Ничего не болит, но от слабости я просто не стою на ногах. Не могу ни писать, ни даже читать. Я уже полгода, как не писала стихов. А Вы?

Мне бы очень хотелось знать, как Вы живете. Лучше, чем на прежнем месте? И играет ли Ваша жена и как ее здоровье? Вы писали, что она была больна. Надеюсь, это давно прошло, и она довольна.

Какие лекции Вы читаете? О поэзии? Мне очень интересно. Напишите подробно. Я слушаю по радио лекции в Сорбонне и хочу сравнить их с Вашими. Теперь о «Гур<илевских> романах». Терапиано написал о них очень хорошо и хвалебно. От здешних поэтов отзывов не услышишь – они заняты только собой и читают только себя, зато с само-восхищением. Зато я от многих культурных читателей слышала величайшие похвалы. Я не только их поддерживала, но даже хвасталась эпистолярной дружбой с Вами. Говорили о Вашей оригинальности, о чудесной свежести ощущений, об умении из деталей создавать незабываемую картину и так далее.

От себя я добавила – замечательно правильно взятый тон и какая-то особая скрытая музыкальность в разливе строк, я даже вспомнила «chant cache»¹ Цицерона; что показалось Вашим поклонникам интересным. Но главное, это то, что Вы в «Гур<илевских> романах» сумели заставить обыкновенные, избитые слова звучать по-новому, будто это новый язык, язык, который сейчас ищут почти все поэты.

Я об этом – т.е. о необходимости нового языка – пишу в статье о «Странствиях»². Мне хотелось бы привести Вас примером, но это бы удлинит и усложнит газетный фельетон «Р<усской> мысли».

Вообще, мне очень хотелось написать о Вас. К сожалению, негде. Но и без меня в «Р<усской> мысли» отзыв превосходный. Иначе, впрочем, и быть не могло. Думаю, что «Гурилевск<ие> романсы» добьются запоздалых лавров.

Конечно, все эмигрантские успехи – буря в стакане воды – вот если бы вернуться в Россию! Долетают ли туда наши «Приглушенные голоса»³ и «Гур<илевские> романсы»?

Говорят, что можно просто послать книгу Пастернаку или кому пожелаешь – и дойдет. Я не пробовала. А Вы? Я бы очень хотела послать стихи Жоржа.

Теперь скоро выйдет и моя книга «За десять лет»⁴ – со времени выхода «Контрапункта» как раз 10 лет. И каких лет – «считать на горе, выйдет лет 500»⁵, перефразируя Моршена.

Кстати, до чего Моршен мне нравится. Прелесть. Мы с ним поспорили из-за стихов – его новых. Но в письме ничего не объяснишь. Я даже не умею сказать Вам, почему я так люблю «Гур<илевские> романсы», – для этого нужен разговор. Или статья.

Ну, до свидания. Поблагодарите В<аших> знакомых от меня. Привет всему собачьему семейству и всяческих благополучий Вам
Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> Статью Терапиано вышлет в тот же день, т.е. на-верное, завтра, т.ч. получите ее вместе с моим письмом – наверное.

¹ тайная песня (фр.).

² Имеется в виду сборник стихов архиепископа Иоанна (Шаховского): Странник. Странствия: Лирический дневник. Нью-Йорк: ИКСФИС, 1960. Ознакомившись с рецензией Одоевцевой на эту книгу, Кленовский 5 июля 1960 года написал архиепископу Иоанну: «Рад был прочесть в “Р<усской> м<ысли>” отзыв о ней Одоевцевой и простил ей за это некоторую толику совершенных ею литературно-критических грехов (против Лидии Алексеевой, например, которую она, пародируя “деву Февронию”, к облику коей причислил Алексею Ульянов, обозвала ее печатно “Хавроньей”!)» (Архиепископ Иоанн Шаховской. Переписка с Кленовским / Ред. Р.Герра. Париж, 1981. С.102-103).

³ Имеется в виду составленная Марковым антология: «Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом» (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952). Не нравящийся Маркову подзаголовок был дан издательством, см.

письмо главного редактора В.Александровой Маркову от 4 августа 1952 года – РГАЛИ. Ф.1348 (Переписка деятелей русской культуры).

⁴ Одоевцева И. Десять лет: Стихи. Париж: Рифма, 1961.

⁵ Измененная строка из стихотворения Николая Моршена «Он прожил мало: только сорок лет...». У Моршена: «Считать на годы – будет лет пять-сот».

34

30-го мая <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Это не письмо, а только подтверждение-благодарность за чек, который я передала Ю.К.Терапиано. Я ведь тут не при чем.

Очень рада, что Вам понравилась статья Ю<рия> К<онстантиновича>. Он мне ее читал, и я ее очень одобрила. Она в особенности выигрывает рядом с явно вымученными одобрениями поэм Пиотровского. Не похвалить Пиотровского, т.е. откровенно сказать, что о нем следует сказать, Ю<рий> К<онстантинович> не мог. Это сочли бы за сведение счетов¹.

Но Пиотровский все же понял и смертельно обиделся на Ю<рия> К<онстантиновича>, а заодно и на меня, как «вдохновительницу восторгов» перед «Гурилевскими романсами». Он, видите, считает себя «первым поэтом эмиграции» и имел наглость заявить, что Георгий Иванов был неважным поэтом, «плохим Фофановым» – в чем убедил нового врага, Померанцева. Если бы Вы только знали, до чего они все ползали на животе перед Жоржем. Впрочем, я все это напрасно сообщила Вам. Я очень, очень прошу, чтобы это осталось между нами. Конечно, вздор, что мое влияние на Терапиано вызвало похвалы «Гурилевским романсам». Они просто нравятся ему. И как бы ему при его вкусе они – спрашивается – могли бы не нравиться?

Еще конфиденциально – упрек в некоторой длине «Г<урилевских> романсов» поставлен только чтобы доказать «беспристрастие», чтобы были не одни только восторги. Не знаю, напишет ли Вам об этом всё Ю<рий> К<онстантинович>. Но помните, Вы от меня ничего не знаете. Ю<рий> К<онстантинович>, на которого я никак не могла рассчитывать, оказался выше всяких похвал в отношении памяти Георгия Иванова.

Вы и он только и оказались настоящими друзьями Георгия Иванова, а значит, и моими. Жаль, что Вы не прислали мне В<ашего> письма с сокращениями. Алексеева² уже послала его Рафаэльскому, а я его еще не читала. Спасибо за статью о Г<еоргии> В<ладимиро-

виче>. – *épatage*³ – слово русское, но может сойти и за французское, раз существует *épatement*⁴. Никто не заметит, и к тому же *pariszkauya nota ego* оправдывает.

Я хотела написать только два слова, а исписала вдоль и поперек целый лист. Мне всегда столько хочется Вам сказать. Пусть Вам будет хорошо.

Желаю Вам всего наилучшего – всему Вашему дому. Глубокий поклон собакам.

Сердечно Ваша

И.Одоевцева

¹ Юрий Терапиано был в ссоре с Корвиным-Пиотровским, см. об этом в его письмах Маркову: Минувшее. Вып.24. С.340-346.

² Лидия Алексеевна Алексеева (урожд. Девель, в замужестве Иванникова; 1909–1989) – поэтесса, сотрудник славянского отдела Публичной библиотеки Нью-Йорка с 1949 года.

³ *эпатаж* – русское производное от французского *épater*, ошеломлять.

⁴ *изумление* (*фр.*).

8-го декабря <1960 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я очень давно Вам не писала, но помню Вас всегда. И очень нежно.

К тому же я получала сведения о Вас от Ю.Терапиано и знаю, что у Вас все благополучно.

О себе ничего веселого сообщить не могу, а жаловаться нет охоты. Вот я и молчу.

Все же мне очень хотелось бы быть с Вами в контакте. Вы – один из немногих, даже очень немногих, обитателей земли, которых я ценю. И как поэта, и как человека. Да, совершенно искренно.

Ценю я также и Вашего Моршена. Но, к сожалению, его теперешние стихи меня скорее огорчают, чем радуют. Надеюсь, что только временный срыв. А все же досадно.

Не сообщайте ему, пожалуйста, моего мнения о его послетюленных стихах. Ведь неуместное замечание может ему принести вред. Я хотела бы теперь помочь ему советом, но он не из тех, кто

слушает советы. Они ему ни к чему. Я же, напротив, нуждаюсь в советах, в поощрении, одобрении и «читательской любви».

Кстати, читали ли Вы в «<Новом> р<усском> слове», как меня Аронсон превознес, после статьи Адамовича обо мне?¹ Ваше утверждение, что Адамович производит в генералы, оказалось правильным. До сих пор я была только вдовой генерала. Теперь же и сама генерал, то есть сразу и генерал, и генеральша. Но это очень многим не по вкусу. А мне, не скрою, приятно слегка. На днях выходят мои стихи. И вот, я решила Вас просить написать о них в «Н<овом русском> слове», – если, конечно, Вам это не неприятно и не неудобно. Но Рафальский опять хочет меня «разгромить окончательно». И необходимо помешать ему в этом. И заранее занять в «Н<овом> р<усском> слове», заявить, что Вы дадите отзыв о моих стихах. Если бы Рафальский просто бранил мои стихи и даже страстно критиковал их, я бы ничего не имела против. Но он старается оскорбить меня, неизвестно почему. Кстати, он уверяет, что «восхищается» моими стихами и «любит» их. И даже где-то сказал, что я равна Ахматовой. Странная и отвратительная любовь-ненависть! Так вот – если можете и, главное, хотите, напишите обо мне. Если же считаете это для себя неудобным, я ни в какой претензии не буду. Не обижусь, хотя и пожалею.

Только очень прошу Вас сразу мне ответить, да или нет. Объяснять, почему «нет», не надо. Как и не надо против желания соглашаться писать.

Если «да», то я сейчас же пришлю Вам еще не сброшюрованные стихи, как уже послала их Тарасовой², пожелавшей о них писать.

Ну, вот. Теперь решайте. Но пусть это Вас не беспокоит и не огорчает. Отказывайтесь с легким сердцем – обиды не будет.

Какая идиотка Анстей³. Я в «Современнике» нарочно для нее написала несколько строк о «Г<урилевских> романсах», как Андрей Луганов⁴. Не могу надивиться ее непониманию поэзии. Ведь она сама недурно пишет. А в стихах чужих ровно ничего не смыслит – глупейшая статья о Пастернаке в «Гранях»⁵. А Ваши замечания о переводах Пастернака интересны⁶.

Теперь у меня еще и другая просьба – нельзя ли получить пальто для Терапиано, зимнее и легкое. Он изнемогает от тяжести своего холодного пальто. Если можете раздобыть ему легкое и теплое, делаете доброе дело. Вот его размеры:

Рост – 1м. 75 с.

рукава – 63 сант.

грудь – 49
 талия – 110 с.!

Он, бедный, очень растолстел после операции, хотя и находится на вечном режиме.

Хотелось бы, чтобы Вы прибавили и костюм, но уже для старичка, нашего приятеля. Роста он такого же, талия – 95 сант. Этого старичка любил Жорж и я его даже выписала в Ганьи и забочусь о нем. Говорят, в Америке студенты охотно жертвуют свои вещи. Боюсь только, что все они тонкие.

Пожалуйста, если посылку не удастся послать, не пишите об этом Терапиано. Это я для него стараюсь. Сам он не стал бы просить.

Приезжала И.Г.Агуши – клялась в вечной дружбе, наобещала былей и небылиц и посылкок. Но, уехав, по-американски все забыла. Бог с ней.

У меня неожиданно обнаружилась прекрасная фотография Жоржа. Когда соберусь с деньгами, размножу ее и пришлю Вам.

С самым сердечным и дружеским приветом и пожеланием благополучия всем Вам.

Ваша

И.Одоевцева

¹ Имеется в виду статья Адамовича «Наши поэты: Ирина Одоевцева» (Новый журнал. 1960. № 61. С.147-153).

² Наталья Борисовна Тарасова – редактор и критик журнала «Грани». Ее рецензия на сборник Одоевцевой «Десять лет» была опубликована под названием «Лунный поэт» (Грани. 1962. № 51. С.234-238).

³ Ольга Николаевна Анстей (урожд. Штейнберг; 1912–1985) – поэтесса второй волны эмиграции, жена И.Елагина в 1937–1950, затем жена Б.Филиппова (в 1951–1954).

⁴ О «Гурилевских романсах» Одоевцева упоминала в обстоятельном обзоре «О сборниках стихов издательства “Рифма”» (Современник [Торонто]. 1961. №2-3. Подп.: Андрей Луганов).

⁵ Анстей О. Новый Пастернак // Грани. 1960. №45. С.101-109.

⁶ Марков В. Советский Гамлет // Грани. 1960. №45. С.119-124. Через месяц после письма, 30 апреля 1961 года Марков выступил на конференции в Сан-Франциско с докладом на тему «Пастернак-переводчик». Текст доклада был опубликован: Markov V. An Annotated Aspect of Pasternak's Translations // Slavic Review. 1961. Vol.20. P.503-508.

18, Av. Jean Jaurès
Gagny S/O
6-го февраля <1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я опять целую вечность не отвечала на Ваше такое дружественное письмо.

Но на этот раз у меня было смягчающее вину обстоятельство – я была очень больна, с жаром в 40,5°. У нас тут злостная эпидемия гриппа, к тому же возвратного.

Но что меня удивляло, у меня ровно ничего не болело, так что хворать оказалось даже довольно приятно и даже утешительно.

Я все еще лежу в постели и, как всегда после сильной болезни, поглядываю на окружающее радостным взглядом. Все мне кажется лучше и милее, чем шесть недель тому назад. Жаль только, что пришлось пропустить столько литсобъятий больших и малых.

Вот и вчера был доклад редактора «Граней» Тарасовой с забавными прениями, в которых нес чепуху Померанцев.

Сегодня Тарасова приезжала в Gagny и навестила меня. Она преславная и удивительно не по-эмигрантски уютна и добродушна. Здесь она всем очень нравится – даже жене Терапиано, которая не любит ни стихов, ни поэтов, к сожалению. Но она все же хороший человек, хотя и антипоэтический.

Я все еще не поблагодарила Вас за Ваше согласие написать о моих стихах. Спасибо большое. Адамович сказал, что Вы можете обо мне написать «как никто» и вообще неожиданно наговорил массу лестного о Вашем уме и вкусе. Неожиданно – оттого что от него другим всегда ждешь скорее осуждения, чем похвалы. Но о Вас он говорил так вдумчиво и серьезно, что я не могу не передать Вам его мнения о Вас, очень лестного.

Он, конечно, капризен в своих суждениях, но он по-настоящему умен, и похвала его не должна Вас оставить безразличным.

О пальто Ю<рия> К<онстантиновича> не огорчайтесь слишком. Раз не удалось, то и беды большой нет. Тем более, что он ведь о моей «вылазке на одежном фронте» и не подозревает. И значит все в порядке.

Я не помню, писала ли я Вам, что у меня обнаружилась очень похожая карточка Г<еоргия> В<ладимировича>. Если хотите, я ее пересниму для Вас.

К сожалению, как Вы и сами знаете, книга стихов ничего, кроме «славы», не приносит – никакого гонорара. Поэтому нужно, чтобы

она «прогремела, как гром». А то уже слишком обидно. «Для того ли я, Господи, пела?» и т.д.

Еще раз спасибо, что Вы хотите мне помочь прогреметь. Я Вам действительно благодарна от всего сердца. Пусть Вам и всем Вашим будет хорошо.

Душевно Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> Очень меня тронуло, что бедный Бобка спит в пальто. Неужели собачья старость так же печальна, как человеческая. Все же она, наверное, не так отвратительна. Среди каких стариков и старух мне приходится жить.

37

23/III 61

Дорогой Владимир Федрович,

Я только что получила Вашу статью¹ и пишу Вам в состоянии смущения и восторга.

Лучше написать нельзя было. Она даже превосходит статью Адамовича².

Особенно замечательно начало, но и дальше все прекрасно. Кроме все же упрека в перевернутой цитате. Нет, в этом я не грешна. Я привожу цитату из незаконченного рассказа Пушкина про чертей. Черт играет в аду в карты, приговаривая: «Мы играем не для денег, а чтоб время провести»³. И я, и все мы в Петербурге постоянно повторяли ее по разным поводам. Кажется, я узнала ее от Ходасевича и даже читала ее в одной из его книг о Пушкине. Мне казалось, что она широко известна, иначе я, конечно, не взяла <бы> ее. «Если надо оправдываться, то не надо оправдываться».

Мне очень, очень интересно все, что Вы пишете, и невероятно приятно. И до чего лестно!

Вы правы – я довольно бесстыдно ищу читательской любви – она мне просто необходима. Хотя ее, как и многого житейски-необходимого, у меня нет. Не нравится и мне нарочитость концовки, обращенной к читателям, – это я уступила Софье Прегель (ей, между нами, я обязана книгой). Правы Вы и что горестные стихи больше всего нравятся читателям и доходят до них. Им бы хотелось, чтобы я издала толстый сборник «Розовые слезы», а остальные стихи выбросила. Я сама сомневалась, стоит ли помещать все «вдовьи

слезы» в «Десять лет». Неловко как-то. Но меня уговорили – необходимо!

Я прочту Вашу статью еще много раз и разберусь в ней по пунктам – тогда напишу Вам подробно. Сейчас же мне надо ехать в Париж. И я могу только от всего сердца поблагодарить Вас. Спешно, но горячо.

Обо мне много писали – о моих романах – и часто хвалебно до крайности. Но это не радовало меня по-настоящему. Все это было «не то». А Вы именно «то». Адамович был прав, советуя попросить Вас. Кстати, он на днях будет здесь, и я узнаю, что он думает о Вашей статье.

Посылаю Вам портрет Жоржа. Это – «портрет со сходством» и даже большим, снятый в 1955 году.

Что Вы думаете о Пиотровском? Как он Вам понравился? В нем, несмотря на его хвастовство и манию грандиоза, много хорошего. Очень много.

Желаю Вам всего самого наилучшего и побольше радости. Я благодаря Вам чувствую себя сегодня именинницей – вот Вы какой. Надеюсь, Вам это приятно.

Душевно Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Имеется в виду статья Маркова «Десять лет Ирины Одоевцевой» (Новое русское слово. 1961. 19 марта).

² Наши поэты. 2. Ирина Одоевцева // Новый журнал. 1960. №61. С.147-153.

³ В стихотворении «Все было, было, бы... Лето под лампой...» (1959) Одоевцева неточно процитировала строки пушкинского третьего наброска к замыслу о Фаусте «Сегодня бал у сатань». У Пушкина: «Ведь мы играем не <из> денег, А только б вечность проводить!» Включая это стихотворение в свою книгу, она вдобавок вынесла (оставшиеся неточными) строчки Пушкина в эпиграф.

Дорогой Владимир Федрович,

Пишу Вам снова, но уже не по поводу Вашей прекрасной статьи, а обращаясь к Вам с просьбой.

Мой большой друг М.Ю.Крузенштерн-Петеретц¹ переехала из Рио-де-Жанейро в Palo Alto и никак не может найти там работы. Она умоляет меня обратиться за помощью к Вам и к Струве.

К Струве не решаюсь, но Вас горячо прошу помочь ей устроиться при каком-нибудь университете или колледже.

Она не имеет дипломов. Но знает французский, португальский, английский и немного немецкий язык. Она опытная преподавательница, писательница и поэт. И вообще вполне замечательная женщина.

Мне неловко обращаться к Вам, я знаю, как Вы заняты. Но я также по опыту знаю, как тяжело ей одной без друзей, не зная, что делать, встречая всюду отказ. «Человек человеку бревно». Но Вы ведь не похожи на «человеков». Вы все понимаете. Она готова работать в бюро или в библиотеке. С Palo-Alto она ничем не связана и могла бы переехать в любое место, где найдется работа. Может быть, Вы будете так добры и напишете о ней Струве, упомянув, что она мой большой друг.

Я послала ему «Десять лет», и он очень вежливо меня поблагодарил, но, зная его презрение ко мне, просить его сама не могу – перечла строки, посвященные мне в его книге, и запоздало возмутилась. Да и о Жорже тоже – подражал Одарченко и Штейгеру!² О, Господи! Неужели он это думал?

Еще раз спасибо за Вашу статью. Она всем очень нравится. Только «часами висит на телефоне» изумляет моих знакомых. Я, видите ли, терпеть не могу телефона и всячески избегаю его. Не могу разговаривать, не видя собеседника.

Меня очень заинтересовал портрет моей героини. Пожалуй, «Портрет без сходства». Нет, она в моем авторском сознании не такая. И все же я принимаю этот портрет, раз она такой выразилась в Вашем сознании. Ведь у нас и у наших героев столько обликов в зависимости от того, в ком мы или они отражаются, как в зеркале. Кстати, зеркальный мир чрезвычайно глубок, как Вам, конечно, известно.

Пусть Вам будет хорошо.

Душевно Ваша

И.Одоевцева

Адрес M.J.Krusenstern-Peteretz

1024 Emerson St.Palo-Alto.

Как Вам понравился Корвин?³ Он гораздо лучше, чем кажется. В нем много настоящего, несмотря на хвастовство и озлобление.

Как Бобка? Поправился ли с весной? Здесь старички молодеют и пьянеют от весны. Даже девяностолетние скачут по дорожкам сада.

Адамович очень хвалит В<ашу> статью. Очень.

¹ Марков считает, что Одоевцева имела в виду Юстину Владимировну Крузенштерн-Петерек (1903–1983), поэтессу, перебравшуюся в 1960 в США из Шанхая через Бразилию. Работу она получила в Вашингтоне на «Голосе Америки».

² В своей книге Струве писал о Георгии Иванове: «Оригинальность новой манеры Иванова <...> преувеличена: он многое воспринял от Блока, от Анненского, от Штейгера, от Одарченко (тут могло быть и обратное влияние, конечно, как говорит Гуль, но похожих на Одарченко стихов у Иванова особенно много *после* выхода книги Одарченко)» (Струве Г. Русская литература в изгнании. Paris: YMCA-Press. 1984. С.324).

³ В начале 1961 года Корвин-Пиотровский с женой и сыном переехал в Лос-Анджелес.

6-го мая 1961 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо меня неожиданно рассмешило. Не могу поверить, что Вы «умственно отдаете честь» Пиотровскому и стоите перед ним навтыжку. Неужели? И все оттого что его похвалил Адамович¹. Но, уверяю Вас, Адамович делал это из вежливости и безразличия. И главное, оттого, что Пиотровский приставал к нему до невозможности. Мне же Адамович не раз говорил, что Пиотровский «напрасно старается стать Пушкиным» и что все его писания никому не нужны. Но это, конечно, между нами. О Вас же Адамович говорит, что Вы талантливы и оригинальны, хотя иногда и раздражаете его. Так что, как видите, скорее Пиотровскому следует стоять перед Вами навтыжку. Пиотровский неплохой человек, несмотря на его хвастовство и вранье – верить ему абсолютно нельзя. Он законченный мифоман. Чего стоит его «граф Корвин-Пиотровский», в которого он самовольно превратился из местечкового еврея Пеотровского². Наверное, он Вам уже поведал «историю своего рода», как и свои невероятные успехи – во всех областях. Но, повторяю, он скорее достоин жалости, чем презрения – он больной. А жена его очень мила и сын тоже.

К сожалению, он наверно сумеет очень скоро со всеми поссориться. Все же будьте к нему снисходительны. Меня он тоже возненавидел неизвестно за что и даже, после того как пресмыкался перед Жоржем, заявил после его смерти, что «считает его плохим поэтом и говорил ему об этом», что меня просто восхитило. Боюсь, что Вы, дорогой Владимир Федрович, страдаете комплексом непол-

ноценности. Вам, право, есть чем гордиться не только над Пиотровским, но вообще – начиная с «Гурилевских романсов». Уже не говоря о Ваших статьях. Как хорошо Вы написали о стихах Чехова³. Так умно и ясно.

Ну, вот. Надеюсь, я хоть немного поколебала Вашу несправедливость к себе самому, огорчающую меня. А теперь спасибо за хлопоты о Крузенштерн. Очень большое спасибо. Авось ей и удастся где-нибудь устроиться с Вашей помощью. Я не думала, что это так трудно в Америке.

Что же касается спора о пушкинских героях, то нет, я никакой цитаты не перепутала. Но найти Вам эту цитату вряд ли удастся. Она из неоконченного рассказа Пушкина. Я ее впервые услышала от Ходасевича еще в Петербурге. Конечно, вина моя, что я взяла эпиграфом такую малоизвестную цитату. Сожалею об этом – ведь Вы не единственный упрекнувший меня в «искажении Пушкина», что, понятно, очень обидно, хотя и незаслуженно. Я думала, что все ее знают, вроде «Птички божией»⁴.

Как Ваши дела с домом? Удалось ли найти такой, как Вам нужно.

Представляю себе, как все это сложно и неприятно – переезжать, паковать, устраиваться.

Надеюсь, что на этот раз Вы все будете вполне довольны новым домом и новым садом.

Меня огорчает, что Вы совсем не пишете стихов. Я же, напротив, к сожалению, совсем не пишу прозы, а только стихи. Их у меня после «Десяти лет» накопилось много. Но мне надо писать статьи и статьи для заработка, а я не могу себя заставить. И здоровья не хватает. Пишу Вам, лежа в постели. Несмотря на весну и солнце, я все же ухитрилась простудиться и кашляю.

Знаете ли Вы, что Вы не только доставили мне большую радость, но даже помогли мне лучше понять мои собственные стихи. Это огромная редкость. Похвалы всегда приятны, но в большинстве случаев они, как и упреки, как будто не имеют отношения к моим стихам. А Ваши попадают в цель.

Теперь обо мне будет писать Завалишин в «Н<овом> журнале»⁵. Ничего не жду от этой статьи.

Желаю Вам всяческих радостей и удач и новых стихов.
Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Имеется в виду положительная рецензия на сборник «Поражение»: Адамович Г. Стихи Вл. Корвин-Пиотровского // Новое русское слово. 1960. 10 апреля. №17188. С.8.

² Ю.Терапиано вспоминал об этом аналогично: «Начав подписываться после войны “своей полной”, как он говорил, “фамилией Корвин-Пиотровский” и надев на руку гербовый перстень, он всюду и всем с гордостью рассказывал историю своего рода, ведущего начало от римского полководца <...> на банкете, устроенном в честь “Новоселья”, я оказался за столом рядом с Корвин-Пиотровским, которого знал мало. В течение всего обеда Пиотровский улаждал меня разговорами о своем происхождении и заставлял несколько раз разглядывать его “римский герб”, пока, чтобы не осадить его, я не сказал, что у римлян гербов вообще не было» (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. С.239). Маркову Терапиано также писал о еврейском происхождении Корвина-Пиотровского (Минувшее. Вып.24. С.342).

³ Марков В. О стихах Чехова. // Антон Чехов: 1860–1960 / Ed. Т.Еекман. Leiden: E.J.Brill, 1960. С.136-146.

⁴ Строки из поэмы Пушкина «Цыганы» (1824) входили в большинство дореволюционных книг для чтения и хрестоматий для младшего возраста.

⁵ В своей, действительно дежурной, рецензии на сборник Одоевцевой «Десять лет» Завалишин писал: «Это не стихи отчаявшегося человека, который потерял все или почти все, нет, поэт не только сохранил, но даже укрепил в себе жизнеутверждающие силы <...> “Десять лет”, на мой взгляд, самый своеобразный из сборников ее стихов» (Новый журнал. 1962. №67. С.289-290).

<июнь 1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Посылаю вам автограф «самого Адамовича»¹, чтобы поднять Ваше самоуважение и заставить Вас понять, что Вас ценят много больше тех, о которых пишутся статьи (я в их числе).

Так вот. Терапиано передал мне о Вашем желании получить рисунок Хлебникова². Я сейчас же написала Анненкову и от себя. Я уверена, что Вы его получите.

Поздравляю вас с новым домом. Надеюсь, что в нем все Вы будете себя хорошо чувствовать.

Я все время хвораю. Пишу стихи, но на прозу не хватает сил. Мне следовало бы серьезно лечиться, но не на что. Что Вы думаете о моих стихах в «Н<овом> журнале»?³

Я задала этот же вопрос Моршену, и он мне серьезно и исчерпывающе ответил на него, к моему удивлению. Ведь первое – «черт знает что», а не стихотворение. Я его сочинила для саморазвлечения, а Терапиано уговорил меня его напечатать, в чем был неправ.

Зато в следующем номере «Н<ового> журнала» появятся два моих настоящих «трагических» стихотворения⁴, которых я не стыжусь.

На прошлой неделе здесь происходил парад поэтов. О, Господи, до чего все это «не нужно никому»⁵ (строчка Адамовича). Очень, очень, очень грустное впечатление – понятно, что публика равнодушна к поэзии.

Желаю Вам всем всяческих удач на новом месте. Опишите мне, пожалуйста, и дом, и сад.

С самым сердечным приветом

Ирина Одоевцева

¹ В конверт была вложена страничка из письма Адамовича к Одоевцевой, где он писал: «Насчет Маркова Вы совершенно правы. Он действительно талантлив, а главное – у него есть то, без чего литература с “типами”, “красочными зарисовками” и всем другим хламом превращается в хлам окончательный. Мне не всегда по душе, как он пишет, но это вопрос особый, касающийся больше меня самого, чем его».

² 19 мая 1961 года Терапиано писал Маркову: «Исполняя Вашу просьбу, мы с Ириной Владимировной (она лучше знает Анненкова, чем я) написали ему письма по поводу портрета и вчера получили следующий ответ: “Мой портрет Хлебникова находится не у меня, а в одной частной коллекции, в Лионе. По счастью, у меня сохранился прекрасный печатный оттиск этого портрета. Этот оттиск я сегодня же вышлю по адресу В.Ф.Маркова”» (Минувшее. Вып.24. С.353). Вскоре Марков получил оттиск, о чем поспешил уведомить Терапиано, который удовлетворенно отозвался 21 июня 1961 года: «Рад, что удалось с рисунком. Анненков оказался любезным» (Там же. С.353). Рисунок Хлебникова Марков воспроизвел в книжном издании своей диссертации.

³ Одоевцева имеет в виду свои стихотворения «Довольно вздор нести...» и «Сердце чужое (ваше, читатель?)...» (Новый журнал. 1961. № 63. С.60-62).

⁴ В следующем номере были опубликованы стихотворения Одоевцевой «Уже не в Иере, а в Ганья...» и «За широкой, сквозной занавеской окна...» (Новый журнал. 1961. №65. С.121-124).

⁵ Из стихотворения Адамовича «Тридцатые годы, и тени в Версали» (1921).

<июль 1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Я все хвораю и не могу поэтому написать Вам, как хочу, длинное письмо. Я постоянно думаю о Вас очень нежно и грустно.

Вы, как это ни странно, очень меня огорчаете своим несправедливым отношением к себе. Лучше бы Вы уж ко мне относились так придирчиво-зло. Не могу Вам этого простить. Мне так хотелось бы, чтобы Вам жилось хорошо. Ведь Вы все для этого имеете. Так почему же, о Господи?

Конечно, мнение Адамовича значения не имеет. Все же для поднятия самоуважения роль сыграть может. По-моему. Простите, если, за отсутствием чувства юмора, не угодила.

Какой ужас Валентинов о Блоке!¹ Новый позор для «Нового <русского> слова».

Желаю Вам от всей души всего наилучшего – в Вашем понятии.
Сердечно Ваша

И.О.

¹ Статья Н.Валентинова (наст. имя: Николай Владиславович Вольский; 1879–1964) о Блоке, в которой тот предстал лживым, циничным и извращенным пьяницей, вызвала в эмиграции скандал. Первоначально она была предложена «Новому журналу», в котором ранее печаталась глава об Андрее Белом, но Карпович отказался ее опубликовать. После публикации сокращенного варианта в «Новом русском слове» статья о Блоке в расширенном виде вошла отдельной главой в книгу «Два года с символистами» (Stanford: Stanford University, 1969. С.71-87).

19-го декабря <1961 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Вы меня совсем забыли – больше чем полгода от Вас ни строчки. А с Терапиано Вы в оживленной переписке. Следовательно, только для меня у Вас нет ни времени, ни охоты писать. Это грустно, тем более, что я была очень больна и чуть не оглохла. Мне было очень плохо. В такие минуты необходимо дружеское участие. И Ваше молчание меня огорчило.

Огорчило, но не обидело. Вы мне когда-то писали, что Вы бессердечны. Тогда я не поверила. Впрочем, и сейчас не верю. Вы просто, мне кажется, не представляете себе, как другому трудно и тяжело и что Вы Вашим письмом могли бы помочь.

Но довольно об этом. Я совсем поправилась и чувствую себя сейчас превосходно. К тому же снова могу работать каждый день, чего уже годами не могла. Я начала писать мои воспоминания, т.е. воспоминания о всех поэтах и писателях, которых я знала, с 1919 года по наши дни¹.

Как видите, «труд капитальный» и многотомный. И до чего нужный. Я отношусь к этому более чем серьезно и не шутя считаю «Воспоминания» делом моей жизни.

Ведь кроме меня уже почти никого не осталось, кто жил в те баснословные года и знал Гумилева, Лозинского, Шилейко и всех других.

Я уже написала четыре тетради, но не дошла еще даже до расстрела Гумилева.

Я пишу подробно и стараюсь дать портреты всех, кого я знала.

К сожалению, с осени 1922-го года начнется эмигрантский период. Я очень жалею, что мне пришлось так рано покинуть Петербург.

Кстати, и Вы, конечно, тоже попадете в мои «Воспоминания». Поэтому будьте милым и пишите мне о себе, чтобы я правильно изобразила Вас. Когда дойду до 1956-го (кажется?) года. Года нашего эпистолярного знакомства. Что будет не скоро.

Я хочу создать памятник. Видите, какие у меня «дерзкие мечты». Памятник не себе, а поэтам и писателям, современным мне. Заставить их жить в сознании будущих читателей. Как бы воскресить их. Это ли не «дерзкие мечты»? А? Я так занята этим, что даже стихов не пишу. Кстати, читали ли Вы в «Н<овом> журнале» мои стихи «Волшебная, воздушная весна...»?² Ведь это о Вас и Вам.

Если я когда-нибудь еще издам книгу стихов, то посвящу их Вам. В «Н<овом> журнале» не сделала этого, чтобы не дразнить гусей, собратьев по перу.

А Вы? Пишете ли Вы стихи? Терапиано говорил, что Вы послали ему однострочные стихи³. Прочту и напишу, что о них думаю. Ну, а многострочные? Неужели совсем нет?

В заключение приношу горячую благодарность за присылку Терапиано пальто и пэнтсов. Ведь это мне пришло в голову попросить Вас. И я оглядываю Терапиано в его прекрасном пальто с чувством удовлетворенной гордости. Если бы да еще непромокаемое пальто к весне!

Терапиано, как Вы знаете, оказался для меня исключительным другом. Хотя я не имела никаких оснований рассчитывать на него. Мы с ним живем душа в душу и – что еще важнее – ум в ум. Ведь нам говорить абсолютно не с кем здесь. Слава Богу, теперь Адамович в Париже, и я часто его вижу, а то хоть волком вой, хоть закричи совой – от одиночества.

Сердечно Ваша

И.О.

<На полях:> Не пострадали ли Вы от пожара? Вопрос праздный. Знаю, что нет. Я очень беспокоилась о Вас, пока от Вас не было известий.

Посылаю Вашей жене капелюку духов и прошу ее подушиться ими под Новый год. На счастье.

¹ 24 ноября 1961 года Терапиано сообщал Маркову: «И<рина> В<ладимировна> занята своей книгой воспоминаний – от 1918 г. до сего дня – написано уже 4 толстых тетради, я еще не читал, но, видимо, будет очень хорошо, И<рине> В<ладимировне> вообще удается этот жанр» (Минувшее. Вып.24. С.361).

² Стихотворение Одоевцевой «Волшебная, воздушная весна...» было напечатано в составе подборки «Три стихотворения» (Новый журнал. 1961. №65. С.121-124).

³ Марков работал над статьей «Одностроки» (Воздушные пути. 1963. №3. С.243-258) и сам написал ряд однострочных стихотворений. 29 декабря 1961 года Ю.Терапиано писал Маркову: «Однострочные стихотворения получил, показал их Ирине Владимировне и затем, как Вы хотели, передал их С.Ю.Прегель, которая перешлет их Вам. Предисловие Ваше очень интересно и самая форма – тоже. Во многих Вам удалось достичь выразительности, кое-что (“мальчишку отвели в сортир”) и т.п. – мне не по душе» (Минувшее. Вып.24. С.362). 20 мая 1963 года Д.Кленовский писал Г.Панину: «Обратите внимание на зарождение совсем нового жанра в поэзии: *одностроков!* <...> отец этого нового жанра – поэт и литературовед Владимир Марков» (Из писем Дмитрия Кленовского Дмитрию Панину / Публ. Э.Бобровой // Новый журнал. 1997. №207. С.159-160).

18-го марта 1962 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Ваше письмо меня очень огорчило. И даже возмутило немного. О, Господи! Кому же быть счастливым, как не Вам?

И что же тогда говорить и делать мне? Или Терапиано?

Единственное Ваше горе – и я ему сердечно соболезную – это смерть Бубки. Бедный король!

Остальное же не только благополучно, но – с моей точки зрения – просто великолепно.

Но, видно, Вы, к сожалению, очень похожи на Г<еоргия> В<ладимировича>. Он тоже ничему радоваться не умел и страстно искал поводов для беспокойства и огорчений. Их, впрочем, у него было несравненно больше, чем у Вас. Он вечно ел себя поедом. И вечно ждал катастрофы. Не только в последние мрачные годы его жизни, но когда все складывалось для него – как сейчас для Вас – на редкость удачно.

Дорогой Владимир Федрович, я Вас очень прошу и заклинаю памятью Г<еоргия> В<ладимировича>, – опомнитесь! Постарайтесь себя переделать.

Уверю Вас, что это возможно. У Вас ведь очень сильная воля. Ведь и Г<еоргий> В<ладимирович> погиб главным образом от «душешного запоя» и тоски. Отсюда и болезнь сердца.

Конечно, Вам будет легче справиться с собой, чем ему. Но и он, несмотря ни на что, мог бы еще долго жить, если бы сумел победить этот «запой».

Простите меня, что я пишу Вам такие неприятные вещи. Но мое искреннее желание Вам добра дает мне на это право. Не сердитесь на меня. И постарайтесь понять меня.

А теперь совсем о другом – «Однострочные стихи» мне чрезвычайно понравились. Многие из них меня просто поразили своею точностью, глубиной и исчерпыванием темы. Это чрезвычайно интересно и неожиданно.

А о Берберовой могу сказать, что она всегда была махровой дурой, только умела прежде скрываться под разными масками. Теперь же возгордилась и показывает свое настоящее лицо «царь-дуры». «Царь-дура», так звали – и несправедливо – Цветаеву¹. Ведь Цветаева была даже гениальна. Берберова, напротив, вполне бездарна во всем. И в стихах, и в прозе, и в «критике». Ее даже жаль. Я в ней ценю работоспособность и энергию. Если бы ей чуточку ума и юмора, она была бы «хорошим газетным работником». Теперь же просто вредна. Сбивает с пути и соблазняет свою ученой дурью слабых – у нее найдутся ученики².

Не понимаю успеха «Льдины». Стоит ли – раз она считается великим произведением – писать стихи? Ведь никто ничего не понимает. Надеяться на будущих читателей? Но и тогда будут свои Берберовы и Аронсоны. Как Вам кажется?

Впрочем, «Льдина» совсем не плоха и в текущей поэзии заслуживает скорее похвалы – недурна.

А вот Моршен меня порадовал. Не как «достижение», а как выход из тупика на дорогу. Только бы снова не заблудился в трех несуществующих соснах.

Терапиано после долгого молчания написал хорошую поэму «Эпоха»³. Что свидетельствует о том, что способности не пропадают, а, напротив, развиваются с годами, а не усыхают.

Как жаль, что Вы так далеко, и Вы, и Моршен. Без литературного воздуха и поддержки поэтов очень трудно писать. Я это знаю по себе. Терапиано мне во многом помог, как и я ему. Думаю, что и Вы нам, и мы Вам тоже помогли бы.

Желаю Вам и Вашей жене всего наилучше-лучшего и шлю Вам обоим сердечный привет.

Ирина Одоевцева

¹ По ассоциации с поэмой-сказкой Цветаевой «Царь-девица» (1922). Например, осенью 1945 года Адамович, вспоминая Цветаеву, советовал Бахраху: «Прочтите, если найдете, этот “Нездешний вечер”. Она была, конечно, “царь-дура”, но это она написала все-таки больше как царь, чем как дура, и местами неподражаемо – метко и верно» (Bacherac Coll. Bakhmeteff Archives. Columbia University. New York).

² Одоевцеву раздосадовала статья Берберовой «Великий век» (Новый журнал. 1961. №64. С.119-140), в которой пропагандировались некоторые идеи американской «новой критики». 7 июля 1961 года Г.П.Струве писал об этом Маркову: «Да, статья Берберовой произвела и на меня странное впечатление. Впрочем, дело, мне кажется, объясняется довольно просто: она впервые вдруг познакомилась с англосаксонской “новой критикой” (м.б., из лекций Веллека или бесед с ним – он ведь возглавляет там Отдел сравнительной литературы и славянских литератур), а отчасти и с современной англосаксонской поэзией, и, не переварив всех этих свалившихся на нее “откровений”, пустилась делиться ими с читателями (может быть, не без мысли эпатировать их)» (Собрание Жоржа Шерона). Аронсон в рецензии на 64-й номер «Нового журнала» откликнулся на статью Берберовой восхищенно, чем еще больше удивил Глеба Струве, написавшего Маркову 8 августа 1961 года: «Да, Аронсон с Берберовой – это номер; но ему простительно принимать все это за чистую монету, не может он на старости лет изучать англосаксонских “новых критиков”!» (Собрание Жоржа Шерона).

³ Стихотворение Юрия Терапиано «Эпоха» было опубликовано в канадском журнале «Современник» (1963. №7. С.19-20) и вошло в сборник «Избранные стихи» (Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1963. С.106-107).

30-го июля <1962 г.>

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше письмо. Впрочем, за такое безнадежно-пессимистическое письмо мне на Вас скорее следовало бы наброситься со всяческими: «Бога Вы не боитесь! Кому, кому, а Вам-то на что жаловаться?» и закончить ядовитым, как купорос, вопросом: «А что бы Вы, к примеру, стали делать на моем месте? Повесились бы? Или застрелились?»

Но я понимаю, что все это ни к чему. И что *comparaison n'est pas raison*¹. Плохое утешение, что другому еще хуже – во всех отношениях – чем Вам. Нет, не во всех, пожалуй. Я одарена доходящей до глупости веселостью и жизнерадостностью, и это мне многое скрашивает. Только на прошлой неделе я послала в «Мосты» стихи:

...И казалось, что грустней,
Безнадежней и темней
Горестной моей судьбы.
Ну, а вот пойдй
Бьется радостно в груди
Сердце...²

А Ваше сердце разве никогда не бьется радостно?

Я даже ночью просыпаюсь от радости, будто меня толкнули. И долго не могу сообразить, что радоваться абсолютно нечему. Скорее наоборот. И, сообразив, снова засыпаю.

Как бы мне хотелось Вас утешить! Но у Вас все есть – все, чего мне не хватает. Семья, удачная карьера, дом, собаки, друзья и пр. А у меня ровно ничего. Хочу завести себе плюшевую собаку, хотя будут говорить, что я впала в детство. И пусть. Все таки – друг.

Кстати, о друзьях. Из послания Дукельского³ я поняла, что он Ваш друг. И мне кажется, что очень стоящий. Мне чрезвычайно нравятся «Послания» находчивостью, свободой и оригинальностью. Они даже удивили меня – чтобы не поэт, а композитор мог так писать. Смutil меня только слегка восторг перед Корвиньм⁴. Неужели совсем искренний? Некоторые рифмы, повороты стиха и аллитерации просто очаровательны. А кто такие «армяне»?⁵

Приезжал Гуль. Все, кто его видел, поражены. Говорят, вылитый президент Эйзенхауэр. Я «не имею опыта» – Эйзенхауэра никогда не видела. Но Гулем, все же, поражена.

Что Вы думаете о моем отрывке «На берегах Невы»?⁶ Моршен прислал мне за него похвалу, обрадовавшую меня. Я ведь и Вас, и Моршену очень люблю и ценю. И человечески. И поэтически. Как редко кого, ценю Вас обоих.

«Пусть Вам будет хорошо», как Вы пишете. От всего сердца желаю Вам этого. Почему бы Вам не прислать мне вашу диссертацию о Хлебникове, если есть лишний экземпляр?⁷

И.Одоевцева

¹ сравнение не основание (*фр.*).

² Из стихотворения «Я живу день изо дня...», опубликованного в составе подборки из пяти стихотворений (Мосты. 1963. №10. С.18-22).

³ Владимир Александрович Дукельский (1903–1968) – композитор, писавший популярные песни под псевдонимом Vernon Duke. В 60-х годах опубликовал четыре сборника стихов, первый назывался «Послания» (Мюнхен, 1962). Первое из «посланий» было обращено к Маркову, который написал и предисловие к книге.

⁴ Имеется в виду «Послание к В.Л.Корвину-Пиотровскому» Дукельского.

⁵ «Послание к В.Ф.Маркову» Дукельского завершалось строчкой «Привет жене. Поклон армянам».

⁶ Фрагмент из воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы», повествующий о том, как Гумилев представлял ее Георгию Иванову и Андрею Белому, был опубликован в «Новом журнале» (1962. №68. С.66-90).

⁷ Диссертация Маркова была опубликована отдельным изданием: Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. University of California Publications in Modern Philology. Vol.62. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962; переиздана: Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975.

45

12-го марта 1965 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Простите, что я так давно Вам не отвечала на Ваше долгожданное первое письмо. Ну, и на второе, конечно.

Первому я очень обрадовалась – я ничем не могла объяснить ваше молчание после вполне удачной встречи¹.

Мне и Лидия Ивановна, и Вы очень и очень понравились. Я даже, признаться, была удивлена, как легко с Вами говорить и как правильно – с моей точки зрения – обо всем судите Вы. Вот и сейчас я совершенно согласна с Вами насчет Ахматовой, но, конечно, дер-

жу свое мнение про себя. А то скажут: «Завидует бедная богаделка». Для меня Ахматова кончилась в 22-ом году. Остального могло бы и не быть, хотя им как раз и восхищаются самозабвенно.

Да, так вот. Я не писала Вам лишь оттого, что у меня было страшно мало сил. Я так устала и ослабела, что едва дышу, а писать писем совсем не могу.

Конечно, с радостью даю согласие на переводы Жоржа и была бы счастлива, если бы он стал известен в Америке².

Конечно же и себя разрешаю переводить. Пожалуйста – сколько угодно!

Но почему такой неудачный выбор – и только юношеские стихи? Неужели и Вам нравится «Статуя»?³ Мне совсем нет. (Нельзя ли хотя бы выбросить последнюю строку: «Как вы думаете», или во всяком случае заменить на Ваше усмотрение.)

Впрочем, я, кажется, путаю, «В этом мире»⁴, кажется, тоже переводится. Но оно мне тоже не нравится. Я даже жалею, что поместила его в «Контрапункте». А теперь оно появляется всюду – и в «На Западе»⁵, и у Раннита⁶, и у Вашего переводчика.

Лучше бы он взял «Скользит слеза» или какое-нибудь из «Десять лет» короткое.

Впрочем, я напрасно пишу все это. Мне, в общем, безразлично – и раз ему нравится, то и отлично. Я и не думаю протестовать.

Посылаю Вам иллюстрацию к «Статуе». Я думаю, что вид Летнего сада Вам доставит удовольствие. Одна моя знакомая привезла его в багаже, забыв отправить из Ленинграда.

Ю<рий> К<онстантинович> рассказал мне, что Вы тоже чувствуете себя плохо. Очень Вам сочувствую и понимаю Ваше состояние и желаю Вам, как и мне, скорее справиться с ним.

Самый сердечный привет <пропуск в оригинале> и всем Вашим у compris' собак. Пусть Вам всем будет хорошо.

Душевно Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> Скоро выйдет мой сборник стихов «Одиночество»⁸. Вам его сейчас же пошло.

¹ Марков с женой приезжал в Париж в июле 1964 года и встречался там с Одоевцевой, Терапиано и другими друзьями по переписке.

² В это время Марков и поэт Меррилл Спаркс (Merrill Sparks) составляли двуязычную антологию современной русской поэзии, которая вскоре была опубликована двумя изданиями: Modern Russian Poetry: An anthology

with verse translations and with an introductions by Vladimir Markov and Merrill Sparks. London, 1966; New York, 1967.

³ Учтя мнение Одоевцевой, составители не включили это стихотворение Ивановна в антологию.

⁴ Стихотворение Одоевцевой было опубликовано в антологии (С.452).

⁵ Имеется в виду книга: На Западе: Антология зарубежной поэзии / Сост. Ю.П.Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁶ Алексис Раннит (наст. имя: Алексей Константинович Долгошев; 1912–1986) – поэт, переводчик, писавший сперва по-русски, а позже перешедший на эстонский язык. До войны жил в Эстонии, после войны переехал в США, работал в Йельском университете.

⁷ включая (фр.).

⁸ Одоевцева И. Одиночество. Вашингтон: Русская книга, 1965.

46

25 июня 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Разве я, а не Вы не ответили на последнее письмо? Мне казалось... Но я не настаиваю. И ведь это, в сущности, не важно. Важно, чтобы оставался душевный контакт, а он у меня с Вами не прерывается.

Понимаю и сочувствую Вашей чрезмерной занятости. Я сама испытала ее в этом году. Окончить и сдать рукопись «На берегах Невы» оказалось чрезвычайно трудно и даже мучительно. Никогда ни одна из моих книг не требовала столько работы, на которую я не способна.

Я печатала «Берега» отрывками¹, а когда пришлось их приводить в порядок и сводить концы с концами, впала в отчаяние.

Теперь это, слава Богу, позади и остается просто ждать, когда книга наконец выйдет.

Постараюсь, как могу, ответить на вопросы о Жорже:

1) Фамилия его матери – Брау-Брауэр фон Бренштейн. Предки его – голландцы, но триста лет тому назад переселились в Польшу. Они имели баронский титул, которого лишились за участие в польском восстании. Два его предка участвовали в крестовых походах. Все, и с отцовской, и с материнской стороны, были военные. Отец его служил в гвардейской артиллерии и был после турецкой войны, вместе с Мосоловым², адъютантом Александра Батенбергского³.

2) «Те иль эти»⁴, по всей вероятности, навеяно пушкинским «эти вот и те, те, те»⁵.

3) Т.Г.Терентьева⁶ – бывшая заведующая Чеховским издательством.

4) «Мудрости земной», по всей вероятности, просто ирония.

Большая часть архива хранится у меня. Небольшую часть я передала в архив Йельского университета⁷.

Кстати, я была бы Вам очень благодарна, если бы Вы прислали мне хотя бы несколько писем Жоржа. Все Ваши к нему сохранились.

Ю<рий> К<онстантинович> передал мне, что Вы хотели бы получить мое искалеченное «Одиночество»⁸ в виде библиографической редкости. Посылаю Вам его с моими поправками.

Жаль, что в этом году Вы не собираетесь в Европу. Я надеюсь в сентябре поехать в Швецию, а позже еще и в Мюнхен.

Шлю Вам обоим мои самые сердечные пожелания.

Ваша

И.Одоевцева

¹ Фрагменты воспоминаний Одоевцевой «На берегах Невы» до выхода книги появлялись в «Русской мысли», «Мостах» и «Новом журнале».

² Александр Александрович Мосолов (1854–1939) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, в 1900–1917 начальник канцелярии Министерства императорского двора.

³ Александр Баттенберг (Battenberg; 1857–1893) – болгарский князь в 1879–1886 годах, племянник жены императора Александра II Ирины Александровны.

⁴ Из стихотворения Георгия Иванова «Смилоствивилась погода...». По предположению Г.И.Мосешвили, возможный источник – стихотворение Иннокентия Анненского «То и Это» (Иванов Георгий. Собрание сочинений в трех томах. М.: Согласие, 1994. Т.1. С.617).

⁵ Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Полобуйтесь же вы, дети...». У Пушкина: «эти / Те, те, те и те, те, те».

⁶ Переписку Георгия Иванова с заместителем главного редактора (Associate Editor) издательства имени Чехова Татьяной Георгиевной Терентьевой, посвященную подготовке и выходу в свет второго издания «Петербургских зим», см. в публикации Веры Крейд и Вадима Крейда «Переписка Георгия Иванова» (Новый журнал. 1996. №203/204. С.158-166). Т.Г.Терентьевой была посвящена подборка Георгия Иванова «Из стихов 1952-го года» (Опыты. 1953. №1. С.35-36).

⁷ Часть архива Георгия Иванова была продана в 1966 году библиотеке Йельского университета Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Тогда же библиотека купила архивы Адамовича и самой Одоевцевой.

⁸ Сборник стихов Одоевцевой «Одиночество» (Вашингтон: Русская книга, 1965) не был пущен в продажу. 5 января 1966 года Терапиано в письме

Маркову объяснял, почему Одоевцева сразу не прислала ему книгу: «Дело в том, что “Одиночество” сверстали так, что местами одно стихотворение превратилось в два, а другие – разорваны на три ставшие самостоятельными части. По выходе книги И<рина> В<ладимировна> просила Б.Филиппова не пускать эту книгу в продажу, аннулировать ее и уничтожить. Филиппов, очень этим недовольный, принужден был обещать эту книгу уничтожить. (И<рина> В<ладимировна> не послала Вам “О<диночество>”, т.к. считает эту книгу не существующей)» (Минувшее. Вып.24. С.376).

47

11 июля 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Письмо вдогонку к первому – не можете ли Вы быть таким милым и вторично переснять портрет Жоржа из Аполлона?¹

Меня просит издатель портрет Жоржа для «Берегов Невы».

Присланный Вами еще в Иер снимок у меня кто-то утащил, когда я переезжала в Ганьи.

Надеюсь, что письмо еще дойдет – Вы еще не уехали на канси.

Желаю Вам еще раз как можно приятнее их провести и хорошо отдохнуть.

Сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваша

И.Одоевцева

¹ Имеется в виду написанный углем «Портрет Георгия Иванова» (1914) П.В.Митурича, опубликованный среди других работ художника (Аполлон. 1916. №4-5. С.2-3, вклейка).

48

20 августа 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за Ваше письмо. Надеюсь, что Вы и Лидия Ивановна хорошо отдохнули.

Впрочем, у Вас ведь круглый год лето, не то, что у нас – мы мерзнем и сейчас, в августе, и нам к тому же обещают раннюю и суровую зиму.

Я буду Вам очень благодарна, если Вы переснимете портрет Жоржа из «Аполлона».

Я предполагала, что мною «закончен труд завещанный от Бога»¹. Оказывается, нет. Надо еще добавить две главы. Об Ахматовой и Анненкове.

Об Ахматовой я сначала не хотела писать, так как она гнусно поступила по отношению к Жоржу в «Воздушных путях»², выставив его каким-то вралем, хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней. Оскорбилась же она тем, что Жорж в «Петербургских зимах» ее недостаточно превознес и даже посмел поменять о поданной ей прохожим копейке – по рассказу Ольги Судейкиной³.

Но раз она умерла – то какие могут быть с нею счеты?

Напишите мне подробно о Вашем кусающемся песике – какой он породы, возраста и цвета. Нет ли его фотографии?

Желаю Вам обоим всего самого хорошего.

Ю<рий> К<онстантинович> просит передать Лидии Ивановне и Вам привет.

Дружески

Ирина Одоевцева

¹ Неточная цитата из монолога Пимена пушкинского «Бориса Годунова» (1825). У Пушкина: «Закончен долг, завещанный от Бога».

² Имеются в виду фрагменты воспоминаний Ахматовой, в которых она несколько раз упоминала Георгия Иванова, назвав «Петербургские зимы» «пикантными мемуарами» и отмечая исключительно вымышленные детали: «Описание фэйф-о-клока на “Тучке” (Георгий Иванов, “Поэты”) выдуманно от первого до последнего слова <...> В Варшаву Осип Эмильевич действительно ездил, <...> но о попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыживала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила» См.: Ахматова А. Мандельштам (листки из дневника) // Воздушные пути. 1965. №4.

³ Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1885–1945) – актриса, художница, жена художника С.Ю.Судейкина, с 1924 года в эмиграции. Перед отъездом несколько лет жила в одной квартире с Ахматовой: в 1921–1923 на Фонтанке, 18, потом на Фонтанке, 2. Подробнее о ней см.: Мок-Бикер Элиан. «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб.: Изд-во Гржебина; АО «Арсис», 1993. В «Петербургских зимах» Иванов привел рассказ встреченной им в Париже Судейкиной об Ахматовой: «Аня раз шла по Моховой. С мешком. Муку, кажется, несла. Устала, остановилась отдохнуть. Зима. Она одета плохо. Шла мимо какая-то женщина... Подала Ане копейку. – Прими, Христа ради. – Аня эту копейку

спрятала за образа. Бережет...» (Иванов Георгий. Собр. соч. в трех томах. Указ. изд. С.55). Ахматова неоднократно выражала возмущение по поводу «Петербургских зим». Однако ср. у Вейдле: «Показала мне раз копейку, хранимую ею: старушка ей подала на улице, приняв за нищенку» (Вейдле В. О поэтах и поэзии. Париж, 1973. С.59).

17 сентября 1966 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое спасибо за фотоснимки. Вы мне этим сделали настоящее одолжение.

Но, к сожалению, второй снимок не тот, на котором Жорж. Это для меня два «анонима», не догадываюсь даже, кто они¹.

На рисунке, где Жорж – он стоит на коленях на диване, en fass на диване, – там, если я не ошибаюсь, и Мандельштам². Должно быть в другом номере.

Хотите ли Вы, чтобы я вернула Вам этих двух «анонимов»?

Вы ничего не написали мне про «кусащего песика» – он меня очень интересует, как вообще все собаки.

Я уже начинаю «Берега Сень». Но совсем в другой манере.

Там, кстати, будет и наша с Вами и Лидией Ивановой парижская встреча, незабываемая для меня.

Надеюсь, что Вы все-таки хорошо отдохнули и набрались сил для Вашей дальнейшей чрезмерной работы.

Вы, наверное, видели Моршена. Почему он мне перестал писать? Ведь я всегда к нему хорошо относилась.

Желаю Лидии Ивановне и Вам всего доброго.

С сердечным приветом

Ирина Одоевцева

<На полях:> У меня радость – мне предложили издать полное собрание сочинений Жоржа. Не осталось ли у Вас все-таки его «размахайчиков» и первого «Отплытия на остров Цитеру»?³

Я была уверена, что это письмо давно отправлено, простите, ради Бога.

¹ Марков переснял из «Аполлона» и прислал Одоевцевой рисунок П.В.Митурича «Поэты» (1915), напечатанный в одном номере с его же портретом Георгия Иванова (Аполлон. 1916. №4-5. С.12-13, вклейка).

² В том же номере был напечатан и рисунок П.В.Митурича «О.Мандельштам» (Там же. С.2-3, вклейка).

³ Иванов Г. Отплытие на о.Цитеру. Поэзы. Книга первая. СПб.: Эго, 1912.

22 мая 1968 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Большое, огромное спасибо за отгиск и за лестный, хотя и очень запоздалый отзыв о «Берегах». Я думала, что первые «Берега» потерялись, чем и объясняется посылка вторых – Вам и Маркову¹.

Меня очень радует, что Вы написали о Жорже². Пора вспомнить о нем. Здесь его совершенно забыли, будто его вовсе не было.

Зато из России приходят известия, что там им начинают интересоваться – Евтушенко, приезжавший в Париж, читал его стихи наизусть, и несколько советских корреспондентов Ю<рия> К<онстантиновича> настойчиво просят прислать им «все книги Георгия Иванова», что – сами понимаете – невыполнимо.

Вы совсем по-новому подошли к стихам Жоржа. Кстати, могу подарить Вам еще одно самоповторение: в «Посмертном дневнике» в «Кошка крадется...» –

Небо в окне, как персидская шаль,

А в «Садах»:

И дальний закат, как персидская шаль³.

Я теперь и у себя ищу цитатности, а раньше я и у Жоржа не замечала ее. И как правильно – это у него началось с «Распада»⁴.

Очень хорошо, что Вы занялись Кузминым⁵. Он тоже несправедливо забыт. Пора и о нем вспомнить. Не нужны ли Вам какие-нибудь справки о нем? С радостью сообщу Вам все, что знаю. У Ю<рия> К<онстантиновича> сохранились его «Сети»⁶ – дореволюционные. Я постараюсь найти у букинистов старый «Вереск»⁷ для Вас. Хотя не могу обещать.

Мне, повторяю, очень лестно Ваше мнение о «Берегах», я ценю только мнения стоящие, а их очень немного. Конечно, Берлянд, а не Берлин – это «досадная опечатка». Их, к сожалению, масса. Особенно отвратительно в стихах Пушкина. Вместо «Глуп и нем» – «Глух и нем». Вместо «Зимы ждала, ждала» – «Зимы, зимы» – всего не перечить. Слава Богу, читатели не замечают. Но мне обидно.

Кстати, и у Вас я заметила опечатку – в сноске, в письме Жоржа – не дяди, а деда – ведь дяди в 1848 у Жоржа быть не могло. Но здесь, вероятно, виноват почерк Жоржа, его иероглифы трудно расшифровать.

Моя поездка в Америку была для меня непрерывным праздником. Впервые со дня смерти Жоржа я чувствовала себя так хорошо – я просто жила там и мечтаю снова полететь в Америку. На этот раз на свои «шиши», а не камкинские. Камкин⁸ пригласил меня погостить у него в Вашингтоне и прислал мне 400 долларов на аэроплатный билет. Я, конечно, с радостью сразу согласилась – и не жалею об этом. Напротив. Америка меня очаровала⁹. Я жду-не дождусь, когда снова сяду в аэроплан и полечу. После Америки жизнь в богадельне в Ганьи стала для меня еще отвратительнее.

Но так как я полечу на свой счет, надо подготовить целый ряд вечеров и выступлений в университетах. Я, конечно, не ищу материальных выгод – где уж там! Мне надо только окупить расходы. Мне здесь добрые души дадут деньги в долг. Но, как известно, долги надо возвращать.

Было бы прекрасно, если бы Вы могли, как Вы писали, устроить мне турне по Калифорнии. Мне очень хочется увидеть Холливуд, Сан-Франциско и побывать у Вас с Лидией Ивановной и познакомиться с Вашими собаками – ведь Вы, наверное, завели новых – все это крайне заманчиво. Я могу – если надо – приготовить несколько лекций. О чем говорил ученый Вейдле? И на каких основаниях он к Вам ездил? Неужели выписывали его из Мюнхена?

Я думаю для начала полететь в Нью-Йорк, а оттуда уже лететь куда пригласят, начав с моего вечера в Нью-Йорке и в Вашингтоне, где я обзавелась многими новыми друзьями.

Я бы хотела полететь уже этой осенью, пока не так еще холодно в Нью-Йорке – я боюсь сильных морозов. Если не удастся до Рождества, придется отложить до весны.

У Вас в Калифорнии, конечно, всегда хорошо, не то что в Нью-Йорке.

Но, дорогой Владимир Федрович, если Вам трудно и некогда заниматься моими делами, не делайте этого – я прекрасно пойму. Ведь Вы и без того очень заняты. Я не обижусь. Напишите мне откровенно.

Мы с Ю<рием> К<онстантиновичем> очень жалеем, что Вы с Лидией Ивановной не посетите Париж этим летом. Желая Вам обним всего-всего наилучшего и прекрасных европейских каникул

Ваша

И.Одоевцева

<На полях:> 19 мая скоростно скончался в Мюнхене С.А.Водов. Его хоронят здесь, в Париже, в субботу. Мы даже не сможем быть на его похоронах – не на чем ехать – нет бензина.

Неизвестно, когда уйдет это письмо – у нас всеобщая катастрофическая забастовка.

¹ По всей видимости, Одоевцева хотела написать: Моршену.

² Марков В. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П.А.Вяземского и Георгия Иванова. // To Honor Roman Jacobson. The Hague: Mouton and Co, 1967. Vol.II. P.1273-1287.

³ Из стихотворения Георгия Иванова «Эоловой арфой вздыхает пещаль...» (1921).

⁴ Марков считал, что «начало ивановской цитатности, пышным цветом расцветшей в последний период, можно более или менее точно датировать. Как ни странно, начало этому кладет ивановская проза – “Распад атома”, написанный в 1937 г.» (Марков В. Русские цитатные поэты: Заметки о поэзии П.А.Вяземского и Георгия Иванова. Op. cit. P.1279).

⁵ В это время Марков готовил публикацию «Balmont: A Reappraisal» (Slavic Review. 1969. №28. P.221-264), а позже опубликовал несколько статей о Бальмонте. выпустил его избранное и два тома комментариев к его поэзии: Бальмонт К. Избранные стихотворения и поэмы. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974; Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D.Bal'mont: 1890–1909. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1988; Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D.Bal'mont: 1910–1917. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1992.

⁶ Кузмин М. Сети. Первая книга стихов. М.: Скорпион, 1908.

⁷ Иванов Г. Вереск. Вторая книга стихов. М.; Пг.: Альциона, 1916.

⁸ Одоевцева прилетела в США сперва в 1965 году на переговоры об издании «На берегах Невы», затем в 1968 по приглашению факультетов славянских языков и литературы Джорджтаунского и Питсбургского университетов. Останавливалась она оба раза у книготорговца и издателя Виктора Петровича Камкина (1902–1974). Жена Камкина «сначала с некоторой робостью взирала на знаменитую гостью, одетую всегда в голубое со множеством бантиков, приколотых к наряду булавками, но вскоре привыкла и к довольно капризному ее характеру, и к булавкам, коловшим пальцы <...> с удивлением обнаружила, что ей грустно расставаться с этой очаровательной, капризной, кокетливой и действительно талантливой от Бога женщиной» (Пальмова И. След на земле: Страницы жизни Виктора Камкина. М.: Международная книга, 1995. С.337-339).

⁹ Пребывание Одоевцевой в Америке совпало по времени с расовыми волнениями в стране. Иван Елагин, со слов Татьяны Фесенко, писал Маркову 22 апреля 1968 года о том, что «Одоевцева, перепугавшись Вашингтонских событий (дом Камкина был в районе восстания), улетела домой» (Собрание Жоржа Шерона).

51

15 октября 68 г.

Дорогой Владимир Федрович,

От Вас опять ни слуха ни духа. Скоро буду в Америке, но что предпринять, чтобы увидеться с Вами и Лидией Ивановной.

28 ноября я буду в Нью-Йорке, а с 3 декабря начну свое «турне» по университетам.

Я пробуду в Америке до начала будущего года и даже надеюсь слетать в Канаду.

Маленькая просьба к Вам – у Вас в университетской библиотеке имеется № первый журнала «Новый дом». Вы в свое время прислали Ю.К.Терапиано фотокопию его статьи о Ходасевиче¹.

«Нового дома» здесь разыскать невозможно, а мне для «Берегов Сень» необходима статья о «Верстах» и Марине Цветаевой, помещенная в этом номере².

Будьте милый, пришлите мне фотокопию этой статьи и, если можно, поскорее.

Заранее благодарю Вас и шлю самый сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Всего, всего наилучшего.

Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Терапиано Ю. Два начала в русской современной поэзии (тезисы к докладу на собрании Союза молодых поэтов и писателей) // Новый дом. 1926, №1. С.21-31.

² Злобин В. «Версты» // Там же. С.35-37.

52

«La Pensée Russe»
96, rue du F-rg St.Denis
Paris X^e
23 января 69 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Редакция «Р<усской> мысли» поручила мне попросить Вас написать некролог о В.Дукельском¹, как о музыканте и авторе нескольких книг, в том числе и стихов.

Если можно, не задерживайте и адресуйте прямо Зинаиде Алексеевне Шаховской², нашему редактору.

Надеюсь, что Вы приятно слетали в Европу и хорошо отдохнули.

Я, со своей стороны, очень удачно слетала в Америку и Канаду и познакомилась с рядом университетов, где читала лекции и стихи.

Возможно, что прилечу опять в апреле в Америку.

Я очень жалела, что на этот раз не удалось с Вами повидаться.

Сердечный привет Лидии Ивановне и Вам.

Всего, всего наилучшего.

Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Некролог Марков не написал.

² Зинаида Алексеевна Шаховская (р.1906) была после смерти Водова редактором «Русской мысли» (с 1968 по 1978).

28 июня 70 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Мы действительно не общались вечность, о чем я очень жалела.

Тем более приятно было мне получить Ваше письмо – спасибо.

Статья¹, Вы правы, «не ахти» – Г<еоргий> И<ванов> не был модернистом и сам себя считал «завершителем эпохи», а не новатором. Неверно и что он три раза называет себя в своих стихах. Всего только один раз – «Не Георгием Ивановым», в двух остальных случаях фамилия Иванов, с ударением на ов, взята как самая распространенная, не без издевательства над ней:

Нет ни похода ледяного,

Ни капитана Иванова²...

Как Вы, наверное, знаете, Г<еоргий> И<ванов> никогда военным не был.

То же, уже в виде гротеска, и о «брюках Иванова».

Но статья, конечно, написана с «лучшими чувствами», и это для меня ценно.

В моей жизни с тех пор, как мы с Вами перестали «общаться», произошло немало событий, начиная с троекратного посещения Америки и Канады, доставивших мне много радости. А самое последнее

– «невероятно до смешного» – приехавший из Москвы композитор Н.В.Богословский³ сообщил мне в присутствии Зайцева, Шаховской, Прегель, Ю.К.Терапиано и прочих, что «На берегах Невы» передают по московскому радио в отрывках. Он сам слышал два – о Блоке.

Здесь никто верить не хочет в такую «чудовищность». Но, кажется, действительно – факт.

К сожалению, до меня не дошел Ваш Бальмонт⁴. Очень хорошо, что Вы о нем написали. Здесь с «нелегкой руки» Адамовича его стараются «сбросить с корабля современности» и относятся к нему крайне несправедливо, как и к Марине Цветаевой⁵.

Меня очень интересует все, что касается Кузмина. Его «Парабол»⁶ я не видела никогда.

Не могли ли Вы быть так добры и прислать мне фотокопии их? А также биографические сведения о нем?

О нем в мое время рассказывали столько вздора, в чем он и сам участвовал, создавая легенду о себе.

Действительно ли он старообрядец? И что он вообще делал до 30-летнего возраста?⁷ Меня все это очень интересует.

Мне известны только его похороны, больше ничего.

Надеюсь, что у Вас все хорошо, если нового нет. Впрочем, я слышала, что Вы «почитаемы и знамениты», но ведь естественно, иначе и быть не могло.

А Лидия Ивановна, что у нее нового?

И как Ваше собачье семейство? Наверное, пополнилось новыми членами?

Сердечный привет Лидии Ивановне. Пусть Вам обоим будет хорошо.

Дружески Ваша

Ирина Одоевцева

<На полях:> Юрий Константинович шлет Вам привет и охотно пойдет Вам навстречу в смысле «эзотеризма»⁸.

¹ Agushi Irina. The poetry of Georgij Ivanov // Harvard Slavic Studies. 1970. Vol.V. P.109-153.

² Из стихотворения Георгия Иванова «Все чаще эти объявления...» цикла «Rayon de rayonne» (1949).

³ Никита Владимирович Богословский (р.1913) – советский композитор, вице-президент общества СССР–Франция (с 1965).

⁴ Имеется в виду публикация Маркова «Balmont: A Reappraisal» (Slavic Review. 1969. №28. P.221-264).

⁵ Одоевцева несколько преувеличивает влияние Адамовича в обоих случаях. Письма Бальмонта показывают, что стали публиковать его со скрипом и относиться равнодушно с самого начала эмиграции, с 1920 года, когда никакого Адамовича в Париже еще не было. См. об этом: Константин Бальмонт. Письма к П.Н.Милокову / Пред. и публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // Новый журнал. 1999. №214. С.158-165. Писал Адамович о Бальмонте исключительно ровно, всегда одобрительно, хотя молодых парижских поэтов и предостерегал от искусов «бальмонтщины». Равно и с Цветаевой все не так просто. Подробнее см.: Георгий Адамович – Марина Цветаева: Хроника противостояния / Пред., сост. и прим. О.А.Коростелева. М.: Дом-музей Цветаевой (в печати).

⁶ Кузмин М. Параболы: Стихотворения 1921–1922. Берлин: Петрополис, 1923.

⁷ Обобщающие сведения о жизни и творчестве Кузмина см.: Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995; Богомолов Н.А., Малмстад Джон Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

⁸ Терапиано с юности увлекался оккультизмом, еще в 1917 году в Киеве был посвящен в масоны, в эмиграции был членом масонской ложи «Юпитер» в 1930–1932 годах, написал книгу «Маздеизм: Современные последователи Зороастра» (Париж, 1968), в «Русской мысли» регулярно писал рецензии на оккультные издания.

12 августа 70 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Спасибо за желание прислать мне Вашу книгу о Кузмине¹. Буду ждать ее появления с нетерпением.

А насчет того, что Жорж только раз назвал себя в стихах, я абсолютно и 100% права. Он не только настаивал на том, чтобы его называли Иванов, но еще и непременно Георгий Иванов².

К своей фамилии он относился иронически, считая ее «собирабельным именем» – всякие там Ивановы–Петровы.

Кстати, дворяне были Ива́новы, а разночинцы и дворяне – Ива́но́вы – так повелось в дореволюционной России.

«Капитан Иванов»³ свидетельствует о все том же ироническом отношении к своей фамилии – ведь Жорж никогда капитаном не был. Несмотря на то, что он воспитывался в корпусе, он вышел из него глубоко штатским и, благодаря связям, не участвовал в войне – что, конечно, не очень похвально.

Брюки Иванова⁴ тоже никак не относятся к нему. Тут «Иванов» взят как самый ни на есть обыкновенный, рядовой обыватель, ставший обладателем фантастических брюк.

Кстати, это стихотворение было написано или, вернее, сочинено с молниеносной быстротой. Жорж подметал пол и вдруг прочитал мне его с начала до конца, без запинки. И тут же объяснил мне, как его следует понимать. Еще о его фамилии – он, в четырнадцать лет начитавшись Вальтер Скотта, в шутку уверял своих товарищей, что его настоящая фамилия – Айвенхо, а не Иванов.

Я забыла Вам ответить о Сергее Рафаловиче⁵. Он умер – если не ошибаюсь – после войны в Париже.

Как же Вы обходитесь с одной только собакой, да еще кусающей? Я бы на Вашем месте завела бы не меньше четырех.

Желаю Вам и Лидии Ивановне всего, всего хорошего и новых добрых собак.

Ю<рий> К<онстантинович> шлет Вам привет.

Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Марков напечатал несколько статей о Кузмине, выпустил его «Собрание стихов» в трех томах (Munche: Wilhelm Fink Verlag, 1977), а также десять томов его прозы (Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984–1998; издание продолжается), но отдельной книги о Кузмине так и не опубликовал.

² Сам Георгий Иванов писал Маркову об этом же: «Ох, не величайте меня впредь Г.Ивановым! Все-таки я “Георгий Иванов”, а не гражданин или господин Иванов. Все постоянно это делают, и всегда мне неприятно» (Вгiефе... 1955–1958. В.25).

³ Из стихотворения Георгия Иванова «Все чаще эти объявления...» цикла «Rayon de gaupne» (1949).

⁴ Имеется в виду стихотворение Георгия Иванова «Портной обновочку утюжит...» цикла «Rayon de gaupne» (1949).

⁵ Сергей Львович Рафалович (1875–1943) – поэт, прозаик, драматург, активно печатавшийся с 1894 года. С 1922 жил в Париже. Опубликовал несколько десятков книг.

6 декабря 71 г.

Дорогой Владимир Федрович,

А мне казалось, что не я Вам, а Вы мне не ответили на письмо. Но может быть, я ошибаюсь.

Во всяком случае, мне было очень приятно, что Вы вспомнили обо мне. Я очень одобряю Ваше намерение написать о Бальмонте. Он ведь совершенно незаслуженно забыт в эмиграции. Обидно за него. К сожалению, несмотря на то, что Бальмонт жил и умер в Париже¹, я видела его только раз в жизни у Мережковских². Лица, которому Бальмонт посвятил стихи, я не знаю, как, впрочем, и большинство из его окружения.

Зато мне известны много историй и анекдотов о нем – если Вам это интересно, с удовольствием расскажу Вам их.

Мне жаль, что Вы ничего не написали о себе, о том, как живете – как и чем. Завели ли Вы новых собак? И что думаете о Солженицыне, особенно об «Августе 14-го»? И не собираетесь ли навестить Париж? К нам ведь приезжают все знаменитости «потриумфировать», – даже Чиннов³. А Адамович, тот полетел пожинать лавры в Америку, и жатва по-настоящему великолепна, – застрял надолго⁴.

Посылаю Вам силуэт Ахматовой, сделанный Кругликовой⁵ еще до революции, – примите его, как новогоднее поздравление.

С наилучшими пожеланиями Лидии Ивановне.

Дружески Ваша

Ирина Одоевцева

¹ В эмиграции Бальмонт подолгу жил в Капбретоне на Атлантическом побережье и в предместьях Парижа.

² В своих мемуарах Одоевцева рассказывает об этом очень подробно: Одоевцева И. Избранное. Указ. изд. С.817-830.

³ После войны И.В.Чиннов преподавал в США – в Канзасском университете (1962–1968), Пенсильванском университете в Питсбурге (1968–1970), университете Вандербильта в Нэшвилле, Теннеси (1970–1977) – и критикой признавался одним из самых значительных эмигрантских поэтов.

⁴ Адамович провел в Америке более двух месяцев – с конца октября 1971 по 5 января 1972 года – выступал перед университетскими аудиториями в Нью-Йорке, Кембридже, Нью-Хэйвене и Вашингтоне и планировал посетить западное побережье США, но врачи не позволили. Его путешествие широко освещалось в эмигрантской прессе, в частности, см.: Г.В.Адамович едет в Нью-Йорк // Новое русское слово. 1971. 4 октября. №22392. С.3; [Б.п.]. Приезд Г.В.Адамовича // Новое русское слово. 1971. 27 октября. №22415. С.3; Иваск Ю. Г.В.Адамович в Нью-Йорке // Новое русское слово. 1971. 29 октября. №22417. С.3; [Б.п.]. Единственное выступление Г.В.Адамовича в Нью-Йорке // Новое русское слово. 1971. 17 ноября. №22436. С.3; [Б.п.]. Георгий Адамович в Ейльском университете // Новое русское слово. 1971. 18 ноября. № 22437. С.3; Самарин Владимир. Один час в России // Новое русское слово. 1971. 19 ноября. №22438. С.3; Седых Андрей <Цви-

бак Я.М.>. Г.В.Адамович: Вступительное слово, произнесенное на вечере Г.В.Адамовича в Нью-Йоркском университете 20 ноября 1971 года // Новое русское слово. 1971. 22 ноября. №22441. С.3; Завалишин Вяч. Встреча с Георгием Адамовичем // Новое русское слово. 1971. 24 ноября. №22443. С.3; [Б.п.]. Выступление Г.В.Адамовича // Новое русское слово. 1971. 1 декабря. №22450. С.3; [Б.п.]. Георгий Адамович в Колумбийском университете // Новое русское слово. 1971. 11 декабря. №22460. С.3; Найденов Андрей. На докладе Георгия Адамовича // Русская мысль. 1971. 23 декабря. №2874. С.10; [Б.п.]. Г.В.Адамович вернулся в Париж // Новое русское слово. 1972. 5 января. №22485. С.3. Д.Кленовский считал, что американское турне ускорило смерть Адамовича, и писал 27 февраля 1972 года архиепископу Иоанну: «Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, пересиливая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоприятно» (Архиепископ Иоанн Шаховской. Переписка с Кленовским / Ред. Р.Герра. Указ. изд. С.274).

⁵ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865–1941) – художник-график, наибольшую известность в литературном мире получили ее силуэты русских писателей.

56

26 февраля 72 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Не знаю, кто из нас с Вами друг другу не ответил. Если это я, то прошу прощения.

У меня большое горе – умер Адамович¹. Он был моим самым старым другом – с 20 года – и самым верным. Точнее – моим единственным другом. Последней связью с прошлым.

Для меня это огромная потеря, но и для русской литературы она очень велика. Ему ведь и в России отдавали должное.

Теперь я стала окончательно одинокой. Еще месяц тому назад нас – эмигрантских писателей, успевших стать писателями или поэтами еще в России, было трое – Зайцев², Адамович и я.

Теперь же осталась только я –
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди³.

Посылаю Вам статью Ю.К.Терапиано без комментариев – портреты вызывают всеобщий смех.

Кстати, я наконец собралась издать «Посмертный дневник». Не осталось ли у Вас каких-нибудь рисунков Жоржа – портретов размахайчиков или подписей.

Не хотите ли Вы написать вступление к «Посмертному дневнику»? Вы так прекрасно когда-то написали о Жорже.

Как живете Вы и Лидия Ивановна? Завели ли новых собак?

Желаю Вам обоим всего доброго и хорошего.

Сердечно Ваша

Ирина Одоевцева

¹ Адамович скончался в Ницце 21 февраля 1972 года.

² Борис Константинович Зайцев скончался в Париже 26 января 1972 года.

³ Строку «На роковой стою очереди» из стихотворения Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870) Одоевцева взяла эпиграфом к написанному после смерти Георгия Иванова и посвященному Адамовичу стихотворению «Верной дружбе глубокий поклон...» (Новый журнал. 1958. №55. С.103).

28 августа 75 г.

Дорогой Владимир Федрович,

Нет, Вы не послали мне статью о Георгии Иванове¹.

Пожалуйста, пришлите мне ее. Я недавно с большим удовольствием перечла то, что Вы писали о нем в «Опытах». Лучше, чем Вы, о нем никто не писал.

Признаюсь, что я ждала с нетерпением Ваш отзыв о моей «Златой цепи»² – мне очень хотелось знать, что Вы о ней думаете. Но Вы, к сожалению, не сказали мне этого. Она, по-видимому, Вам совсем не понравилась, и Вы отделались короткой отпиской. И это меня немного огорчило. Ведь Вы и обо мне, как и о Георгии Иванове, когда-то прекрасно написали. Лучше всех.

Огорчило меня немного и то, что Вы ничего не сообщаете о себе и о Лидии Ивановне. А меня это чрезвычайно интересует. Как Вам живется и как Вы оба себя чувствуете? Завели ли новых собак? О Вас я знаю только, что Вы знаменитый, всеми уважаемый профессор, а мне хотелось получить о Вас и «лирические сведения». Ведь когда-то мы переписывались. Мы – то есть Георгий Иванов и я.

Кстати, у меня хранятся все Ваши письма к нему. Сохранили ли Вы его письма? Можно было бы напечатать выдержки из Вашей с ним переписки – на радость литературоведам.

В последний раз я, кажется, обращалась к Вам с просьбой защитить память Г<еоргия> И<ванова> от Родиона Патерсона³. Но он и сам образумился и даже задумал написать обо мне диссертацию, для чего приезжал ко мне с женой и свояченицей и даже съездил в Йер, чтобы сфотографировать дом, где мы с Г<еоргием> И<вановым> жили.

Желаю Лидии Ивановне всего наилучшего.

Пусть Вам обоим будет по-настоящему хорошо.

Сердечно и дружески

Ирина Одоевцева

¹ Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as Light-Bearer // TriQuarterly. 1973. №37. P.139-163.

² Одоевцева И. Златая цепь. Стихи. Париж: Рифма, 1975.

³ Rodney L. Patterson – американский славист, аспирант Маркова. Под руководством Маркова защитил диссертацию по Бальмонту (1969). Опубликовал одну из первых работ о Георгии Иванове на английском языке, в которой все биографические сведения привел по непроверенным слухам. В начале семидесятых вступил в переписку с Ю.Терапиано по поводу стихов Георгия Иванова. См. заметку Ю.Терапиано в «Русской мысли» (1972. 24 февраля).

25/XII/75

<советская открытка
с видом Углича>

Как мне пишет профессор Токо Кавасаки из Токио: «Желаю Вам большое счастье в этом году!» – Вам и Лидии Ивановне.

Спасибо за статью о Георгии Иванове¹ – она очень хороша, а «поэтические близнецы»² меня чрезвычайно заинтересовали и даже принесли мне пользу. Теперь я всюду, и в стихах, и в прозе их ищу.

С праздничным приветом

Ирина Одоевцева

¹ Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as Light-Bearer // TriQuarterly. Op. cit. P.139-163.

² Видимо, речь идет о статье Маркова «Слоговые близнецы в русских стихах» (Russian Linguistics. 1974. №1. P.107-121).

*ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ, МАРГИНАЛИИ*

Александр Гладков
«Я НЕ ПРИЗНАЮ ИСТОРИЮ
БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ...»

(Из дневниковых записей 1945–1973)

Предисловие и публикация Сергея Шумихина

История – всегда воскрешение, а не суд.

Н.Ф.Федоров

Подробности расколдовывают историю.

Ю.Олеша

...на каждом шагу новелла, и стоит только записывать то, что видишь вокруг, и это будет страшно интересно и важнее выдуманных жизней тусклых людей, о которых мы пытаемся писать.

А.Гладков. Из дневника. 25.11.1959

Начнем с утверждения, что драматург, поэт, мемуарист и эссеист Александр Константинович Гладков (1912–1976) историкам литературы известен недостаточно. Можно сказать, почти неизвестен.

Это может показаться странным. Взять хотя бы пьесу «Давным-давно», которая битковыми аншлагами прогремела еще в 1942, а 20 лет спустя, после экранизации Эльдаром Рязановым, превратилась во всенародно популярную «Гусарскую балладу»¹. А ведь еще был ряд публикаций и книга о Мейерхольде, которые воскресили память об убитом великом режиссере, были воспоминания о Борисе Пастернаке, Викторе Кине, Юрии Олеше –

¹ К признакам истинной славы, которую нельзя подделать, по-видимому, надо отнести то, что были выпущены одноименные сигареты с фильтром (на пачке – Л.Голубкина и Ю.Яковлев в гусарском обмундировании), а поручик Ржевский (подобно Чапаеву и Штирлицу) стал героем серии анекдотов.

блестяще написанные, умные глубокие и честные, были другие работы – разве этого мало?

И все же истинный масштаб творческого диапазона Александра Гладкова остается пока практически неизвестным. Вернее, известна лишь видимая часть его творческой биографии, в то время как «подводная», пожалуй, и составляет ее главную сущность. «Сейчас бы помереть и станешь легендой, и постепенно все издадут, что написал, и приятели будут писать воспоминания о чуде и светлой личности, а я и не светлая личность, и не чудак, а человек очень много думавший и очень много намеревавшийся сделать и очень мало сделавший, любивший жизнь больше славы и успеха», – так писал Гладков в дневнике в январе 1964.

«Давным-давно», написанная на одном дыхании, всю жизнь приносила Гладкову материальный минимум, который мог обеспечить скромную жизнь (о достатке говорить не приходилось, хотя в годы перед арестом Гладков зарабатывал много – правда, процентов 60 уходило на налоги и обязательный заём). Первый и больше не повторявшийся успех не стал шагом на пути превращения Гладкова в бойкого драматурга-драмодела. В последние десятилетия жизни он мечтал создать нечто сравнимое с герценовским «Былое и думы», грандиозную книгу мемуаров, охватывающую полвека – с 1920-х по 1970-е годы. Гладков обладал необходимыми для этого качествами: историческим мышлением, умением анализировать, способностью замечать и фиксировать, на первый взгляд, мелкие, незначительные и частные детали, факты, характеры, словечки, а не отмахиваться пренебрежительно от них, как зачастую делали «маститые» историки («я не признаю историю без подробностей!» – заявлял он). Однако осуществить это Гладкову не довелось. Несколько десятков томов его дневника – всего лишь подступ, «леса» к этому предприятию.

Гладков был замечательным критиком, написавшим очень мало критических работ; тонкие замечания о книгах разбросаны по многим его статьям и очеркам. Читателем он был профессиональным, если такой эпитет уместен. Сам о себе говорил, что легко мог бы бросить курить, довольствоваться простейшей, незатейливой едой и самой скромной, нефасонистой одеждой, не чувствуя себя ничем ущемленным, – но без книг жизнь свою не мыслил. Зачастую человек, даже из литературной среды, к середине жизни уже прочитывает «свои 500 книг» (или считает, что он их прочитал), а новинки только проглядывает, а то и довольствуется рецензиями и аннотациями. Многие уходят от беллетристики, переключившись на литературу *pop fiction*: читают мемуары, дневники, словари и справочники; иные читают одни газеты, иные вообще ничего не читают. Гладков без чтения обойтись не мог, хотя все реже и реже встречал книгу, которая, как в молодости, была бы больше чем чтение: становилась фактом биографии.

Все же книги превратились в «факт биографии» Гладкова в самом буквальном смысле слова, став поводом к переломившему его жизнь аресту. Особый интерес книголюб и библиофил испытывал к той части русской культуры, которая была отсечена железным занавесом. Поехав в Ригу в январе 1948 на премьеру «Давным-давно» в рижском театре, Гладков полу-

чил редкую возможность удовлетворить свои запретные желания. В Москве последовали обмены парижскими и берлинскими изданиями с московскими книголюбями (А.К.Тарасенковым, Н.Д.Волковым и др.). Война, вместе с трофейными патефонами, отрезами и сервизами, принесла из-за границы и такие книги. А спустя полгода Гладкова, уже известного драматурга, арестовали².

Готовившееся «органами» крупное дело «книжников» намеревались связать с разоблачением «антипатриотической группы критиков» и последовавшей антисемитской кампанией, окончившейся разгромом Антифашистского еврейского комитета и «делом врачей». Однако почему-то громкий процесс не состоялся, хотя Гладков срок по 58-й статье получил. К нему был присоединен как одноделец сын бывшего редактора журнала «Интернациональная литература» (до войны Гладков был шапочно знаком с его отцом), представитель московской «золотой молодежи» Я.Т.Рокотов – причем познакомились они только в лагере. Позднее, при Хрущеве, Рокотов был расстрелян по известному «валютному» делу, в нарушение принципа «закон обратной силы не имеет». Отбыл в лагерях Гладков свои 6 лет «от звонка до звонка». Создал лагерный театр и был в нем режиссером.

С юных лет Гладков вел дневники. Мелкая журналистская поденщина если и не была ему в тягость (привычка к многописанию, отточенная на дневнике и многостраничных письмах, позволяла ему хорошо, легко и быстро писать), но, во всяком случае, не удовлетворяла. «Все время думаю об одном: надо постепенно, неотрывно, исподволь все время писать что-то большое. Иначе жизнь не имеет цены, балласта осмысленного труда, – записывал он 24 июня 1963. – Дело не в том, чтобы прославиться или разбогатеть, а в том, чтобы что-то сделать вровень своим силам. Не прожить жизнь силачом, никогда не поднимавшим ничего, кроме картонных гирь».

Однако задуманный еще в молодости роман о деле Дрейфуса «Конец века», биографические романы о Маяковском, Есенине и многое другое не вышли из стадии сбора материалов и первоначальных набросков. Самым крупным произведением Гладкова и, объективно, наиболее ценным оказался его дневник. Разумеется, со временем Гладков хорошо понял это. 25 ноября 1959 он записывал:

Приходится слышать массу интересного (и читать тоже). По сравнению с этим газетно-журнальная проблематика времени – так сказать, ее внешнее публицистическое оглавление, – кажется просто ничтожным и поверхностным. А когда третьего дня я был на просмотре новой работы Тункеля с Мироновой и Менакером и Беловым, то сидел с вдовой недавно умершего кузена Троцкого

² Иногда ошибочно называют Гладкова лауреатом Сталинской премии (например, в биографической справке о нем в антологии «Строфы века»). Путь, вероятно, связана с тем, что в 1943 Сталинскую премию получил А.Д.Попов за постановку пьесы «Давным-давно» в ЦТКА. Автор же премией отмечен не был, напротив, резко критиковался во время «проработочной» кампании 1946 года.

го, одного из немногих людей, с которыми был на «ты» Ленин, а прямо передо мной сидел Астангов с Аллой П<отатосовой>, своей женой, которая была моей любовницей в зиму 1940-41 гг. и для которой я был первым мужчиной. Короче – на каждом шагу новелла, и стоит только записывать то, что видишь вокруг, и это будет страшно интересно и важнее выдуманной жизнью тусклых людей, о которых мы пытаемся писать.

В ведшихся параллельно с дневником «Попутных записях» (жанр, напоминающий записи Ю.Олеши, известные как «Ни дня без строчки»), Гладков развивает мысль:

...Вот я наблюдаю маленького, честного и добросовестного литератора, который всю жизнь сочиняет какие-то повести и рассказы, катит, как Сизиф, в гору камень, мучается с ним, недоволен собой, переживает отношение к себе других, заживляет раны самолюбия и снова ранится. А, между тем, записывая он просто то, что он видит и слышит каждый день, без всяких «фабул» и «композиций», и он исподволь создал бы великую книгу века. Но для этого нужно дать обет скромности, а на это мало кто способен.

Прочитавшая за одну ночь с 24 на 25 января 1976 толстый том дневника Гладкова за один только 1937 год, Ц.И.Кин утром написала Гладкову такое письмо:

...я думаю, что Вы не в состоянии отдать себе отчет в значении этого Вашего дневника. Вчера Вы сказали мне, что в нем несколько слоев: Мейерхольд, литература и искусство, Ваши личные дела. Переставим очередность и акценты. Это поразительный документ, в котором важнее всего не факты, не события, а человек, рассказывающий о них: его восприятие, реакция, личное поведение, оценки. Вы. <...> Понимаете ли Вы, что такое этот дневник для будущих историков? Колоссальное, решающее преимущество в том, что это не литература, а доподлинная жизнь: «Это было при нас», говорил, кажется, Пастернак. К концу чтения меня охватил такой озноб, что мне казалось: я заболела. Конечно, я подходящий читатель, но убеждена в том, что люди, лично не бывшие свидетелями, участниками, жертвами тех лет, все равно поверят каждому слову и ошутят фангастический, ни с чем не сравнимый трагизм того сумасшедшего года.

Свой дневник Гладков вел первоначально в разнокалиберных тетрадках, иногда на отдельных листках. В годы «большого террора» отвозил время от времени накопившиеся записи в Загорянку, где жили родители, и его мама прятала их. Умудрился Гладков не только вести записи в лагере, но и вывезти их из лагеря. В середине 1950-х Гладков начинает вести дневник сразу на машинке, одновременно в свободные часы перепечатывая ранние части дневника.

Тут возникает неизбежный вопрос об аутентичности перепечатанных записей Гладкова их первоисточнику. Подвергался ли дневник до 1954 года, когда он стал действительно синхронным, обработке?³

Выясняется, что подвергался. Гладков, будучи *homme d'lettre* (как, вероятно, любой другой литератор на его месте), не смог избежать искушения «улучшать» стиль, делать описание более «литературным», ярким, выразительным. Основной костяк: факты, имена, хронология, впрочем, оставался неизменным. Когда в записи от 21 января 1938 читаешь: «Под вечер, провожая маму, был свидетелем странного происшествия. В вестибюле Арбатского метро застрелился постовой милиционер. Трудно забыть его фигуру в луже крови с подвернувшейся шинелью»; в записи от 26 августа 1944: «Рядом с патетикой большой истории и комическое. Двоюродный брат Штока прислал с фронта письмо родным, в котором пишет буквально следующее: "...Наши соседи в Одессе рассказали, что румыны увезли к себе наше пьянино. Но мы доберемся до их звериного логова. Сталинская гвардия отомстит этим гадам за их кошмарные подлости..." Это все всерьез, без тени юмора)...», а 19 ноября 1946: «Слух о тяжелой болезни Сталина. Еще москвичи много говорят о вредительстве, обнаруженном на папиросной фабрике "Ява", выпускавшей два месяца несколько сортов папирос с примесью окиси свинца или чего-то подобного, разъедающего легкие», — понимаешь, что сочинить такое спустя 20–40 лет невозможно. Но «обработанная» запись литературно расцветивается. И, как кажется, авторские рассуждения, оценки, вся «надстройка» над голой фактографией — по большей части, дается с высоты опыта зрелого человека, уже знающего *как* все кончится и *что* то или иное событие знаменует. По уровню осмысления и анализу событий дневник 1930 года (Гладкову всего восемнадцать) практически не отличается от дневника 1975 года, когда автору уже шестьдесят три и жизненный опыт этих возрастов несравним. Особенно это относится ко времени «большого террора», к прочитанному Цецилией Кин дневнику 1937 года. Поразившие ее зрелость и провидческая зоркость суждений двадцатипятилетнего Гладкова были, скорее всего, по большей части приобретены задним числом.

Возможно, это относится также и к геркулесовым подвигам Гладкова на амурном поприще, старательно восстановленным в дневнике на основании скупого конспекта. Не одухотворенная любовью, бесконечная череда однообразных в своем разнообразии совокуплений может утомить читателя, но не Гладкова.

Иные оговорки (казалось бы, мелочи) сразу ставят «аутентичность» текста под сомнение своим анахронизмом. Так, в записи от 24 октября 1942:

³ Следы обработки (вырезанные и вновь подклеенные фрагменты, целиком перепечатанные, судя по шрифту, на другой машинке листы) встречаются и в дальнейшем. Они связаны, в основном, с реставрацией весьма откровенных описаний любовных походов, которые прежде, по-видимому, шифровались. С начала 1960-х, когда Гладков ушел из семьи, дневник становится полностью синхронным.

Гладков с женой едут из Москвы в Свердловск на премьеру «Давным-давно» в эвакуированном ЦТКА: «В купе с нами какой-то эмгебешник». Написать это в 1942 Гладков не мог: министерства в СССР были образованы только в 1946, до того же были наркоматы, и в рукописном тексте у Гладкова должно было быть «энкаведист», «сотрудник органов», «чекист» – но никак не «эмгебешник».

У нас есть возможность сравнить, какой, например, была первоначальная запись за 22 июня 1941 (левый столбец), и какой вид она приобрела в машинописном «чистовике» (правый столбец с характерной опечаткой в годе; еще более характерно, что Гладков ее не заметил и не исправил, хотя и перечитывал свой дневник не раз):

22 июня. Воскресенье

Война началась... Сегодня после полудня по радио объявили о выступлении В.М.Молотова. В небольшой, сдержанной, точной и ясной речи Молотов сообщил, что сегодня утром в 4 часа германские войска во многих местах атаковали нашу границу и подвергли бомбежке Киев, Севастополь, Житомир и другие города. Нападение произведено с территории Германии, Румынии и Финляндии... В 5 ч. 30 м. немецкий посол Шуленбург посетил Молотова и заявил, что Германия выступила с войной против Советского Союза <...> В конце своей речи Молотов сравнивает Гитлера с Наполеоном, вспоминает Отечественную войну 1812 года и начавшуюся войну тоже называет «отечественной»...

Я узнал об этом без двадцати пяти минут час от Лободы, который, прослушав по радио речь Молотова, немедленно позвонил мне по телефону. В это время я брился у окна своей комнаты в ожидании Ирины, с которой мы должны были идти на футбольный матч на стадион «Динамо». День солнечный, но ветреный, небо часто закрывается быстро бегущими облаками... Приходит Ирина. Она узнала о войне по дороге ко мне в

22 июня 1958 <так!> г.

Война началась!..

Только что позвонил Вовка Лобода и сказал, что сейчас Молотов объявил по радио о нападении на нас Германии. Трудно сразу собрать мысли и понять, что может и должно произойти в ближайшие дни.

Взглянул на часы: 12 ч. 35 м.

В этот момент я стоял у окна своей комнаты и, глядя в стекло – мое постоянное импровизированное зеркало – брился в ожидании Ирины.

Машинально добриваюсь, смываю внизу мыло с лица и сажусь за тетрадку дневника... Но что писать? <...>

Не сидится. Стою у окна и смотрю на двор. День солнечный, но ветреный. Небо часто закрывается проходящими облаками. Ирина опаздывает, но вот и она... Я вижу ее в окно и спускаюсь открыть дверь.

Она узнала о начале войны уже по дороге ко мне, в трамвае на Таганской площади. Почему-то трамвай долго стоял, и поэтому она опоздала.

Она чуть напряжена и оживлена. Полная мера понимания происшедшего приходит не сразу, сперва в голову лезут разные пустяки, вроде того, состоится ли матч и прочее...

Логика говорит, что матча не будет: огромное скопление народа и пр. Но и дома сидеть невозможно.

Уходим и бродим по улицам. <...>

трамвае... На стадион еще рано, но дома не сидится. Идем бродить по улицам. Везде кучками толчется народ. Сразу выстроились длинные очереди у булочных, продовольственных магазинов и сберегательных касс... Все возбуждены: молодежь смеется, у пожилых людей хмурые лица. Многие женщины, особенно пожилые, плачут. Уличные радиорупора передают повторную передачу речи Молотова... Мы ходим с Ириной по Тверской, едим мороженое в новом корпусе А. Она останавливает меня, когда я громко хохочу над чем-то в кафе... Потом едем на стадион, но матч, как мы узнаем еще в метро от мальчишек, как и следовало ожидать, отменен... Возвращаемся ко мне... Целуемся, сидя на тахте. Звонит управдом Ольга Владимировна Брюль и предупреждает о необходимости тщательно завесить ночью окна. Возможно, что сегодня немцы будут <бомбить> Москву... Мы с Ириной устраиваем репетицию светомаскировки: закрываем окна ставнями и в своей комнате я еще вешаю за ставнями черный плед, который обычно покрывает мою тахту... Комната погружается в мрак, хотя на улице солнце, нет еще четырех часов дня... Я целую Ирину и пытаюсь раздеть ее, она сначала слабо сопротивляется, потом соглашается раздеться, но «сама». Я тоже быстро раздеваюсь и овладеваю ею. Она была девушкой, и первое обладание причиняет ей острую боль, от которой на глазах у нее выступают слезы, но, в противоположность Алле, она получает удовлетворение уже в первый раз... Она совсем неопытна, не-

Проходим переулками на улицу Горького. Заходим в кафе-мороженое в новом корпусе А. Там пусто.

Кельнерши стоят кучкой в углу и к нам долго никто не подходит. Я от нервности шучу и смеюсь. Ирина меня испуганно останавливает. <...> Без труда уговариваю Ирину вернуться ко мне.

Вот мы снова сидим на тахте и целуемся, как делали это уже не раз, хотя и началась война.

Это, конечно, нелепо, но инерция нашего тяготенья друг к другу и как-то ожидания, связанные со встречей в этот день, почти механически подчиняют нас себе.

Ко всему еще появляется оттенок фатализма. Ясно, что война будет страшна и неизвестно, что нас всех ждет. Мы помним о бомбардировках Лондона, и воздушная тревога может начаться в любую минуту. <...>

Мы устраиваем репетицию светомаскировки, т.е. закрываем ставни и еще вешаем на окно черный плед, так как ставни пропускают свет.

Еще нет 4-х часов дня, на улице солнечно, но комната погружается в мрак.

Мы снова целуемся на тахте. С нее снят обычно накрывающий ее плед, и мы полулежим на простынях.

Я снимаю с нее блузку. Она ежится сначала, но потом раздевается сама...

Вот у нее на глазах слезы от боли. Я ее «первый»...

Милая, нежная, неопытная девочка, сжимающая ноги, но полная любопытства и ожидания. <...>

Окно смутно золотится прямо напротив тахты. Я встаю, снимаю плед, так как стало очень душно, и полуоткрываю ставни. Она лежит, завернувшись в простыню. Потом я поднимаю с пола брошенные торопливо юбку, блузку, трусики и бюстгальтер, вешаю все

умело сжимает ноги и пр. Отдаваясь, она не закрывает глаз, разве на одну-две секунды, в тот момент, когда они мутнеют от страсти... Я беру ее трижды, и мы ласкаем друг друга в темноте до 9 часов вечера.

на стул и снова ложусь рядом. Она отвечает на мои поцелуи смело, не закрывая глаз, еще неумелыми, но жадными губами. Я чувствую ее нежный язычок.

На дворе дети уже играют в войну и нам отлично слышны их крики.

Лежим так, то целуясь и стискивая друг друга, то болтая и смеясь, почти до 9 часов вечера.

Здесь публикуется лишь небольшая часть из дневников А.К.Гладкова. Всего они составляют 60 томов, в которых запись за каждый день представляет собой от половины до полутора листов плотной машинописи (через 1 интервал). Писал в дневник Гладков практически ежедневно (хотя время от времени все же встречаются пропуски), фиксируя поздно вечером события прошедшего дня. В нашей публикации купюры обозначены только в пределах одной записи; опущенные начала или концы записей, а также пропуски целиком больших хронологических фрагментов специально не оговариваются.

Сокращению подверглись, в основном, пересказы сообщений «радиоголосов» и газет на внешнеполитические темы и о преследовании диссидентов, записи о погоде и самочувствии, а также многочисленные любовные линии.

1 9 4 5

27 февраля 1945

Сегодня днем отправился в особняк на Гоголевском бульваре, где помещается Дальстрой. Через Дементьеву было сговорено, что меня примет начальник Дальстроя Никишев. Он не заставил меня ждать и сразу принял в большом и пустоватом кабинете в присутствии какого-то мрачноватого человека в форме госбезопасности. Сам он был в штатском. Этот Никишев, комиссар госбезопасности 2-го ранга, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда и прочия, и прочия, полновластный диктатор Колымы, имеющий власть над жизнью и смертью сотен тысяч, а м.б., и миллионов людей. Все, пребывавшие на этом посту до него, были поочередно объявлены шпионами и расстреляны, начиная со старого большевика Берзина. С любопытством его рассматриваю: широкоплеч, грузен, мрачноват, но вежлив. На штатском костюме орденская колод-

ка. Он будто бы обо мне слышал и видел в Магадане «Давным-давно». Рассказываю ему о деле Левы. Он не перебивает. Прошу разрешения Леве уехать в Россию. Официально до конца войны освободившимся не разрешают отъезд на материк. Он сказал, что не возражает, если я думаю, что удастся уладить вопрос с пропиской в Москве, но только после начала навигации. В это время появилась в нарядной шубке, благоухающая духами, его супруга Александра Романовна Гридасова, тоже какой-то чин в Дальстрое, начальница женских лагерей, но сейчас, здесь выглядящая просто как обычная дама из мира власть имущих. Она еще более приветливо стала разговаривать со мной. Тоже пришлось рассказать ей о Левином деле. Она посоветовала ему не торопиться уезжать из Магадана, а постараться сначала снять там судимость, что будто бы возможно после 3-х лет после освобождения (т. е. – окончания срока). Три года будет в июле этого года. Конечно, это было бы самое лучшее, тем более, если она и Никишев смогут (и захотят) повлиять на это решение. Шанс на это есть. Я пригласил их обоих на спектакль «Давным-давно» в ЦТКА. Обещали придти. Я тоже приду, и там мы закрепим знакомство. Она, несколько наивно, спросила: не был ли кто-нибудь арестован за последнее время из видных актеров. Я никого не мог вспомнить, кроме певца Вадима Козина, хотя его, кажется, взяли за педерастию. О Козине они слышали и сразу оживились, и она сказала: «Ваня, запиши...» Но «Ваня» записывать не стал и сказал человеку в форме, чтобы записал тот. Тот кивнул головой. Я понял, что они постараются забрать его в свою епархию. Ну, что ж, с такими меценатами ему там, м. б., будет неплохо...

Несмотря на благоприятный ход беседы, вышел из особняка с неприятным чувством. Уж очень я старался понравиться этому палачу (из песни слова не выкинешь). Правда, я это делал не ради себя, а для Левы. Но все равно противно. Это напоминает то, о чем говорил Пушкин, про «подлость в каждой жилке»... Шел по бульвару, по которому я когда-то еще ходил в школу, и думал, как непрочно ниточка, на которой висит судьба каждого из нас, и как немного надо, чтобы и мне быть в числе рабов этого комиссара и его супруги в шикарной шубке, ходить в колымских сугробах под конвоем вместо Левы и больше всего бояться обратить на себя его <т. е. конвоя – С.Ш.> внимание. Просто механизм судьбы сработал так, а не иначе, вот и все.

28 февраля 1945

Запаковал Леве две объемистые посылки и еще одну посылку только из книг и новых пес. И.Б.Дементьева любезно согласилась

отвезти их ему в багаже самого Никишева. Из книг (кроме псевновинок) послал третью книгу эренбургской «Войны», «Земной простор» Пастернака и «Встречи» Шкловского, плюс англо-русский словарь и учебник английского языка, которые он почему-то просит. Плюс еще несколько номеров новых толстых журналов.

В одной из посылок мой сравнительно новый, но узкий мне и короткий серый костюм. Лева меньше меня, и ему он может быть как раз, особенно если перевернуть его и чуть подделать. Это уже на случай его возвращения летом – чтобы было в чем ехать. В карманы костюма положил трофейную немецкую трубку, привезенную мною с фронта, несколько пар носков и несколько коробок «Казбека».

В другой посылке табачные изделия (съестного Лева почему-то просил не посылать). Триста грамм трубочного табака «Золотое руно», триста грамм трубочного табака «Капитанский», 300 грамм табака «Казбек», триста грамм табака «Беломор», две сотни папирос «Казбек» и две сотни папирос «Беломор». И еще три записные книжки.

1 9 4 8

Рига

20 января 1948

У книжника Кузьмицкого, сектанта и спекулянта, и у какого-то старого адвоката, распродающего остатки когда-то, видимо, отличной библиотеки: все книги в переплетах и с тиснением на корешках, купил 43 тома. В том числе 4 книги Бунина, 2 – Шмелева, 2 – Тэффи, 3 – С.Волконского, 3 – Крымова, Бальмонта и др. Алданова не достал ничего. Еще купил 50 томов «Современных записок». Весь мой номер завален книгами. Еще купил 14 пластинок Вертинского. Денег не хватило. Остался должен Кузьмицкому, обещав из Москвы перевести.

22 января 1948

Еду. В поезде приступ страха, не совсем беспричинного. Я не паникер, но после лета 37-го и весны 39-го такого со мной не было. Уверенность в слежке, в том, что меня ждут на вокзале в Москве и все прочее. Страшноватая ночь. Браню себя за приобретение книг, за эту поездку, которая кажется мне роковой.

Из Москвы ехал с одним чемоданом, а в Риге пришлось купить еще один, вместительный.

18 февраля 1948

Читаю Сирина «Подвиг». Хорошо! Как художник Сирин сильнее всех из зарубежных и должен быть поставлен прямо вслед за Буниным. «Защита Лужина» – книга с проблесками гениальности. Куприн и Шмелев в эмиграции – настоящие рамолики. Даже Наживин литературно пристойней их. Симпатичен, хотя и не очень талантлив, Осоргин.

Прочел, взяв у Тарасенкова, «Некрополь» Ходасевича. Великолепная книга! Умно и интересно, хотя и с оттенком сплетни. <...> Лучший очерк о Горьком. Он написан с нескрываемой горечью и без привычной для Х. злости. Я бы очень хотел иметь эту книгу в своей библиотеке. <...>

Проза Сирина действует на меня возбуждающе – хочется писать самому. Это третий роман С., который я читаю, а впереди еще пять (в журналах).

10 августа 1948

Встревоженный Сережа Ларин. В Риге арестован книжник Кузьмицкий. Перебираем возможные варианты и успокаиваем себя. Я иду проводить его. Расстаемся на углу улицы Фрунзе и Моховой. Остается холодок тревоги. Но мало ли было такого за все эти годы!

15 августа 1948

Глупая история с книжниками-спекулянтами. Ссора. Милиция. Опрос. Мне это рассказывает испуганная Валя Осипович. Успокаиваю ее.

Павел Шеффель вел себя, как идиот. И все же неприятно.

22 сентября 1948

На днях произошел странный случай, о котором я сначала не хотел писать. Но все время думаю об этом.

Меня вдруг вызвали в нашу милицию в военный стол. Я старый белобилетник и пошел, недоумевая. Предъявил свои документы. Меня попросили подождать. Я сел на стул в коридоре и стал ждать. Несколько человек в форме и штатские проходили из одной двери в другую и внимательно оглядывали меня. Потом из комнаты, где военный стол, вышел человек и сказал, что я могу идти домой, что произошла ошибка. Я ушел, но у меня осталось ощущение, что меня кому-то показывали. Людям из оперотдела или агентам. И не могу от этого отделаться.

30 сентября 1948

Умер Качалов. Я его когда-то очень любил и «У врат царства» видел, наверно, раз двадцать. И все остальное, что он играл с 1925 года, видел по несколько раз.

Вечером захожу в театр. Сижу у Лобанова. Администратор Генессин приносит мне на подпись оттиски афиши. Потом заходим с Гушанским в кафе «Националь». Пьем немного. С нами сидит В. Ардов.

Сейчас сяду писать футбольные куплеты для капустника. Тункель только что звонил, напоминал...

Этой ночью я был арестован*.

1954

17 октября 1954

...хочу только на часик заехать к Паустовским, созваниваюсь, но, заехав, просиживаю там до ночи...

Задерживаюсь я там из-за В.Б.Шкловского, который является туда со своей новой женой, одной из знаменитых сестер Суок, вдовой Нарбута, кажется...

В.Б. тоже постаревший, но кажущийся здоровым, твердым, крепким. Разговор о том о сём за чайным столом. Пьем опять мукузани, коньяк и еще что-то... Татьяна по-старому гостеприимна. В.Б., здороваясь, рассматривает меня с откровенным, но не обидным любопытством. В конце вечера он говорит, что из всех «вернувшихся» (Л.Соловьев, Бондарин, Гехт и др.) я выгляжу лучше всех. Слухов о «возвращении» много – это сейчас поветрие. Называют многие знаменитые имена, вплоть до К.Р. <Радека? – С.Ш.> Но все это область слухов. В.Б. рассказывает о смерти Бабеля где-то в области Коми. Будто бы он пользовался расположением начальника лагеря и «не работал», писал, бывал у него дома, и однажды, придя по его приглашенью вроде как на вечеринку, только войдя, упал у двери и сразу умер – что-то сердечное. Будто бы после него там где-то остались рукописи, но некому их взять... В.Б. рассказывает, что его не печатали три года, и он принужден был продать библиотеку в ССП. «Она там стоит отдельно, и никто ею не пользуется». <...> Я говорю, что на днях только снял вдруг с полки и взял читать на ночь

* В лагерях Гладкову также удавалось вести отрывочные записи, которые он сумел при освобождении вывезти и впоследствии обработал, переписав на машинке, но не до конца. Эта часть дневников Гладкова в нашей публикации полностью опускается.

«Сентиментальное путешествие», и В.Б. прерывает меня: «Хорошая книга. Прозрачная», – и это не получается у него неприятно, как и то, что, только сев за стол, он сразу без приглашения берет на вилку холодную котлету и начинает жадно есть. Ест он много, пьет мало. Жена его держится скромно и производит приятное впечатление. Потом мы сидим с ним вдвоем на диване в большой комнате и болтаем о разном. Эгоцентризм его как-то стал мягче, кажется. Возвращаемся домой вместе на такси. Он живет теперь где-то в переулке между набережной и Остоженкой, видимо, оставив свою прежнюю квартиру старой жене.

1955

12 августа 1955

Если описывать лето 55 г., то надо описать ночные бдения молодежи на запись в очередь на Дрезденскую галерею, исписанный студенческими остротами и стихами забор в Антиповском переулке... Помню, я как-то около двенадцати возвращался домой в страшный ливень, а в подъездах Антиповского и улицы Маркса и Энгельса уже стояли и ждали. А в хорошую погоду сидят всю ночь на тротуаре в Антиповском. Тут же, конечно, студенческие романы. Это пригодится.

13 сентября 1955

...Сентябрь стоит великолепный. Дни жаркие, вечера теплые. В Москве Аденауэр. Сложные переговоры с резкими речами обеих сторон. Сегодня после футбола были в «Праге» с Арбузовым, Аней и Тоней. Там был его <Аденауэра> секретарь, напившийся в дым. Встреча с ним смешная в уборной, где он вытаскивает бумажник и роется там, не зная, сколько дать на чай за мытье рук. Вокруг него суется администрация. <...> В журнале «Новое время» напечатана хвалебная статья о повести Хемингуэя «Старик и море». Это тоже последствия женевской оттепели. Вышел первый том двухтомника Есенина.

15 сентября 1955

Часто встречаюсь на футболе с Костей Есениным. Он инженер-строитель и страстный болельщик. По его словам, с месяц назад начался пересмотр дела Всев. Эмильевича Мейерхольда. Начало этому положила Таня Есенина, специально для этого приехавшая из Ташкента, где она живет постоянно с мужем. Обоих их – Костю и Таню – я помню еще подростками. Таня проявила большую энергию

в хлопотах в прокуратуре и добилась пересмотра. Результата еще нет, но есть надежда, что все впечатленье вынесла Таня после нескольких встреч со следователем, ведущим пересмотр. Он уже вызывал ряд лиц, близко знавших В.Э., как-то: Эренбурга, Пастернака, Олешу, Ильинского и др. Будто бы Эренбург и Ильинский читали даже «последнее слово» В.Э. на заседании трибунала. В этом «слове» В.Э. отказался от показаний, данных на предварительном следствии, вынужденных «мученьями, непереносимыми для 65-летнего старика», и заявил, что жил и умрет коммунистом. После этого его будто бы прервали и увели. Раньше был слух, что он умер в 42 году в пересыльной тюрьме в Кирове, но сейчас кажется ясно, что он был в 40-м году расстрелян. Говорят, что привлечен к ответственности ведший его дело тогда следователь. Пастернак будто бы, на вопрос следователя, был ли Мейерхольд «советским человеком», после паузы ответил, что тот был более советским человеком, чем он сам, т.е. Пастернак. На Б.Л. это очень похоже. Ряд крупных деятелей театра по просьбе Тани написали в прокуратуру свои отзывы о Вс.Эм. как деятеле театра: в том числе Акимов, Попов и др. – все будто бы очень положительные. Речь идет не только о гражданской реабилитации Мейерхольда, но и о его реабилитации как деятеля и художника. Если это произойдет, то последствия этого будут огромны. Современная, грубо фальсифицированная разными Калашниковыми и Ростоцкими, история советского театра, где М. изображался только как злой гений и чуть ли не идеологический диверсант, должна быть решительно пересмотрена. Может быть, станет возможным и издание трудов В.Эм. или того, что от них сохранилось. И для меня, и для многих других учеников и соратников В.Э. это тоже будет иметь огромное значение.

16 сентября 1955

...Встретил Юрия Карловича Олешу, с которым у меня сейчас очень хорошие отношения. Он спрашивал совета, браться ли ему за инсценировку «Идиота» для вахтанговцев. Мы с ним долго говорили о Достоевском и его романах. Он хорошо и умно говорит об «Идиоте». Любопытно, что он убежден, что Раскольников не убивал старуху, а убил ее маляр, и что это прообраз Дмитрия Карамазова, который был виноват, потому что «мысленно убил». Я не помню хорошо текст соответствующих глав романа. Надо бы перечсть.

Вышел второй том Есенина без «Страны негодяев», выброшенной уже при печатаньи будто бы потому, что это «антиамериканская» пьеса. Это чепуха, конечно, и вообще это не шедевр, но интересны умонастроения цензуры. По словам Алигер, из новых изда-

ний Маяковского выбрасывают антиамериканские стихи. Снова и снова оправдывается поговорка: заставь дурака богу молиться...

28 октября 1955

...Перечитываю Бабеля. Лучшие его вещи – последние, ergo... В «Конармии» много литературы. После войны, описанной Хемингуэем, это кажется оперой. Торжественно празднуют юбилей Сергеева-Ценского. Он, бесспорно, большой писатель, но хрестоматийный глянец на него наведен нестерпимый. А ведь «Страда» это слабая вещь, роман о Брусилове тоже. Можно в юбилейные дни не вспоминать об этом, но писать, что у него каждая строка жемчужина – глупость. Почти все, написанное им после революции, несравненно ниже ранних вещей. И многописание его похоже на старческую болтливость. Критики у нас нет. Если бы она была, этот елей был бы невозможен. Тогда бы было сказано, что талантливейший Пришвин в конце своего пути превратился в литературную кокетку. Он научился писать просто и все время жеманничал своим пантеизмом, обо всем говоря с какой-то библейской значительностью. Была бы сказана правда о том, что честный малый и старательный литератор Федин вовсе не корифей литературы и что «Необыкновенное лето» его – скучный, неживой роман, а талантливый Л.Леонов старомоден, витиеват и утомительно красноречив. Многое можно было сказать, но охотников нет. Или потерял вкус, или критика стала чисто конъюнктурно спекулятивным занятием.

1957

13 января 1957

...Сегодня днем был у К.Г.<Паустовского>. Он и Таня бодрятся, но, видимо, на душе у них неважно. <...>

На днях у него дома было заседание редколлегии альманаха «Литерат. Москва». Алигер с перепугу забрала половину (4 из 8) цикла стихотворений Ахматовой, и что-то ее пугает в новой части «Повести о жизни» К.Г., которая там должна идти в 3-й книге. К.Г. зато протестует против напечатанья воспоминаний Либединского о Фадееве, искусно высветляющих его облик. Второй том (недавно вышедший) уже под обстрелом за статью Крона, за фразу в предисловии к рассказу Ив. Катаева, за рассказы Яшина и Жданова и что-то еще.

История о «друзьях» Миндлина Х.-М.Мугуеве, Вадецком и Хайте и микрофоне. История о том, как в ресторане, за месяц до само-

убийства Фадеева, ему некто реабилитированный плюнул в лицо*. История о причине гибели М.Кольцова: приказ Марти о расстреле трех разведчиков, его ссора с Кольцовым, его письмо Сталину и проч. Будто бы сам Марти (ныне исключенный из партии) грубый, нетерпимый, с задатками деспотизма. Все это как-то аукнулось в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

История о скандале Пастернака и Вишневского на новоселье у Фебина в начале 50-х годов. «Пью за будущего советского поэта П.», и Б.Л. спокойно: «Идите вы в п...». Общий ужас. Б.Л. повторяет. В<ишневский> быстро уходит, потом и истерика Фебина.

Рассказ о Кривицком, с которым я недавно познакомился у Блантера. Будто бы Симонов уже тяготится им, как им тяготился перед смертью Павленко, но отделаться от него не так легко, видимо. Что общего у Блантера с ним? Все это странно.

Будто бы А.Сурков живет на грани истерики постоянной от всех этих «вечный» и волнений. В Союзе писателей тяжелая обстановка грызни и склок.

29 января 1957

Юрий Олеша по целым дням сидит в «Национале». Маленький, грузный, с длинными седыми свисающими волосами, часто небритый, с белой щетиной. Недавно вышел его однотомник, и у него впервые за многие годы появились большие деньги. Кажется, он получил 70 тысяч. Кроме того, он получил за свой «Дневник» в «Литер. Москве», за инсценировку «Идиота» от Театра Вахтангова. Он пьет понемногу целый день и почти все время пьян. Уходя на ночь домой, он всегда берет с собой бутылку коньяка или портвейна. Ему приносит его кельнерша завернутой в бумагу, и он ее засовывает во внутренний карман пиджака. Его пиджак в клеточку, еще бывший новеньким в прошлом году, уже обтрепался, на рукавах бахрама.

Вчера (28 янв. 57 г.) я наблюдал его почти целый день. Приходили и уходили разные люди, и за полдня и вечер мы с ним и Андреем Старостиным сидели, кажется, за тремя разными столиками. Из менявшихся собутыльников были Шток, Товстоногов, Макс Южный, скользкий и противный Шура Брыкин, С.Кирсанов, Я.Смеляков, Ю.Трифонов, С.Гушанский, М.Ладынина и пр.

Еще до моего прихода разыгралась какая-то странная и противная история с молодой киноактрисочкой, просившей у Ю.К. 2000 руб-

* Эту историю рассказывали о бывшем активном рапповце и бывшем приятеле Фадеева Иване Макареве.

лей, и участием во всем этом предприятии ее любовника, некоего, как говорят, стукача и сутенера Горохова (автор книги о «Робсоне»). Кончилось это все тем, что Ю.К. послал их тут же, за столиком, по матери. История гнусная, но характерная. Надо записать ее подробней потом.

Вот из сказанного им в этот вечер, запомнившееся:

– Я, кажется, уже так пьян, что даже не могу перевернуть стол, как это ни необходимо...

– Скоро я умру. Да, скоро. Может быть, сегодня ночью...

– Почему, Ю.К.?

– Так надо. Да, так надо... – (Но это все довольно весело, без «трагизма»). – Что обо мне напишут в некрологе: «Умер известный писатель»... Да, больше ничего не скажут, «известный» и все... Вот моя формула – «известный».

В этот день объявление о присуждении Катаеву за 60-летие ордена Трудового Красного Знамени. Кто-то предлагает – поедем к Катаеву?

– Нет, я не поеду. Я с ним в ссоре. Я с ним двадцать лет в ссоре. – А потом вдруг: – Ну, хорошо, поедем, только все, – ко мне. И ты, Саша.

Я говорю, что я не знаком с ним.

– Это неважно. Ты со мной.

– Ты написал гениальный фарс «Давным-давно». Это гениальный фарс. Это лучшая русская историческая пьеса. Фарс о 12-м годе. Это ведь надо осмелиться...

– Хочешь, я прочту тебе лучшие русские стихи? Это Фета.

Смеляков говорит, что не любит Фета.

– Нет, ты послушай, вы все послушайте... – Он читает: «Твоя рука в моей руке и это чудо...» и еще две строки.

Рассказывает о Сейфуллиной, очень трогательно.

– Вы знаете, как я хотел однажды уязвить Маяковского. Он считал деньги, и я говорю ему: «А вы, В.В., ведь любите деньги, правда?» А он мне спокойно: «Да, я люблю эти маленькие металлические кружочки...» И я сел. Так и сел.

– Я теперь очень добрый. Вы заметили, какой я стал добрый? Когда-то я скандалил, любил оскорблять, придирааться, а теперь мне хочется, чтобы всем было хорошо. Да, да, пусть всем будет хорошо.

Смеляков, не знаю, искренне ли, ревнует свою жену к ее соседям. Ее это восхищает. Но на днях он получает квартиру в Черемушках. Он всех зовет 1-го на новоселье.

Кирсанов рассказывает, как когда-то в Одессе он шел по улице еще подростком, в коротких штанишках. Вдруг видит, на углу сто-

ит юный Олеша в студенческой фуражке с полуоторванным околышем. Он к нему: «Юра, что вы тут делаете?» Олеша: «Я жду *женщину!*» (на его отчетливой дикции).

Кто-то подходит. Какие-то молодые грузины, желающие выпить за Ладынину. Пожимают и нам руки. Олеша (представляясь им): «Свидригайлов!»

Они не читали Достоевского. Ладынина (она сидит с нами), знакомя нас, остальных, говорит, что мы писатели... Грузины галантно говорят: «Кто же не знает известных русских писателей товарища Свидригайлова и Гладкова!» – и сразу кто-то из них предлагает тост за писателя Свидригайлова. Олеша встает и раскланивается на все стороны.

16 декабря 1957

Вчера у меня был Валя Португалов. Рассказывал о себе и других, читал свои стихи, вспоминали разное... Он работает инструктором Дома народного творчества в Магадане и приехал на какой-то семинар. В местном альманахе он напечатал поэму о Семене Дежнёве.

Его рассказы: об очной ставке с Екатериной Шевелевой, которая посадила его и Леву, о прибытии на Колыму и о том, как жили там в палатках на полярном морозе и ветру в день праздника 7 ноября 1937 г., и о том, как с Д.Мирским была истерика, что он не может срать на морозе в 50 градусов, о том, как Мирский работал в гараже (отворял ворота машинам) и как умер от «психического поноса», о Нарбуте, о смерти О.Мандельштама на Владивостокской пересылке в 38-м году и о многом другом. Сейчас на Колыме остались единицы от «призыва 1937 г.» – из тысяч и десятков тысяч. В настоящее время лагеря в экономике края не играют значительной роли.

Политических мало в лагерях – только долгосрочники оставшиеся.

После Фестиваля <Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве 28 июля – 11 августа 1957. – С.Ш.> туда привезли 200 остриженных московских блядей, без срока, просто высланных.

О том, как выводили перед рвом во время войны, про его побег и пр.

Сейчас он настроен бодро и жизнерадостно. Женат, у него двое детей. Хочет перебраться сюда, но это трудно осуществить: жилплощадь, прописка и пр.

1958

10 апреля 1958

Из новых сплетен: <...>, о растрате вернувшимся из лагерей И.Макарьевым партвзносов на 30 тысяч. Их погасил его зять Никита Богословский, но все же скандал большой. Это любопытно в связи с моей теорией о разложении всех долго сидевших и выживших, которую я как-то излагал Арбузову и которой он противопоставил «светлый» образ Макарьева.

25 июня 1958

Выйдя на час прогуляться, встретил на Арбате Юзовского, который покупал ландыши и потом конфеты в кондитерской, и некоторое время гулял с ним.

Он спросил меня: «что вы делаете?» – и, прежде, чем я ответил, сказал: «Все мы ждем прекрасного дня, когда сможем начать делать настоящую литературу...» Фраза о том, что промелькнуло и погасло и пр. «Весь остаток XX века литература будет занята сюжетами, которые даст подлинная история 30-х и 40-х гг. Что Бальзак, Достоевский перед этим?...» и т. п.

Говорим о дневниках, которых почти не было в эту эпоху и которые вряд ли заменят мемуары, которых тоже не видно. Он жалуется на память и говорит, что, ожидая «гостей», он сжег много интересных бумаг, и в том числе несколько писем Мейерхольда. История с гибелью его брата, Бурского, довольно для меня темная. Я не задаю вопросов, но кое-что он рассказывает сам. «16 октября <1941 г.> Бурский, работавший в Софинформбюро, вечером, когда ждали, что немцы могут ворваться в Москву, сидел с Г.Ф.Александровым, и последний, находившийся в крайне нервном состоянии, сказал что-то вроде: “Вот так кончается эпоха!”... Бурский стал с ним спорить, что не все пропало, и когда все обошлось, Александров не простил Бурскому того, что тот был свидетелем его паники и пессимизма... Александров – убийца моего брата!..»

18 ноября 1958

Вчера днем смотрел спектакль Ремеза. Пьеса К.Финна («целинная серия»), но местами хорошо написана. <...>

Обратно ехал с Мишей Светловым (нас подвез Табачников). Миша страшно худ, бледен, щеки совсем провалились. Опять пьет (да и переставал ли?). Уговорил меня зайти в кафе-мороженое, где мы с ним выпили немного коньяка. Все официантки с ним, как с родным. Одна благодарит его за подарок мальчику, а он уже не

помнит ни мальчика, ни подарка. Потом выяснилось, что он, пьяный, как-то сунул ей трехрублевую матрешку. Он получил деньги за книжку в «Сов. писателе», купил зачем-то пьянино, пальто и костюм и уже снова без копейки. Звонил из автомата Пете Туру и просил займы 500 р. Долго, уже выпив, рассказывал мне о какой-то своей любовной неудаче. Его обошел на полголовы Евтушенко. Рассказывал так сбивчиво и туманно, что едва можно было уловить в рассказе черты реального происшествия. А до этого говорили с ним о молодых поэтах, и пока он не опьянел, он говорил умно, остро и ясно. Он считает, что Евтушенко еще неизвестно куда повернет, и что у него в глазах «сумасшествинки», и что он к 30 годам сойдет с ума. Соколов способный, но неумелый. Смеляков понимает, что пишет «не то» и что все это понимают, но играет, с внутренним отчаянием, взятую роль, ибо запуган своей биографией. От этого и пьет. Я хотел его спросить – а отчего пьет он сам, но не стал... О Пастернаке: он был искренен и когда писал роман, и «Лейтенанта Шмидта», а этого не понимают, но в том-то и дело, что в его душе одно не исключает другого. И еще не понимают, что он уже не человек, а явление. Миша живет в Переделкине и сам слышал, как местные хулиганы кричат у дачи Пастернака: «Жид» и «Иуда». Федин просидел у Пастернака ночь перед решением того принять премию, и отговаривал, и Б.Л. дал ему слово, что подумает, а утром через 2 ч. придет и скажет, и не пришел. Сейчас у Б.Л. обмороки.

1960

27 апреля 1960

Постепенно становится неинтересно записывать все личное. Да оно и стало вполне второстепенным рядом с наблюдениями над временем и тем, что я назвал бы раскрывающейся тайной истории.

Вчера в одном доме встретился с давно знакомым В.А.Сутыриным. Он написал сценарий-инсценировку «Королей и капусты» О.Генри. Просто удивительно, что этот человек, носящий в памяти столько захватывающе интересного, занимается такой ерундой (впрочем, это очень типично). Из его рассказов надо бы записать о том, как он, в числе некоторых тифлисских работников, поехал к стоящему у тифлисского вокзала личному вагону Троцкого (схавшего лечиться в Сухуми) с только что полученным известием о смерти Ленина. Троцкий был поражен и растерян. Завязанный в шарфы и какие-то бабьи кацавейки. Потом он наблюдал Троцкого в Сухуми во время отдыха и на охоте. Неприятный лично, хотя и блестящий, эгоцентрик. Его мало любили окружающие. Еще история о встрече

в начале 1935 года в строившемся у станции Кола лагере, где В.А. возглавлял какое-то строительство, с присланным к нему вроде как в ссылку «начальником планового отдела» А.Г.Шляпниковым. Растерянность обоих. Непонятность появления Ш. – не то присланного на работу, но уже разучившегося работать, не то полу-заключенного. Сутырин запросил Бермана. Тот удивился, что там оказался Ш. (какая-то накладка ГУЛАГа) и вызвал его в Москву. Вскоре Ш. оказался в Верхне-Уральском политизоляторе. Сутырин уверяет, что он и, сам ожидая ареста в 1937 г., все же «верил» в невероятные показания участников процессов и даже в признания своих друзей: Авербаха, Киршона и др. и написал Ежову большое письмо. Еще интересный рассказ о знаменитом пленуме ЦК, после которого застрелился Орджоникидзе (февр.-мартовском?), куда привезли (из тюрьмы?) Бухарина, произведшего впечатление юродивого или потрясенного забитостью: обросшего, с мертвенно-бледным цветом лица, странно державшегося и то плакавшего, то хихикавшего, и, когда ему дали слово, не говорившего, а несшего просто чушь и даже не поднявшегося на трибуну, а говорившего со ступенек. Знакомый С., передававший ему это, сказал, что Б. производил впечатление распада личности. Из очень симпатичных людей, репрессированных в те годы, С. вспоминает б. наркомлеса Иванова (того, которого обвинили, что он служил в царской охранке). История с Коротким, женатым на сестре Гамарника, которая еще жива. Жива и вдова Киршона, и вдова Ягоды, и вдова Авербаха. Об Ягоде С. тоже говорит хорошо, хотя и прибавил, что он «вероятно, никогда не будет реабилитирован»...

2 июня 1960

Приезжаю <из Ленинграда> в 10 ч. 5 м. По дороге домой заезжаю в ВУОАП, потом на телеграф и т. д. Снова дома в час дня. Звонок Н.Д.<Оттена>. Он только что из крематория с похорон Е.Д.Штейнберга, умершего в ночь на 31 мая. И сразу – вторая трагическая новость: в ту же ночь без 15 м. 12-ть (30 мая) умер Пастернак. «Мы едем на похороны в Переделкино. Хотите, заедем за вами?..» – «Конечно!..» Наскоро бреюсь. Н.Д. и Е.М.<Гольшпева> заезжают раньше, чем через час. Едем. Жаркий день. Всё в цвету. По дороге узнаю подробности неожиданной смерти Евг.Дав. В этот день он читал лекцию в своем институте. Во время нее ему стало плохо. Он превозмог. Домой его проводили. Вернувшись, сказал жене довольно весело: «Я видел в лицо смерть!..» Полежав немного, принял горячий душ. Снова стало плохо. Умер в сознании. До этого не страдал никакими сердечными болезнями. Я видел его перед

своим отъездом <в Ленинград>. Он обычным живчиком бегал по кабинету, много курил и интересно говорил о смене поколений интеллигенции в революции. Предложил мне переделать его пьесу о Фуше (и быть соавтором). Я на другой день прочел пьесу, и она мне совсем не понравилась. Так и уехал, не дав ответа...

Б.Л. уже давно болел, и рокового исхода ждали, хотя в последние дни было вроде улучшения (как это часто бывает почему-то). Незадолго до смерти он сказал, когда ему делали очередной укол: «Ну зачем вы меня мучаете? Ведь я все равно умру»...

Утро было безоблачным, а в середине дня появились легкие облака. В Переделкине на повороте улицы перед Домом творчества стоит милиционер. Остановив машину, он спрашивает: «Вам куда?» Н.Д. отвечает: «На дачу Горбатовых» (не желая афишировать приезда на похороны). Милиционер говорит, что если на похороны, то машину надо оставить здесь. Тут я замечаю, что у него погоны майора. Оставляем машину среди других 10-15 машин и пешком идем на улицу Павленко, где находится дача Пастернака (неподалеку от дачи Горбатовых–Афиногеновых). Ворота открыты настежь. В саду уже довольно много народа, хотя до выноса тела еще более двух часов. Вижу К.Г.Паустовского, В.Каверина, Л.Славина, Соколова-Микитова. Проходим в комнату к телу Б.Л. Он лежит в гробу, засыпанном цветами, в черном костюме и белой манишке. Желто-бледное, очень исхудалое, красивое лицо. Три больших венка. Говорят, что один от Литфонда, другой от Вс. Иванова и третий от Чуковского. Выходим с противоположной стороны дома. В саду уже много иностранных журналистов, фоторепортеров и кинооператоров. Они – спокойные, деловитые, большей частью высокие, с галстуками «бабочкой», многие с переводчиками. Хладнокровно делают свое дело. Легко можно заметить и наших «агентов», тоже с фотоаппаратами и тоже снимающими всех, кто находится в саду. Я жалею, что не захватил свой «Зенит». В комнате, соседней с той, где стоит гроб, звуки фортепиано. Все время, сменяя друг друга, играют Андрей Волконский, С.Рихтер и Юдина. Тут же бродит Галя Арбузова. Толпа заметно увеличивается с каждой минутой. Вижу Б.Ливанова, П.Маркова, Асмуса, Левика, Любимову, Гринберга, Февральского, М.Петровых, Лизу Крон. Немного спустя вижу и А.Крона, но он почему-то стоит около забора и не идет в дом. Переговариваемся с Паустовским. Обмахивается платком разомлевшая Татьяна. Паустовский сидит у окна комнаты, где лежит Б.Л., с Ольгой Ивинской – любовницей или последней женой Пастернака. Ее не пускают в дом к телу, и она взбирается к окну и долго смотрит в него... В этом есть нечто показное.

Постепенно в саду образовалась большая толпа. Много знакомых лиц. Мелькает Мелетинский, потом ко мне вдруг проталкивается Ю. Шаргородский. Он в сером толстом плаще. По его словам, он приехал сдавать испытания в какой-то заочный институт (постоянно он живет с Верой Сенкевич в Борисове), и у них сегодня в общезнании все говорили о похоронах и многие отправились. Будто бы на Киевском вокзале у касс висело написанное от руки объявление о том, где будут похороны и до какой станции ехать... Мы стоим слева от входа в дом, и все, идущие прощаться с Б.Л., проходят мимо. Распорядится всем Еленсон из Литфонда. Он в сером костюме. У него кислое, испуганное лицо. К нам присоединяется Н. Столярова, секретарь Эренбурга (он сам сейчас в Стокгольме). Знакомство с проф. Пинским, приятелем Штейнберга, о котором я много от него слышал, тоже «крестником» Эльсберга. Знакомство с Сухомлиновым, в прошлом эсером и эмигрантом, а сейчас корреспондентом «Либерасьон». Как будто в толпе мелькнул П. Нилин, но не уверен. Обращает на себя внимание отсутствие друга юности Б.Л. Н. Асеева и, конечно, К. Федина, Л. Леонова и др. Впрочем, много от них и нечего было ждать. Утром я встретил в табачном магазине на ул. Горького Твардовского с кем-то. Мне показалось, что он был пьян. Рассказывают, что Федин объявил себя больным (хотя здоров) и сидит на своей даче, ту же, недалеко, с закрытыми шторами. Нет ни Арбузова, ни Штока, ни Малогина, хотя все трое живут поблизости, а Шток просто рядом (через дачу). Много молодых, не известных мне людей, с усиками, в очках и пр. — как говорят, молодых киношников, композиторов, архитекторов. Мелькнуло бледное лицо Эли Нусинова. Шныряет повсюду и неизбежный Арий Давыдович. У многих в руках охапки цветов, но у гроба цветов уже столько, что девать их некуда. В саду полным цветом цветет белая и лиловая сирень и стоят в нежно-белом цвету какие-то деревца. Кто-то рассказывает, что сегодня в «Литер. газете» есть сообщение о смерти «члена Литфонда Б. Пастернака». Странно, что, будучи в Москве, я все это время первым делом смотрел в газетах: нет ли сообщения о смерти П. (все знали, что он тяжело болен), а сегодня утром, купив еще на вокзале «Литературку», я так и не успел ее развернуть до звонка Н.Д. и Е.М. Уже передают рассказ о том, как сегодня, знакомясь с кем-то, Каверин назвал себя: «Член Литфонда Каверин», и еще кто-то говорит, что теперь звание «член Литфонда» будет почетнее звания «члена ССП». Настроение у собравшихся не подавленное, а, как бы сказать, — светло-трагическое. Даже смеются, и это не шокирует. Хорошо, что все-таки пришло так много народа. Многие (и я тоже) ждали, что все будет хуже, жалче (наверно, по ассо-

циации с рассказом о похоронах М.Зошенко). Народ все идет к телу и прибывает на участок. Американские журналисты воздвигли перед выходом из ворот какое-то деревянное сооружение из досок для кинооператора и фотографов и забрались туда уже. Мне показывают в толпе и известного Г.Шапиро. Иностранцы жадно следят за Паустовским. Когда он подошел к нам, они сразу же стали нас снимать и прислушиваться к разговору, и это было так противно, что я даже отошел. Очень нагло держатся наши филеры. Я полтора часа наблюдал за одним человеком в ковбойке, с низким лбом, который все топтался на одном месте, делая вид, что идет в дом к телу, но сам только зыркал вокруг. Трудно забыть его лицо, такое типажно-выразительное, что и не придумаешь лучше. Это был почти откровенный «агент», но, наверно, было и много более тонко засекреченных «стукачей» из нашей среды.

Так мы стоим часа два или около того. В начале пятого – вынос. Сначала закрыли доступ на 20 м<инут> к телу, и у гроба оставались самые близкие. О.Ивинскую не пустили, и она, довольно подчеркнуто и неприятно, стоя на скамейке, смотрела в окно. Потом раскрыли окно, и в окно и в двери стали передавать охапки цветов от гроба. Цветы плыли над толпой, и когда процессия тронулась к кладбищу, цветы были почти у всех в руках. Передали венки, крышку гроба и начали выносить гроб. Мы прошли вперед, чтобы не оказаться в конце шествия. Кладбище от дома метрах в 600 по дороге и гораздо ближе напрямик, через картофельное поле. Была приготовлена машина, но толпа не дала ставить гроб на машину, и его понесли на руках. Говорят, что когда Еленсон пытался настоять на машине, его даже угрожающе оттолкнули, и он сразу замолк. Мы пошли напрямик через поле и пришли на кладбище минут за двадцать до шествия с гробом. Место для могилы Б.Л. красивейшее: на пригорке под тремя соснами, открытое со всех сторон и в видимости от его дачи. Кроме почитателей Б.Л., приехавших из города на похороны, вижу на кладбище много местных обывательниц, явившихся на «зрелище» и толком не знающих, кого хоронят, с кошелками и авоськами. Вижу и Шуру Шток. Она извиняющимся голосом говорит, что Исидора «срочно вызвали в город», хотя я ее и не подумал спросить о нем. Толпа все растет. Вот подошла и процессия с гробом. Мы отходим, чтоб не толкаться, чуть в сторону. Гроб поднимают над толпой перед тем, как опустить, и я в последний раз вижу лицо Б.Л. Я стою шагах в 8-10 от могилы. Передо мной несколько рядов людей. Не хочется проталкиваться, что довольно бесцеремонно делают иностранные журналисты. Они уже и тут нашли какие-то деревянные ящики и соорудили помосты из досок. Опять мелькает

Г.Шапиро с переводчицей. Со своего места я вижу только спины и затылки ораторов, но все хорошо слышу. Кто-то говорит: «Объявляю траурное собрание открытым»... Затем говорит Асмус, старый друг Б.Л., у которого он даже жил в годы войны, вернувшись из Чистополя. Он говорит вполне пристойно. Потом Голубенцев читает «О, если б знал, что так бывает...», затем кто-то, очень юный, читает до сих пор не напечатанного «Гамлета». Концовка этого стихотворения звучит недвусмысленно выразительно. В толпе пробегает шум, и, видимо, в ответ на него, Еленсон объявляет траурный митинг закрытым. Возгласы протестов. Явочным порядком начинает говорить какую-то слащавую мистическую чушь некий молодой человек (говорят – семинарист). Он говорит о «вечной жизни», о том, что Б.Л. превратится в росу и пр. Начинает попахивать политической демонстрацией, что, конечно, не нужно и некстати во всех отношениях, и уже хотя бы потому, что Б.Л. этого терпеть не мог. Хриплый голос что-то выкрикивает «от рабочих Переделкина» (?), о том, что «рабочие» любили П., а почему его не печатали, они не понимают, и что он их «любил» и пр. Тут уже принимаются энергичные меры к прекращению разрастающегося скандала и раздаются прозаические возгласы команды: «Раз, два, взяли!» Это опускают гроб, стоявший на земле, в могилу. Вот я слышу, как застучали комки земли по крышке гроба Бориса Пастернака. К этому времени небо закрылось тонкой пеленой облаков, но по-прежнему было жарко. На большом суку одной из сосен висит самый большой венок. Иностранцы (и наши, разумеется) записывали в микрофон все речи. Общее настроение торжественно-приподнятое. Рыдания я слышал только при выносе гроба из дома и когда застучала земля по крышке. Стрекотал портативный киноаппарат. Когда гроб опускали, были возгласы: «Прощай, самый великий!» и слышались громкие споры. Снова читают стихи. Мы отходим в сторону. Кто-то ищет валидол. М.Петровых стало дурно. Тут же и Зоря.

Уезжаем с Н.Столяровой. Когда проезжаем через мост в Переделкине, я вспоминаю, что три года назад я разговаривал с ним на этом месте и что он говорил, что над ним собрались тучи (это было еще до его исключения из СССР).

Я взял с гроба ветку сирени и два красных цветка, но цветы отдал, по ее просьбе, Столяровой.

Приезжаем в город уже в восьмом часу. Заезжаем все к Н.Д. Я почти не спал эту ночь (поезд и пр.) и весь день ничего не ел, и у меня кружится немножко голова. У Оттонов выпил две чашки крепкого кофе. Н.Столярова очень симпатична. Ее рассказы об Ивинских, о сделанном Б.Л. два месяца назад завещании, когда он узнал,

что у него рак легких. Будто бы он хотел усыновить дочь Ивинской, но не успел. Н.Д., конечно, сразу повисает на телефоне. Звонят и ему (Женя Ласкина, Ю.Смирнов, М.Блейман и пр.). Конечно, все делают вид, что они не знали о похоронах, а то бы обязательно поехали, и выражают сожаление. Ночью я звоню в Киржач, как обещал, а мне звонит Арбузов и держит меня полтора часа у телефона, тоже фальшиво сожалея, что «не смог быть». Пробую поймать «Г<о-лос> А<мерики>», чтобы узнать, как они рассказывают о похоронах, но его старательно забывают, как и следовало ожидать.

В общем – от похорон хорошее, светлое, красивое ощущение. Если бы не дешевка речей «семинариста» и «рабочего», совсем было бы хорошо.

Долго мне не спится, хотя и очень устал.

Хорошо помню похороны Маяковского. Между теми похоронами и этими (двух великих поэтов) целая эпоха и почти вся жизнь. Вот, начать бы роман одними похоронами и кончить другими. Был я и на похоронах Есенина, совсем еще мальчишкой. Безвестно трагически погибли Цветаева и Мандельштам. Так же погиб Мейерхольд. Из «стаи славных» живет еще А.А.Ахматова.

Таруса

15 июня 1960

В воскресенье 12-го в Тарусе. В это утро Паустовский, по его словам, поставил точку в 4-й части «Повести жизни». Я сидел у него часа два. Он задыхается и плохо выглядит. Говорили больше обо всем, связанном с Пастернаком. Приехала его сестра Лидия из Лондона, назначенная им душеприказчицей наследства (она английская подданная). Последние слова Пастернака («Откройте окна!.. Ну, откройте же окна!.. Ну, разбейте окна!..») Подробности истории с Ивинской и пр.

Все, кто побоялся пойти на похороны Б.Л., откровенно жалеют об этом. Я слышал это от Трифонова, Штока, Арбузова: правда, двое первых прямо признаются, что побоялись, и Воронков (секретарь ССП) пугал, а Арбузов врет, что не знал, хотя в это время был в Переделкине. Паустовский сказал мне, что он не простит этого Арбузову.

24 сентября 1960

Вечером у Оттенев. Там же Ариадна Сергеевна <Эфрон> и Ада, ее подруга. Я привез <из Москвы> А.С. негатив силуэта ее матери работы Кругликовой и редкое фото: Цветаева с сыном на пляже,

которого у нее не было. Ее рассказы о матери, о Туруханске, где она была в ссылке, о тетке Анастасии Ивановне, с которой она все время ссорится (видимо – възжившая из ума старуха). Рассказ о выборах в Туруханске и о старухе, которая поняла <буквально> объявление «выборы от 6 утра до 12 ночи» и просидела в кабинке много часов, а ее боялись оттуда позвать.

Н.Я.Мандельштам дала мне воспоминания о Мандельштаме Анны Ахматовой. Это около пол-листа машинописи, в форме записи в дневнике. Написано блестяще: лаконично, невозмутимо, в традиции пушкинской прозы и непривычно «прямо». Н.Я. говорит, что А.А. давно ведет дневник и пишет мемуары. Это бесценная рукопись!

26 сентября 1960

Вдова Осипа Мандельштама живет в Тарусе на горе в маленьком трехконном домике. Она занимает три комнаты (а хозяйка одну).

Я спросил у Ариадны Сергеевны Эфрон (дочери Марины Цветаевой) – зачем ей, одинокой старухе, три комнаты?

– Потому что у нее всю жизнь не было ни одной...

Пишущая машинка, радиоприемник, три десятка книг, из которых большая часть словари (она по образованию и специальности лингвист), на стенах несколько пейзажей и натюрмортов Фалька и глиняных узбекских блюд с ярким орнаментом. На кровати лежит шотландский плед. Я смотрю на него и вспоминаю:

«Есть у нас паутина шотландского старого пледа,
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...»

Но поэт не был укрыт старым пледом. Он умер в холодном бараке пересыльного лагеря вблизи Владивостока, в конце 1938 года, после четырехлетних скитаний в ссылках и тюрьмах...

Я читал его письма к жене из нищеты и тревожной воронежской ссылки. Каким небывалым счастьем показались бы ему эти маленькие комнатки в трехконном тарусском домике.

Здесь у вдовы хранится ненапечатанное наследие поэта. Оно огромно. Приблизительно это полторы сотни законченных и отделанных лирических стихотворений небывалой силы и свежести – по крайней мере, три полноценных стихотворных книги. Да еще черновик законченной книги о Данте, да несколько отрывков ненапечатанной прозы, да собрание (неполное) эпиграмм, экспромтов и пародий, да 80 писем – горькая летопись великой и жалкой жизни.

Часть из ненапечатанных стихотворений известна любителям. Они давно уже бродят по Москве в неточных списках. Бегло про-

сматриваю архив. Около одной трети (а может, и больше) мне совершенно неизвестна, а ведь я собирал Мандельштама годами.

Мое внимание снова приковывает плед. Я спрашиваю о нем.

Нет, это конечно не тот. Но и *тот* сохранился. Он уже даже не паутинка, а тень паутинки. Он лежит в чемодане и бережно хранится. Почти четверть века скитаний, бездомности, бесприютности, но сохранен архив поэта и воспетый им старый плед.

Есть кое-какие издательские надежды. Говорят, что в план «Библиотеки поэта» (Большая серия) на 1961 год включен том «Избранного» Мандельштама. Имеется даже и редактор: Н.Харджиев. Но кто знает, когда это издание осуществится.

В выпущенном несколько лет назад «Избранном» О.М. в Нью-Йорке помещено только одно неизвестное стихотворение поэта. Одно из полутора сотен!

Ухожу. Черная осенняя ночь. Ноги вязнут в размокшей земле.

Вот звякнуло кольцо запора калитки.

Ярко светятся три окна маленького домика.

С Оки доносится свежее дыхание ветра. Теплый, влажный воздух.

Уже издалека оглядываюсь снова.

Весело светят три маленьких окна.

За ними, за легкими занавесками, бродит по трем комнатам старая женщина, 18 лет бывшая возлюбленной, женой, подругой и товарищем великого поэта и четверть века прятавшая его архив. В письмах он называл ее «Надик» и из ссылки утешал и подбадривал ее, «нищенку-подругу», как он ее назвал в одном из немногих грустных стихотворений. Сколько испытаний бедностью, преследованиями и страхом. Сколько облитых слезами подушек, бессонных ночей, унижительных ожиданий в казенных приемных...

29 сентября 1960

Все свободное время – Мандельштам. Он значителен и огромен. Большую часть я знал раньше, но теперь, в том реальном бытовом и историческом контексте, который представляют из себя воспомина-ния Ахматовой и Н.Я., все еще вырастает.

29 октября 1960

Приехала из Москвы Н.Я.Манделъштам. Она ездила проверять свое здоровье и побыть около Василисы Шкловской, с которой в почти 70-летнем возрасте разводится Виктор Борисович. Как проис-ходил развод в первой инстанции (Н.Я. там была). Молоденькая судья спросила почти 70-летнего Шкловского о причине развода, и

он громко ответил: «Любовь!» Он уже 10 лет живет с вдовой Нарбу-та, одной из сестер Суок. Василиса Шкловская не возражает против развода, но просит закрепить за ней госпенсию, если он умрет раньше ее. Реплика судьи: «Мужчины раньше» на фразу юриста Келлермана о том, что она старше его...

Будто бы при первом обыске у Ивинских присутствовал Хесин (когда была изъята пьеса, вернее, то, что в ней было написано – пролог). В Москве циркулирует слух, что Ивинские передали (хотели передать и т.п.) какие-то не то дневники или мемуары Пастернака за границу. Ничего невероятного в этом нет, но Н.Я., много лет дружившая с Б.Л., говорит, что никаких дневников он не вел.

Приехала из Ленинграда Ахматова, по словам Н.Я., «обнаглевшая оттого, что не умерла летом» (она тяжело болела), и сейчас все ест и пьет. Есть новые стихи, но списка у Н.Я. нет, а так она не запомнила. М. б., приедет сюда.

Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. бранит, и Коля ее поддерживает (теория «малой пользы», компромиссы и пр.). Я и Елена Михайловна защищаем Эренбурга. А.С.Эфрон тоже говорит, что он написал «не так» о М.Цветаевой, а Н.Я. боится, что он «не так» напишет о Мандельштаме. Нашелся в стране один человек, который пишет о Цветаевой, Мандельштаме и др., и сразу на него напустились, что «не так». Это вроде анекдота о певце, который не поет, но, если бы пел, то не так...

10 октября 1960

Вчера прочел ненапечатанную «4-ю прозу» Мандельштама, полное «Путешествие в Армению» и ряд старых статей, большей частью ненапечатанных, и отрывки из записной книжки. В статьях есть масса блестящих мыслей и прекрасных формулировок, а «4-я проза», представляющая собой ряд отрывков, связанных с эпизодом травли Мандельштама в связи с историей о переводе «Уленшпигеля», но содержащая такой каскад гнева, презрения, обобщений и образов герценовского размаха, что естественно было бы отнести это по эмоциональному размаху к его позднейшим несчастиям. Написано это блестяще, крайне субъективно и остро, но для не знающих бытового и политического контекста, вероятно, темно... Я, относя это вчера Н.Я., сказал ей, что как удивительно, что в этом отрывке (15 стр. на машинке) О.Э. как бы предсказал или, вернее, предвосхитил свой будущий счет со временем и литературой, на что она тонко сказала: «Мне кажется, поэт не угадывает свое будущее, а строит его сознательно – так и О.Э.». Она вообще утверждает, что М. сознательно и зряче шел навстречу своей судьбе. Так ли это?

Долго вчера сидел у нее, и снова интереснейшие рассказы о многом: о периоде молчания Мандельштама (между 26 и 30 гг.) и причине этого. Ее концепция теории «капитуляции», о молчании Пастернака и Ахматовой приблизительно в тот же период. Ее развенчивание «легенды о святых двадцатых годах», тоже очень субъективное и спорное (ее характеристика Авербаха как прямого и наивно честного воплощения «20-х годов», по-моему, совершенно неверна). Интересна фраза Мандельштама в Воронеже в разговоре с Ахматовой: «Поэзия это власть». По ее словам, Ахматова «молча склонила длинную шею» в знак согласия. Это говорили ссыльный и нищий Мандельштам и опальная, тоже нищая, не печатаемая Ахматова – двое подлинных поэтов. Кстати, Н.Я. рассказывает, со слов Ахматовой, что, когда она недавно болела, к ней позвонил и пожелал ей выздоровления «тот, кто сейчас на месте Кирова», т. е., видимо, Спиридонов. Н.Я. читает мне наизусть недавние стихи А. «В Кремле не надо жить», которые я забыл текстуально, но смысл которых в том, что в Кремле еще бродят отзвуки великих бурь прошлого: Грозного, Самозванца и пр. – стихи острые и мудрые. На столе у нее лежит польский журнал со статьей о Мандельштаме (вышедший летом).

«Избранный Мандельштам» в Библиотеке поэта уже готов (составитель Харджиев) и разослан членам редколлегии, а когда выйдет, неизвестно, и выйдет ли? Она, видимо, предпочитает держаться на этот счет бодрого пессимизма. «Волчий цикл», конечно, не вошел, и еще Орлов выкинул почему-то «Флейту» и еще многое. Ее разгадка странной строки в «Если б меня враги наши взяли...» – шифр. Как она не поняла «Ламарка» и ей его объяснил Тынянов.

Почему-то мне интересны эти рассказы о погибшем поэте, как давно уже ничего не был так интересно. В его судьбе фокус времени и других параллельных судеб.

Н.Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором. Для того, чтобы перестать ей волноваться и продолжать жить всем этим, вероятно, нужно все записать, и тогда это, уйдя из души на бумагу, перестанет ее тревожить и бередить.

Два старика: она и К.Г. С ней мне разговаривать интересней. Она умнее.

18 ноября 1960

Аля Цветаева (А.С.Эфрон) прочитала «Давным-давно» и нашла у меня влияние «Конца Казановы» М.И.Цветаевой. Если б это было так, я только гордился бы, ведь «Конец Казановы» – моя любимейшая пьеса с начала 30-х годов. Неужели ее влияние заметно? Очень

смешно она сказала: «Вот, он знаменитый драматург, а маму все забыли...» Этот знаменитый драматург ходит с рваными ботинками, а за «мамины» книжки люди платят по несколько сотен рублей.

15-го Н.Д.<Оттен> видел у Ардовых Ахматову, и она ему не понравилась. По его словам, она «ханжила»: осуждала Пастернака за роман с Ивинской и пр. Говорит, что она похожа на Екатерину II в старости. Живет она в комнатке у кухни, которая предназначена для домработницы.

1961

31 октября

Съезд сегодня закончился краткой речью Хрущева и пением «Интернационала». <...>

Мавзолеем уже оделся лесами: снимают доску с именем Сталина. Говорят, что уже ночью саркофаг с его телом был убран оттуда. Весь день вокруг толпился народ, но поздно вечером всех удалили: началась репетиция ноябрьского парада. <...>

Югославское радио сообщает, что вчера Советский Союз в районе Новой Земли на высоте 4000 м взорвал супер-бомбу 50.000 мегатонн. Неру выразил сожаление, что Советский Союз не внял просьбе Сессии ООН отменить это испытание. Албанские газеты, сообщая о съезде, называют позицию Хрущева «изменной». Китайские газеты отмалчиваются, крайне скупко сообщая о съезде. Зато газеты Польши и других стран социалистического блока полны подробностями о репрессиях Сталина. Тон югославов скорее дружелюбный. Наша пресса о взрыве супер-бомбы еще не сообщала.

21 ноября 1961. Ночь

Услышал от С.Л., что вчера и третьего дня на Красной площади у мавзолея собирается народ и бурно дискуссирует, и решил пойти послушать и посмотреть. Все-таки это один из поворотных моментов истории.

Не знаю, м.б., предыдущие дни это было еще бурнее, но и то, что я увидел и услышал сегодня, тоже достаточно интересно.

Как это выглядит? Кучками невдалеке от мавзолея стоит народ. Отчасти это похоже на «клуб болельщиков» у западной трибуны стадиона «Динамо». Импровизированно возникают споры. Отдельные фразы, реплики. Другие говорят пространно. Когда я подошел, то услышал, как какой-то юнец с непокрытой головой, в спортивной курточке, с раздражением говорил, что он-де ничего этого не знает и

верить никому не обязан... (в смысле – осуждению Сталина). Его слушали по-разному, некоторые явно сочувственно. Тут человек средних лет, хорошо одетый, стал говорить, что, вот, он просидел 16 лет только оттого, что его отца объявили врагом народа, а его еще мальчишкой забрали. И что, если бы не тридцать седьмой год, то не было бы поражений и отступлений 41 года... Юнец его прервал фразой: «А вы почему знаете?...» В толпе зашумели. Человек сказал: «Знаю. Я сидел вместе с невинно обвиненными генералами. Я слышал от них, как Сталин приказал расформировать танковые части, которые пришлось уже после <начала> войны снова формировать...» И он очень связно и разумно стал говорить о начале войны и ошибках командования, потом перешел к процессу Тухачевского и сказал, что его отец тоже был военным, и поэтому-то его это так интересует... Но юнец не сдавался: «Ну вот, я и говорю, что мы ничего не знаем: кто прав, кто виноват...» На это стал отвечать какой-то старик, тоже, как он сказал, бывший репрессированный... Потом другой человек, в шляпе и модном пальто, почти крикнул: «Ну, что же, пусть было и плохое, но ведь хорошего-то было больше!..» Завязался спор, а я пошел дальше... Это все было удивительно. Ничего подобного я не видел в жизни. И никакого страха ни перед кем. Говорили все, что приходит в голову. Агенты, если и были, то не показывали себя, как, например, на похоронах Пастернака. Не видел и фотоаппаратов. Впрочем, это было вечером... Даже милиционеры не подходили, а сдержанно улыбались издали. Разные слышал фразочки – и насчет того, что не надо издеваться над мертвым (какая-то женщина, немолодая), и нечто не очень почтительное насчет Хрущева, и то, что мы, мол, люди маленькие и ничего не знаем, а верим тому, что нам скажут, и то (какой-то седой, стройный человек), что, вот, это, мол, и плохо, что все ждут правду сверху, а сами думать не хотят... Ночь, вернее, поздний вечер, странное освещение, странная толпа, странная свобода мнений... Пожалуй, это самое удивительное, что я видел в Москве после своего возвращения...

Ленинград

20 декабря 1961*

Сегодня познакомился с А.А.Ахматовой. Вот как это все было...

* Эта запись вошла в посмертный сборник Гладкова «Поздние вечера» (М., 1986) в купированном виде. Исключенные из издания места мы выделяем курсивом для наглядной демонстрации того, как действовала советская цензура на первом году перестройки.

Проводив Эмму из гостиницы на урок английского языка (с которого она должна была идти играть спектакль), я почти у Литейного взял такси и поехал в больницу им. Ленина на Васильевский остров. Точного адреса у меня не было, но шофер довез меня туда в синеватых зимних ранних сумерках. Довольно легко нахожу нужный корпус: оказывается, что надо было взять пропуск, но меня пускают и без него. Едва напялив на свои мощные плечи белый халатик, выданный мне в гардеробе, поднимаюсь на второй этаж. Все как-то очень казарменно и казенно. Довольно большой зал, куда меня приводит лестница с бродящими фигурами больных женщин в халатах, разговаривающих с пришедшими на свидание. Было около пяти часов. Налево столик дежурной медсестры. Спрашиваю ее, как мне увидеть Анну Андреевну Ахматову, и получаю ответ: «Первая дверь направо». Иду по коридору. В стекло над первой дверью вижу, что в палате темно, иду дальше, потом возвращаюсь, какая-то женщина спрашивает меня: «Вам кого?» и объясняет, что мне надо как раз в эту дверь. Оказывается, А.А. спит. Я вхожу вслед за ней, она зажигает свет, и на первой койке справа я вижу лежащую фигуру спящей на левом боку женщины. Это Ахматова. Ее будят. Она сразу догадывается, что я это тот, кто привозил к ней на квартиру письмо от Н.Я. и не отдал его домашним. После нескольких фраз она начинает читать письмо, попросив извинения, и читает его долго, а я в это время рассматриваю ее, палату, а потом она, прочтя несколько фраз, заговаривает, я отвечаю, и некоторое время разговор так и идет с паузами, когда она читает длинное письмо. Н.Я. заставила меня его прочесть, и я знаю его содержание: там есть и пышные комплименты моему «уму», и кое-какие факты биографии, которые должны А.А. заставить считать меня «своим»... Палата небольшая, с окном в сад, вдоль каждой стены по две кровати. Кровать А.А. первая справа. Высокий столик с лекарствами и табуретка, заваленная книгами. Среди них последний номер «Иностранной литературы», «Сюжет и стиль» – новая книга акад. Виноградова, книжка стихов Элюара в переводах Антокольского, тоже новинка, и какие-то английские книги. Сверху лежит самый дешевый, какой есть, большой блокнот и на нем карандаш. А.А. красива, даже с румянцем в лице и чудесной сединой, руки ее обнажены почти до плеч; все время разговора она лежит на спине, почти не двигаясь. В руках сначала письмо, потом блокнот. Спрашивает о Н.Я. Оказывается, у А.А. в конце октября был третий инфаркт, сейчас лучше, но она не уверена, что «вылезла». Отвечая на мои вопросы, она говорит, что даже если бы ей разрешили выписаться, ей все равно некуда деваться, так как она не может ходить без посторонней помощи и сама открывать дверь, а

дома у нее по целым дням никого не бывает и на новой квартире нет даже телефона. Поэтому и Комарово ей сейчас недоступно. Она говорит это вовсе не жалуясь, а как бы шутливо: знакомая интонация гордости, которая не хочет просить. Все – чуть небрежно. В Москве ей тоже жить негде, если сможет приехать: у Ардовых, где она всегда останавливалась, в комнатке при кухне живет женившийся сын. Может быть, она остановится у М.Петровых, которая ее звала... Чувствуется, что старуха одинока и некому за ней всерьез присмотреть. Мне трудно припомнить весь разговор по порядку: он шел довольно хаотично. Кажется, она попросила меня прочесть три полученных ею на днях письма (или – не на днях, но недавно). Это было письмо от А.А.Суркова – две странички пером, с разными пожеланиями и излияниями преданности своей и жены, потом напечатанное на машинке письмо от академиков-филологов, просящих ее написать в какое-то издание Академии наук о «связи ее творчества с древним русским фольклором», и открытка из Рима, написанная по-русски, от некоего Филиппова, издателя сборников «Воздушные пути», где уже дважды напечатана в разных вариантах ее «Поэма без героя». Обратный адрес – какой-то шикарной римской гостиницы. А.А. шутливо называет это «письмом от акулы капитализма». Но любопытно, что открытка дошла до нее. Тут же попутно она рассказывает о посещении ее каким-то изучающим русскую поэзию американцем, явившимся со всей семьей и даже с маленьким мальчиком. Еще она говорит, что в настоящее время в Сорбонне С.Лаффит читает специальный курс о поэзии Ахматовой. «Ходит слух, что в ленинградской “Звезде” в №3 будут напечатаны мои стихи и статья о Пушкине...» Это точная ее фраза, мне запомнившаяся, с неуловимо иронической и защитно небрежной интонацией. Я спрашиваю ее: есть ли у нее мемуары в прозе, вроде «листков из дневника», посвященных Мандельштаму. Она отвечает уклончиво: «Нет, если не считать маленьких отрывков»... Рассказывает, как все время растет «Поэма без героя», и спрашивает, знаю ли я ее. Я отвечаю утвердительно. «Многие говорят, что она темная, непонятная: это правда?» Я отвечаю, что все, заранее понятное, не вызывает в читателе процесса восприятия и понимания, что стихи надо сначала «не понимать» и, входя в них, «начать понимать», что для этого они и пишутся, – или что-то в этом роде, мысль не очень ясно выраженная, но А.А. понятая, как будто. Она спрашивает: есть ли у меня список поэмы. Я отвечаю, что есть, но список 46 года. Она прерывает меня: «Дайте мне слово, что, вернувшись, вы немедленно уничтожите этот ужасный вариант!»... Я шутливо жалуясь, что останусь ни с чем, и на это она мне обещает вскоре подарить новый полный последний список, который скоро

будет («последнее издание») в шести экземплярах: два из них она собирается послать в Публичку и в Ленинскую библиотеку в Москву, «а остальные верным друзьям». Последнее, что она написала в поэме, по ее словам, это прозаические вставки. Она читала мои воспоминания о Мейерхольде и, бегло похвалив их, рассказывает о какой-то женщине С. (забыл точную фамилию), в которую «как всем известно, был влюблен Мейерхольд и даже посвящал ей спектакли» (?) *Потом она встретила ее в трагические годы дежурств на Шпалерной, когда у нее тоже сидел сын Эрик (кажется), и еще однажды там, где шел суд над ним, и А.А. думала, что свидетелем по суду будет Лева, и она его мельком увидела*^{*}. *Говорим о приговоре «10 лет без права переписки», что тогда было псевдонимом казни. Я рассказываю ей о конце Мейерхольда. Она говорит, что встретила однажды его «жену» у какого-то окошечка «справок». В ответ на мое недоумение она добавляет: «Нет, я говорю не о Райх, а о жене...»* Она читает сейчас печатающийся в «Иностранной литературе» роман Фолкнера «Особняк», и он ей не нравится. *Из молодых поэтов она высоко оценивает Володю Корнилова, особенно за поэму о смерти Сталина, которую она знает.* Рассказывает, как недавно к ней в больницу проникли два молодых поэта или любителя поэзии, которые требовали от нее немедленного ответа, как сейчас надо писать, как она или как Пастернак. «Я им ответила, что Лермонтов и Тютчев жили в одно время и писали по-разному, и оба были поэтами подлинными». Я ей говорю о небывалом сейчас приливе интереса к стихам. Она соглашается, что даже до нее сюда эти волны стихолюбия докатываются и что это всегда признак начала поэтической эпохи... Почему-то вспоминаем о Бальмонте. Я говорю о нелюбви своей к нему. Она с пониманием кивает и вспоминает, как после приезда Бальмонта из эмиграции в десятых годах на него ополчился в печати Брюсов, Бальмонт заносчиво отвечал, и они так спорили о дележе поэтического престола, а «мы молча улыбались, потому что знали, что истинные любители стихов были уже за нас и подходило наше время». («Мы» – акмеисты, конечно). Где-то тут она попросила меня передать ей лежавшие под книгами какие-то листки и, бегло взглянув на них, попросила меня их прочесть. Это были напечатанные на

^{*} Гладков записал неточно: речь идет об актрисе О.Н.Высотской, которой Мейерхольд в 1912, когда служил в Александринском театре, посвятил свою режиссерскую работу над спектаклем «Заложники жизни» (пьеса Ф.К.Сологуба), и ее сыне (от Н.С.Гумилева) Оресте, впоследствии директоре леспромпхоза, директоре какой-то мебельной фабрики. Единокровные братья Лев Гумилев и Орест Высотский были арестованы в 1938; Лев отправлен в лагерь, а Орест освобожден в 1939 или 1940-м.

машинке «Александр у Фив» и «Комаровские кроки». Я пробормотал что-то. Она попросила передать стихи Н.Я., и «если удастся», то попробовать *через Галю Корнилову (она сказала: «жену Корнилова»)* напечатать первое стихотворение в «Литературной газете». Потом она попросила передать ей блокнот и прочитала записанные в нем начерно стихи «Твоя земля» и еще стихи, посвященные певице Вишневецкой, певшей по радио Баха. Эти стихи, особенно первое, мне понравились больше, и я стал просить их для газеты, но А.А. сказала, что они не отделанны и второе слишком «блоковское». И она перечла первые две строки, и впрямь интонационно похожие на Блока. Я что-то дипломатично, но неуверенно возразил. *Потом она прочитала мне заключительное стихотворение из цикла «Реквием» (14 стихотв. о 37 годе), написанного в те «трагические годы». Я запомнил несколько строчек:*

*И если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием не ставить его
Ни около моря, где я родилась, –
Последняя с морем потеряна связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов...
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег...*

Это последнее стихотворение из цикла о том, как она бесконечно простаивала у Большого дома у окна справок, когда был арестован ее сын, Лев.

Читала она это, оглядываясь и попросивши меня сказать ей: действительно ли в этот момент в палате никого нет (все время ее соседки то выходили, то входили: уже горело электричество). Читала она очень ясно, чуть пришептывая, но почти незаметно, без «раскраски», но с удивительно прекрасной и чистой артикуляцией губ. Должен сказать, что начала она читать мне стихи без моей особой просьбы, хотя она и вертелась у меня на устах. Я был, естественно, несколько напряжен и взволнован и потому все запомнил не так четко, как это у меня обычно бывает (как и при первой встрече с Эренбургом). Я сказал ей, что надо обязательно «Реквием» записать (забыл упомянуть, что она сказала: «Эти стихи никогда не были записаны на бумаге» – она читала их наизусть). Она спросила: «Вы думаете, можно?..» – «Да, да, и можно, и нужно посылать их во

все редакции»... Она недоверчиво улыбнулась, и мы стали говорить о том, могут ли вернуться «те времена». У нее есть и сильна еще инерция страха, и мудрено ли при такой страшной жизни? Об «этом» тоже говорили подробно: она спросила меня, «где» я «был» и прочее. Я раза два порывался встать и проститься, но она меня удерживала: «Я не устала, если вы никуда не торопитесь...» Прошло более двух часов. Санитарка вкатила тележку с лекарствами и что-то поставила ей на столик – я сидел спиной к двери на стуле. Потом другая санитарка вкатила тележку с ужином. Бегло взглянул – какая-то неаппетитная и совсем ерцевская рыба, вроде трески. Все это жалко и так казенно и скудно – и палата, и соседки старухи, и эта мокрая рыба, что защемило сердце. Я встал и начал прощаться. Она не удерживала больше. Я нагнулся и поцеловал лежавшую на одеяле ее прекрасную руку, ту руку, которая столько написала... Вышел, как на крыльях. В кармане два никому еще не известных стихотворения Ахматовой. Спустился, отдал халат, оделся и вышел на темную широкую улицу. Некоторое время шел по ней, сам не зная куда, потом увидел зеленый огонек, остановил такси и очнулся только когда мы уже ехали мимо Ростральных колонн... Сложное чувство, вернее, клубок нескольких чувств: и восхищение перед неувыдаемостью и свежестью ума и дарования этой удивительной женщины, и восторг от легкости и свободы, с которой я с ней говорил (которые у меня были и с Всеволодом Эмильевичем и с Борисом Леонидовичем), и тоскливое чувство жалости к ней, и стыд за обстановку, в которой она находится, и гордость за то, что она ни разу не подала виду, что ее это тяготит. Я подумал, что она могла бы оказаться в «те годы» в лагере, и представил, как достойно бы и легко она «там» держалась. Много думалось, пока я летел в снежный вечер в такси с Васильевского на Невский по «ее городу»...

Конечно, я забыл здесь записать многое: и разговор о Пастернаке (она спросила, знал ли я его), и о том, как долетает до нее в больницу «литературная соль» споров и драк. У нее бывают, кроме родных (Пуниных), Добин и Адмони, какие-то профессора...

Долго бродил по Невскому, по каналу Грибоедова, по Марсову полю – не хотелось идти в гостиницу. Потом пришел, и сразу какие-то глупые звонки.

Ночью отвез Эмму со спектакля, вернулся домой, т.е. в номер, и сразу сел за машинку.

Эту встречу мне подарил Н.Я., и это поистине царский подарок.

* Ерцево – лагерь, где отбывал срок Гладков.

Из великих поэтов XX века я знал Маяковского и Пастернака, теперь узнал Ахматову. Мог лично знать, но только видел мельком Мандельштама. Никогда не видел самую любимую – Цветаеву, хотя дважды пришел в место, откуда она только что ушла (редакция «30 дней»).

Москва

26 декабря 1961

Только что пришел с заседания бюро секции поэтов, где происходило обсуждение стихов и песен Булата Окуджавы. Мне утром по телефону Боря Слуцкий сказал, что готовится разгром, и пригласил придти на выручку. В старом здании клуба наверху собралось человек тридцать-сорок: кроме членов «бюро» – молодые поэты и пр. Вокруг стола сели организаторы собрания; остальные тут же рядом, у стен. Окуджава пришел с гитарой в черном чехле, явно волнуясь. Он только на днях был принят в члены ССП. Сперва он читал. Потом стал петь. Ему Смеляков, Луконин и др. бросали недружелюбные реплики, вроде: «Нет, ты спой, что на этих своих вечерах поешь!» Окуджава, бледный и нервный, отвечал: «Я все спою»... И постепенно произошло чудо: талант поэта-исполнителя, обаяние его и ответные токи от большинства слушавших, которое было настроено вроде меня, т. е. заранее настроено дружески и знало эти песни, сделали свое дело – атмосфера как-то удивительно переменялась, и к началу обсуждения стало ясно: «проработать» Окуджаву не удастся. Хотя против него говорили глупости (дурак Ситковский, провокационно-двусмысленно – Коваленков, Солоухин, В.Лифшиц), другие (Боков, Слуцкий, Наровчатов, Дик и пр.) хвалили Окуджаву так прямо и точно, что замысел организаторов был сорван. Все кончилось триумфом Окуджавы. Чем-то это мне напомнило прекрасный фильм «12 рассерженных мужчин» – и это тоже могло быть сюжетом о победе поэта. По мере хода обсуждения Смеляков все чаще стал спускаться в ресторан и к концу совершенно напился так, что жене пришлось его увести.

1962

22 января 1962

...захожу в Дом литераторов. Там пьяный и унылый Миша Светлов без копейки денег. Редкий случай – просит заказать ему мясное блюдо. Рассказывает о своих семейных неурядицах. Ему нужно сроч-

но достать 3000 р., чтобы оплатить пай в кооперативе и уехать со старой квартиры, где женившийся сын и Рада с ее сложными делами. Мечтает об одиночестве: жить одному и, проснувшись утром в пустой квартире, слушать весеннюю капель с крыш... Он очень грустен, даже говорит о самоубийстве. Худой, бледный, в грязном, помятом костюме.

24 января 1962

О чем говорит Москва? О тяжелом положении раненного при автомобильной катастрофе акад. Ландау. О слухах о разногласиях в головке руководства и оппозиции кого-то хрущевской линии XX и XXII съездов с выкорчевыванием остатков «культы». В стране нелегкое продовольственное положение – везде, кроме столиц. Бывший только что в Тбилиси Шток рассказывает, что там везде висят портреты Сталина, у памятника (не снятого) все время живые цветы и дежурство молодежи, чтобы не допустить неожиданного свержения монумента. В Италии сильная оппозиция в компартии, обвиняющая Тольятти в том, что он когда-то, когда он был еще Эрколи и работал в Коминтерне, дал санкцию на расстрел трех итальянских коммунистов в Москве. Как-то за обедом в ЦДЛ знакомство с Андреевой (родственницей детей Л<еонида> Н<иколаевича>), тоже сидевшей долго. Ее рассказ, как 31 окт. <1961г.>, в день, когда была взорвана супер-бомба у Новой Земли, это отразилось в Воркуте: противоречивые приказы городского начальства по радио: то оставаться в домах, то выйти на большое расстояние от строений, паника, страх перед облучением и пр. Но в Воркуте никаких заметных последствий не было пока, а в Инте, которая дальше от места взрыва, были сорваны крыши, выбиты стекла, есть жертвы, что доказывает, что траектория волны шла по касательной кривой.

25 мая 1962

Встречаюсь с Португаловым. Долго сидим с ним в Александровском саду, и он мне рассказывает о 37-м годе – как он выглядел с той стороны тюремной решетки. В недели тюрьмы и этапа перед ним промелькнули в камерах: поэт Иван Приблудный, В.Правдухин, А.Нейман (наркоминделовец, уже в августе), И.И.Радченко, старый большевик, А.Грамп, секретари обкомов Тульского, Орловского. Никто ничего не понимал. Старые большевики держали себя достойно, замкнуто. В одном этапе с ним и Леовой ехал Мирский. В пересыльном лагере у Владивостока встретили поэта В.Князева, прибывшего туда с ленинградским этапом, и В.Нарбута, прибывшего с тем же этапом, что и они. С ними же ехал наш дальний родственник Шурик Конд-

ратов, совсем мальчик, все преступление которого заключалось в том, что он сказал в школе, что больше интересуется Ницше, чем Марксом. Он погиб в ближайшие годы на целине. Князев и Мирский работали в гараже: открывали ворота машинам. Ворота тяжелые, но это была самая легкая работа. Среди начальства были опальные чекисты из Ленинграда: Медведь и Запорожец. Они исчезли в конце 37-го или начале 38-го года. Диктатором был начальник Дальстроя Я. Берзин, потом <пропуск в тексте; должна стоять фамилия Гаранин. – С.Ш.>, затем появился Никишев. Первое впечатление, когда прибыли на пароходе в Магадан: «Неужели здесь могут жить люди?..» Пурга, ветра, морозы. Жили на берегу залива в палатках. Мирский мучался тем, что ему все время нужно было выходить на мороз: больной желудок и недержание мочи. Режим менялся, но были суровые годы и месяцы, когда на разводах зачитывали списки расстрелянных в эту ночь. Конвоир мог не понравившего з/к отвести в сторону и застрелить, и ничего ему не было.

Валя поступает на Высшие литературные курсы: он принят в Магадане в члены ССП. За два года надеется устроиться в Москве. Выглядит неплохо.

25 июня 1962

Вернувшись под вечер на дачу, снова читал, вернее, перечитывал отдельные места «Доктора Живаго». Завтра мне нужно книгу отдать.

Что же сказать о ней? Я скорее разочарован. Есть удивительные страницы, но насколько бы их было больше, если бы Б.Л. написал не роман, а просто книгу, исповедь о самом себе. Все, что от романа – слабо почти, люди не живут. Разговоры интеллигентов – или наивная персонафикация авторских размышлений, или неумелая подделка. Все народные сцены по языку диалогов фальшивы: этого Б.Л. не слышит. Романно-фабульные ходы тоже наивны, условны и натянуты. Подражание Достоевскому, но у Достоевского получались споры – идейные диспуты, а тут этого нет, так как все герои это маленькие Пастернаки, только одни замешанные густо, а другие пожеже. Картины времени нет. Это моралистическая (не философская) притча с иллюстрациями романического и описательного характера. Но всё, что о природе – прекрасно. И об искусстве. И о процессе сочинения стихов. И отдельные (хотя статические) психологические этюды, разбросанные там и тут по ходу действия. И, конечно, стихи. И еще кое-что. Но великого романа нет. И зарубежный успех книги явно политически спекулятивен. И понятно наше раздражение, хотя ему и придали, по инерции эпохи «культы», такую грубую, неум-

ную форму. Несомненно, субъективно – опубликование этой книги – акт большого личного мужества Б.Л., но позиция его неверна и немудра.

26 июня 1962

Перечитал написанное вчера о «Докторе Живаго». Хочу добавить, что в книге есть поразительные внутренние противоречия. В начале автор голосом одного из героев говорит, что «человек живет не в природе, а в истории», а вся концепция романа именно антиисторична, даже в пастернаковском понимании – «разгадка смерти и ее преодоление» и есть «история». Б.Л. много говорит о прелести «повседневности», «быта», но этого-то совсем нет в романе: «бытовые детали» приблизительны и неточны, почти как в слабой пьесе, лишенной воздуха. Говорю это не без труда: слишком уж я люблю Б.Л. и как поэта, и лично, и бесконечно навсегда благодарен ему за то, что получил и продолжаю получать от его поэзии. Но он сам в этой книге говорит, что главная беда времени – отсутствие у людей собственного мнения. В моей среде – естественней безоговорочно хвалить Б.Л. (как это делают Оттены и др.) и психологически труднее признаваться, что роман не понравился, но, исполняя завет Б.Л., решаюсь высказать *собственное мнение*, и мне безразлично, кто и в каких целях в свое время яростно бранил роман (большинство – не прочитав его). Беда Б.Л. в неверном выборе жанра того большого сочинения в прозе, к которому его так тянуло. Вместо того, чтобы, как Герцен, самому найти новую форму (или, как Толстой, в романе), он взял чужую форму и ему лично чуждую и натянул ее на свой замысел и попал в плен к ней.

1964

18 февраля 1964

Прочел «Превращение» Кафки. Написано это хорошо, но как-то здорово надоели иносказания. Если даже прав Боря <Слуцкий> в своей трактовке сюжета, то на хрена, чтобы это выразить, все это выдумывать: ведь эта простая мысль не нуждается в такой хитроумной зашифровке. И вообще, ребусы принято печатать в отделе «Смесь» на последней странице. Надо иметь вокруг себя очень благополучный и устойчивый быт, чтобы возникла потребность в подобном искусстве. Что-то не верится в кошмарную действительность послевоенной Чехословакии, где даже нищим и бездомным русским поэтам платили государственные пенсии (см. переписку Цветаевой и

ее очерк о Белом). После того, что видели и знаем мы все, эти гротески напоминают шевеление языком тихо ноющего зуба.

31 марта 1964

...Вчера я был на просмотре художественным советом «Ленфильма» «Гамлета».

Я ждал большего и – другого. Смоктуновский очень хорош. Его Гамлет современен, умен, сложен, но... в конечном счете банален, ибо в фильме нет цельной концепции, он иллюстративен, иногда до наивности. Увы, Козинцев все-таки импотент, что можно было подозревать уже и по «Дон Кихоту», где Черкасов сделал сумасшедшего фантаста и озорника похожим на русского интеллигента, эдакого дядю Ваню. В фильме нет мысли, нет темперамента, нет трагедии. Трагедии нет, потому что Гамлет ни в чем не сомневается: для него проблемы добра и зла не существует, а тема мести в ее прямом значении была уже архаизмом и для Шекспира. Как ни горько это сказать, фильм ниже Шекспира, примитивнее. И еще – он досадно театрален. Особенно это заметно после английского «Короля Лира», такого сурового, строгого, очищенного от всякой бутафории и декоративности. Все, кроме Смоктуновского, играют неважно, т.е. неинтересно. Есть, конечно, и красивые куски, но этого мало.

20 июня 1964

Интересный день, хотя и утомительный из-за страшной жары.

Утром еду в город и прямо к Маше Валлентей (Мейерхольд). Она рассказывает о истории с безобразными купюрами, сделанными Февральским, которые приходится сейчас исправлять, и это задерживает издание литературного наследия Мейерхольда. Не очень достоверный рассказ об отношениях к Мейерхольду Ежова, о будто бы им данном разрешении на выезд за границу. Об отношениях Таши и З.Н.<Райх>.

Созвонившись с Над. Яковл., еду к ней, но по дороге заезжаю на телеграф и получаю телеграмму от Киселева с просьбой срочно приехать, и от Эммы о том же (только, конечно, в другой тональности).

Над. Як. показывает мне гранки из 8-го номера «Москвы» с воспоминаниями Н.Чуковского о Мандельштаме и подборкой его стихов. Воспоминания полны неточностями и плохо написаны, но я советую ей не добиваться исправления. Это задержит, и мало ли что может случиться, а важно появление любого печатного о Мандельштаме (тем более, что в подборке много отличных стихов и даже «Волк»). Звонит Анна Андреевна Ахматова и просит зайти к ней на Ордынку к Ардовым и привести к Шкловским (где живет, как

всегда, Над. Як.). В это время приходит молчаливый физик в очках, которого я уже видел в этом доме, поклонник стихов и хороших поэтов, человек немолодой и ответственный. Идем втроем за А.А. Она плохо ходит даже с палкой и иногда что-то недослышивает, но лицо ее не по-старушечьему красиво и значительно, ум свеж и остроумие не блекнет. Удастся взять такси и, хотя это близко, везем ее; потом я с физиком отправляемся за покупками. А.А. вина не пьет, а только водку, но сегодня она не хочет пить, и мы покупаем боржом, сыра, ветчины, шпротов и апельсинов. Образуется маленький пир. Еще горячая картошка и чай. Кроме нас еще старуха Василиса Шкловская, Варя, Панченко, потом приходит какой-то Ефим и Юлия Живова.

Сидим так несколько часов. А.А. говорит немного, но всегда интересно. Юлия Живова приносит известие, что А.А. разрешена поездка в Италию. Там ей присудили какую-то премию и идет что-то вроде фестиваля поэзии. До этого все время отказывали. Будто бы разрешено ехать на 10 дней в любое удобное А.А. время. А.А. узнает это впервые вот тут. Она заметно (хотя не слишком) оживляется и просит, чтобы проверили. Звонят Маргарите Алигер, и та подтверждает (у нее дочь Маша служит в Иностранной комиссии ССР). Заходит речь о воспоминаниях Чуковского, и А.А. говорит то же, что и я («Большой человек имеет право быть отраженным в ста зеркалах, и каждое отражение существенно»). Н.Я., рассказывая, что у нее как будто выходит дело с пропиской через чью-то протекцию (какой-то Гольцев из «Известий»), говорит, что это ей стоило «ночи» (тот просидел у нее допоздна, расспрашивая об О.Э.), и А.А. мягко острит, что «когда Коломбине 65 лет, то это уже не безнравственно»... Вот таков стиль болтовни. Я расспрашиваю А.А. о поэте Кленовском, о котором прочитал у Глеба Струве. А.А. говорит, что он не талантлив, но на самом деле «царскосел», «сын известного художника-анималиста». Спрашиваю о «Дневнике» Оцупа*. Она говорит, что только час держала эту книгу в руках и даже побоялась подробно читать (опасаясь каких-нибудь сплетен про себя). Говоря о «вольностях» и «неточностях» в документальной литературе, я рассказываю, как меня исказили в биографии Комиссаржевской. Попутно хвалю воспоминания Веригиной. А.А. подтверждает, что та «очень хорошо пишет», и говорит, что следовало бы попросить написать воспоминания о Мейерхольде О.Высоцкую, которой В.Э.

* Вероятно, имеется в виду книга Н.А.Оцупа «Современники» (Париж, 1961), где собраны воспоминания о И.Анненском, Н.Гумилеве, Ф.Сологубе, К.Чуковском, В.Шкловском и др.

даже посвящал спектакли... Я об этом почему-то плохо знаю. Высоцкая жива. Надо узнать подробней.

Еще говорим о том и сём. А.А. шутит над Сурковым, даже переразвивая, как он говорит ей «Моя дорогая» по телефону. Н.Я. рассказывает о воспоминаниях Е.Полонской о Зощенко. Услышав имя Полонской, А.А. ничего не говорит, но как-то иронически шевелит губами и насмешливо (хотя и сдержанно) смотрит на Н.Я. За этим тоже что-то мне неизвестное. Еще говорим о эмигрантах-поэтах. Мягче всего А.А. отзывается об Адамовиче, который еще жив и иногда выступает по Бибиси. Он как-то произнес целую речь об А.А. и потом прислал ей текст, извиняясь, что там было больше об Анненском, чем об А.А. На это А.А. сказала: «Ну, что ж, я рада, если я дала повод поговорить об Анненском».

Меня она узнала и разговоривала как с хорошим знакомым. Потом она ушла вместе с Юлей, которая пошла ее провожать, и забыла свою палку с ручкой из слоновой кости. Коля Панченко побегал ее догонять.

Я еще сижу с Над. Як. вдвоем в ее комнатке за кухней. Она собирается на днях ехать в Тарусу, где будет жить в той же квартире, где я у нее был впервые (улица Либкнехта, 29).

Вот тут пришел некий Ефим и разгорелся бурный спор об Илье Глазунове, выставка которого на днях открылась в Манеже и привлекает толпы лобопытных. За Глазунова был он один, остальные все его резко ругали. Коля рассказывал о группе «русситов», куда его затягивал этот Глазунов. Это полускрытая литературная группировка – не совсем «кочетовцы», но близко: националисты, консерваторы. Во главе их будто бы Солоухин.

Комарово

30 декабря 1964

Сюда приехал Д.Е.Максимов. По его словам, в феврале том Пастернака пойдет в типографию. Вернулась А.А.Ахматова, объездившая всю Италию, измученная, усталая, объевшаяся славы. Вероятно, если у нее хватит сил, она поедет вскоре и в Англию. Ее славолубие и ревность: она удивлялась на Д.Е., зачем ему нужно заниматься Блоком, подразумевая: когда есть она. Когда в ее присутствии хвалят Цветаеву, молчит (хорошо воспитана), но человек этот для нее перестает существовать. Будто бы она расширила почти втрое свои воспоминания о Мандельштаме: надо выпросить у Н.Я. Терпеть не может Оттена (после одной встречи) и едва прощает Н.Я. то, что она живет с ними.

1965

11 февраля 1965

Утром позвонил Эренбургу, и он пригласил меня вечером придти, хотя завтра утром он уезжает с Л<юбовью> М<ихайловной> в Париж. У меня насморк и начинающийся грипп, но я иду и сижу часа три. Он едет на юбилей общества «Франция–СССР», но неохотно, и намекает, что предстоят «неприятные» встречи и разговоры, придется «по просьбе французских друзей» поехать к Пикассо и это чем-то его тяготит (уж не поссорился ли Пикассо с компартией, и французы ищут посредничества И.Г.?). Поминутно входит Л.М. – то ищут ночные туфли его, то еще что-то. Тут же Ирина, помогающая в сборах, потом приходит Козинцев. И все же И.Г. много и охотно рассказывает о разном. <...> Рассказы о Майском и его аресте и о том, как тот писал стихи в одиночке. Его обвиняли в том, что он был «связным» Берия в шпионских делах и прочей ерунде. Рассказ о Кагановиче, которому как-то Сталин сказал на заседании политбюро, что он даст ему в рожу, а тот загородился газетой и сказал, что его нельзя бить, раз он член политбюро; о том, как Сталин, не то в шутку, не то всерьез, сказал Хрущеву, что он не член ЦК, а польский шпион. О том, как Литвинов в 37-м году и в начале 50-х гг. спал с револьвером под подушкой, чтобы не датья живым, если за ним придут, как однажды жена поздно вернулась, а тот заснул и, услышав шум, чуть не застрелился... На общее положение смотрит скептически и не видит отрадного. Снова боится сближения с Китаем.

19 июля 1965

Рассказ Володи Медведева об упрямстве Анны Андр. в вопросе об оформлении ее книжки – он художник. Он предложил внутри воспроизвести обложки «Вечера» и других первых книг А.А., а эта сумасшедшая старуха возмутилась и заупрямилась: – Я считаю себя советской поэтессой и не желаю никаких напоминаний... Это уже явно из области склероза.

1966

Ленинград

4 марта 1966

Вчера вечером дневным поездом приехал из Москвы усталым, измученным непрекращающимся кашлем и небольшой, но упрямой

температурой. <...> 26-го <февраля> почти целый день у Надежды Яковлевны. 27-го вечером у Ильи Григорьевича. <...>

У Н.Я. я пробыл целый день и обедал. Она очень хвалит «Встречи с П.». «Да, это он!», – говорит она. Она хорошо знала его много лет, и это свидетельство ценно. Еще прочли рукопись Шаламов (ему понравилась только первая половина) и Дорош, которому, кажется, понравилось. Вечером у Н.Я. появился Шаламов, потом Наталья Ивановна, Пинский и Майя Синявская, жена героя процесса. Она некрасива, в очках, упряма, кажется очень усталой, но не подавленной. Рассказ ее о процессе, о свидании и пр. Возвращаясь, сидим в трамвае рядом. Я спрашиваю ее, что умеет делать С. кроме литературы. Она отвечает, что он даже гвоздь в стену не умеет вбить, в отличие от Даниэля, который умеет многое. Заключительное слово С. было построено на литературных увертках и, логичное по аргументам, в общем неискреннее. Даниэль говорил смелее, прямее, беря быка за рога и, хотя я не знаю ни того, ни другого и ничего из ихних сочинений не читал, в общем, по всему, что до меня дошло, Даниэль мне симпатичнее, хотя он и второе лицо процесса.

Общее отношение в Москве к нему <процессу> резко отрицательное даже у тех, кто, как я, не одобряют «двойной игры». Общество выросло, и осуждение за инакомыслие начинает казаться чудовищным. В этом огромный разрыв между интеллигенцией и руководством, которому чудовищным, вероятно, кажется право на инакомыслие. Боюсь, что суровость приговора еще усилит этот разрыв. Ходит рассказ, что Брежнев и Демичев перед судом приехали на дачу к Федину и, сославшись на протесты за рубежом и собственные сомнения, спросили его, как главу ССП, что делать, и он ответил: «Надо их судить!»... И тут разрыв – для них он большой и авторитетный писатель, наследник Горького, для большинства литераторов – жалкий и трусливый, малодаровитый старик. <...>

У Ильи Григорьевича пробыл 4 часа – с семи вечера до одиннадцати. <...>

Ужинали с вином. Почти все время с нами сидела Любовь Михайловна. Характерно, что за весь вечер был только один звонок, и то к Л.М. Так одинок И.Г.

Говорили сначала о процессе Синявского. И.Г. рассказывает с ноткой иронии об Арагоне. Как Арагон мог не знать о репрессиях, когда сестра Эльзы была женой погибшего Примакова? А он после XX съезда делал вид, что для него это страшное открытие. Рассказ о лекции И.Г. в Брюсселе студентам в дни процесса. Ехал и боялся, что будет обструкция, как в 58 г. в Стокгольме, и начал фразой: «Вы, должно быть, собираетесь задать мне ряд вопросов на извест-

ную тему. Но поверьте, что у меня самого столько же вопросов об этом, только я не знаю, кому их задать»... И этого было достаточно. Больше никто этого не коснулся. По словам И.Г., западный мир созрел и уже не принимает любого советского человека за представителя правительства СССР, понимает и разбирается в расслоении общества у нас, в группах и течениях.

5 марта 1966

8 часов вечера. Только что услышал по Бибиси, что сегодня в Москве умерла Анна Андреевна Ахматова. Недавно она снова болела, потом лежала у Ардовых. Надежда Яковлевна навещала ее в воскресенье 27-го февраля и сказала мне потом, что ей то ничего, то вновь плохо. После краткого, без подробностей, сообщения дикторы читают стихи из «Реквиема». Ей было 76 лет. Сырой, предвесенний денек.

12 марта 1966

Вчера в Комарове похоронили Ахматову. Я не поехал на похороны. По словам Максимова, все было неважно и достаточно фальшиво. Достаточно уже того, что речи говорили Михалков, Ходза и другие.

22 марта 1966

О том, как умерла Ахматова (из письма Л<евницкого>). Утром 5-го к ней пришли (в санатории в Домодедове, куда ее перевезли после болезни и где вместе с ней была Н.А.Ольшевская) врачи, чтобы сделать кардиограмму. Она себя неплохо чувствовала и просила врачей поскорее сделать все процедуры, говоря, что она хочет не опоздать к завтраку и торопится выпить кофе. Но неожиданно она стала вдруг хрипеть. Сделали укол. Не помогло. Пустили кровь. То же не помогло. Через час она умерла. Сведущие люди говорят, что ее слишком рано подняли с постели.

Еще в Москве Н.Я. мне говорила, что на А.А. очень тяжелое впечатление произвели поминальные статьи о Жданове. Ей даже почудилось, что может снова начаться травля ее. Конечно, это нелепо, но в ее возрасте и при ее биографии такие страхи простительны. С этим чувством она жила последние дни. Разговор об этом был за несколько часов до ее смерти, и это теперь не выходит у меня из головы.

29 марта 1966

Смотрю в кино «Перед судом истории» – фильм Эрмлера с Шульгиным. Он интересен, но, конечно, морально и психологиче-

ски в нем победитель старик Шульгин, а не его молодой оппонент. За Шульгиным мудрость истории и то трудно определимое свойство, которое можно назвать пафосом кровной преемственности. И хотя в чем-то он и жалок (конечно, не в ошибках своих и их признании), м.б., в том, что он на старости лет принужден участвовать в этой пышно инсценированной игре в поддавки. Как не подсказали режиссеру, что грубо неприятен самодовольством и бурбонистостью старый большевик Петров, тоже играющий роль «победителя». И, при всей нарочности этого идеологического пасьянса, где-то Шульгин (а, стало быть, и фильм) трогателен и наводит на серьезные мысли (особенно в эпизодах, связанных с Государственной Думой и отречением царя). Фильм выпущен на экраны почти без рекламы, вернее, совсем без рекламы, но все же выпущен. А говорили, что его запретили. Зал полон. Смотрят и слушают внимательно.

22 апреля 1966

Да, Ленинские премии по литературе не присуждены никому. Это не останется без влияния на характер разных руководящих речей на предполагающемся осенью съезде, и до него, на происходящем сейчас в Москве совещании Союза писателей РСФСР. Уже невозможно будет говорить трафаретные слова о «новом подъеме» и т.п. И, в общем, – это полезно и, пожалуй, справедливо. Конечно, можно было бы дать кому-либо «за выслугу лет», но в целом год был серый, а дать премию Ю.П.Герману – значит, назвать искусством ту читабельную беллетристику, которую он так обильно сочиняет. Обиднее, что не дали премию А.Райкину – уж он-то ее заслужил.

27 апреля 1966

Был у меня вернувшийся из Москвы Фрид. <...> По его словам, Райкину не хватило 13-ти голосов на голосовании в Ленинском комитете. Против него голосовал почему-то Шостакович, а также Прокофьев, Серов, Соболев и др. Но в компенсацию ему дали квартиру в 100 метров в Москве над магазином «Грузия».

Вчера рано утром в Ташкенте было сильное землетрясение. Есть жертвы, много разрушений. Туда вылетели Косыгин и Брежнев. В отличие от прежних стихийных бедствий такого масштаба, из этого не делают секрета: в газетах заметки и фото.

Москва

28 мая 1966

Днем и вечером у Н.Я. Потом приходят Коля Панченко с Варей, ее подруга биолог Оля, какая-то филологичка Марта, американец

Кларенс, занимающийся в университете, славист, переводчик Мандельштама. Обычная болтовня.

Характерное: испуг Н.Я., когда он запоздал... Рассказ Панченко о вызове Жигулина в ЦК по поводу подписанного им письма (того, что говорит о «поруках»). Начало разговора: «Ты что, Толя, еврей, что ли?..» Ему объясняют, что письмо организовали евреи. Предлагают написать заявление, что он снимает свою подпись, и тогда «зеленая улица» книгам, пошлют за границу и пр. – если же нет, то «печняй на себя». Панченко прорабатывали в парткоме ССП. Щипачев с матом выгнал Сусанну Бабеньшеву*, пришедшую за его подписью, и это ставят ему в заслугу.

В «Новом мире» с №5 пойдет, наконец, роман Бека. История, как он спас жену в 37-м году. Она должна была пойти на партийное собрание, где ее собирались исключать. Он советует не ходить. Она ни в какую: партийное собрание, как же я могу?.. «Скажешь, что больна». – «Нет, не могу...» Тогда он берет с плиты кипевший компот и выливает ей на ноги. Ноги обварены, ее везут в больницу, и она спасена.

Бумаги Анны Андреевны будто бы захватили ее соседи, а Лев Гумилев пассивен и равнодушен. <...>

Все единодушно говорят, что наиболее сталинистски настроены в руководстве не самые старые а, наоборот, – «молодые» вожди. Это любопытно. <...>

Даниэль работает грузчиком, а Синявский в тарной мастерской – делает ящики. Его взяли под свою опеку сектанты. Посылки сейчас разрешают гораздо реже, чем в мое время.

14 мая 1966

Китайские газеты вдруг начали поносить Шолохова за то, что он принял Нобелевскую премию, чем «уравнял себя с белогвардейцем Буниным и клеветником Пастернаком». Все смешалось в доме Облонских.

16 мая 1966

Смотрел свои дневники 29–30 гг. Любопытно, что помню я все несколько иначе, чем тогда записывал: какие-то факты сместились, что-то сгруппировалось, что-то забылось. Пожалуй, произошло то, что все, получившее дальнейшее развитие в биографии, вспоминается как более крупное и яркое, хотя тогда оно шло наравне, а иногда и позади чего-то другого, что не получило развития. Наверно, это закономерно.

* Правильно – Сарру Бабеньшеву.

19 мая 1966

Оказалось, что Литинский был вместе с тем самым Вулем, с которым я сидел в 15-й камере на Лубянке, до этого на Воркуте, где тот досаждал начальству тем, что, как бывший работник ГУЛАГа, всё что-то усовершенствовал и требовал, будучи заключенным, и как они старались от него избавиться. Литинский подтверждает то, что рассказывал мне художник К.Ротов: его посадил Лебедев-Кумач, ревновавший к нему свою жену, которая была влюблена в Костю.

20 мая 1966

Вчера Сарнов рассказал о демонстрации баптистов у здания ЦК. Будто бы было человек 2000. Несмотря на уговоры, не ушли, требовали Брежнева. Вышел Семичастный и стал угрожать. Не расходятся. Их стали вталкивать в появившиеся служебные автобусы. Борьба, сопротивление. Иностранцы корреспонденты все это фотографируют. Они требовали легализации баптистского движения, разрешения на съезд, на создание школ и пр. Было это, кажется, 17-го или 18-го.

26 мая 1966

Почти два дня в Москве. 24-го с Э<ммой> поехали к Н.Я., пошли с ней на выставку «шестерки» – Вайсберга и его друзей; потом опять к Н.Я. – пришли Шаламов, американец Кларенс Браун, потом Браун ушел и появилась Майя Синявская, Голомшток и некая Вика Швейцер, работающая в ССП, приятельница Майи. <...>

Н.Я. вся в посетителях, в цветах, устает от бесконечных разговоров и не может без них жить. У нее последние американские издания Мандельштама, Ахматовой и Гумилева, с массой опечаток, но трогательно старательные.

Рассказы Н.Я. о том, как ее <т.е. Ахматовой. – С.Ш.> приемная дочь Ира и дочь Пунина захватили архив А.А., их дразги с Левоу Гумилевым и пр. Все это грустно и оскорбительно. История с завещанием. <...>

Майя принесла тетрадку дневников Синявского и почти два часа читала вслух. Они мне ужасно не понравились: в них все то, что я угадывал в этом человеке, болезненный эгоцентризм, эксгибиционизм, странная, недоверенная религиозность, мизантропия. Никто не выразил восторгов; корректно не согласилась с этим Н.Я., сказав нечто о том, что ее поколению это чуждо. Спросили меня. Я сказал тоже, что и моему поколению это чужое, и на том разошлись. Если бы не уважение к чужой беде, то я просто выругался бы. Когда они

ушли, мы с Н.Я. выговорились друг с другом об этом. Я рад, что на этот раз мы сошлись.

Куда интереснее письмо сестры Синявского к Майе – что-то чудовищное, набор газетных фраз без единого живого слова. Такое и в 37-м году не часто встречалось. Голомшток мне скорее понравился: похож на классического бундовца, еврей с длинной черной бородой. Он платит по 25% каждый месяц в виде «принудительных работ». Разумеется, договоры с ним все порвали. Он наказан судом за отказ от дачи показаний (отказался назвать, от кого получил книги Терца). Он искусствовед, написал вместе с С<инявским> несколько лет назад книжку о Пикассо.

6 июня 1966

В «Известиях» вчера большой и двусмысленный подвал о расколе среди баптистов. Опять нелепые обвинения в ритуальных убийствах. Это, видимо, своего рода ответ на демонстрацию баптистов у здания ЦК в середине мая.

13 июня 1966

Звоню к Петру Якиру (телефон мне дала Ц.И.Кин), с которым я познакомился в конце января 1951 года на Мостовицах, когда там собирали этап на Воркуту, и о котором много слышал с тех пор. Он зовет меня приехать. Еду на Автозаводскую. Полуслепая мать – вдова И.Якира. Он сам понравился: умный, живой, любопытный. Работает в Институте мировой истории. Говорили о лагерях и о деле его отца, и о 37-м годе, и о многом, связанном с этим. Человек, организовавший убийство Троцкого, пресловутый Этингтон <прав. Эйтингон. – С.Ш.> (Котов), приговоренный в 53 г. после ареста Берии к 10 годам, вышел и живет в Москве и работает главным редактором «Международной книги». Жив и Власик. Много еще интересного он знает. Надо осенью снова встретиться с ним.

7 июля 1966

Сегодня еду в Ленинград. <...>

Из рассказов, которые приходится слышать: когда в Москве при Сталине была партийно-правительственная делегация Югославии (до конфликта), то у него на даче была попойка. Все перепились. Пьяные Берия и Ранкович стояли на балконе. К ним сзади неслышно подошел Сталин, обнял их за плечи и спросил: – Ну, кто кого завербовал?... <...>

Якир, выслушав о моем разговоре с В.Э.М<ейерхольдом> о том, что тот мне говорил, что Тухачевский скоро будет наркомом

обороны, говорит, что этот слух был. Он возник после совещания о перевооружении Красной Армии, где Т<ухачевский> и другие критиковали Ворошилова. Тогда же Якиру предлагали должности нач. генштаба и командующего ВВС. Или тогда Сталин еще почему-то колебался, или это был его дьявольский ход, чтобы восстановить Ворошилова и его компанию против обреченных командиров.

9 июля 1966

В «Лит. газете» глупые стихи Евтушенко «Письмо к Джону Стейнбеку» насчет бомбежек Ханоя. Писатель Стейнбек несет за эти бомбежки такую же ответственность, как писатель Евтушенко за дело Синявского и Даниэля. Жалко, что этот талантливый человек встает на путь политического блядства а ля К.Симонов.

4 августа 1966

Утром, собираясь в город, обнаружил, что у ботинка с правой ноги почти оторвалась подметка. Две другие пары еще в худшем состоянии. Пришлось ехать в обувной магазин при «Богатыре» и купить дешевенькие ботинки на микропорке за 14 р. 80 к. Это сразу осложнило мое матерьяльное положение, но делать нечего...

Увидел в книжном магазине новую книгу М.Семановой «Чехов и советская литература». Перелистав, нашел главку о постановке «33 обмороков» и в ней несколько ссылок на мои работы о Мейерхольде. Буквально расхожусь по цитатам, а сам книгу так и не выпустил.

Вечером долго брожу в саду и обдумываю свои планы. Зелень еще чуть желтеет.

Е.Успенская, жена Л.Ошанина, оказывается, покончила жизнь самоубийством – выбросилась из окна. Она в последнее время сильно пила. Ошанин ее оставил.

19 августа 1966

Купив сегодняшнюю «Литературную Россию», с удивлением увидел в ней 2 статьи О.Мандельштама «Армия поэтов», которые я передал им (и еще кое-что) более года назад. Мое предисловие не напечатано, а вместо него дурацкая редакционная преамбула. А в конце сказано: «Статьи О.Мандельштама обнаружены в старых номерах “Огонька” и предложены еженедельнику “Литературная Россия” Александром Гладковым». <...>

Послал письмо Н.Я.

27 августа 1966

У Храбровицкого. <...> Он мне рассказал, что повесть Л.К.Чуковской «Софья Петровна» напечатана в последнем номере нью-йоркского «Нового журнала» с предисловием от редакции, что это сделано без согласия автора. По городу ходит ее открытое письмо Шолохову по поводу его речи на съезде. Будто бы она вовсе не испугана тем, что повесть опубликована за границей, а наоборот, горда. Но, м.б., она просто так держалась перед Храбровицким.

29 августа 1966

Письма от Н.Я.М. и Козинцева. Последний, в изысканно вежливой форме, отклоняет мое предложение («так как я уже занялся другой работой»)*. <...> Я, впрочем, этого и ждал. Н.Я. удивляется: почему я огорчаюсь из-за глупой «врезки» в «Лит. России», и пишет, что «это факт не нашей, а ихней биографии». Интересуется возможностью получения гонорара. (Я сразу написал в «Лит. Россию», где я лично не знаю никого.) Еще пишет со свойственной ей краткостью: «Пишите об Осе. Напечатаете в Тарту». Она вернется в Москву из Вереи завтра.

1 сентября 1966

У Надежды Яковлевны. Она не то больная, не то усталая и даже раздраженная. Резко бранит Оттеню и особенно Е.М. (за нечистоплотность в денежных делах, за сплетни и пр.). У Люб. Мих. Эренбург снова инфаркт. «Советский писатель» заключил, действительно, договор с Л.Я.Гинзбург на предисловие к Мандельштаму. «Разговор о Данте» выходит в «Искусстве», подготовленный к печати Морозовым и с предисловием Пинского. Там же собираются издать книгу статей Б.Л. <Пастернака>.

Говорим о разном: о Солженицыне, о Шаламове, о стихах Максимова, о Коле Иванове. Он знает более 70 языков, а сама Н.Я. более 20.

У Н.Я. снова народ и, видимо, лишний, от которого она устает. Некая Елена Алексеевна и какой-то Эдик.

На последние деньги я купил бутылку вина и конфеты. Это было кстати.

Стало теплее, но все-таки это уже осень.

Думаю о Н.Я. Дело в том, что в ее жизни образовалась пустота, или, как теперь принято говорить, вакуум. Рукописи О.Э. сбереже-

* Гладков предлагал Козинцеву вместо съемок «Короля Лира» взяться за работу о Байроне (он заканчивал тогда пьесу «Путь в Миссалонги», до сих пор не поставленную и не опубликованную).

ны, собраны, изданы за рубежом и готовятся к изданию у нас. Написана замечательная книга о поэте и его времени. Дело с изданиями тянется, и это не может наполнить жизнь. Остается читать и разговаривать, и немного подрабатывать к пенсии переводами. Но это все стало монотонным. Людей вокруг Н.Я. много, и они довольно интересны, но это все, что у нее есть. А.А. <Ахматова> умерла, брат болеет. Я советовал ей написать биографические комментарии к стихам. Кроме нее, никто этого не может сделать. Она еще зимой говорила мне, что начала это делать, но за лето дело не подвинулось. И, конечно, здоровье...

Человек она замечательный: умница, свежая голова, образована – за всю жизнь я встречал наперечет равных ей.

Нам с Эммой она была очень рада.

3 сентября 1966

Просмотрел записи Тарасенковым разговоров с Пастернаком. Они доведены до 40-го года и беглы, а, кроме того, Тарасенков всячески стремится показать, как он, Тарасенков, был все время прав и как Б.Л. политически заблуждался. И, несмотря на все старания Тарасенкова, – Б.Л. выглядит прекрасно, а он, Тарасенков – отвратительно. Критерии-то изменились. М.б., Тарасенков делал эти записи, подобно многим странным местам в дневнике Афиногенова, для «алиби», т. е. на случай ареста Б.Л., или как шпаргалку для себя, если придется обличать Б.Л. Но все же записи есть интересные. Это страниц 30 на машинке или больше – листа полтора-два. Леве их дал Закс, получивший от Белкиной, жены Тарасенкова. <...> Среди записанного Тарасенковым есть поразительное высказывание о Вс. Иванове – дружески-резкое – сравнение с поводом рема медведя, и странное (впрочем, характерное) высказывание о «трагизме» как необходимом элементе жизни и, в связи с этим, об аресте Мейерхольда. И о Цветаевой также, и о том, как ее приезд был окружен тайной, и почему ее пустили: «и веревочка пригодится»... И об Асееве горько и пронизательно. Среди записанного Тарасенковым есть психологически загадочное: зачем, например, он заносит о выступлении Усиевич на каком-то партийном писательском собрании, где она обвиняла Тарасенкова в том, что он бежит к Ставскому с «доносами» на Пастернака, и о том, как Пастернак перестал подавать Тарасенкову руку в 37-м году. Это можно понять только, если учесть «возможное» прикладное использование записей, о котором я говорил выше, т.е. – если Пастернака арестуют, то вот какие у Тарасенкова были с ним отношения...

7 сентября 1966

С утра в городе. Три часа у Шаламова. Разговор о многом. В нем есть односторонность и своего рода фанатизм, но человек он крупно талантливый и интересный. Кто-то говорил, что память это свойство таланта: у него удивительная память. Взял у него читать еще кучу рассказов и переписку с Пастернаком.

8 сентября 1966

Полночи читал рассказы Шаламова (некоторые уже вторично). Есть вещи отличные, есть небрежно-беглые. Он пишет их в школьных тетрадях в линейку с одной стороны листа (на другой вносит поправки). Сходимся в том, что профессиональная школа перечеркивания и помарок, возведенная в абсолют Федиными и даже Флорбером и Толстым, в большинстве случаев обескровливает рукопись (как это было с Бабелем). Писатель должен неустанно работать над собой, а писать быстро, легко и почти импровизационно. Это высказываю я, а Ш. сказал, что это и его мысли и техника работы. Он получает 790 рублей пенсии «за стаж» и изредка (но очень редко) какой-нибудь гонорар, и этим удовлетворен. Жалуеться только, что не хватает денег на машинистку. Написано уже около полутора ста рассказов о Кольме – это целая энциклопедия жизни, быта, истории этого самого огромного советского лагеря. У него цепкая память и интерес ко многому, что выходит из границ темы. Говорим с ним и о «Синей блузе», и он верно указывает о незамеченном исследователями Брехта ее влиянии на драматурга. Рассказы о молодежи вокруг Лефа в конце двадцатых годов: он ходил туда. Лихая, анекдотная, циническая атмосфера салона Бриков и его стиль, оттолкнувший его С.Третьяков и его взгляды. Он отрицательно относится к «Ивану Денисовичу», хотя признает «полезность»: считает это «неполной правдой» и вообще не жалуется Солженицына.

17 сентября 1966

Вчера рассказал Над. Як-не нечто из того, что я собираюсь писать о Мандельштаме. Ей все очень понравилось, и особенно усмотренная мною закономерность его биографии, и то, что я говорю о «Четвертой прозе». <...>

У нее были физики: молодая ученая, дочка писательницы Грековой, и ее франтоватый и, видимо, ловкий муж – тип ультрасовременного ученого-пижона, стоящего, впрочем, во всем на уровне века и даже кокетничающего с религией, как это ныне модно.

Когда мы пришли, Над. Як. была утомлена и вяла и вообще плоха, потом, после горячего крепкого чаю, повеселела. В Самар-

канде только что прошел пленум языковедов, посвященный памяти Поливанова. Рассказ, как физик-муж спасал Есенина-Вольпина, который работает у него. Впрочем, кажется, он не физик, а математик, а физик – она. Вика Швейцер будет писать книгу о Марине Цветаевой. Н.Я. рассказывает, что М.Ц. была и лесбиянкой. «По широте натуры» – в начале 20-х годов, и жила с Тих. Чурилиным (после романа с Мандельштамом). Синявский прислал «отчаянное письмо», что ему трудно, что он не может заработать на хлеб, что его «доконают».

Просмотрел гору шаламовских стихов: несколько «Кольмских тетрадей». Это очень слабее его прозы. Во-первых, все приблизительно-условно-поэтично, очень иносказательно и часто не свежо. Есть, конечно, и сильные стихи – он большой талант, но уж очень все лирично и нежно. Т.е. прямо противоположно его прозе.

Н.Я. заплатила «Литер. Россия» 37 рублей за публикацию статей О.Э. «Армия поэтов» под влиянием моего письма редактору.

21 сентября 1966

Два неожиданных письма: из редакции «Юности» и от П.И.Лавута (видимо, того самого «тихого еврея Лавута», друга Маяковского). Он просит позвонить ему, ибо хочет поделиться со мной какими-то матерьялами.

28 сентября 1966

Сегодня поехал в город: был у П.И.Лавута. Оказывается, он узнал, что в моих воспоминаниях о Б.Л.<Пастернаке> что-то говорится о «доме Бриков» и Маяковском, и он взволновался, так как это и его давно занимает.

И еще оказалось, что он совершенно согласен и с тем, что говорил мне об этом Б.Л. и Г.О.Винокур. И посыпались рассказы об отношениях Л.Ю.Брик и Маяковского, о предыстории смерти, о романах М.<аяковского>, об отношениях с Татьяной Яковлевой и о многом другом. Он старчески говорлив, но рассказывает много интересного. Л.Брик 77 лет, но она из кокетства утверждает, что 75. Вся ее жизнь – это борьба за владение Маяковским, вплоть до подсовывания ему девочек, для нее безопасных (как и В.Полонская). В.Полонская – копия Т.Яковлевой. Лавут читал письма Яковлевой к матери, живущей в СССР, где она пишет о романе с М. В 1922 М. написал Л.Ю. очень резкое письмо, где называет ее сволочью. Это письмо читали некоторые (Перцов, в том числе), но никто не догадался скопировать. То, что М. внес пай на кооперативную квартиру – попытка разъехаться с Бриками, которые, при его привязчивости, его

все же тяготили. М. не жил с Л.Брик с 22 года. С Полонской он тоже не жил. Если бы жил, было бы иначе. В последнюю поездку во Францию он ездил в Ниццу, куда мать его дочери привозила показать ему ребенка*. Главное в мотивах Л.Брик – слава М. и деньги. Он в 20-х годах давал больше ей, чем матери и сестрам. Она сама говорила, что у нее было 8 мужей. Как она просила Пудовкина уговорить Примакова жениться на ней. Она ведет неустанную борьбу за то, чтобы препарировать биографию М. так, чтобы вышло, что она была его единственной любовью. Как он читал Агранову стихи «Письмо к Кострову» и «Г.Яковлевой» и советовался, где печатать, и она наложила вето на второе стихотворение. Жену Агранова звали Валей, она была очень красива. Как недавно позвали вдову Горожанина Берту Яковлевну на торжественное собрание в КГБ, где отмечалась память ее мужа. В числе безвинно погибших Агранов там не был назван. И еще многое другое.

Лавут сейчас подготавливает новое издание своей книги, которое будет увеличено на 3 листа**.

О травме Славинского, показавшего М. вырванный портрет***. Надо бы встретиться с ним и выгащить из него еще многое, о чем он сам написать не сумеет. Стихи он читает хорошо, видимо, запомнив манеру В.В.<Маяковского>.

28 октября 1966

Еду к Н.Я. Она беспокоилась обо мне и послала утром Эмме тревожное письмо. Встречает меня радостно, гладит по голове. Говорим о Розанове и Вяч. Иванове. В восторге от первого и в ужасе от второго после перечитывания.

30 октября 1966

По словам Н.Я. – она узнала, что копия писем к ней О.Э. как-то доставили в США. В письмах нет ничего нецензурного, но очень много личного, интимного (я их читал). Она испугалась, что напечатывают, и с какой-то оказией обратилась к Г.Струве с просьбой не делать этого. Он ответил ей, что он не напечатает письма только если вообще не будет печатать больше Мандельштама. Это похоже

* Речь идет об американке Элли Джонс и ее дочери от Маяковского.

** См.: Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. Воспоминания. Изд.2, дополненное. М.: Советская Россия, 1969.

*** Из отпечатанного тиража журнала «Печать и революция» (1930. №2), по распоряжению зав. Госиздатом А.Б.Халатова, был вырезан портрет Маяковского к статье о его 20-летнем творческом юбилее.

на отказ. Сурков прислал ей приглашение какого-то американского университета приехать в США, но неясно ни его отношение, ни финансовая сторона. Послали новый запрос.

Дала мне копии статей О.Э. для «Прометей»*.

Рассказ о споре Оттена с Викой Швейцер. Он «левее здравого смысла», все – соглашатели; она: «Если вы таких крайних взглядов, зачем вы пишете сценарий об Октябре?..» Он смутился: «Дело не в теме, а в подтексте...» Н.Я. с презрением говорит, что он хочет быть именованным и на Антона, и на Онуфрия.

У нее острый, свежий ум, хотя ей завтра 66 лет. Удивительная женщина.

2 ноября 1966

Прошлой ночью прочитал «Раковый корпус» Солженицына. Это куда хуже того, что я ждал после преувеличенных восторгов многих, и в том числе Саши Борщаговского. Во-первых – плохо написано, безвкусно литературно, иногда на уровне Коптяевой и Кочетова. Во-вторых – многое поверхностно, мелко-тенденциозно, например, вся линия Русанова и его семьи. Лучше прочего: женщина-врач, молодой человек, ссыльный и еще в конце рассказ о муже и жене поселенцах, довольных своей судьбой. Все, что касается любви и женщин – очень плохо. В целом – ниже надежд, возлагавшихся на автора.

Ленинград

7 ноября 1966

Пишу это в Ленинграде. Приехал вчера. <...> Вечером у Берковских. У них умерла недавно их кошка Вика, и он говорит, что без нее ему хуже пишется. «Она почти мой соавтор и, во всяком случае, редактор». Его обычные парадоксы. Хвалит мой этюд о Мейерхольде из «Москвы театральной». Говорит о мемурабельности одних людей и отсутствии этого у других. Легко писать Чехова, все пишут хорошо о нем, и почему-то трудно Толстого. Он это объясняет тем – есть ли у человека свой стиль в жизни. Ему почти понравился фильм «Война и мир» (как и нам с Эммой), в противоречии с большинством. Он сейчас делает книгу своих театральных статей, многое переписывая заново. Об атмосфере в институте им. Герцена: как исключали девушку за то, что она полузаметно перекрестилась перед

* Альманах издательства «Молодая гвардия».

экзаменом. Настроения профессуры: «“Новый мир” – контрреволюционный журнал».

9 ноября 1966

Живу неудобно и суетливо, но ничего не поделаешь.

Пишу это утром, перед тем, как ехать на «Ленфильм», куда вчера я не попал. <...> Вчера днем у Дара и Пановой. Обедаю у них. В.Ф. на этот раз гостеприимна. Д.Я. как всегда мил. Его рассказы о Гинзбург-Аксеновой и Г.Серебряковой. По словам Серебряковой, Крупскую отравили. Рассказы о Жемчужиной. Она <Серебрякова> неумна, памятьлива, обуреваема всяческими, в том числе бабскими, страстями. Дочери ее не признают, муж моложе на 20 лет, шизофреник, военный, который уже пытался ее убить. У нее все случайно, и она понимает, что по дурусти, случайно, поставила себя в ложное и фальшивое положение: ее избегают и не здороваются из-за ее номеров с Дудинцевым, Солженицыным и Эренбургом. Богатство, пруд с зеркальными карпами на даче в Переделкине и полная психологическая неприкаянность. Гинзбург-Аксенова в трудных отношениях с сыном: он под влиянием жены, которая не захотела прописать ее на их площади. Как он не мог собраться несколько месяцев прочесть ее рукопись. Почти не общаются. Как она хлопотала о прописке в ЦК и разговаривала с Черноуцаном. «Я ваш читатель и поклонник». Она спрашивает: стоит ли ей продолжать? «Какие же могут быть сомнения? Конечно! Обязательно!..» Ее прописали.

Вечером у Л.Я.Гинзбург, которая в разгаре работы над предисловием к Мандельштаму. Часа 4 разговариваем о Мандельштаме и злобах дня.

13 ноября 1966

Все вокруг сложно и противоречиво, м.б. потому, что мы призывали к самодержавию и единой, хотя и злой, воле, а теперь факты жизни управляются конгломератом разных волей и тенденций. Запрещение «Военных дневников» К.Симонова и выход дополненного третьего тома мемуаров Эренбурга, травля Твардовского как редактора «Нового мира» и разговор Черноуцана с Аксеновой-Гинзбург – раньше так не бывало. Шла одна полоса, черная, потом шла серая, и все окрашивалось в одно. А сейчас политическая чересполосица.

9 декабря 1966

Все говорим с Д.Я.<Даром> о статье Солоухина <«Письма из Русского музея»>. Дело не в ее искусствоведческом оснащении, которое наивно, а в том, что за ней видимо стоит уже несколько лет

зреющая в умах программа националистического толка. Это так называемые «русситы», с одной стороны, Солженицын – с другой. По инерции, партруководство, видимо, не считало их опасными (кроме Солженицына) и ждало неприятностей только от «западников», но, кажется, перспектив больше у них и, вероятно, вскоре они все определятся и сговорятся. Пока еще идет то время, как в прошлом веке, когда Белинский еще дружил с Катковым, а Герцен с Хомяковым. Но впереди – размежевание. Лидеры здесь найдутся. М.б., тот же Солоухин. С «номенклатурой» их объединяет только инстинктивный антисемитизм, но, м.б., они от него и откажутся: он все же морально слишком скомпрометирован. Плохо, что Илья Григорьевич стар и что у него была слишком запутанная жизнь, а то он мог бы быть лидером «западников», которые тоже, вероятно, начнут «кристаллизироваться» на другом полюсе. <...> С его же <Д.Я. Дара> слов о разговоре Солженицына с Аксеновой-Гинзбург. Он спросил ее, какие у нее планы и сколько она собирается еще написать в своей жизни. Она удивилась и сказала: – Не знаю... – Нет, так нельзя, – сказал серьезно Солженицын, – надо знать! Вы обязаны это знать... Сколько вы можете писать листов в месяц? Давайте не будем увлекаться и составим вам план лет на 5-6. У меня такой план давно есть... Иначе жить мы все не имеем права.

21 декабря 1966

Рассказ В.Ф.<Пановой> о ее разговоре с Драбкиной по поводу прочтенной рукописи «Зимний перевал». – Вот вы пишете, – говорит В.Ф., – что главное в завещании Ленина было – это беречь единство партии. Но ведь как раз это Коба выполнил, – другой вопрос, какой ценой. Стало быть, по-вашему, исторический баланс в пользу Кобы? Драбкина покраснела.

– Это удар под дых, В<ера> Ф<едоровна>, – сказала она. – Это то, о чем я мучительно думаю ночами.

– Стоило ли платить такую цену?

– Да. Но и не только об этом...

У Драбкиной нет мужества мысли и привязанность к общим местам фразеологии. Всегда ли был Ленин за «единство»? Он не был за него, когда боролся с меньшевиками. Так что тезис об единстве нужно читать исторически и диалектически. А Сталин прочитал его догматически. История еще поставит вопрос о том, было ли бы гибельным для государства, если бы партия разделилась на две. Двухпартийная система с легальной оппозицией, может быть, сделала бы государство прочнее, и уж во всяком случае не допустила бы той идеологической инфляции, которая господствует сейчас.

Муж Драбкиной тоже бывший «каторжник». Он трогательно бережно к ней относится. Он был в тридцатые годы редактором «Луганской правды» и взят в 37-м прямо в редакторском кабинете. Старый человек с лицом филина. <...>

Дар говорит, что он себе за всю жизнь не может простить только одного – того, что он не вышел из ССП после исключения Пастернака.

Фридлиндер и Л.Я.<Гинзбург> рассказывают отвратительные подробности разбазаривания литературного наследия Ахматовой. Юридический наследник Л.Н.Гумилев отнесся к этому сначала спустя рукава, и бумаги захватила жившая с А.А. дочь Н.Пунина, и часть их спрятала, а часть начала раздавать и продавать. Когда Лев Гумилев спохватился, многое уже исчезло. Он сам отказался от материальной части наследства, а переданные ему бумаги передал в дар Пушкинскому Дому, где хранителем архива будет Н.Измайлов. Но все же что-то уже пропало и, м.б., важное. Из Москвы приезжала комиссия во главе с А.Сурковым наводить в этом деле порядок и проводила целое следствие, но не все уже можно выяснить, и нет закона, по которому И.Пунину можно привлечь к ответственности. Грязное дело, и не без Достоевщины, ибо, как уверяет Л.Я., <Пунина> тайно ненавидела А.А. и тут, кроме житейских расчетов, есть и какой-то психологический счет давнего происхождения.

1968

Ленинград

5 января 1968

Сегодня в «Комс. правде» в довольно дельной статье об алкоголизме говорится, что число заболеваний алкоголизмом у нас в последнее время увеличилось, хотя тут же находится наивное объяснение, что, м.б., увеличилось это по статистике, а не реально, «в связи с улучшением учета». Но один знакомый большой милицкий чин рассказывал Стржельчику, что каждый вечер из подъездов на Невском вытаскивают до нескольких десятков находящихся в бессознательном состоянии юных наркоманов: это новое явление, ранее свойственное только западным странам. Говорится о разных причинах, но только не о главной, т.е. о борьбе с идейностью, инициативой, самостоятельностью у молодежи, а отсутствие всего этого лишает жизнь запаха и цвета, лишает ее активной радости. Конечно, «идейность», понимаемая как начетничество и зубрежка бессмысленно повторяемых задов, никого увлечь не может.

Вышло новое 4-томное собрание Гиляровского огромным тиражом, и всё мгновенно расходуется. Думал ли старый репортер, что в России будущего его станут больше любить читатели, чем Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина и Белинского, собрания которых не распроданы? По современной ему табели о литературных рангах, он по отношению к ним был как лейтенант – к генералам армии. Это кажется парадоксальным, но есть в этом некая таинственная высшая справедливость: его очерки полны жизни, бодры, сочно изображают быт, историчны, занимательны и лишены назойливой наставительности.

15 февраля 1968

Вчера Майя Данини еще рассказывала о каком-то скандальном вечере в Союзе писателей, где читал Бродский и еще какие-то молодые поэты, а потом всех устроителей вызвали в райком и прорабатывали, и всех предал Гор, который почему-то испугался и начал бичевать молодежь.

Разбор дела о литературном наследстве Ахматовой перенесли по каким-то юридическим причинам. Визы на книгу Мандельштама уже все получены, в последний момент вставили еще три стихотворения. <...>

По словам Гордина, Бродский время от времени получает какие-то деньги из-за границы, хотя и немного. Рассказ о его любовных историях. И он, и Кушнер хвалят Наймана. Он написал интересные воспоминания об Ахматовой. Но Л.Я.<Гинзбург> справедливо опасается, что ее личность будет в них стилизована. Да и Павловский и Добин уже изображают ее почти как «бабушку русской революции».

Еще рассказ Данини, как Юрский струсил и не явился на вечер Бродского и прятался от телефонных звонков.

Москва

26 февраля 1968

...еду в ЦДЛ обедать. Обедаю с Исаем Кузнецовым, потом подсаживаются Д.С.<а>мойлов и Грибанов. Кузнецов уходит, и мы втроем долго сидим. Они пьют коньяк, а я пиво, и говорим обо всем и, конечно, о том, о чем все сейчас говорят. Грибанов – главный редактор «Всемирной библиотеки». Его планы и трудности. <...>

Д.Самойлов считает, что сейчас общественное мнение растекается по пяти руслам: «русситься», т. е. националисты типа Солоухина,

либералы всех оттенков, «сталинисты», вроде Ф.Чуева, нигилисты «крайние» – молодежь, вроде Гинзбурга и Галанскова, и добропорядочные ортодоксы. Это, разумеется, все условно, но доля истины в этом есть.

Рассказ Самойлова о том, как недавно к нему пришел в Ленинграде в номер И.Бродский и читал стихи, которые ему не понравились. Они были: «Понимаете? – совершенно неконтактны. Стихи для себя, а не для читателя, не для меня и не для кого. Он посылал меня, как читателя, на хуй. И это, в свою очередь, давало мне право послать его на хуй. Так я ему и сказал...»

Я спросил Дезика, какие это были стихи, я недавно прочитал кучу стихов Бродского, но он не запомнил даже и только сказал: «Какие-то длинные...»

Может быть, он был пьян. Он много пьет. И сегодня, в разговоре со мной, они с Грибановым выпили бутылку коньяка и еще брали дважды добавок.

Молва гласит, что он был любовником (и, во всяком случае, – другом) Светланы Сталиной. Я ничего его не спрашиваю, но разговор касается передач американцев про смерть Якова, и он говорит, что Светлана считала, что американцы выдали его нашим в 45-м году, и папа с ним расправился... Грех с его души, капля из океана...

Разговор о том, как меняется состав посетителей ЦДЛ. Кончилась эпоха Светлова.

6 марта 1968

Вчера в ЦДЛ встретил Юру Домбровского с молодой женой, которую он вывез из Алма-Аты. Ему скоро будет 60 лет. Она лет на тридцать моложе. Он закоренелый пьяница и богемец. Немалая смеетесь с его стороны так сейчас жениться. Интересно, чем это кончится? А она – ничего, косолазенькая и пухлая... А вообще это забавно: бывшие каторжники ездят на места, где они сидели, и привозят оттуда молодых жен... Он – высокий, худой, серый, весь в морщинах, похожих на боевые рубцы, осыпанный табачным пеплом и как бы пеплом времени, умный, начитанный. А Юра Трифонов уже моет бутылки и ходит по утрам за молоком, пока его молодая жена бродит по квартире в пижамах. Это удивительно, до чего человек тянется не к новому в своей жизни, а к повторению того, что было, как бы это ни было плохо. Наверно, она скоро будет им командовать, дело к этому явно идет, только это будет на ином уровне: там был сервис, моды; здесь – разговоры «на уровне». Вот он уже хвалит с ее слов «Три сестры» у Эфроса.

26 марта 1968

Три дня назад умер Илья Сельвинский. Сегодня в ЦДЛ гражданская панихида.

Я не был с ним знаком и, когда мог познакомиться, избегал этого. Последние годы то, что он делал, производило впечатление деградации и величавой глупости. Впрочем, не только «последнее»: таково почти все, им написанное, с начала тридцатых годов. А в середине двадцатых он многое обещал и блестяще начинал осуществлять. Его, как и многих, раздавил рапповский конформизм, а затем добил шок 37-го года. Он написал очень много, но девять десятых из этого ничего не стоит. Вчера Боря Слуцкий озабоченно-печально ходил по ЦДЛ, видимо, что-то организуя к сегодняшнему дню (некрологи, списки выступающих), он всегда питал пристрастие к Сельвинскому и пытался даже меня уговаривать пойти с ним к нему. Воспоминания Сельвинского о Мейерхольде тоже неумны и бестактны: он никогда не знал своего места – и тогда, когда надувался, как индюк (большей частью), и тогда, когда приниженно льстил и кадил духу времени. Из троицы имен, названных Багрицким («А в походной сумке спички и табак: Тихонов, Сельвинский, Пастернак»), как это показало время, только один был поэтом истинным. Два других умерли раньше, чем прекратилось их физическое существование. И конечно, праведник умер первым, а самый сомнительный – еще живет.

«Уляевщина», «Пушторг», «Командарм 2» и даже «Записки поэта» – останутся как своеобразный документ времени, плюс еще несколько стихотворений, но все остальное никому не нужно. Все стоящее Сельвинский написал в первые 5-6 лет поэтической работы, а потом писал еще почти сорок лет претенциозно, пусто и неинтересно.

Для меня навсегда останется памятным, что когда опальный и гибнущий Мандельштам попросил у него помощи, то он, по свидетельству Н.Я., дал ему... 3 рубля. <...>

Твардовский опять в долгом «штопоре». Говорят, в последнее время перерывы между запоями его делаются все короче, а сами запои длиннее.

30 марта 1968

Вечер. Л.Свобода избран президентом Чехословакии огромным большинством голосов при 6 воздержавшихся.

Обедал один в ЦДЛ. Ел рыбные блюда. Потом купил в буфете коробку конфет и поехал к Надежде Яковлевне. Она только что вернулась от Евгения Яковлевича, который снова тяжело болеет. Она

была усталая и сама полубольная. Сидел у нее до 8 часов, потом, увидя, что она хочет отдохнуть, ушел. В общем, нового у нее мало, бранит Харджиева, гадает: выйдет ли книга, читает, слушает радио. Она написала листов пять книги воспоминаний об Ахматовой, но, пока болен Е.Я., не может продолжать. Звала приехать почитать у нее. Говорим о Чехословакии. Немного спорим. Она теперь считает, что «большевизм это глубоко национальное явление» и он глубже в толще народа, чем ей казалось раньше. Это и так, и не так. Говорим о феодализме, о «цехах», которые стояли над личностью: этой «школы» не было в России. Н.Я. думает, что Ирина Пунина связана с одним могущественным учреждением, которое защищает ее в процессе с Львом Гумилевым.

14 апреля 1968

В последнем, только что вышедшем «Огоньке» напечатана интересная статья (или глава из книги) В.Воронцова и А.Колоскова «Любовь поэта» об отношениях Маяковского и Татьяны Яковлевой. Она правдива, на удивление богата матерьялом и имеет отчетливый «антибриковский» отпечаток. Сопоставляя изложенные в ней факты с тем, что я слышал от Пастернака и Винокура, вижу, что записанное мною в «Встречах с Пастернаком» – правда, только здесь не названо имя Агранова. Можно допустить, что авторы знакомы с моими воспоминаниями: ведь, по словам Лавута, рукопись их он читал в музее Маяковского. Да мало ли бродит по городу и других экземпляров? Если так, то это любопытно и еще раз подтверждает влияние ненапечатанных воспоминаний на изучающих Маяковского, Пастернака и других.

Но вообще странно, что такая статья вдруг появилась.

15 апреля 1968

В Москве много говорят о посещении Хрущевым спектакля «Большевики» в театре «Современник». Он беседовал с Шатровым и еще кем-то и пожелал им, если они будут и дальше ставить пьесы об истории партии, не изображать «злодеями» Каменева, Зиновьева и Бухарина. По его словам, это были прекрасные, идейные люди. Кто-то спросил его, почему же он об этом не заявил раньше, и будто бы он ответил, что не успел. Он был с дочерью, держался приветливо и здоровался с публикой. Это довольно смелый поступок в нынешнее время.

17 апреля 1968

ЦДЛ – жужжащий улей. Слухи, пересуды. Наверху идет секретарят, где обсуждается вопрос о «письмах». Внизу гадают о том,

что там происходит. Много толков вокруг статьи в «Огоньке» о Маяковском и Т.Яковлевой. <...>

В ресторане ЦДЛ ко мне подходит Кальма, приятельница и, как говорят, любовница Маяковского, и начинает говорить о статье в «Огоньке». Кто-то ей уже сказал, что в ней «гипотеза Александра Гладкова», и она спрашивает меня о том, что в моей рукописи об этом, бурно бранит Л.Ю.Брик, рассказывает, как их компания мешала выходу ее книги о Маяковском «Большие шаги» и, в том числе, как ее вызывали перед войной на Лубянку и, шантажируя заявлением Л.Ю.Брик, Катаняна и Харджиева о том, что она «украла» какие-то рукописи М., уговаривали сотрудничать. Но она сама передала в фонд музея М. имевшиеся у нее его записные книжки. Потом она встретила на лестнице в издательстве Катаняна и дала ему пощечину. Она говорит, что все в статье правда, неприятно только, что это в «Огоньке».

Противоположную позицию занимает Боря Слуцкий, который дружит с Брикшей. Он даже хочет что-то организовать против статьи. Один из авторов – работник ЦК, помощник Сулова, другой – приятель Л.В.Маяковской. Я спору с ним и высказываю догадку о том, что это – антиарагоновская акция сверху, в отместку за его позицию в деле Синявского. Макашин считает, что Л.Ю.Брик могла уничтожить рукописи М. и письма к нему Яковлевой, но он шокирован вынесением «на люди» интимных дел при жизни Л.Ю.Брик.

3 июня 1968

Олег Михайлов написал письмо с покаянием в подписывании письма о Гинзбурге, Галанкове и др. Он адресовал его Шауро в ЦК, но его передали в ССП, где оно было прочтено на правлении. <...>

Лева был на дне рождения у К.Г.<Паустовского> в переделкинском Доме творчества. Каверин подавлен тем, что американцы передали его письмо. Шкловский сказал, что в статье в «Огоньке» о Л.Брик «много правды». Он одряхлел и засыпает посреди разговора. К.Г. тоже плох. <...>

Н.Я.<Мандельштам> показала мне невероятный по идиотизму и холуйству рассказ Оттена в тарусской газетке «Октябрь» «Таня». Его вранье о разговоре с Ильиным. Вот брехун!

Она мучается язвой, собирается в Верею, бранит на все корки Сашу Морозова, уже, видимо, изгнанного из дома. Он тоже что-то наговорил лишнее о подписании писем, и его уволили из «Искусства».

Ленинград

27 июня 1968

В последнем «Огоньке» окончание статей Воронцова о Маяковском. Вульгарно, но есть в этом жуткая правда, и объяснять это все антисемитизмом – мелко и глупо.

3 июля 1968

Л.И.Борисов, встреченный на днях на Невском, рассказал, что при смерти Вера Инбер. У этой женщины была какая-то странная тайная жизнь. Средняя писательница, произведенная в мэтры. Племянница и любовница Троцкого, писавшая о нем проникновенные стихи и избежавшая каким-то (каким?) чудом опалы в те годы, когда за минимальную прикосновенность к Л.Т.<роцкому> сажали и казнили без раздумья. В ней есть что-то от Лили Брик: какая-то жуткая мимикрия. Я уже не говорю о том, что я сидел с человеком, который написал ей письмо по поводу ее блокадного дневника, с упреками в приукрашивании, и она это письмо передала в органы: ему предъявили его на следствии в 49 или 50-м гг.

12 июля 1968

В последней «Лит. газете» хвалят стихи Шаламова. Не может быть, чтобы Чаковский не знал, что рассказы о Колыме недавно печатал «Новый журнал», что они изданы в ФРГ по-немецки (а у нас не изданы), что Шаламов написал целую энциклопедию о Колыме в страшные ее годы, но, оказывается, это не имеет значения, и его можно прославлять. Он не подписывал никаких писем. Да. Но его личное письмо Шолохову стоит многого. Но скандала, связанного с его именем, не было. И о нем пишут. <...>

В 12 часов ночи («Голос Америки» в конце «Последних известий») сообщил, что прибывшие в США советский критик Аркадий Белинков и его жена попросили политического убежища. Неужели? Мне как-то не верится. Он больной, озлобленный человек, и все же?!

Представляю, как переполошилась литературная Москва! С кем он дружил? Не знаю. Знали его многие, и некоторые смотрели на него, как на оракула. Я за всю жизнь сказал с ним несколько слов, и последний раз встретился как-то случайно в ЦДЛ года полтора назад. Кто-то ему покровительствовал, жалел его, устраивал его дела. Каково будет им? Он, конечно, умнее Тарсиса и ему подобных. И очень зол. Половина его таланта – это злость.

Смутно припоминаю, что кто-то говорил, что Белинковы едут с туристской поездкой в Югославию. Но не уверен, что это относится

к этому лету: может быть, я это слышал и раньше. То ли Кацева это говорила, то ли еще кто-то. Но это неважно.

Для ССП это плохо. Наверху опять скажут, что с писателями все время беспокойство. А наш ССП – плох он или хорош – все-таки наш Союз.

Б.Н. прислал мне статью Эльзы Триоле – ответ на первую статью в «Огоньке» о Маяковском. Это женский вопль, где нет ни одного доказательства, даже голословного утверждения, что, мол, этого не было – тоже нет. Одно негодование и сомнительное заявление, что «исторической правды» нет и не может быть.

Статья была напечатана в «Леттр франсез», и он сам ее перевел.

13 июля 1968

Группе писателей, пытавшихся возражать против статей Колоскова в «Огоньке» о Маяковском, было в этом отказано, и на недавней сессии по Маяковскому в ИМЛИ было запрещено об этом говорить. Будто бы Колосков похваляется, что еще разоблачит Перцова.

15 июля 1968

...в 7 часов утра «Голос Америки» передал, что вчера в Москве умер писатель Константин Паустовский...

.....

12 часов дня. Наше радио не сообщает о смерти К.Г., и в сегодняшней «Правде» тоже ничего нет. Но наша информация неоперативна и может запоздать. Да и хозяева-то в Варшаве: надо с ними согласовывать, какими прилагательными сопровождать его имя в некрологах.

19 июля 1968

Сегодня пятница. Во вторник 16-го я в девять вечера улетел в Москву на похороны Константина Георгиевича и сегодня в полшестого утра вернулся в Ленинград.

20 июля 1968

Чувствую себя усталым и каким-то разломанным после этой стремительной поездки в Москву. Или – заболеваю? Или – реакция на все? <...>

В Москве, в «Вечерке» за 19 июня, нашел маленькое объявление в траурной рамке о смерти на 83-м году жизни Алексея Елисеевича Крученых. «Лит. газета» не нашла нужным это сообщить. Я читаю ежедневно 5-6, а иногда больше газет, нигде об этом не было. Трудно сказать, сколько процентов шарлатанства в его сочинениях –

может быть, 99%. Но к нему иногда недурно относились такие люди, как Маяковский и Пастернак. Я знал его хорошо, и до моего ареста он часто доставал мне редкие книги: стихи Цветаевой и пр. Драл он за них здорово, но я не торговался. Некоторое время я жил в одном доме с ним на улице Кирова во дворе б. Вхутемаса. Там почему-то жило тогда много бывших лефовцев – от Татлина до него. А физически он был всегда неприятен, словно грязен: потные руки. Он еще торговал автографами и выпрашивал их у всех чуть известных литераторов. И у меня тоже. Это «для тела». А «для души» – он читал детективные, исторические-бульварные и всякие приключенческие романы. Пока я жил в Москве с телефоном, он мне частенько звонил с разными книжно-спекулянтскими предложениями. Мир его праху! Это была по-своему яркая и занятная фигура.

22 июля 1968

В «Огоньке» воспоминания Р.Симонова о том, как ставили вахтанговцы «Человека с ружьем». Ставил он. Он скромно прибавляет: «я был тоже на сцене среди исполнителей». Но хитрый армянин на случай не говорит, что он играл Сталина.

30 июля 1968

Работаю, но мысли неотступно в селе Черна <г. Чиерна-над-Тиссой. – С.Ш.>, где идет встреча чешских и наших руководителей. В 2 часа дня Бибиси предало, что в чешском кратком сообщении ничего не говорится о «дружеской атмосфере» – фраза, обязательная в подобных случаях. Чехи обещали подробно информировать свой народ о переговорах. Нам на это, как водится, рассчитывать не приходится. Но наверно узнаем все от чехов, если у них останется возможность что-либо сообщить.

Английские комментаторы допускают все возможности, но как не хочется верить в худшее.

Может быть, этот день – переломный в истории послевоенной эпохи, как день разрыва с Югославией, как день смерти Сталина, как XX съезд, дни свержения Хрущева и убийства Кеннеди. <...>

Вечером сообщение ТАСС о переговорах, лаконичное, но есть фраза об «откровенной и товарищеской атмосфере». Все же не «дружеской». Но и это хлеб. А маневры вокруг Чехословакии набирают силу.

Бибиси передает о Герцене (к выходу нового перевода «Былого и дум»). Сначала похвалы какого-то профессора, автора предисловия, а потом идиотская статья из какой-то газеты известной писательницы Ребекки Уэст, говорящая о нем высокомерно, близоруко,

неумно. Она утверждает, что он прежде всего «плохо писал». Это Герцен-то? И он «не принадлежит к великим русским писателям!» О-ох!

Странно не то, что такое написано (кретинов хватает), а то, что русская редакция Бибиси это передает.

2 августа 1968

Разговоры о том, что Белинкову предложили место в Гарвардском университете за 1200 долларов в месяц. Его родители – старые евреи – в ужасе и даже боятся поехать на его квартиру, от которой у них клочки.

5 августа 1968

Сейчас это все кажется дурным сном: зловещие статьи, митинги на заводах с резолюциями, похожими одна на другую, как две капли воды, маневры и все прочее. Был приведен в действие огромный механизм запугивания и демагогии.

Казалось, что вот-вот произойдет непоправимое. Подступала тошнота от стыда. На сердце лежала тяжесть.

И вдруг все переменялось.

Пока нам еще не известно, что случилось там, за кулисами совещания на словацкой станции, но ясно, что дело не только в упорстве и выдержке Дубчека и его коллег. Что-то произошло. Но что? Раскол среди наших? Возможно. Какая-то акция французов, итальянцев, англичан, югославы и румын? Тоже весьма вероятно. И то, и другое, и третье (нам неизвестное)? Да, скорее всего. Так или иначе – шантажный номер (если называть вещи своими именами) не прошел, и все эти марионетки: Ульбрихт, Гомулка, Живков должны были приехать и расписаться в том, что они дерьмо. <...> Теперь весь мир гадает – как это отразится на нашей внутренней политике. По-терпевшие на глазах всего мира такое конфузное фиаско, они могут попытаться взять реванш во внутренней политике. И, тем не менее, если будет существовать независимая и демократически-эволюционирующая Чехословакия, в конце концов, это не может не оказать влияния решительно на все, хотя и не сразу.

<...>

6 августа 1968

В «Знамени» в воспоминаниях о Халхин-Голе К.Симонов пробует искусно реабилитировать литературного палача 37-го года В.Ставского: мол, сложная натура, то да се. Задача ясна – это попытка реабилитировать себя. Но хитрость эта слишком прозрачна. Все вер-

тится, Кирилл Михайлович*, все крутится. И кто мог предвидеть в конце тридцатых, что из этого доброго малого образуется такой политикан и деляга?

Разговор с Лазаревым. У него кто-то из родственников работает в нашем посольстве в Праге, и вся эта история его очень волновала. Он думает, что чехи обещали не устанавливать дипломатических отношений с ФРГ и Израилем: это их «уступка». Вот из каких мнимостей состоит политика: нашим это показалось ценным.

13 августа 1968

Заходит Саша Каменский. Он читает в «Байкале» статьи Белинкова и говорит, что начал с интересом, а кончал с раздражением против Б., против его односторонности, небрежения к фактам. Говорим, что для нас невозможна эмиграция. <...>

Каменский думает, что если даже Белинков начнет сдержанно, то все равно темперамент его увлечет потом далеко. Каменский перестал встречаться с К.Рудницким: за покаяния... Ильин в МО ССП отказался дать ему <Белинкову> «добро» на поездку, и формально МО чиста в этом деле. Прошляпили органы. Характеристику он получил в группкоме писателей. <...>

Интересны вчерашние рассуждения о мотивах Бори Слуцкого (в выступлении против Пастернака). Самойлов: он считал, что спасает поэзию, т.е. себя и Мартынова (тот тоже выступал). Юра: «Боре позвонил С.С.Смирнов, и тот, любящий представлять, был польщен». Но оба исключают мотив страха (испуга), а я думаю, что он был силен, плюс еще рецидив Бориной «государственности», «солдатского долга».

16 августа 1968

Две ночи не ночевал в Загорянке. Ночь на четверг 15-го – у Юры Трифонова на Красной Пахре, а вчера неожиданно – в пустой квартире на улице Грицевец (впервые почти за семь лет). <...>

У Юры великолепный дом, но необжито и неуютно. Сада нет – просто кусок леса. <...>

Хороший день. Жарко. Много гуляем и порядочно придумываем для сценария.

Так идет до вечера, а вечером происходит неожиданное... Без четверти шесть Юра включает транзистор, и по Бибиси мы слышим,

* Кирилл – настоящее, «паспортное» имя К.М.Симонова, но поскольку он картавил и не выговаривал ни «р», ни «л», он стал именоваться Константином. Работающий в области кинематографии его сын Алексей носит отчество «Кириллович».

что во Франции «советский писатель Михаил Демин попросил политического убежища». Это Юрин двоюродный брат Гоша Трифонов (сын Бражнева-Трифонова, с которым я встречался в 1932 году в связи с сочинением пьесы «Бакунин»: он был директором Историко-революционного театра. Это брат Юриного отца, родной дядя, а М. Демин – псевдоним – его двоюродный брат.)

Юра, конечно, потрясен. Дело в том, что он давал устную рекомендацию Демину при его первой поездке во Францию (к родственникам) в парткоме ССП. Кстати, он вчера выражал беспокойство: не случилось ли что с «Гошкой» – тот должен был вернуться 15-го, но почему-то ничего не написал жене Майе. «Демин» – малоинтеллигентный человек, маленький, рано польсевший, бывший «вор в законе», сидевший в лагере за уголовщину, очень посредственный поэт и прозаик, печатавшийся в «Октябре», «Нашем современнике» (в последнем №8-м там его повесть) и не замеченный в интересе к политике. Он вечно торчал в буфете ЦДЛ и пил с кем-то там. Я с ним кланялся, но наши разговоры ограничивались тем, что он передавал мне, что меня искал Юра, или я его спрашивал: не был ли Юра?.. Рядом с умным, талантливым, интеллигентным Юрой он производил жалкое впечатление, но что-то писал, печатался, получал квартиру и пр.

Услышали мы это на балконе, вернувшись после послеобеденной прогулки. Собирались вместе возвращаться в Москву утром 17-го, но после этого «сюрприза» сценарий не лезет Юре в голову, разумеется, и он с каждой минутой все мрачнее. Решаем ехать сразу в город. Он хочет посоветоваться с «докой»левой Гинзбург, идти ли ему первому в партком, или ждать, пока его вызовут. Я даю совет – не суетиться и никаких шагов не предпринимать. Юра не несет ответственности за этого мерзавца, удравшего на горе матери и жены. Но, конечно, это чертовски неприятно: теперь Юру могут не пускать за границу и пр. В прежние времена могло бы быть и хуже, но теперь все же иные нравы...

Выходим на шоссе искать машину и встречаем только что приехавшего из Москвы Гришу Бакланова. Юра не сразу сам начинает рассказывать ему о Демине, но, оказывается, что тот уже все знает. Ему еще в три часа сказали в «Знамени» об этом (после двухчасовой передачи Библиси), а потом он слышал разговоры в Иностранной комиссии: все точно. Гриша выражает сочувствие и тоже советует «не суетиться». Мимо едет пустое такси, и мы на нем едем в город. Я вылезая у Смоленского гастронома, а Юра едет на Аэропортовскую к Леве Гинзбургу.

21 августа 1968

Прошлой ночью советские войска вступили в Чехословакию...

Я обычно встаю около 7 часов и к семи иду на станцию купить газеты. На этот раз были все газеты, кроме «Известий» и «Правды». Без четверти 8 я включил радио и хотел послушать «Голос Америки», но не мог его поймать – его явно забивали. Зато поймал наш «Маяк», передававший сообщение ТАСС. Его повторили дважды. Все стало ясно.

Я сговорился утром работать с Юрой и поехал в город. Войдя к нему, я сказал: «Вот вы, Юра, уже вчерашнее блюдо...» Он уже все знал.

Электричка была как-то необыкновенно сдержанна и молчалива: люди молча читали газеты. <...>

Приходит Майя – жена М.Демина. Она лихорадочно весела, старается «держаться». Из ее рассказов становится ясно, что, во-первых, Демин, после первого посещения Парижа, имел какие-то встречи и что-то писал о Париже работникам органов, во-вторых – он жил со своей двоюродной сестрой (той, что его выписывала), которую почему-то называют Пупи. Майя находила черновики писем. Та недавно приезжала в Москву, и обо всем можно было догадаться. Так что очевидно – прямой повод для «невозвращения» Демина – его связь с этой женщиной, но, возможно, что она для него и ступенька только. Не исключен вариант, что Демин «остался с заданием», хотя как агент он, конечно, фигура горестная (пьяница, малоинтеллигентен и пр.). Любопытны подробности быта этой семейки: пьянки и пр. Странное совпадение – и Демин, и Белинков жили на одной лестнице в доме на Малой Грузинской и как раз один под другим: Белинков под Деминым.

В пять звонит Л.Г., и мы едем на троллейбусе к нему: он был в Союзе. Там был митинг, но кто выступал, кроме Г.Маркова, неизвестно. У Л.Г. дочь гостит в Румынии, а так как Румыния, вероятно, займет позицию поддержки чехов, то он боится, не займут ли и ее наши войска, и как ей возвращаться. В Иностранной комиссии ССП ему сказали, что «дело идет негладко», что можно понимать не в том смысле, что вступление войск встретило препятствия, но то, что это не дало того молниеносного политического эффекта, ради которого все и было предпринято. <...>

Картина, в общем, такова: к концу первых суток Чехословакия была легко занята. Десант на Прагу был сброшен еще в 11 часов ночи 20-го. К утру всю территорию заняли танки. Сопrotивления не было. Но, сверх ожидания, правительство и парламент (видимо) не подчинились, и было опубликовано обращение с жалобой на втор-

жение. О нем было заявлено в ООН. Там созвали заседание, несмотря на протесты Малика. Во всем мире возмущение, изумление и тревога.

24 августа 1968

В Праге продолжается пассивное сопротивление населения. Кончается 4-й день оккупации, и политически ничего не достигнуто теми, кто затеял оккупацию. Войска без сопротивления заняли территорию страны, но не нашли себе сторонников, у которых хватило бы мужества претендовать, при таком настроении народа, на власть.

Продолжаются демонстрации в столицах многих стран у советских посольств. Раздаются голоса об исключении пяти стран, осуществивших оккупацию, из организации Олимпийских игр. <...>

На кого работает время? Вряд ли на советские войска. Там уже полмиллиона советских солдат (на 20 миллионов чехов), их можно привести 5 миллионов, но это решало бы <все> в случае вооруженной борьбы, а не при пассивном мирном сопротивлении и единодушии населения.

27 августа 1968

Рано утром нет «Правды» и еще ряда газет. В остальных – ничего нового. Без четверти семь Бибиси сообщает о слухе из чехословацкого посольства в Москве о том, что чешская делегация отбыла на родину, а о соглашении есть только смутные слухи. Будто бы чехи согласились сократить бесцензурность печати, разрешить пребывание на границах с ФРГ советских воинских соединений, но зато у власти остается прежнее чешское руководство и остальные войска будут выведены. Но это только слух. Неизвестно, согласится ли на это народ Чехословакии.

Еще третьего дня в Праге убит советский журналист Карл Непомнящий (главный редактор АПН и собкор «Правды», чьи корреспонденции были особенно яростны и демагогичны) и еще работник АПН Зворыкин. Будто бы они были на вертолете, сбрасывавшем листовки, и вертолет подбили. <...>

На Красной площади третьего дня на Лобном месте Лариса Даниэль, Павел Литвинов и еще кто-то (говорят об участии дочери Л.Копелева) вывесили плакаты с приветствиями «свободной Чехословакии», минут через двадцать прибыли машины с «искусство-ведами в штатском» (до этого толпа молча смотрела) и арестовали их, причем Литвинова сильно избили. <...>

Всю эту трагическую неделю стояла томительная жара, какой не было в середине лета. На углах продают арбузы. Идет ремонт

Ярославского шоссе. На киноафишах двухсерийный фильм «Щит и меч».

Из Праги явился Илья Вайсфельд, рассказывавший Марьямову многое. Главное – растерянность и смущение советских войск (или – части войск, молодых солдат, вчерашних десятиклассников), которых уже начали заменять новыми контингентами. Сейчас в Чехословакии 600 тысяч советских войск. Им не дают пить чешские женщины. Самоубийство советского младшего лейтенанта. <...>

Так или иначе, Дубчек, уехавший из Праги арестованным, вернулся триумфатором и народным героем, и уже одно это говорит о том, кто одержал победу.

Советская сторона заставила принять некоторые свои условия (введение частичной цензуры, временное оставление войск), но это достигнуто ценой катастрофического падения популярности СССР и в Чехословакии, и во всем мире, созданием атмосферы недоверия к себе, духовной драмой советской интеллигенции и левой интеллигенции всего мира, резким ухудшением отношений с Югославией и Румынией, крушением пятнадцатилетней работы по разложению НАТО и еще многими последствиями. Это такая же пиррова победа, как и мир с Финляндией в 1940 году.

30 августа 1968

Вечером Бибиси передавало полный текст волнующей речи Смирковского. Мимоходом он сказал, что он и Дубчек пока не хотели бы многое вспоминать из того, что предшествовало их участию в переговорах. Видимо, с ними просто очень грубо обращались, что имело смысл только в случае, если их решено было ликвидировать. Дубчека в ручных кандалах швырнули на пол самолета. Это, разумеется, так же позорно, как и расправа с Лумумбой, например, хотя здесь, благодаря мужеству президента Свободы, до худшего пока не дошло.

1 сентября 1968

Почти не слушаю радио и еле-еле проглядываю газеты. Это реакция на чешские события и все, с ними связанное. Идиосинкразия к политике, которая предстала снова как гигантское шулерство или откровенный гангстеризм. Тошнит от всевозможных «наших обозревателей», их неприкрытого блядства <...>. Боже, что плетет сегодня, например, в «Правде» С.А.Герасимов. Он все время плавает наверху, как высохший блин коровьего дерьма – этот бывший талантливый человек, бывший человек...

6 сентября 1968

Майя Демина была у Ильина, и он рассказал ей о радиозаявлении Демина в Париже о том, что он никогда не вернется в эту «серую, мрачную, темную страну, где даже такой малообразованный человек, как он, считался писателем. Он бросает литературу и открывает на деньги родных ночной бар, куда он приглашает в гости (но не даром) всех московских друзей». Это остроумно и неожиданно, но не так глупо. Писатель-то он на самом деле липовый. У Майи так и не было обыска. Зато у Белинкова был, и забрали среди других бумаг несколько десятков писем Зорина к нему, очень Зорина компрометирующих. Говорят, он здорово струсил.

11 сентября 1968

Утром Бибиси передает странное сообщение о заявлении 88 советских (московских) писателей о чехословацких событиях и его текст (без подписей). В тексте говорится о «братьях славянах», о «кровном братстве», и хотя он резко осуждающ по отношению к советскому руководству и бранит Федина, Шолохова и Софронова, что-то в этом есть сомнительное. М.б., вот эти фразы о «братстве по крови» – это значит, что уже ни один еврей его не подписал, что ли? Но как же тогда набрали (да еще между 21 и 23 августа) 88 подписей? Все-таки за это время я видел кое-кого, но и краем уха не слышал о сборе подписей, а мог бы услышать (вернее – не мог бы не услышать). М.б., это сделали «русситы»? Но их столько и не наберется. Я, во всяком случае, такого текста не подписал бы, помимо прочего, уже из-за этих фраз о «славянской крови». Меня одинаково возмущает, когда притесняют татар, евреев, венгров и прочие народы. При чем тут «славяне»? Именно поэтому мне этот документ несколько подозрителен. «Прогрессисты», каких я знаю, такой текст не составили бы. М.б., это провокация. Или просто липа, составленная недалекими, хотя и благородными людьми. Но каковы бы ни были мотивы, это неумно.

24 сентября 1968

Мне понадобилась одна справка из мемуаров Эренбурга, и я стал перелистывать третий том и кое-что перечитал. Вот книга, которая за время своего существования то понижается в цене, то растет. Сейчас она снова кажется почти невысказанно смелой и откровенной (так потемнел общий фон), а когда И.Г. печатал еще при жизни последние части, то на фоне расцвета самоиздатовской литературы она казалась и трусливой, и приблизительной, и туманной. Истина, как всегда, посередине, но настоящая оценка ее (как и всего написан-

ного Эренбургом) возможна только в соотношении с окружающим: она не существует отдельно от него: она с ним связана сложной исторической связью.

27 сентября 1968

Третьего дня в городе. <...> Одинокю обедаю в ЦДЛ и еду к Н.Я.

Она дает мне читать свои новые наброски и просит совета насчет своего письма О.Э. Мой совет – выделить его в отдельную главу – ей нравится. Написанное ею интересно, но это все вовсе не новая книга, а все та же, новые ее фрагменты. И <я> это говорю ей.

Потом приходят люди: какой-то ученый бородач с женой блондинкой «из рода Глинок», маленький Женя, которого я давно помню по «салону Н.Я.», но, убей бог, не знаю, что он делает. И еще приходит некая девица, не знаю, как ее зовут. Все это люди одного настроения, понимающие друг друга с полуслова. Бородач держится как интеллектuala, но не производит впечатления такового. Его кумир – Булгаков «Мастера и Маргариты» и «Собачьего сердца». Он огорошен моим мнением (к которому присоединяется и Н.Я.)*, но так хорошо воспитан, что не спорит, хотя смотрит на меня недовольно. Еще я шокирую всех заявлением, что в середине 20-х годов в деревне в самом деле были «кулаки». Но все-таки после я недоволен собой – ни к чему разговорился, в общем-то. Н.Я. говорит, что Л.М.Эренбург спрашивала не раз обо мне: она хочет, чтобы я написал об Илье Григорьевиче... Надо побывать у нее. Н.Я. тоже считает, что я должен писать о нем.

Она выглядит неплохо, мало изменилась.

Читал я наброски о «трагедии» в понимании Ахматовой и Мандельштама, о пьесе «Пролог» А.А. и еще о разном, и последнюю главу «новой книги».

Уехал с последним поездом.

11 октября 1968

Процесс Литвинова и его группы закончился. Приговор определил трем главным подсудимым «ссылку в отдаленные местности», а другим 3 и 2 года тюрьмы.

Многие гадают, почему «лидерам» дали только ссылку. Трудно сказать. М.б., – не хотят человека, носящего фамилию Литвинов и

* Гладков не разделял общего увлечения Булгаковым и невысоко ценил его наиболее популярные произведения, делая исключение лишь для «Записок покойника» («Театрального романа»).

внука М.М.Литвинова, держать в тюрьме? Сегодня, когда я вернулся из города и включил приемник, «Маяк» передавал комментарии к приговору, где говорилось о пьянстве и разврате подсудимых. Сегодня в ЦДЛ все говорили о процессе. <...>

Все рассказывают, что наш документальный фильм о вступлении в Чехословакию производит обратное и страшное впечатление и гадают – это глупость или чей-то хитроумный расчет. <...>

Юру Ильин предупредил, что его года два не будут пускать за границу из-за бегства Демина.

13 октября 1968

Перечитывал Зоценко. Если бы можно было судить о нем, отвлекшись от его литературной судьбы, то следовало бы признать, что все лучшее он создал еще в двадцатые годы или позднее, но в манере написанного в эти годы. «Сентиментальные повести», написанные на рубеже 30-х годов, вялы и малоинтересны. И далее – тоже. Пресловутая «Обезьяна» хороша, конечно. Документальные рассказы-пересказы и записи неинтересны. «Перед восходом солнца» – сильнее всего, но болезненный субъективизм тут уже совсем охватил его. С чисто литературной стороны – он жертва успеха своей «первой манеры» и неумения отойти от нее. Но, разумеется, и сделанного в двадцатые годы достаточно для почетного места в истории русской литературы – так это оригинально, свежо, умно, ярко.

Зоценко одновременно и недооценен, и переоценен.

22 октября 1968

У нас многие думали, что Нобелевскую премию по литературе получит Солженицын, и разочарованы.

Я читал открытое письмо Белинкова Союзу писателей, опубликованное в нью-йоркской газете «Русская мысль». Оно злобно, дерзко, но есть в нем и глупости. Он заявляет, например, что не хочет пить коньяк в ЦДЛ в обществе Федина и Кочетова. Но Кочетов и Федин никогда не пьют в ЦДЛ, а тем более невероятно представить их пьющими там в компании с Белинковым. Такие заявления делают письмо фальшивым.

15 ноября 1968

Будто бы из большой антологии русской поэзии XX века, составленной Банниковым, приказано вынуть Гумилева, Мандельштама и кого-то еще. Это круги по воде от скандала с «Библиотекой поэта». Предполагаемый пятитомник Ахматовой сокращен до двухтомника небольшого листаж.

Комарово

28 ноября 1968

Когда Толстиков объявил о решении обкома о «Библиотеке поэта», то он не пригласил даже сесть вызванного в Смольный Орлова и других. Рассказывают, что у него в августе было персональное дело, так называемая «аморалка», и он получил выговор, но могло быть и хуже, если бы не нагрянули чешские события. Будто бы его пограничники выловили из моря близ его дачи под Выборгом, купающимся голым с двумя шестнадцатилетними блядужками, и не поверили ему, что он Толстиков, и пока не выяснили, продержали его до вечера под арестом и даже выпороли «за разврат». После этого он был в бешенстве и стал придирается ко всему. Не уверен, что это не выдумка, но – говорят, что было так.

2 декабря 1968

К утру дочитал «Лолиту». Вторую ночь не сплю – читаю, и днем буду, как сонная муха.

Никто на этот раз меня не торопит с книгой и днем я свободен, но читаю все же залпом. Талантливо, но где-то интерес падает. Есть пустоты и провалы. Но сама *ткань* романа блестяща. Никакой особенно порнографии нет. М.б. потому, что почти <все> названо и анализа и комментариев больше, чем описаний.

А что, если написать роман о том, в какую пустоту ввергается человек, маниакально преданный не извращенной, а самой благородной страсти, роман о том, что извращение состоит не в исходном патологическом посыле, а в степени крайней сосредоточенности на чем-то одном? Трагична не исходно большая страсть, а всякая страсть, подчинившая себе всю жизнь и все в жизни.

6 декабря 1968

Слышал по радио выступление Ю.Кроткова, киносценариста, года два назад сбежавшего в Англию. Он, между прочим, сообщил, что за 46 лет своей жизни в СССР «не написал ни одного слова правды». Что ж, это характеризует и его самого, а не только советское общество. Другие – и пишут, и говорят.

25 декабря 1968

Сюда приехала Майя Данини и дала мне 2 номера «Байкала» с сочинением Белинкова об Олеше.

С позиции искусства это все – мимо. Это не о реальном Олеше, а об икс-игреке, условном писателе в условной действительности,

которую автор ненавидит. Но и эта действительность – не совсем реальная действительность – та, в которой мы жили. Автор обуреваем благородными идеями: самовластие – зло, искусство должно быть свободно, не надо лгать, – но все это азбучно, и поэтому немалое красноречье Белинкова идет впустую. Много элементарных ошибок в самом анализе произведений Олеши, которым, впрочем, автор себя не перегружает. Если угодно – это вывороченная наизнанку та самая социолого-публицистическая критика, которая господствовала на рубеже между 20 и 30 годами и против которой мы всю жизнь протестовали из-за ее бессодержательности. Литературно – это местами лихо, но не тонко и не глубоко.

27 декабря 1968

Третьего дня в БДТ на «Мещанах» присутствовали тов. Демичев и Солженицын. Перед приездом первого десять цистерн с горячей водой были вылиты на асфальт перед театром, видимо, чтобы стоял гололед, но мороз быстро схватил, и гололед снова возник, и удештеренный, чем «сопровождающие лица» из обкома и горкома были очень удручены. Что сказал тов. Д. о спектакле, неизвестно, вернее, Эмма этим не интересовалась. Товстоногов сказал, что Солженицыну спектакль понравился, но, по рассказу Эммы, он держался странно: когда актеры, выйдя на вызовы, стали кланяться в его сторону, он стоял боком к сцене, не аплодировал, а что-то диктовал какой-то женщине, быстро за ним записывавшей. Какое интервью (или что?) он давал – неизвестно.

Демичев выступал перед партактивом города. В речи его не было ничего интересного, кроме ответов на несколько вопросов. Кто спросил его: когда ЦК, посчитавшись с мнением всего народа, реабилитирует Сталина? (Хороша сама формулировка вопроса!) Д. ответил, что: во-первых, таково мнение только части народа, а, во-вторых, ЦК должен считаться и с мнением западных коммунистов. Он добавил, что ЦК подходит к роли Сталина объективно, признавая его заслуги в войне и в годы пятилеток, но видя и его ошибки, и что к «культу личности» партия никогда не вернется. Второй вопрос: почему в ЦК не принимают меры против ревизионистов Твардовского и Симонова, распространяющих антисоветские подметные письма в виде обращений в ЦК? На это Д. «с раздражением» ответил, что спрашивающий питается слухами, что никаких таких писем Симонов и Твардовский не писали. На другом, более узком совещании, выступил А.Прокофьев с критикой линии ССП, требовал принятия мер против Майи Борисовой, давшей какое-то интервью за границу, говорил, что Ленинграду не нужны новые журналы, так

как тех, кого надо печатать, и так печатают, а если других не печатают – то и слава богу, и чуть ли не обвинил Гранина в краже ковра, подаренного туркменами ленинградским писателям.

29 декабря 1968

Читал целый день роман Сирина (Набокова) «Дар». Я читал его раньше, но по тексту «Современных записок», т.е. без главы о Чернышевском, да и не так внимательно, как сейчас. Роман великолепен. По-моему, это лучший роман этого автора. Он прекрасен и по замыслу, и по прихотливой и небанальной сюжетной структуре, и по словесному мастерству. Но главная его удача – герой его убедителен как талант, как человек с поэтическим даром. Подобного примера я не знаю во всей мировой литературе: обычно (кроме «Мартина Идена», м.б.) «писатели» – герои романов – условно-ходульные фигуры.

1973

29 марта 1973

По моей просьбе, мне выписали из «Второй книги» Н.Я.Мандельштам два места, где я упоминаюсь. Ничего порочащего меня в них нет, хотя несколько удивляет тон:

«Гладков в своих страничках о Пастернаке не врет и не хвастается, когда рассказывает о неслыханном внимании к нему Пастернака. Я узнаю в его рассказе Бориса Леонидовича, который мучительно думал, как бы сочинить пьесу, и присматривался к драматургам, которым повезло...» Стр.387. «Александр Гладков все собирается написать о равнодушии, с которым в литературных и театральных кругах тридцать восьмого года приняли известие об аресте и гибели Мандельштама. Гибель единиц покрывается повышением рождаемости и нарастанием темпов, как твердо знал всякий деятель великой эпохи». Стр.394.

Во втором отрывке маразматическая путаница. Во «Встречах с Пастернаком» я писал, что первый арест Мандельштама не произвел большого впечатления в обстановке очередной литературной весны, и у нас с Н.Я. шла речь о том, чтобы уточнить это и написать подробнее, что я обещал ей, в моем незаконченном эссе о Мандельштаме. А его второй арест прошел малозамеченным (как и известие о его гибели – впрочем, о ней долго никто не знал), потому что в разгаре террора такие вещи уже никого не удивляли: привыкли ко всему. А Н.Я. перепутала одно с другим.

Как я мог точно знать о гибели Манделыштама, когда я и о судьбе Мейерхольда, которая меня близко касалась, ничего не знал до 1955 года?

1 апреля 1973

Прочитал, не отрываясь, толстую рукопись Г.М.Литинского об истории Воркутинского лагерного театра, где он работал более 10 лет, сначала заключенным, потом вольнонаемным. Он написал это по заказу ВТО. Мне все очень интересно и, хотя наш театрик был почти вчетверо меньше воркутинского, много общего. В 1949 году (т.е. когда я уже сидел) там ставили «Давным-давно».

Если я буду писать о лагерном театре, то не так: не сухую историю, а то, что за этим, т.е. человеческие истории, быт, нравы. <...>

Работать нет еще сил. Убираюсь в комнате потихоньку.

12 апреля 1973

У Коржавина будто бы состоялся большой и откровенный разговор с Ильиным. Он просит, чтобы ССП «оградил его» от давления органов. Сказал, что отъезд в Израиль для него трагедия, но он чувствует, что его хотят сделать «стукачом». Напрасно это он. Даже если доля истины в этом есть – все равно напрасно. Нелепо объясняться и откровенничать с государством. Такие вещи можно уладить, только если не называть их своими именами. А, по словам Медникова, Коржавина уже «опросом» исключили из Союза. Коржавин чистосердечен, незащищен и искренен. Его все любят и жалеют и хотят помочь. Зачем ему ехать в Израиль? Он русский поэт, как и Бродский. <...>

20 апреля 1973

Днем в ЦДЛ стало известно, что «получено указание» оформлять на Коржавина характеристику в ОВИР, т.е. его выпихивают. Он сам, кажется, жалеет, что зарвался, и ехать не хочет, но чтобы остаться, ему нужно стать на колени, но он этого тоже не хочет. Да и поможет ли?

Обед в ЦДЛ слевой и Юрой. По залу бегают лысеющий Евтушенко. В углу пьют русситы во главе со своим вождем Дмитрием Жуковым.

Юра ездил в Тбилиси. Там полный ералаш. Продолжаются аресты и конфискации дач и домов по линии коррупции. Новый секретарь активен*. Он опирается на Андропова. Жизненный уровень упал.

* Э.А.Шеварнадзе (р. 1928), бывший в 1965–1972 министром внутренних дел Грузии, занимал пост 1-го секретаря ЦК КП Грузии в 1972–1985, сменив В.П.Мжаванадзе, правившего в Грузии со времени смерти Сталина.

Нет того, нет другого. Поколебалась экономическая система: «я тебе, а ты мне» и продукты спрятаны. По-прежнему торговать бояться, а по-новому (т.е. честно) не хотят. Часть довольна всем происходящим, но часть – резко против. <...>

В Москве проработки у историков. Новый термин: «идеологическая дисциплина».

28 апреля 1973

Вчера вечером объявили о переменах в политбюро. Выведены, якобы из-за пенсионного возраста, Шелест и Воронов. Введены Андропов, Громыко, Гречко и кандидатом ленинградский Романов. В резолюции выделяется «личная роль Л.И.Брежневца». Политбюро, кажется, окончательно лишается значения политического сверхоргана, а становится чем-то вроде президиума Совета министров. Ну, посмотрим.

Ходил на телефонный узел. Волновался, но взял себя в руки. Обещают поставить телефон в первой половине мая. <...>

В городе уже началось праздничное пьянство. Рассказ о вызове Ю.Домбровского в органы и его откровенном там разговоре. Он считает, что П.Якир был провокатором и «Хроника» существует под эгидой органов, что будто бы там и сказал*.

29 апреля 1973

Звонил Гариним. Завтра буду у них обедать. <...>

В последнем номере «Литературной России» в подборке стихов Евтушенко (сплошь плохих) есть и стихотворение на тему ссоры поэта с бывшими друзьями: Аксеновым, Пожеянном и другими. Стихи тоже неважнец, но они подтверждают слух о матерных письмах, полученных Евтушенко после рецензии на пресловутую коллективную халтуру**. В стихах есть такая формулировка: «зависть друга страшней, чем ненависть врага». Положим, это верно. В отношении к Евтушенко большую роль играет элементарная зависть: ему-де позволено то, что не разрешается другим. Аксенов, говорят, напрямик сравнивает Евтушенко с Азефом. Сходства мало, но звучит крепенько...

* Имеется в виду самиздатский правозащитный неперIODический бюллетень «Хроника текущих событий».

** Имеется в виду напечатанная в «Литературной газете» рецензия Евг. Евтушенко «Рубашка, залитая кровью» на роман-боевик «Джин Грин – неприкасаемый. Карьера агента ЦРУ №014», вышедший в «Молодой гвардии» в 1972 под коллективным псевдонимом Гривадия Горпожакса (О.Горчакова, Г.Пожеяна, Вас. Аксенова). После этого дружеские отношения Евтушенко с Аксеновым разладились.

Г.М.Литинский читал толстенную рукопись мемуаров Ивинской о ее романе с Пастернаком. Будто бы там часто упоминаюсь и я, хотя я с ней не был знаком. Причем упоминаюсь дружелюбно. Любопытно бы почитать.

1 мая 1973

Очаровательная погода: тепло и не жарко, полусолнечно. Речь на Красной площади с мавзолея говорил сам Брежнев. Он очень неропитсь врезать себя в сознание главным вождем. Отношение к нему не страстное, как к Никите (и любовь, и ненависть), а равнодушно-насмешливое. В народе его зовут «номер второй»*. Впрочем, вероятно, он – наилучший вариант из возможных.

Утром вышел опустить письма и купил яйца. Потом все время дома в полусонливом состоянии. Надо бы зайти к Ц.И., но не хочется. Оказывается, третьего дня была Пасха.

Вчера часов шесть просидел у Гариных, снова безобразно наелся. Все разговоры идут вокруг болезней, врачей и старости. И книга... Ну хорошо, книга выйдет летом, а чем они будут жить дальше? Хезя будет работать, как лошадь, до дня смерти. Какие-то деньги будут. Но чего ждать, на что надеяться? <...>

Ко всему – Брежневу еще дали международную премию мира (вместе с Альенде и Д.Олдриджем). Можно еще сделать его патриархом – почему нет? Во всех передачах его поздравляют и благодарят. Церемониал известен.

2 мая 1973

Боря Слуцкий уехал в Коктебель: перед этим звонил Ц.И. и спрашивал обо мне. А 30-го вечером, когда я был у Гариных, ко мне заходил Юра. Будто бы Косоруков из Союза сказал ему, что на Старой площади есть сомнения в его романе** (Старая площадь – это ЦК). Юра встревожен, Лева Гинзбург подливает масла в огонь, и наверно ему хотелось моральной поддержки.

Все время идут в печати и по радио стереотипы. Сейчас без конца повторяют о «личном большом вкладе».

Наша пресса замалчивает огромный скандал в США в связи с обыском в центре демократической партии. Никсон драматически выступал по ТВ. В иное время мы плясали бы вокруг этого, а сейчас нельзя – «дружба». Это мизерно.

* При обмене в 1973 партбилетов, Л.И.Брежневу выдали билет за №2, по поводу чего сразу возникли анекдоты.

** Речь идет о романе Ю.В.Трифорова «Нетерпение» (об убийстве Александра П народовольцами).

3 мая 1973

Около 20 градусов. Душно. Небо в облаках.

Ночью читал пьесы В.Розова «В дороге», «Затейник», «Традиционный сбор» и «Перед свадьбой». Только последняя хороша: остальные нарочито построены, диалоги – игра в поддавки, все говорят, как это нужно автору, а не свойственно героям, морализаторство. Я как-то думал, что это лучше. Или – не читал и верил на слово, или забыл. И все ужасно слащаво.

Потом перешел к Арбузову. Можно читать только «Годы странствий» и «Двенадцатый час», хотя и там есть – бич нашей драматургии – игра в поддавки. Остальное плохо и, в отличие от более скромного Розова, еще и претенциозно. Ложные афоризмы. Например: «Старость начинается, когда человек больше вспоминает, чем думает о будущем». А как же Лев Толстой, начавший с воспоминаний? А Герцен?

А сказать это вслух нельзя – примут за литературную зависть. Беда Розова, Арбузова и пр. в том, что рано замкнулись в кругу читателей с плохим вкусом. <...>

Слух, что Петр Якир раскололся и раскаялся и призывает к тому же академика Сахарова.

В.Б.Шкловский очень обижен, что ему к юбилею не дали никакого ордена. А в самом деле – почему? Жалко, что ли? Ведь поработал же старик! Его пригласили в Лондон для вручения докторской степени и запросили размеры головы и объем груди, чтобы заранее заказать мантию и шапочку, хотя злые языки говорят, что это берется напрокат. Врачи Литфонда не хотят его пускать, так как он недавно серьезно болел.

У Е.А.Кацевой одно высокое учреждение заказало сборник дневников и писем Кафки, который должен был выйти в «Прогрессе».

<...>

Говорю по телефону с Ц.И. Ей звонил Юра. Она говорит, что «все в великом страхе». Очевидно, это значит, что Юра боится за свой роман. Я думаю – обойдется. Сейчас не в моде открытые проработки и литературные скандалы.

4 мая 1973

В «Сов. писателе» сборник об Олеше отрецензирован положительно Верой Смирновой и пошел по инстанциям. В его составе и моя штука*. Будто бы редактором должна быть некто Самойлова

* Очерк Гладкова о Ю.Олеше «Слова, слова, слова..» в сб. «Воспоминания о Ю.Олеше», который вышел только три года спустя (М.: Советский писатель, 1976). Гладкову уже не довелось увидеть эту книгу.

(если не путаю фамилию), человек компетентный и умный. Она делала книгу Цветаевой.

Воспоминания Ивинской, видимо, ходят по рукам, так как их тоже на днях читал Константиновский, который подошел ко мне в ЦДЛ и сказал, что я там упоминаюсь.

Я сегодня обедал и стригся в ЦДЛ, поехав туда после Лавки, где ничего интересного не купил.

Еще в ЦДЛ разговор с В.Максимовым. Мы стояли у буфета, он вопросительно смотрел на меня, а я на него, и я заговорил с ним. «Да, мы знакомы заочно», – сказал он. Высказал мнение о романе. Он поблагодарил. Он сказал, что слышал от Солина (композитора), что я расширил воспоминания о Пастернаке. Это очень старая новость, но он читал их уже давно в первом варианте. Еще я сказал Максиму, что не согласен с ним в том, что он всех героев романа приводит к богу. Он взял бутылку пива и 2 бутерброда с селедкой и сел один за столик – этот уже всемирно известный писатель. А я пошел к выходу с тяжело набитым портфелем.

Еще был разговор с Винокуровым о болезнях и стихах. Я похвалил его последнюю книжку. Он сказал, что на выходе еще одна – тоже идущая «от больницы». Болезнями Женя интересуется почти профессионально, спрашивает о симптомах и лекарствах. Он тоже принимал гаммолон, но бросил после 400 штук по совету врача: будто бы дурно действует на спазмы.

Давно уж я с Винокуровым так дружески не разговаривал. Появились общие интересы (болезни). <...>

Читаю довольно интересную книгу С.Шмидта (сына О.Ю.Шмидта) об Иване Грозном. Новинка.

7 мая 1973

Магазин. Кафе. Федя Липскеров и Костя Богатырев.

Рассказ Кости об Ивинской. Как бы врет, но правда. Об Ахматовой и Поливанове.

Вчера обедал у Гариных. <...> Рассказы о семейной драме Н.Р.Эрдмана. Жена и ее любовник. Бывшая жена Наташа Лавровская, до конца любившая его, но ушедшая к Лавровскому из-за измен и фокусов Н.Р. Основная черта характера Н.Р. – бесконечное самолюбие. Отсюда его донжуанизм. Корни «золотой молодежи» нэпа. Ангелина Степанова летала к нему в ссылку. Спившаяся и умершая на улице жена Бориса Эрдмана, балерина Вера Друцкая. Самоубийство их сына наркомана. Какие концы жизней. Как мало величия во всех смертях и как много грязи. И все-таки, лучше всех у Пастернака.

10 мая 1973

...обедаю в ЦДЛ. Константиновский рассказывает, что большая часть рукописей Бори Ямпольского исчезла. Он не верил, что умрет и сам то отдавал их кому-нибудь, то брал обратно. Может, еще найдутся. У него наследницы – сестры, с которыми он не общался, и дочь, с которой не встречался (от случайной связи).

Комиссия по литнаследству не образована: не могут найти председателя. Борщаговский отказался.

Дождь как будто не идет, а стоит в воздухе мелкими брызгами. Говорят, цветут яблони, а я еще не видел.

Сегодня в ЦДЛ обедала Маризтта Шагинян. Она еще довольно бодра: армянская кость. В клетчатом, на манер шотландки, коричневом платье: не развалина, нет. Она была одна. К ней подходили две старухи, но, в общем, нынешние завсегдатаи ЦДЛ ее мало знают.

12 мая 1973

Прохладно, но с утра сухо. <...> Лавка писателей. Кира рассказывает, что ряд новых изданий будет поступать только в библиотеки, минуя торговую сеть (малотиражные). Это плохо, но... верю, ибо нелепо.

Умер Г.М.Козинцев. Я был с ним знаком. Выслушивал от него комплименты по поводу «Мейерхольда» и «Пастернака». Он не был великим художником, но он был культурным режиссером и сумел получить в жизни и в славе на свои 100% – 250%, причем, не делая для этого явных подлостей. Брат Любви Михайловны Эренбург. Некролог подписан членами правительства.

13 мая 1973

Обедал у Бориса Натановича. <...> Слух, что скоро уйдет Подгорный, его пост займет Косыгин, а Брежнев будет совмещать посты генсека и предсовета министров. Ничего невозможного в этом нет.

Говорят, что на днях на авиарейсе Ленинград–Москва была сделана попытка заставить наш лайнер лететь в Швецию, но она не удалась. Летчик вернулся в Ленинград и там, при попытке задержания вооруженного и угрожавшего оружием неизвестного (еще говорят, что их было несколько), тот был убит. И был убит кто-то из команды самолета. В газетах и по заграничному радио об этом еще не было.

В некрологе Г.Козинцеву, когда перечисляются фильмы, поставленные им с Траубергом, фамилия Трауберга не называется. Это неприлично: все равно, как если бы при некрологе Е.Петрову не назвали Ильфа. Тем более, что вдвоем он поставил лучшие свои картины.

Еще слышал, что на днях Солженицын сочетался церковным браком со своей фактической женой, от которой у него уже двое сыновей. Он не мог это сделать, пока его не развели с первой женой. <...>

14 мая 1973

Солнечно, но прохладно. В окне зелень листвы. Сижку дома и жду монтеров с телефонного узла, но они не приходят.

Прочитал начало рукописи о 37-м годе: более 50 страниц машинописи. Она попала ко мне случайно, и я не знаю даже автора. Это ленинградский литератор, приятель Б.Корнилова, С.Колбасьева, С.Безбородова, учился в институте на Исаакиевской, начинал в «Резце», зовут Михаилом, фамилия начинается с буквы З. Он сидел в одной камере с А.Пиотровским на Шпалерной. Его посадили 10 апреля 37 года и в конце ноября или начале декабря отправили на Тайшет. Описания допросов и избиений. Как били Пиотровского, как он держался в камере (достойно). Есть наивности, м.б., нарочитые, «тактические». Наверное, ленинградцы могли бы назвать имя автора, но некого спросить. Таких рукописей должно быть тысячи: интересно, собирает ли их какой-нибудь архив? Вряд ли. Я в разное время читал штук 10 – все чем-то интересны.

15 мая 1973

В два часа дня пришел монтер. Меня «спарили» с переводчицей Ритой Райт. Ее сестра просит отложить до ее приезда, почему-то, но монтер мне мигает: «Не соглашайтесь...» Я отговариваюсь.

Я испытываю некоторое волнение. Столько лет я жил без телефона. Фактически с 1961 года, т.е. 13 лет. Отвык и научился его игнорировать.

151-01-23. Монтер ушел. Телефон работает. Я уже звонил и Ц.И. и Б.Н. Ура!

17 мая 1973

Солнце. Сильный ветер. Плюс 20. Днем смотрим севой и Люсей в бывшем кинотеатре «Унион» «Дети райка». Замечательный фильм, полный свежести, хотя он снят 30 лет назад.

Оттуда еду за заказом к Борису Натановичу, завожу его к себе и еду к Юре Трифонову.

У него Р.А.М<едведев>. Он уезжает на три месяца на юг отдыхать. Хорошо выглядит, спокоен: его больше не теребят. Его книга вышла на 5-ти языках. Жорес собрал его гонорары и сделал ему два перевода.

Сейчас он начал работу над книгой о первых пяти годах советского государства. Тут и происхождение гражданской войны. Он добыл много архивных материалов о казачестве и революции: дело Миронова и пр.

Новость. Вчера, или третьего дня, В.Максимов подал заявление о выходе из Союза писателей. Сегодня Р.А. был у него и видел текст. Предполагалась в СП проработка романа «Семь дней творения», и В.Максимов решил ее предупредить. Он предпочел, чтобы инициатива была на его стороне. Не знаю еще, правильно ли это?

19 мая 1973

Вечером звонок Р.Я.Райт. Просит зайти поговорить о «телефонной конвенции». Иду (выше на два этажа). Обещаю ей принять меры, чтобы ко мне не звонили поздно (у нее раздастся звонок). Потом говорим о Пастернаке и прочем. Она читала мои воспоминания. Сейчас она работает над книгой о Б.Вильде*. До этого я не был с ней знаком. У нее точно такая же квартира, как у меня, но куда лучше обставленная (разумеется) и очень чистенькая.

Говорим еще о разном: о ее мемуарах, о Шейко и т.д. Она дает мне прочесть свои воспоминания об Ахматовой, напечатанные в журнале «Литературная Армения» в 1966 г. Читаю перед сном: как можно было тогда вольно писать – просто удивительно.

Читаю с интересом автобиографию В.Ф.Пановой в «Неве» (окончание). <...>

Мне удалось установить, кто автор воспоминаний о полугоде в тюрьме на Шпалерной. Без ошибки могу сказать, что это М.Е.Зуев-Ордынец. Определил это по разным старым справочникам через совпадение элементов биографии.

Вчера получил письмо от Д.Я.Дара из городка Кириллова, где он читает какие-то лекции для заработка.

Он пишет: «Фактически Вера Федоровна была убита своими сыновьями, которые, пользуясь ее болезнью и пытаясь прикрасить ее именем свои собственные сочинения, в то время, как я лежал в больнице с инфарктом, убедили ее разойтись со мной и отняли от меня ее. Через два с половиной месяца после того, как она осталась без меня, она умерла. Все это ужасно трагично: поэтому и мое последнее письмо Вам было так коротко и, наверно, небрежно».

Вот сюжет, достойный Мориака и даже превосходящий его сюжетные построения!

* См.: Райт-Ковалева Р. Человек из Музея человека. Повесть о Борисе Вильде. М.: Советский писатель, 1982.

Еще Д.Я. пишет, что он был очень рад, что я не сержусь на него за сдержанный отзыв о «Молодости театра». «Я Вас очень люблю и уважаю, хотя всегда знал, что по многим вопросам мы с Вами обречены на споры, так как стоим на совсем разных позициях. Но, может быть, я именно и потому люблю Вас и Лидию Корнеевну Чуковскую, что вы для меня олицетворяете чувство историчности, которое мне совершенно чуждо и непонятно».

20 мая 1973

На днях к Ц.И. снова звонил Женя Пастернак и разыскивал меня. Я не успел собраться позвонить ему, и сегодня он пришел днем ко мне вместе с женой. <...>

Болтаем о разном. Синявский написал книги о Пушкине и о лагере и пишет книгу о Гоголе. Он пыгается уехать во Францию, но еще не получил разрешения.

С мемуарами Ивинской Женя еще не знаком.

Оба они постарели, что ли... нет, «постарели» не то слово, конечно, но уже не те, что были.

22 мая 1973

Встретил во дворе В.Б.Шкловского. Он похож на японца: дряхлого японца или японца-младенца. Идет, еле перебирая ватными ножками, обутыми в светлые американские ботинки из магазина «Березка». Я поздоровался. Он ответил, но, видимо, не узнал меня. В его памяти я, вероятно, еще молодой человек.

23 мая 1973

Юра утром по телефону говорит, что обсуждение романа В.Максимова назначено в Союзе на послезавтра. Саша Борцаговский, который любит сидеть на двух стульях – быть либеральным Цицероном и верным функционером, – мечется, не зная, как ему быть. Юра рад, что болен и может отсутствовать: он хоть и беспартийный, но член правления МО и бюро секции прозаиков.

24 мая 1973

С утра ездил на дачу: вернулся в пять часов. Там рай.

Цветут яблони, вишни, каштаны, сирень и жасмин. Отвез транзистор и кое-какие консервы. Привез охапку сирени. Днем был ливень с градом.

Разные телефонные разговоры. Говорят, будто бы секретарь МГК Ягодкин, молодой и рвущийся к большой карьере человек, где-то резко бранил последний роман Ф.Абрамова, напечатанный в «Но-

вом мире», и угрожал редакции журнала. Но Абрамова скушать не так легко: он сам – злой, хитрый и «со связями». <...>

Еще рассказывают, что в «Новом мире» цензура сняла пьесу Ч.Айтматова «Фудзияма»* и будто бы ее должны снять в театре. Кстати, спектакль «Современника» недавно в «Правде» расхвалил К.Симонов.

В Институте истории искусств работала какая-то комиссия, которая рекомендовала «обновить состав», т.е. выгнать кого-то. Обычно там подкапывались под Аникста, но сейчас, как говорят, главная цель – Куницын.

<...>

25 мая 1973

Звонил Сергеев. Телевизионное начальство смотрело «До новых встреч» и одобрило. Через месяц покажут на экране. Сергеев меня поздравляет и обещает на будущей неделе показать.

Это хорошо, ибо с деньгами у меня снова туго и триста рублей пригодятся.

Всю ночь лил дождь и днем тоже идет, с небольшими перерывами.

Ездил в сберкассу, потом обедал в ЦДЛ. Заехал в Лавку, где купил порядочно книг (однотомник Фолкнера, пьесы Брукнера и еще много разного). <...>

Еще телефонный разговор с Юрой. Обсуждение романа Максимова длилось недолго и не носило характера жесткой проработки. Он сам был и говорил резко. Но, по словам Юры, как-то все обошлось. Может быть, главная проработка будет на секретаряте?

Любопытна история с моей рукописью о Пастернаке (о том, как жена Эццио не хотела почему-то отдавать ее Витторио, и Кларе пришлось ехать в Милан ее вырывать). Неясны мотивы этого поступка. Мариолина думает (и Ц.И. тоже), что руководили коммерческие мотивы – рукопись можно продать. (!?) Этот разговор был, разумеется, до прихода Эццио. Меня почему-то смущает явное внимание ко мне Мариолины.

27 мая 1973

Канторович рассказывал Рубашкину, что обсуждение романа Максимова вовсе не было таким мягким. Юра получил свою информацию от Борщаговского, но тот сам говорил очень резко и, видимо, старается в глазах «общества» представить это иначе. Дело в

* Точное название – «Восхождение на Фудзияму».

том, что у Борщаговского в этом году шестидесятилетие, и он заинтересован быть в дружбе с начальством, чтобы получить возможность новых переизданий. Я несколько лет назад разошелся с Борщаговским, больше по своим интуитивным соображениям, но постепенно подоспевают и факты. Все верно! Обсуждение стенографировалось, и теперь стенограммы изучит секретарь и примет решение. Борщаговский еще старался потому, что он в свое время рекомендовал Максимова в Союз. Умнее Борщаговского поступили Феликс Кузнецов и Атаров, не пришедшие на обсуждение.

Надо позвонить Жене Пастернаку, а все не знаю, что ему сказать.

Шестинский перед выборами (в Ленинграде) стал суетиться, на казенные деньги послал 19-ти больным писателям шампанского и фруктов, перед каким-то праздником послал *всем* от руки написанные личные поздравления, но это не помогло: его *не выбрали*.

28 мая 1973

Еще вчера рассказывал Рубашкин, что представители обкома были афраппированы результатами выборов и затеяли пересчет голов. В первый раз Шестинскому не хватило одного голоса, при пересчете – пяти. Он был так расстроен, что потерял свой обычный апломб и в конце концов даже расплакался, повторяя: «Ну что я им всем сделал плохого?..» Но дело в том, что он никому не сделал ничего хорошего, самоснабжался, устроил себе выпуск за два года семи книжек (притом бездарных!) и т.д. Я раскусил этого рвача, когда он еще работал на «Ленфильме». Типичная и противная фигура. Он еще хотел, чтобы его уважали и любили! <...>

Открытка от Оттена из Тарусы: жалко-позерская, фальшивая, мнимо-приятельская. Будто бы всюю «работает». Что-то не верится. Он болтун и лентяй. И это еще полбеды. Он плохо пишет и смутно думает. Это хуже. С некоторых пор мы с ним обмениваемся условно-любезными открытками. По этому поводу он горько иронизирует о вырождении эпистолярного жанра. Но это глупости: ведь другим я пишу и длинные письма (Д.Я.Дару, хотя бы). А Оттену писать нельзя. Невозможно переписываться с пустотой.

Целый день дома. Читаю и копаюсь в бумагах. Питаюсь купленным вчера в «Праге» мясным салатом.

Евтушенко, кажется, улетел в Японию. Мало доброго говорят о нем в последнее время. Слишком много и жидко пишет, притом пошловато, банально.

Что это? Потеря вкуса? Или потеря уважения к читателю? И именно в это время критики начали его хвалить. На днях почти без-

оговорочно в «Правде» расхвалил С.Щипачев. Сам Щипачев тоже давно пишет плохо и банально: рыбак рыбака...

Напечатан тираж Юриного романа. Нужно прочесть его подряд целиком. Лукавить с ним не буду.

Говорят, что процесс над Якиром может состояться только после поездки Брежнева в США. Скоро уже год со дня его ареста.

31 мая 1973

Утром получаю бунинский том «Литературного наследства» на почте. Иду на улицу Грицевец. Зеленые щи и блинчики с мясом. Бледная Тая. Они пока едут в Лианозово. Ухожу с острым чувством жалости.

«Дом книги» и кулинария «Праги». Возвращаюсь в изнеможении в час домой. Что со мной? Так устаю.

Встреча с Аникстом. У них в Институте истории искусств хотят снимать директора Кружкова. Аниксту тоже досталось. Молодого деятеля из горкома москвичи уже называют «Ягбдкин» с ударением на втором слоге. <...>

В.Б.Шкловскому дали трудягу. В Ленинграде умер мой коллега по лагерю, писатель Леонид Николаевич Радищев. После освобождения я с ним встречался очень редко, да и то только в первые годы.

1 июня 1973

Прочитал «Нетерпение» – роман Ю.Трифонов. Я ждал большего. Перо у Юры, конечно, есть, но написано это без подъема и увлечения. Нет большой и сложной России. Герои модернизированы. Гольденберг – «Гришка», Тригоны – «Мишка». Это фальшь. Сомнительна история с Нечаевым. Зачем нужна апология Нечаева через его самопожертвование? Это вовсе не доказано исторически. Сановный лагерь примитивен. Все были умнее и сложнее. Перовская монотонна. Желябов – купец Калашников: не мыслитель и не трагический герой. Всё вне духа времени, красок эпохи.

Вряд ли я скажу все это Юре: надоело ссориться. Но кое-что скажу. И симулировать восторг я вряд ли сумею.

Приехал Гиви из Тбилиси. Там плохо с овощами. Картошку выдают по предприятиям. Интеллигенция почти вся за нового секретаря Шеварнадзе, но он нажил и врагов. Сам живет скромно. На днях сгорел знаменитый тбилисский оперный театр. Водоем, находящийся рядом, был пуст, за несколько дней спустили зачем-то воду. Весь город смотрел, как горел театр, и Шеварнадзе тоже приехал. Чета Мжаванадзе приезжала в Тбилиси, и мадам Мжаванадзе сидела в театре в третьем ряду в своих бриллиантах. Алиев (бакинский секре-

тарь) ослабил преследование спекулянтов и занялся «идеологической дисциплиной».

4 июня 1973

Вечером ко мне вдруг зашел Лева Гинзбург. Сегодняшнее закрытое партсобрание ничем новым не ознаменовалось. Ягодкин снова бранил Максимова, роман Ф.Абрамова и пьесу Ч.Айтматова. Выступал К.Симонов, расхваливший пьесу, но и не подумал защищать ее (хвалил он ее в печати месяц назад). В стиле конца сороковых годов выступал А.Сурков, которому уже 73 года. Он бранил также Синявского и Даниэля и других. Поступило предложение послать приветственную телеграмму Брежневу. Неожиданно против выступил Грибачев, который заявил, что телеграмма – это штамп, формальность, что Л.И. такой скромный человек, что ему это не понравится. С ним не согласились. Конфуз вызвало выступление Падерина, который, пышно восхваляя Брежнева, вдруг назвал его «Леонидом Сергеевичем», видимо, спутав с Хрущевым. После он был в отчаянии. А К.Симонов буквально что-то бляял о «честности». В общем, ничего интересного не было.

16 июня 1973

Небо в облаках, но как-то душно.

Брежнев уже на пути в Америку (с остановкой в Исландии).

Утром сидим с Токарем в саду и говорим о том и сем. Симпатичный человек. Лева и Люся приедут, вероятно, завтра. Меня обволакивает летняя лень.

У меня осталось 12 рублей, но, после того, как я заплатил за электричество, я как-то спокоен. Сходил в магазин и купил масла, сметаны и на рынке картошки. А третьего дня впервые в этом году ел в городе молодую картошку (у Ц.И.). Картошка со сметаной – вот мой обед. <...>

По радио: в Париже состоялся международный симпозиум о творчестве Солженицына. Основной доклад «Между традиционализмом и новаторством» делал Марк Слоним.

Слышал, как Г.Свирский читал свой очерк «Высочанский порог» из цикла «В Заполярье». О нем сообщили, что он живет в Израиле, но недавно приезжал в Париж свидетелем на процесс против агентства «Новости», обвиненного в антисемитизме. Он написал ряд рассказов и киносценарий «Евреи, налево». <...>

Мир странен и причудлив. Еще недавно я бродил с Гришей Свирским у домов на Красноармейской и мы с ним гадали, выпустят его или нет. Помню, как чему-то рассмеялись, и на нас оглянулся су-

рово проходивший мимо Арк. Васильев. Вот и А.Васильев дал дуба, и Гриша Свирский мотается по свету...

Вечером, почти ночью, пошел сильный дождь, вернее, гроза с частыми разрывами молний.

Слышал, что очередные заседания политбюро происходят еженедельно по четвергам с 4-х часов дня. Обычно председательствуют Сулов или Кириленко. Токарь хорошо знает Кириленко и говорит, что это вполне посредственный человек. Когда Токарь работал горным инженером, Кириленко приезжал с инспекциями раз в месяц, но больше интересовался, как держит себя Каганович (опальный, он был тогда прямым начальником Токаря), чем рудниками.

18 июня 1973

Сегодня Брежнев начинает переговоры с Никсоном. В Москве арестовали 6 евреев «ученьх», которые будто бы объявили голодовку. Виктор Луи появился в Израиле. Его называют «журналист и разведчик». С ним якшаются у нас и Евтушенко, и Вознесенский, и Ахмадулина. Это, видимо, та неразборчивость, истоки которой в собственной душе. Они думают, что можно себе позволить все, и это как-то окупается и прощается ради молодости и таланта. Но молодости уже нет, а таланты все вышли.

К вечеру заметно прохладней. Надеваю свитер, впервые за лето. Какая-то тянущая душу тоска.

27 июня 1973

В городе. Приехал вчера вечером. Днем выступил на совещании «За круглым столом» по поводу мемуаров в редакции «Вопросов литературы». Я говорил последним, многое, о чем я хотел сказать, уже было сказано, и у меня осталось ощущение, что я говорил сумбурно и комкано, но Е.А.Кацева после сказала Ц.И., что я говорил хорошо и даже «лучше всех». Вообще, совещание было малоинтересным. Вопрос слишком широк. Говорили – кому о чем. Участвовали: Макашин, М.Брагин, бывший чтец Голубенцев, Кардин, Ланщиков, Марлен Кораллов и кто-то еще. Спесивый и самодовольный М.Кораллов очень глуп. Лазарев просит переписать мою стенограмму в статью, т.е. не редактировать ее, а именно свободно переписать. Ему понравилась одна моя мысль (о природе памяти).

29 июня 1973

Ночью слышал по радио, что 26 июня Союз писателей исключил В.Максимова. С тех пор я не видел никого в Москве, кто мог бы об этом мне рассказать. Ранее я слышал, что это будто бы уже произошло в мае.

30 июня 1973

Очень жарко. В 2 часа дня 30 градусов. Южный ветер приносит облака и проливает минутный дождик. Еще цветет жасмин. <...>

Появляется Саша Каменский. Он общался с М.Шагалом, когда тот был здесь. Шагал живчик и полон жизни, но маниакально боится всего мрачного и разговоров о смерти. Он забыл Тышлера и отказался с ним встречаться. Отказался ехать на Новодевичье кладбище и не хотел говорить ни о ком, кто недавно умер во Франции. Неприязнь к Пикассо. Все время рядом Надя Леже, как красный комиссар. Мадам Шагал, урожденная Бродская – дочь киевского сахарного миллионера. Шагал не сказал ни одного нелояльного слова: Надя Леже за этим следила. Отказывался встречаться со звонившими к нему разными еврейскими деятелями. Отказал в просьбе принять Потоцкую, вдову Михозлса, когда ему сказали, что у нее «трагическая судьба». Его переделернуло при слове «трагическая». Он подарил Саше набросанный при нем же рисунок и дал ему интервью, которое, однако, просил не печатать. Он полон моторной силы, но очень бережет себя – ничего грустного и мрачного. Не поехал в Витебск. <...>

Читаю книгу Н.Раевского «Когда говорят портреты»*, вышедшую в Алма-Ате несколько лет назад. Несколько наивно, но искренне. В семейной драме Пушкина он все-таки не совершенно чист. Но возможно ли тут остаться на позиции справедливости? <...>

Мачеха Саша Каменского знакома с Ниной Петровной Хрущевой и недавно звонила ей. Та сказала, что наконец сдался последний в политбюро, кто возражал против надмогильного памятника Хрущеву, и разрешение получено. Э.Неизвестный сделал модель памятника. Говорят, что на Новодевичьем у могилы Хрущева всегда народ и цветы.

1 июля 1973

Недавно (13 июня) в «Правде» был напечатан подвал, где очень туманно писалось о том, что в ГИКе некий студент критиковал кого-то из руководителей и с ним расправились. Кого он критиковал и вообще в чем было дело, не говорилось, вернее, говорилось обиняками.

Потом мне сказали, что студент критиковал последнюю картину неприкасаемого С.А.Герасимова. А его не только не полагается критиковать, но даже не решились назвать в фельетоне, хотя вся история расправы была вопиющей и пришлось ее расследовать. Гово-

* Точное название «Когда портреты заговорили».

рят, сам С.А.Герасимов был так поражен, что его тронули, что с огорчения заболел и лежит в больнице.

С.А.Герасимов – человек талантливый, и тут не может быть двух мнений. Но работает он все хуже и хуже. Фимиам похвал и лести превратился в парализующий талант и ум удушливый смог. Этот случай интересен, потому что он сложнее, чем чистый гангстеризм, скажем, суровского типа*, когда черное нагло выдавалось за белое: он, как бы, человечнее. Т.е., это не чистая уголовщина, а трагедия.

2 июля 1973

Вчера вечером собрался в город. Начинал идти дождь, а когда приехал, здесь был ливень. Нашел на полу у двери письмо А.И.Солженицына. <...>

С пяти до полвосьмого у меня Боря Слуцкий. Интересные рассказы о разном. Все-таки Боря – это человек, битком набитый «информацией». Как снимали Яковлева (без проработки). Об Андропове. П.Якир на продолжающихся «очных ставках» нагло лжет на разных людей. Будто бы с ним проходит по делу только один человек – некто Красин, связанный с православными кругами. Об ученом Бертельсе, нашедшем на Памире ранее не известное «Евангелие от Фомы». Всего есть уже 27 евангелистов. Об архиве Смелякова. У него все-таки были ненапечатанные стихи («Два этапа», «Жидовка» и др. – будто бы хорошие). Дела Коржавина плохи: его, вероятно, вышлют. Он сам неустойчив: то говорит так, то эдак. В.Ильин при Боре сказал ему: «Вам нужен Израиль, как пизде зубы». Максимов будто бы исключен не 26-го, а 27-го. У Окуджавы все дела в порядке. Евтушенко будто бы мечтает стать официальным первым поэтом и пойдет ради этого на любое холуйство. На все. Он еще просто не знает, что бы ему сделать. По его сведениям, ЦК готов взять расходы на памятник Хрущеву на себя. Иностранцев туристов больше всего в Москве интересуют такие могилы на Новодевичьем: Зои Космодемьянской, Надежды Аллилуевой, супруги Косыгина, сына Василия Сталина (год рождения 1949), тоже Василия (!), и Хрущева.

16 июля 1973

Отличные летние дни. Сиджу на даче. Иногда ко мне заходит Г.М.Токарь. Эпопея с газом приближается к финишу. Сегодня при-

* Имеется в виду Анатолий Алексеевич Суров (псевд. Ан. Алексеев) (1910–1987), драматург, лауреат Сталинских премий – графоман и шантажист, который в период т.н. «борьбы с космополитизмом» использовал для написания своих пьес труд «литературных негров» – писателей-евреев.

ходили Э.П.Гарин и отец и сын Хржановские. Гарин мрачен. Им звонила редакторша Иванова из издательства «Искусство». Какие-то новые осложнения. Эта книга – единственная радость Э.П. и Х.А. Жалко их.

Следующую неделю почти всю придется пробыть в городе из-за кинопросмотров. В зале ЦДЛ непереносимо душно. Может быть, зря я в это вязался? Но все же любопытно.

Э.П. видел наш козырной фильм «Это сладкое слово – свобода» и матерится. Я люблю режиссуру С.Крамера, но об «Оклахоме» все говорят уважительно и сдержанно. И, тем не менее, она может получить приз... если учитывать медовый месяц американско-советских отношений.

Но в целом чувствуется, что фестиваль идет без триумфов. Про «Города и годы» А.Зархи тоже говорят, что это порядочное говно. Да и роман не люблю. Он очень скучен. <...> Слух о том, что Саша Галич крестился. Будто бы А.Синявский получил заграничный паспорт на год, а у него приглашение из Сорбонны на три года. Ему вежливо сказали, чтобы он через год зашел в Париже в посольство и объявил о своих дальнейших планах. Я думаю, что ни он, ни Жорес Медведев не вернутся.

Афганистан объявлен республикой в то время, как король (или шах?) находился в заграничной поездке.

17 июля 1973

Снова в городе. Вчера смотрел в ЦДЛ немецкий фильм (ФРГ) «Одинокий охотник». Скучно, глупо, мнимо значительно. Ушел с середины и пошел есть в ресторане крошку. Ко мне за столик села Рита Лифанова. Она интересовалась, за что я обижен на Арбузова. Я сказал, что не обижен, но и об истории с Галичем не стал ей говорить*. Они знали, что я болел. Говорили и о Жене Симонове, и о том, почему я не пишу пьес. И еще о чем-то. Потом еще смотрели итальянскую комедию «Альфред, Альфред» – забавно. Сегодня смотрели японскую полудокументальную картину «Родина» – ничего, хотя и скучновато, – и «Леди с блюзом» (американскую) о том, как знаменитая негритянская певица делается морфинисткой: эффектно и натуралистично.

* При исключении А.А.Галича из Союза писателей, друг его юности Арбузов, с которым они перед войной начинали свою драматургическую деятельность постановкой «Города на заре», проявил малодушие и выступил с осуждением Галича.

23 июля 1973

На даче. Прекрасный, не слишком жаркий, солнечный день. Где-то вдалеке гремел гром, но дождя нет.

Молодая картошка, помидоры, огурцы, сметана и квас – вот мое меню, и больше ничего не желаю. <...> Рву и ем тут же вишни. Читаю. Слушаю Эдит Пиаф.

Вчера встретил в ЦДЛ Б.Окуджаву. Как всегда, очень тепло с ним здороваемся. Спрашиваю, не выходит ли у него что-нибудь новенькое. Он даже руками замахал: «Нет, нет! Что вы!...» Это было на ходу, в проходном зале между холлом и буфетом.

Вечером «Немецкая волна» сообщила, что он исключен из партии, но это неверно. Он не исключен. Об этом мне говорил Б.Слуцкий, а уж он знает. <...>

Говорят, что процесс Якира все-таки состоится. С ним вместе будут судить некоего Красина. Будто бы дочь Петра Ирина призналась в соучастии в изданиях Самоиздата, но не арестована. Будто бы Якиру за «раскаянье» обещано снисхождение: не тюрьма, а ссылка.

Рассказы А.П.М.<ацкина> о Василии Сталине на фронте. Как он избил комдива-героя. Дрался палкой и Чуйков. Бил не солдат, а командиров. И Жуков тоже позволял себе.

На днях состоялся новый процесс Андрея Амальрика, первый трехлетний срок которого закончился зимой. Он опять получил 3 года. Протест американского комитета писателей, куда входит 11 человек во главе с Д.Апдайком, А.Миллером и Р.П.Уорреном.

Никсон заявил, что он и не собирался подавать в отставку.

25 июля 1973

В только что вышедших мемуарах покойного многолетнего министра финансов Зверева – хвалебные слова о Чубаре и Гринько. Оба погибли в 37-м году*, причем Гринько был осужден по открытому «бухаринскому» процессу, где пространно признавался во множестве преступлений. Мало того – в книге помещены даже портреты – и Чубаря, и Гринько. Это уже четвертый участник этого процесса, который поминается с восхвалениями. Бухарин и Рыков не поминаются, но от обвинений против них, по элементарной логике, ничего не осталось. Развезяно, видимо, и обвинение врачей Левина, Казакова и Плетнева в убийстве Горького и обвинение против организаторов: Ягоды, Крючкова и др. Нет никакого сомнения, что и другие процессы тоже рухнули. Но об этом молчат. Почему? Зачем? Это унижительно для чести и достоинства России.

* В.Я.Чубарь был казнен в 1939, а Г.Ф.Гринько – в марте 1938.

Еще прочитал небезынтересные мемуары М.Ройзмана «Все, что помню о Есенине».

28 июля 1973

Был полтора дня в городе. Вернулся утром. <...> В ЦДЛ ко мне подошел Храбровицкий и спросил: был ли я в 30-м году в Москве? Оказывается, он нашел в книге посетителей «Выставки Маяковского»* мое имя. Написано: «А.Гладков, учащийся». Он удивился, что я не хочу это посмотреть. А чего смотреть? Так оно и есть.

Из № «Нового мира» цензура изъяла юбилейную подборку о Маяковском, которую сделал В.Катанян. Любопытно, что там такое было.

30 июля 1973

Сегодня у меня утром был А.И.Солженицын. Это было условлено, и я ждал его. Он приехал в половине девятого и уехал с поездом в 11.07. Разговаривая, сидели в саду, потом на нижней террасе.

Сначала я увидел человека, почему-то идущего от дома к калитке. Я окликнул. Оказалось, что он вошел в отпертую калитку, потом решил, что ее нужно закрыть, и стал возвращаться.

В лице его много красок: он румяный, белозубый и улыбающийся. На фото он строг и даже суров. Быстрый. Все понимает с полуслова. Ведет разговор. Паузы не возникают. Какая-то черная, под кожу, куртка и маленький в руках планшет.

Интересовался в саду деревьями. Быстро обошел сад. Ощущение присутствия большой моторной силы.

Помимо темы разговора, возникало попутное. Он стал спрашивать меня о М.Демине, о котором отозвался презрительно. Не знал о родстве того с Юрой Трифионовым. Я сказал ему о своей догадке, подчеркнув мою неуверенность. Он сказал, что наверно так оно и есть и что нужно об этом всем говорить. «Я стараюсь всегда разоблачать всех провокаторов...» – «Да, но если я ошибаюсь?» – «Нет, тут вы не ошибаетесь...»

Вопросы о моем аресте, сроках и пр. Удивился, что Р.А.М. хочет писать о донских казаках. Удивился с оттенком ревности: ведь он сам с Дона. Сказал, что этот год прошел у него сравнительно тихо и потому работалось, но он не может поручиться, что и далее пойдет так. Все может обостриться, хотя бы если, например, Сахарова решат выбросить из Академии. Тогда может возникнуть новое положение с вероятностью разных эксцессов. Ведь тогда ему придется выступить.

* Имеется в виду выставка В.В.Маяковского «20 лет работы».

Догадливая деликатность: «А я вам не осложняю жизнь?» Мимоходно о возможности эмиграции для него. Он ее никак не хочет. Я говорю, что вот подрастут дети, надо их учить. А как же тут, при таком положении правовом и вообще. Он не соглашается: «Ну, об этом рано. Тогда и посмотрим».

Он официально женился на москвичке и, вроде бы, его должны прописать в Москве, но 4 месяца не дают ответа. Он считает, что могут отказать под предлогом, что он в Москве не работает. Прецедентов таких нет, но он думает, что могут.

Ищем поезд в моих расписаниях. Я говорю и провожаю его до калитки. Он уходит. Я спохватываюсь, что посмотрел не на ту страничку и назвал ему поезд «из Москвы», догоняю его. Он уже сообразил, догадался, но не хотел возвращаться. Разговариваем на платформе.

Он уехал, и сразу ощущение какой-то пустоты. В нем очень заметна инерция движения, энергии, чему невольно завидуешь. И немножко грустно. Мимо меня пронеслась какая-то сила, ее уже нет, а я остался на месте.

Утро было солнечное, но прохладное. Похолодало с вечера. Градусов 14-15.

Подарил мне книжку с автографом. Вспоминаю разные подробности встречи с А.И.С. Характерно, что, поднявшись в мой кабинет, он только бегло посмотрел на книжные полки. Я сразу подумал: «Интеллигент первого поколения...». Слышал, что его жена беременна третьим ребенком, и на вопрос, неужели он хочет, чтобы она родила еще раз, он ответил: «Делать аборт нам не позволяет религия...» Вот так-с! Религия! Если мы еще встретимся и зайдет речь о религии, вряд ли пойдем друг друга.

5 августа 1973

Воскресенье. Очень жарко, хотя и не безоблачно и ветерок. <...>

Бунинский том хорош. О руководителе «Литературного наследства» говорят гадости: и авантюрист, и корыстолюбец, и обладатель стоящей миллион, собранной часто нечистыми путями коллекции картин, и вообще человек не достойный доверия, но вот, создал же такое огромное культурное дело. И не все ли нам равно, что он такой-сякой* ... <...>

* Имеется в виду Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988), искусствовед, коллекционер, литературовед и собиратель архивных материалов. Переданная в дар государству его коллекция картин положила начало Музею частных коллекций в Москве.

Вчера радио передавало резчайшее письмо В.Максимова Союзу писателей. В нем есть большая доля правды.

6 августа 1973

В письме В.Максимова почему-то названы по именам, очень ругательно: Евтушенко, Пиляр и Медников. Это не самые худшие, и тут есть какое-то основание личного порядка.

Коржавин, говорят, подал документы на выезд и уехал «прощаться с Ленинградом». Вот кого жалко. Он просто погорячился, и его можно было остановить. Но этим занимался Боря Слуцкий со своей государственной аргументацией.

9 августа 1973

В два часа ночи (мне не спалось и я читал – было невероятно душно) началась гроза с сильным ливнем, и он шел до девяти часов утра и потом еще раз припускался.

Жорес Медведев заявил, что он будет обжаловать перед советским правительством лишение гражданства. Слух, что генерал Григоренко выпущен из психиатрической больницы и ему разрешено жить с семьей.

Вице-президент Спиро Агню на пресс-конференции заявил о своей невиновности.

Читаю любопытную биографию протопопа Аввакума, написанную Д.Жуковым, являющимся, по слухам, тайным лидером «русситов». Это не бездарно. Когда автор пишет о столкновениях старообрядцев с никоновцами, он выражается так: «русский народ дал отпор сторонникам патриарха» и тому подобное. Он намекает, что Никон жил с царицей. <...>

Эфир полон именами Ж.Медведева, Максимова и других, из числа тех, кого Запад называет довольно нелепым словом «инакомыслящие».

15 августа 1973

«Немецкая волна» сообщает о готовящемся процессе Петра Якира, где он будет не столько обвиняемым, сколько главным свидетелем обвинения. Это ясно из нескольких очных ставок, которые были у него с кем-то. Передают его биографию, где говорится, что ему иногда бывали свойственны полосы апатии и фатализма. Это верно. Я с ним познакомился в такую полосу (в лагере, кажется, в 1951 г.). Да, я видел его и таким, и видел задорно активным. Вообще-то это национальная черта.

Сегодня ночью президент Никсон должен выступить с речью по телевидению об Уотергейтском деле.

В Москве открылась Универсиада. <...>

А.Галича пригласили в Осло, но ему не дали визы. Он и Максимов приняты в члены французского Пен-клуба. Максимов – это одно дело, но «оппозиционная карьера» Саши Галича – это, конечно, парадоксальное недоразумение. Он был увлечен на этот путь своим тщеславием и вечериночными успехами периода «позднего реабилитанса».

Жорес Медведев дает пресс-конференции в Лондоне. По словам Юры, Р.А. выступил тоже с каким-то заявлением о Жоресе.

Юра полон своими успехами и выглядит почти самодовольным. Его хвалили Марков и Сучков. <...>

Максимов опубликовал письмо Г.Бёллю, содержащее нападки на Брандта и на Брежнева, впрочем, не называя его имени. Это может ему дорого обойтись.

21 августа 1973

За сутки, неотрывно читая, прочитал воспоминания генетика Дубинина. Мне это интересно. Впрочем, он о многом умалчивает. Об аресте Вавилова – прозрачный намек. Осторожно – о Сталине. И даже о Лысенко бормочет в конце какие-то снисходительные полукомплименты, противоречащие многому, им же написанному в других местах. Чувствуется въедливый редактор.

Я не столько интересуюсь биологией и генетикой (хотя интересуюсь и даже в лагерь себе выписывал научную литературу и брал читать у агронома П.А.Зимяхина), сколько я интересуюсь временем, в котором я жил. А драмы в биологии – это мое время.

Прочитал еще книгу литературных эссе В.Каверина «Собеседники». Что сказать? Все как бы на уровне: и интеллигентно, и прогрессивно, но... Но не умно и малоталанливо. Именно *не умно*, а не неумно. Тут оттенок. Общие места либеральной мемуаристики. Пишет он об интересных людях, он лично их знал, но они в книге, как через стекло. Как-то ничего свежего и нового. Мне неловко его бранить: В.А. так расхваливал меня за мои опусы о Пастернаке и Олеше: даже писал мне письма. <...>

В 8-м «Новом мире» слабый рассказ В.Катаева «Фиалка»: прямолинейный, с копеечной философией. Конечно, и в нем есть кусочки яркой пластики и кое-где острое зрение, но только на вещный мир, а не на человеческие души. <...>

23 августа 1973

Солженицын сделал новое заявление, вернее, обратился с письмом к министру внутренних дел Щелокову, в котором содержится

жалоба на то, что ему отказано в праве проживать в Москве. Он пишет, что он не крепостной и имеет право жить, где ему угодно. Он мне говорил, что не получает 4 месяца ответа на просьбу о московской прописке. Вероятно, это значит, что он получил отказ.

Синявский сейчас живет где-то около Тулузы, но в сентябре приедет в Париж. В Лондоне выходит его автобиографическая книга с рассказом о лагере. Он утверждает, что книга не носит политического и антисоветского характера. Но может ли быть аполитичным рассказ о жизни в лагерях? Еще он закончил два больших литературных эссе: «Вблизи Пушкина»* и «В тени Гоголя». Это, конечно, интересно, но религиозность Синявского, вероятно, просквозит эти работы и сделает их односторонними.

25 августа 1973

По радио передают, со слов друзей Солженицына, что он сейчас снимает комнату в пригороде Москвы, но скоро срок сдачи кончится, и у него не будет крыши над головой. Невольно жду, что прозвучит моя фамилия. Но отказ ему в московской прописке может все изменить в его планах. А, может быть, оно и к лучшему. <...>

Чаковскому дали героя соц. труда. Это, вероятно, высшая точка его карьеры: ведь не может же этот делец и ловкач не сорваться где-нибудь. Он совсем не популярен в литературных кругах, и не только потому, что мало талантлив: подумаешь – и не таких видали! Но он высокомерен, груб, жесток. Особенно ненавидят его русситы. И за то, что он еврей, и за то, что он по-своему «западник». Сегодня у них черный день.

31 августа 1973

В газетах письмо в «Правду» 31-го писателя с протестом против выступлений Солженицына и Сахарова. Среди подписавших, кроме тех, от кого иного нечего было ждать, также: В.Быков, Ч.Айтматов, Бондарев, Зальгин, Наровчатов, К.Симонов, Щипачев... Хотя, конечно, как они могли отказаться подписать, если было предложено?

В «Известиях» отчет «Из зала суда» – о процессе Якира. Ему инкриминируется и выпуск пресловутой «Хроники текущих событий».

Кроме письма писателей, в газетах письма разных профессоров и слесарей, тоже возмущенных.

2 сентября 1973

Вчера закончился процесс Петра Якира. Он и В.Красин получили по 3 года. Этот приговор, конечно, результат сделки между КГБ

* Правильное название – «Прогулки с Пушкиным».

и подсудимыми. Они на суде «признавались» во всем и называли много имен, и получили за хорошее поведение такой маленький срок.

3 сентября 1973

Вернулся из города утром под мелким, назойливым дождем. Когда ловил машину на Красноармейской, встретил Виктора Розова, который шел в парикмахерскую. Он доволен собой и миром. Недавно ему исполнилось 60 лет, и я поздравил его. Он принял это с достоинством. Благодушен.

Получил на почте «наложенным платежом» бандероль с новым томом «Литературного наследства», посвященным Достоевскому.

<...>

Прочитал книгу М.Блеймана «О кино», полумемуарную. Это интересно. Но восхваления «Ивана Грозного»!.. Мочи нет читать такую фальшь.

Сейчас читаю расшифрованный женевский дневник А.Достоевской. Ее супруг, все-таки, был препротивный господин. Устраивал ей скандал каждый раз, когда ее мать присылала ей из России доплатное письмо. А сам проигрывал сотни франков в рулетку.

8 сентября 1973

Несколько дней не слышал радио. Комментарии по поводу кампании против академика Сахарова. Принцесса Анна в Киеве упала с лошади и ушибла левую ногу, выбыв из соревнований. Суд над Якиром английские газеты называют «фальсифицированным». Это не совсем точно. Вернее сказать, это был не суд, а инсценировка суда. Возможно, Якир и был искренен, но это искренность сломленного человека. Одна из лондонских газет верно отмечает, что постоянные обращения «инакомыслящих» к Западу, апелляция к западному общественному мнению ничего не дали «движению» с его чисто интеллигентскими и верхушечными проблемами, что народ, в широком смысле слова, мало заинтересован в их требованиях. Все отмечают, что травлю Сахарова на этот раз поддержали академики Фрумкин и Энгельгардт, композиторы Шостакович и Хачатурян, писатели Айтматов и Р.Гамзатов (ошибочно считая последнего сочувствующим либералам).

У вахтанговцев открылся сезон. А в октябре они выезжают на гастроли в Венгрию и Югославию. ЦТСА еще в отпуску.

Вечером радио сообщает несколько сенсационных известий. Сахаров снова собрал у себя на квартире пресс-конференцию для западных журналистов и в присутствии 14 человек разоблачал бесче-

ловечные проступки советских психиатров, указывая факты и фамилии. Он задал вопрос канцлеру Брандту о том, как тот относится к преследованию в СССР инакомыслящих. И – самое удивительное – Брандт ответил ему заявлением, что советские лидеры хорошо знают, как он относится к любым преследованиям за убеждения. И осудил их. Какой-то нидерландский университет послал Брежневу телеграмму с протестом и отменил приезд советского профессора.

9 сентября 1973

В Ленинграде был захвачен экземпляр книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Женщина, хранившая его, после допроса повесилась. Об этом заявил Солженицын. Он назвал и ее имя, но я не запомнил.

Об «Архипелаге ГУЛАГе» я слышал несколько лет назад. Это история лагерей за 50 лет, с именами и полной географией.

20 сентября 1973

Три с половиной дня в городе. Сегодня вернулся. Второй день солнечно, но не очень тепло. Похоже на «бабье лето», которого не было, но воздух крутой и резкий, не нежный. Разноцветная листва. Красиво.

Дважды обедал у Ц.И., раз у Гариных и еще в ЦДЛ с Ваншенкиным и редактором Гослита Крюковым. Рядом пили поэты: за одним столиком националы во главе с Кулиевым, за другим – компания Самойлова, за третьим – Р.Казакова с каким-то отребьем. Напившись, все целуются, как футболисты.

Встретив Ваншенкина в Лавке, я похвалил его книгу, и он так обрадовался, что вцепился в меня и не отпускал, пока я не поехал с ним в ЦДЛ. Я, впрочем,пил немного.

Москва по-разному возбуждена интервью Сахарова и Солженицына, отпором им, прекращением глушения иностранных радиостанций и разными слухами. Одни могут говорить только об этом (А.П.М.), другие обходят это молчанием, что еще более заметно.

<...>

Ваншенкин себе на уме, но славный.

Ездил в ВУОАП, где никаких денег на счете нет. Взял в сберкассе последнюю сотню. С упоением жру арбузы, которых много в этом году.

Солженицын назвал более десятка имен представителей «молодой русской прозы», которые, с разными «но», все же пишут хорошо и честно. Это: Абрамов, Астафьев, Белов, В.Быков, Окуджава, Войнович, Владимов, Казаков, Можаяев, Залыгин, Трифонов... и

еще трех не запомнил. Я не со всем списком согласен, но он характерен.

Синявский в октябре выпускает в Лондоне книгу «Голос из хора». Это его письма из лагеря к жене: в них нет ничего о режиме и быте лагерей, а только о русской литературе 19-го века. Будто бы рукопись книги перед его отъездом в Париж прочли в КГБ и разрешили ее печатанье (!). Еще он подготовил книги «Вместе с Пушкиным» и «Вблизи Гоголя»*, которые тоже скоро выйдут. Поистине страннейший финал драматической эпопеи Абрама Терца.

21 сентября 1973

В прошлое воскресенье «Немецкая волна» передала телевизионное интервью, которое Галич дал какой-то гамбургской газете прямо из своей московской квартиры (он живет в соседнем доме на ул. Черныховского), о том, что, по его мнению, советское правительство под давлением Запада пойдет на демократические реформы... Если бы какой-нибудь Кочетов или Шевцов написал такое в очередном пасквиле, могли сказать, что это неправдоподобно. Но это реальность. Бедлам. Вот что такое волна истории. Она вынесла Сашу Галича, маленького, слабого, неумного, тщеславного человека, в большую историю. <...>

Открытка от Миши Шульмана. Воениздат отверг его рукопись, и он написал жалобу Демичеву.

В Москве все говорят, что Демичев женился на киноактрисе Володиной, т.е. не «живет», а формально женился. <...>

Умер Матвей Ройзман, недавно выпустивший воспоминания о С.Есенине.

В последнем номере «Вопросов литературы» напечатана подборка писем И.Г.Эренбурга, начиная от юношеских писем к Брюсову. Сам И.Г. не считал себя любителем эпистолярного жанра и однажды сказал мне, что от него писем останется мало. Мне эти письма не слишком понравились, м.б. потому, что я сразу наткнулся на нежное письмо к Фадееву, а я не раз слышал от Эренбурга уничтожающие отзывы о нем. Эта явная неискренность меня огорчила, и остальные я читал вполглаза. Человечнее других письма к Цветаевой.

Саша Галич и В.Максимов *потребовали* от нового правительства Чили безопасности Пабло Неруды. Максимов и Галич несравнимы по дарованию (Максимов выше), и это все нелепо и смешно.

И, тем не менее, кампания на Западе с диссидентами и «инакомыслящими», наверно, уже в печенке у Кремля.

* То есть «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя».

22 сентября 1973

Тепло и пасмурно. Бодрящий осенний воздух. <...>

В 17 часов с минутами пошел снег, впервые в этом году. Прогнозисты снова ошиблись: они пророчили на ближайшие двое суток теплую и ясную погоду.

Снег идет на фоне зеленой листвы. Крупные снежинки. Взглянул в окно. На крыше сарая лежит снег белой массой.

Вечером Бибиси повторяет текст интервью Солженицына. Я прослушал вчера три имени: Солоухин, Тендряков и Носов. Последнего я мало знаю, но другие два бесспорны. Солженицын, впрочем, говорит, что, вероятно, в его перечне есть и пропуски. Высоко оценив Ю.Казакова, он сожалеет, что тот не пишет о главных проблемах времени. То же он говорит и об остальных: высоко оценивая таланты, он сокрушается мелкости и, так сказать, второстепенности их тем. Но он, в целом, все же признает, что «проза есть». Еще: Шукшин, Максимов. Солженицын намеревается романы «Октябрь Шестнадцатого» и «Март Семнадцатого» публиковать вместе. <...>

Умерла Лидия Русланова, знаменитая в прошлом певица «русского жанра», просидевшая порядочно в лагерях.

24 сентября 1973

Вчера некий еврей Аркадий Шпильберг вышел с плакатом протеста напротив здания ЦК и был задержан. В тот же день академик Сахаров выступил с протестом в связи с задержанием Шпильберга. Был задержан также американский журналист, сфотографировавший этот эпизод.

Солженицын, в связи с созданием Агентства по защите авторских прав, заявил, что он пускает в Самиздат 2 главы (новые) из «В круге первом» и предоставляет агентству защищать его права, если они выйдут за границы. Это что-то слишком хитроумно и носит характер вызова.

Как сообщают американцы, Пабло Неруда умер от рака предстательной железы. Его привезли в больницу в Сантьяго за несколько дней до смерти, в полубессознательном состоянии. Знал ли он, коммунист и друг Альенде, о перевороте? Пожалуй, от автоматной очереди погибнуть было бы лучше...

Читаю Блока.

26 сентября 1973

На днях умер поэт Михаил Зенкевич, последний из акмеистов. Кажется, он не оставил воспоминаний, но Н.Я. говорила, что Харджиев записывал его довольно интересные рассказы. Человек он был

тихий, не тщеславный, когда-то очень напуганный, скромный. Когда-то он жил в тени Гумилева, потом в тени Нарбута, а после их гибели залез в какую-то нору и изредка высовывал нос. Н.Я. относилась к нему насмешливо-снисходительно.

28 сентября 1973

Вчера пришел №9 «Нового мира». Воспоминания Микояна на этот раз неинтересны. Зато интересны военные записи Кардина. Или я просто люблю этот жанр?

Радио сообщает, что опубликован указ о том, что налог с гонорара произведений, опубликованных за границей, будет составлять от 30 до 70 процентов.

Сейчас по всем линиям идет большой нажим на наше правительство в отношении свободной эмиграции и борьбы с «инакомыслящими». Престиж не позволит СССР уступить, об этом и думать нечего, но все же что-то делается. Это неизбежно, и даже не потому, что «заставят», а потому, что названную вслух болезнь не скрешь, и так или сяк, но что-то придется менять.

Еще наши подписали какую-то конвенцию о правах человека, которая ничего не гарантирует, вроде как сталинская конституция со свободой печати в 37-м году. Это наивный жест показухи, в который никто не поверит.

Вообще, есть какая-то неизбежная наивность в этих показных мероприятиях. Когда Литвинов в середине 30-х годов предлагал всеобщее разоружение, то это впечатляло Ромен Роллана и Жана Ришара Блока, но теперь, после десятков лет вранья, невозможно принимать всерьез предложенное вчера Громыкой сокращение военных бюджетов на 10 процентов.

Дом Пабло Неруды после похорон разгромили.

Еще в №9 «Нового мира» интересны воспоминания Атарова о В.Овечкине. Они талантливо написаны, и получается эдакий рыцарь без страха и упрека, но... Но я сидел в лагере с его родной племянницей Женей, у которой была статья «измена родине» за то, что она в оккупации пошла в отряд противовоздушной обороны (девчонкой), чтобы ее не отправили в Германию. И этот высококравственный дядя не только не похлопотал за нее, но и отказал ее матери (кажется, его сестре) в материальной помощи, хотя в те годы много зарабатывал (на посылки). Знает ли об этом Атаров? Вряд ли.

29 сентября 1973

Переводчик «Давным-давно» на чешский язык Павел Когоут, оказывается, не эмигрировал, а живет в Праге, хотя его не печатают,

а пьесы не ставят. Он дал австрийской газете интервью с резким осуждением того, что происходит в Чехословакии. Больному Смрковскому не разрешили поехать лечиться в Париж. <...>

Еврею Аркадию Шпильбергу, стоявшему с плакатом перед зданием ЦК, кажется, дали разрешение на выезд. <...>

Еду в Лавку и покупаю «День поэзии-72». Почти неприлично столько стихов сразу. Преобладание посредственности, в которой растворяется все значительное.

Якиру и Красину срок снижен «по состоянию здоровья» вдвое, т.е. они выйдут в октябре. Это дорисовывает характер сделки.

1 октября 1973

Вчера была годовщина расстрела евреев у Бабьего Яра.

Больше тысячи евреев, будто бы, собрались там с венками и свечами, но были разогнаны киевской милицией. Венки рвались. Были и аресты. <...>

4 октября 1973

<А.П.Мацкин> сказал мне, что в Лондоне умер Коля Рытсков. Я как-то прозевал: был некролог. То-то не слышен больше его голос. А я думал, что у него отпуск. Он проработал несколько лет диктором Бибиси после того, как, отправившись, кажется, в Гаагу, на конгресс эсперантистов, «выбрал свободу». Я с ним просидел несколько недель в 15-й камере на Лубянке в 49-м году. Он сидел дважды: был на Кольме. Потом, когда «Первая симфония» шла в Театре Ленинского комсомола, куда его вернули после реабилитации, все приставал ко мне, чтобы я попросил у Гиацинтовой для него роль в моей пьесе. Уж не помню – дали ли ему. Он ходил в какой-то серой блузе и был странен. Оставил жену, актрису Нарышкину. <...>

6 октября 1973

Думал о Юриной рукописи <«Записки соседа»>.

Выходят из печати полные вранья и общих фраз разные «истории» советской литературы, и все эти отлично переплетенные тома когда-нибудь сгинут в небытие, а настоящая история будет написана на основании рукописей, которые сейчас пишутся без расчета на опубликование, а из инстинкта сохранить правду о времени и людях. Таковы Юрины «Записки соседа», несколько эссе покойного Бори Ямпольского, мои «Встречи с Пастернаком», «Слова, слова, слова...» и, м.б., еще что-нибудь. Да и наверное я не все знаю: есть и еще.

Обедаю у Гариных. По словам Хеси (по секрету от Э.П.), Гарин на грани полной потери зрения. Он уже не может читать. 9-го его кладут в больницу имени Гемгольца. <...>

Вечером у Гариных услышал по «Спидоле» сообщение о начале вооруженных действий между Израилем, Египтом и Сирией. Египтяне переправились через Суэцкий канал, и бои идут восточнее канала, а также воздушные бои над Голанскими высотами. Обе стороны обвиняют друг друга в начале военных действий.

Еще неясно, насколько это серьезно.

День солнечный, красивый. К вечеру становится холоднее.

16 октября 1973

Всю ночь лил дождь, и остатки снега растаяли. Дождь и сейчас еще продолжает идти.

Итак, свершилось труднопредставимое: недавно СССР и США соревновались в любезностях, а сейчас соревнуются в поставках оружия своим подопечным. Где же титанические дипломатические способности сверхдипломата Киссинджера? Полный конфуз. Трудно представить, чем это кончится. А вчера, выступая в Болгарии на всемирном конгрессе профсоюзов, Брежнев еще что-то (по инерции) бубнил о «разрядке».

Сад за великолепным моим окном облетает не по дням, а по часам. Дождь идет уже 14 часов подряд. Убрал складной стул с балкончика: до весны, должно быть...

«Воздушный мост» из СССР в Египет идет через Югославию: 250 самолетов в оба конца ежедневно. Если станет необходимо, можно будет организовать второй «мост» через Болгарию. О визите Бумидьена сообщили, когда он улетел.

Сегодня будто бы идет жестокий бой в Сирии. Днем гулял с Константиновским. Он опять в ажиотаже и почти панике в связи с событиями в Израиле. <...> Вечером сообщают, что Киссинджер и член политбюро Северного Вьетнама (забыл имя) получили Нобелевскую премию мира. Садат заявил, что Египет готов на перемирие, если Израиль освободит оккупированные области. Может быть, это и демагогия, но при отказе Израиля это ему выгодно.

20 октября 1973

Покончил самоубийством Илья Габай, бывший сподвижник Петра Якира, сидевший и выславшийся. Он выбросился из окна 11-этажного дома. Скорее всего, это из-за травмы после якировского процесса.

Киссинджер прилетел в Москву.

Будто бы евреи продвигаются на запад от Суэца. Слышал, что партдокладчики в эти дни кисло говорят об арабах и с некоторым уважением об Израиле. Это может быть подготовка к перемене декораций. Тут импровизаций не бывает.

Заходил Юра и принес мне 2 папки с романом А.Рыбакова. <...> Я читал когда-то первую часть романа А.Рыбакова и с интересом прочту все.

22 октября 1973

Прочитал роман Рыбакова. Когда была написана его первая часть, он назывался «Дети Арбата». Сейчас названия нет. Почти 600 страниц на машинке. Но есть купоры, сделанные чернилами. Листа 23-24. Это не большая проза по словесной ткани: это то, что наши деды называли беллетристикой, но это точно, интересно, умно и, по исторической концепции – верно, что важнее всего. Сталин убедителен. Особенно любопытно описание сибирской политической ссылки в середине 30-х годов: то, что еще не описывалось. Тут есть свежесть, которой меньше в описании московских ресторанов, впрочем, сделанном со знанием дела.

Есть налет поверхностности и большие куски скорописи. Мало ткани *прозы*.

Но это все же не так важно: это верно и интересно, и показывает зарождение «37-го года» издали, как оно и было. Пропущен 17-й съезд и его роль во всем происшедшем. Но отношения между Сталиным и Кировым раскрыты, вероятно, верно.

Мне лично мало симпатичен А.Рыбаков. Уж больно он ловок издаваться и переиздаваться. Но, во всяком случае, это новая разновидность дельца и карьериста, которому важно не только сегодняшнее преуспевание. Ведь роман будет долго лежать в столе и, кроме уважения в узких кругах, ничего автору не даст. Но, м.б., это неверно. Автору еще важно отмщение за сломанную молодость. У Рыбакова злопамятный талант: он ничего не забыл и не простил.

Вот это и удивительно: в секретарьяте ССП он голосует, как это нужно начальству, а придя домой, все-таки пишет этот роман.

Банально и в угоду моде роман кончается священником и словами о Господе Боге. Это искусственно, тем более, что А.Рыбаков – еврей.

23 октября 1973

Ходил днем за яйцами и пивом и встретил К.Рудницкого (в магазине), который стал со мной объясняться по поводу того, что я не получил от него книги о Мейерхольде. Он утверждает, что послал ее, но не помнит, на какой адрес.

Почему-то в наших журналах идет дискуссия, убили ли царевича Дмитрия или нет. Историк С. считает, что убийство – это легенда, а писатель Югов – наоборот. Так как статья Югова ужасно безвкусно написана, будем считать, что он неправ. Было бы полезнее, если бы поспорили о тайне убийства Кирова. Это для нас актуальнее. <...>

Еще звонила Маша Валентей, что-то плела о подготовке к юбилею, спрашивала совета о программе концерта, но когда я дал хороший совет, отнеслась к этому безразлично. И я понял, что она звонила только потому, что Хesia Александровна сказала ей, что неприлично обходить А.К.Гладкова. Я был вежливо сдержан и не высказал особого рвения. Основной доклад будет делать Ростоцкий, а не Завадский! Ну и ну!

А Рудницкий говорил мне, что я больше всех помог ему при написании книги и никому он так не благодарен, как мне...

27 октября 1973

Прочитал в «Иностранной литературе» роман А.Силлитоу «Начало пути». Это написано в традициях классического английского плутовского романа Филдинга и Смоллетта, но с машинами, гангстерами, сексом и пр. Довольно занимательно.

Читаю новую книгу (т.е. только что выпущенную) Тихомирова о России в XVI–XVII веках.

Хesia Александровна вчера рассказывала, что Отген получил от поэта Д.Самойлова письмо, что он негодай и тот прекращает с ним знакомство. Н.Д. огорчен, но ни словом не обмолвился о том, какую сплетню он пустил на этот раз о Самойлове. Впрочем, изобретательности в этом отношении Н.Д. не занимать статью. Но как люди не меняются!

29-го возвращается из Парижа Таня Слуцкая. Но Боря не скрывает, что ей там не помогли и предстоит операция. Ее навестили в Париже Витторио и Клара. Это очень мило с их стороны. Но какая там жизнь. Сели в Турине на машину и съездили на пару дней в Париж!

Умер С.Буденный в возрасте 90 лет. <...> Предстоит юбилей журнала «Звезда». Обещан орден, но не будет приветствия от ЦК, Ленинградского обкома и горкома, потому что формально не отменено постановление 46-го года (почти 30 лет назад!). Это рассказал приехавший М.Е.Ивин (Левин).

Юра и Алла собирались пойти сегодня на «Балалайкина» (пьеса Михалкова по Щедрину, постановка Товстоногова), в «Современник», но им позвонили, что спектакль отменен и когда будет, неиз-

вестно. Не сняли ли? Щедрин колпочий ежик! А уже были хвалебные рецензии.

Читаю «Автобиографию» С.Прокофьева, которую купил вчера в Лавке. Он пишет хорошо, легко и даже легкомысленно.

29 октября 1973

В №10 «Искусства кино» рассказ Э.Рязанова о том, как он снимал «Гусарскую балладу». Есть неточности. Первый вариант сценария писал я один (кстати, он у меня сохранился). Но он оказался длинен, и Рязанов по нему стал писать второй вариант. Но многое осталось из моего варианта (не говорю уже о том, что в нем из пьесы). Например, начало: Шура, скачущая по полям, и Ржевский, едущий в бричке. Ну, и так далее.<...>

Последние дни неотступно думаю о работе. Все мои сюжеты мне мало нравятся: или не сценичны, или не поэтичны. А, между тем, прохладиться больше нельзя. «Давным-давно» в октябре шло два раза, и один раз «Молодость театра». Это почти катастрофа. Правда, вахтанговцы на гастролях, а с «Давным-давно», может быть, и случайность, но ясно, что два спектакля в стране кормить меня не могут.

Я все-таки не ждал, что «Молодость театра», кроме Москвы, не пойдет нигде (Рига не в счет: там была явная неудача!).

Что-то надо придумывать, надо, надо... Плохо, что все мои интересы не в этом сейчас.

Новое заявление Солженицына относительно визита арабов к академику Сахарову. Он считает, что в СССР ничто такое не может делаться без участия и руководства органов. Вероятно, так оно и есть.

30 октября 1973

Плюс один. И тает под ногами, и сверху падает снежок. Утром звонки Юры, Ц.И. и Закса (насчет мюзикла). Будто бы Хренников согласился и завтра должен встретиться с представителями театра. Я до сих пор не могу определить свое отношение к этой затее и сказал, что уезжаю срочно на неделю. Будет время подумать и узнать, чего хочет Хренников.

Потом у Юры. Отнес ему рукопись Рыбакова. Его рассказы о Демине в Париже. Выпускает книги, связался с апашами, полно денег, баб, пьянства. В общем, на свой манер процветает. Свой издательский агент и т.п.

Потом поехали с Юрой обедать. Так как ЦДЛ все еще закрыт (из-за Конгресса), то поехали в кафе «Лиры» на углу Пушкинской пл. и Бронной. Пообедали неплохо.

На этом пресловутом Конгрессе все-таки было несколько выступлений в защиту советских «инакомыслящих». Группа какого-то американского священника-пацифиста, некая бельгийская дама и еще кто-то. Им, конечно, «дали отпор».

2 ноября 1973

Звонки Кости Есенина и Миши Шульмана. Миша вдруг занялся вопросом о преступности среди молодежи. Написал полпьесы и письмо Брежневу.

П.Якир в Рязани. Он звонил оттуда своим московским друзьям и академику Сахарову, который будто бы отказался с ним разговаривать.

Умер муж Тани Литвиновой, скульптор Слоним.

Был в Лавке. Новинок мало. <...> Смотревшие по ТВ похороны Буденного заметили, что Брежнев плакал и, говорят, единственный среди присутствовавших. Об этом говорит вся Москва.

Еще говорят о том, состоится ли отборочный футбольный матч с Чили (через три недели). Он должен быть сыгран на стадионе в Сантьяго, где несколько недель содержались арестованные после военного переворота, где происходили расстрелы и пр. Чилийские власти очистили стадион, и ФИФА приняла решение, что матч может состояться (после нашего протеста). Почти невероятно, что мы согласимся на это, хотя в случае отказа можем заработать «ноль» и не попасть в финал чемпионата. Мы заявили, что согласны играть на любом стадионе в нейтральной стране.

3 ноября 1973

Советская футбольная федерация заявила об отказе играть в Чили, возлагая ответственность на ФИФА. Оно, конечно, противно, но тут может быть и расчет: наша сборная играет неважнец, и мы имеем много шансов проиграть и, следовательно, не попасть в финал чемпионата (не попала же Англия), и тогда уж лучше самим пренебречь. <...>

В Союзе маленький ажиотаж. Формируется делегация в Тбилиси на юбилей Галактиона Табидзе. Зная грузинское застольное гостеприимство, рвутся многие. С. <Слуцкий?> мне жаловался, что его обошли приглашением. Он видит в этом прямую дискриминацию. Да, пикник недурной. Сколько будет выпито!

Как обычно, за неделю до праздников магазины наполняются продуктами, которых в простые дни и не увидишь: колбасами и сырами редких сортов, ходкими консервами, фруктами. Хозяйки сбиваются с ног. И мужчины ходят с набитыми авоськами. И по этим

дням делается заметным, как бедно мы живем, когда нет праздников и других okazji. В общем-то, ничего особенного: нет ни крабов, ни икры, ни деликатесной рыбы и даже простой воблы, которой когда-то было завались: все это потребляет партийная элита через свои закрытые распределители – циничнейшая черта наших нравов. И это в нашей обильной и богатой стране!

5 ноября 1973

Говорят, что в Москве в пятницу (2-го) на Внуковском аэродроме четверо молодых людей захватили лайнер внутренней линии и потребовали, чтобы он летел в Швецию. Милиция окружила самолет и застрелила двоих похитителей. Были ранены один пассажир и член команды.

От таянья больших масс снега, смешавшегося с городской грязью, уже несколько дней тяжелые испарения. Все жалуются, что трудно дышится и т. п. Наверно, и мое состояние от этого.

«Голос Америки» называет похитителей лайнера во Внукове «подростками». Это любопытно. <...>

Почти ночью мне звонит Миша Шульман. Он говорил с Хесей: Гарину очень плохо. Почти нет надежды спасти зрение.

Уж не знаю, что делать: звонить ей или не звонить? Соболезнования ей не нужны, но она снова будет говорить об этом, рассказывать и переживать.

Для меня лично это огромное горе. Эраст Павлович мне как брат.

Сразу после Шульмана звонит Слуцкий. Умер Кочетов. Давно уже говорили, что у него рак. Но как-то все тянулось. Кочетов – это фигура и характер. И не все равно, кто будет руководить журналом «Октябрь». Такого остервенелого ненавистника трудно найти. Что-то изменится. <...>

6 ноября 1973

2 градуса мороза. Лужи замерзли. Днем у меня Закс.

Он был у Хренникова, и они оба составили примерный план дописок. <...> Оказывается, Хренников живет в своей старой двухкомнатной квартире на Миусской площади (теперь улица Готвальда). Он получил эту квартиру еще перед войной. Любопытно, почему он не захотел ее поменять: он, бесспорно, имел эту возможность – многолетний секретарь Союза композиторов и член ЦК партии. Что это? Инерция, суеверие или какой-нибудь свержхитрый расчет? И Клара не потребовала. Это более чем удивительно. И, как бы то ни было, говорит в его пользу. Закс хочет пригласить дочь Хренникова Наташу быть художником спектакля.

Вся Москва говорит о происшествии на Внуковском аэродроме. История обрастает маловероятными подробностями. В нашей прессе об этом не сообщалось.

7 ноября 1973

Объявлены новые государственные премии: М.Луконин, Метченко, Перцов, Вера Дулова и националы. Ни одного русского спектакля и фильма. Луконин человек малоталанливый, Метченко прохвост и карьерист, Перцов... ну, этот за выслугу лет.

На полосах, где доклад Кириленко в газетах, нет, как прежде, его портрета. Он только на общем фоне с президиумом. Такие «мелочи» в обрядовой стороне наших церемониалов значат много. Оказывается, Кочетов застрелился. Он страдал от неизлечимой саркомы ноги, перенес несколько операций. Врач нашей поликлиники, онколог, была у него за день до самоубийства. Он выстрелил себе прямо в сердце.

8 ноября 1973

На днях уехал в Израиль Н.Коржавин. Его провожали многие. И он, и они плакали. Тягостная сцена. Он славный, милый, незаурядно умный человек. Жалко. Это уже что-то живое оторвали от тела. Он «свой».

Самоубийство Кочетова – акт большой воли, хотя, говорят, страдания его были беспримерны. Он перенес несколько операций. Саркома ноги.

Витторио звонил и просил подтвердить мое согласие на публикацию «Слова, слова, слова...»

Только сейчас прочитал некролог по Кочетову, подписанный всеми, начиная с Брежневой. Сказано так: «после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни...» Среди перечисленных романов не назван «Чего же ты хочешь?». Он почти мой ровесник (чуть старше).

Вчера на параде показали какие-то сверхлегкие танки для воздушных десантов и огромные стратегические ракеты. <...>

Р.А.Медведев выступил в какой-то зарубежной газете со статьей, где полемизирует с призывами Сахарова и Солженицына к давлению с Запада на советское государство в интересах «либерализации», утверждая, что это приведет к противоположному. Думаю, что он прав. Я сам думал об этом. «Разрядка» сама по себе не может не привести к «либерализации», в какой-то степени. Сегодня все радиостанции отзываются об этом.

12 ноября 1973

Прекрасный, теплый, солнечный день. <...> Танцоров Пановых, кажется, собираются выпустить. В последнее время Валерий Панов держал голодовку. В Лондоне в советское посольство явилась делегация английских актеров во главе с Полом Скофильдом и Лоуренсом Оливье с протестом. Стыд какой! Они евреи. <...>

Вечером слышу, что мне бросили в почтовую щель что-то вроде книги или журнала. Не сразу иду посмотреть. В сером конверте, без надписи, небольшая белая книжка: «Александр Гладков. Встречи с Пастернаком. Издательство ИМКА-Пресс. Париж. Май 1973». На русском языке. 159 страниц. Фото: Б.Л.Пастернак, Мейерхольд и я. Кто это бросил, не знаю и не догадываюсь. Это чудо.

Просматриваю. Это один из первых вариантов, т.е. минус страниц 20–30. Есть ошибки и опечатки.

13 ноября 1973

Сегодня в газете «Культура и жизнь», в обзоре читательских писем о любимых советских песнях, называется и моя песня «Жыльбельная Светлана», упомянутая многими.

Это, конечно, немножко приятно, но я еще не могу опомниться от вчерашнего чуда.

Гляжу, гляжу на небольшую белую книжку и сам не верю своим глазам. <...>

Х.А. рассказывает, что Эрасту Павловичу то совсем плохо, то чуть лучше. Он мрачен. Д.Самойлову плохо с обоими глазами. У него все осложнило пьянство.

Маша в плохом настроении. Отменили юбилейную марку Всеволода Эмильевича. Жалуеться, что никто в комиссии ничего не хочет делать. Виновата в этом она. Прибрала все вожжи к рукам. Ильинский отказался быть на комиссии. То же Юткевич и Марков. Я вообще не член комиссии: они меня отггерли, и я не стану навязываться. Основной доклад должен делать Ростоцкий, тот самый Ростоцкий, который танцевал на трупе Всеволода Эмильевича. Это позор. Не знаю, что Маша сейчас хочет от меня.

Если доклад будет делать Ростоцкий, то я вообще не пойду на юбилейное собрание. <...>

Вчера, когда я взял в руки книжку, у меня стеснилось в груди и стало больно сердцу. Не метафорически, а буквально, физически. Записываю это, чтобы не забыть. <...>

Я уже тридцать два года член Союза советских писателей, а у меня, кроме трех пьес, ничего не издано. Даже сборника пьес не было. И, по существу, моя первая книга вышла только в этом году и

где – в Париже... Такая странность литературной биографии. Откровенно говоря, я думал, что это будет напечатано после моей смерти.

Весной и летом я виделся с Женей Пастернаком. Книга вышла в мае (по новому закону мне за нее ничего не причитается: он действует с 27 мая), а он мне ничего не сказал. А он мог бы знать, со своими связями. Витторио недавно был в Париже. Мог купить мне и как-то переслать. Но и я не знал, и он не знал.

Ничего я не знал, пока мне кто-то не бросил книгу в почтовую щель. Тоже странность. Кто?*

14 ноября 1973

В «Нашем современнике» интересны воспоминания Леонида Мартынова. Но как опять юлит и мельтешится Микоян. <...>

Сегодня днем, когда я был в ЦДЛ, там в конференц-зале прощались с умершим на днях Н.Пановым («Диром Туманным» 20-х годов). Народу мало. Постыдно мало. Администратор сказал, что пришло 26 писателей. Было еще несколько моряков и подростки из училища гардемарин, для почетного караула, что ли... Когда говорили речи, они удрали из зала и внизу в уборной покуривали и рассказывали анекдоты. Думаю, что о писателе Н.Н.Панове они и не слышали. Писатель он был неинтересный, как «Дир» он был не бог весть что, но все же лучше, – но повести и романы его печатались, жена его была женой писателя и ходила в ЦДЛ на просмотры, какая-никакая жизнь прожита, а кончается она так бездарно и серо.

15 ноября 1973

Ездил с утра на дачу и волок оттуда очень тяжелые сумки с книгами, посудой и пр. Думал по дороге, что сдохну. Был хороший серый денек с проблесками солнца. В саду снега совсем нет, а в траве нашел несколько яблок. <...>

Инициатор неприсуждения премии «Укрощению огня» – сам М.Келдыш. Он сказал на Комитете, что все, что там относится к науке – собачий бред.

Оказывается, Кочетов не попал в сердце и умер уже на операционном столе. <...>

По словам Юры, Лева Гинзбург утверждает, что Р.А.Медведев – агент органов. Его убедило в этом последнее выступление Медве-

* Книгу «Встречи с Пастернаком» привез итальянский славист Эцио Ферреро, а опустила ее в почтовую щель двери Гладкова жившая с ним в одном подъезде Ц.И.Кин. (См. описание этого эпизода в ее предисловии к кн.: Гладков А.К. Мейерхольд. В 2 т. М.: СТД, 1990. Т.1. С.15).

дева, где он критикует академика Сахарова за его тактику. Кстати, про самого Леву многие говорят то же самое.

Кстати, к статье Р.А. из Лондона присоединился его брат Жорес. В №19 «Советского экрана» статейка В.Б.Шкловского о Н.Шенгелая. Кончается она странно: «Вот все, что я могу написать о Николае Шенгелая. Я устал и состарился...» Странно даже не то, что Шкловский так написал, а то, что редакция это не вымарала и напечатала.

17 ноября 1973

В литературе маленький скандалчик с посмертно опубликованным стихотворением Я.Смелякова, посвященным памяти Маяковского. Опубликовала его Таня Стрешнева, его вдова, эта славная толстуха. Говорят, что она хватилась, когда 10-й сборник «Поэзия» «Молодой гвардии» еще не вышел, но изъять стихотворение уже было поздно.

В нем есть такие строки:

...Ты б гудел, как трехтрубный крейсер,
В нашем общем многоголосье,
Но они тебя доконали,
Эти лили и эти оси.
Не задрипанный фининспектор,
Не враги из чужого стана,
А жужжавшие в самом ухе
Проститутки с осиным станом...
Для того ль ты ходил, как туча,
Медногорлый и солнцеликий,
Чтобы шли за саженым гробом
Вероники и брехобрики...

Это, конечно, посмертное, так сказать, хамство, но есть в этом какая-то гнусная правда, хотя она и перемешана с чем-то низким. Если бы не было Распутина, то конец Романовых выглядел бы чистой трагедией. И тут то же. Впрочем, прогрессивная интеллигенция («либераль»), конечно, возмущена. Она и так недолюбливала Смелякова, а теперь и вовсе прокликает его, хотя это все и не так просто, совсем не так просто* ...

* Альманах «Поэзия» (вып. 10) вышел 600.000 тиражом. Арк. Ваксберг пишет: «...близкие просто скрыли он нее <Л.Брик> это издание. Вскоре выяснилось, что Смеляков написал эти строки в привычном для последних лет его жизни раздраженном и болезненном состоянии <...>. Придя в себя, он потребовал изъять это стихотворение из готовившейся к изданию книги своих стихов. И вскоре умер. Но стихи уже попали в руки воронцовцев-колосковцев, и они су-

18 ноября 1973

Вчера у Юры было обсуждение романа в Союзе. Его хвалили, но Юра немного уязвлен тем, что не пришел ни один из близких друзей. Ни один. Не было ни Слуцкого, ни Винокурова, ни Гинзбурга, ни Левицкого, ни Рыбакова, ни меня. Он понимает, что все были уверены в благополучном исходе. Атмосфера вокруг спокойная, и недругов нет или они молчат. Так оно и оказалось. Все хвалили.
<...>

Б.Васильев (с Раппопортом) написали заявку на сценарий о белорусских партизанах. Их вызвали в Минск подписывать договор. Но там им предъявили требование переименовать героиню, еврейскую девушку Хану. И, разумеется, сделать ее не еврейкой. Васильев отказался и уехал. У него жена еврейка, дочь режиссера Краснянского.

19 ноября 1973

Почему-то перечитываю мемуары Ф.Степуна. Уже в третий или четвертый раз. И снова то же ощущение правдивости. Пленительно сочетание быта и истории. Вне правды быта история не может быть рассказана правдиво и точно. Пожалуй, Степун повлиял на меня как мемуариста. Впервые я прочитал эту книгу в конце 50-х годов в спецхране Ленинской библиотеки, а начал писать о Пастернаке в 1963 г., осенью, в Загорянской.

Женя Пастернак, как-то увидев у меня на столе книгу Степуна (другую), сказал, что Степун был внутренне близок Борису Леонидовичу. Это характерно.

20 ноября 1973

Неделю не могу переменить рваные носки, хотя есть целые – как-то так... Такая опущенность во всем. Если б я пил, то у меня был бы запой. А вообще странно, что я не пью. Это здорово дорисовало бы мой характер.

Выпустили некую Ирину Белгородскую из бывшей компании П.Якира. На суде над ним она выступала свидетельницей обвинения. Она жена некоего В.Делоне, которого зарубежное радио называет «позтом». Но вне узкого круга стихи его совершенно неизвестны. Он тоже крутился рядом с Якиром. Видимо, эта группа совсем разрушена. Интересно, что с самым славным из них, Ю.Кимом?

мели их втиснуть в альманах «Поэзия», не испросив согласия обладателя авторских прав – вдовы поэта» (Ваксберг А. Лиля Брик. Жизнь и судьба. М.; Смоленск: Русич, 1998. С.414). Как видим, вдова сама передала стихотворение в редакцию альманаха.

Наши «инакомыслящие» (кстати, никто не употребляет это слово у нас в стране – его мы только слышим в иностранных передачах радио) уже как бы разделились на два течения: Сахаров, Солженицын и другие, и Медведевы и др. По забавной аналогии, первых можно назвать «большевиками» (несоразмерность требований, своего рода «пораженчество» – в вопросе о предоставлении СССР статуса благоприятствуемой стороны, например, и пр.). Учитывая болезненность правительства в вопросе о престиже, это вряд ли даст положительный эффект. Тут правы «меньшевики» Медведевы. Якировский «комитет» морально и организационно разрушен.

29 ноября 1973

Прочитал верстку книги Л.О.Пастернака. Рисунки интереснее текста. Л.О. был, все же, несколько провинциален. Это не Серов и даже не мама Серова.

Но есть одно поразительное совпадение со словами Л.О. и словами сына (т.е. Б.Л.). Это то, где он говорит о себе, как человеке запоздалого развития. То же самое мне говорил Б.Л., но, кажется, нигде не писал. Верно ли это по отношению к Б.Л., т.е. что именно он называл «развитием»? Но все же любопытно. Встретил я еще одну фразу, сказанную мне сыном, о художнике Н.Н.Ге. Вероятно, это семейная шутка.

Очень хороши многие портреты и наброски Б.Л. мальчиком и юношей.

Под вечер заходила Таня Каменская и забрала верстку. По ее словам, вышел у нас Мандельштам и весь тираж отправлен в страны народной демократии. Сомневаюсь*. <...>

Коржавин в Риме. Галич подал заявление на выезд в Америку, а Максимов во Францию. Жена Галича (алкоголичка) с ним ехать не хочет. Он делает вид, что опечален, а сам, вероятно, на седьмом небе.

30 ноября 1973

Юбилей Царева. Пышные славословия в честь этого суккина сына и посредственного актера. Дали Героя Социалистического Труда. Вокруг него вьется много дурно пахнущих рассказов. Есть версия, что в деле Мейерхольда имеется его донос. Говорят еще, что когда у Сталина было плохо с глазами, он читал ему вслух. Это, конечно, не преступление, но, стало быть, доверяли...

* Действительно, первый завод тиража «Избранного» О.Э.Мандельштама в «Библиотеке поэта», через «Международную книгу», был целиком отправлен за границу. 2-й завод был отпечатан в конце года и продавался в Книжной лавке писателей по списку; Гладков купил книгу лишь в начале января 1974.

Брежнев вернулся из Индии. Мы раздуваем эту поездку, назло Китаю, что ли?

Будто бы академик Сахаров просится за границу. Крайне левые болтуны бранят Р.А.Медведева и почти называют провокатором. Ну их к черту!

3 декабря 1973

Мороз 15–18 гр. Солнечно. <...> Задельывал окно в кухне: там сломался запор у фрамуги, и при таком морозе находиться невозможно. Кое-как сделал.

Рассказ Л<евичского>. На прощальный вечер к Коржавину (накануне отлета) в две комнаты с кухней пришло чуть ли не сто человек. Не только сидеть – стоять было негде. Открыли дверь на площадку и стояли там. Были и не евреи (Искандер, Н.И.Столярова и др.). Были Максимов и Галич (Гинзбург). Я не знал, а то поехал бы. Не «за компанию», а потому что я люблю Эмика Коржавина.

<...> Сулов недавно ездил в Литву и произнес там речь, в которой, будто бы (слышал у французов) намеками критиковал брежневскую политику «разрядки». В центральных газетах речь полностью не напечатана, но опубликована в «Советской Литве». Если это правда, то слухи о разногласиях в политбюро подтверждаются.

4 декабря 1973

Прибегала Р.Я.Райт: оказывается, не работает телефон – у нас спаренный. Она телефонщица, и для нее это целая драма. А мне почти безразлично.

В №12 «Знамени» мемуар В.Б.Шкловского об Ю.Олеше. Он справедливо проезжается насчет книги Чудаковой*, но сам ограничивается пышными восклицаниями. Это, видимо, написано для того сборника, который собирала О.Г.Суок и где, кажется, существует и мое эссе. У меня лучше.

5 декабря 1973

В сегодняшней «Литературке» в статье «5 исторических дней» утверждается, что Л.И.Брежнев является в некотором роде спасителем Индии, так как он во время войны руководил политработой в армии, которая обороняла Кавказ от немцев, а, как известно, Кавказ – это линия защиты Индии от Гитлера, и так далее. И, мол, индийский народ это знает и ценит. Комментарий излишни.

* Имеется в виду кн.: Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеша. М.: Наука, 1972.

13 декабря 1973

Вечером приходит без звонка Юра. Статья. Говорит, что редактором «Октября» назначен Ананьев. Это малоталантливый и бесцветный писатель, почти графоман, но он будто бы недурной человек и не связан с софроновской бандой. Впрочем, Лева по телефону опровергает этот слух.

Не решен еще вопрос. Котируется и Бондарев. Слух об уходе на пенсию Косолапова и назначении Бондарева в «Новый мир». Все это имеет известное значение.

16 декабря 1973

Слуцкий получил письмо от Коржавина. Пока он в Риме, но готовится к переезду в США. Не в восторге от всего увиденного, в смысле – *Запада*. Пока был в Вене, даже подголодал. Получает деньги из какого-то фонда, но об этом не распространяется. Пишет, что ностальгии не чувствует, вероятно, потому, что вся жизнь была там, а тут после жизни. Он учит английский.

19 декабря 1973

Читаю очень любопытную книгу П.Владимирова «В особом районе Китая. 1942-45 гг.»* Это якобы дневник коминтерновского связного и, одновременно, корреспондента ТАСС. Пишу «якобы», потому что трудно представить, что автор не боялся писать столь откровенно враждебно Мао в период нашей с ним дружбы, да еще в самом логове. Кроме того, многое описываемое об интригах и политическом коварстве узнаешь, как нечто родное и знакомое. Сам автор уже умер, но те, кто готовили этот «дневник» (в котором есть, несомненно, какая-то подлинная основа), очень его разукрасили в духе теперешней холодной войны. И все же очень интересно. Наверно, и в том, что они «интерполировали», как говорят историки, тоже правда. Книгу эту издало у нас Агентство Печати Новости, видимо, в расчете на гонорар в валюте за переводы. А они будут. Книга ведь сенсационная.

В театре идет полоса премьер производственно-заводских пьес. Вслед за «Сталеварами», «Погода на завтра» Шатрова в «Современнике» и так далее. Шатров малоталантлив, но очень старателен, послушен и работоспособен. Из новых драматургов, дебютировавших в 70-е годы, всех талантливее не очень умный и глубокий М.Рощин. С.А.Герасимов ставит фильм по сценарию А.Володина. Вот кто мо-

* Точное название «Особый район Китая. 1942–1945». Обработал и подготовил ее к изданию сын автора, известный некогда спортсмен-штангист, впоследствии народный депутат и литератор Юрий Власов.

лодец. И запрещали его, и травили, и проваливали, а он все пишет и пишет. Арбузов обесценил свое имя серией плохих пьес и историей с Галичем. Многие выдохлись.

Мне совсем неинтересно сейчас писать пьесы, хотя это единственное, чем я умею зарабатывать деньги.

21 декабря 1973

Утром позвонил Саша Кушнер. Он приехал на 3 дня из Ленинграда. Условились, что пообедаем вместе. Еще звонил Закс. Хренников начал писать музыку. <...> Днем после Лавки еду в ЦДЛ. Сначала в ресторане народа мало, и мы хорошо обедаем вдвоем, разговаривая о разном. Потом зал наполняется. Масса знакомых и кое-кто из бывших знакомых (Арбузов, Борщаговский). Этим делаю вид, что не замечаю, хотя сталкиваемся чуть не нос с носом. Сидим с Окуджавой и Ваншенкиным. Потом Сашу увлекает Андрей Битов, а я сижу с А.П.Старостиным, Арием Поляковым. Подсаживается Шток. Выпиваю рюмку водки. Ем шампиньоны. <...>

Председатель Комитета спорта Павлов (бывший секретарь комсомола) очень маленького роста и страстно ненавидит всех, кто его выше.

Кушнер рассказывает, что Л.Я.Гинзбург приготовила переработанное новое издание «О лирике», бодря, весела. Глеб Горбовский бросил пить и стал бледно писать. Перед этим он допился до белой горячки, попал в больницу и вышел оттуда напуганный.

Окуджава пишет мюзикл на сюжет своей повести о слежке за Львом Толстым*.

Андрей Битов женился на москвичке и переехал в Москву. <...>

Евтушенко, оказывается, снова в Америке.

Саша Кушнер – милый, скромный. У него выходит книжка стихов.

29 декабря 1973

Вчера звонили из Дома ученых: звали выступить на мейерхольдовском вечере 11 января. Ответил уклончиво, что-то вроде «я подумаю». По радио: в Париже, в издательстве ИМКА-Пресс, вышла книга Солженицына «Материк ГУЛАГ»**, о которой давно уже шли слухи. Ходил за шапкой в ателье Литфонда. Еще не готова. После праздников. У директора в кабинете почему-то висит портрет К.Симонова. <...>

* Идея написать мюзикл по повести Б.Ш.Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» не осуществилась. Книга была издана в 1975.

** Имеется в виду «Архипелаг ГУЛАГ».

Чудесный день. Апрельская погода. Солнце. Лужи. Мороза нет и в помине.

30 декабря 1973

Тепло. Ночью шел снежок, но даже не побелил землю: сразу растаял. Утром с Домбровским, Левой, М.Борисовой и Асей Берзер в Лавке за Мандельштамом. Потом неудачное посещение пивного бара на Пушкинской. Не находим столика и уходим, оставив там Домбровского. Еду на улицу Грицевец и там обедаю. Оттуда еду домой на метро и очень устаю.

Пришли уже первые номера журналов «Иностранная литература» и «Советский экран» и №1 «Нового мира».

Все говорят о выходе в Париже «Архипелага ГУЛАГа». У тех, кто думает основательно – мрачные ожидания. Это может явиться поводом к расправам и с автором, и со многими ему сочувствующими. Будто бы Л.К.Чуковскую и Войновича исключили из ССП. Лидия Корнеевна кому-то говорила с удивлением, что я с ней не поздоровался, встретив в ЦДЛ в день, когда ее вызывали на секретарьят (два дня назад). Но я ее не видел, т.е. не заметил. Я быстро прошел в ресторан через холл, ни с кем не останавливаясь, и обратно.

Конечно, А.И.Солженицыну видней, но мне тоже кажется, что выход его книги сейчас некстати. Он, как всегда, все меряет своей личной мерой. А, может быть, ему и не видней...

31 декабря 1973

Так же тепло. Выходил в магазин ненадолго. С утра уже полно пьяных.

Звонки Миши Шульмана, Ц.И., Мацкина, Закса. Поздравления от В.Т.Шаламова и Веры. И Тани.

В №12 «Октября» расписывается, какой светлой личностью был Кочетов.

Сегодня выборы в парламент в Израиле. Мировая пресса полна комментариями и отрывками «Архипелага ГУЛАГа». Это, так сказать, последний штрих 1973 года. В США нашелся свидетель, человек, опрашивавшийся Солженицыным в Москве в начале 60-х годов, бывший лагерник. Никто не понимает, что сделают с Солженицыным. Наверное, спор с книгой начнется от того, что С. пишет о власовском движении. Он дает отнюдь не отрицательный портрет Власова и утверждает, что именно власовцы освободили Прагу от немцев весной 1945 года, сражаясь против немцев до прихода советских частей. Так ли это? Это единственный пункт (из того, что я слышал пока), где спор с книгой С. может вызвать сочувствие советских лю-

дей. С. считает, что в лагерях находилось 20 миллионов человек. Я слышал цифры: 10, 12, 15... Но ведь не одновременно же. Люди гибли, привозили новых. Может быть, в этом драматическом круговороте участвовало и 20 миллионов. Американское издательство, собирающееся выпустить книгу в США, не боится судебного процесса, которым угрожает Панкин, и считает, что американский суд не признает права государства присваивать права живых авторов без их прямого согласия. Но тогда рухнет вся постройка, так хитроумно воздвигнутая, этого «агентства». Все считают, что наше правительство отступит перед международным скандалом, который разразится, если оно решится арестовать Солженицына. Небывалое положение!

Под вечер звонки Сережи Ларина, Р.А.М., Шейко. В девять надеваю белую нейлоновую рубашку, новые красные подтяжки и давно не глаженный костюм (лень!), беру бутылку шампанского и еду к Лева. Разговор с таксистом о семейной жизни. Тепло. Лужи.

Встречаем Новый год впятером: Люся и Лева, Володя и Таня и я. Да, еще Леня, конечно. Невероятная, сказочная индейка. Водка на лимонном настое. Брежнев говорил речь втрое дольше, чем ранее говорили при этом случае. Пьем и едим. Без двадцати два я ухожу один, чтобы попасть на метро, но – удача! – зеленый огонек. И я через пятнадцать минут дома и сразу сажусь за машинку.

Так кончился пустейший год моей жизни. Два события в нем достойны упоминания: моя болезнь в феврале–марте и выход книжки в Париже. Пожалуй, можно прибавить закрепление за мной квартиры и прописку на Красноармейской.

Утомление. Тоска. Недовольство собой. Тупик. Отсутствие «рефлекса цели».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН

Агранов Яков Саулович (Савлович; 1893–1938), председатель НКВД по Москве и Московской области, заместитель Г.Г.Ягоды.

Адмони Владимир Григорьевич (1909–1994), филолог, переводчик, германист.

Аникст Александр Абрамович (1910–1988), критик, литературовед.

Аня – Арбузова Анна Николаевна, вторая жена А.Н.Арбузова.

Арбузова Галина Алексеевна, дочь А.Н.Арбузова и Т.А.Евтеевой.

Арий Давыдович – А.Д.Ратницкий, старейший сотрудник Литфонда, председатель литфондовской похоронной комиссии чуть ли не со дня ее основания.

Атаров Николай Сергеевич (1907–1978), писатель.

Бабеньшева Сарра Эммануиловна (р. 1910), критик. Была уволена из Литературного института в 1966 за сбор подписей под т.н. «Письмом 63-х литераторов» в защиту Синявского и Даниэля. В 1981 уехала в США.

Банников Николай Васильевич (р. 1918), в 1971 член редколлегии газеты «Литературная Россия».

Белинков Аркадий Викторович (1921–1970), писатель, литературовед.

Берзин Эдуард Петрович (1894–1938), с 1931 начальник лагерей Дальстроя, в 1938 расстрелян.

Берман Матвей Давидович (1898–1939) начальник ГУЛага в 1931–1937, расстрелян.

Богатырев Константин Петрович (1925–1976), переводчик. Сын фольклориста и филолога П.Г.Богатырева, был репрессирован, а после освобождения близок к правозащитным кругам. Убит при невыясненных обстоятельствах в подъезде своего дома. Это убийство сравнивают с убийством Зинаиды Райх и приписывают КГБ.

Борис Натанович, Б.Н. – Ляховский Борис Натанович (р. 1906), киносценарист и режиссер-документалист, лагерный знакомый Гладкова.

Борисова Майя Ивановна (р. 1932), писательница.

Борщаговский Александр Михайлович (р. 1913), писатель, публицист.

Брагин Михаил Григорьевич (1906–1989), прозаик.

Браун Кларенс, американский славист, автор работ о творчестве Мандельштама, Ахматовой и др.

Брик (урож. Каган) Лиля (Лили) Юрьевна (1891–1978), жена критика и теоретика ЛЕФа О.М.Брика, многолетняя подруга Маяковского.

Вадецкий Борис Александрович (1907–1962), писатель.

Вайсфельд Илья Вениаминович (р. 1909), профессор ВГИКа.

Вакс (в замужестве Хренникова) Клара Арнольдовна, жена Т.Н.Хренникова.

Валентей (урож. Воробьева) Мария Алексеевна, преподаватель русского языка, дочь Татьяны Всеволодовны Мейерхольд (в замуж. Воробьевой), внучка Вс.Э.Мейерхольда.

Варя – см. Шкловская В.В.

Василиса Георгиевна – см. Шкловская В.Г.

Васильев Аркадий Николаевич (1907–1972), писатель, член редколлегии журнала «Москва». Выступал общественным обвинителем на процессе Синявского и Даниэля.

Вейсберг Владимир Григорьевич (р. 1924), художник.

Витторио – В.Страда (р. 1929), итальянский литературовед. Окончил философский факультет Миланского университета и аспирантуру филологического факультета МГУ. Профессор Венецианского университета, заведующий кафедрой русской литературы, директор Института русской литературы.

Волконский Анри (Андрей) (р. 1933), композитор, пианист, сын вернувшихся в Россию эмигрантов. В 1960-е организовал в Москве ансамбль «Мадригал». В нач. 1970-х эмигрировал в Израиль.

Воронков Константин Васильевич (1911–1984), орг. секретарь ССП, позднее зам. министра культуры.

Воронцов Владимир Васильевич (?–1980), соавтор А.И.Колоскова, референт М.А.Суслова.

Вуль Л.И., нач. московской милиции. Дважды был арестован до войны, отбыл срок; в третий раз арестован в 1948, сидел на Лубянке в одной камере с Гладковым.

Высоцкая – правильно: Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса «Старинного театра» и Студии Мейерхольда.

Гарин Эраст Павлович (1902–1980), актер, до 1929 – один из ведущих актеров Театра им. Вс. Мейерхольда.

Гинзбург Лев Владимирович (1921–1980), писатель, переводчик.

Голомшток Игорь Наумович, искусствовед. В 1970-е эмигрировал.

Голубенцев Николай Александрович (1900–1978), актер-чтец.

Горожанин Валерий Михайлович (1889–1941), сотрудник ОГПУ, соавтор Маяковского.

Горохов Виктор, писатель, автор книг «Ленинград–Севастополь. Конный пробег им. Ворошилова» (Л., 1932) и «Робсон» (М., 1952).

Гушанский Семен Ханаанович (1904–1981), актер театра им. Ермоловой, педагог.

Данини Майя Николаевна (р. 1927), писательница.

Дар (Рывкин-Дар) Давид Яковлевич (1910–1980), писатель, муж В.Ф.Пановой. Умер в эмиграции, в Израиле.

Дашковская Татьяна Борисовна (ум. 6.II.1977), жена Б.А.Слуцкого.

Демин Михаил (наст. имя Трифонов Юрий Евгеньевич; 1926–1984), двоюродный брат Ю.В.Трифонova, писатель, эмигрант, некоторое время был сотрудником русской службы Би-Би-Си.

Добин Ефим Семенович (1901–1977), писатель, автор книги «Поэзия Анны Ахматовой» (Л., 1968).

Друцкая Вера Федоровна, балерина, жена Б.Р.Эрдмана.

Есенин Константин Сергеевич (1920–1986), сын С.А.Есенина и З.Н.Райх, приемный сын Вс.Э.Мейерхольда. Инженер-строитель, болельщик-профессионал, в некоторых справках называемый «футбольным статистиком» (вообще-то, такой профессии не существует, но К.С.Есенин изредка публиковал результаты своих наблюдений в спортивных газетах).

Есенина Татьяна Сергеевна (1918–1992), писательница, дочь С.А.Есенина и З.Н.Райх, приемная дочь Вс.Э.Мейерхольда.

Есенин-Вольпин Александр Сергеевич (р. 1924), математик, правозащитник, сын Н.Д.Вольпин от С.А.Есенина.

Жемчужина Полина Семеновна – жена В.М.Молотова, возглавляла парфюмерную промышленность СССР. Репрессирована.

Закс Аарон Рафаилович (р. 1913), режиссер Московского театра оперетты. В 1970-е выехал в Израиль.

Зворыкин Александр (ум. 1968), журналист АПН.

Ивин М. (Левин Михаил Ефимович), прозаик, редактор ленинградского журнала «Звезда».

Ивинская Ольга Всеволодовна (1912–1996) – переводчица, многолетний близкий друг Б.Л.Пастернака.

Ильин Виктор Николаевич (1904–1989?), секретарь Московской писательской организации по оргвопросам. В прошлом – генерал КГБ, после войны арестованный и проведенный в одиночке несколько лет, был устроен на работу в Союз писателей. В приветствии к его 70-летию «Литературная газета» писала 13.12.1974: «Демобилизовавшись из армии по ранению, Вы активно продолжали трудиться на ответственных участках общественной и государственной жизни. <...> Вы проявили себя неутомимым, инициативным работником». Ильин погиб в результате несчастного случая: сбит машиной.

Каменский Александр Абрамович (ум. 1992), искусствовед, автор монографии о Шагале, Сарьяне, Коненкове.

Канторович Владимир Яковлевич (1901–1977), писатель, драматург.

Кардин В. (Эмиль Владимирович) (р. 1921), литературовед и театральный критик.

Катаня Василий Абгарович (1902–1989), литератор, последний из мужей Л.Ю.Брик.

Кацева Евгения Александровна (р. 1920), переводчица.

Киселев Илья Николаевич, директор киностудии «Ленфильм», солагер-ник Гладкова.

Кларенс – см. Браун К.

Кленовский (Крачковский) Дмитрий Иосифович (1893–1976), поэт-царскосел, эмигрант.

Колосков Александр Иванович (ум. 1984), литератор.

Коля – см. Оттен Н.Д.

Константиновский Илья Давыдович (р. 1913), писатель.

Кораллов Марлен Михайлович (р. 1925), критик. Был репрессирован, отбыл заключение в лагере.

Корытная Стелла Семеновна (р. 1924), кинокритик, кузина П.И.Якира.

Кривицкий Александр Юрьевич (р. 1910), очеркист. В 1940-е – зам. Симонова в редакции «Нового мира». Ему и журналисту «Красной звезды» Ортенбергу принадлежит сомнительная честь сочинения осенью 1941 леденды о «подвиге 26 героев-панфиловцев».

Кротков Юрий Васильевич, драматург, сценарист, эмигрант-«невозвращенец».

Куницын Георгий Иванович, критик, литературовед.

Кушнер Александр Семенович (р. 1932), поэт.

Лавровская Наталья Васильевна (р. 1916), балерина.

Лавровский Леонид Михайлович (1905–1967), балетмейстер, педагог.

Лавут Павел Ильич – антрепренер, устроитель турне Маяковского по СССР.

Ладьянина Марина Александровна (р. 1908), киноактриса, нар. артистка СССР (1950).

Лазарев (Шиндель) Лазарь Ильич (р. 1924), критик, литературовед, редактор журнала «Вопросы литературы».

Ланциков Анатолий Петрович (р. 1929), критик.

Лаффит Софи (Сталинская Софья Ивановна; 1905–1979), французский историк русской литературы.

Лева – Левицкий Лев Абелевич (р. 1929), критик.

Липскеров Федор Александрович (ум. 1977), артист и режиссер Московского театра.

Литвинов Павел Михайлович, инженер-химик, правозащитник, внук М.М.Литвинова. Принимал участие в демонстрации протеста на Красной площади против вторжения в Чехословакию в августе 1968, отбыл ссылку, в 1974 выехал в США. Женат на дочери Л.З.Копелева Майе.

Литинский Григорий Маркович (1905–?), театральный журналист, бывший лагерник.

Люся – Локшина Хеся Александровна (1902–1982), режиссер, жена Э.П.Гарина.

Луи Виктор Евгеньевич (1928–1992), московский корреспондент газеты «Санди Экспресс». По общему мнению, сотрудничал с КГБ, поставляя на Запад «дозированную» информацию и дезинформацию.

Макарьев Иван Сергеевич (1902–1958), литературный критик, расшопец. Был арестован в 1937, реабилитирован в 1955.

Макашин Сергей Александрович (1906–1989), литературовед, редактор «Литературного наследства».

Максимов Дмитрий Евгеньевич (1905–1987), литературовед.

Мандельштам (урожд. Хазина) Надежда Яковлевна (1899–1980), жена О.Э.Мандельштама, автор воспоминаний.

Марьямов Александр Моисеевич (1909–1972), критик, журналист, в 1971–1972 член редколлегии «Нового мира».

Медников Анатолий Михайлович (р. 1918), писатель.

Миндлин Эмилий Львович (1900–1981), писатель, мемуарист.

Мирский (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович (1890–1939), критик и историк литературы, эмигрант.

Морозов Александр Александрович – литератор, мандельштамовед.

Мугуев Хаджи-Мурат Магомедович (1893–1968), писатель.

Надежда Яковлевна – см. Мандельштам Н.Я.

Непомнящий Карл (ум. 1968), журналист «Правды» и АПН.

Нусинов Илья Исаакович (Эля Нусинов) (1920–1979), драматург.

Овечкин Валентин Владимирович (1904–1968), писатель, очеркист.

Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983), писатель, кинодраматург, критик, составитель сборника «Тарусские страницы».

Панченко Николай Васильевич (р. 1924), поэт.

Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), сын Б.Л.Пастернака, литератор.

Пастернак-Слейтер Лидия Леонидовна (1902–1989), сестра Б.Л.Пастернака.

Паустовская (урожд. Евтеева, в первом браке за М.Я.Шнейдером, во втором – за А.Н.Арбузовым) Татьяна Алексеевна (ум. 1978), жена К.Г.Паустовского, актриса.

Пиляр Юрий Евгеньевич (р. 1924), писатель.

Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед, сотрудник ИМЛИ.

Португалов Валентин Валентинович (1913–1969), журналист, литератор. Отбывал лагерный срок вместе с братом Гладкова Львом в Магадане, на «Дальстрое»; был актером лагерного театра. В 1960-е – редактор альманаха «День поэзии».

Радищев Леонид Николаевич (1904–1973), писатель.

Райт Рита (Райт-Ковалева Раиса Яковлевна; 1898–1989), переводчица, прозаик.

Р.А.М. – Рой Александрович Медведев (р. 1925), историк.

Ремез Оскар Яковлевич (1925–1989), театральный режиссер, доктор искусствоведения.

Ротов Константин Павлович (1902–1959), художник-график, иллюстратор и карикатурист.

Рубашкин Александр Ильич (р. 1930), критик, литературовед.

Рудницкий Константин Лазаревич (1920–1988), театровед, критик.

Рытсков Николай Николаевич (ум. 1973), эстрадный актер (знакомый Гладкова с 1949 еще по камере на Лубянке), затем эмигрант, сотрудник русской службы Би-Би-Си.

Свировский Григорий Цезаревич – писатель, эмигрировал в Израиль в 1970-е.

Слоним Илья Львович (1906–1973), скульптор.

Слущкая Татьяна – см. Дашковская Т.Б.

Спиридонов Иван Васильевич (1905–1991), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, после отставки – председатель правления Общества советско-польской дружбы.

Старостин Андрей Петрович (1906–1987), спортсмен, один из 4-х известных футболистов и общественных деятелей братьев Старостиных, организаторов спортивного общества «Спартак».

Сутырин Владимир Андреевич (1902–1985), прозаик, драматург.

Тоня, Т. – Тормозова Антонина Антиповна (ум. 1982), актриса театра им. Ермоловой, жена Гладкова.

Токарь Григорий М. (1899-?), председатель дачного кооператива в Загорянке.

Толстиков Василий Сергеевич (р. 1917), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, после отставки – посол СССР в Китае в 1970–1978.

Триоле (урож. Каган) Эльза (1896–1970), французская писательница, жена Л.Арагона, сестра Л.Ю.Брик.

Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981), писатель.

Тур Петр (наст. имя Рыжей Петр Львович; 1908–1978), драматург, киносценарист, один из соавторов дуэта «братья Тур».

Февральский Александр Вильямович (1901–1984), литературовед, театровед.

Финн (Финн-Хальфин) Константин Яковлевич (1904–1975), писатель.

Хаит Давид Маркович, прозаик.

Харджиев Николай Иванович (1903–1996), критик, литературовед.

Хесин Григорий Борисович (ум. 1964), директор ВУОАП (Всесоюзного управления по охране авторских прав).

Храбровицкий Даниил Яковлевич (1923–1980), сценарист, очеркист.

Хржановский Андрей Юрьевич (р. 1939), сын Ю.Б.Хржановского, режиссер-аниматор.

Хржановский Юрий Борисович (1905–1987), художник, актер.

Ц.И., Цецилия Исааковна – Кин Цецилия Исааковна (1905–1992), критик, литературовед, специалист по итальянской литературе, вдова В.П.Кина. После его ареста и гибели отбывала лагерное заключение как «жена врага народа». Соседка по дому Гладкова во время его житья на последней квартире.

Чидсон Наталья Васильевна (р. 1916), балерина, вторая жена Н.Р.Эрдмана.

Швейцер Виктория Александровна – литератор.

Шевелева Екатерина Васильевна (1917–1998), писательница.

Шейко Николай Михайлович, режиссер Рижского ТЮЗа. После закрытия русского театра в столице ставшей независимой Латвии, переехал в Россию, осуществил несколько постановок в разных театрах.

Шестинский Олег Николаевич (р. 1929), поэт.

Шкловская Варвара Викторовна (р. 1927), дочь В.Б. и В.Г.Шкловских.

Шкловская (урож. Корди) Василиса Георгиевна (1900–1977), первая жена В.Б.Шкловского.

Шкловская-Нарбут (урож. Суок) Серафима Густавовна (1902–1982), вторая жена В.Б.Шкловского

Шток Исидор Владимирович (1908–1980), драматург.

Шульман Михаил Борисович, участник Краснознаменного ансамбля песни и пляски А.В.Александрова, знакомый Гладкова с 1930-х. Отбывал заключение в лагере, в 1974 эмигрировал.

Эйтингон Наум Исаакович (он же Наумов, он же Котов; 1899–1981), сотрудник НКВД, крупный резидент (с 1925 – преимущественно за границей). Осуществлял разведывательные и террористические операции во время гражданской войны в Испании; весной 1939 получил задание от ЦК ВКП(б) уничтожить Л.Д.Троцкого. С июля 1941 – зам. нач. Особой группы НКГБ СССР П.А.Судоплатова, которая занималась организацией и проведением террористических актов. После войны разведывательными данными помог советским ядерщикам в осуществлении проекта атомной бомбы; генерал-майор МВД (с 1945). В 1951 арестован по обвинению в принадлежности к сионистской заговорщицкой организации в МГБ. Освобожден в 1953, после смерти Сталина и прекращения «дела врачей». С мая 1953 – зам. нач. 9-го отдела МГБ. Осужден «за измену родине» на 12 лет после падения Берии; его письмо Н.С.Хрущеву из Владимирской тюрьмы, написанное в сентябре 1963, цитирует Д.А.Волгонов в своей книге о Троцком. См. интервью с его сыном (Совершенно секретно. 1992. №7).

Эмма – Попова (Бирман) Эмилия Анатольевна (р. 1928), актриса БДТ, близкий друг Гладкова в последние 18 лет его жизни.

Эрдман Борис Робертович (1899–1960), брат драматурга и Н.Р.Эрдмана, театральный художник. После смерти жены, балерины В.Ф.Друцкой, принял фамилию Эрдман-Друцкий.

Эренбург Ирина Ильинична – дочь И.Г.Эренбурга.

Юзовский Ю. (Бурштейн Иосиф Ильич; 1902–1964), театральный критик, переводчик.

Юра – см. Трифонов Ю.В.

Якир Петр Иванович (1923–1982), сын командарма И.Э.Якира, историк, правозащитник (на процессе принес покаяние в «антисоветской деятельности»). Тесть барда Юлия Кима. После отбытия срока от правозащитной деятельности отошел.

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов К.И. 143, 144
Абрамов Ф.А. 610, 611, 614, 626
Абуладзе Т.Е. 63
Абызов Ю.И. 192
Аввакум, протопоп 622
Авеличев А.К. 83-86
Авербах Л.Д. 39, 541, 550
Авербах (урож. Бонч-Бруевич) Е.В. 39
Августин Блаженный, св. 417
Авксентьева Б.М. 454
Автономова Н.Е. 120
Агапов Б. 152
Агнивец Н.Я. 419, 421, 424
Агню С. 622
Агранов Я.С. 577, 585, 647
Агранова В. 577
Агурский М.С. 79
Агуши И.Г. 470, 471, 485, 512
Ада, подруга А.С.Эфрон 546
Адамович А.М. 64
Адамович Г.В. 192, 346, 347, 363,
377, 385, 386, 400, 406, 410, 414,
417, 419, 420, 423-427, 429-434,
441, 442, 447, 450, 455, 456, 458,
459, 461, 463, 464, 466, 472-474,
476, 477, 484-490, 492-494, 496,
498, 503, 512, 513, 515-517, 564
Аденауэр К. 533
Адлер Б.Ф. 270
Адмони В.Г. 557, 647
Азадовский К.М. 193
Азеф Е.Ф. 469, 470, 603
Айтматов Ч. 611, 614, 624, 625
Акимов Ю.П. 534
Аксельрод В. 61
Аксенов В.П. 579, 603
Аксенова-Гинзбург Е.С. 579, 580
*Алданов М.А. (Aldanov M.) 80, 350,
351, 418, 420, 450, 451, 530
Александр П, имп. 503, 604
Александров А.В. 654
Александров Г.Ф. 539
Александрова В. 482
Алексеев (*Алмазов) С.Н. 28
*Алексеева Л. (Иванникова Л.А., урож.
Девель) 477, 478, 482, 483
Алиев Г.А. 613, 614
Алигер М.И. 534, 535, 563
Алла, знакомая А.К.Гладкова 527
Аллилуева Н.С. 617
Аллилуева (Сталина) С.И. 583
Аллой В.Е. 49-87, 192, 237, 242, 269,
348
Алпатов В.М. 118, 181, 183, 184, 186,
187
Альбин, знакомый С.Н.Мотовиловой
159
д'Альгейм П., бар. 250
Альенде С. 604, 628
Алянский С.М. 242, 264-266

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Амальрик А. 619
 Амвросий, старец 371
 д'Амелиа А. 242, 269
 Амундсен Р. 307, 308
 Амфитеатров А.В. 42, 43, 92, 95-99, 192
 Амфитеатрова И.В. 43
 Ананьев А.А. 644
 Анджапаридзе Г. 80
 Андрабурский Н.А. 37
 Андреев А.А. 137
 Андреев Д.Л. 81
 Андреев Л.Н. 29, 35, 46, 326, 559
 Андреев Н.А. 30
 Андреева З.Н. 29
 Андреева И.П. 234, 242, 260, 261, 267
 Андреева М.Ф. 312
 Андреева Н. 81
 Андреева-Дуакшис В.А. 38
 Андреевский С.А. 199, 201, 221, 223
 Андропов С.В. 147, 150
 Андропов Ю.В. 602, 603, 617
 Андрусов Н.И. 126
 Анникст А.А. 611, 613, 647
 Аничков Е.В. 248
 Анна, принцесса 625
 Анненков Ю.П. 37, 332, 333, 492, 493, 505
 Анненкова В.Г. 265
 Анненский И.Ф. 434, 490, 503, 563, 564
 Анстей (урож. Штейнберг) О.Н. 470, 484, 485
 Антокольский П.Г. 553
 Антоний, митр. (Храповицкий А.П.) 95
 Антонов В.В. 56
 Антонов С.Н. 37
 Антонов-Овсенко В.А. 119, 133-139
 Аншин Ф.Д. 118
 Алдайк Д. 619
 Апостоли Г.Н. 43
 Арабажин К.И. 222, 223
 Арагон Л. 567, 653
 Аралов С.И. 138
 Арбузов А.Н.. 533, 539, 543, 546, 605, 618, 645, 647
 Арбузова Анна Н. (Аня) 533, 647
 Арбузова Г.А. 542, 647, 649
 *Ардов В.Е. 532
 Ардовы, семья 551, 554, 562, 567
 Аренс (по мужу Гаккель) В.Е. 19, 20
 Арко, гр. 438
 Аркрайт Р. 323, 324
 Аронсон Г.Я. 361, 362, 475, 477, 484, 497, 498
 Аросев А.Я. 119
 Архангельский В.В. 150
 Арьев А.Ю. 425
 Асеев Н.Н. 543, 574
 Асмус В.Ф.. 542, 545
 Астангов М.Ф. 524
 Астафьев В.П. 626
 Астахов И.Б. 167, 168, 172, 174, 177, 182
 Астров Н. 420
 Атаров Н.С. 612, 629, 648
 Афанасьев Ю.Н. 62-64, 67, 84
 Афанасьев-Лесник К.В. 41, 42
 Афиногенов А.Н. 574
 Афиногеновы, семья 542
 Ахмадулина Б.А. 615
 Ахманова (урож. Гурская) О.С. 178, 184, 187
 *Ахматова А.А. 146, 157, 162, 163, 186, 393, 407, 409-411, 421, 423, 436, 437, 473, 474, 484, 500, 501, 505, 506, 515, 535, 546-558, 562-565, 567, 569, 570, 574, 581, 582, 585, 597, 598, 606, 609, 648, 649
 Ашнин Ф.Д. 181, 183
 Ашукин Н.С. 245, 276
 Бабель И.Э. 532, 535, 575
 Бабеньшев А.П. 57
 Бабеньшева С.Э. 569, 648
 Багно В.Е. 193
 *Багрицкий Э.Г. 584
 Байрон Дж.Г. 573
 Бакланов Г.Я. 592
 Бакунин М.А. 149
 Балаховская-Пети С.Г. 192
 Балиев Н.Ф. 45
 Бальзак О. де 539
 Бальмонт К.Д. 256, 260, 261, 359, 360, 364, 425, 509, 512, 513, 515, 518, 530, 555

- Банников Н.В. 598
Баран Х. 348
Барановская О.В. 45
Бармин, разводчик 16
Барнз К. 308
Барри Дж. 333
Барри Ф. 320
Барятинские, семья 225
Барятинский В.В. 226
Батай Ж. 431
Баткин Л. 84
Баттенберг А. 502, 503
Батюшков Ф.Д. 211, 212, 223
Бах И.С. 556
Бахарева (Цицианова) М.А. 44
Бахрах А.В. 279, 280, 295, 296
Башевис Зингер И. 347
*Бедный Д. 25
Безбородов С. 608
Безродный М.В. 239, 256
Бек А.А. 569
Бек-Мармачева М.Г. 38
Белгородская И. 641
Белинков А.В. 587, 590, 591, 593,
596, 598-600
Белинкова Н. 587
Белинский В.Г. 244, 580, 582
Белицкий Е.Я. 267, 268
Белич А.И. 129
Белов В.И. 626
Белов Г.А. 36
Белов Гр.Акинф. 523
Белоусов И.А. 25, 26
*Белый А. (Бугаев Б.Н., А.Б-ый) 47,
145, 191, 231-276, 279, 425, 494,
500, 562
Беляева Л.П. 38
Бем А.Л. 192
Бенеш Э. 119, 132
Бенуа А.Н. 37
Берберова Н.Н. 191, 271, 279-300,
365, 366, 370, 386, 399, 497, 498
Берг В.М. 453
Бергсон А. 407
Бердяев Н.А. 47, 236, 239, 252, 269,
270, 278, 283
Бердяева Л.Ю. 283
Бердяевы, семья 283
Березовский Б.А. 50
Берзер А.С. 646
Берзин Э.П. 528, 560, 648
Берия Л.П. 184, 565, 571
Берковские, семья 578
Берковский Н.Я. 578
Берлин И. 393
Берман Д.А. 319
Берман М.Д. 541, 648
Берман Я.З. 235
Бернарди А.А. 44
Бертельс Е.Э. 617
Бессонов Б.Л. 73
Бёлль Г. 623
Бёме Я. 255, 256
Билибин И.А. 37
Битов А.Г. 645
Блантер М.И. 536
Блейк (Блэк, Бляйк) У. 403, 404, 407,
408
Блейман М.Ю. 546, 625
Блок А.А. 19, 30, 40, 47, 191, 237, 239,
247, 248, 250, 290, 313, 338, 339,
359, 360, 364, 380, 381, 411, 412,
423, 443, 490, 494, 512, 556, 564
Блок Ж.Р. 629
Блок Л.Д. 192
Боборькин П.Д. 205, 365
Боброва Э.И. 496
Бобровников Э. (*Бова) 45
Бобровский П.С. 39, 40
Богатырев К.П. 606, 648
Богатырев П.Г. 648
Богданов А.А. 155
Богданов А.Н. 45
Богданович Т.А. 326, 327
Богомолов Н.А. 191-230, 239, 430,
513
Богораз Л.И. 62, 594
Богословский Н.В. 512, 539
Бодлер Ш. 224, 367, 368
Бодуэн де Куртене И.А. 126, 127
Бойд Б. 345, 347, 349, 358, 375
Боков В.Ф. 558
Болдвин Б. 327, 330
Болдина Е.Г. 164
Болдырева М.К. 44
Бомарше П.О. 440
Бондарев Ю.В. 624, 644
Бонч-Бруевич В.Д. 17, 149, 151

- Борисов Л.И. 587
 Борисова М.И. 600, 646, 648
 Борисяк А.А. 127
 Борщаговский А.М. 578, 607, 610-612, 645, 648
 Босуэлл Д. 313, 315
 Брагин М.Г. 615, 648
 Брагинская Н.И. 56
 Бражнев-Трифонов, дир. театра 592
 Брамс И. 439
 Брандт В. 623, 626
 Браун К. 568-570, 650
 Браун Ф.А. 126, 270
 Браун Ф.М. 308
 Браунинг Ек. 418, 420
 Брежнев Л.И. 566, 568, 570, 603, 604, 607, 613-615, 623, 626, 631, 635, 637, 643, 647
 Брехт Б. 575
 Брёггер В. 131
 Бржезинский Е.В. 38
 Брик (урожд. Каган) Л.Ю. 347, 353, 576, 577, 586, 587, 640, 641, 648, 650, 653
 Брик О.М. 347, 353, 648
 Брики, семья 575, 576
 Бродский И.А. 582, 583, 602
 Бродский И.И. 332, 333
 Брок О. 130, 131
 Броунинг Р. 313, 315
 Броше, участник Парижской Коммуны 149
 *Брукнер Ф. 611
 Брусилов А.А. 535
 Брусянина М.И. 24
 Брусянин В.В. 24
 Брыкин А. 536
 Брюль О.В. 527
 Брюсов В.Я. 91, 143-145, 151-154, 159, 160, 192, 196, 234, 237, 249, 256, 276, 359, 360, 364, 425, 443, 555, 627
 Буайе П. 136
 Бубнов А.С. 137
 Бугаев Б.Н. – см. *Белый Андрей
 Бугаев Н.В. 236
 Бугаева (урожд. Егорова) А.Д. 261, 262
 Бугаева К.Н. 243
 Буденный С.М. 633, 635
 Будберг (урожд. Закревская, в 1-м браке Бенкендорф) М.И. 281, 294, 336, 337
 Булгаков В.Ф. 42
 Булгаков М.А. 597
 Булгаков С.Н. 236, 240
 Бумедьен Х. 631
 Бунин И.А. 25, 46, 80, 126, 192, 313, 319, 380, 399, 421, 424, 427, 446, 530, 531, 569
 Бунина В.Н. 192
 Бургхардт Я. (Burckhardt) 265, 267
 Бурлюк Д.Д. 150, 151, 153, 347
 Бурский, журналист 539
 Бурцев В.Л. 95, 99, 159
 Бухарин Н.И. 16, 17, 63, 102, 103, 104, 111, 541, 585, 619, 648
 Буш В. 337
 Бьков В.В. 624, 626
 Бэкон Ф. 331, 333, 416
 Бэлза И.Ф. 15
 Вавилов Н.И. 120, 124, 623
 Вавич М.И. 45
 Вадецкий Б.А. 535, 648
 Вайсфельд И.В. 595, 648
 Вайян-Кутюрье П. 20
 Ваксберг Арк. 640, 641
 *Валентинов Н. (Вольский Н.В.) 237, 238, 363, 494
 Валери П. 119
 Валентей (урожд. Воробьева) М.А. 562, 633
 Вальден П.И. 126, 127
 Валожевич В. 347, 353
 Ванновский П.С. 121
 Ваншенкин К.Я. 626, 645
 Варга Е.С. 185
 Васильев А.А. 68
 Васильев А.Н. 615, 648
 Васильев Б.Л. 641
 Васильев Д. 81
 Вашков Е.И. 30
 Вейдле В.В. (W.) 299, 377, 385, 407, 417, 419, 424, 506, 508
 Вейнбаум М.Е. 451, 453, 454, 459
 Вейнберг П.И. 194
 Вейсберг (Вайсберг) В.Г. 570, 648
 Великанова Е.М. 62, 181
 Великанова Т.М. 62

- Вельтман А.Ф. 373, 380
Венгеров С.А. 259
Венгерова З.А. 193, 217, 218, 225, 226
*Венский Е. 40
Веригина В.П. 563
Вернадский В.И. 127
Вернер А.А. 46
Вернер К. 313
Вертинский А.Н. 530
Вертсман В. (Wertsman V.) 147
Верхарн Э. 29
Верченко И.В. 24
Веселкова-Кильштет М.Г. 435, 437
Виллард О.Г. 344
Вильданова Р.И. 346
Вильде Б.В. 609
Вильденштейн, владелец галереи 367
Вильсон Е. 374
Вильсон Э. 346, 347, 351-353, 358, 362, 363, 366, 369-373, 374, 379, 387, 393, 396
Вильсоны, семья 358, 373, 391
Винавер М.М. 192
Виноградов А.К. 143, 256
Виноградов В.В. 169, 173-175, 178, 183-186, 553
Виноградов Д. 82
Виноградов И.И. 167, 168, 172, 174, 177, 182
Виноградов Н.Д. 234
Виноградов П.Г. 126, 127
Виноградский С.Н. 126
Винокур Г.О. 576, 585
Винокуров Е.М. 606, 641
Винч, анархист 148
Вишневская Г.П. 556
Вишневский В.В. 536
Вишняк А.Г. 268
Вишняк М.В. 191, 360-362, 364, 417
Владимиров П. 644
*Владимов Г.Н. 626
Власик Н.С. 571
Власов А.А. 646
Власов Ю. 644
Водов С.А. 472, 474, 477, 509, 511
Водрин, знакомый Р.Н.Гринберга 358
Вознесенский А.А. 615
Войнович В.Н. 626, 646
Волков А.Г. 168, 172, 174, 177, 182
Волков М.И. 30, 31
Волков Н.Д. 523
Волков О.В. 80
Волконский А. 542, 648
Волконский С.М. 530
*Володин А.М. 644, 645
Волошин М.А. 32-34
Волошина М.С. 33, 34
*Вольпнский (Флексер) А.Л. 192, 193, 201, 203, 204, 208
Вольпин М.Д. 408
Вольпин Н.Д. 650
Вольская Н.А. 442
*Вольтер 424
Вонсяцкий А.А. 96
Вордсворт У. 343, 344
Воронков К.В. 546, 649
Воронов Н.И. 602
Воронцов В.В. 585, 587, 649
Воронцова Т.В. 192
Ворошилов К.Е. 104, 137, 572
Врангель П.Н. 92, 93
Врубель М.А. 326
Всеволодский-Гернгросс В.Н. 406
Вульф Л.И. 570, 649
Вульф В. 319
Вульф Л.С. 319
Вьрубов А.А. 45
Вьрубов Н.В. 450
Высотская (Высоцкая) О.Н. 555, 563
Высотский О. 555
Вышеславцев Б.П. 278
Вяземский П.А. 509
Габай И. 631
Гайдабура В.М. 411
Гаккель В.А. 20
Галансков Ю.Т. 583, 586
*Галина – см. Эйнерлинг Г.А.
*Галич А.А. 80, 618, 623, 627, 642, 643, 645
Галич А.С. 642
Галкина (урож. Козлова, в 1-м браке Федорук) Е.М. 178, 187
Гальцова Е. 431
Гамарник Я.Б. 541
Гамзатов Р.Г. 625
Ганкевич Р.Я. 38

- Ганфман М.И. 192
 *Гаранин, сотр. НКВД 560
 Гаргривс Д. 323, 324
 *Гарин (Михайловский) Н.Г. 304, 306
 Гарин Э.П. 618, 631, 636, 638, 649, 651
 Гарина (урож. Локшина) Х.А. (Хеся, Люся) 604, 608, 614, 618, 631, 633, 636, 638, 651
 Гарины, семья 603, 604, 606, 631
 Гаррикс Д. 313, 316
 Гаррикс, биограф О.Уайльда 309, 310, 314, 315
 Гарэтто Э. 277-300
 Гаспаров М.Л. 120
 Гатова Л.А. 297
 Гдлян Т. 81
 Ге Н.Н. 642
 Гейне Г. 19, 20, 422
 Генессин, администратор 532
 Гензель П.П. 234
 Георг V, король Великобритании 313, 315
 Гераклит Ефесский 236, 241, 254, 255
 Герасимов М.П. 31
 Герасимов С.А. 595, 616, 617, 644
 Герман Ю.Р. 568
 Герра Р. 481, 516
 Герцен А.И. 148, 363, 561, 580, 589, 590, 605
 Герцль Т. 149
 Гершензон М.О. 231-276, 292
 Гершензон (урож. Гольденвейзер) М.Б. 257, 258, 261, 262, 264, 265, 267, 269, 271-276
 Герштейн Э.Г. 54
 Гессен Г.И. (Зёка) 354-357, 365, 366, 369, 370, 391, 392, 394
 Гессен И.В. 354
 Гессен (урож. Лапинер) С.Г. 354, 357
 Гессен Ю.В. 354
 Гессены, семья 354, 356, 358, 359
 Гете И.В. 286, 304, 339
 Гефтер М.Я. 62, 63
 Гефтлер А.К. 38
 Гефтлер К.Э. 38
 Гехт С.Г. 532
 Гиацинтова С.В. 630
 Гильдебранд <т> А. 254, 255
 Гилляровский В.А. 582
 Гингер А.С. 377
 Гинзбург А.И. 79, 583, 586
 Гинзбург Л.В. 592, 593, 602, 604, 613, 639, 641, 649
 Гинзбург Л.Я. 51, 573, 579, 581, 582, 645
 Гиппиус А.Н. 192, 203
 Гиппиус В.В. 203
 Гиппиус З.Н. (Hippius Z., Zina, *Ангтон Крайний) 91, 191-230, 251, 252, 424-426, 428
 Гиппиус Н.Н. 203, 229
 Гиппиус Т.Н. 203, 229
 Гирса, чешск. дипл. 119
 Гис Е.Э.А. 367, 368
 *Гитлер А. 192, 526, 643
 Глаголев Н.А. 173, 174, 178, 185, 186
 Гладков А.К. 521-527, 528-647
 Гладков Л.К. 529, 530, 538, 559, 574, 652
 Глазов В.Г. 121
 Глазунов А.К. 44
 Глазунов И.С. 81, 564
 Глебов Г.П. 44
 Глебова-Судейкина О.А. 505
 Глизэр Р.М. 24
 Глубоковский Н.Н. 126
 Говорухин С.С. 82
 Гоголь Н.В. 370, 374, 375, 610, 624, 627
 Голлербах Е.А. 431, 475
 Голлербах Э.Ф. 428, 431
 Головачев, юрист 92
 Головина А.С. 385, 386
 Голомшток И.Н. 570, 571, 649
 Голосовкер Я.Э. 143
 Голубенцев Н.А. 545, 615, 649
 Голубкина Л.В. 521
 Гольденвейзер А.Б. 152
 Гольдсмит О. 313, 315
 Гольдшмидт В. 131
 Гольдштейн И.М. 234
 Гольцев В.П. 563
 Гольшева Е.М. 541, 543
 Гомулка В. 590
 Гонзалес Р.А. 365
 Гончаров Л.И. 44
 Гончарова Е.Д. 44

- Гончарова Н.С. 37, 277
Гор Г. 582
Горбатовы, семья 542
Горбачев М.С. 64, 82
Горбовский Г. 645
Горбунов Н.П. 128-130, 134, 141
Гордин Я.А. 582
Горнфельд А.Г. 24
*Горный С. 98
Городецкий С.М. 14, 15
Городецкий Ю.В. 45
Горожанин В.М. 577, 649
Горожанина Б.Я. 577
Горохов В. 537, 649
Горчаков О. 603
Горшкова К.В. 167, 168, 172, 174, 175, 177, 179, 182, 185
*Горький М. (Пешков А.М.) 19, 20, 24, 30, 31, 80, 269, 270, 280, 281, 287, 289-294, 307, 308, 312, 319, 326, 336, 337, 531, 566, 619
Гофман Э.Т.А. 404
Грабиш А.Б. 325, 327
Грахс Кай 265
Грамп А. 559
*Гранин Д.А. 84, 601
Грановская Е.М. 322, 324
Гребнева Е.В. 41
Грегори И. 307, 308
Грей Э. 313, 315
*Грекова И. 575
Гречанинов А.Т. 250
Гречко А.А. 603
Грибанов Б.Т. 582, 583
Грибачев Н.М. 614
Грибоедов А.С. 304
Григ Э. 439
Григоренко П.Г. 622
Григоров Б.П. 261
Григорович Д.В. 194, 223
Григоровы, семья 240, 259, 261
Григорьев А.А. 360
Григорьев Б.Д. 37
Гридасова А.Р. 529
Гринберг, литератор 542
Гринберг З.Г. 332, 333
Гринберг И.Н. 353
Гринберг Н.Н. 361, 364
Гринберг Р.Н. 345-397
Гринберг С.М. 349-353, 355, 357, 359, 361, 367, 375, 379-382, 384, 385, 387, 389, 393-395
Гринберг Ф.И. 353
Гринберги, семья 347, 353, 356, 359, 363, 372, 379-381, 387
Гринько Г.Ф. 619
Громько А.А. 603, 629
Гроссман Л.П. 374
Грот (урож. Баранова) Е.И. 432, 433, 442, 443, 445, 447, 451, 472, 480
Груздев И.А. 336, 337
Грузинский А.Е. 262-266
Грэгер В. 312, 313
Губенко Н.Н. 72
Гукасов А.О. 50
Гуль Р.Б. 384, 400, 414, 415, 425, 452-454, 462, 468-470, 472, 474, 476, 490, 499
Гумилев Л.Н. 555, 556, 569, 570, 581, 585
Гумилев Н.С. 15, 19, 386, 400, 402-404, 406, 421-424, 428, 430, 431, 436, 437, 444, 446, 449, 450, 468, 469, 471, 479, 495, 500, 505, 555, 563, 570, 598, 629
Гуревич Л.Я. 194, 201, 202, 208
Гусев Н.Н. 152
*Гусев-Оренбургский С.И. 25, 26
Гушанский С.Х. 532, 536, 549
Гюго В. 447, 450
Гюйо Ж.М. 148
Даманская А.Ф. 43
Данини М.Н. 582, 599, 649
Даниэль А.Ю. 62
Даниэль Ю.М. 181, 566, 569, 572, 614, 648
Данте А. 446, 461, 547
Дар (Рывкин-Дар) Д.Я. 579-581, 609, 610, 612, 649
Дарвин Ч. 331, 333
Дашковская Т.Б. 633, 649, 652
Дедюлин С.В. 69
Дежнев С.И. 538
Дейч Б. 305, 306, 311, 343
Делоне В. 641
Дементьева И.Б. 528-530
*Демин М. (Трифонов Ю.Е.) 592, 593, 596, 598, 621, 634, 649

- Демина М. 592, 593, 596
 Демичев П.Н. 566, 600, 627
 Державин Г.Р. 399, 417
 Дерман А.Б. 24
 Десницкая А.В. 183
 *Джек Лондон 74
 Джеллико Дж. 313, 315
 Дженнер Э. 340, 341
 Джером К.Д. 317, 319
 Джойс Дж. 309, 310, 379
 Джонс Э. 577
 Джонсон С. 313, 315
 Джэкобс У. 317, 319
 Дзержинский Ф.Э. 137
 Дидерихс А.Р. 292, 293
 Дидро Д. 20, 380, 381
 Дикгоф-Деренталь А.А. 39
 Диккинсон Э.Э. 353
 Диханов Ю. 348
 Диханова Т. 348
 Дмитренко А.Л. 410
 Дмитриев П.В. 348
 Добин Е.С. 557, 582, 649
 Добкин А.И. 48, 51, 55, 56, 65, 69-73,
 83, 91-99
 Добровольский Е.А. 323
 Добровольский О.Н. 320, 323
 Добролюбов Н.А. 361
 Добужинский М.В. 444
 Добычгин Л.И. 326, 327
 Догадов А.И. 137
 Додин Л.А. 68
 Долгополов Н.С. 450, 454
 Долгоруков П.Д. 39
 Долинин А.С. 304, 306, 335, 336
 Долинов А.И. 44, 45
 Долинов М.А. 45
 Дольберг А.М. 186
 Домбровский Ю.О. 583, 603, 646
 Дорош Е.Я. 566
 Достоевская А.Г. 625
 Достоевский Ф.М. 224, 244, 304, 306,
 324, 371, 385, 386, 434, 534, 538,
 539, 560, 625
 Драбкина Е.Я. 580, 581
 Дрейфус А. 523
 Дризен Н.В. 43
 Дубинин Н.П. 623
 Дубницкая Е.И. 433
 Дубровников А.Н. 192
 Дубчек А. 590, 595
 Дудинцев В.Д. 579
 Дузе Э. (Duse E.) 18, 286, 287, 427,
 430
 Дукельский В.А. (*Verpo Duke) 499,
 500, 510
 Дулова В. 637
 Дурново Н.Н. 118, 127
 Дурылин С.Н. 255
 Дымерская-Цигельман Л. 346
 Дыров А. 328, 330
 Дэвис Р. 81, 301-344
 Дюдеван-Санд М. (Dudevant-Sand M.)
 444, 445
 Дягилев С.П. 44
 Евелинов Б.Е. 45
 Евреинов Н.Н. 48
 Евстигнеев Е.А. 68
 Евстигнеева А.Л. 192, 193
 Евтеева Т.А. 647
 Евушенко Е.А. 507, 540, 572, 602,
 603, 612, 615, 617, 622, 645
 Егоров А.А. 37
 Ежов Н.И. 541, 562
 Екатерина II, имп. 551
 *Елагин И. 424, 425, 485, 509
 Еленева Е.И. 451
 Еленсон, сотр. Литфонда 543, 544,
 545
 Елисеев А.С. 184
 Ельцин Б.Н. 81, 82
 Емельянова И. 546
 Ершова И.А. 170, 184
 Есенин К.С. 533, 635, 649
 Есенин С.А. 15, 40, 145, 317, 320,
 421, 424, 434, 436, 442, 443,
 463, 523, 533, 534, 620, 627, 649,
 650
 Есенин-Вольпин А.С. 576, 650
 Есенина Т.С. 533, 534, 649
 Ефим, знакомый Н.Я.Мандельштам
 563, 564
 Ефимов А.И. 181, 188
 Ефремин А.В. 39
 Жданов А.А. 567
 Желябов А.И. 613
 Жемкова Е. 72
 Жемчужина П.С. 579, 650

- Живков Т. 590
 Живова Ю. 563, 564
 Жигулин А.В. 569
 Жид А. (Gide A.) 306
 Жолковский А. 184
 Жорес Ж. 108
 *Жорж Санд (George Sand) 25, 193, 197, 208, 215, 226, 444
 Жуков Д. 602, 622
 Жуков Г.К. 619
 Заболотский Н.А. 74
 Завадский Ю.А. 633
 Завалишин В.К. 472, 474, 491, 492, 516
 Заволокин П.Я. 14
 Загульева Ю.М. 208
 Задонцев А.Г. 45
 Зайцев Б.К. 80, 277-279, 295, 446, 450, 452, 512, 516, 517
 Зайцев В.Н. 86
 Зайцев М.А. 38
 Зак Е.С. 43
 Закс А.Р. 574, 634, 636, 645, 646, 650
 Зальгин С.П. 624, 626
 Замирайло В.Д. 326, 327
 Замятин Е.И. 402
 Зархи А.Г. 618
 Засыпкин В.А. 43
 Звегинцев В.А. 168-170, 183
 Зверев А.Г. 619
 Зверев В.Е. 49, 54, 78
 Зверев Н.В. 78
 Зверева Ж.А. 78
 Звонарева Т.Б. 29
 Зворыкин А. 594, 650
 Зелинский К.Л. 164-166, 175, 176, 186
 Зелинский Ф.Ф. 15, 126, 136
 Зенгер Г.Э. 122
 Зензинов В.М. 350, 366
 Зенкевич М.А. 628, 629
 Зильберштейн И.С. 161, 621
 Зимарин О.А. 84, 85
 Зимяхин П.А. 623
 *Зиновьев Г.Е. 15, 17, 95, 102-104, 106, 109-112, 585
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 235, 247, 248
 Златарский В.Н. 129
 Злобин В.А. 192, 386, 510
 Зобнин Ю.А. 431
 Зозуля М.Н. 167, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 182
 Зорин Л.Г. 596
 Зошенко М.М. 317, 319, 329, 544, 564, 598
 Зубарев Д.И. 164-188
 Зуев-Ордынец М.Е. 608, 609
 Иван IV Грозный, царь 550, 606, 625
 Иванов В.И. 541
 Иванов Вяч.И. 91, 234, 235, 237, 239, 247-249, 256, 259-261, 265, 292, 295, 296, 334, 336, 361, 425, 443, 577
 Иванов Вс.Вяч. 187, 542, 574
 Иванов Вяч.Вс. 118, 164-166, 168-187, 236, 573
 Иванов Г.В. 50, 80, 347, 377, 384-387, 398-518
 Иванов М.В. 187
 *Иванов-Разумник Р.В. 238, 244, 245, 259
 Иванова, редактор 618
 Иванова Е.В. 228, 303
 Иваск Ю.П. 349, 377, 385, 386, 389, 390, 393, 410, 413, 414, 419, 432-434, 450, 470, 502, 515
 *Ивин (Левин) М.Е. 633, 650
 Ивинская О.В. 36, 82, 542, 544, 546, 551, 604, 606, 610, 650
 Ивинские, семья 545, 549
 *Ивнев Р. 145
 Игнатьев П.Н. 121
 *Изгоев А.С. 237
 Измайлов Н.В. 581
 Ильин В.Н. 16, 17, 586, 591, 596, 598, 602, 617, 650
 Ильин И.А. 269, 270
 Ильин Н.Н. 26, 27
 Ильинский И.В. 534
 *Ильф И.А. 408, 607
 Инбер В.М. 587
 Иоанн, еп. Сан-Францисский (Шаховской Д.А.) 474, 475, 481, 516
 Иокар Л.Н. 291
 Иоффе А.Е. 128
 Ирина, знакомая Гладкова А.К. 526-528

- Ирина Александровна, имп. 503
 Искандер Ф.А. 643
 Истмен М. 347
 Ищенко А.К. 23
 Йетс У.Б. 304, 306, 308
 Кавасаки Т. 518
 Кавелин К.Д. 205
 *Каверин В.А. 542, 543, 586, 623
 Каганович Л.М. 565, 615
 Кадеи Е. (Cadei E.) 291
 Казак В. 346
 Казаков, врач 619
 Казаков Р. 626
 Казаков Ю.П. 626
 Калашников И.С. 534
 Калина, сотр. полпредства 131
 Калинин В. 58
 Калинин М.И. 109, 137
 *Каменев Л.Б. 102-104, 106, 112, 585
 Каменева О.Д. 120, 131, 132
 Каменская Т. 642
 Каменский А.П. 39
 Каменский А.А. 591, 616, 650
 Камкин В.П. 508, 509
 Канвез-Раскольникова М.В. 16
 Каннегисеры, семья 451
 Кантор М.Л. 191, 192
 Канторович В.Я. 611, 650
 Каплун С.Г. 267, 294
 Кардин В. (Эмиль Владимирович)
 615, 629, 650
 Карлейл Т. 313, 315
 Карлинский С.А. 346
 Карпинский А.П. 127
 Карпович М.М. 349, 350, 353, 382-
 384, 393, 396, 452-454, 457, 460-
 463, 494
 Карпович Т.Г. 381, 382
 Карсавин Л.П. 278
 Карякин В.Н. 34, 35
 Карякин Ю.Ф. 64
 Карякина, жена В.Н.Карякина 35
 Кассо Л.А. 122
 Катаев В.П. 537, 623
 Катаев И.И. 535
 Катанян В.А. 586, 620, 650
 Катков М.Н. 580
 Катон Младший 265
 Кауфман Е.С. 36
 Кафка Ф. 561, 605
 Кацаров М. 38
 Кацева Е.А. 588, 605, 615, 650
 *Качалов В.И. 532
 Качурин С.М. 553
 Кашина-Еврейнова А.А. 48
 Кашкин, чл. жюри конкурса 250
 Келдыш М.В. 639
 Келлер (Кей) Е. 457, 459
 Келлерман, юрист 549
 Келлерман Б. 344
 Келлерман М. 343, 344
 Кеннеди Дж.Ф. 589
 Керенский А.Ф. 350, 426
 Кизеветтер А.А. 126
 Ким Ю.Ч. 641, 654
 Кин В.П. 521, 653
 Кин Ц.И. 524, 525, 571, 604, 605, 608,
 610, 611, 614, 615, 626, 634, 639,
 646, 653
 Киндерман, немецкий студент 137
 Кирилленко А.П. 615, 637
 Кириллов В.Т. 31
 *Киров С.М. 550, 632, 633
 Кирпичов В.Л. 321-324
 Кирсанов С.И. 536-538
 Киришон В.М. 541
 Киселев И.Н. 562, 650
 Киселев Н.П. 256
 Киселева Е.А. 332, 333
 Киссинджер Г. 631
 Кистяковский Б.А. 234
 Китс Дж. 322, 324
 Китченер Г. 313, 315
 Классон Р.Э. 148
 Клейн Т.П. 406
 Клейст Г. 144
 *Кленовский Д. (Крачковский Д.И.)
 80, 385, 386, 405, 419, 424, 469, 473,
 477, 478, 481, 496, 516, 563, 650
 Клестов (*Ангарский) Н.С. 262-266
 Клицевич М.И. 22
 Клычков С.А. 40
 Клюев Н.А. 40, 41
 Ключ, югосл. дипл. 119
 Клячко Л.М. 330
 Князев В.Г. 411, 559, 560
 Кобак А.В. 56
 Ковалев С.А. 62

- Ковалева, знакомая В.Ф.Ходасевича 279
Когоут П. 629, 630
Козин В. 529
Козинцев Г.М. 562, 565, 573, 607
Козлов П.К. 120
Козырева М.Н. 303
Козьменко М.В. 303
Колбасьев С.А. 608
Коллонтай А.М. 131, 133
Колосков А.И. 585, 588, 649, 650
Колтон Дж. 313
Кольберг А.Н. 92, 95, 96, 98
Кольридж С.Т. 446
*Кольцов М.Е. 536
Кольцов Н.К. 234
Комаров Г.Ф. 74-77
Комаров Д.Н. 194, 226, 227
Комаров Н.Н. 197, 198, 200, 203-206, 208, 211, 214, 216, 217, 219, 222, 227, 229, 230
Комарова В.Д. (*Каренин В.) 191, 193-230, 431
Коммиссаржевская В.Ф. 563
*Конан-Дойл А. 313, 315
Кондаков Н.П. 126
Кондратов А. 559, 560
Коненков С.Т. 650
Кони А.Ф. 336, 337, 431
Конноли С.В. 356, 358
*Конрад Дж. 370
Константиновский И.Д. 606, 607, 631, 650
Копелев Л.З. 184, 594, 651
Копелева (по мужу Литвинова) М.З. 594, 651
Коптяева А.Д. 578
Кораллов М.М. 615, 650
Корвин-Пиотровский В.Л. 403, 407, 470, 482, 483, 488-492, 499, 500
Коренева М.Ю. 201, 203, 212
Корещкая И.В. 270
*Коржавин Н.М. 602, 617, 622, 637, 642, 643, 644
*Коринфский А. 20
Корнейчукова Е.О. 340, 341
Корнейчукова М.В. 340, 341
Корников А. 362
Корнилов Б.П. 608
Корнилов В.Н. 555, 556
Корнилова Г. 556
Коровин К.А. 29
Королева Н.В. 191, 411
Короленко В.Г. 151, 326
Коростелов О.А. 192, 398-518
Корытная С.С. 541, 650
Корытный, литератор 541
Космодемьянская З.А. 617
Косыгин А.Н. 568, 607
Котвич В.Л. 126
Котелянский С.С. 317, 319
Коти Р. 458
Котляревские, семья 204
Котляревский Н.А. 204
Котовская М.П. 71
Кочетов Вс.А. 578, 598, 627, 636, 637, 639, 646
Кралин М.М. 411
Крамер С. 618
Красин В. 617, 619, 624, 625, 630
Красин Л.Б. 125, 140
Краснов П.Н. 92, 95, 97, 99
Краснянский, реж. 641
Красовский Ю.А. 35
Крачковский И.Ю. 130
Крейд Вера 503
Крейд В.П. 430, 461, 463, 503
Кременцов Н.Л. 125
Кремень П. 43
Кремер Дж. 365
Крестинский Н.Н. 131, 138
Кривицкий А.Ю. 152, 536, 650
Кривицкий В. 16
Кроль Г.А. 299
Кроль (урожд. Гуревич, во 2-м браке Де Кирико) Р.С. 298, 299
Крон А.А. 535, 542
Крон Е. 542
Кропоткин П.А. 148, 326, 327
Кротков Ю.В. 599, 651
Кругликов, член жюри конкурса 250
Кругликова Е.С. 515, 516
Круглякова М.М. 45
Кружков В.С. 613
Крузенштерн-Петерetz М.Ю. (Krusenstern-Peteretz M.J.) 489-491
Крупская Н.К. 103, 149, 150, 579
Крученых А.Е. 588, 589

- Кръжицкий С. 446
 Крылов А.Н. 120, 127, 128
 Крымов В.П. 530
 Крюков, редактор 626
 Крюкова А. 270
 Крючков В.А. 72
 Крючков П.П. 619
 Кудряцев В. 346
 Куже, франц. дипл. 119
 Кузнецов И. 582
 Кузмин М.А. 410, 421, 428, 443, 507, 509, 512-514
 Кузнецов П.В. 43
 Кузнецов Ф.Ф. 79, 612
 Кузнецова В.Е. 38
 Кузнецова Г.А. (Кузя) 78
 Кузнецова Е. 155
 Кузнецова М.Н. 44
 Кузовлева О.В. 164
 Кузьмицкий, книжник 530, 531
 Кулиев К.Ш. 626
 Куликовский В.Я. 46
 Кульбакин С.М. 126
 Кумминг Е.Л. (*Комнин Евг.) 380, 381
 Куницын Г.И. 611, 651
 Куно Г. 111
 Куприн А.И. 446, 531
 Куркин Л. 184
 Курье П.Л. 20
 Кутепов А.П. 36, 96
 Кушлина О.Б. 443
 Кушнер А.С. 582, 645, 651
 Кэвэндиш В. 313, 315
 Кэрл Л. 333
 Кюхельбекер В.К. 304, 306
 Лабинский А.И. 44
 Лавренев Б.А. 152
 Лавров А.В. 193, 211, 231-276, 425
 Лавровская Н.В. 606, 651
 Лавровский Л.М. 606, 651
 Лавут П.И. 576, 577, 585, 653
 Лавуты, семья 62
 Лагорно А.Е. 126, 131
 Ладьянина М.А. 536, 538, 651
 *Лазарев (Шиндель) Л.И. 591, 615, 651
 Лазаревский Б.А. 43
 Ландау Г. 385, 386
 Ландау Л.Д. 559
 Ланщиков А.П. 615, 651
 Лапто-Данилевский К.Ю. 346
 Ларин С. 531, 647
 Ларионов М.Ф. 277
 Ласкин Б.С. 651
 Ласкина Е.Б. 546
 Лауз М. 131
 Лаффиот С. (Сталинская С.И.) 554, 651
 Лашевич М.М. 103
 Лебедев-Кумач В.И. 570
 Левик В.В. 542
 Левин, референт МИДа 118, 135
 Левин, врач 619
 Левина К.Н. 410
 Левицкий Л.А. 567, 608, 614, 641, 643, 644, 646, 647, 651
 Леже Н. 616
 *Лежнев (Альтшулер) И.Г. 112, 233, 275, 276
 Лейхтенбергский Г.Н. 92, 93, 95
 Лелевич-Кальмансон Л.Г. 39
 *Ленин В.И. 15, 23, 24, 100-103, 105-108, 111, 149, 150, 186, 290, 291, 294, 374, 540, 580
 Леонардо да Винчи 254, 256
 Леонов Л.М. 535, 543
 Лепсе И.И. 137
 Лермонтов М.Ю. 404, 437, 443, 446, 555
 Лессинг Г.Э. 20
 Леховичи, семья 350
 Либединский Ю.Н. 535
 Ливанов Б.Н. 542
 Ливанова Т.Н. 440
 Ливен А.Р., св. кн. 97
 Лидеберг М.А. 411
 Линева С.П. 24
 Липскеров Ф.А. 606, 651
 *Литвинов М.М. 114, 115, 128, 129, 340, 341, 565, 598, 629, 651
 Литвинов П.М. 594, 597, 598, 651
 Литвинова (урож. Лоу) А.В. 340, 341
 Литинский Г.М. 570, 602, 604, 651
 Лифанова М. 618
 Лифшиц В. 558
 Лихачев Д.С. 67, 80
 Ллойд Джордж 111

- Лобанов В.П.(?) 532
Ло Гатто Э. 278, 294
Лозинский М.Л. 402, 424, 429, 441-444, 446, 461, 495
Ломоносов М.В. 123, 323, 324
Ломоносов Ю.В. (Lomonosoff G.V.) 301-303, 314, 316, 317, 319-324, 325-327, 332, 334-336, 339-341, 343, 344
Ломоносов Ю.Ю. (Lomonosoff G., Чуб) 302, 312, 314, 316-318, 320, 323, 326, 327
Ломоносова (урож. Розен) Р.Н. 301-344
Ломоносова М.Ю. 320, 323
Ломтев Т.П. 170-172, 174, 181, 184
Лоуренс Д.Г. 319
Луи В.Е. 615, 651
Лукаш И.С. 80, 381
Лукницкий П.Н. 410
Луконин М.К. 558, 637
Луначарский А.В. 100-116, 128, 129, 135, 140, 141, 145
Лумумба П. 595
Лундберг Е.Г. 269
Лунц Л.Н. 101, 291, 293, 294, 385, 386
Лурье Ф.И. 255
Лурье Я.С. 54
Лысенко Т.Д. 623
Любарский К.А. 79
Ляховский Б.Н. (Б.Н.) 588, 607, 608, 648
Мазуркевич В.А. (*Краснов В.) 20, 21
Майков Ап.Н. 194
*Майский И.М. 565
Макагонова Т.М. 234, 246, 255, 264
Макар, сотр. посольства 131
Макарьев И.С. 536, 539, 651
Макашин С.А. 152-154, 160, 161, 586, 615, 651
Маккарти М.Т. 356, 358, 370
Маковский С.К. 347, 377, 474
Маколей Т. 313, 315
Максимов А.А. 126
Максимов В.Е. 79, 573, 606, 609-612, 614, 615, 617, 622, 623, 627, 628, 642, 643
Максимов Д.Е. 243, 425, 564, 567, 651
Малевич К.С. 236
Малик Я. 594
Малицкий В.С. 36
Мальмстад Дж. 191, 231-276, 279, 296, 513
Малкогин Л.А. 543
Мандель Л.Ф. 38
Мандельштам Е.Э. 343, 344
Мандельштам Н.Я. 15, 32, 547-550, 553, 556, 557, 562-564, 566-579, 584-586, 597, 601, 628, 629, 651, 652
Мандельштам О.Э. 14, 15, 54, 344, 440, 505-507, 538, 546-550, 554, 558, 562-564, 569, 570, 572, 573, 575-578, 582, 584, 597, 598, 601, 602, 642, 646, 648, 651
Мао Цзедун 644
Марголина-Ходасевич О.Б. 366
Мария Степановна, хозяйка квартиры 73
Марков В.Ф. 386, 398-518
Марков П.А. 17, 542, 623, 638
Маркова, мать В.Ф.Маркова 468-470
Маркова (урож. Яковлева) Л.И. 408, 409, 411, 413, 414, 427, 436, 441, 455, 456, 468, 470, 480, 498, 500, 504-506, 508, 510, 512, 514, 515, 517, 518
Марковы, семья 406, 415, 487
Маркс А.Ф. 304
Маркс К. 112, 124, 363, 416, 417, 560
Март Н.Я. 122, 181, 184, 186, 187
Марти А. 536
*Мартов Л. 149, 150
Мартынов Л.Н. 591, 639
Мартынов И.Ф. 406
Марьямов А.М. 595, 651
Масанов И.Ф. 42
Масарик Т.Г. 118, 119, 132, 134, 135-139, 142
Массалигинов Н.О. 44
Матвеев Г.И. 38
Машкин А.П. 619, 630, 646
Машков И.И. 38, 43
Маяковская Л.В. 586
Маяковский В.В. 20, 49, 165, 185, 347, 353, 463, 523, 535, 537, 546, 558, 576, 577, 585-589, 620, 640, 648, 649, 651

- Медведев В. 565
 Медведев Ж.А. 608, 618, 622, 623, 640
 Медведев Р.А. 608, 609, 620, 623, 637, 639, 640, 643, 647, 652
 Медведёвы, братья 642
 Медников А.М. 602, 622, 652
 Мейе А. 136
 Мейерхольд (в замужестве Воробьева) Т.В. 562, 648
 Мейерхольд В.Э. 44, 324, 343, 344, 521, 524, 533, 534, 539, 546, 555, 556, 562, 563, 564, 571, 572, 574, 578, 584, 602, 607, 632, 638, 639, 642, 648, 649
 Мелегинский Е.М. 543
 Мельгунов С.Р. 96
 Мельчук И.А. 170, 172, 184
 Менакер А.С. 523
 Менделеев Д.И. 323
 Мережковские (Merejkovskis), семья 191-195, 201, 204, 206, 219, 220, 515
 Мережковский Д.С. 84, 91, 191, 192, 196-198, 200-202, 204-206, 208, 212, 216, 218-220, 223-226, 229, 239, 249, 251, 252, 426, 427
 Мериме П. 404
 Метерлинк М. 255
 Метнер Э.К. (*Вольфинг) 238, 239, 250, 254, 255
 Метченко А.И. 170, 171, 185, 637
 Мехлис Л.З. 125
 Мжаванадзе В.П. 602
 Мжаванадзе, семья 613
 Миклашевская И.С. 335, 337
 Микоян А.И. 103, 629, 639
 Милетич Л. 129
 Миллоти Н.Д. 43
 Миллер А. 619
 Миллер Г. 428, 430
 Милн А. 303, 305, 315, 316
 Мильруд М.С. 192
 Миллоков П.Н. 50, 192, 354, 513
 Минаев И.П. 120
 Минден Дж. 67
 Миндлин Э.Л. 535, 652
 Минервин А.Д. 43
 *Минский (Виленкин) Н.М. 210, 211, 223, 224
 Минц З.Г. 191
 Миролобов В.П. 431
 Миронова М.В. 523
 Митурич П.В. 504, 506, 507
 Михайлов В.М. 137
 Михайлов О.Л. 58, 586
 Михалков С.В. 567, 633
 Михеева О.Н. 167, 168, 174, 177, 182
 *Михоэлс С.М. 616
 Мишель Л. 149
 Можаяв Б.А. 626
 Мок-Бикер Э. 506
 Молодцов-Вечерник Н.М. 30
 *Молотов В.М. 104, 526, 650
 Моммсен Т. (Mommсен, Mommsen) 265, 266
 Монахов Н.Ф. 311, 312
 Монтессори М. 321, 323
 Мопассан Г. де 20, 199, 201
 Мориак Ф. 609
 Морозов А.А. 573, 586, 652
 Морозов Савва Т. 29
 Морозова М.К. 252
 *Моршен (Марченко) Н.Н. 399, 411, 412, 419, 423-425, 429-432, 434, 437-439, 441, 442, 445, 448, 450, 457, 459, 460, 469-473, 481-483, 493, 498, 500, 506, 509
 Мосешвили Г.И. 503
 Мосолов А.А. 502, 503
 Мотовилов А.И. 147
 Мотовилов Н.И. 146
 Мотовилова А.Е. 146
 Мотовилова С.Н. 143, 144, 146-163
 Мотовиловы, род 146
 Моцарт В.А. 412, 438-440
 Мочульский К.В. 407
 Мозм У.С. 313
 Мугуев Х.-М.М. 535, 652
 Муравьева Е.А. 245, 276
 Муратов П.П. 278-287, 289, 292, 293, 295, 296
 Муратова Е.В. 284
 Муссоллини Б. 84, 91
 Мучник Е.Л. 352, 373
 Мэнсфилд К. 317, 319
 Мэр У. де ля 315, 316
 Мюллер В. 250

- Набоков В.В. (*Сирин В., Шишков В.) 79, 345-397, 414, 531, 601
Набоков Д.В. 346, 348, 352, 365, 366, 371, 374, 375, 380, 381, 383, 388-391, 393-395
Набоков Н.Д. 353, 359
Набоков С.С. 375
Набокова В.Е. 345-397
Набокова Н. 359
Набоковы, семья 346-348, 350-352, 354, 360, 362, 364, 366, 368-370, 372, 378-382, 385, 386, 388, 393
Навроцкая М.Е. 43
Надсон С.Я. 359
Наживин И.Ф. 98, 531
Назаров Я.С. 78
Найденов А.Н. 516
Найман А. 582
Нансен Ф. 131
Наполеон Б. 526
Нарбут В.Г. 538, 559, 629
Наровчатов С.С. 558
Нарышкина З.М. 630
Недошивина Н.А. 454
Неедлы З. 131, 132, 134
Неизвестный Э.И. 616
Нейман А. 559
Некрасов В.П. 80, 146-149, 154, 155, 158, 159
Некрасов Н.А. 307, 311, 312, 316, 332, 333, 335
Некрасова (урожд. Мотовилова) З.Н. 147
Немирович-Данченко Вл.И. 18
Непомнящий К. 594, 652
Нернст В. 131
Неруда П. 627-629
Нессина Т.А. 358, 359
Нессин, агроном 358, 359
Нетте Т.И. 165
Нечаев В.П. 13-48
Нечаев С.Г. 613
Никифоров Г.К. 31
Никишев И. 528-530, 560
Николаева Н.В. 172, 177, 185
Николаевский Б.И. 92, 361, 362
Николай I, имп. 304
Никольсон С. 335, 336
Никон, патр. 622
Никонов, член БРП 99
Никсон Р. 604, 615, 619, 622
*Никкулин Л.В. 39
Нилендер В.О. 143, 255
Нилин П.Ф. 543
Нилус П.А. 37
Ницше Ф. 148, 215, 430, 560
*Новалис 254, 256
Новиков И.А. 249
Новиков М.М. 278
Новикова А.А. 44
Ногин В.П. 147, 150
Носов А.А. 193
Носов Е.И. 628
Нусинов И.И. (Эля) 543, 652
Оберучев К.М. 453
Овербек Е. фон 195, 210, 211, 215-217, 219, 226, 227
Овечкин В.В. 629, 652
Овчаренко А.И. 79
*О'Генри 335, 336, 540
Одарченко Ю.П. 386, 401, 406, 470, 489, 490
*Одоевцева И.В. (*Луганов А.) 80, 398-518
Озеров Л.А. 158
О'Кейси Ш. 308, 311, 312, 314, 322, 324
Окуджава Б.Ш. 558, 619, 626, 645
Олдридж Д. 604
Оленина-д'Альгейм М.А. 250
Олеша Ю.К. 521, 524, 534, 536-538, 599, 600, 605, 643
Оливье Л. 638
Ольденбург Е.Г. 127
Ольденбург С.Ф. 123, 124, 132, 134, 140, 142
Ольшанская Н.А. 567
Оношкович-Яцyna А.И. 446
Орджоникидзе Г.К. 541
Орешко О.Ф. 27, 28
Орлов В.Г. 92, 95
Орлов В.Н. 550, 599
Орлова Е.Н. 234
Орлова Р. 184
Ортенберг, журн. 650
Осипович В. 531
Осокина Т. 348
*Осоргин М.А. 278, 283, 295, 531

- Осоргины, семья 279
 Островский А.Н. 437
 *Острожский К. (Гогель К.С.) 46
 Останин Б. 56
 Отрепьев Г.Б. 550
 Отген (Поташинский) Н.Д. 541-543,
 545, 549, 551, 564, 578, 586, 612,
 633, 650, 652
 Отген Е.М. 573
 Отгены, семья 545, 561, 573
 Оттокар Н.П. 277, 296, 299
 Офросимов Ю. 470
 Охотин Н.Г. 73
 Оцуп Н.А. 280, 288, 289, 385, 386,
 389, 390, 475, 477, 563
 Ошанин Л.И. 572
 Павленко П.А. 536
 Павлова (по мужу Шайкевич) К.В. 44
 Павлова М.М. 192, 200
 Павловская Е.И. 151
 Павловский А.И. 582
 Падерин И.Г. 614
 Пайпс Р. 63
 Палеолог С.Н. 95
 Палиевский П.В. 67
 Пальмова И. 509
 Панкин Б. 647
 Панин Дм. 496
 Панина С.В. 350
 Панов В. 638
 Панов Н.Н. (*Дир Туманный) 639
 Панова В.Ф. 579, 580, 609, 649
 Пановы, семья 638
 Панченко Н.В. 563, 564, 568, 569,
 652
 Папины Д. 291, 292, 298
 Папоушек, дипломат 119
 Парамонов Н.Э. 93, 95
 Парнис А.Е. 143-163
 Парри А. 365
 Пастернак Б.Л. (Pasternak B.) 36, 143,
 148, 152-163, 164-168, 170, 175-
 180, 185-187, 307-309, 328-
 330, 423, 465, 471, 481, 484, 485,
 521, 524, 530, 534, 536, 540, 541-
 546, 549-552, 555, 556, 558, 560,
 561, 564, 566, 569, 573-576, 581,
 584, 585, 589, 591, 601, 604, 606,
 607, 609, 611, 630, 639, 640, 652
 Пастернак Е.Б. 144, 145, 153-159, 162,
 610, 612, 638-640, 642, 650, 652
 Пастернак Е.В. 144, 154-157, 159
 Пастернак З.Н. 163
 Пастернак Л.О. 144, 145, 642
 Пастернак-Слэйтер Л.Л. 546, 652
 Пастернаки, семья 301
 Пастухов В.Л. 349
 Патерсон Р. 518
 Патуе Ж. 136
 Паустовская (урож. Евтеева, в 1-м
 браке за М.Я.Шнейдером, во 2-м за
 А.Н.Арбузовым) Т.А. 535, 542, 652
 Паустовский К.Г. 74, 532, 535, 542,
 544, 546, 550, 586, 588, 652
 Пахмус Т. (Pachmuss T.) 191, 192
 Пенлеве П. 140, 141
 Перелешин В.Ф. 80
 Перельман В. 79
 Перельман Я.И. 317, 319, 322, 326,
 329, 332, 334
 Перовская С.Л. 613
 Перцов В.О. 576, 588, 637
 Перцов П.П. 192, 200, 201, 203, 204,
 208
 Перченко Ф.Ф. 56, 70, 125
 Петараки С.А. 20
 Петерсон М.Н. 168, 183, 186
 Петр I, имп. 121, 408
 Петрановский В.Р. 431
 Петрарка Ф. 365
 Петрицкий В.А. 400
 Петров, большевик 568
 Петров А.И. 38
 *Петров Е. 408, 607
 Петровский А.П. 17
 Петровский А.С. 252, 256
 Петровский И.Г. 166, 186
 Петровых М.С. 542, 545, 554
 Петрушевский Д.М. 234
 *Печаткина Е. (Исаенко Е.С.) 442, 443,
 445
 Печковский А.П. 255
 Пешков М.А. 292, 293
 Пешкова Е.П. 281, 293
 Пешкова Н.А. (Тимоша) 281
 Пиаф Э. 619
 Пикассо П. 565, 571, 616
 *Пильняк Б.А. 17

- Пильский П.М. 192
Пилляр Ю.Е. 622, 652
Пинский Л.Е. 543, 566, 573, 652
Пиотровский А.И. 608
Пиркова-Якобсон С. 177, 187
Писарев Д.И. 244
Плетнев, врач 619
Плеханов Г.В. 148
Плещеев А.Н. 194
Плутарх 265, 266
По (Поз) Э. 385, 386, 404
Подгорный Н.В. 607
Подгорный В.А. 296, 297
Подгорный Н.А. 297
Подрабинек А.П. 79
Поженян Г. 603
Покровский М.Н. 129
Полевицкая Е.А. 17, 18
Поливанов Е.Д. 576, 606
Поливка И. 134
Полонская В.В. 576, 577
Полонская Е. 564
Полонский Я.П. 194
Поляк Г. 425
Поляков Арий 645
Поляков А.А. (Poliakov A.A.) 459, 461
Поляков В. 448, 450
Померанцев К.Д. 66, 476, 478, 482, 486
Помпей Секст 265
Помяловский Н.Г. 385
Понте Л. да 440
Поплавский Б.Ю. 385
Попов А.Д. 523, 534
Попова (Бирман) Э.А. 553, 557, 562, 570, 574, 577, 578, 600, 653
Португалов В.В. 538, 559, 560, 652
Поспелов Г.Г. 185
Поспелов Г.Н. 174, 185
Постников С.Р. 42
Потатосова А. 524
Потопчина Е.В. 44, 45
Потоцкая А.П. 616
Правдин А.Г. 339
Правдины, семья 339, 341
Правдухин В. 559
Прево Э.М. 200, 201
Прегель С.Ю. 461, 463, 472, 473, 487, 496, 512
Пржевальский Н.М. 120
*Приблудный И.П. 559
Примаков В.М. 566, 577
Примочкина Н.Н. 337
Присманова А.С. 377
Притыкина Т.Б. 71
Пришвин М.М. 535
Прокофьев А.А. 568, 600
Прокофьев С.С. 634
Проскурина В.Ю. 236, 237, 240-242, 267
Прохоров М.Н. 24
Пруайар Ж. де 155, 156
Пудовкин В.И. 577
Пузиков А.И. 156
Пунин Н.Н. 570, 581
Пунина И.Н. 570, 581, 585
Пунины, семья 557
Пушкарева Н.К. 192
Пушкарева-Котлярская В.В. 204
Пушкин А.С. 68, 240, 243, 244, 304, 306, 357, 361, 365, 366, 372, 382, 391, 487, 491, 492, 502, 503, 505, 507, 529, 554, 610, 616, 624, 627
Равдин Б.Н. 192
Равич Н.А. 16
*Радек К.Б. 39, 107, 532
Радищев А.Н. 14, 406
Радищев Л.Н. 613, 652
Радлов Н.Э. 322, 324, 409, 411
Радлов С.Э. 410
Радлова (урож. Дармолатова) А.Д. 409, 410
Радловы, семья 411
Радциг С.И. 178, 187
Радченко И.И. 559
*Раевский Г. 474
Раевский Н. 616
Разумова С. 353
Райкин А.И. 568
Райт-Ковалева Р.Я. 608, 609, 643, 652
Райх З.Н. 555, 562, 648, 649
Раковский Х.Г. 125, 138
Рамбаев В.Ф. (*Дружинин В.) 37
Рандольф К. 313
Ранкович А. 571
*Раннит А. (Долгошев А.К.) 501, 502
Рапполорт Г. 641
*Раскольников Ф.Ф. 16

- Распутин В.Г. 81
 *Распутин Г.Е. 640
 Рассадин И.П. 266
 Ратницкий А.Д. 543, 647
 Рафалович С.Л. 514
 Рафальский С.М. 66, 476-478, 482, 484
 Рахманинов С.В. 24
 Рачинский Г.А. 215, 252, 259
 Рейнгадт М. 17, 18
 Рейнольдс Д. 313, 315, 316
 Ремез О.Я. 539, 652
 Ремизов А.М. 30, 245, 246, 269, 431, 452
 Репин И.Е. 317, 320, 321, 323, 326, 329, 332, 333, 336
 Рерих Н.К. 142
 Рерих С.Н. 37
 Ресневич-Синьорелли О.И. 277-300
 Ретковская Л. 31, 32
 Рильке 404, 407
 Рихтер С.Т. 542
 Робинсон Э. 310-312
 Робсон П. 537
 Рогачевский А.Б. 303, 350
 Рогинские, семья 56
 Рогинский А.Б. 52, 53, 55-57, 62-64, 69, 70
 Розанов В.В. 27, 234, 236, 239, 319, 577
 Розвадовский Я.М. 129
 Розенель Н.А. 114
 Розенфельд Н. 255
 Розов В.С. 605, 625
 Ройзман М. 620, 627
 Рокотов Я.Т. 523
 Роллан Р. 291, 292, 629
 Романов Е.Р. 55
 Романов П.С. 343, 344
 Романов Г.В. 603
 Романовы, род 146, 640
 Росс Р. (Ross R.) 303, 306
 Россетти Д.Г. 308
 Россетти У.М. 307, 308
 Ростан Э. 451
 Ростовцев М.И. 126, 127
 Ростоцкий С.И. 534, 633, 638
 Роте Г. 400, 463
 Ротов К.П.. 570, 652
 Ротштейн Ф.А. 138
 Рошин М. 644
 Рубашкин А.И. 611, 612, 652
 Рудзутак Я.Э. 137
 Рудницкий К.Л. 591, 632, 633, 652
 Рузвельт Т. 321, 323
 Русланова Л.А. 628
 Русов Н.Н. 39
 Рухман М.Д. 24
 Рыбаков А.Н. 63, 632, 634, 641
 Рыжков Н.И. 71
 Рыков А.И. 17, 100, 123-125, 128, 129, 137, 140, 141, 619
 *Рындина Л.Д. 98, 99
 Рытсков Н.Н. 630, 652
 Рюисбрёк (Рэйсбрук Удивительный) 254, 255
 Рябушинская М.Д. 43
 Рязанов Э.А. 521, 634
 Савинков Б.В. 39, 470
 Савченко И.Г. 46
 Садат А. эль 631
 *Садовойской Б.А. 31, 234, 256, 423
 Сазонова (по мужу Анчутина) Е.Н. 44
 *Салтыков-Щедрин М.Е. 582, 633, 634
 Сальери А. 438, 440
 Самарин В. 515
 Самарин Р.М. 170, 171, 174, 184, 185
 *Самойлов Д.С. 582, 583, 591, 626, 633, 638
 Самойлова, критик 605
 Сантаяна Дж. 370
 Сараджев С.В. 53
 Сарнов Б.М. 570
 Сарс Г.О. 131
 Сартр Ж.-П. 355, 356
 Сарьян М.С. 650
 Сахаров А.Д. 81, 605, 620, 624, 625, 626, 628, 634, 635, 637, 640, 642, 643
 Светлов В.Я. 43
 Светлов М.А. 539, 540, 558, 559, 583
 Свирский Г.Ц. 614, 615, 652
 Свобода Л. 584, 595
 Святополк-Мирский Д.П. 36, 538, 559, 560, 652
 Северный (Ольбрих-Северный) П.А. 37

- Северюхин Д.Я. 56
*Северянин И. 408
*Седых А. (Цвибак Я.М.) 346, 347, 515, 516
Сейфуллина Л.Н. 537
Сельвинский И.Л. 584
Семанова М. 572
Семенов М.И. 44
Семенов В.Ф. 51, 78
Семичастный В.Е. 570
Сендеров В.А. 79
Сенкевич В. 543
Серафим Саровский, св. 48
*Серафимович А.С. (Звонарев Б.Н.) 29
Серебренников Б.А. 173, 178, 179, 186, 187
Серебрякова Г.И. 579
Серебрякова З.Е. 37
Сергеев В.Л. (?) 611
Сергеев М.С. 256
*Сергеев-Ценский С.Н. 151, 317, 320, 535
Серман И.З. 243
Серов Вал.А. 642
Серов Вл.А. 568
Сесил Р. 313, 315
Сизов М.И. 255
Силлигоу А. 633
Симонов А.К. 591
Симонов Е.Р. 618
Симонов К.М. 152, 536, 572, 579, 590, 591, 600, 611, 614, 624, 645, 650
Симонов Р.Н. 589
Синг Дж. (Synge J.) 303, 305, 307
Синьорелли А. 277, 278, 286, 295, 297
Синьорелли М. 299
Синьорелли О.И. – см. Ресневич-Синьорелли О.И.
Синявская М.В. (Майя) 566, 570, 571
Синявские, семья 78, 79
Синявский А.Д. (*Терц А.) 78, 170, 181, 185, 566, 569-572, 576, 586, 610, 614, 618, 624, 627, 648
*Сирин В. – см. Набоков В.В.
Ситковский А.И. 558
Скотт В. 514
Скоффилд П. 638
Скрябин А.Н. 361
Славин Л.И. 542
Славинский, знакомый Маяковского 577
Сладек З. 132
Словацкий Ю. 255, 256
Слоним И.Л. 635, 652
Слоним М.Л. 358, 359, 392, 614
Слоним (урож. Литвинова) Т. 635
Слуцкая Т. – см. Дашковская Т.Б.
Слуцкий Б.А. 558, 561, 584, 586, 591, 604, 617, 619, 622, 635, 636, 641, 649
Случевский К.К. 20
Смеляков Я.В. 536, 537, 540, 558, 617, 640
Смелякова (урож. Стрешнева) Т. 640
Смелянский А.М. 51, 67, 68, 70-72
Смирнов С.С. 591
Смирнов Ю. 546
Смирнова В. 605
Смирнова-Мальцева Л.П. 44
Смит Г. 333
Смит Э. 333
Смоктунувский И.М. 68, 562
Смоллет Т.Дж. 633
Смрковский Й. 595, 630
Соболев А.Л. 192
Соболев Л.С. 568
Соболевский С.И. 28
Собчак А.А. 50, 84
Соколов А.Г. 167, 179, 182, 185
Соколов А.Н. 171, 185
Соколов С.А. (*Кречетов, Фор-Эвер) 91-99
Соколов Ю.М. 143
*Соколов-Кречетов – см. Соколов С.А.
Соколов-Микитов И.С. 540, 542
Соколовская Т.Р. 21, 22, 23
Соколовские, семья 21
Соколовский М.К. 21, 22, 23
*Сокольников Г.Я. 137
Солженицын А.И. 80, 515, 573, 575, 578-580, 598, 600, 608, 614, 617, 620, 621, 623, 624, 626, 628, 634, 642, 645-647
Солин Л.Л. 606
Соловьев А.Р. 38

- Соловьев В.С. 371
 Соловьев З.П. 147, 148
 Соловьев Л.В. 532
 Соловьев С.М. 237, 249, 254, 255
 *Сологуб Ф.К. 203, 238, 239, 247, 248, 428, 555, 563
 Солоухин В.А. 558, 564, 579, 580, 583, 628
 Солец А.А. 137
 Сорокина М.Ю. 117-142
 Сорос Дж. 71
 Соскис Д.В. 307, 308
 Соскис (урож. Хьюффер) Дж. 307-309
 Софронов А.В. 596
 Спаркс М. 501, 502
 Спасович В.Д. 205
 Спенсер Г. 331, 333
 Спиридонов И.В. 550, 652
 Ставров П.С. 474
 *Ставский В.П. 574, 590
 Сталин В.В. 617
 Сталин В.И. 619
 *Сталин И.В. (*Коба) 16, 40, 100, 102-104, 109, 115, 125, 128, 133, 137, 141, 184, 186, 192, 367, 525, 536, 551, 552, 555, 559, 565, 571, 572, 580, 583, 589, 600, 602, 623, 632
 Сталин Я.И. 583
 Станчинская Е.И. 330
 Старовойтова Г.В. 84
 Старостин А.П. 536, 645, 652
 Стасов В.В. 193
 Стасов Д.В. 200, 202-208, 211, 214, 216-219, 222, 226, 227
 Стасюлевич М.М. 194, 200-203
 Стейнбек Дж. 572
 Стеклов В.А. 123, 124, 130, 136, 142
 *Стендаль 291
 Степанов В.А. 38
 Степанов С. 407
 Степун Ф.А. 152, 347, 641
 Стефан Дж. 93
 Стефанович Б. (Stevanovic B.) 147
 Столярова Н.И. 543, 545, 566, 643
 Страда В. (Strada V.) 154, 155, 157, 158, 162, 611, 633, 639, 648
 Страда К. 611, 633
 Страхов Н.Н. 371
 Стреляный А. 81
 Стрельчик В.И. 581
 Струве А.П. 370, 371, 393
 Струве В.В. 169, 183
 Струве Г.П. 42, 191, 237, 346, 381, 392, 413-415, 422-424, 427, 441, 442, 449-451, 453, 456, 458, 459, 462, 463, 471, 473, 477, 489, 490, 498, 563, 577
 Струве Н.А. 79
 Струве П.Б. 126, 127, 354
 *Стэнли Г.М. (Stanley, наст. фам. Роулэндс Дж.) 265, 266
 Стюарт Д.Д. – см. Stuart D.J.
 Суворин А.С. 195, 222, 223
 Судейкин С.Ю. 505
 Суок О.Г. 643
 Сураварди Х.Ш. 295, 296, 297
 Сурков А.А. 158, 175, 176, 180, 187, 536, 554, 564, 578, 581, 614
 Суров А.А. (*Алексеев Ан.) 617
 Суслов М.А. 586, 615, 643, 649
 Сулова А. 304
 Сутин Х. 43
 Сутьрин В.А. 540, 541, 652
 Сухово-Кобылин А.В. 374
 Сухомлинов 543
 Сучков Б.Л. 623
 Сыромятников С.Н. (*Сигма) 212
 Табаков О.П. 68, 71
 Табачников М. 539
 Табидзе Г.В. 635
 Табидзе Н.А. 163
 Танеев В.И. 159, 161
 Танеев С.И. 250
 Тарасенков А.К. 523, 531, 574
 Тарасова А.К. 163
 Тарасова Н.Б. 484-486
 Тарковский А.А. 80
 Тарсис В. 587
 Тартак И.Л. 453
 Татаринов В. 381
 Татлин В.Е. 589
 Твардовский А.Т. 543, 579, 584, 600
 Телетова Н.К. 140, 446
 Телешов Н.Д. 25
 Тендряков В.Ф. 628
 Терапиано Ю.К. 401, 405, 414, 426, 427, 453, 458, 459, 466, 467, 469-

- 474, 477, 479-486, 492-498, 501,
503-505, 507, 508, 510, 512-514,
516, 518
Терентьев А.Н. 167, 168, 172, 174,
182
Терентьева Т.Г. 503
Тик Л. (Tiesck L.) 304, 306
Тименчик Р.Д. 348
Тимофеев А.Г. 410
Тимофеев Л.М. 79
Тимофеев Ф.Т. 27
Тимофеева М.И. 21
Тимпко Л.А. 167, 168, 172, 174, 177,
182
Тихомиров М.Н. 633
Тихон, патр. 48
Тихонов А.Н. 319, 584
Товстоногов Г.А. 536, 600, 633
Токарь Г.М. 614, 615, 617, 652
Толль А.Н. 92
Толмачев М.В. 192
Толстиков В.С. 599, 653
Толстой А.Н. 35, 260, 261, 322, 324
Толстой И.И. 122
Толстой И.Н. 346, 353
Толстой Л.Л. 210, 211
Толстой Л.Н. 148, 151, 152, 159, 210,
211, 224, 371, 386, 387, 434, 561,
575, 578, 605, 645
Тольятти (*Эрколи) П. 559
Томашевский Б.В. 424
*Томский М.П. 137
Томсон К. 327
Тормозова А.А. (Тоня) 533, 652
Травин П.А. 29, 30
Трауберг Л.З. 607
Тредьяковский В.К. 360, 364
Третьяков С.М. 575
*Триоле (урож. Каган) Э. 566, 588, 653
Трифонов Е. 592
Трифонов Ю.В. 536, 546, 583, 591-
593, 598, 602, 604, 605, 610, 611,
613, 620, 623, 626, 630, 632-634,
639, 641, 644, 649, 653, 654
Трифонова А. 633
Тройнов В.П. 29
*Троцкий Л.Д. 63, 100-116, 133, 137,
141, 148, 151, 332, 374, 523, 524,
540, 571, 587
Трубецкой Н.С. (Trubetzkoj N.S.) 135
Трубецкой Ю.П. 471
Трумэн (Труман) Г. 367
Тума А.Ф. 38
Тун, гр. 438
Тункель Д.В. 523, 532
*Тур П. (Рьжей П.Л.). 540, 653
Тургенева А.А. 240, 241, 257-259,
264
Тукачевский М.Н. 552, 571, 572
Тынянов Ю.Н. 304, 306, 316, 329, 550
Тышлер А.Г. 616
*Тэффи Н.А. 530
Тютчев Ф.И. 327, 436, 438, 517, 555
Уайльд О. (Вильде, Wilde O.) 303-
306, 309, 310, 404, 407
Уайльд С. 306
Уварова П.С., гр. 126
Угланов Н.А. 101, 102, 105
Ульянов М.А. 68, 71
Ульянов Н.И. 441, 443, 445, 446, 459,
460, 472
Уоррен Р.П. 619
Упшинский А.В. 37
Уржидил, дипломат 119
Ури (в замужестве Хёрр) Д. 331, 333
Ури Дж. 321, 323
Ури К. 321, 323, 330-332, 335, 336,
343
Урицкий М.С. 108
Урусов А.И. 195, 201, 209, 211, 221,
223-226
Усов Д.С. 31, 32
Успенская Е. 572
Успенский Г.И. 582
Успенский Ф.И. 122
Уэст Р. 589
Фаворский В.А. 43, 255
Фадеев А.А. 535, 536, 627
Фальк Р.Р. 547
Фасмер М.Р. 126
Фауссек (урож. Андрусова) Ю.И.
321, 323
Февральский А.В. 542, 562, 653
Федин К.А. 152, 176, 187, 535, 536,
540, 543, 566, 575, 596, 598
Федоров Н.Ф. 521
Федотов Г.П. 434
Фейгина А.Л. 379

- Фельтринелли Дж. 156-158
 Фемелиди А.Ф. 14
 Фергосон У. 324
 Ферреро Э. 611, 639
 Ферсман А.Е. 126
 Фесенко Т. 509
 *Фет А.А. 537
 Фигнер В.Н. 151
 Филдинг Г. 633
 Филевский П.П. 27, 28
 *Филиппов Б.А. 424, 450, 485, 504, 554
 Философов Д.В. 192, 217, 223, 251, 252
 Философова А.П. 217
 Финн (Финн-Хальфин) К.Я. 539, 653
 Фишель А. (Fichelle A.) 119, 136-139
 Флейшман Л.С. 192
 Флобер Г. 199, 224, 291, 575
 Флок И. 67
 Флоренский П.А., свящ. 67
 Фойгт (Voigt) Г. 265, 266
 Фолкнер У. 372, 555, 611
 Фоменко И.В. 185
 Форд Ф.М. 308
 Форстер Э.М. 308
 Фохт И. 131
 Фофанов К.М. 482
 *Франс А. 199-201, 304, 306, 349
 Францев В.А. 126, 127
 Франциск Ассизский, св. 48, 255
 Франчич В.А. 46
 Фрезинский Б.Я. 100-116
 Фрейлингат, прозаик 20
 Фрейман А.А. 183
 Френкель В.М. (*Кречет) 37
 Фрид Г.С. 568
 Фридендер Г.М. 581
 Фрумкин А.Н. 625
 Фрунзе М.В. 137
 Хабин В.Н. 168, 169, 174, 175, 177, 182, 187
 Хавкина Л.Б. 151, 159
 Хазин Е.Я. 574, 584
 Хаит Д.М. 535, 653
 Хаксли О. 303, 305
 Халатов А.Б. 577
 Ханин М.Б. 23, 24
 Харгривс Л. 323, 324
 Харджиев Н.И. 548, 550, 585, 586, 628, 653
 Харрис Ф. 303, 305
 Харлампович К.В. 127
 Хачатурян А.И. 625
 Хемингуэй Э. 533, 535, 536
 Хесин Г.Б. 549, 653
 Хлебников В.В. 74, 347, 400, 414, 419, 448-450, 452, 455, 458, 460, 473, 492, 493, 500
 Ходасевич В.М. 292-294
 Ходасевич В.Ф. 50, 80, 191, 242, 243, 260, 261, 267, 269-271, 279-300, 347, 359-366, 423, 426, 427, 452, 487, 491, 510, 531
 Холл С. 327, 330
 Холланд В. (Holland V.) 303, 306
 Хомяков А.С. 580
 Храбровицкий Д.Я. 573, 620, 653
 Хренников Т.Н. 634, 636, 645, 648
 Хренникова (урожд. Вакс) К.А. 636, 648
 Хренникова Н.Т. 636
 Хржановский А.Ю. 617, 653
 Хржановский Ю.Б. 617, 653
 Хрущев Н.С. 152, 523, 551, 552, 565, 585, 589, 604, 614, 616, 617
 Хрущева Н.П. 616
 Цанотти Бианко У. 278
 Царев М.И. 642
 Цветаев И.В. 47
 Цветаева А.И. 547
 Цветаева М.И. 146, 301, 400, 423, 425, 432-434, 449-452, 458, 459, 497, 498, 510, 512, 513, 546, 547, 549, 550, 558, 561, 562, 564, 574, 576, 589, 606, 627
 Цемах Т.Д. 32-34
 Церетели И.Г. 361, 362
 Цеткин К. 101
 Цетлин М.О. (*Амари) 260, 418, 420
 Цетлин (урожд. Тумаркина, в 1-м браке Авксентьева) М.С. 192, 260, 261, 350, 377, 389, 418, 420, 450
 Цетлины, семья 420
 Цетлин-Доминик А. 420
 Цицерон Марк Туллий 265, 480
 Цицковский Н.С. 43
 Цуринов К.В. 168, 183

- Цыбенко Е.З. 180, 187
Цюрупа А.Д. 137
Цявловский М.А. 234
Чаадаев П.Я. 235, 441, 443
Чайковский П.И. 439
Чаковский А.Б. 587, 624
Чапаев В.И. 521
Чаплин Н.П. 109
Чеботаревская Ал.Н. 258
Чемберлен А. 327, 330
Чемоданов Н.С. 169, 181, 184, 185
Черепнин Н.Н. 44
Черкасов Н.К. 562
Черноуцан И.С. 579
Черных В.А. 146
Чернышевский Н.Г. 244, 363, 414, 601
Чертков В.Г. 151, 152, 159
Чехов А.П. 24, 27-29, 45, 319, 369, 491, 492, 572, 578
Чехонин С.В. 304, 306, 332, 333
Чиковани С.И. 163
Чиннов И.В. 419, 472, 473, 515
Читау М.М. 45
Чичерин Г.В. 117, 118, 125, 128, 135, 137-141
Чубайс А.Б. 50
Чуваков В.Н. 46
Чудаков А.П. 183
Чудакова М.О. 643
Чув Ф. 583
Чуйков В.И. 619
Чуковская Е.Ц. 301-303, 337
Чуковская Л.К. 157, 163, 186, 338, 339, 573, 610, 646
Чуковская М.Б. 342-344
Чуковская М.К. 320, 323, 329, 335, 338, 339
Чуковская М.Н. 321, 323, 325
Чуковская Н.Н. 321, 323, 325, 335
Чуковский Б.К. 335, 337
*Чуковский К.И. 149-152, 159, 160, 186, 234, 301-344, 402, 406, 423, 436, 542, 563
Чуковский Н.К. 321, 323, 325, 327, 328, 335, 562, 563
Чулков Г.И. 235, 237, 250-254
Чулкова А.И. 279
Чупров А.И. 126, 278
Чурилин Т.В. 576
Чуджаев С.Е. 137
Шавшуков-Усангин Е.А. 37
Шагал М.З. 616, 650
Шагал (урожд. Бродская) С. 616
Шагинян М.С. 192, 607
Шаламов В.Т. 566, 570, 573, 575, 576, 587, 646
Шалыгин Ф.И. 79, 80
Шалыгин Ф.Ф. 80
Шанский Н.М. 168, 170, 183
Шаргородский Ю. 543
Шапиро Г. 544, 545
Шатров М.Ф. 63, 68, 71, 585, 644
Шауро В.Ф. 586
Шаховская З.А. 511, 512
Шварц А.Н. 122
Швейцер В.А. 570, 576, 578, 653
Шеварнадзе Э.А. 602, 613
Шевелева Е.В. 538, 653
Шевляков М.В. 20
Шевцов, литератор 627
Шейко Н.М. 609, 647, 653
Шекаразина З. 475-477, 479
Шекспир У. 403, 408, 562
Шелест П.Е. 603
Шенгелая Н. 640
Шер А.Д. 46
Шерон Ж. 192, 398-518
Шестинский О.Н. 612, 653
*Шестов Л.И. 240-243, 269, 271
Шеффель П. 531
Шилейко В.К. 402, 495
Шиллер Ферд. 332, 333
Шкирятов М.Ф. 137
Шкловская В.В. 563, 568, 653
Шкловская (урожд. Корди) В.Г. 533, 548, 549, 563, 653
Шкловская (урожд. Суок, в 1-м браке Нарбут) С.Г. 532, 533, 549, 653
Шкловские, семья 562, 563
Шкловский В.Б. 146, 159, 530, 532, 533, 548, 549, 563, 586, 605, 610, 613, 640, 643, 653
Шляпкин И.А. 223
Шляпников А.Г. 541
Шмалля П. 45
Шмелев И.С. 530, 531
Шмидт С.О. 606

- Шмидт О.Ю. 606
 Шмит Ф.И. 17, 18
 Шмурло Е.Ф. 126, 127, 278
 Шолохов М.А. 112, 569, 587, 596
 Шопен Ф. 439
 Щостакович Д.Д. 568, 625
 Шпенглер О. 313
 Шпильберг А. 628, 630
 Шромм, чешский журналист 135
 Шпетт Г.Г. 240
 Штанге А. 131
 Штейгер А.С. 489, 490
 Штейн Б.Е. 118, 137, 138
 Штейнберг Л.Д. 541-543
 Шток А. 544
 Шток И.В. 525, 536, 543, 546, 559, 645, 653
 Шторх М.Г. 240
 Шуберт Ф. 250
 Шукшин В.М. 628
 Шуламит Ш. 420
 Шуленбург Вернер фон дер 526
 Шулепова Э.А. 471
 Шульгин В.В. 567, 568
 Шульман М.Б. 627, 635, 636, 646, 653
 Шумихин С.В. 521-655
 Щапов И.Д. 38
 Щеголев П.Е. 254, 255, 322, 324
 Щелоков Н.А. 623
 Щербатской Ф.И. 120
 Щербина Ф.А. 126
 Щепкина-Куперник Т.Л. 222, 223
 Щигачев С.П. 569, 613, 624
 Эванс К. 324
 Эйзенхауер Д. 499
 Эйнерлинг (урож. Мышина) Г.А. 24-26
 Эйнерлинг И.С. 26
 Эйнерлинг Н.А. 26
 Эйнштейн М. (Einstein M.) 306
 Эйтингтон (Этингтон, *Котов, *Наумов) Н.И. 571, 653
 Эйхенбаум Б.М. 326, 327, 407
 Экстер А.А. 38
 *Эллис (Кобылинский Л.Л.) 47, 48, 237, 239, 252, 254, 255, 425
 Элькан А. 474
 Элькин Б.И. 350
 Элькина А.А. 350
 *Элоар П. 553
 Энгель, член жюри конкурса 250
 Энгельгардт Б.М. 625
 Энгельгардт Анна Н. 422, 424, 428
 Энгельс Ф. 124
 Эрбетт Ж. 141
 Эргаз Д. 368
 Эрдман (Эрдман-Друцкий) Б.Р. 606, 649, 654
 Эрдман (урож. Друцкая) В.Ф. 606, 649, 654
 Эрдман Н.Р. 606, 654
 Эренбург И.Г. 534, 543, 549, 556, 565-567, 579, 580, 596, 597, 627
 Эренбург И.И. 565, 654
 Эренбург Л.М. 565, 566, 573, 597, 607
 Эрмлер Ф.М. 567
 Эрн В.Ф. 239, 252
 Эррио Э. 119, 142
 Эткинд А.М. 239
 Эткинд Е.Г. 149
 Этов В.И. 172, 179, 185
 Эттинген А.А. 126
 Эттингер П. 144
 Эфрон А.С. 546, 547, 549, 550, 551
 Эфрос Анаг.В. 68, 583
 Эфрос Абр.М. 238
 Юдина М.В. 542
 Южный М. 536
 Южный Я.Д. 44, 45
 *Юзовский Ю. (Бруштейн И.И.) 539, 654
 Юм Д. 331, 333
 Юпатов А.И. 37
 Юренев К.К. 118, 119
 Юркун Ю.И. 428
 Юрский С.Ю. 68, 582
 Юткевич С.И. 638
 Юшин П.Ф. 167-169, 171, 172, 174, 176-178, 181, 185
 Яворская (в браке кн. Барятинская) Л.Б. 222, 223, 226
 Ягич И.В. 126
 Ягода Г.Г. 129, 541, 619, 647
 Ягодкин, секр. МПК 610, 613, 614
 Якир И.Э. 17, 571, 572, 654
 Якир (по мужу Ким) И.П. 619
 Якир П.И. 17, 571, 572, 603, 605, 613, 617, 619, 622, 624, 625, 630, 631, 635, 641, 650, 654

- Якобсон Р.О. 117-120, 132, 133, 135-139, 142, 164-166, 173, 175, 177-181, 185-187, 346, 347, 359, 377, 509
 Яковенко С. 127
 Яковлев В.Л. 128
 Яковлев Ю.В. 521
 Яковлева О.М. 68
 Яковлева Т.А. 576, 577, 585, 586
 Ямпольский Б. 607, 630
 Янгиров Р. 345-397
 Янгфельд Б. 166
 *Яневич М. (Евнина Е.М.) 184
 Янчевский Н.Д. 43
 Ярмолинский А. 305, 306
 *Ярославский Е.М. 104, 137
 Ярцева В.Н. 178, 187
 *Яссен И. (Чеквер Р.С.) 472, 474
 Ястребов Н.В. 135
 Яшин А.Я. 535
- Agushi I. – см. Агуши И.Г.
 Amundsen R. – см. Амундсен Р.
 Aplin H. 302, 327
 Arkwright R. – см. Аркрайт Р.
 Bacon F. – см. Бэкон Ф.
 Baldwin V. – см. Болдвин Б.
 Belmont K.D. – см. Бальмонт К.Д.
 Barrie J. – см. Барри Дж.
 Barry F. – см. Барри Ф.
 Bell L. 211, 212, 214
 Bely A. – см. *Андрей Белый
 Benesh S. 155
 Blake W. – см. Блейк У.
 Boswell J. – см. Босуэлл Д.
 Boyd B. – см. Бойд Б.
 Broccoli M.J. 346
 Brown F.M. – см. Браун Ф.М.
 Browning G.M. 303
 Browning R. – см. Броунинг Р.
 Busch W. – см. Буш В.
 Carlyle T. – см. Карлейль Т.
 Carroll L. – см. Кэрролл Л.
 Cavendish V. – см. Кэвендиш В.
 Cecil R. – см. Сесил Р.
 Chamberlain A. – см. Чемберлен А.
 Chirico G. de 299
 Chukovsky K. – см. *Чуковский К.И.
 Colton J. – см. Колтон Дж.
 Darwin Ch. – см. Дарвин Ч.
 Doyle A.C. – см. *Конан-Дойл А.
 Deutsch V. – см. Дейч В.
 Dyroff A. – см. Дыров А.
 Eekman T. 492
 Evans C. – см. Эванс К.
 Ferguson W. – см. Фергюсон У.
 Ford F.M. – см. Форд Ф.М.
 Forster E.M. – см. Форстер Э.М.
 Freiburger Sheikholeslami E. 191
 Garrick D. – см. Гаррик Д.
 Gasparov B. 244
 Gershenson M.O. – см. Гершензон М.О.
 Goldsmith O. – см. Гольдсмит О.
 Gonzala, жилец пансиона 270
 Grabisch A.V. – см. Грабиш А.Б.
 Gregory I. – см. Грегори И.
 Grey E. – см. Грей Э.
 Grynberg R. – см. Гринберг Р.Н.
 Groeger W. – см. Грэггер В.
 Hall S. – см. Холл С.
 Hargreaves J. – см. Харгривс Дж.
 Harris F. – см. Харрис Ф.
 Heywood A.J. 303
 Horch Franz v. H. 18
 Horst L. 191
 Hughes R.P. 244
 Hume D. – см. Юм Д.
 Huxley A. – см. Хаксли О.
 Ivanov G. – см. Иванов Г.В.
 Jacobson R. – см. Якобсон Р.О.
 Jacobs W. – см. Джэкобс У.
 Janecsek G. 237
 Jellicoe J. – см. Джеллико Дж.
 Jenner E. – см. Дженнер Э.
 Jerome K.J. – см. Джером К.Д.
 Johnson S. – см. Джонсон С.
 Joyce J. – см. Джойс Дж.
 Karlinsky S. – см. Карлинский С.А.
 Karpovich M. – см. Карпович М.М.
 Keats J. – см. Китс Дж.
 Keller H. – см. Келлер Е.
 Kellermann V. – см. Келлерман В.
 Kellermann M. – см. Келлерман М.
 Khlebnikov V. – см. Хлебников В.В.
 Kitchener H. – см. Китченер Г.
 Levin A. 237
 Lewis R.A. 122

- Lo Gatto E. – см. Ло Гатто Э.
 Lomonossoff G.P. 303
 Lomonossoff N. 303
 Lunz N. 294
 Macaulay T. – см. Маколей Т.
 Malmstad J.E. – см. Мальмстад Дж.
 Mansfield K. – см. Мэнсфилд К.
 Mare W. de la – см. Мэр У. де ля
 Markov V. – см. Марков В.Ф.
 Maugham W.S. – см. Мозэм У.С.
 McCormack W. 312
 Miller H. – см. Миллер Г.
 Milne A. – см. Милн А.
 Montessori M. – см. Монтессори М.
 Nabokov V. – см. Набоков В.В.
 Nabokov D. – см. Набоков Д.В.
 Neginsky R. 192
 Nicholson C. – см. Никольсон С.
 Noakes R. 303
 O'Casey S. – см. О'Кейси Ш.
 Odojevceva I. – см. *Одоевцева И.В.
 *O'Henry – см. *О'Генри
 Paperno I. 244
 Pasternak B. – см. Пастернак Б.Л.
 Patterson R.L. – см. Патерсон Р.
 Randolph C. – см. Рандольф К.
 Rebeyrol, домохозяйка А.Белого 258
 Reese H. 303
 Reinhardts M. – см. Рейнгардт М.
 Reynolds J. – см. Рейнольдс Д.
 Remizova-Dovgello S.P. 191
 Robinson E. – см. Робинсон Э.
 Roosevelt T. – см. Рузвельт Т.
 Rossetti D.G. – см. Россетти Д.Г.
 Rossetti W.M. – см. Россетти У.М.
 Rothe H. – см. Роте Г.
 Schiller F. – см. Шиллер Ф.
 Scholz F. – 405
 Scopes C. 303
 Slonim M. – см. Слоним М.Л.
 Smith E. – см. Смит Э.
 Smith G. – см. Смит Г.
 Soskice J. – см. Соскис Дж.
 Sparks M. – см. Спаркс М.
 Spengler O. – см. Шпенглер О.
 Spencer H. – см. Спенсер Г.
 Splatt (Сплатт), mrs. – приемная мать
 Е.Овербек 217, 219-221, 227
 Struve G. – см. Струве Г.П.
 Stuart D.J. 192
 Tamborra A. 278
 Thomson Ch. – см. Томсон К.
 Umberto Zanotti Bianco – см. Цанотти
 Бианко У.
 Urie (в замужестве Ноерг) Janet – см.
 Ури Д.
 Urie J. – см. Ури Дж.
 Urie C. – см. Ури К.
 Valentinov N. – см. *Валентинов Н.
 Vernadsky G. 127
 Villard O.G. – см. Виллард О.Г.
 Werner X. – см. Вернер К.
 Wilson E. – см. Вильсон Э.
 Wordsworth W. – см. Вордсворт У.
 Yarmolinsky A. – Ярмолинский А.
 Yeats W. – см. Йетс У.

АННОТАЦИИ

Воспоминания

В.П.Нечаев. В поисках прошлого.

Старый архивист, ныне – директор Центральной научно-исследовательской библиотеки СТД, рассказывает о трудностях поиска материалов и биографических сведений в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов, в атмосфере всеобщей секретности, недоверия и страха; о методике работы, находках и встречах с людьми. 36 с.

Владимир Аллой. Дым отечества.

Главы из второй части «Записок аутсайдера», опубликованных в альманахе «Минувшее». Автор повествует о первых годах «перестройки» и восприятии событий глазами эмигранта, о попытках налаживания научных связей диаспоры и метрополии, о строительстве совместного книжного дела и постепенном переносе издательской деятельности из Парижа в Москву. 39 с.

Интеллигенция и власть

Александр Добкин. С.А.Соколов-Кречетов: От «Золотого Руна» к «Русской Правде».

На основании опубликованных и архивных документов автор прослеживает эволюцию одного из деятельных участников символистского движения начала века, поэта, публициста и издателя, оказавшегося на Западе и прокламировавшего активную борьбу с советским режимом в двадцатые–тридцатые годы. 9 с.

Борис Фрезинский. Сюжет из истории большевистской этики.

Публикуя неизданную переписку А.Луначарского и Л.Троцкого (весна 1926 года), автор пытается реконструировать нравственную атмосферу в среде советских лидеров и этические нор-

мы, характерные для партийной элиты в период, когда после смерти Ленина в стране обострилась борьба за власть. 16 с.

М.Ю.Сорокина. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый».

Документы из Архива внешней политики МИД РФ дают возможность автору проследить закулисную сторону юбилейных торжеств, связанных с 200-летием Российской Академии наук (1925 год): попытки советского режима выйти из международной изоляции, используя западное научное сообщество для своих внутривластных целей, постепенная этатизация российской науки, амбиции отдельных большевистских лидеров и руководства Академии – все это развивается на фоне дипломатических интриг, в центре которых оказывается Р.О.Якобсон, бывший в те годы сотрудником советского полпредства. 26 с.

«Вы – чудо доброты...» К истории одной переписки. Публикация Александра Парниса.

Письма Бориса Пастернака (1956–1957) к Софье Николаевне Мотовиловой предваряются подробным рассказом об адресате, об истории взаимоотношений корреспондентов, начавшейся еще в годы революции в библиотечном отделении Наркомпроса. Подробно рассматривается история публикации романа «Доктор Живаго» и попытки напечатать рукопись воспоминаний Мотовиловой. 21 с.

Три выпускника (Борис Пастернак, Роман Якобсон и Вяч. Вс. Иванов в документах партбюро филологического факультета МГУ). Публикация Дмитрия Зубарева.

Приводятся протоколы заседаний партбюро, посвященных «делу Вячеслава Всеволодовича Иванова» (1958 год). Обвиняемому инкриминировались дружеские отношения с опальным Пастернаком, общение с Романом Якобсоном и прочие «идеологические преступления», а само дело завершилось увольнением Иванова из МГУ. В примечаниях дается подробный биографический указатель по всем участникам событий. 25 с.

Из истории литературной жизни

Письма Зинаиды Гипшиус к В.Д.Комаровой. Предисловие, публикация и комментарии Н.А.Богомолова.

28 писем Зинаиды Гипшиус относятся к начальному периоду ее литературной деятельности, когда она пыталась выйти за пределы «декадентских» изданий, попасть в признанные литературные журналы типа «Вестника Европы». Адресат писем и по родственным связям (племянница В.В.Стасова), и по своему общественному положению принадлежит именно к тому литератур-

ному истеблишменту, куда стремились Мережковские. Этим обстоятельством в значительной мере и определяется характер переписки. Вступительная статья и подробные комментарии вводят письма в исторический контекст и дают обширную информацию об упоминаемых событиях и лицах. 30 с.

Переписка Андрея Белого и М.О.Гершензона. Вступительная статья, публикация и комментарии А.В.Лаврова и Джона Мальмстада.

Представляемый эпистолярный фонд охватывает почти двадцатилетние дружеские отношения писателей, возникшие по инициативе Михаила Гершензона еще в 1907 и завершившиеся лишь с его смертью в 1925. Кончину Гершензона Белый воспринял как катастрофу: «Умер в Москве последний “старший друг”. Больше мне <...> не на кого опереться». Письма дополняют картину до- и пореволюционной литературной жизни, выявляют общность подхода корреспондентов в осмыслении художественного творчества и самой действительности, в которой, особенно в последний период, оба ощущают свое изгойство. В приложении публикуется письмо Белого вдове Гершензона. 46 с.

Письма В.Ходасевича и Н.Берберовой. Из архива Ольги Ресневич-Синьорелли (1923–1932). Публикация Э.Гарэтто.

18 писем к известной итальянской переводчице и пропагандисту русской культуры касаются в основном начального периода эмиграции Ходасевича и Берберовой, их жизни в Берлине, на Капри у Горького и в Париже, с неустроенностью эмигрантского быта и неопределенностью дальнейшей судьбы. Во вступительной статье и комментариях раскрываются детали взаимоотношений корреспондентов, прослеживается роль О.Синьорелли в организации помощи русским эмигрантам, дается обильная информация об упоминаемых событиях и лицах. 24 с.

«Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» Избранные письма К.И.Чуковского к Р.Н.Ломоносовой. 1925–1926. Публикация Ричарда Дэвиса. Предисловие Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса.

Публикация продолжает эпистолярную серию, основанную на материалах семьи Ломоносовых в русском архиве при Лидском университете (после писем Пастернака и Цветаевой, появившихся в альманахе «Минувшее»). Предлагаемая подборка относится к чрезвычайно трудному периоду в жизни Чуковского: закрыт журнал «Русский Современник», где он был одним из редакторов, начались нападки на его детские книги... Чуковский, однако, не ограничивается подробным рассказом о своей жизни, значительная часть писем посвящена судьбам его товарищей по литературному цеху, возможностям переводов их книг, описанию литературного быта тех лет. Подробный комментарий раскрывает бегло упоминаемые факты и события. 44 с.

«Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967). Публикация, предисловие и комментарии Рашида Янгирова.

Первая часть обширного фонда, представляющего почти тридцатилетнюю переписку корреспондентов, связанных дружескими и литературными отношениями, общим кругом друзей и культурных интересов. События частной жизни переплетаются в ней с размышлениями о творчестве, обсуждением журнала «Опыт», который редактировал Гринберг и где активно сотрудничал Набоков, с рефлексией по широчайшему спектру тем – от политики до философии. Переписка открывает малоизвестного «русского» Набокова американского периода. Публикация снабжена детальными примечаниями. 53 с.

«...Я не имею отношения к Серебряному веку...» Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона.

Обширный корпус писем, в которых Одоевцева обсуждает до- и, главным образом, послевоенную литературную жизнь русской диаспоры, вспоминает людей и события петербургских лет, детально описывает последний период жизни Георгия Иванова. Подробный комментарий содержит множество дополнительной информации и восстанавливает контекст описываемых событий. 121 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Александр Гладков. «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1973). Предисловие и публикация Сергея Шумихина.

Автор – известный драматург, поэт, мемуарист, эссеист – на протяжении почти всей сознательной жизни вел подробные дневниковые записи, создавая главную свою книгу: «На каждом шагу новелла, и стоит только записывать то, что видишь вокруг, и это будет страшно интересно и важнее выдуманных жизней тусклых людей, о которых мы пытаемся писать». Вовлеченность автора в литературную и общественную жизнь столицы делает дневник предельно насыщенным в фактическом отношении. Настоящая публикация представляет лишь небольшие фрагменты этой «книги жизни». Текст снабжен именным указателем большинства упоминаемых автором лиц. 134 с.

ABSTRACTS

Memoirs

V.P.Nechaev. In search of the past.

The author, an experienced archivist, who is currently director of the STD Research Library, describes the difficulty of finding source materials and biographical information in the atmosphere of general secretiveness, mistrust and fear that reigned in the late 1950s and early 1960s. He describes his professional methods, discoveries he made and people he met. 36 pp.

Vladimir Alloy. The smoke of the fatherland.

Chapters from the second part of «Notes of an Outsider», the first part of which appeared in «Minuvshee». The author writes about the first years of «Perestroika» and how events were viewed by an émigré, about attempts to forge links between researchers in the diaspora and Russia itself, about the creation of a joint publishing venture and the gradual transfer of its activities from Paris to Moscow. 39 pp.

The Intelligentsia and the Rulers

Aleksandr Dobkin. S.A.Sokolov-Krechetov: From «Zolotoe Runo» to «Rus-skaia Pravda».

The author uses published and archival documents to trace the evolution of one of the active participants of the Symbolist movement at the start of the 20th century, a poet, journalist and publisher, who left Soviet Russia for the West and called for active opposition to the Soviet regime in the 1920s and 1930s. 9 pp.

Boris Frezinskii. An episode in the history of Bolshevik ethics.

Using previously unpublished correspondence between Lunacharskii and Trotskii from the spring of 1926, the author attempts to recreate the moral atmosphere among Soviet leaders and the ethical norms adopted by the Party elite in the period after Lenin's death, when the struggle for power became particularly vicious. 16 pp.

M.Iu.Sorokina. «Unreliable, but absolutely irreplaceable».

Documents from the Foreign Policy Archive of the Foreign Ministry of the Russian Federation enable the author to penetrate behind the scenes of the jubilee celebrations on the occasion of the bicentenary of the Russian Academy of Sciences in 1925: the Soviet regime's attempts to break out of international isolation by using the Western scientific community for its own internal political purposes, the gradual subordination of Russian science to the state, the ambitions of individual Bolshevik leaders and those in charge of the

Russian Academy -- all against a background of diplomatic intrigues, with at their centre Roman Jakobson, at that time working for the Soviet legation in Prague. 26 pp.

«You are a miracle of goodness...»: The story of a correspondence. Edited by Aleksandr Parnis.

Boris Pasternak's letters to Sofia Nikolaevna Motovilova in 1956–1957 are preceded by a detailed account of Motovilova's life and the two correspondents' relations, which began in the first years after the Revolution in the Library Department of the People's Commissariat for Education. The story of the publication of «Doctor Zhivago» and of attempts to have the manuscript of Motovilova's memoirs published are examined in detail. 21 pp.

Three alumni: Boris Pasternak, Roman Jakobson and Viacheslav Vsevolodovich Ivanov in the files of the Party Bureau of the Philological Faculty of Moscow State University. Edited by Dmitrii Zubarev.

This publication draws upon the minutes of Party Bureau meetings about «The Case of Viacheslav Vsevolodovich Ivanov» in 1958. Ivanov was accused of being friends with the disgraced Pasternak, of having contacts with Roman Jakobson and of other «ideological crimes», and the case culminated in his expulsion from Moscow State University. The notes include a detailed biographical glossary of all the participants in the events described. 25 pp.

From the history of Russian literary life

Zinaida Gippius' letters to V.D.Komarova. Introduced, edited and annotated by N.A.Bogomolov.

The 28 letters by Zinaida Gippius published here belong to the early period of her literary career, when she was trying to break out of the circle of «Decadent» publications and to be accepted by reputable literary journals like «Vestnik Evropy». Both through her family connections (she was V.V.Stasov's niece) and by her social position, V.D.Komarova belonged to the very literary establishment Gippius and Merezhkovskii wished to join. This circumstance significantly influenced their correspondence. The introduction and detailed annotations place the letters in their historical context and provide extensive information about the people and events mentioned in them. 30 pp.

The correspondence of Andrei Belyi and M.O.Gershenzon. Introduced, edited and annotated by A.V.Lavrov and John Malmstad.

The body of letters presented here encompasses almost 20 years of their writers' friendly exchanges, starting on Mikhail Gershenzon's initiative as early as 1907 and only ending on his death in 1925. Belyi treated Gershenzon's death as a catastrophe: «My last "old friend" has died in Moscow. There is no one left I can rely on for support». The

letters add to our knowledge of literary life before and after the revolution, show their writers' common approach to understanding artistic creativity and reality itself, within which – particularly in the final period – they both felt themselves to be outcasts. A letter from Belyi to Gershenzon's widow is published as an appendix. 46 pp.

Letters from V.Khodasevich and N.Berberova (1923–1932): From the Ol'ga Resnevich-Signorelli archive. Edited by E.Garetto.

These 18 letters to the well-known Italian translator and promoter of Russian culture mainly deal with the beginning of Khodasevich's and Berberova's period in emigration, their life in Berlin, on Capri with Gorky and in Paris, with all the instability of émigré life and the unpredictability of their future. The introduction and annotations give a detailed view of the correspondents' relations, show O.Signorelli's role in organising assistance for Russian émigrés and provide extensive information about the people and events mentioned. 24 pp.

«Oh, everyone should have his own Lomonosova...»: Selected letters from K.I.Chukovskii to R.N.Lomonosova, 1925–1926. Edited by Richard Davies, introduced by Elena Chukovskaia and Richard Davies.

This publication continues the series of correspondence editions based on the Lomonosov family papers in the Leeds Russian Archive (it follows the Pasternak and Tsvetaeva letters already published in «Minuvshee»). The selection presented here comes from an exceptionally difficult period in Chukovskii's life: the closure of the journal «Russkii Sovremennik», of which he had been an editor, attacks on his children's books... However, Chukovskii does not limit himself to a detailed account of his own life, devoting a significant part of his letters to the fate of his fellow-writers and the possibility of arranging translations of their books, and describing literary life in those years. The detailed annotations illuminate many facts and events mentioned en passant. 44 pp.

«The squeaking of my rusty Russian strings...»: From the correspondence of Vladimir and Vera Nabokov with Roman Grinberg (1940–1967). Edited, introduced and annotated by Rashit Iangirov.

This first publication drawn from an extensive body of letters presents a correspondence over almost thirty years between people who were friends and had common literary and cultural interests and a shared circle of friends. Events from their personal lives are interwoven in their letters with reflections on creativity, discussions of the journal «Opyty», which Grinberg edited and in which Nabokov played an active part, and with consideration of a very wide range of topics – from politics to philosophy. The correspondence reveals a little-known «Russian» Nabokov in his American period. The publication is provided with detailed annotations. 53 pp.

«...I have no connection with the Silver Age...»: Letters of Irina Odoevtseva to Vladimir Markov (1956–1975). Edited by Oleg Korostelev and George Cheron.

In this extensive body of letters Odoevtseva discusses the pre- and, chiefly, post-War literary life of the Russian diaspora, recalls people and events of her St.Petersburg years and describes in detail Georgii Ivanov's final years. The detailed annotations contain much supplementary information and reconstruct the context of the events described. 121 pp.

Diaries, notebooks, marginalia

Aleksandr Gladkov. «I do not acknowledge history without the details...»: Extracts from the diaries for 1945–1973. Introduced and edited by Sergei Shumikhin.

The author, a well-known playwright, poet, memoirist, essayist, kept detailed diaries for almost the whole of his life, thereby creating his most important book: «There is story at every turn, and you just have to write down what you see around you, and it will be amazingly interesting and more important than the invented lives of the dull people we try to write about». The involvement of the author in the literary and social life of Moscow results in his diary being densely saturated with factual information. This publication only presents small fragments of this «book of life». It is provided with a name glossary of the majority of the people mentioned by the author. 134 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

В.П.Нечаев. В поисках прошлого	13
Владимир Аллой. Дым отечества	49

Интеллигенция и власть

Александр Добкин. С.А.Соколов-Кречетов: От «Золотого Руна» к «Русской Правде»	91
Борис Фрезинский. Сюжет из истории большевистской этики	100
М.Ю.Сорокина. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый...» 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Яacobсона»	117
«Вы – чудо доброты...» К истории одной переписки. Публикация Александра Парниса	143
Три выпускника (Борис Пастернак, Роман Яacobсон и Вяч. Вс. Иванов в документах партбюро филологического факультета МГУ). Публикация Дмитрия Зубарева	164

Из истории литературной жизни

Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д.Комаровой. Предисловие, публикация и комментарии Н.А.Богомолова	191
Переписка Андрея Белого и М.О.Гершензона. Вступительная статья, публикация и комментарии А.В.Лаврова и Джона Мальмстада	231
Письма В.Ходасевича и Н.Берберовой. Из архива Ольги Ресневич-Синьорелли (1923–1932). Публикация Э.Гарэтто	277
«Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...» Избранные письма К.И.Чуковского к Р.Н.Ломоносовой. 1925–1926. Публикация Ричарда Дэвиса. Предисловие Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса	301

«Дребезжание моих ржавых русских струн...» Из переписки Владимира и Веры Набоковых и Романа Гринберга (1940–1967). Публикация, предисловие и комментарии Рашида Янгирова	345
«...Я не имею отношения к Серебряному веку...» Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). Публикация Олега Коростелева и Жоржа Шерона	398
Дневники, записные книжки, маргиналии Александр Гладков. «Я не признаю историю без подробностей...». (Из дневниковых записей 1945–1973). Предисловие и публикация Сергея Шумихина	521
Аппенх	
Указатель имен	657
Аннотации	683

Издательство
ATHENEUM

приступает к выпуску
исторического альманаха

ДИАСПОРА

Культурное, политическое, философское, научное, художественное наследие русской эмиграции за более чем вековую историю; взаимосвязи с метрополией; взаимовлияние идейных и эстетических концепций; политическая и общественная деятельность; попытки использования эмигрантских организаций советским режимом; церковная и частная жизнь, бытование эмиграции в чуждом языковом и культурном окружении – все эти и множество других аспектов жизни диаспоры найдут место на страницах альманаха.

Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных ученых, историков и архивистов, соотечественников всех «волн» и поколений эмиграции, где бы они ни находились. Присылайте нам статьи и публикации, семейные фотографии, копии мемуаров, дневников, писем, документов.

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

О.А.Коростелев. Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128.
Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: korostyl@glasnet.ru

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia.
Tel/Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@sky-link.it

Адрес редакции:

V.Alloy. Editions Atheneum, 1, rue Auguste Maquet, 75016 Paris, France.
Tel.: 01 42 88 43 15. E-mail: vladathen@nettaxi.com

IN MEMORIAM
Исторический сборник
памяти А.И.Добкина

Составители В.Е.Аллоя, Т.Б.Притыкина

ФЕНИКС–ATHENEUM

ЛР № 064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.04.2000. Формат 60 x 88/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 43,5 п.л. Тираж 700 экз. Заказ № 3154

Издательство «Феникс»: 193060, Санкт-Петербург,
ул.Смольного, 1/3, подъезд 6а

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12